научный рецензируемый цитируемый журнал

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВАК

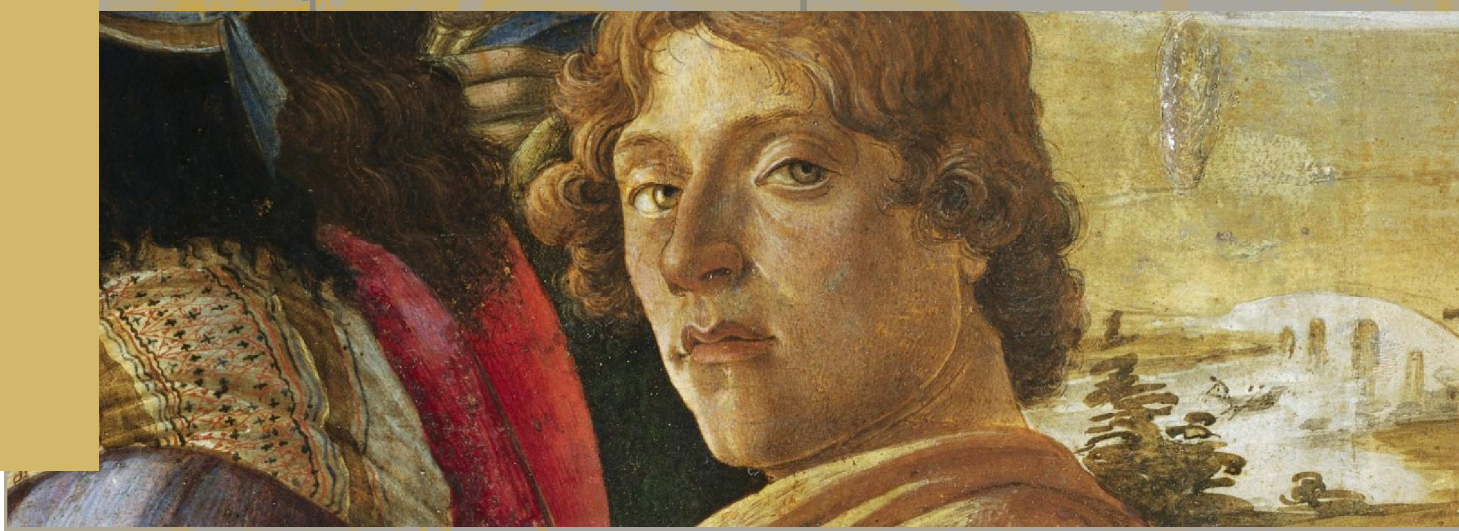
КАНТ

№ 4(45)

декабрь 2022

ISSN 2222-243X

Повод для оптимизма

Философ и журналист Кевин Келли, озабоченный проблемами кибернетики, будущего технологий и экономики, настаивает, что оптимисты формируют будущее, и предлагает определить для себя набор причин, по которым мы должны быть оптимистичны прямо сейчас.

Мы должны доверять будущему. Оптимистичный долгосрочный взгляд позволяет нам отказаться от дешевой прибыли в краткосрочной перспективе, которая может окупиться в долгосрочной перспективе. Это может позволить нам заплатить цену сейчас, чтобы быть готовыми к неизбежным бедствиям, которые обязательно настигнут нас со временем (пандемии, штормы, удары астероидов). Это означает накопление запасов во время излишков на случай голода. Оптимизм позволяет нам достигать хороших и великих вещей, недоступных одному поколению. Так работает прогресс.

В последние годы наша вера в прогресс пошатнулась. Проблемы общества настолько очевидны, что будущее представляется безрадостным. По словам Кевина Келли, есть три причины, по которым люди склонны полагать, что ситуация становится хуже, а не лучше.

Во-первых, всё потому, что прогресс в основном касается того, чего не происходит. Прогресс включает 92-летнего старика, который не умер сегодня ночью, мальчика, которого не ограбили по дороге в школу, 12-летнюю девушку, не состоящую в браке с 30-летним мужчиной и т. д. Но то, что не произошло, не делает новости. Лучшие эпизоды в истории цивилизации не попадают в заголовки.

Во-вторых, плохое происходит быстро, а хорошее занимает больше времени. Поэтому, когда мы спрашиваем, что произошло в последнем цикле новостей (последние пять минут), мы видим только быстро меняющиеся события, в основном плохие новости. Хорошее занимает больше времени, чем цикл новостей. Если бы газеты и веб-сайты обновлялись каждые 50 лет, они могли бы сообщать: грамотность растет, продолжительность жизни увеличивается, насилие снижается.

В-третьих, решения большинства проблем создают новые проблемы. Но если мы можем создать на 1% больше решений, чем проблем, этот 1%, усугубляемый десятилетиями, равен цивилизации. Однако 1% почти всегда невидим в настоящем, теряется в шуме. Такая небольшая разница действительно видна только в накоплении – в ретроспективе.

Поэтому оптимизм по своей природе трудно увидеть в реальной жизни. Он, как подводное течение, которое требует тщательного подсчета, а не только прослушивания дразнящих анекдотов. Также предполагается, что оптимизм направлен в будущее. Но оптимизм также возникает из глубокого взгляда на прошлое. Оптимизм смотрит за пределы поверхностного, чтобы считаться с сущностью более глубоких изменений.

Мы должны быть оптимистичны не потому, что наши проблемы меньше, чем мы думаем, а потому, что наша способность решать их больше, чем мы думаем.

KANT 3(44)'2022

Научный рецензируемый цитируемый журнал универсальной тематики (социогуманитарные науки, экономика, менеджмент, маркетинг, финансы, информационные технологии). Издается с 2011 года. Выходит 4 раза в год

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83359 от 7 июня 2022 года. Подписной индекс по каталогу «Пресса России» – Т62200.

Двухлетний импакт-фактор – 0,730. Пятилетний импакт-фактор – 0,299

ISSN 2222-243X

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК России по следующим отраслям науки: 5.2. Экономика; 5.7. Философия; 5.8. Педагогика.
Номер в списке – 54

Уважаемые читатели!

Научный журнал «Kant» ориентирован на междисциплинарный диалог с последующей публикацией исследований, в фокусе которых находятся проблемы образовательного пространства, экономические тенденции и их неэкономические следствия, в том числе в свете философского осмысления. Построенная на традиционных этических принципах научной периодики, разработанных COPE, и полагающаяся на стандарты Международной социологической ассоциации редакционная политика журнала направлена на создание открытой площадки обмена научной информацией, результатами фундаментальных и прикладных исследований специалистов академического и экспертно-аналитического профиля. В своей деятельности редакция журнала руководствуется принципами научности, профессионализма, объективности. Журнал нацелен на создание и поддержку единого пространства научной коммуникации в стремлении преодолеть информационную пропасть между изданиями регионального, федерального и международного уровня. Критериями статей служат актуальность, научная новизна и научная достоверность представленных материалов, практическая значимость, уровень оригинальности представленного материала, а также качество его изложения. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией на основе мнений ведущих ученых, привлекаемых в качестве рецензентов и экспертов.

Приглашаем "окантовать" свои исследовательские работы всех заинтересованных лиц.

Шеф-редактор журнала
к. полит. н. М.А. Григорьева

KANT

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ООО "Издательство
СТАВРОЛИТ"

СТАВРОЛИТ издательство

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Григорьев А.Ф., д. культурологии, проф. (Ставрополь, Россия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Агаркова Л.В., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Бабаян А.В., д. пед. н., проф. (Пятигорск, Россия)
Билалов М.И., д. филос. н., проф. (Махачкала, Дагестан)
Бичеев Б.А., д. филос. н. (Элиста, Калмыкия)
Бобрышов С.В., д. пед. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Великая Н.Н., д. ист. н., проф. (Краснодар, Россия)
Воеводин А.П., д-р филос. н., проф. (Луганск, ЛНР)
Воробьев Н.Н., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Грачев С.И., д. полит. н., проф. (Н. Новгород, Россия)
Гриценко В.П., д-р филос. н., проф. (Краснодар, Россия)
Гурнович Т.Г., д. э. н., проф. (Краснодар, Россия)
Давыдянц Д.Е., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Деменчонок Э.В., д-р филос., проф. (Пич-Каунти, США)
Жидков В.Е., д. т. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Захарова Е.Н., д. э. н., проф. (Майкоп, Россия)
Косов Г.В., д. полит. н., проф. (Севастополь, Республика Крым)
Костина А.В., д. культурологии, д. филос. н., проф. (Москва, Россия)
Костюкова Е.И., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Крохичева Г.Е., д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону, Россия)
Кудрина Е.Л., д. пед. н., проф. (Кемерово, Россия)
Лёш фон Хельмут, д. музыковедения (Берлин, Германия)
Лю Сяоянь, д. филолог. н., проф. (Пекин, КНР)
Миллер Дж., д. э. н., проф. (Питсбург, США)
Плугина М.И., д. психол. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Прабхакара Джатьяло Рао, проф. лингвистики (Хайберабат, Индия)
Свекатовски Р., д. э. н., проф. (Познань, Польша)
Скрипкина А.В., д-р пед. н., доц. (Москва, Россия)
Солопанова О.Ю., д-р пед. н., проф. (Краснодар, Россия)
Тамов А.А., д. э. н., проф. (Майкоп, Россия)
Туравец Н.Р., д. пед. н., проф. (Белгород, Россия)
Фурсов В.А., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Целковников Б.М., д. пед. н., проф., член-корр. МАНПО (Краснодар, Россия)
Шутьков А.А., академик РАН, д. э. н., проф. (Москва, Россия)

ИЗДАТЕЛЬ: **ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"**
ИНН/КПП **2635120079/263501001**
Адрес изд-ва и редакции: **355044, Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44;** Тел.: **8(962 4) 52-84-02**
E-mail: **info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru;** Сайт: **stavrolit.ru/kant**

©"KANT", 2022, №4(45), 1-350 с.

Выпускающий редактор **А.Д. Григорьева**
Дизайн обложки **М.А. Мирошниченко**
Техническое редактирование и верстка **П.В. Арсентьева**
Корректура **К.Д. Ковтун**
Подписано в печать 10.12.2022. Выход в свет 25.01.2023. Формат 84 x 108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура MyriadPro. Печ. л. 41,85. Уч.-изд. л. 66,96. Тираж 1000 экз. Заказ № 604. Свободная цена.

В НОМЕРЕ

ЭКОНОМИКА 5.2.

АКОПЯН Е.А., ГУСЕЛЬЩИКОВА Н.Б., СЕРДЮКОВА О.И. Практика применения механизмов муниципально-частного партнерства как инструмента социально-экономического развития муниципального образования на примере городского округа Нальчик ---------- 4

БОНДАРЕВА Я.Ю. Сущностно-классификационные аспекты понятий связности, близости и общности элементов экономического пространства в контексте их взаимодействия и процессов сетизации региональной экономики ---------- 9

ВАСИЛЬЕВ А.Н. Государственные инвестиции в стратегические проекты как инструмент индикативного управления ---------- 15

ВОРОБЬЕВ Н.Н., ПЕЛЕВИН И.Ю. Траектория социально-экономического развития сельских территорий ---------- 22

ГОГОЛЮХИНА М.Е., МАМЕДОВА Л.Э., ЖИНКИНА Т.Н. Прогнозирование жизненного цикла судостроительной продукции с использованием универсальной экспоненциальной зависимости ---------- 35

ДЕНИСОВ Д.М. Современное состояние и перспективы экспорта образовательных услуг вузов РФ в страны СНГ ---------- 40

ДИБИРОВ А.А. Принципы цифровой трансформации цепей поставок продовольствия ---------- 44

ДИБИРОВА Х.А. Направления цифровой трансформации молочно-продуктового подкомплекса СЗФО РФ ---------- 50

ЗАХМАТОВ Д.Ю. Направления устойчивого развития стандартов оценки стоимости бизнеса и активов ---------- 55

КАРАБИЦИНА Е.Ф., ЯМЩИКОВ А.С., ГУЦ Д.С. Применение результатов оценки качества услуг социально-ориентированных некоммерческих организаций при реализации мер государственной поддержки ---------- 61

КАРВИЦКАЯ Г.В., МИШАКОВА Н.А., ПЕРЕКАТИЕВА Т.А. Экономический потенциал территории и развитие туризма ---- 66

КОСТЕННИКОВ А.И. Маркетинг инфраструктуры как один из факторов развития конкурентных преимуществ муниципальных образований ---------- 72

МЕГАЕВА С.В., БРАТКОВА В.В., ЛОСЕВА А.С. Новое и изменения в бухгалтерском и налоговом учете в 2023 году ---------- 78

МУХАЧЕВА А.В., ПАРФЕНОВ А.А., ЛАРИН С.С. Развитие социального предпринимательства в России как фактор повышения качества жизни населения ---------- 83

САМОХВАЛОВ А.Ю. Развитие инфраструктуры электронной торговли в России на современном этапе ---------- 91

САНГАДИЕВА И.Г., ТИМОФЕЕВ В.И. Направления оценки функционирования рынка овощей в Республике Бурятия ---------- 95

SEIDAMETOVA Z.S., TEMNENKO V.A. The World in economic indices depending on a country's size. V. The Military Index ---------- 99

SEIDAMETOVA Z.S., TEMNENKO V.A. The World in economic indices depending on a country's size. VI. The Global Military Swarm over {GDP, Population}-plane ---------- 104

ФИЛОСОФИЯ 5.7.

БУРЛОВА Ю.А., БАКЛАНОВА О.А. Социальная норма как функциональный механизм социальности ---------- 112

КОЛЕСОВА О.В. Философское осмысление понятия креативности, его элементов, инструментов и их оптимальной реализации - 115

КОНСТАНТИНОВ Д.В. Любовь к человеку на грани насилия: можно ли сделать человека счастливым? ---------- 122

КУПАРАШВИЛИ М.Д. В сумерках незавершенных значений Жака Лакана ---------- 126

ЛАНГ П.П. Перспективы свободы индивида в условиях общества риска ---------- 141

МАКАРОВ И.Л. Социокультурная адаптация к процессам современной модернизации ------- 145

ПОЛОМОШНОВ А.Ф., КОТЛЯРОВА Е.А. Дуализм природы человека в антропологии Э. Фромма ---------- 149

СЕРГОДЕЕВА Е.А., ГУЛЯК И.И., ВАРТАНОВА Л.Р. Культурные травмы социальной модернизации и возможности их преодоления (на примере Карачаево-Черкесской республики) ---------- 156

СМИРНОВ Р.К. Социально-философский анализ прекариата как "могильщика" пролетариата ---------- 161

СУХОВСКАЯ Д.Н. Образовательное пространство в эпоху постмодерна: вызовы и перспективы ---------- 166

СУХОВСКАЯ Д.Н. Особенности формирования образовательного потенциала креативных пространств города в рамках теории когнитивного восприятия городской среды К. Линча ---------- 171

ХАДЖАРОВ М.Х., ВЯЛЫХ В.В., НИКОЛАЕВА Г.П. Категория витальности как доминанта культурного и политического дискурса авторитаризма в условиях ковид-19 ---------- 175

ПЕДАГОГИКА 5.8.

АРАНОВСКАЯ И.В., ГУ ИФАНЬ. Эстетическое воспитание студентов в системе высшего музыкального образования Китая ---------- 180

БАКУЛИН Н.П. Формирование профессиональных компетенций по обеспечению безопасности у сотрудников правопорядка при обнаружении взрывоопасных предметов ---------- 187

БОНДАРЕНКО Т.А., РУДНЕВА И.А. Педагогическая мастерская как средство методической подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников ----- 192

ВАХИДОВА Л.В., АЙДАГУЛОВА А.Р. Инновационные образовательные технологии в социализации и профессионализации личности в условиях медиасреды вуза ---------- 197

ВЕТРОВ Ю.П., БЕЛОУС О.В., ХЛУДОВА Л.Н. К вопросу о готовности

российского учителя к "цифровой школе будущего" ---------- 204

ВОРОБЬЕВА С.М., ДОНСКИХ В.В. Влияние мотивации достижения успеха и избегания неудач на стрелковые результаты спортсменов-студентов, занимающихся пулевой стрельбой ---------- 212

ГЕРЛАХ И.В., ТВЕЛОВА И.А., СПИРИНА О.Н. Профессиональные дефициты учителей в области коммуникативных компетенций, проявляющиеся в условиях цифровой трансформации образования --------- 218

DIOUANI REFKA. Instructional design as an effective tool in teaching foreign languages ---------- 225

КАСКО Ж.А., БУЯНОВА И.Б. Диагностический инструментарий исследования уровня практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе ---------- 229

КИРИЧЕНКО А.М. Контроль иноязычной коммуникативной компетенции бакалавров в рамках технологии blended learning ---------- 235

КОРУХОВА Л.В. Современные образовательные Интернет-ресурсы при обучении английскому языку ---------- 241

КРАУЗЕ А.А., СОЛОВЬЕВА С.И., ШИШИГИН А.В. Проблема формирования современного субъекта цифровой реальности в образовательной среде ---------- 245

ЛАЗАРЕВ М.А., ЖГЕНТИ И.В., СТУКАЛОВА О.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития сотрудников социальной сферы: оценка реализации модели ---------- 255

ЛЮБИМОВА Е.С. Ассистивные технологии как средство формирования готовности студентов направления педагогическое образование к коррекционно-педагогической деятельности в условиях инклюзивного образования ---------- 260

МИРОНОВА Ю.А. Диагностика готовности студентов-будущих учителей английского языка к самообразованию ---------- 264

МУРЗАБЕКОВА М.И. Роль цифровых образовательных технологий в повышении эффективности учебно-исследовательской деятельности студентов ---------- 269

МЫХНЮК М.И., ЮНУСОВА А.Н. Медиаобразовательная правовая среда как средство формирования правомерного поведения обучающихся ---------- 273

НИЦЗЯТИ А. Лингводидактическая система обучения говорению китайских студентов-филологов с использованием компьютерных технологий (первый сертификационный уровень) ---------- 276

ПЕТРОВА М.Г., ГАО ЦЗИН. Проблемы и контрмеры в межкультурном обучении китайскому языку как иностранному ---------- 280

ПОГОДИН В.А. Сопряженное совершенствование координационных способностей и силовой выносливости стрелков и их технической подготовленности ---------- 286

ПОМАЛЕЙКО А.Л. Формирование социальной активности учащихся детской школы искусств: личностно ориентированный подход ---------- 291

СИЗОВА Е.В., КАЙЗЕР Б.А. Профессиональная подготовка будущих журналистов в условиях цифровой трансформации образования ---------- 297

СОЛНЦЕВ М.Н. Педагогическое проектирование формирования профессионально важных качеств будущих специалистов социально-культурной сферы в условиях цифрового образования ---------- 302

СОЛОВЬЕВА С.И., ШАЯХМЕТОВА Л.А. Реализация образовательного процесса посредством дистанционной формы обучения ---------- 307

ТУРАВЕЦ Н.Р., СЮЙ В. Содержание и перспективы изучения студентами-вокалистами Китая национальной традиционной музыки ---------- 315

ЧЖО ЛЭЙ, БАРЫШНИКОВА Е.Н. Развитие речевой компетенции китайских студентов-филологов на основе русских эквивалентов слова ---------- 320

ШАМАЕВ А.М. Использование деловой игры для развития культуры социального взаимодействия сотрудников полиции с населением ---------- 327

ШАЯХМЕТОВА В.Р. Инновационная активность педагогов в условии цифровизации ---------- 332

ШУМИЛОВА Е.А., ОСИПОВА В.Е. Социальная составляющая в системе непрерывного гендерного и полового воспитания подростков ---------- 337

ЯРОШЕНКО Е.В., АЛЕКСЕЕВА Е.Н. Контроль физических качеств студентов с использованием компьютерной программы ---------- 341

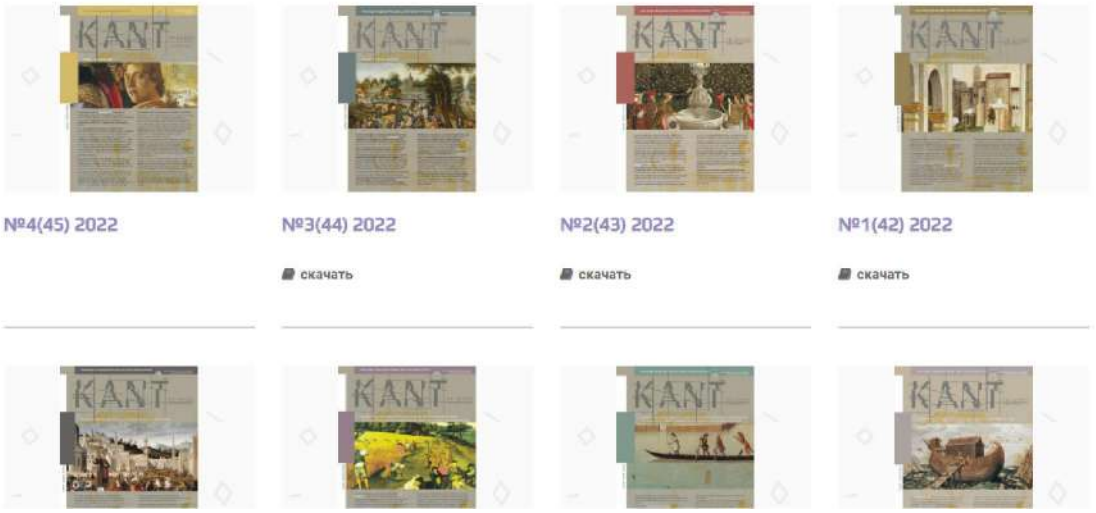
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ---------- 346

накопление запасов во время излишков на случай голода. Оптимизм позволяет нам достигать хороших и великих вещей, недоступных одному поколению. Так работает прогресс.

подробнее

Доступные номера

«Обновление номенклатуры научных специальностей – естественный результат развития самой науки».

Если мы принимаем постоянные изменения в прошлом, то должны принимать и постоянные изменения в будущем. Тем более, что скорость изменений стремительно увеличивается, что обусловлено, в первую очередь, новыми технологиями. Не только городские ландшафты, но даже в дикой природе отдельные деревья, кустарники и трава расцветают и умирают, луга превращаются в леса, леса стареют и уступают место новым росткам. Наша короткая жизнь ослепляет нас этим восхитительным постоянным непостоянством.

Так, по словам председателя ВАК Владимира Филиппова, «о*бновление номенклатуры научных специальностей – естественный результат развития самой науки*». Эти изменения были необходимы, так как предыдущая номенклатура не менялась практически 12 лет. При том, что «всё больше исследований проводится на междисциплинарном уровне».

В связи со вступлением в силу новой редакции номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, с 16 октября 2022 года обновлён Перечень рецензируемых научных изданий.

Согласно новой номенклатуре, редакция журнала «KANT» принимает к рассмотрению и публикации научные статьи по следующим специальностям:

5.2. Экономика

5.2.1. Экономическая теория

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

5.2.4. Финансы

5.2.5. Мировая экономика

5.2.6. Менеджмент

5.7. Философия

5.7.2. История философии

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

5.7.9. Философия религии и религиоведение

5.8. Педагогика

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Журнал «KANT» рекомендован ВАК для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней. В Перечне ВАК под номером **54.**

THE PRACTICE OF USING MUNICIPAL-PRIVATE PARTNERSHIP MECHANISMS AS A TOOL FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A MUNICIPALITY ON THE EXAMPLE OF THE NALCHIK CITY DISTRICT

Akopyan Elena Alexandrovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Guselchikova Nadejda Beniaminovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

North-Caucasian Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Pyatigorsk

Serdyukova Olga Ilyinichna, *PhD of Economics, Associate Professor, Institute of Management, Business and Law, Pyatigorsk*

The purpose of the study *is to propose measures to improve the municipal-private partnership in the urban district of Nalchik. This study was conducted in order to disclose the results of the rating of cities in terms of the level of development of the MCHP, calculated according to the updated methodology. An analysis of the problems associated with the use of municipal-private partnership in the city district of Nalchik was carried out and a number of measures to improve municipal-private partnership were proposed. The projects being implemented and planned for implementation are analyzed on the basis of the PIL agreement, as well as concession agreements.* ***As a result*** *of the proposed measures, the effectiveness of the legal, institutional and financial components of the PPP mechanism in the city district of Nalchik will increase. The recommendations will help improve the skills and create the necessary set of competencies for municipal employees, reduce administrative barriers and create favorable financial and tax conditions for the project.*

Keywords: *municipal-private partnership; projects; agreements; investors; business.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.1

УДК 338.28
ВАК РФ 5.2.3

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА НАЛЬЧИК

© Акопян Е.А., 2022
© Гусельщикова Н.Б., 2022
© Сердюкова О.И., 2022

АКОПЯН Елена Александровна, *кандидат экономических наук, доцент*

ГУСЕЛЬЩИКОВА Надежда Бениаминовна, *кандидат экономических наук, доцент*

Северо-Кавказский институт, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пятигорск

СЕРДЮКОВА Ольга Ильинична, *кандидат экономических наук, доцент, Институт управления, бизнеса и права, Пятигорск*

Цель исследования *– предложить мероприятия по совершенствованию муниципально-частного партнерства в городском округе Нальчик. Данное исследование проводилось в целях раскрытия результатов рейтинга городов по уровню развития МЧП, рассчитанного по обновленной методике. Проведен анализ проблем, связанных с применением муниципально-частного партнерства в городском округе Нальчик, и предложен ряд мер по совершенствованию муниципально-частного партнерства. Проанализированы реализуемые и планируемые к реализации проекты на основе соглашения МЧП, а также концессионных соглашений.* ***В результате*** *предложенных мероприятий повысится эффективность правовой, институциональной и финансовой составляющих механизма МЧП в городском округе Нальчик. Рекомендации помогут повысить квалификацию и создать необходимый набор компетенций для муниципальных служащих, снизить административные барьеры и создать благоприятные финансовые и налоговые условия реализации проекта.*

Ключевые слова: *муниципально-частное партнерство; проекты; соглашения; инвесторы; бизнес.*

В последние годы федеральные и региональные власти предприняли значительные усилия для разработки механизмов МЧП. Был создан регулирующий механизм для реализации проектов МЧП, а также созданы методологические и институциональные основы для выбора и реализации МЧП. Однако, в связи с комплексом нерешенных проблем в повестке дня федеральных и региональных властей, вопросы привлечения ресурсов бизнеса в развитие муниципальных образований через механизм МЧП по-прежнему остаются весьма сложными и неизученными в полной мере. "МЧП является альянсом государственных органов и частного бизнеса, цель которого заключается в создании и развитии социально значимых проектов – от стратегических отраслей экономики до оказания услуг в масштабах страны либо отдельных ее территорий" [5, с. 16].

Таким образом, МЧП представляет собой сотрудничество между государством и бизнесом в целях привлечения частных инвестиций

в экономику, обеспечения доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества на национальном, региональном и местном уровнях.

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития городского округа Нальчик на период до 2030 года и Концепцией инвестиционной политики городского округа Нальчик основными показателями эффективности деятельности органов местного самоуправления являются уровень и качество жизни населения, новые методы и принципы управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления.

Городской округ Нальчик входит в состав Северо-Кавказского федерального округа и граничит с двумя муниципальными районами Кабардино-Балкарской Республики: Чегемским – с юго-запада и Черекским – с северо-востока.

В настоящее время Городской округ Нальчик – это деловой, логистический и реальный социально-экономический центр Кабардино-Балкарской Республики.

Согласно Программы развития городского округа Нальчик [8], основной целью является сделать город Нальчик городом для людей, комфортным для всех категорий граждан и в будущем планируется обеспечение выполнения задач по следующим направлениям: развитие экономики; оптимизация расходов, снижениюе неоправданных затрат; стимулирование экономического роста, создание благоприятных условий для развития бизнеса; создание комфортной городской среды; благоустройство и озеленение городского округа; создание социально-ориентированных, комфортных условий жизни всех категорий горожан; формирование здорового образа жизни горожан и др.

В соответствии со ст. 18 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ, к полномочиям главы муниципального образования в сфере МЧП относится (рис. 1).

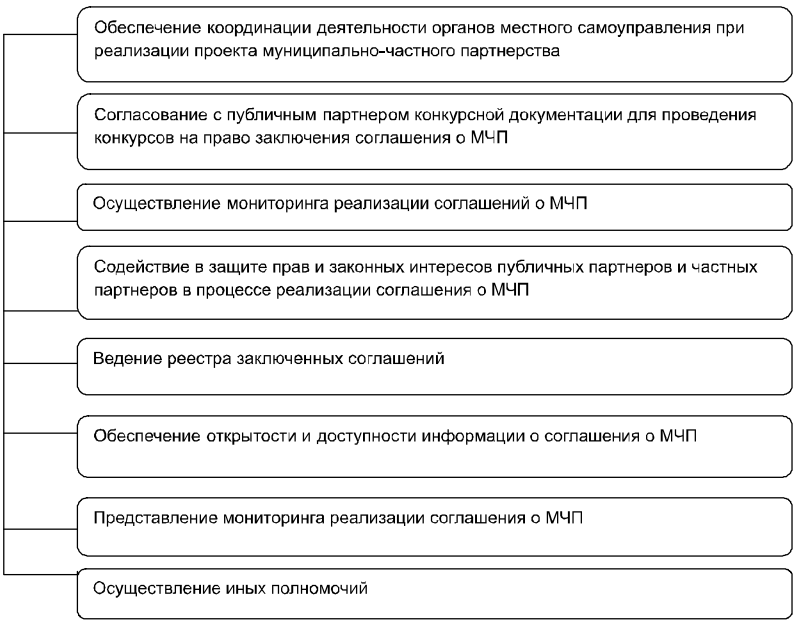

Рисунок 1 – **Полномочия муниципальных образований в сфере МЧП [1]**

Рассмотрим применение механизма МЧП в практике городского округа Нальчик. Для этого проанализируем реализуемые и планируемые к реализации проекты на основе соглашения МЧП, а также концессионных соглашений.

На данный момент в городском округе Нальчик всего 12 проектов, представленных в таблицах 1 и 2, которые находятся на разных стадиях – от проектной инициативы до реализуемых проектов.

Таблица 1 – **Проекты МЧП, реализуемые в городском округе Нальч**

Показатели	Сроки реализации	Форма участия муниципального образования	Цель проекта	Способ реализации	Частные средства
1	2	3	4	5	6
Апарт-отель «Нальчик», г. Нальчик, пр., Шогенцукова/ Лермонтова 4/4	2019-2022 гг.	Строительство инфраструктуры (реконструкция котельной «Нарт» и трансформаторной подстанции ТП-206)	Увеличение емкости номерного фонда	Частная инициатива	300,0 тыс. руб.
Апарт-отель «Гранд-Парк» г. Нальчик, ул. Кешокова	2020-2024 гг.	Строительство инженерной инфраструктуры	Увеличение емкости номерного фонда	Частная инициатива	80,0 тыс. руб.
Реконструкция сувенирного рынка «Горянка» г. Нальчик, ул.Канукоева, б/н	2022-2024 гг.	Строительство транспортной инфраструктуры	Модернизация центра организованной торговли сувенирной продукцией	Частная инициатива	215,0 тыс. руб.
Спортивно-рекреационный комплекс «Нальчик», г. Нальчик, ул. Лермонтова б/н № 2-3	2019-2022 гг.	Имущественная поддержка МСП	Организация деятельности городского пляжа, восстановление водных объектов	Частная инициатива	30,0 тыс. руб.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
Реконструкция «Зоопарка» г. Нальчик, Курортный парк	2021-2025 гг. – строительство; 2025-2055 эксплуатация	Концессия	Создание центра семейного досуга.	Частная инициатива	70,0 тыс. руб.
Реконструкция «Парка аттракционов» г. Нальчик, Курортный парк	2018-2023 гг.	Муниципальная преференция	Модернизация парка аттракционов	Частная инициатива	20,0 тыс. руб.
Реконструкция кинотеатра «Победа» г. Нальчик, ул. Кабардинская	2022-2023 гг.	Льготная ставка арендной платы	Создание досугового центра	Частная инициатива	70,0 тыс. руб.

Источник: Составлено автором на основании официального сайта Администрации городского округа Нальчик – Режим доступа: URL: https://admnalchik.ru/category/economy/proekty-mchp/planiruemye/

Рассматриваемые проекты реализуются в сфере благоустройства, отдыха, социальной инфраструктуры. Планируемые проекты будут реализоваться в сфере благоустройства, отдыха, социальной и инженерной инфраструктуры.

Таблица 2 – **Проекты МЧП, планируемые в городском округе Нальчик**

Показатели	Сроки реализации	Форма участия муниципального образования	Цель проекта	Способ реализации	Частные средства
Оздоровительный комплекс «Родоновый источник» г. Нальчик, ул., Вовчок, б/н	2022-2023 гг.	Строительство инженерной инфраструктуры	Повышение эффективности деятельности курортно-рекреационного комплекса	Частная инициатива	150,0 тыс. руб.
Комплексное развитие набережной р. Нальчик г. Нальчик от моста ул. Канукоева до моста по ул. Кешокова	2021-2022 гг.	Строительство инфраструктуры	Организация досуга, общественное питание, размещение туристов	Публичная инициатива	120,0 тыс. руб.
Аквакомплекс «Водолей» (реконструкция детских бассейнов) г. Нальчик, Курортный парк	2022-2023 гг.	Строительство инженерной инфраструктуры	Создание водно-развлекательных объектов. Повышение уровня обеспеченности населения водными объектами для рекреационных целей.	Частная инициатива	80,0 тыс. руб.
Wellness-центр «Термальная чаша», г. Нальчик, Курортный парк ул. Канукоева, б/н	2022-2023 гг.	Строительство инженерной инфраструктуры	Создание Wellness-центра на базе уникальных природных азотно-термальных источников	Частная инициатива	95,0 тыс. руб.
Спортивно-развлекательный центр «Скай-парк «Нальчик» г. Нальчик, Курортный парк	2022-2024 гг	Строительство инженерной инфраструктуры	Создание объектов экстремальных видов отдыха	Частная инициатива	365,0 тыс. руб.

Источник: Составлено автором на основании [8]

Одной из отраслей развития экономики города является санаторно-курортный и гостиничный комплексы, которые относятся к наиболее динамично развивающимся и быстро окупаемым отраслям. Уникальная лечебно-оздоровительная система курортного комплекса города округа Нальчик определяется наличием объектов рекреационной инфраструктуры, лечебных минеральных вод, курортных парков, скверами и архитектурными сооружениями, памятниками истории и культуры, а также особо ценными санаторно-курортными объектами, бальнеотехническими коммуникациями и лечебными ресурсами [9].

Министерство экономического развития совместно с Национальным центром ГЧП провели анализ санаторно-курортного комплекса России[3, с. 156]. И выработали набор критериев, которые позволят для первичного анализа определить, стоит или не стоит в отношении определенного имущества рассматривать механизм МЧП.

На рисунке 2 представлены требования к объектам санаторно-курортного комплекса для МЧП.

Доступность туристских ресурсов важная, но не единственная составляющая индустрии туризма. Развитая инфраструктура является неотъемлемой частью. Она состоит из имеющихся в городе средств размещения и туристических услуг – санаториев, гостиниц, пансионатов, а также специализированных туристических компаний, предоставляющих информационно-справочную поддержку и туристические услуги. Благодаря формирующейся инфраструктуре происходит освоение туристских ресурсов, повышаются их привлекательность, доступность для туристов, увеличивается туристская емкость территории.

Анализ и прогноз совокупного спроса на туристическом рынке показал, что количество отдыхающих с каждым годом увеличивается, и тенденции роста туристического потока в ближайшей перспективе будут сохраняться.

Для системного понимания сферы МЧП в городском округе Нальчик проанализируем исследования Национального центра государственно-частного партнерства за 2020–2021 года. Данное исследование проводилось в целях раскрытия результатов рейтинга городов по уровню развития МЧП, рассчитанного по обновленной методике. В исследовании принимали участие 110 российских городов [6].

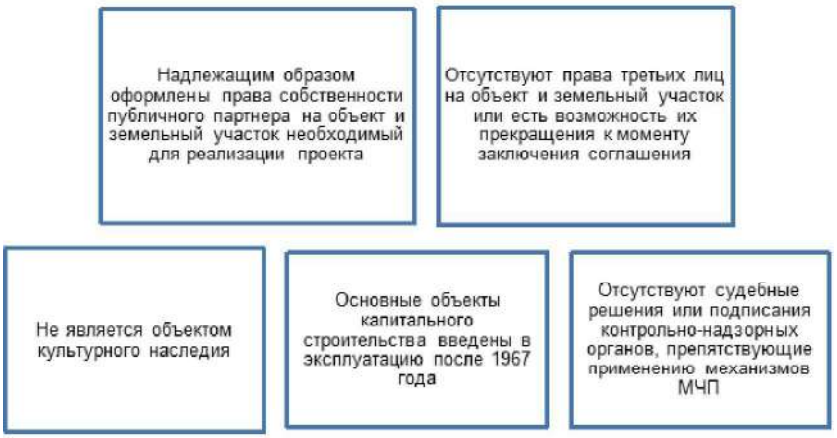

Рисунок 2 – **Требования к объектам санаторно-курортного комплекса для МЧП [7]**

Национальный Центр государственно-частного партнерства запустил рейтинг, в рамках которого проводится оценка готовности институциональной среды и управленческих команд в городах привлекать частные инвестиции с использованием различных механизмов МЧП[2, с.79]. Его пилотная апробация состоялась в 2020 году, а результаты опубликованы на платформе "РОСИНФРА"[10].

Развитие муниципально-частного партнерства в муниципальных образованиях Российской Федерации представлено в соответствии с таблицей 3.

Таблица 3 – **Развитие сферы МЧП в муниципальных образованиях РФ**

Город	Итоговый интегральный показатель, %		Место в рейтинге МЧП		Объем частных инвестиций в проектах МЧП, млн руб.	
	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.
Нижневартовск	53,2	96,3	3	1	15 257	16 059,7
Сургут	67,3	92,0	1	2	8 638,1	8 638,1
Волгоград	49,4	70,6	4	3	88 916,9	82 353,9
Саратов	26.6	43,1	17	9	25 300	25 928,7
Ставрополь	20,04	15,3	38	59	723	715,6
Нальчик	7,2	12,7	84	67	77	107
Махачкала	11,8	11,8	63	69	145	145
Пятигорск	-	11,4	-	71	-	455
Сочи	14,4	9,8	52-53	78	-	-
Грозный	6,0	6,2	92-93	97	-	-
Владикавказ	7,8	4,4	80	103	-	-

На основании данных таблицы 3 можно сделать вывод, что городской округ Нальчик в 2021 году является лидером относительно других городов СКФО. Однако, по отношению к другим городам в 2020 году был аутсайдерам рейтинга развития ГЧП/МЧП в России, в 2021 году улучшил свою позицию на 17 пунктов.

В городском округе Нальчик существуют сложности. До недавнего времени наиболее острой оставалась проблема несовершенства законодательного регулирования. Законодательные трудности в области внедрения МЧП – проектов заключаются в следующем:

– отсутствие правовых актов, регулирующих предварительную процедуру переговоров;

– отсутствие актов, регулирующих контроль и мониторинг объектов;

– отсутствие актов, регламентирующих порядок оценки эффективности и сравнительных преимуществ проектов на этапе подготовки (т.е. выбор наиболее эффективного пути – соглашение МЧП, концессия или госзаказ);

– нормативная база для реализации проектов МЧП не полностью сформирована;

– неоднозначность применения норм закона о МЧП (сложность обоснования отсутствия необходимости руководствоваться нормами 44-ФЗ);

– трудности с обеспечением гарантий при заключении договоров МЧП;

– отсутствие конкретных схем реализации МЧП.

В настоящее время наиболее важным препятствием для развития практики проектов МЧП в городском округе Нальчик является неспособность муниципальных органов власти, которые располагают привлекательными территориями и инвестиционными возможностями, подготовить и "упаковать" проект для инвесторов[4]. Ограничением для частных инвесторов, повышающим их риски, является низкий уровень методологической проработки проек-

тов со стороны государства (низкое качество подготовки проектной документации для реализации МЧП-проектов по причине того, что органы власти в большинстве случаев не выделяют на соответствующие работы бюджетных средств, зачастую не устраивает частных инвесторов и банки) и отсутствие реальной практики участия в МЧП-проектах.

Проблема ограниченного числа квалифицированных рабочих также весьма актуальна. Наблюдается нехватка компетенций в области привлечения потенциальных инвесторов и в вопросах проработки МЧП -проектов (проектная документация, обоснование рентабельности).

Качество институциональной среды, нормативной правовой базы, структурирования и запуска проектов МЧП зависит от соответствующей подготовки и квалификации кадров в органах местного самоуправления. Организация образовательных мероприятий должна носить системный характер в силу имеющего место обновления муниципальных команд. Также стоит учитывать изменения, которые вносятся не только в законодательство, связанное с реализацией проектов МЧП, но и в отраслевые законодательные и подзаконные акты.

Следует приобрести необходимые компетенции действующих сотрудников, а также дальнейшее привлечение высококвалифицированных специалистов в состав персонала.

Следующей проблемой является отсутствие разработанных и опубликованных методических рекомендаций для частных инвесторов и публичной стороны по инициированию и реализации МЧП-проектов, по взаимодействию с органами местного самоуправления, а также иных документов и материалов, упрощающих инициирование и запуск инфраструктурных проектов на принципах МЧП.

Основной причиной недостаточного развития МЧП в городском округе Нальчик, является нехватка собственных финансовых ресурсов, что серьезно ограничивает способность местных органов власти участвовать в программах поддержки инвестиций и бизнеса. В городском округе Нальчик объем финансовых ресурсов, необходимых для выполнения своих расходных обязательств, не соответствует уровню реальных потребностей.

Проанализировав проблемы на пути развития МЧП в городском округе Нальчик, нами сформулированы рекомендации по совершенствованию механизма реализации МЧП.

Для более успешного и эффективного развития МЧП в городском округе это может быть создание совещательно-консультативного органа, который необходим для объединения усилий частного сектора, публичного сектора, а также экспертов в выработке политики в сфере МЧП, оценки эффективности применения принципов МЧП в развитие тех или иных отраслей общественной инфраструктуры.

Для формирования политики в сфере МЧП целесообразно реконструировать раздел МЧП на Интернет-портале, а именно официальном сайте администрации городского округа Нальчик, добавив в него информацию о потребности в объеме внебюджетных средств в отраслях общественной инфраструктуры городского округа. Подобная информация содержится на официальном сайте поддержки инфраструктурных проектов РОСИНФА, но включает сведения не по отдельным отраслям, а по отдельным городам. На муниципальном уровне важнее будет рассмотреть именно отрасли, что позволит визуально-графически определить отрасли аутсайдеры, на развитие которых следует уделить большее внимание.

В городском округе Нальчик необходимо закрепить мероприятия и механизмы МЧП в конкретные муниципальные программы.

Например, в муниципальную программу "Развитие физической культуры и массового спорта в городском округе Нальчик на 2020-2023 годы" можно закрепить мероприятия по механизму МЧП по строительству (созданию) физкультурно-оздоровительного комплекса для занятий зимними видами спорта и крытого катка с искусственным льдом. Для повышения мотивации горожан к регулярным занятиям физической культурой и спортом и ведению здорового образа жизни посредством обеспечения условий для развития физической культуры и спорта в г.о. Нальчик.

В Муниципальной программе "Формирование современной городской среды на территории городского округа Нальчик" включить механизм по МЧП по реконструкции "Зоопарка". Для увеличения площади благоустроенных наиболее посещаемых общественных территорий.

Не менее важным инструментом инфраструктурного планирования и инвестиционного позиционирования является МЧП – план города ("Инфраструктурный план"), который представляет собой сводную "дорожную карту" по запуску перспективных проектов МЧП. В данном документе в дополнение к ключевым параметрам по планируемым проектам отра-

жаются необходимые мероприятия с отведенными сроками реализации, а также указываются ответственные исполнители для взаимодействия с потенциальными инвесторами.

Эти рекомендации повысят эффективность правовой, институциональной и финансовой составляющих механизма МЧП в муниципалитете, будут способствовать реализации проектов МЧП, помогут повысить квалификацию и создать необходимый набор компетенций для муниципальных служащих, снизить административные барьеры и создать благоприятные финансовые и налоговые условия реализации проекта. Теоретическая и практическая значимость предлагаемых рекомендаций заключается в понимании благоприятных финансовых, институциональных и правовых элементов механизма реализации МЧП на муниципальном уровне, которые направлены на улучшение конкурентной позиции муниципалитета и создание благоприятной инвестиционной среды.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/
2. Житяева Е.С. Современные тенденции развития государственно-частного партнерства / Е.С. Житяева, М.С Гусева // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2018. – №4(16). – С. 78-82.
3. Игнатюк Н.А. Государственно-частное партнерство / Н.А. Игнатюк. – М.: Юстицинформ, 2017. – 229 с.
4. Инвестиционный паспорт Кабардино-Балкарской Республики – URL: Режим доступа https://invest.kbr.ru/investitsionnaya-karta/
5. Кабашкин В.А. Государственно-частное партнерство в регионах Российской Федерации / В.А. Кабашкин. – М.: Дело, 2015. – 251 с.
6. Официальный сайт "РОСИНФРА" Рейтинг городов по уровню развития МЧП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosinfra.ru/digest/rating-of-cities
7. Официальный сайт Национального центра государственного-частного партнерства [сайт]. – URL: http://pppcenter.ru/index.php?id=598
8. Официальный сайт Администрации городского округа Нальчик). – Режим доступа: URL: https://admnalchik.ru/category/economy/proekty-mchp/planiruemye/
9. Паспорт городского округа Нальчик [сайт]. – URL: http:// https://admnalchik.ru/pasport-goroda/1443087329/
10. Рынок государственно-частного партнерства в России: проблемы и перспективы развития [сайт]. – URL: https://iptg.ru/upload/iblock/5a5/5a5d4440ca6eec9837c16003dc2f69c2.pdf /

ESSENCE-CLASSIFICATION ASPECTS OF THE CONCEPTS OF CONNECTIVITY, PROXIMITY AND COMMONALITY OF THE ELEMENTS OF THE ECONOMIC SPACE IN THE CONTEXT OF THEIR INTERACTION AND THE PROCESSES OF NETWORKING THE REGIONAL

Bondareva Yana Yurievna, *PhD of Economics, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod*

The relevance of the problem statement is determined by the need to substantiate the promising forms of the spatial organization of the economy and productive forces based on the use of the properties of connectivity, proximity and commonality of the elements of the economic space. ***The purpose of the study*** *is to systematize individual scientific ideas about these properties, compiling their classification set, revealing the distinctive features and specifics of each of the properties and, on this basis, substantiating the conceptual and methodological provisions on promising forms of economic space organization.* ***The results*** *of the study are of theoretical and applied importance in the context of scientific support for the processes of transformation of the economic space and the search for optimal forms of its organization in order to effectively use the absolute and relative advantages of the territories.*

Keywords: *economics; region; economic space; spatial connectivity; territorial proximity; commonality of elements of the economic space; clusters; economic networks; networkization of the economic space.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.2

СУЩНОСТНО-КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙ СВЯЗНОСТИ, БЛИЗОСТИ И ОБЩНОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОЦЕССОВ СЕТИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 332.1:338.91
ВАК РФ 5.2.3

Актуальность постановки проблемы определяется необходимостью обоснования перспективных форм пространственной организации экономики и

© Бондарева Я.Ю., 2022

производительных сил на основе использования свойств связности, близости и общности элементов экономического пространства. ***Цель исследования*** *заключается в систематизации отдельных научных представлений об этих свойствах, составлении их классификационной совокупности, раскрытии отличительных особенностей и специфики каждого из свойств и на этой основе обоснование концептуально-методологических положений о перспективных формах организации экономического пространства.* ***Результаты*** *исследования имеют теоретическое и прикладное значение в контексте научного обеспечения процессов трансформации экономического пространства и поиска оптимальных форм его организации с целью эффективного использования абсолютных и относительных преимуществ территорий.*

Ключевые слова: *экономика; регион; экономическое пространство; пространственная связность; территориальная близость; общность элементов экономического пространства; кластеры; экономические сети; сетизация экономического пространства.*

В современной экономической действительности реализация абсолютных и относительных конкурентных преимуществ территорий является предметом постоянного осмысления с целью выработки действенных механизмов, обеспечивающих эти процессы. Регионы России, обладая территориальным разнообразием, практически не взаимодействуют друг с другом. Причиной этому является не только внушительные физические расстояния, неразвитость транспортной инфраструктуры и её чрезмерная централизация, но и отсутствие современных моделей, механизмов и инструментальных средств межрегионального взаимодействия. В свою очередь, неразвитость организационного обеспечения для межрегионального партнерства упирается в дефицитарный характер научно-методической базы для проектирования и конструирования устойчивых и полифункциональных механизмов взаимодействия российских регионов.

Регионы как административно-территориальные таксоны экономического пространства представляют собой мезоэкономический срез его уровневой экспликации. Занимая медианное положение в экономическом пространстве, региональные формирования имеют как вертикальные связи с более высокими и низовыми уровнями организации пространственно-экономической структуры, так и горизонтальные – между собой.

Для того, чтобы горизонтальные взаимодействия получили свое развитие, необходимо, чтобы совпали первичные условия:

1) высокий уровень связности регионов как структурных элементов экономического пространства;

2) относительная территориальная близость регионов;

3) наличие общности в морфологии и характере функционирования элементов экономического пространства.

Вторично эффективность и результативность пространственных взаимодействий определяются развитыми институциональными факторами и условиями, уровнем инфраструктурной обеспеченности, активностью экономических акторов/их инертностью и т.д. Но первичными условиями для "запуска" пространственных взаимодействий в экономике с учетом пространственного разнообразия [1] следует считать именно явления, отражающиеся понятиями пространственной связности, близости и общности. Рассмотрим их более подробно в сущностном и классификационном аспектах, что и определит цель и содержание данного исследования.

Пространственные взаимодействия базируются на имманентных свойствах экономического пространства, таких как фрактальность,

БОНДАРЕВА Яна Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород

глубинность, размерность, неоднородность, полиморфизм, барьерность/проницаемость, центральность-срединность-периферийность. Наиболее эволюционно-прогрессивная форма пространственных взаимодействий – сетевая – предполагает формирование равномерно-целостного каркаса по всему административно-территориальному таксону экономического пространства с ядрами пульсирующей аттракции и устойчивыми связями между нами, обеспечивающими целостность территорий, регионов и метарегиональных формирований.

Контекст пространственно-сетевых взаимодействий на первый план выводит свойство-понятие "связность". Обращаясь к немногочисленным ретроспективным исследованиям, рассматривающим его сущностно-специфические основы, отметим, что в основном при трактовке акцент ставится на транспортную связность территорий и прочие коммуникационные связи. На наш взгляд, это в целом верно, но в большей степени отражает "узкий" подход к трактовке "связности". В более "широком" понимании "связность" предстает в различных ипостасях (табл. 1).

Таблица 1 – **Многоаспектность содержательной трактовки свойства-понятия "связность" экономического пространства (составлено автором на основе [1-6])**

Контекст	Концептуально-методологическая интерпретация
Отношенческий	Доступность социально-экономических транзакций, их плотность, бесперебойность (эластичность) во времени и пространстве
Оценочный	Количественная оценка степени интенсивности (плотности, кучности, равномерности) различных по типу экономических взаимодействий в пространстве
Институциональный	Сила взаимодействия между экономическими агентами, определяемая полиморфизмом связей, развитостью транспортно-коммуникационной инфраструктуры
Товарно-обменный	Интенсивность операций товарно-ресурсного обмена, детерминируемая пропускной способностью транспортно-путевой инфраструктуры

Связность элементов экономического пространства обнаруживает свою природу и сущность в (а) равномерном распределении ресурсов для снижения степени поляризации и асимметричности развития экономического пространства; (б) включении в хозяйственный оборот периферийных территорий; (и) снижении чрезмерного уплотнения хозяйственного и экономического ландшафта, а также поляризованности расселенческого каркаса.

Связность экономического пространства – универсальная для его различных уровней категория. В исследованиях принято выделять глобальную (межстрановую), межрегиональную и внутрирегиональную (межтерриториальную связность).

Глобальная связность выстраивается внутри планетарных коридоров "глобальный Запад – глобальный Восток" и "глобальный Север – глобальный Юг". Она обеспечивает трансконтинентальные и макрорегиональные взаимодействия, связывает разные в пространственно-экономическом, социально-демографическом и этноконфессиональном плане макрорегионы, образованные кластерами стран.

Межрегиональная связность, в свою очередь, подразделяется на подвиды, в основе которых обширное многообразие взаимодействий по линии "центр-периферия", "центр-центр", "периферия-периферия". При этом самым естественным в этой категории выглядит взаимодействие регионов, имеющих сопряженные административно-территориальные границы, а также их экономических и административных центров. Региональные крупнейшие города притягиваются друг к другу в силу действия естественных сил социально-экономической аттракции, а формирующиеся механизмы взаимодействия обеспечивают связь не только между городскими центрами, но и между средней и дальней периферией регионов, ядра которых притягиваются друг к другу.

Связность внутрирегионального типа может быть как между региональным центром и его периферийными зонами, так и между локальными территориями, центрами второго и третьего порядка. Подобная связность формирует множество локальных сетецентричных конструкций, причем в каждом отдельно взятом регионе их архитектоника и морфология будет различной.

С феноменом связности элементов экономического пространства тесно связано другое – близость. Его рассмотрение в предметно-содержательном плане помогает понять природу и механизмы запуска функционирования как реальных (явных), так и мнимых (латентных, абстрактизированных) пространственно-экономических систем.

Первичной является географическая близость, идентифицируемое в аналитико-компаративном аспекте посредством расстояния, пространственное измерение. По расстоянию экономические агенты могут составить первичное восприятие того или иного территориального таксона: места, территории, района, региона и т.д. Также расстояние дает возможность оценить полезность территории,

её доступность и, следовательно, привлекательность.

Ряд авторов в качестве сопряженного понятия физической близости выделяют организованную близость, которая выражается посредством оценки уровня сетизации [6, 7]. Синтез физической близости, отражающей особенности и специфику пространственной организации, а также организованной близости создает пространственно-сетевой ландшафт территории.

Наиболее полная классификация форм близости дана в работах О. Боуба-Ольга и М. Гроссетти [8]. Помимо универсальной и понятной пространственной близости, ученые выделяют в отдельную категориальную группу близость социально-экономического типа, которая имеет ресурсную и координационную подкатегории. Ресурсную исследователи дифференцируют в свою очередь на материальную и когнитивную, а координационную – на реляционную и посредническую.

Пространственная близость линейна. Естественными барьерами в ней служат географические препятствия, природные границы и лимитирующие ландшафты. Социально-экономическая близость преимущественно может быть определена посредством изучения экономического и социального расстояния, идентификация внутрисистемных и межсистемных связей в экономическом пространстве, установления степени контактности локальных социально-экономических систем, степени развития контактной инфраструктуры и увеличения (уменьшения) объема различных контактов между территориями. Данные подходы используются в практике при идентификации гомогенных (однородных) и когерентных (взаимодействующих) регионов [9, 10].

Если понятия связность и близость в большей степени имеют количественную природу измерения, то еще одно родовое понятие "общность" принадлежит к группе атрибутивных [11]. Универсальное многомерное свойство общности лежит в основе развитой практики зонирования и выделения внутренне однородных (гомогенных – выражаясь языком теории систем) районов.

Примечательно, что изначально социально-экономическая общность использовалась при изучении территориальной организации в контексте системы расселения (ареальность проживания людей) и в русле характеристики системы общественных связей [12]. Сочетание ареалов расселения людей и формирования в их границах системной совокупности устойчивых социально-экономических связей по поводу производства и потребления общественных благ позволяет говорить о наличии признаков территориально-производственного комбината (ТПК, в расширенной трактовке – комплекса) различного масштаба: локального, районного, регионального (межрайонного). В зарубежной практике районирования существует аналог ТПК в виде промышленного района или округа. Но в зарубежной практике районирование подразумевает, прежде всего, не социально-экономическую общность и идентичность, а технологическую. Она создает особенную индустриальную атмосферу, слагаемыми которой являются социальная и культурная общность членов местных континуумов (локальных сообществ).

В качестве территориальных примеров районирования, основанном на общности, можно привести технологические (индустриальные) районы, технополисы, регионы-прожекторы (излучающие округа), промышленно-сервисные дуги, обучающиеся территории и т.д. [7,11]. Следовательно, обобщение практики их выделения дает возможность идентифицировать три агрегированных вида территориальной общности:

– территориальную общность промышленного типа;

– территориальную общность технологического типа;

– территориальную общность инновационного типа.

Территориальная общность, вне зависимости от доминантного типа, как уже отмечалось, на основе свойств гомогенности и когерентности формирует условно однородные пространственно-экономические формы концентрации производительных сил. Ключевым пространственным элементом их выделения являются границы пространства и территорий, по которым происходит структуризация экономического пространства на основе полиаспектных параметров территориальной общности. Один из известных исследователей границ территориальной общности выделяет несколько их видов:

– географические границы;

– границы организационного плана;

– когнитивные границы;

– культурные границы и границы социокультурных ареалов;

– институциональные границы как пределы действия территориальных институций и институторов;

– социальные границы территориальной общности;

– технологические границы [13].

Таким образом, солидаризируясь с А.А. Ткаченко, следует резюмировать, что снятие, "размывание" границ позволяет сформировать первичную общность людей как экономических агентов территорий, а затем – переходить к образованию более сложных институциональных форм организации элементов экономического пространства [14]. В систематизированном виде разнообразие рассматриваемых нами свойств экономического пространства дано в таблице 2.

Таблица 2 – **Классификация видов связности, близости и общности элементов экономического пространства в контексте оценки перспектив их взаимодействия**

Связность элементов экономического пространства	
Глобальная	- трансконтинентальная; - метарегиональная; - по глобальному вектору «Север-Юг»; - по глобальному вектору «Запад-Восток»
Межрегиональная	- между смежными регионами с общими границами; - между центрами регионов; - между приграничными периферийными территориями регионов; - между центром и периферией, расположенными в различных регионах
Внутрирегиональная	- между локальными территориями; - между региональным центром и центрами 2-3 порядков
Близость элементов экономического пространства	
Пространственная	- физическая близость; - организованная близость
Социально-экономическая	- ресурсная (материальная; когнитивная); - координационная (реляционная, посредническая)
Институциональная	- экономико-институциональная; - социально-институциональная; - регулирующе-институциональная
Технологическая	- неиерархизированная; - иерархизированная; - статичная; - динамичная
Общность элементов экономического пространства	
Общность промышленного типа	- в рамках локальных комбинатов; - в рамках региональных комплексов; - в рамках промышленных районов
Общность технологического типа	- в рамках технологического района; - в рамках технополиса; - в рамках технопарка
Общность инновационного типа	- региональные кластеры; - региональные инновационные системы

Формируемые на основе территориальной общности пространственно-экономические структуры, с одной стороны, позволяют реализовать инновационный конкурентный потенциал регионов, с другой – приводят к переуплотнению отдельных фрагментов экономического пространства, его вторичной поляризации. Это обуславливает необходимость поиска и использования таких форм пространственно-экономической организации производительных сил, которые бы не только видоизменяли структуру территориальных обществ, но и выполняли бы условие обеспечения равномерности пространственно-экономической организации и развития территорий. Этому условию, в наибольшей степени, соответствуют пространственно-экономические сети как форма организации экономического пространства. Приведем ряд подкрепляющих наш тезис аргументов концептуально-методологического плана:

– пространственно-экономические сети не могут быть сформированы без синхронного использования связности, близости и общности элементов экономического пространства; первые два компонента необходимы для обеспечения социоэкономико-хозяйственных контактов между экономическими агентами, третий – формирует содержательную основу взаимодействия;

– эволюционной ступенью, предваряющей сетизацию экономического пространства, являются кластерные и протокластерные формы организации производительных сил, которые, выстраивая полиотраслевые социохозяйственные связи между собой, формируют матрицу, в "узлах" которой находятся пространственные формы организации экономики, а линии соединения – инфраструктурные и транспортно-коммуникационные коридоры и связи;

– необходимым элементом сетизации экономического пространства являются инфраструктурные системы, которые обладают повышенной "проникающей" способностью инкорпорирования в низовые уровни пространственно-локализованных социально-экономических систем.

Исходя из данных тезисов, укрупненный блочный порядок сетизации экономического пространства может выглядеть следующим образом (табл. 3).

В связи с необходимостью постановки и решении задачи сетизации её декомпозиция в аналитической составляющей нам видится в следующем:

– определение уровня внутрирегиональной связности элементов экономического пространства и выделение наиболее тесно

контактирующих территориальных таксонов;

– идентификация географической, социально-экономической, технологической и институциональной близости структурно-образующих опорных элементов экономического пространства региона;

– выявление технологической, промышленной и инновационной общности элементов экономического пространства и на этой основе проектирование архитектуры пространственных взаимодействия экономических агентов территорий.

Таблица 3 – **Ключевые стадии и этапы сетизации экономического пространства мезоуровня организации экономических систем**

Стадии преобразований	Этапы	Содержание этапа
Анализ	I	Определение уровня внутрирегиональной связности элементов экономического пространства
	II	Идентификация географической, социально-экономической, технологической и институциональной близости
	III	Выявление технологической, промышленной и инновационной общности элементов экономического пространства
Проектирование	IV	Идентификация сгустков экономической активности и доведение их до кластерных формирований
	V	Выявление инфраструктурных дефицитов в области инфраструктуры пространственного взаимодействия
	VI	Насыщение экономического пространства инфраструктурными коммуникациями
	VII	Проектирование мест локализации опорных точек экономической активности и связующих ниток инфраструктуры в экономическом пространстве
	VIII	Разработка системы моделей пространственно-сетевой организации экономики
Внедрение	IX	Разработка стратегических документов пространственного планирования с учетом развития экономических сетей в регионе
	X	Разработка программных мероприятий по достижению целей документов стратегического планирования пространственного развития
	XI	Формирование системы контроля, оценки и мониторинга реализации мероприятий в области сетизации экономического пространства региона

Решение каждой из этих задач требует разработки отдельного инструментально-методического обеспечения, что и определит направления дальнейшей научно-исследовательской деятельности автора.

Примечания:

1. Демьяненко А.Н. Внутрирегиональное разнообразие как фактор модернизации экономического пространства Дальнего Востока // Регионалистика. – 2015. – Т. 2. – №2. – С. 6-20.
2. Волчкова И.В. Агломерационные процессы России в контексте связанности социально-экономического пространства // И.В. Волчкова, Ю.В. Подопригора, М.Н. Данилова и др. // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 422-433.
3. Погосян М.А. Связанность территории Российской Федерации: от постановки комплексных задач к формированию комплексных научно-технических проектов / М.А. Погосян, Д.Ю. Стрелец, В.Г. Владимирова // Вестник Российской академии наук. – 2019. Т. 89. – №5. – С. 489-495.
4. Митрофанова И.В. Основные характеристики и атрибутивные свойства экономического пространства / И.В. Митрофанова, И.А. Морозова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – №6. – С. 47-56.
5. Полякова А.Г. Региональное экономическое пространство и территориальное развитие: оценка действия сил связности / А.Г. Полякова, И.С. Симонова // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2014. – №2. – С. 48-60.
6. Минакир П.А. Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
7. Украинский В.Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем // Пространственная экономика. – 2011. – №2. – С. 92-126.
8. Bouba-Olga O., Grosetti M. Socio-economie de proximite. Communication presentee aux "Cinquiemes journees de la proximite" organisees par le GRES et le groupe "Dynamiques de proximite". Bordeaux. 2006. 28-30 juin.
9. Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование: монография / под общ. Ред. Р.Ф. Гатауллина. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016 – 216 с.
10. Лебедева Н.А. К вопросу о связности экономического пространства // Журнал экономических исследований. – 2020. – Т. 6. – №5. – С. 10-17.
11. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Российской Федерации и Европейского союза / под общ. Ред. В.П. Гутника. – Калининград: Изд-во БалтФУ им. И. Канта, 2006. – 392 с.
12. Трофимов А.М. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы / А.М. Трофимов, М.Д. Шарыгин, Н.Н. Исмагилов // Географический вестник. – 2008. – №1. – С. 5-12.
13. Михайлов А.С. Границы территориальной общности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2017. – №1. – С. 5-20.
14. Ткаченко А.А. Территориальная общность людей в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995. – 155 с.

GOVERNMENT INVESTMENT IN STRATEGIC PROJECTS AS A TOOL FOR INDICATIVE MANAGEMENT

Vasiliev Anton Nikolaevich, *PhD of Economics, general director of LLC "Sparta", doctoral student DBA-19, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow*

State strategic planning in Russia is gradually becoming a single hierarchical system of interrelated documents. In the process of formation, there is a system of key indicators, which should penetrate the system of strategic plans, combining from terms, goals and required resources. The most important resource is investment. In a market economy, policy-making measures at the state level are very limited. Indicative management measures play a particularly important role. ***The purpose of the study*** *is to consider the toolkit for public investment in strategic projects of the country's socio-economic development from the standpoint of the presence of elements in it that allow us to talk about indicative planned public administration.* As a result of the study, *the required volumes of expanded reproduction of all spheres of the country's economy in the strategic period were estimated, the sources of such investment were determined, the degree to which the tools of state investment in strategic projects of the country's socio-economic development can be attributed to indicative management methods was assessed, recommendations for its development were given on the example of China's experience.*

Keywords: *indicative public administration; investments; state strategic planning; public-private partnerships; construction complex; reproduction of fixed assets; socio-economic development.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.3

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНДИКАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 334.024
ВАК РФ 5.2.3

© Васильев А.Н., 2022

Государственное стратегическое планирование в России постепенно превращается в единую иерархическую систему взаимоувязанных документов. В процессе формирования находится система ключевых индикаторов, которая должна пронизывать систему стратегических планов, совмещая их по срокам, целям и потребным ресурсам. Важнейшим ресурсом являются инвестиции. В рыночной экономике меры директивного управления на уровне государства очень ограничены. Особая важная роль отводится мерам индикативного управления. ***Цель исследования*** *– рассмотреть инструментарий государственного инвестирования в стратегические проекты социально-экономического развития страны с позиций наличия в нем элементов, позволяющих говорить об индикативном плановом государственном управлении.* ***В результате*** *произведена оценка потребных объемов расширенного воспроизводства всех сфер экономики страны в стратегическом периоде, определены источники такого инвестирования, оценена степень, с которой инструментарий государственного инвестирования в стратегические проекты социально-экономического развития страны может быть отнесен к методам индикативного управления, даны рекомендации по его развитию на примере опыта Китая.*

Ключевые слова: *индикативное государственное управление; инвестиции; государственное стратегическое планирование; государственно-частное партнерство; строительный комплекс; воспроизводство основных фондов; социально-экономическое развитие.*

Введение

Еще в 2014 году с выходом соответствующего закона, государство предприняло кардинальные шаги к изменению ситуации в сфере государственного стратегического планирования. К этому моменту в стране насчитывалось более 1000 документов стратегического планирования (включая отраслевые, региональные документы и документы муниципальных органов власти). В 2014 году государство предприняло довольно удачную попытку создать систему взаимоувязанных иерархически расположенных документов стратегического планирования. Сейчас идут процессы наполнения этой матрицы конкретными документами (анализ существующих документов предпринят автором в более ранних работах, см, например, [1]). Выявленные проблемы на этом этапе, в большей части, связаны с отсутствием сквозных индикаторов, позволяющих взаимоувязывать планы по уровням, отраслям и территориям. Перечень таких инди-

ВАСИЛЬЕВ Антон Николаевич, *кандидат экономических наук, генеральный директор ООО "Спарта", слушатель программы DBA-19, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва*

каторов много обсуждается научной общественностью в последнее время, но очевидность показателя объема потребных для реализации плана инвестиционных ресурсов не вызывает сомнения.

Наиболее простым примером может стать стратегия развития стройиндустрии как вобравшей в себя сферы строительства, производства строительных материалов, частично другие сферы, отрасли.

Стройиндустрия является базовой сферой экономики, обеспечивающей процессы трансформации всех остальных сфер экономики в рамках новой промышленной политики в части воспроизводства основных производственных фондов этих сфер.

При этом под воспроизводством мы классически будем понимать процессы реконструкции, модернизации, капитального ремонта и нового строительства объектов основных фондов.

Источниками инвестиций для воспроизводственных процессов в экономике могут быть:

– бюджетные средства, выделяемые региональными и федеральными уровнями власти;

– средства национальных, региональных, местных программ (за исключением бюджетных средств);

– средства фондов государственных, негосударственных, включая все уровни устройства государства;

– средства кредитных организаций (инвестиционных компаний, банков, финансовых учреждений);

– средства частных инвесторов;

– собственные средства предприятий и организаций различных сфер деятельности.

При этом доля бюджетных инвестиций всегда остается на уровне чуть менее 20%. Подавляющее большинство инвестиционных ресурсов являются средствами различных компаний, фондов, кредитных организаций, частного капитала. Очевидно, что свойством целеустремленности и стратегической ориентированности в полной мере обладают только государственные инвестиции. Насколько же остальные инвестиции могут быть целеустремлены? Какова здесь роль государства?

Материалы и методы

При проведении исследования в качестве исходных данных были использованы основные индикаторы, заложенные в национальные проекты, связанные с комфортной и доступной средой, жильем, в Единый план по достижению национальных целей. [2] Также использовались данные Росстата, иные данные о жилищном строительстве России из открытых источников, например, АО ДОМ.РФ, Министерство финансов РФ, Фонда реформирования ЖКХ.

В основу сравнения положено более раннее исследование автора, позволяющее сделать, кроме основного, сравнительный анализ и выявить тенденции. [1]

Применялись общенаучные методы исследования: анализ, синтез, дедукция и индукция. Инструментарием расчетной части был аппарат выявления статистических зависимостей.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим долевой вклад этих источников в воспроизводственные процессы. За основу возьмем данные Департамента статистики Евразийской экономической комиссии [3], опережающие темп генерации данных Росстата (табл. 1).

На протяжении всего временного периода (используется временной период статистики в [3]) основным источником инвестиций в воспроизводственные процессы остаются собственные средства предприятий и организаций – 56,5% к концу периода; 52,34% – среднее значение за 8 лет. На втором по значимости месте – бюджетные средства различных уровней власти (в статистике нет разграничений и отдельно средства проектов различных уровней не выделяются) – их доля колеблется от 15,3% до 19,1%, составляя на конец периода (2021 год) 17,8% при среднем значении на интервале – 17,05%. Кредитные организации и их вклад (без учета зарубежного капитала) можно опосредованно отнести к последствиям самостоятельных решений предприятий и организаций, размер инвестиций колеблется от 10,6 до 14,3 % при среднем значении 12,59% и 12,5% на конец периода. Совокупный вклад иностранного капитала незначителен (вместе: средства иностранных инвесторов и кредиты иностранных банков) – значение колеблется в районе 3,49% на протяжении 8 лет (табл. 1).

Из сравнения таблицы 1 и таблицы 2 видно, что при устойчивом росте объемов инвестирования, опережающем значения инфляции по годам временного периода, структура меняется незначительно, следовательно, общие тенденции инвестирования сохраняются устойчиво. Общий рост инвестирования за период (в % к 2014 году) составил 65%, в последний год (2021 год) – годовой прирост 13% (см. табл. 2).

Таблица 1 – **Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования (в процентах)**

Источники инвестиций в основной капитал	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
бюджетные средства	17	18,3	16,4	16,3	15,3	16,2	19,1	17,8
собственные средства предприятий и организаций	45,7	50,2	51	52,1	53	55	55,2	56,5
средства иностранных инвесторов	0,9	1,1	0,8	0,7	0,6	0,4	0,3	0,4
кредиты российских банков и заемные средства других организаций	14,3	13,1	13,5	10,6	11,1	12,6	13	12,5
из них кредиты иностранных банков	2,6	1,7	2,9	5,4	4,4	2	1,8	1,9
прочие средства	19,5	15,6	15,4	14,9	15,6	13,8	10,6	10,9
ВСЕГО:	100	100	100	100	100	100	100	100

С одной стороны, высокая доля инвестиций за счет собственных и привлеченных у коммерческих организаций средств (при превалировании доли собственных средств в три с лишним раза) может характеризовать предприятия и организации всех сфер экономики как достаточно эффективные, имеющие средства к развитию. С другой стороны, удельные веса вновь вводимых объектов недвижимости, как элементов *j*-го типа основных фондов *i*-й сферы экономической деятельности, с 2018 г. [1] позволили нам сделать ранее вывод о том, что можно констатировать лишь наличие процессов простого воспроизводства основных фондов по отраслям с продолжающим оставаться значительным объемом морально и физически изношенных основных фондов. [1]

Таблица 2 – **Инвестиции в основной капитал (в текущих ценах; млрд руб.) [3]**

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Россия	13 903	13 897	14 749	16 027	17 782	19 329	20 303	22 945
в % к предыдущему году	нет	99,96	106,13	108,67	110,95	108,69	105,04	113,01
в % к 2014 году	нет	99,96	106,09	115,28	127,9	139,03	146,03	165,04

Кроме того, следует отметить, что нет предпосылок для утверждения, что отдельные (при их наличии) стратегии развития тех или иных предприятий и организаций реального сектора экономики *со*-направлены между собой, например, через механизм выстраивания стратегии в рамках и в русле ключевых индикаторов государственных, региональных и отраслевых стратегий.

Очевидно, также, что только государство способно взять на себя стратегическую ориентацию воспроизводственных процессов в русле новой промышленной революции. Автором ранее расчетно было определено, что, например, рост мощностей стройиндустрии должен составить к 2036 году 366% (в 2,66 раза) при неизменных производительности труда и объеме ввода основных фондов (ОФ) за счет работ, произведенных хозяйственным способом (силами внутренних подразделений предприятий различных сфер экономики, выполняющих строительно-монтажные работы). Достичь этого можно: увеличивая инвестиции государства и их долю в общем объеме, соответственно, во-первых; и, во-вторых, индикативно (для всех предприятий и организаций) и директивно (для предприятий и организаций государственных) задавая стратегические ориентиры воспроизводственных процессов во всех сферах экономики России, а в первую очередь (исходя из опережающего характера воспроизводственного цикла в данной сфере экономики) – в стройиндустрии (это утверждение относится к инвестициям предприятий и организаций).

Государственное стратегическое инвестирование социально значимых проектов может осуществляться на безвозвратной и возвратной основе, а также на основе смешанного инвестирования.

Средства федерального бюджета на возвратной основе предоставляются заемщикам (застройщикам) под залог зданий, сооружений, оборудования, объектов незавершенного строительства, материальных ценностей и другого имущества с оформлением соответствующих документов, предусмотренных залоговым законодательством РФ.

На безвозвратной основе государственное финансирование осуществляется за счет средств федерального бюджета и в соответствии с утвержденным перечнем строек и объектов для федеральных государственных нужд, при отсутствии других источников или в порядке государственной поддержки строительства приоритетных объектов производственного назначения при максимальном привлечении собственных, заемных и других средств.

На основе смешанного инвестирования могут осуществляться финансирование и кредитование строительства за счет средств федерального бюджета, собственных средств

организаций, предприятий и других юридических лиц с соблюдением пропорций расходования бюджетных ассигнований и собственных средств, в течение всего периода строительства объектов.

Шаги по превращению государственных инвестиционных ресурсов в инструмент индикативного управления предпринимались и ранее. Например, к таким мерам можно отнести переход от финансирования по статьям бюджета к проектному финансированию.

Еще до перехода к частичному распределению средств в рамках национальных проектов (проектов иных уровней), в 1995 году была создана специальная комиссия, которая должна была реализовывать Комплексную программу стимулирования инвестиций в наиболее эффективные проекты (Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.1995 № 1294 "О внесении изменений в План мероприятий по реализации Комплексной программы стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации" – действует на данный момент без изменений).

Конкурс проектов проводит Министерство экономического развития Российской Федерации (получило нынешнее название в 2008 году), цель создания которого и сфера правопреемственности исходят из Госплана СССР (существовал до 1991 года), который в плановой экономике должен был осуществлять стратегическое долгосрочное планирование развития отраслей народного хозяйства страны и контролировать выполнение планов. Сейчас идеи плановой основы рыночного хозяйства приобретают новое звучание.

Для участия в конкурсе, изначально, проекты должны были соответствовать ряду условий:

– Проект должен иметь бизнес-план с оценкой эффективности, рисков.

– Временной интервал реализации проекта ограничивали пятью годами.

– Проектная документация должна была предварительно пройти согласование на предмет выполнения экологических и иных ведомственных требований, в т.ч., путем независимой экспертизы.

– Государством определялись "точки роста" экономики страны, проект должен был быть направлен именно на развитие отраслей – "точек роста".

– Ответственность инвестора определялась требованием вложения в проект не менее 20% собственных (в т.ч. заемных) не государственных средств.

Рассмотрим здесь важный аспект – данные проекты не являлись проектами ГЧП (государственно-частного партнерства).

Во-первых, даже при наличии нормативно-законодательной базы (законы №224-ФЗ о ГЧП и №115-ФЗ о концессиях [4,5]) понятие государственно-частного партнерства имеет в рамках научной дискуссии довольно размытое определение. ГЧП как особая форма взаимодействия власти и бизнеса имеет различные сферы преломления – экономику, политику, культуру, науку. Зачастую ГЧП рассматривают как альтернативу приватизации объектов, имеющих значение для поддержания безопасности государства. [6] Однако ключевым фактором отнесения некоторого взаимодействия к ГЧП является то, что не государство (как в случае с конкурсом) подключается к реализации проекта, а именно государство является инициатором проекта (крупного общественно значимого).

Во-вторых, согласно законам ([4,5]), проектами ГЧП становятся объекты дорожной инфраструктуры, включая авто-, ж/д– магистрали, трубопроводы, порты, аэропорты, объекты здравоохранения, образования, культуры, туризма и спорта, объекты сбора, переработки и утилизации твердых коммунальных отходов, IT-объекты (начиная с 2018 года, в рамках изменений в ФЗ от 29.06.2018 г. № 173-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"). При прямой государственной поддержке средства выделяются государственной корпорацией "Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)" на принципах, изложенных в Меморандуме "О финансовой политике государственной корпорации "Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)", утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 июля 2018 г. № 1510-р. При этом решается основная задача ГЧП в текущих условиях – стимулировать бизнес к реализации проектов, находящихся на грани окупаемости, индикативное управление государством в целях достижения социально-экономических целей не по критерию максимума доходности, а по критерию, в том числе, максимума социального эффекта.

По данным Национального центра государственно-частного партнерства [7], по итогам 2021 года, в Российской Федерации на различных стадиях реализации находятся не менее 3 648 проектов как в формате классического ГЧП, так и квази-ГЧП, с совокупным объемом привлекаемых общих инвестиции – 5,1 трлн

руб., из которых 3,6 трлн руб. составляют средства частных инвесторов. [7]

При этом, как отмечалось ранее: "Возможность получить государственную поддержку значительно увеличится в случае, если проект подразумевает прямое или косвенное участие органов власти любого уровня (концессионный проект) или относится к публичному интересу власти (строительство или ремонт инфраструктуры), а также может служить реализации того или иного публичного интереса (увеличение налоговых поступлений или рабочих мест от реализации проекта строительства)". [4]

По каждому проекту государством вырабатываются свои критерии частных партнеров (наличие гражданских прав на выполнение гражданско-правовых действий; наличие юридической чистоты партнера; наличие при необходимости – лицензий; наличие опыта; устойчивость на рынке, финансовая состоятельность; членство в СРО – саморегулируемых организациях; объем услуг/продукции; для рынка и т.п.).

Каждый из критериев, предъявляемый к частному партнеру в ГЧП государством, конкретизируется через ряд более детальных показателей. Например, финансовая состоятельность может оцениваться через: отсутствие убытков на определенном временном интервале (не менее 3 лет); отсутствие задолженностей перед бюджетом (просроченных); наличие стратегии развития и/или инвестиционной программы на временном интервале существования ГЧП. В свою очередь, может производиться и дальнейшая детализация на уровень показателей: объема и прироста выручки, чистой прибыли, ликвидности, рентабельности и т.д.

Рассматривая ГЧП как механизм установления индикативных стратегических ориентиров воспроизводственных процессов во всех сферах экономики России, важным является определить мультипликатор государственных инвестиций (количество рублей частного капитала привлеченных на 1 рубль государственных инвестиций).

Государство сейчас использует показатель минимального уровня финансирования проекта из средств бюджета субъекта Российской Федерации, определяется по следующей формуле ([8]):

$$Y_i = (0{,}10+0{,}40 * (БО_i - БО_{мин}) / (БО_{макс} - БО_{мин}), \quad (1)$$

где Y_i – значение минимального уровня финансирования проекта из средств бюджета i-го субъекта Российской Федерации в общей сумме бюджетных ассигнований Фонда и средств бюджета i-го субъекта Российской Федерации, направляемых на финансирование проекта, в соответствующем финансовом году;

$БО_i$ – уровень расчетной бюджетной обеспеченности i-го субъекта Российской Федерации с учетом дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации в соответствующем финансовом году, определенный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2004 г. № 670 "О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации" (последние изменения документа – 24 декабря 2021 г.). [8];

$БО_{мин}$ – минимальный уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации с учетом дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации в соответствующем финансовом году, определенный в соответствии с Постановлением № 670. [8];

$БО_{макс}$ – максимальный уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации с учетом дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации в соответствующем финансовом году, определенный в соответствии с указанным выше постановлением.

Значение данного показателя должно обязательно соблюдаться как минимальный порог вхождения частного капитала в проект ГЧП в каждый инвестиционный проект в любом субъекте Российской Федерации.

Прошедшие пороговый отбор проекты далее оцениваются с позиций финансовой, бюджетной и экономической эффективности на основании утвержденной Приказом Министерства регионального развития Российской Федерации "Методики расчета показателей и применения критериев эффективности региональных инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной поддержки за счет бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации" в следующей последовательности [9]:

1. Критерии финансовой эффективности инвестиционного проекта с участием государства (см. [9]).

2. Критерий бюджетной эффективности инвестиционного проекта с участием государства (см. [9]).

3. Критерий экономической эффективности регионального инвестиционного проекта (см. [9]).

Вернемся к мультипликатору государственных инвестиций.

Используя данные того же источника ([3]) и таблиц 1 и 2, мы можем сравнить общие объемы вложения государства в ГЧП и затраты на инвестиции в основные фонды вообще.

2020 год.

Общий объем государственных инвестиций в ОФ – 3 877,873 млрд руб.

Объем государственных инвестиций в ГЧП "законтрактованный" в 2020 году – 152,6 млрд руб. (Справочно: Доля частного капитала в ГЧП – 58%).

ИТОГО: Объем государственных инвестиций в ГЧП "законтрактованный" в 2020 году составил 3,94% от общего объема государственных инвестиций в ОФ.

2021 год.

Общий объем государственных инвестиций в ОФ – 4 084,21 млрд руб.

Объем государственных инвестиций в ГЧП "законтрактованный" в 2020 году – 70,7 млрд руб. (Справочно: для частного капитала в ГЧП – 82,95%).

ИТОГО: Объем государственных инвестиций в ГЧП "законтрактованный" в 2021 году составил 1,73% от общего объема государственных инвестиций в ОФ.

ВЫВОД: Такой резкий рост мультипликатора бюджетной эффективности (в 2020 году на каждый государственный рубль было привлечено 1,38 руб. частных инвестиций, а в 2021 году – 4,87 руб. частных инвестиций), связан с усилением роли институтов развития – льготного заемного финансирования Фонда реформирования ЖКХ, программный подход ВЭБ, "Инфрастурктурные облигации" оператора ДОМ.РФ и т.д.

Кроме того, заработали Постановления Правительства РФ №1189 "Об утверждении правил отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, и о внесении изменений в положение о правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации" [10] и №1190 "Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов". [11] За 2021 год из 193 одобренных заявок – 7 заявок с финансированием бюджетных обязательств по проектам ГЧП.

Здесь нам интересен опыт Китая. Начиная с 2005 года, Китай выстраивает модель плановой рыночной экономики, где основным игроком на рынке "частных" инвестиций становится само государство. Конечно же, многие авторы видят здесь использование Сингапурского опыта (опыта крупнейшей в азиатском регионе инвестиционной компании, принадлежащей государству – Temasek Holdings). [12, 13, 14, 15]

В отличие от Сингапура, где данный фонд просто выполняет роль гаранта суверенного благосостояния, китайские "руководящие фонды" используются именно как инструмент целенаправленного индикативного планирования.

Согласно аналитическому обзору Eurasia Development Limited, эти фонды, составляющие лишь 26,6% от общего числа китайских венчурных компаний, контролировали в 2019 г. более 60% средств на китайском рынке частных инвестиций. [16]

Еще в 2005 г. Национальная комиссия Китая по развитию и реформам (аналог Госплана, отвечающий за макроэкономическое планирование) генерирует документ – руководство для государственных и субъектов государства органов по созданию ими "фондов управления венчурным капиталом".

Через десять лет Ли Кэцян (премьер-министр Китая) озвучивает план создания "руководящих фондов на национальном уровне для поддержки инноваций и модернизации промышленности". [16]

За последующие три года были созданы 3 724 "руководящих фондов", они управляли 60,5% всех инвестиций в Китае. Эти фонды привлекают деньги из министерства финансов Китая, государственных предприятий и фискальных резервов местных органов власти, но некоторые местные фонды также привлекают и частные деньги. [16]

Например, один из крупнейших фондов – фонд, созданный в 2019 году, "Национальный фонд преобразования и модернизации производства" (National Manufacturing Transformation

and Upgrading Fund), его капитал – 147,2 млрд юаней.

Главная проблема таких фондов в Китае – их низкий бюджетный мультипликатор.

Например, существующие в Центральнокитайской провинции Хэнань 43 созданных в 2018 году "руководящих фонда", оперируют на данный момент средствами, 92% которых – средства, полученные от фискальных структур (около 17,5 млрд юаней).

Данные о структуре капитала по источникам, подтверждающие тенденцию, указанную выше, приведены на рисунке.

Рисунок 1 – **Размер капитала вложенного государством и частными партнерами в проекты, реализуемые "руководящими фондами" Китая [16]**

Китай идет по пути дальнейшей централизации "руководящих фондов" – в 2021 году Китай объявил, что может создать единый фонд с капиталом несколько сотен миллиардов долларов.

Еще одним аргументом в пользу усиления роли государственных целенаправленных инвестиций являются выводы аналитического обзора Международного валютного фонда (МВФ) [17]:

– В условиях высокой турбулентности внешней среды рост на 1% ВВП целенаправленных стратегических государственных инвестиций повышает темпы роста экономики на 2,7 процентных пункта, стимулирует частные инвестиции на 10%, увеличивает занятость населения на 1,2% в ближайшие 2 года после инвестирования.

– Важным МВФ считает направления инвестирования, связанные с инновациями (НИОКР, в частности), "зеленую энергетику", энергоэффективное строительство и ресурсосбережение. Каждый миллион долларов таких инвестиций дает прирост на 5-14 рабочих мест, в то время как традиционные инвестиции дают прирост только на 2-8 рабочих мест.

Резюмируя, можно сделать общий вывод о том, что необходимо усиливать плановость инвестиционных процессов в воспроизводство основных фондов всех сфер экономики России, при этом, в первую очередь, необходимо осуществлять инвестиции в предваряющий цикл воспроизводства – воспроизводство основных фондов стройиндустрии. Государство должно не подменять частных инвесторов, а стимулировать их "своим примером". ГЧП и концессии – являются перспективными формами такого стимулирования. Эффективность их применения, базово, может быть оценена через мультипликатор бюджетных инвестиций – количество рублей частного капитала, привлеченных на 1 бюджетный рубль.

Литература:

1. Васильев А.Н. Государственное стратегическое целеполагание в сфере стройиндустрии в рамках новой промышленной политики // Экономика строительства. – 2022. – № 9. – С. 52-66.

2. "Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года" (утв. Распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 N 2765-р) (с изм. от 24.12.2021) // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/

3. Евразийская экономическая комиссия / Деятельность / Интеграция и макроэкономика / Департамент статистики / Социально-экономическая статистика. Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/investments.aspx

4. Федеральный закон "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 13.07.2015 №224-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/

5. Федеральный закон от 21.07.2005 №115-ФЗ (ред. от 01.05.2022) "О концессионных соглашениях". – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://

www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=132969-8&req=doc&rnd=OghDw&base=LAW&n=416264#BO2Ro5TuWugFGicK1
6. Йескомб Э.Р. Государственно-частное партнерство: Основные принципы финансирования. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 457 с.
7. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2021 года / Аналитический обзор. – М.: Национальный центр государственно-частного партнерства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pppcenter.ru/upload/iblock/5b4/5b4d97fb08864dd525b2923a2b14b415.pdf
8. Постановление Правительства РФ № 134 от 1.03.2008 г. "Об утверждении правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного Фонда РФ" (в ред. Постановления Правительства РФ от 23.06.2008 N 468).
9. Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 30 октября 2009 г. №493 "Об утверждении Методики расчета показателей и применения критериев эффективности региональных инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной поддержки за счет бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации" // Российская газета. – 2010. – № 18(5097).
10. Постановление Правительства РФ №1189 от 14 июля 2021 года "Об утверждении правил отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, и о внесении изменений в положение о правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации" // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391651/
11. Постановление Правительства РФ №1190 от 14 июля 2021 года "Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – №31.– С. 5902
12. Круглякова В.М. Опыт государственного регулирования инвестиционной деятельности в Китае: продуктивные подходы и результаты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – №7. – С. 107-111.
13. Котляров Н.Н. Прямые иностранные инвестиции в экономике России// Вопросы новой экономики. – 2018. – № 1(45). – С. 27-34.
14. Ван Ин Исследование факторов, влияющих на поток прямых инвестиций Китая в соседние страны // Экономические отношения. – 2021. – Том 11. – № 1. – С. 103-120.
15. Частные инвестиции Китая 2020 // Макроэкономические исследования. Инвестиции Китая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://be5.biz/makroekonomika/capital_formation/cn.html
16. Финансируемые китайским государством "большие фонды" управляют 60% капитала VC/PE // Аналитические обзоры и материалы Eurasia Development Limited (ED). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chinahi.tech/perspectives/finansiruemye_gosudarstvom_fondy_upravlyayut_vc_pe_capitalov
17. Бюджетный вестник, Октябрь 2020 года// Международный валютный фонд. – том 1. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor

THE TRAJECTORY OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RURAL AREAS

Vorobyov Nikolay Nikolaevich, *DSc of Economics, Professor*

Pelevin Igor Yurievich, *PhD of Economics*

Technological Institute of service (branch), Donskoy State Technical University, Stavropol

The article highlights the issues of socio-economic processes in rural areas, considers problems and reveals factors that influence the construction of an algorithm for the interconnection of food supply systems at various levels, taking into account the development of rural areas. This study of rural areas affects the social side of both urban agglomerations and rural settlements. In this connection, in our study, attention is paid to the relationship of such processes, the trajectory of the development vector, the results of efficiency in managing the economy of the rural area, aimed at improving the living standards of the rural population through the development of rural infrastructure and innovation. The article assesses the current state of affairs in certain subjects of the Russian Federation and the Republic of Abkhazia, in comparison with the dynamism of their development, some aspects of specific rural settlements, touched upon in the study, must be considered individually, which of course cannot be reflected in one article, additional research is required. within each specific area. The considered structural factors, taking into account the determination of their share of influence on the result, made it possible to develop a number of measures aimed at regulating the processes of effective management of the territories of rural settlements.

Keywords: *economy; investment; territory; rural area; settlement; innovation; strategy; technology; algorithm; trajectory; indicators; state; management; methods; assessment; income; population; efficiency of results.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.4

ТРАЕКТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 332
ВАК РФ 5.2.3

© Воробьев Н.Н., 2022
© Пелевин И.Ю., 2022

В работе освещены вопросы социально-экономических процессов сельской территории, рассмотрены проблемы и раскрыты факторы, влияющие на построения алгоритма взаимосвязи систем обеспечения продовольствием на различном уровне, с учетом развития сельской территории. Это исследование сельских территорий затрагивает социальную сторону как городских агломераций, так и сельских поселений. В связи с чем, в нашем исследовании уделено внимание взаимосвязи таких процессов, траектории вектора развития, результатам эффективности в управлении экономикой сельской территории, направленных на повышение уровня жизни сельского населения, посредством развития инфраструктуры сельских населенных пунктов и инновационной деятельности. В статье дается оценка сегодняшнего состояния дел по определенным субъектам Российской Федерации и Республики Абхазия, в сравнении динамичности их развития, некоторые аспекты по конкретным сельским населенным пунктам, затронутые в исследовании, необходимо рассматривать индивидуально, что конечно же невозможно отразить в одной статье, требуется дополнительное исследование в рамках каждой конкретной территории. Рассмотренные структурные факторы, с учетом определения их долевого влияния на результат, позволили разработать ряд мероприятий, направленных на урегулирование процессов эффективного управления территориями сельских населенных пунктов.

Ключевые слова: *экономика; инвестиции; территория; сельская местность; населенный пункт; инновации; стратегия; технологии; алгоритм; траектория; индикаторы; государство; управление; методы; оценка; доходы; население; эффективность результатов.*

Введение

Проблема развития сельских территорий как Российской Федерации, так и Республики Абхазия актуальна тем, что продовольственная безопасность мирового сообщества становится все более приоритетным направлением в исследованиях ученых. Именно недостаток в продовольственном обеспечении некоторых стран, в частности стран Африканского континента, вносит свои коррективы в производстве и распределении продовольствия. Даже страны с максимально возможным потенциалом в продовольственном обеспечении на сегодняшний день подвержены риску в сельскохозяйственном производстве. В основе эффективного развития производства продовольственной продукции конечно же заложена аксиома, которая взаимоувязывает территории сельские с производственной базой. Население сельских территорий – основные трудовые ресурсы постепенно снижается в численности проживания в сельских населенных пунктах, что несомненно ведет к деградации таких мест проживания.

Дело в том, что идентичная ситуация складывается, когда мы оцениваем по основным параметрам социального и экономического развития сельские территории. Самой актуальной проблемой на сегодняшний день остается "отток" населения с таких территорий, снижение демографических показателей, а вместе с тем исследования в этом векторе затрагивают целый спектр вопросов, связанных как функционально, так и корреляционно с развитием государства в целом.

Если мы обратимся к официальным данным муниципальной статистики по социальному уровню сельской территории и России, и Абхазии, то возникает необходимость рассмотрения сравнения их возможностей, построенного на основе оценки использования местных ресурсов, и получения экономического эффекта [1,2].

ВОРОБЬЕВ Николай Николаевич, *доктор экономических наук, профессор*

ПЕЛЕВИН Игорь Юрьевич, *кандидат экономических наук*

Технологический институт сервиса (филиал), Донской государственный технический университет, Ставрополь

Если мы возьмем, к примеру, такие субъекты Российской Федерации,якак Краснодарский и Ставропольский края (наиболее приближенные территориально к Республики Абхазия), то видим, что при идентичности по наличию сельских населенных пунктов, их состояние и развитие сильно отличаются. Даже в количестве таких поселений уже просматривается существенная разница: в Ставропольском крае насчитывается 734 сельских населенных пунктов, в Краснодарском крае их 351, а в Республики Абхазия таких населенных пунктов 503 единицы. В таком параметре оценки преобладание сельских территорий в Ставропольском крае должно бы сказываться и на амплитуде колебаний в развитии сельского хозяйства, а также смежных отраслей промышленности.

Идентичность их в том, что эти территории по всем параметрам своего статуса относятся к сельским населенным пунктам, где доминирует производство сельскохозяйственной продукции, как в личных подсобных хозяйствах, так и в крестьянско-фермерских, и в хозяйствующих субъектах с образованием юридического лица и т.д.

Расхождения наблюдаем существенные, не только в количестве сельских населенных пунктов, их численности населения, но и в социально-экономическом уровне развития, на чем мы в принципе и сконцентрировали свое внимание. Если взять траекторию динамики "полета" в демографическом диапазоне этих территорий, то идентичность наблюдаем в снижении численности населения сельских территорий.

Хотелось бы отметить, что в абсолютном показателе только Краснодарский край несколько поправил такую ситуацию, где в 2021 году был отмечен рост населения, проживающих на сельской территории до 2524,6 тыс. человек, тогда как в 2016 году в селах проживало 2518,9 тыс. человек.

Однако в структуре соотношения городского и сельского населения по Краснодарскому краю все равно опережающий рост остается за городским, так как городское составляет 55,6%, а сельское – 44,4%.

Население Ставропольского края, проживающего в сельских населенных пунктах, несмотря на количественное преимущество динамично, ежегодно уменьшается и по численности составляет в настоящее время 1140,1 тыс. чел. (в 2016 г.-1169,5 тыс. чел.), а в структуре соотношение городского и сельского населения показатели составили 59, 2% и 40,8%, соответственно.

Аналогичная ситуация и по Республике Абхазия, тем более что структура в нынешнее время поменялась, городское население уже превышает сельское.

В Российской Федерации внимание такому процессу снижения населения в сельской местности уделяется, что можно отметить положительным моментом. Ряд мер принимается и на федеральном, и на региональном уровнях. Например, в 2019 году вступило в силу Постановление Правительства РФ № 696 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий", и сейчас с течением времени вносятся поправки и корректировки тактического приема достижения поставленной цели, изменены с 24 июня 2022 года на основании Постановления Правительства России от 22 июня 2022 г. №1119, в основе которого заложены приоритеты их послания Президента Федеральному Собранию РФ в 2019 г. и т.д.[3,4].

В регионах "зеркально" отобразились нормативно-законодательные акты, например, согласно Постановлению правительства Ставропольского края от 31 марта 2022 года n 156-п О внесении изменений в государственную программу Ставропольского края "Развитие сельского хозяйства", утвержденную Постановлением Правительства Ставропольского Края От 28 Декабря 2018 Года За Номером 620-П., были намечены определенные ориентиры, которые на сегодняшний день уже являются ретроспективными, и требуются новые подходы к решению проблем достижения уровня обеспечения высокотехнологического процесса [5]. Аналогичные нормативно-законодательные акты приняты и в Краснодарском крае, и по Республике Абхазия.

В рассматриваемых субъектах РФ и Республики Абхазия определены индикаторы и сроки их достижения, выделены основные направления и приведена структура мероприятий. Так, к примеру по Ставропольскому краю, в подпрограмме "Развитие животноводства", по такому направлению как "Развитие мясного и молочного животноводства", было намечено в ожидаемом результате: увеличение производства мяса крупного рогатого скота (в убойном весе) в хозяйствах всех категорий Ставропольского края с 32,3 тыс. тонн в 2014 году до 39,5 тыс. тонн в 2021 году; увеличение численности молочных коров в сельскохозяйственных организациях Ставропольского края с 21884 голов в 2014 году до 28800 голов в 2021 году в 2015 – 42,4 тыс. в 2020 34,4 тыс. голов и т.д.[5].

Аналогично, и по другим субъектам Российской Федерации были определены в законодательно-нормативной базе ориентиры на достижение цели по развитию сельских территорий, однако здесь речь не шла о приоритетном развитии самих населенных пунктов, что, на наш взгляд, надо бы увязать с определённым эффектом и производственную базу и социально-экономическую площадку сельских поселений.

Мы задались целью в своем исследовании построить алгоритм решения проблем социально-экономического характера, на основе разработки финансового механизма распределения и перераспределения ресурсных возможностей, построенного на достоверном анализе траектории развития территориальной площадки сельских населенных пунктов.

Для достижения такой цели были поставлены задачи следующего характера. Во-первых, необходимо оценить состояние сегодняшнего дня по населенным пунктам, относящимся к сельской территории. Во-вторых, для сравнения следует рассмотреть, как минимум, несколько территорий государственного административного деления разного уровня. Для этого мы определились с тремя территориями, соседствующими между собой границами, Ставропольского, Краснодарского краев Российской Федерации, и территорией Республики Абхазия. В-третьих, сбор и группировка данных по критериям оценки вызывает сомнения по достоверности, поэтому одна из задач – усреднить эти показатели.

Конечно, по мере продвижения процесса исследования будут возникать новые задачи (впрочем, как и в других исследованиях), поэтому вышеуказанные задачи являются первоначальными и укрупненными.

Теоретические исследования в этой области проводились и ранее, так как ученые различного уровня (экономисты, юристы и социологи) давно задавались целью построения механизма развития села и территорий сельского характера Российской Федерации. Однако такие исследования концентрировали свое внимание на сельскохозяйственном производстве, а не населенных пунктов, поэтому и хотелось бы раскрыть сущность поднимаемой проблемы – разработать такой механизм, который позволит параллельно развивать производственный спектр сельскохозяйственной экономики и социальный в населенных пунктах сельской территории.

Несомненно, факт развития сельского хозяйства является приоритетным для таких населенных пунктов, даже потому, что зачастую они являются единственным хозяйствующим субъектом, который, можно сказать, играет роль село образующего субъекта.

Закрытие или же постепенное снижение сельскохозяйственного производства в таких экономических субъектах чревато последствиями социального характера, а по сути "исчезновения" самого сельского населенного пункта.

Вопросы развития сельскохозяйственного производства функционально влияют на смежные отрасли, которые непосредственно формируются и осуществляют свою деятельность благодаря сельскохозяйственному производству, так что, затрагивая сельскую территорию, мы учитываем механизм корреляционной связи с городскими хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность благодаря сельскохозяйственному производству.

На первый план выдвигается пищевая промышленность, которая непосредственно и функционально зависит от сырьевой базы сельскохозяйственного комплекса, а соответственно, доминирует во взаимосвязи городских и сельских поселений.

Немаловажную, а может и основную роль играют хозяйствующие субъекты, задействованные в производстве средств производства, то есть сельскохозяйственное машиностроение и целый спектр оборудования, которое непосредственно участвует в производстве сельскохозяйственной продукции, да еще плюс к тому вспомогательные материалы.

Если с этой позиции рассматривать траекторию развития сельской местности, то можно сказать, что она является связующим звеном во всей цепи производственно-хозяйственного комплекса государства, а для территорий определенных субъектов аграрно-индустриального характера тем более-единственным звеном.

В связи со всем вышесказанным можно сказать, что актуальность поднятой проблемы и назревшая необходимость пересмотреть траекторию развития сельских населенных пунктов с позиции обустройства и развития их инфраструктуры, посредством финансового ресурса от производства продукции до населенного пункта, возрастает на фоне развивающихся событий в мировом сообществе.

Так как в данный момент времени продовольственный кризис для многих стран неизбежен, распределение ресурсов продовольствия становится не только государственной, но и мировой проблемой.

Развитие села и населенных пунктов, попадающих под этот статус, во многом определяет рабочую силу, то есть трудовые ресурсы, которые и должны играть ключевую роль в обеспечении полного производственного цикла продовольствия.

Здесь, на наш взгляд, можно применить тактику выполнения обязательств при запуске и развитии какого-либо хозяйствующего субъекта на сельской территории. Например, бизнес-структура, осуществляющая свою деятельность, решает свои интересы в пределах или на самой территории сельского населенного пункта. При этом сам населенный пункт может и не затрагиваться деятельностью такой структуры, но вот прилегающие территории участвуют в процессе его деятельности.

В этом случае возникает необходимость внедрения механизма, предшествующего запуску такой деятельности, изначально должно быть предусмотрено обустройство сельского населенного пункта и прилегающей инфраструктуры, а лишь затем запуск деятельности такого хозяйствующего субъекта. Не является секретом или достижением, в определенном смысле понимания, что финансовые вопросы являются ключевыми по обустройству сельского населенного пункта (как и любого другого), они могут быть распределены между бизнес-структурой и государственными учреждениями, которые при необходимости могут войти в бизнес-структуру с позиции создания хозяйствующего субъекта на условиях государственно– частного партнерства.

Наши современники, отечественные ученые определенно исследуют социально-экономический уровень сельских населенных пунктов.

В Российском государственном аграрном университете – МСХА имени К.А. Тимирязева в 2021 году опубликован сборник научных трудов под названием "Развитие сельских территорий и повышение качества жизни сельского населения", который аккумулировал библиографический список публикаций в области исследований проблем развития таких сельских территорий, на что мы и обратили внимание [6].

Своевременно, такой научный материал целесообразно использовать не только в преподавании дисциплин в вузах страны, но и в научно-практических исследованиях [6].

В этом издании собраны исследования ученых, которые рассматривают различные "ниши" проблем в сельских территориях Российской Федерации – от законодательно-правовой базы до социально-экономической обеспеченности.

К примеру, в своем исследовании А.А. Афанасьев "Сельские территории и сельские поселения: правовая доктрина устойчивого комплексного развития" [7] обратил внимание на правовые проблемы именно устойчивого развития территориального комплекса сельских поселений, в чем мы согласны с автором, так как именно комплексное решение вопросов позволит удержать ситуацию по сокращению сельских настенных пунктов, да и численности населения.

А.А. Брылев в статье "О некоторых итогах переходного этапа реализации стратегии устойчивого развития сельских территорий (региональный аспект)" [8], М.Ц. Будажанаева опубликовала "Методология интегральной оценки пространственного развития сельских территорий субъектов Российской федерации" [9].

Мы солидарны с их мнением, так как действительно само определение понятия "пространственное развитие" нормативно закреплено в "Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г." и подразумевает совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития.

Можно привести примеры других исследований, так, в своей статье С.Н. Данилова [10] исследует проблему населенных пунктов сельской территории, нацеливая внимание на то, что только комплексное развитие села может способствовать такому процессу, с чем сложно не согласиться, тем более что и А.А. Афанасьев [7] сконцентрировал внимание на комплексном решении проблем. Мы согласны с тем, что данные достаточно справедливо подчеркивают уменьшение численности таких населенных пунктов по Российской Федерации в целом. Конечно, "картина" отрицательная, но вот факты механизма финансового ресурса говорят о том, что формирование местного бюджета желает быть намного выше сегодняшнего положения.

Исследователи приводят ряд данных, свидетельствующих о таком состоянии дел. За период с 2014 по 2018 годы число сельских населенных пунктов сократилось в Российской Федерации с 18,5 тысячи до 17,7 тысячи, или на 4,2%. Основной причиной указанных процессов является неудовлетворенность сельского населения своим социальным и материальным положениям.

Как отмечают ученые, у сельских поселений просто нет собственных источников развития,

ведь почти 80% муниципальных бюджетов дефицитные. Ввиду доминирования земель сельскохозяйственного назначения наблюдаем низкий уровень развития в сельской местности других видов деятельности, что обусловливает узкий спектр сферы использования трудовых ресурсов в сельской местности. [11].

Мы солидарны с мнением ученого Н.В. Климовских, которая в своем исследовании поднимает проблему устойчивого развития сельских территорий: "Проблема устойчивого развития сельских территорий и ее решения", в том, что назрела необходимость в данном подходе не сегодня, а еще вчера [12].

Д.И. Жиляков в статье "Оценка эффективности государственного регулирования устойчивого развития сельских территорий" приводит примеры Курской области, где проблемы идентичны с другими регионами Российской Федерации [13]. Белорусский ученый Н.В. Киреенко рассматривает модели международной практики, на основе развития агарного бизнеса [14].

Молодые учёные, такие как Ю.Ф. Марьянова определяет основополагающий фактор социально-экономического развития сельских территорий [15], О.А. Сагина – вероятную перспективу развития сельских территорий в свете финансовых аспектов [16], О.Я. Старкова – эффективность финансирования развития сельских территорий пермского края [17], Д.Б. Эпштейн исследует построение комплексной программы устойчивого развития городских и сельских территорий [18], О.И. Бетин и его соавторы – механизмы управления сферой услуг в инфраструктуре аграрного сектора экономики" [19].

В 2019 году было принято Постановление Правительства РФ № 696 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий", что дало новый импульс в развитии, но механизм финансового ресурса сельских территорий не достигнут.

Главой государства дано поручение Правительству РФ разработать отдельную программу развития сельских территорий, которая уже реализовывается с 1 января 2020 года, причем в данном документе была поставлена задача обеспечить комплексный подход к решению задач по устойчивому развитию сельских территорий [3,26].

Необходимость такой государственной программы во многом обусловлена тем, что система пространственного развития не может быть целостной и эффективной без учета в ней задач по развитию сельских территорий, которые занимают почти 90% площади Российской Федерации.

Заметим, что именно сельские территории связывают территориальные комплексы страны путем создания производственных центров с ресурсной базой, сельского хозяйства и пищевой промышленности и являются звеном взаимодействия легкой промышленности, машиностроения и т.д., обеспечивая уровень жизни населения в численности до 40 миллионов человек по Российской Федерации.

Соответственно устойчивое развитие этих, сельских территорий обеспечивает не только связи и сбалансированность развития регионов, но и эффективность социально-экономического развития страны в целом. Так, например, в Ставропольском крае каждый пятый работник, занятый в экономике региона, обязан сельским территориям и благодаря развитию сельского хозяйства.

Основными целями государственной программы комплексного развития сельских территорий является повышение качества жизни и уровня благосостояния сельского населения, при сохранении сбалансированной системы расселения, включающей различные типы населенных пунктов с учетом региональной специфики [3].

Исходя из вышеобозначенных целей, одним из основных направлений реализации программы выступают перспективные территории экономического роста, в которых уже реализуется или запланирована реализация новых инвестиционных проектов не только различной отраслевой направленности, но и всех сегментов бизнеса, уделяется особое внимание проектам малого и среднего бизнеса, в том числе фермерских хозяйств.

Необходимо отметить, что госпрограмма комплексного развития сельских территорий будет реализовываться не только там, где преобладает сельскохозяйственное производство, но и на территориях с перспективами развития всех отраслей экономики.

Интересно, что в программе предусмотрено ежегодное, в период с 2019 по 2021 годы, сохранение новых постоянных рабочих мест, созданных в крестьянских (фермерских) хозяйствах Ставропольского края, осуществивших проекты создания и развития своих хозяйств с помощью грантовой поддержки, в количестве 137 единиц.

В результате достигнуты показатели. К примеру в 2020 году, поголовье крупнорогатого скота в Ставропольском крае составило 278,4

тыс. гол., в том числе в сельскохозяйственных организациях – 85,8 тыс. гол.

Увеличилась численность товарного поголовья коров специализированных мясных пород в сельскохозяйственных организациях, крестьянских (фермерских) хозяйствах Ставропольского края, включая индивидуальных предпринимателей: с 13,3 тыс. голов в 2014 году – до 17,6 тыс. голов в 2021 году; численность застрахованного поголовья сельскохозяйственных животных в Ставропольском крае – с 13,7 тыс. условных голов в 2014 году – до 35,8 тыс. условных голов в 2021 году [5].

Кроме того, рост производства молока в сельскохозяйственных организациях, крестьянских (фермерских) хозяйствах Ставропольского края, включая индивидуальных предпринимателей: с 167,4 тыс. тонн в 2014 году – до 181,7 тыс. тонн в 2021 году [5].

Тем не менее, на территории Ставропольского края происходит сокращение хозяйствующих субъектов, имеющих статус крестьянско-фермерского хозяйства.

По Республике Абхазия на сегодняшний день ситуация по развитию сельских территорий повторяет тенденции Российской Федерации, в структуре расселения преобладает городское – 50,2%, и, соответственно, 49,8% сельского населения.

В 2021 году абсолютные показатели городского населения в Республике Абхазия – 123015 человек, а сельского – 121911 человек.

В Республике Абхазия пока нет программ, которые бы были направлены на развитие инфраструктуры сельских населенных пунктов.

Даже принятая программа "Инвестиционная программа содействия социально-экономическому развитию Республики Абхазия на 2020-2022 годы" не отображает сельские населенные пункты, мы видим в первоочередных задачах: развитие автодорожной сети; модернизация электрических подстанций и распределительных сетей; развитие города Гагра как курортно-туристического центра; развитие водоснабжения и водоотведения, здравоохранения, что социально важно для Республики. Однако надо отметить, что в инвестиционных программах должно быть отражение конкретных сельских территорий в рамках самих поселений [20].

Дело в том, что инфраструктура сельских территорий ограничивается так называемыми центральными "усадьбами" или же "столицей" муниципального образования, тогда как другие поселения не имеют таких возможностей, и прежде всего ввиду отсутствия обустроенных транспортных коммуникаций.

Конечно же, под инфраструктурой мы понимаем электроснабжение, водообеспечение, наличие транспортных коммуникаций, социальные объекты (больницы, поликлиники, детские сады, школы) и т.д.

В данный момент на всех уровнях "звучит" экономическая целесообразность построения такой инфраструктуры в сельской местности, но в силу своего географического и природно-климатического месторасположения некоторые населенные пункты не могут позволить за счет муниципальных средств обустроить такую инфраструктуру.

Вопросы финансового ресурса сельских территорий, на основе инвестиционного потенциала, возникали и будут возникать в дальнейшем, а их решение несколько проблематично. Дело в том, что прямая инвестиционная прибыль интересует все бизнес-структуры, поэтому развитие идет лишь там, где есть логистическая цепь продвижения товаров, работ и услуг, то есть получение прибыли можно достичь в быстрые сроки. Данные сроки установлены временем событий, в основном они ограничены промежутком в годовой период, в других случаях бизнес-структура не может реализовать за такие проекты.

В данном случае следует исходить из потребностей населения, то есть социальной необходимости, а затем уже рассматривать экономический эффект.

Основная часть

В процессе исследования приходим к выводу, что необходим механизм развития не только сельских территорий, но и населенных пунктов, нужен новый подход, а именно комплексный механизм к решению проблемы, где ключевым будет полный масштаб использования местного ресурса, допуская в целях получения экономической выгоды сельской территорией. Тем более, что местные ресурсы имеются на каждой сельской территории и в Российской Федерации, и в Республики Абхазия.

Мы задались вопросом попробовать реанимацию таких населенных пунктов, которые находятся на грани "исчезновения", поэтому заинтересовались разработкой организационно-экономического механизма, нацеленного на извлечение экономической выгоды с территориальной возможности сельской территории, посредством полного вовлечения местных ресурсов.

Исследования по использованию местного ресурса уже проводились, но они в большей степени касались отдельной отраслевой инфраструктуры, в рамках приоритетной для одной или другой территории сельских поселений.

Например, ученый В.И. Нечаев в статье "Некоторые направления и механизмы государственной поддержки научно-технологического развития подотраслей АПК" предлагает основные направления и механизмы государственной поддержки научно-технологического развития подотраслей АПК.

На примере зерна и продуктов его переработки автор удачно рассматривает структурные элементы реализации, приведенных трендов инновационного развития аграрного сектора экономики России. Нам симпатизирует его мнение по государственной поддержке АПК, особенно в части направления повышения ее эффективности в научно-технологической сфере, в силу возможных отношений между участниками кластера по глубокой переработке зерна, построенного на основе государственно-частного партнерства [21].

Мы же в своем исследовании стараемся подойти более комплексно к решению социально-экономических проблем, увязать процессы развития сельских поселений с более углубленной структурой производственного характера, с учетом использования всех местных ресурсов. Основным направлением работы такого механизма будет являться параллельное развитие сельского населенного пункта и производственной базы, социальной инфраструктуры на уровне среднегородской.

Тем более, что в данный момент все большую актуальность в мире набирает проблема обеспечения продовольствием населения, что немаловажно в части международного сотрудничества не только в пределах соседних государств, но и дальнего зарубежья.

В связи с чем и мы приоритеты ставим на обеспечение продовольствием населения страны, межстрановое сотрудничество именно сельских территорий, а не только административных субъектов в различных областях продовольственной индустрии. Да и в данном случае сельская территория как раз и занимается в своей первоначальной функции обеспечением населения страны продовольствием. Так, к примеру, на территории Ставропольского края сельские территории имеют в своем преимуществе природно-климатическую зону и географическое положение, которое позволяет производить определенную продукцию для пищевой промышленности, что, конечно же, играет роль и в экономической выгоде. Это, прежде всего, производство зерновых культур, что можно отнести к положительной стороне вопроса.

Есть и отрицательная сторона, которая просматривается в ограничении территориальных возможностей и необходимости производства стратегической продукции.

Так, например, производство зерновых культур относится к стратегическим продуктам всего государства, и территория села в силу природно-климатической обособленности в Ставропольском крае вынуждено выращивать эти культуры в "ущерб" другим видам растениеводческих культур.

В Ставропольском крае в среднем производится более 7 млн тонн зерновых культур, хотя потребности этого региона в данном виде продукции в три раза меньше. В силу того, что требуется обеспечить прежде всего государственные нужды и все субъекты Российской Федерации такой продукцией, а не только Ставропольский край, то и распределение финансовых ресурсов должно быть с учетом экономической выгоды в среде сельских населенных пунктов этого субъекта.

Дело в том, что данный, рассматриваемый субъект может производить и другие виды сельскохозяйственной продукции, но соседние территории не располагают таким ресурсом сельскохозяйственного земельного фонда, конкретно для производства зерновых культур. Ввиду такого положения Ставропольский край вынуждено импортирует на свою территорию другие виды сельскохозяйственной продукции, в частности специи, овощи, фрукты и т.д.

В связи с этим, обеспечение другими видами продовольствия этой территории противоречит логистике, то есть импортируемая продукция (имеется ввиду из других регионов РФ) способствует процессу "оттока" денежных ресурсов из Ставропольского края.

В этом плане доказывается факт выполнения основной функции сельской территории Ставропольского края, в части обеспечения продовольствием определенной продукцией на различных уровнях: федеральном, региональном и местном.

Аналогичная ситуация складывается в сельской местности по Краснодарскому краю и Республике Абхазия, так как, например, избыток производства цитрусовых, орехов и т.д. может быть восполнен производством других видов местной продовольственной продукции, и

природно-климатический ресурс располагает к такому производству.

На наш взгляд, решить проблему социального характера возможно при определенном пошаговом алгоритме, с увязкой экономических параметров развития территории, на основе реструктуризации сельскохозяйственного и продовольственного производства продукции, с учетом рефинансирования процесса "притока" и "оттока" денежного ресурса.

Первый шаг должен обеспечить логистику в потребности и достаточности по использованию местного ресурса: внутреннего и внешнего объема. Если с внутренним объемом не возникает трудностей, так как расчеты сопредельные с уровнем потребления продукции населением, проживающем на данной территории, то с внешним – возникает проблема по определению объемов возможных рынков сбыта.

Для этого необходимо консолидировать договорные соглашения всех уровней в единой информационной базе, провести мониторинг объемов как в натуральном, так и в стоимостном параметре.

Обустройство транспортной системы на федеральном уровне существенно отличается от регионального, что подтверждается официальными данными государственных статистических органов. Расходы на строительство и ремонт основных магистралей должны компенсироваться за счет "платных дорог", а перераспределение дорожных фондов и направление их на сельскую территориальную транспортную инфраструктуру будет способствовать развитию населенных пунктов, прилегающей территории.

Разумеется, что комплексное развитие территорий сельских поселений неразрывно связано прежде всего с юриспруденцией, поэтому возникает необходимость разработки серии документов, относящейся к территориальной социально-экономической "площадке".

Механизм правового характера необходимо рассматривать как взаимоувязанную цепь логического продвижения продукции местной от производителя до покупателя, с регулированием финансового потока от федерального до местного, и наоборот.

Как уже говорилось выше, такие нормативно-правовые акты уже приняты, но, по всей видимости, их еще недостаточно, так как экономические, а особенно финансовые проблемы не решены. Дело в том, что поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей осуществляется, но это касается отраслевой специфики производства продукции, другое дело поддержка и развитие населенных пунктов села и поселков таких территорий.

Необходим механизм, позволяющий пошагово решить проблему социального статуса сельских поселений с ориентацией на среднеуровневый жизненный уровень городской среды.

Предлагаем, на основании оценки среднегородского развития территории, принять такой критериальный ориентир и для сельских населенных пунктов.

В связи с этим требуется достоверная оценка и постоянный мониторинг по развитию как сельской, так и городской местности. Для этого потребуется объединение возможностей министерств и ведомств административных субъектов государства, разработка кумулятивного показателя, позволяющего объективно оценивать возможности территории.

На сегодняшний день финансовые возможности, конечно же, ограничены, даже если обратить внимание на соседние регионы Российской Федерации, то можем сказать о неуравновешенном соотношении финансовых вложений в сельские территории. Согласно официальным данным государственных органов статистики РФ, мы отобразили темпы изменений инвестиционных вложений в сельские территории на рисунке 1, в динамике исследуемого периода, что доказывает факт неуравновешенного состояния.

По сельским территориям приведенных субъектов РФ и Северо-Кавказского округа сложилась ситуация, которая характеризует по своей сути работу привлечения средств в развитие сельских территорий, что в свою очередь обозначает широкий спектр проведенных мероприятий субъектами РФ. Если по Российской Федерации наблюдается более равновесная динамика, то по субъектам РФ, приведенным на графике, допускается высокая колеблемость. Тем более, сравнивая численность населенных пунктов сельских территорий, приходим к выводу, что в значительной мере опережающим темпом инвестиции вкладываются на территорию сельских поселений Краснодарского края.

Например, в Ставропольском крае в 2015 году в среднем на одно сельское поселение приходилось 485,8 тыс. руб. инвестиционных вложений, а в 2020 году – только 279,9 тыс. руб., то есть снижение – на 42%. По Краснодарскому краю несколько другая ситуация: в 2015 году вложение инвестиций на одно сельское поселение составляло в среднем 2135,3 тыс. руб., а

в 2020 году уже было привлечено 5477,3 тыс. руб. Если по Ставропольскому краю мы наблюдаем снижение этого показателя почти в 2 раза, то по Краснодарскому краю – рост более чем в 2,5 раза.

Можно привести данные еще по одному субъекту Российской Федерации, по Республике Дагестан, где насчитывается 1588 населённых пунктов сельских поселений, а инвестиционный фонд вложений в сельские территории составил в 2020 году 848472 тыс. руб., то есть на одно поселение приходится 534,3 тыс. руб. Для сравнения в 2015 году инвестиций было в сумме 252962,4 что соответственно показало на одно такое поселение в среднем пришлось по 159,3 тыс. руб. Отметим, что за исследуемый период рост инвестиционных вложений в сельские территории по Республике Дагестан значительный, более чем в три раза.

В целом по Российской Федерации насчитывается 153125 населенных пунктов сельских поселений. В динамике инвестиционных вложений по стране ситуация несколько иная, чем по рассматриваемым субъектам, произошло некоторое снижение, хотя колебания совсем незначительные, по крайней мере за исследуемый период: в 2015 году было вложено в сельские территории 25566005, что соответственно на одно сельское поселение в среднем составило 166,9 тыс. руб., а в 2020 году – 22599943 тыс. руб. – 147,6 тыс. руб.

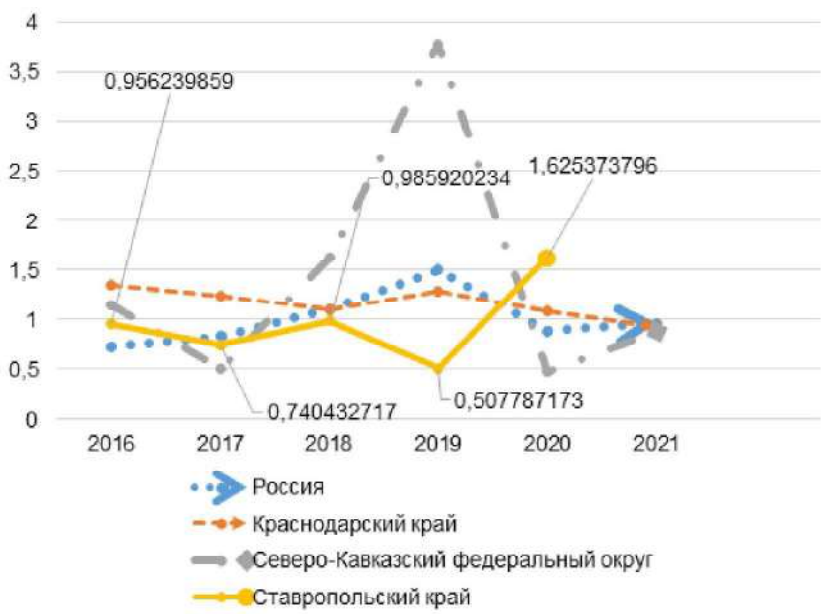

Рисунок 1 – **Динамика темпов изменений инвестиций в основной капитал сельских территорий в сравнении по субъектам РФ**

В результате такого сравнения мы приходим к выводу, что недостаточность инвестиционных вложений по Ставропольскому краю требует доработки уже действующих мероприятий, направленных прежде всего на развитие инфраструктуры социально-экономической среды, а не только на распределение и перераспределение уже имеющихся финансовых ресурсов (в основном бюджетных).

Если мы обратим внимание на финансовый ресурс сельских поселений, то увидим ограничения в том плане, что средства, полученные от реализации продукции, "оседают" вне зоны сельских территорий, где она производится. Да еще плюс к тому, сам денежный ресурс сельского поселения ограничен доходами населения, поэтому "ждать", что придёт инвестор и, получив прибыль, будет "вкладывать" денежные средства в развитие такого населенного пункта, безнадежен.

Следует иметь ввиду, что приобретение произведенной местной продукции населением сельского населенного пункта тоже ограничивается рядом условий, основные из которых: первое – произведенная аналогичная продукция на собственных подворьях снижает спрос населения; второе – низкая доходность населения не позволяет удовлетворить спрос в полном объеме.

Если подвести некоторый итог к выводу о процессе исследования, то мы можем сказать, что в разработке механизма социально-экономического развития сельской территории траектория динамики показателей играет существенную роль в прогнозировании и проектировании процессов.

Результаты

Результатами нашего исследования можно считать разработку адаптированного варианта механизма учета полноты объема использования местного ресурса, распределения и перераспределения продукции сельских территорий, с эффектом обратного финансового потока, направленного из бюджетов разного уровня на развитие сельской территории.

Первое, на наш взгляд, была выявлена необходимость учитывать тот факт, что часть местной продукции сельских территорий имеет общегосударственное значение, второе – в

пределах территорий самого сельского поселения следует рассчитать стоимость экономического эффекта, по среднему уровню доходности аналогичной территории всего государства. Третье, уже с учетом двух вышеуказанных условий – предусмотреть оценку экономической выгоды при использовании территории в других целях. Имеется ввиду учитывать общегосударственные нужды, под выделения земель для производства продукции общего значения.

Так как определенные сельские территории обладают рядом возможностей по развитию не только сельскохозяйственного производства, но и отраслей промышленного характера или добычи полезных ископаемых, а ввиду природно-климатических зон, ключевой необходимостью обеспечения продовольствием государства, вынуждено заниматься именно производством продовольствия.

Этот факт имеет место быть, и ситуация складывается не всегда в пользу сельской территории.

Например, производство культур сельскохозяйственных не дает такого экономического эффекта как добыча и переработка полезных ископаемых, или же строительство производственного комплекса по их обработке, жилищных комплексов и т.д.

В связи с такой постановкой вопросов возникает необходимость реструктуризации финансового "потока" государственной поддержки под сельскохозяйственное производство. Предлагаем в части формирования стратегического ресурса продовольствия (на всехуровнях – от федерального до местного) определенно увеличить господдержку за счет снижения ее при регулировании вопросов иного характера.

Экономические выкладки и расчеты необходимо производить из объемов "потери" выгоды в стоимостном характере, когда территория сельского населенного пункта могла бы иметь объекты, приносящие более высокий уровень доходов, а в силу общегосударственных нужд обязана производить конкретную продукцию, но уже с меньшим экономическим эффектом.

Подход к такому "повороту" дел, на наш взгляд, должен быть научно обоснован посредством сравнения в показателях усредненного состояния по аналогичным территориям государства. Можно здесь применить тактику по уже накопленному опыту Российской Федерации, а именно, обеспечению уровня заработной платы бюджетной сферы не ниже среднего дохода населения по региону.

На рисунке 2 отображена схематично методика оценки эффективности использования местного ресурса на территориях сельских поселений.

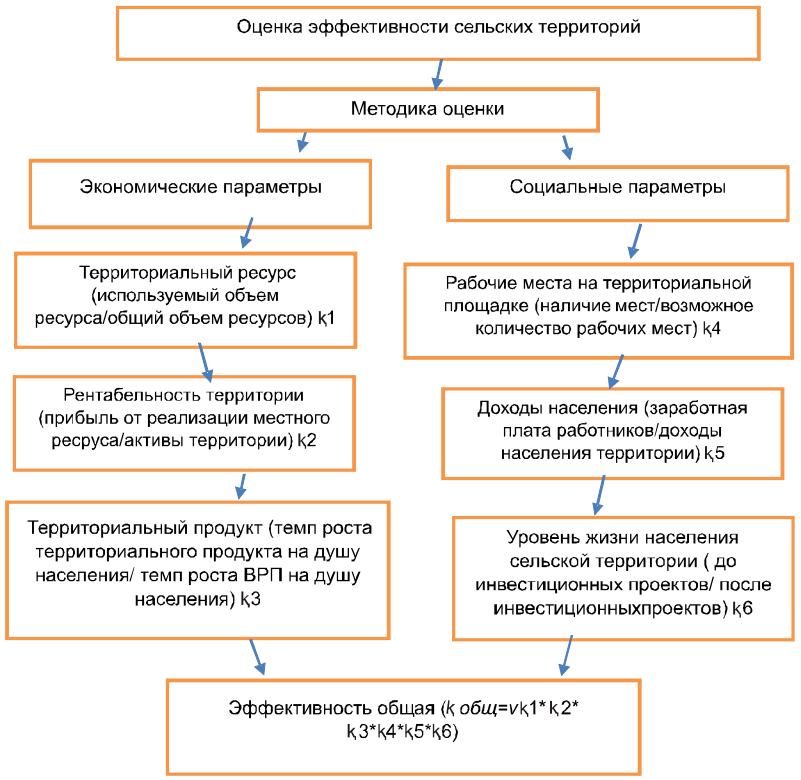

Рисунок 2 – **Методика оценки эффективности использования местного ресурса сельских территорий**

Мы проводим расчеты с учетом того, что будет проведена предварительная оценка земель сельскохозяйственного назначения и территориии непосредственно сельских поселений. Для этого требуется провести аудит данных территорий земель, который на сегодняшний момент еще не проведен.

В настоящее время эффект мультипликатора-акселератора на территории сельских поселений не срабатывает, то есть механизм уравновешивания циклических колебаний экономической системы не происходит. В связи с чем, соответственно и рост инвестиций на определенную величину не может увеличить

местный доход вследствие эффекта мультипликатора.

Из этого следует, что необходим рычаг управленческих решений, позволяющий обеспечить рост доходов, в свою очередь опережающий рост инвестиций вследствие действия акселератора, на основе роста совокупного спроса, в целях получения мультипликационного эффекта, который снова способен увеличить доход, путем привлечения предпринимателей.

Мы поддерживаем исследования Е.И. Семёнова о формировании сельских агломераций, так как это способствует развитию производственной базы и соответственно увеличивает сбыт продукции [22]. Хотелось бы отметить, что и нормативно-правовая база на сегодняшний момент совершенствуется, что позволяет говорить о положительном эффекте.

Эффект без участия государства в данном процессе невозможен, поэтому в Российской Федерации нормативно-правовая база приводится в соответствие, предоставляя возможность государственным структурам принимать участие в развитии сельских территорий, посредством не контроля, а создания совместных хозяйствующих субъектов, в рамках государственно-частного партнерства.

Экономические ресурсы территории необходимо оценивать консолидировано, с позиции учета имеющихся земельных фондов, трудовых ресурсов, производственных мощностей и т.д. При методике оценки земельных ресурсов необходим принцип построения показателей на основе учета используемых площадей и неиспользуемых. Таким образом, коэффициент использования земельного фонда будет основой для принятия решений по охвату всей площади. В структуре земельного фонда необходим расчет коэффициента эффективности использования земельных площадей, с учетом их социальной значимости, в пределах населенного пункта и всей прилегающей территории в стоместном параметре. Таким образом, можно будет построить алгоритм оценки использования земельных площадей и дать оценку имеющимся возможностям.

Ресурс трудового потенциала рассчитать как соотношение проживающего на данной территории населения (относящегося к трудовым ресурсам) в структуре профессиональной подготовки, к потребностям территории в трудовых кадрах по структуре специальностей.

Рентабельность территории рассчитывать, как полученную прибыль с каждой территориальной площадки к среднему уровню активов по территории.

Производство местной продукции на каждого жителя сельской территории (в стоимостном параметре) необходимо оценивать в темпах изменений в периоды – квартал, год и т.д., при этом сравнивать с темпами роста валового регионального продукта по территории административного субъекта страны.

Если мы проведем оценку имеющегося территориального ресурса, который уже используется, построив для этого баланс учета ресурсов, и сравним с еще имеющимся ресурсом (забалансовые счета территориальных ресурсов), то получим показатель, позволяющий построить прогноз сценариев развития территории. Тем более, что на сегодняшний день уже достаточно законодательно-нормативной базы для вовлечения государственных структур в процессы развития местных территориальных возможностей. Принятый Федеральный закон "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [23] своевременно дает новый "толчок" в развитии процесса, а целая серия следующих нормативно-правовых документов усиливает позиции по внедрению проектов государственно-частных хозяйствующих субъектов на сельских территориях.

Так, к примеру, Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1514 "О порядке проведения уполномоченным органом оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества" [24] подчеркивает основу в методике оценки, но еще требует доработок, поэтому потребуется внесение некоторых изменений и дополнений, в частности по определению эффекта для каждого жителя населенного пункта сельских территорий.

Если рассмотреть Постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2022 № 1119 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу реализации государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий"[25], то видим продолжающийся постоянный процесс совершенствования.

Ведомства и министерства РФ соответственно принимают в унисон свои нормативно-законодательные акты, например, Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 14.09.2021 № 627 "Об утвержде-

нии порядка управления реализацией государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий" [26] концентрирует и конкретизирует деятельности сельскохозяйственных отраслей.

Таким образом, по вопросам законодательно-нормативной базы можно говорить о целом блоке, который консолидирует условия развития сельских территорий страны.

Мы приходим к выводу, что оценка территориальных возможностей может способствовать не только развитию сельской территории, но и условий взаимосвязи всей территории как субъекта страны, так и в целом государства.

Примечания:

1. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. 766 с
2. "Абхазский статистический ежегодник – 2020": Государственный Комитет Республики Абхазия по статистике. – Сухум: Лагвилава А., 2021.
3. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий".
4. Послание Президента Федеральному Собранию РФ в 2019 г. http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863
5. Постановление правительство Ставропольского края от 31 марта 2022 года n 156-п О внесении изменений в государственную программу Ставропольского края "Развитие сельского хозяйства", утвержденную постановлением Правительства Ставропольского края от 28 декабря 2018 г. №620-п.
6. Развитие сельских территорий и повышение качества жизни сельского населения: библиографический список литературы: вып.18 / сост. А.Г. Цырульник. – М., 2021. – 22 с.
7. Афанасьев А.А. Сельские территории и сельские поселения: правовая доктрина устойчивого комплексного развития / А.А. Афанасьев // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 65-68.
8. Брылев А.А. О некоторых итогах переходного этапа реализации стратегии устойчивого развития сельских территорий (региональный аспект) / А.А. Брылев, И.Н. Турчаева, В.А. Негода // АПК: Экономика, управление. – 2021. – № 2. – С. 65-75.
9. Будажанаева М.Ц. Методология интегральной оценки пространственного развития сельских территорий субъектов российской федерации / М.Ц. Будажанаева, М.М. Скальная. – DOI 10.32651/211-87. – Текст : непосредственный // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 1. – (Проблемы агроэкономических исследований). – С. 87-95.
10. Данилова С.Н. Комплексное развитие сельских территорий: проблемы, тенденции, перспективы // Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях: сб. докладов Международной науч.-практич. конф.: в 2 томах. – Саратовстат, Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2020.
11. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 25.06.2022) "Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года"
12. Климовских Н.В. Проблема устойчивого развития сельских территорий и ее решения // Вестник Университета Российской академии образования. – 2020. – № 1.
13. Жиляков Д.И. Оценка эффективности государственного регулирования устойчивого развития сельских территорий / Д. И. Жиляков // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2021. – № 1. – С. 96-101.
14. Киреенко Н.В. Модели развития аграрного бизнеса в международной практике / Н.В. Киреенко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Серыя аграрных навук. – 2021. -Т. 59. – № 1. – С. 22-40.
15. Марьянова Ю.Ф. Основной фактор социально-экономического развития сельских территорий / Ю.Ф. Марьянова // Форум молодых ученых. – 2021. – № 2 (54). – С. 84-88.
16. Сагина О.А. Вероятная перспектива развития сельских территорий в свете финансовых аспектов / О.А. Сагина, М.П. Журавлёв // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 81-91.
17. Старкова О.Я. Эффективность финансирования развития сельских территорий пермского края / О.Я. Старкова // Znanstvena Misel. – 2021. – № 50-1(50). – С. 40-42.
18. Эпштейн Д.Б. О построении комплексной программы устойчивого развития городских и сельских территорий / Д. Б.Эпштейн // АПК: Экономика, управление. – 2021.– № 1. – С. 76-91.
19. Бетин О.И. Управление сферой услуг в инфраструктуре аграрного сектора экономики / О.И. Бетин, А.С. Труба, В.П. Черданцев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2021. – № 2. – С. 50-54.
20. Инвестиционная программа содействия социально-экономическому развитию Республики Абхазия на 2020-2022 годы.
21. Нечаев В.И. Некоторые направления и механизмы государственной поддержки научно-технологического развития подотраслей АПК / В.И. Нечаев. – DOI 10.32651/211-2. – Текст : электронный // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 1. – (Программно-целевое управление развитием агропроизводства). – С. 02-10. – URL: http://esxr.ru/article/3770 (дата обращения – 03.10.2022). – Режим доступа:для авториз. пользователей.
22. Семёнова Е.И. О формировании сельских агломераций / Е.И. Семёнова, А.В. Семёнов. – DOI 10.32651/211-96. – Текст : непосредственный // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 1. – (Проблемы агроэкономических исследований). – С. 96-102.
23. Федеральный закон "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации Принят Государственной

Думой 1 июля 2015 года Одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 года (В редакции федеральных законов от 29 .12.2015 №391-ФЗ, от 03. 07.2016 №360-ФЗ.
24. Постановление Правительство Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1514 "О порядке проведения уполномоченным органом оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества" (В редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 29.12.2018 № 1740).
25. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2022 № 1119 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу реализации государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий"
26. Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 14.09.2021 № 627 "Об утверждении порядка управления реализацией государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий" (Зарегистрирован 16.12.2021 № 66388).

APPLICATION OF THE UNIVERSAL EXPONENTIAL RELATIONSHIP FOR PRODUCT LIFECYCLE FORECASTING IN SHIPBUILDING

Gogolukhina Maria Evgenievna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Mamedova Leyla Eldar gysy, *PhD of Economics, Associate Professor*

Zhinkina Tatiana Nikolaevna, *Associate Professor, Department of Management in Shipbuilding*

Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg

The article continues the research done by the authors concerning economic and mathematical modeling in pricing of shipbuilding production. This work offers to use economic and mathematical modeling for forecasting and optimising the product lifecycle. The last corresponds relevant objectives of enhancing the efficiency of production processes in order to provide the internal market with sufficient volume and assortment of high-tech products for civil and military needs. A standard curve of the product lifecycle, which shows the dependence of the revenue and time, is analysed in the article. The exponent family of the definite type is used to describe the aforementioned model. The tabulated function values for various integer values of the mathematical power are applied for convenient usage of the exponents. As an example, the analytical product lifecycle curve is formed for the yard specialized in small-size shipbuilding. This example demonstrates the possibility of applying product lifecycle forecasting in shipbuilding for managerial decision making.

Keywords: *lifecycle; shipbuilding; economic and mathematical modeling; shipbuilding yard; industry; production management.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.5

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

УДК 338.51
ВАК РФ 5.2.6

Статья является продолжением исследования, проведенного авторами по вопросам экономико-математического моделирования при ценообразовании промышленной продукции. В данной работе также предлагается использовать методы экономико-математического моделирования, но уже для прогнозирования и оптимизации жизненного цикла продукции. Последнее соответствует актуальным задачам повышения эффективности производственных процессов с целью обеспечения внутреннего рынка достаточным количеством наукоемкой продукции гражданского и военного назначения в нужном ассортименте. В статье проанализирована стандартная кривая жизненного цикла товара, построенная как зависимость выручки от времени, в течение которого реализует товар. Для описания указанной зависимости использовано семейство экспонент определенного вида. Для удобства использования указанных экспонент в экспресс-оценках приводятся протабулированные значения функций для различных целых показателей степени. В качестве примера приводится аналитическое представление кривой жизненного цикла продукции судостроительного предприятия, специализирующегося на производстве маломерных судов. Предложенный пример демонстрирует возможность прогнозирования жизненного цикла судостроительной продукции при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: *жизненный цикл; судостроение; экономико-математические моделирование; судостроительное предприятие; промышленность; производственный менеджмент.*

© Гоголюхина М.Е., 2022
© Мамедова Л.Э., 2022
© Жинкина Т.Н., 2022

ГОГОЛЮХИНА Мария Евгеньевна, *кандидат экономических наук, доцент*

МАМЕДОВА Лейла Эльдар гызы, *кандидат экономических наук, доцент*

ЖИНКИНА Татьяна Николаевна, *доцент кафедры Управления судостроительным производством*

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург

Необходимость обращения к имитационному моделированию, а в частности к экономико-математическому моделированию обусловлена актуальной задачей повышения эффективности производства. В условиях роста геополитической напряженности, санкционного давления со стороны международного экономического сообщества особенное внимание уделяется вопросам сокращения производственных циклов для удовлетворения потребностей внутреннего рынка в большем объеме и ассортименте наукоемкой промышленной продукцией. В первую очередь это касается объектов капитального строительства, производства промышленного оборудования, авиа- и машиностроения, объектов морской техники гражданского и военного назначения.

Настоящая работа является продолжением исследования, касающегося экономико-математического моделирования в сфере ценообразования судостроительной продукции, предлагая таким образом целостное представление о прогнозировании основных экономических параметров производства сложных наукоемких объектов. [1; 2]

Основные текущие показатели экономической деятельности предприятия. К основным текущим показателям экономической деятельности предприятия относятся показатели количества выпускаемой продукции (К), цена единицы продукции (Ц), условно-переменные расходы на производство единицы продукции (З), условно-постоянные расходы (Р), выручка от реализации продукции (В), всего условно-переменные расходы (И), маржинальный доход (М), прибыль (П). Последние величины, так же, как и условно-постоянные расходы, могут быть представлены в качестве удельных, т.е. отнесенных к единице продукции:

$$УМ = М/К, \quad УП = П/К, \quad УР = Р/К.$$

Все приведенные выше показатели являются текущими, в общем случае зависящими от времени. Однако экономическую деятельность предприятия в значительно большей степени отражают интегральные показатели, характеризующие динамику производства и позволяющие как во времени отслеживать промежуточные результаты работы, так и определять окончательные итоги.

В связи с изложенным дополнительно введем в рассмотрение и понятия о совокупных показателях, т.е. таких, которые представляют собой величины суммарные за какой-либо промежуток времени. Так, общее (совокупное) количество реализованной на момент времени t продукции (КС) составит:

$$КС = \int_0^t K dt. \qquad (1)$$

Совокупные выручка (ВС), прибыль (ПС), издержки производства (ИС) и маржинальный доход (МС) также будут являть собой подобные определенные интегралы с заданным верхним пределом от соответствующих текущих величин. Естественно, что вычисление указанных интегралов возможно лишь в том случае, когда известна зависимость от времени входящих в них текущих показателей. В принципе, такие зависимости могут быть заданы графически, но для полноценного многофакторного анализа гораздо удобнее иметь аналитическое представление (математические модели) всех интересующих нас текущих величин. При этом одной из определяющих будет являться зависимость количества реализуемой продукции от времени, другими словами, информация о жизненном цикле товара. [4]

Экономико-математическая модель жизненного цикла продукта. Обычно жизненный цикл товара (ЖЦТ) представляют в виде зависимости количества товара или выручки, получаемой от его продажи, от времени. Указанная зависимость называется кривой жизненного цикла товара (КЖЦТ), при этом по оси абсцисс откладывается текущее время, а по оси ординат – количество реализованного товара или полученная выручка. Как правило, КЖЦТ имеет характерный "куполообразный" вид, когда наряду с явно выраженным максимумом наблюдаются два перегиба, расположенные по обе стороны от него (рис. 1).

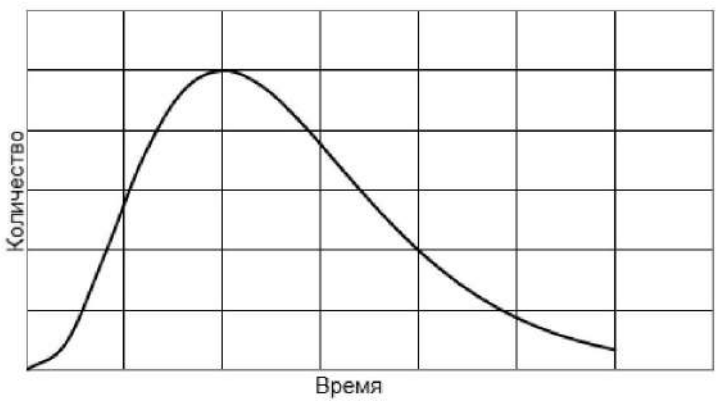

Рисунок 1 – **Кривая жизненного цикла товара**

КЖЦТ дает адекватное качественное представление о процессе, однако для того, чтобы

обеспечить возможность количественного анализа, необходимо эту кривую представить в аналитическом виде, т.е. предложить математическую модель жизненного цикла товара. Основная цель подобного моделирования – создание аппарата, позволяющего производить строгий анализ конкретного (заданного, реализованного, прогнозируемого) ЖЦТ, рассматривать различные варианты циклов, сравнивать между собой их параметры и т.д.

Очевидно, что такая математическая модель должна отвечать ряду требований. Основные из них следующие:

– максимальное качественное и количественное соответствие изучаемому процессу;

– аналитическая зависимость должна быть достаточно простой.

КЖЦТ на всем своем протяжении описывается единой математической формулой (предпочтительный вариант) либо небольшим числом зависимостей, стыкующихся в заданных точках и отражающих различные тенденции процесса на различных этапах жизненного цикла. [3]

В наибольшей степени всем приведенным выше требованиям отвечает семейство экспонент:

$$Y = aX^b e^{cX}, \qquad (2)$$

где a, b, c – постоянные величины ($a > 0$, $b > 0$, $c < 0$).

Экспоненты предлагаемого вида качественно соответствуют КЖЦТ: они исходят из начала координат, имеют выраженный максимум и перегибы по обе стороны от него ($b > 1$) либо только за максимумом функции ($0 < b < 1$). При этом величина максимума функции (9.2) определяется зависимостью:

$$Y_{max} = a(-b/c)^b. \qquad (3)$$

Соответствующее значение аргумента составляет:

$$X_{max} = -b/c. \qquad (4)$$

Отсюда

$$Y_{max} = a(X_{max}/e)^b. \qquad (5)$$

Характер восходящей и нисходящей ветвей экспонент определяется значением показателя степени b, а величина максимума – значениями коэффициентов a и c.

Замечательной особенностью указанных экспонент типа (2) является то, что при b= const все они (при любых значениях c) обладают некоторыми общими свойствами, что может быть названо квазиподобием. Будучи представленными в нормализованном виде:

$$\overline{Y} = f(\overline{X}), \qquad (6)$$

где

$$\overline{Y} = Y/Y_{max}; \ \overline{Y} = X/X_{max}, \qquad (7)$$

все эти экспоненты сливаются, преобразуются в единую зависимость, которая описывается единой формулой:

$$\overline{Y} = [e^{(1-\overline{X})} \times \overline{X}]^b \qquad (8)$$

и при b = const графически описываются единой кривой. Так, например, на рисунке 2 приведены три описываемые выражением (2) экспоненты, имеющие одинаковые показатели степени $b = 3$, но различные значения c. Величины коэффициентов a не играют самостоятельной роли, они определяют только вертикальный масштаб кривых и в данном конкретном примере подобраны так, чтобы все три экспоненты наглядно разместились на одном графике. Если теперь эти три, внешне такие разные, зависимости нормализовать, то они сольются, что и иллюстрирует соответствующая ($b = 3$) кривая на рисунке 3. Здесь же приведены и экспоненты, описываемые выражением (8) при других значениях показателя степени $b = 1, 2, 4$. Общей характерной чертой всех изображенных на рисунке 3 зависимостей является то, что максимуму функции соответствуют одинаковые значения $\overline{Y}_{max} = 1{,}0$ и $\overline{X}_{max} = 1{,}0$. Правда, следует отметить, что указанная особенность свойственна всем подобным функциям, представленным в нормализованном виде.

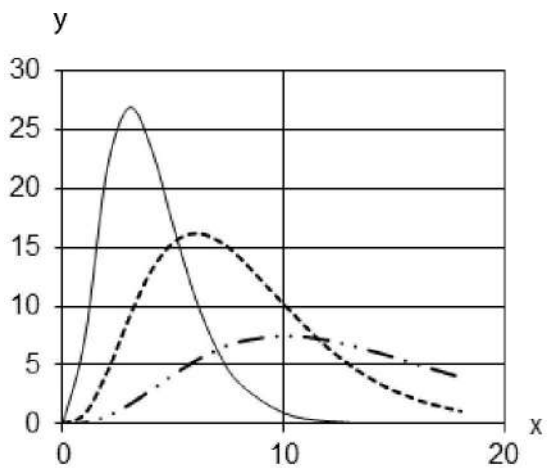

Рисунок 2 – **Экспоненты при $b = 3$:**
—— $c = 1{,}0$; ------- $c = -0{,}5$; ····· $c = -0{,}3$

Для дальнейшего примем, что приведенный выше "набор" из четырех зависимостей вполне достаточен для моделирования всех возможных вариантов КЖЦТ, хотя при необходимости можно использовать и другие значе-

ния показателя степени в формуле (8). Действительно, представляется, что в большинстве случаев для проведения предварительных оценок достаточно будет иметь дело только с кривыми, соответствующими целым значениям показателя степени $b = 1; 2; 3; 4$. Для удобства использования указанных экспонент в экспресс-оценках в таблице 1 приводятся протабулированные значения функций для различных целых показателей степени b. Если же возникнет необходимость либо желание поработать с другими показателями степени в рассмотренном диапазоне $b = 1 - 4$, то без опасения получить значительную погрешность можно прибегнуть к линейной интерполяции, что подтверждается проведенными оценочными расчетами и может быть легко проверено по результатам таблицы 1. Так, если зависимость (8) рассчитать для $b = 2$, используя линейную интерполяцию между табличными данными, относящимися к $b = 1$ и $b = 3$, то в наиболее интересном с практической точки зрения интервале $\bar{X} = 0,6 \div 1,6$ максимальная относительная погрешность не превысит 10%, что вполне допустимо в подобных оценочных расчетах. При интерполяции значений в "соседних" нормализованных зависимостях (например $b = 1$ и $b = 2$) для $1 < b < 2$ погрешности будут существенно меньше.

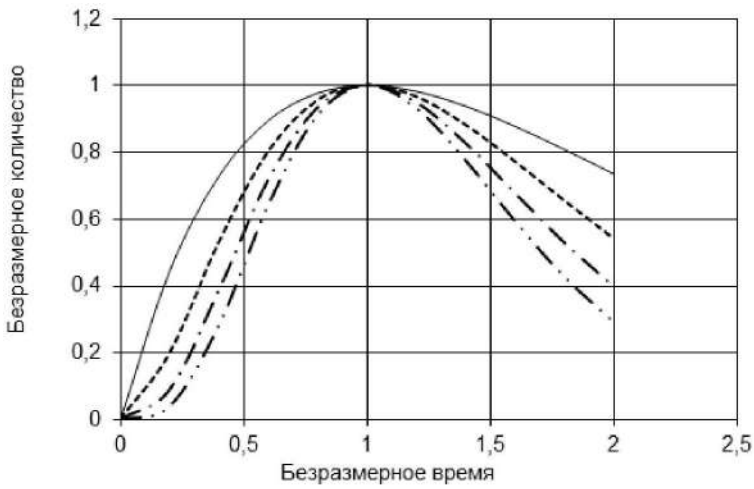

Рисунок 3 – **Нормализованные экспоненты:** —— $b = 1$; ------ $b = 2$; - - - - $b = 3$; ····· $b = 4$

Таблица 1 – **Нормализованные экспоненты**

$\bar{X}$		0	0,2	0,4	0,6	0,8	1,0	1,2	1,4	1,6	1,8	2,0
$\bar{Y}$	$b = 1$	0	0,445	0,729	0,895	0,977	1,0	0,982	0,938	0,878	0,809	0,736
	$b = 2$	0	0,198	0,531	0,801	0,955	1,0	0,965	0,881	0,771	0,654	0,541
	$b = 3$	0	0,088	0,387	0,717	0,933	1,0	0,948	0,826	0,677	0,529	0,398
	$b = 4$	0	0,039	0,282	0,642	0,913	1,0	0,932	0,776	0,595	0,428	0,293

В выражении (8), по определению нормализованной функции, фигурируют безразмерные относительные величины. Чтобы перейти от этого выражения к какой-то конкретной зависимости (2), достаточно использовать вытекающие из (7) формулы:

$$X = \bar{X} \times X_{max}, \quad Y = \bar{Y} \times Y_{max}. \qquad (9)$$

В каждом конкретном случае закладываемые в расчет величины X_{max} и Y_{max} находят, исходя из потребностей рассматриваемой реальной задачи. Тогда при выбранном характере – "качестве" исследуемой зависимости, т.е. при заданном $b = \text{const}$, недостающие для количественного анализа величины постоянных a и c определяют с использованием известных выражений (3) и (4).

Так, например, если предприятие планирует провести реализацию партии изделий, используя в качестве прогнозируемой кривой жизненного цикла продукции экспоненциальную зависимость типа (2), можно записать

$$\mathbf{K}(t) = a_k t^b \exp(c_k t), \qquad (10)$$

где $\mathbf{K}(t)$ – текущее количество реализуемого
единицу времени товара; $a_k > 0$, $b >$
$c_k < 0$ – постоянные коэффициент
(индекс k показывает, что все он
относятся к формуле для количеств
K). При этом только коэффициент
в формуле (10) является безра
мерным, размерности двух др
гих коэффициентов определяю
ся в соответствии с (3) и (4).

Очевидно, что (2) преобраз
ется в (10) при условии $\mathbf{K} = Y$, $t = X$, а нахождение максимума ($\mathbf{K}_{max}$) функции и соответствующего аргумента (t_{max}) осуществляется по формулам (3) и (4).

Суммарный объем продаж или суммарная выручка определяются интегрированием по времени кривой жизненного цикла, у которой по оси ординат отложено соответственно количество проданного товара либо его стоимость. Нормализация функции (2) позволяет достаточно просто вычислять интегралы от этих функций. На самом деле очевидно, что

$$\int Y dX = \int \bar{Y} \times$$
$$\times Y_{max}\, d(\bar{X} \times X_{max}) =$$
$$= X_{max} \times Y_{max} \int \bar{Y} d\bar{X}. \qquad (11)$$

Тогда для всего класса экспонент типа (2), имеющих b = const, достаточно знать величину интеграла от нормализованной функции при том же значении показателя степени b. Как указывалось выше, недостающие величины постоянных a и c находят по формулам (3) и (4). Так же элементарно по (7) определяются и пределы интегрирования.

Для экспонент типа (2) и (8) интегралы берутся в конечном виде для целых значений $b \geq 1$. Не приводя достаточно громоздких в общем случае выражений соответствующих неопределенных интегралов, для b = 1, 2, 3, 4 представим их графически, в функции от величины верхнего предела интегрирования при неизменном нижнем пределе $\overline{X} = 0$ (рис. 4).

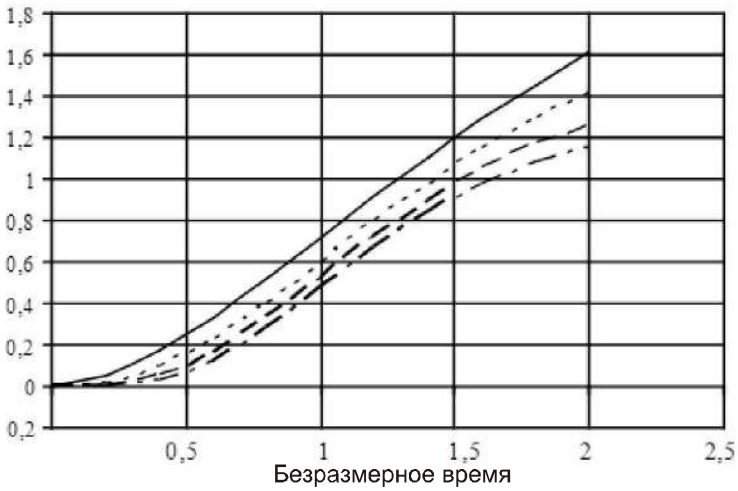

Рисунок 4 – **Безразмерные интегралы:**
—— $b = 1$; ——— $b = 2$; ------- $b = 3$; ------ $b = 4$

Расчеты показывают, что для экспресс-оценок величин интегралов с промежуточными значениями показателя степени b можно использовать линейную интерполяцию. В рассматриваемом диапазоне изменения показателя степени максимальная относительная погрешность при подобной интерполяции не превысит 5-7 %. В таблице 2 протабулированы значения интегралов, представленных на рисунке 4, эти данные могут быть полезными для проведения оценок.

Таблица 2 – **Интегралы от нормализованных функций**

$\bar{X}$		0	0,2	0,4	0,6	0,8	1,0	1,2	1,4	1,6	1,8	2,0
$\int \bar{Y} d\bar{X}$	b = 1	0	0,048	0,167	0,331	0,520	0,718	0,917	1,11	1,29	1,46	1,61
	b = 2	0	0,015	0,088	0,223	0,400	0,597	0,795	0,980	1,15	1,29	1,41
	b = 3	0	0,005	0,050	0,162	0,329	0,525	0,721	0,900	1,05	1,17	1,26
	b = 4	0	0,002	0,030	0,123	0,281	0,475	0,670	0,842	0,979	1,08	1,15

Изложенное позволяет сделать вывод, что использование для аппроксимации кривой жизненного цикла товара экспоненты предлагаемого типа дает возможность:

1) за счет выбора показателя степени b найти описываемую достаточно простой аналитической зависимостью математическую модель, в наибольшей степени качественно и количественно соответствующую исследуемой либо прогнозируемой КЖЦТ;

2) производить необходимый всесторонний анализ подобранной математической модели с помощью элементарных математических процедур.

Однако для комплексного анализа экономической деятельности предприятия необходимо иметь исчерпывающую информацию и о других показателях этой деятельности.

В качестве примера использования рассмотренной экономико-математической модели можно привести аналитическое представление кривой жизненного цикла продукции судостроительного предприятия, специализирующегося на производстве маломерных судов. Примем, что максимальное количество реализуемой продукции $\mathbf{K}_{max}$ = 100 шт. в месяц будет достигнуто через T_{max} = 10 мес. после начала продажи катеров. Затем, следуя прогнозируемому снижающемуся спросу, будет уменьшаться и реализация этой продукции. Полагаем, что при этом закон изменения КЖЦТ соответствует предлагаемому экспоненциальному, описываемому формулой (10), при b = 3.

Таким образом, $\mathbf{K}_{max}$ = 100 шт., T_{max} = 10 мес., показатель степени b = 3.

Находим

$$c_к = b/T_{Bmax} = -0,3,\ a_к = [\mathbf{K}_{max}/(T_{Bmax})^3]e^3.$$

Тогда, имея конкретные значения всех коэффициентов и показателей степеней, для искомой КЖЦТ на основании (10) можно записать:

$$\mathbf{K}(t) = 0,1\ e^3 t^3 \exp(-0,3).$$

Используя полученную зависимость, можно построить (в размерном виде) КЖЦТ, однако гораздо проще получить ту же кривую, закладывая в расчет протабулированную (см. табл.1) нормализованную функцию (8), соответствующую принятому значению b = 3:

$$\mathbf{K}(t) = \mathbf{K}_{max} \cdot \bar{Y}(\bar{X}).$$

Таким образом, приведенный пример демонстрирует возможности прогнозирования жизненного цикла судостроительной продукции и применение предложенного метода при принятии управленческих решений.

В настоящем исследовании была проанализирована кривая жизненного цикла товара по нескольким параметрам сроков: заданному, фактическому и прогнозируемому. Сформулированы требования для экономико-математической модели, с учетом которых использовано семейство экспонент для прогнозирования и получены нормализованные экспоненты. Предложенная экономико-математическая модель качественно и количественно описывает любую исследуемую или прогнозируемую КЖЦК с любой выборкой по срокам и учитывает все возможные случайные варианты. Таким образом, использование разработанной модели прогнозной кривой жизненного цикла товара позволит руководителю предприятия принимать рациональные решения по увеличению производительности, максимальному использованию производственной мощности и управлению производственными потоками.

Литература:

1. Мамедова Л.Э., Гоголюхина М.Е., Жинкина Т.Н. Экономико-математическое моделирование в ценообразовании судостроительной продукции // KANT. – 2022. – № 3(44). – С. 42-48. – DOI 10.24923/2222-243X.2022-44.6. – EDN WLQDKS.

2. Мамедова Л.Э., Гоголюхина М.Е. Анализ некоторых аспектов ценообразования в судостроении // Экономика и управление. – 2018. – №10(156). – С. 75-79. – EDN YUCCRN.

3. Жинкина Т.Н. Математическая модель жизненного цикла товара в задачах прогнозирования показателей экономической деятельности предприятия: мат-лы конфер. МОРИНТЕХ-2001. – СПб.: Моринтех, 2001.

4. Балашова Е. С., Счисляева Е. Р. Экономика судостроения : учебник для вузов. – М.: ЮРАЙТ, 2022. – 277 с. – Текст : электронный // Образовательная платформа ЮРАЙТ [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/494912 (дата обращения: 20.08.2022).

STATE AND PROSPECTS OF THE EXPORT OF EDUCATIONAL SERVICES OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS TO THE CIS COUNTRIES

Denisov Dmitry Mikhailovich, *Postgraduate student, RUDN University, Moscow*

The purpose of the study *is to determine the features of the market of educational services of higher education in the CIS, their provision by Russian higher education and the search for effective ways to attract foreign students to study at domestic universities. The article defines the main competing states and their shares in the market of educational services of higher education in the CIS. The role of higher education as a priority export sector in terms of the contribution to the national economy of the leading countries in this market is emphasized. The analysis of export of educational services of higher education institutions of the Russian Federation is carried out. Actual statistical data on the dynamics of the export of educational services by domestic universities are given, countries-suppliers of foreign students to Russian universities, the most attractive branches of knowledge for foreign students, are identified. The problems preventing the increase in the number of foreign students in the universities of the Russian Federation and the expansion of their geography are considered.* ***The scientific novelty*** *lies in the development of measures to enhance the attraction of foreign citizens to study at Russian universities.* ***As a result,*** *the importance of increasing the export of educational services for the domestic higher education was revealed, both from an economic point of view and taking into account the need to improve the quality of education in accordance with international standards, and the competitive advantages of the Russian higher education system were identified.*

Keywords: *International educational services market; export of educational services; higher education services; competitiveness; higher education institutions; foreign students; high school.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.6

УДК 338.2
ВАК РФ 5.2.1

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВУЗОВ РФ В СТРАНЫ СНГ

© Денисов Д.М., 2022

Цель исследования *– определить особенности рынка образовательных услуг высшего образования СНГ, их предоставления российской высшей школой и поиск эффективных путей привлечения иностранных студентов на обучение в отечественные вузы. В статье определены основные конкурирующие государства и их доли на рынке образовательных услуг высшего образования СНГ. Подчеркнута роль высшего образования как приоритетной отрасли экспорта по размерам вклада в национальную экономику стран-лидеров этого рынка. Осуществлен анализ экспорта образовательных услуг вузов РФ. Приведены актуальные статистические данные по динамике экспорта образовательных услуг отечественными вузами, определены страны-поставщики иностранных*

студентов в российские вузы, наиболее привлекательные для иностранных студентов отрасли знаний. Рассмотрены проблемы, препятствующие увеличению количества иностранных студентов в вузах РФ и расширению их географии. ***Научная новизна*** *заключается в разработке мер, позволяющих активизировать привлечение иностранных граждан на обучение в российские вузы. В* ***результате*** *выявлено значение наращивания экспорта образовательных услуг для отечественной высшей школы как с экономической точки зрения, так и учитывая необходимость повышения качества образования в соответствии с мировыми стандартами, а также определены конкурентные преимущества российской системы высшего образования.*

Ключевые слова: *мировой рынок образовательных услуг; экспорт образовательных услуг; образовательные услуги высшего образования; конкурентоспособность; высшие учебные заведения; иностранные студенты; высшая школа.*

Постановка проблемы. В условиях усиления процессов глобализации определяющим фактором инновационного развития национальной экономики и мирового хозяйства в целом являются знания, в связи с чем увеличивается роль человеческого капитала как их главного носителя. Одним из главных факторов повышения качества человеческого капитала является высшее образование, спрос на которое в условиях жесткой конкуренции на рынке труда постоянно растет. Ограниченность или отсутствие в отдельных странах предложений современного качественного высшего образования обусловили появление и интенсивное развитие такой формы внешнеэкономических отношений, как экспорт-импорт образовательных услуг. Высшие учебные заведения стран СНГ ежегодно наращивают объемы экспорта образовательных услуг, что обеспечивает им стабильную прибыль, предоставляет возможности для развития в соответствии с мировыми стандартами и повышает уровень их конкурентоспособности на мировом рынке. Россия имеет значительный потенциал для укрепления своих позиций на рынке образовательных услуг СНГ, но использует его не в полной мере, что обуславливает значительный интерес ученых к решению проблем экспорта образовательных услуг отечественной высшей школой.

Анализ актуальных исследований. Весомый вклад в исследования тенденций мирового рынка образовательных услуг, его функционированию в странах с трансформационной экономикой, состояния интернационализации отечественного высшего образования и уровня ее конкурентоспособности на мировом рынке, возможностей расширения экспорта образовательных услуг внесли отечественные ученые К.Н. Иноземцева, В.А. Масич, Е.А. Минаева, Г.А. Ключаров, А.В. Неверов, Е.Ю. Шибанова, Д.П. Платонова, М.А. Лисюткин и другие ученые. Тем не менее, ускоренное развитие процессов транснационализации и интернационализации высшего образования, современное состояние экспорта образовательных услуг отечественными вузами требуют дальнейших научных разработок в этом направлении.

Изложение основного материала. Со второй половины XX века образование в развитых странах мира превратилась в экспортно– ориентированную отрасль экономики, которая обеспечивает стабильный приток финансовых средств в национальную экономику, и стала новой формой международных экономических отношений, способствует реализации геополитических и экономических интересов страны.

Это сыграло значительную роль в формировании в конце XX века мирового рынка образовательных услуг, емкость которого на се-

ДЕНИСОВ Дмитрий Михайлович, *аспирант, Российский университет Дружбы народов, Москва*

годня составляет около 100 млрд долл. США, из них более 60 млрд долл. приходится на образовательные услуги высшего образования.

Экспорт образовательных услуг сейчас осуществляют более 140 стран мира [7, с. 90].

В последние десятилетия темпы увеличения потока студентов, которые пересекли национальные границы для получения высшего образования, превысили темпы распространения самого высшего образования. По данным ЮНЕСКО уровень международной мобильности студентов за последние 25 лет вырос на 300% и к 2025 году достигнет 4,9 млн лиц. В ведущих университетах Великобритании, США, Канады до 80% студентов составляют иностранные граждане [3].

При этом следует подчеркнуть, что на мировом рынке образовательных услуг конкурируют не столько высшие учебные заведения как такие, сколько сами государства, их репутации, перспективы и многовековые культурные традиции [6, с. 213].

Основными конкурирующими центрами на мировом рынке образовательных услуг являются США, которым принадлежит свыше 20% рынка, Великобритания – 11,7%, Германия – 9,5%, Франция – 8,7%, Австралия – 6,5%, Япония – 4,6%, Канада – 2,8%, Новая Зеландия – 2,5%. В то же время на этом рынке динамично растет доля других стран, выбирающих активную стратегию экспорта образовательных услуг, – Китая, Индии, Мексики, Малайзии и др. [2, с. 14].

На основных лидеров рынка услуг высшего образования – США и Великобританию – приходится около 24 млрд долл. дохода, еще около 20 млрд долл. – на Германию, Францию, Швейцарию и другие страны Европы, а также Австралию, Новую Зеландию, Канаду, около 5 млрд долл. составляют доходы развивающихся государств – Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, Япония получает около 1,5 млрд долл., Китай – 0,9 млрд долл. страны СНГ – 0,9 млрд долл. [7, с. 87].

Осознавая особое значение обучения иностранцев и необходимость государственного регулирования экспорта образовательных услуг, США создали специальную федеральную службу для контроля процесса набора иностранных студентов. Похожие государственные органы функционируют в Великобритании, Германии, Франции и некоторых других странах.

По размерам вклада в национальную экономику образовательные услуги большинством развитых государств мира рассматриваются как приоритетная отрасль экспорта. Так, у одного из мировых лидеров в этой области – США обучение иностранных граждан по размерам вклада в национальную экономику является пятой статьей экспорта [6, с. 211], в Австралии транснациональная высшее образование занимает третье/четвертое место после экспорта угля, железной руды и золота, обеспечивая при этом рабочими местами 125 тыс. специалистов [7, с. 89-90]. Правительство Канады признал экспорт образовательных услуг ключевым фактором в создании новых рабочих мест и планирует к 2022 году вдвое увеличить количество иностранных студентов – до 450 тыс. лиц, что, по расчетам экспертов, приведет к росту расходов иностранных студентов в стране до 16,1 млрд долл. и позволит создать 86,5 тыс. новых рабочих мест [4, с. 1].

Доля РФ на мировом рынке образовательных услуг высшего образования составляет около 1,5% [2, с. 15]. По данным МОН РФ, в отечественных вузах получают образование более 297,9 тыс. иностранных студентов [1]. Это лишь около 3% от общего количества студентов в РФ, в то время как в ведущих странах мира этот показатель составляет 10-20 % и они стремятся увеличить его до 25-30 % [5, с. 64]. В РФ наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества иностранных студентов.

Среди общего количества иностранных студентов в РФ больше всего представителей Туркменистана – более 20 %, Азербайджана – 16%, Индии – 6,7%, Нигерии – 5,1%, Грузии – 5%, Ирака – 4,6%, Китая – 3,8%, Иордании и Марокко – по 3,7%, Турции – 2,7% [1].

Из европейских стран в российских вузах на сегодняшний день обучается лишь около 4 тыс. студентов, что объясняется введением санкций со стороны ЕС, в результате которых было закрыто авиасообщение с этими странами. Среди представителей стран СНГ больше всего в РФ студентов из Белоруссии и Казахстана, что обусловлено особым характером связей с этими странами [5, с. 64].

По данным МОН РФ [1], в 2021/2022 учебном году больше всего студентов из стран СНГ обучалось в признанных университетских центрах – Казанский федеральный университет (КФУ) – 9256 иностранных учащихся; Российский университет Дружбы народов (РУДН) – 7569 студентов-иностранцев; Московский финансово-промышленный университет "Синергия" – 7008 студентов-иностранцев; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ) – 5238 студентов-иностранцев; Санкт-Петербургский политех-

нический университет Петра Великого (СПбПУ) – 5036 студентов-иностранцев.

Среди отраслей знаний наиболее привлекательными для иностранных студентов являются медицинские науки (31%), что обусловлено относительно низкой стоимостью обучения по сравнению с другими странами, качественной академической школой и достаточно высоким уровнем образования в передовых вузах медицинского профиля, и экономика (24%), что соответствует общемировым тенденциям (бизнес-образование на мировом рынке ценится больше всего).

В российском образовании иностранных студентов привлекают: относительно низкая стоимость обучения, фундаментальность отдельных образовательных направлений, репутация ведущих российских университетов, которые сохраняются в течение многих лет.

Определяющее значение имеют доступность высшего образования, широкий спектр образовательных услуг, мощный интеллектуальный ресурс, высокий научно-педагогический потенциал вуза.

Среди общего количества иностранных студентов из стран СНГ лишь 34 чел. обучаются в системе последипломного образования, что составляет 0,05% (22 чел. – по программе повышения квалификации и 12 чел. – по программе переподготовки кадров, что составляет соответственно 0,03% и 0,02%) [1].

Следует отметить, что важное значение для иностранных студентов имеет язык обучения. Российские вузы предлагают иностранцам 109 учебных программ на русском (39,47%), 54 англоязычных учебных программы (19,23%) и только 3 программы (1,11%) на французском и 2 (0,73%) на немецком языках [1].

Проблемы развития экспорта образовательных услуг отечественным высшим образованием эксперты [4] разделяют на две основные группы. К первой – относят ряд организационных и правовых вопросов, в частности: существование сложной и забюрократизированной системы первичного приглашения иностранных студентов на обучение, неразвитость сети зарубежных рекрутационных центров российских вузов, проблемы с органами Федеральной миграционной службы РФ, нерешенные вопросы с зачислением предыдущих учебных достижений иностранных граждан и признанием российских дипломов за границей, запрет на трудоустройство иностранных студентов и высокий уровень коррупции. Вторую группу составляют проблемы качества образования и внедрение современных форм обучения (не хватает новых учебных программ и курсов, англоязычных программ, медленно развивается последипломное образование для иностранных граждан, недостаточно применяются дистанционные образовательные технологии и электронное обучение).

Россия обладает реальным потенциалом, позволяющим ей занять достойное место в мировом образовательном сообществе. Нашей страной накоплен значительный опыт подготовки специалистов для стран СНГ. Ежегодно Россия может обучать около 500 тыс. студентов из стран СНГ. С учетом действующих цен на образовательные услуги это могло бы приносить ежегодный доход в сумме около 1 млрд долл. США [6, с. 213].

Для активизации процессов привлечения студентов из стран СНГ необходимо, по мнению специалистов [2; 4; 6], осуществить ряд мер, включающих:

– формирование институционального обеспечения экспорта образовательных услуг, которое предусматривает образование рыночных институциональных форм для поддержки экспортной деятельности вузов, развитие региональных и местных институтов поддержки экспорта, разработку и введение нормативно-правовых актов по вопросам создания и внедрения модели кластерной организации экспорта образовательных услуг;

– внедрение и функционирование государственной поддержки экспорта образовательных услуг, обеспеченной должным уровнем подготовки и принятия соответствующих законодательных и нормативно-правовых актов, а также проведением анализа норм действующего законодательства с целью выявления и устранения противоречий, влияющих на эффективность указанной деятельности органов государственной власти и вузов;

– обеспечение информационной поддержки, направленной на предоставление эффективных услуг экспортерам в сфере информирования о потребностях мирового рынка образовательных услуг, выхода на мировой рынок и укрепления на нем, расширение внешнеэкономических связей и номенклатуры образовательных услуг;

– совершенствование механизмов финансовой поддержки экспорта образовательных услуг, что предполагает внедрение специальных программ поддержки экспорта за счет государственного и местных бюджетов и других источников и развитие финансовых инструментов для поддержки экспорта образовательных услуг;

– использование политических факторов влияния на развитие экспорта образовательных услуг отечественных вузов, что требует содействия российским экспортерам в упрощении доступа к рынкам стран-членов ЕАЭС, предупреждения применению ограничительных мер к отечественным вузам, расширению географии экспорта образовательных услуг.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Проведенное исследование свидетельствует, что обеспечить высокую конкурентоспособность отечественных вузов на мировом рынке с целью увеличения и расширения экспорта образовательных услуг высшего образования возможно лишь при условии осуществления целенаправленной государственной политики, которая предусматривает не только определение перспективных направлений наращивания экспорта образовательных услуг, но и разработку и внедрение конкретных механизмов их развития, поддержки и стимулирования.

Для российского высшего образования и расширение экспорта образовательных услуг выгодно как с экономической точки зрения (ежегодно, по данным МОН РФ, иностранные студенты платят за обучение более 170 млн долл. США и более 600 млн долл. тратят на проживание, питание, развлечения и тому подобное), так и, учитывая необходимость повышения качества образования (стремление привлечь иностранных студентов подталкивает к формированию системы подготовки специалистов с учетом мировых требований к качеству образования).

Литература:

1. Иноземцева К.М. Интернационализация высшего профессионального образования в России: языковая политика // Высшее образование в России. – 2014. – № 5. – С. 145-152. URL: http://vovr.ru/upload/5-14.pdf.
2. Масич В.А. Наука и образование как инструменты "мягкой силы" // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения". – 2015. – № 1. – С. 117-125. URL: https:// politicalscience.rsuh.ru/jour/article/view/13/14.
3. Минаева Е.А. Мобильность студентов и экспорт образования во время и после пандемии: вызовы и прогнозы // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. – 2020. 05.06. – №4. – С. 90-95. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/05/1602309864/HSE_Covid_04_2020_3_4.pdf.
4. Государственные программы образовательной мобильности в разных странах: Доклад Центра трансформации образования Московской школы управления Сколково / Н. Овчинникова, М. Зоткина, А. Гетманская; Центр трансформации образования Московской школы управления Сколково. – М., 2019. – 108 с. URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/4b954252-7c3d-4975-94e3-910612e77464/SKOLKOVO_SEDeC_International_Mobility_2019.pdf.
5. Ключарев Г.А., Неверов А.В. Проект "5-100": некоторые промежуточные итоги // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 100-116.
6. Шибанова Е.Ю., Платонова Д.П., Лисюткин М.А. Проект 5-100: динамика и паттерны развития университетов // Университетское управление: практика и анализ. – 2018. – Т. 22. – № 3. DOI: https://doi.org/10.15826/umpa.2018.03.025
7. Жданов П.А., Полихина Н.А., Сёма Е.Ю., Казимирчик Л.В., Тростянская И.Б., Барсуков А.А. Сетевой анализ степени интеграции вузов Проекта 5-100 в международное образовательное пространство // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 11. – С. 155-167.
8. Берестов А.В., Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В., Садчиков С.М. Вклад в Проект 5-100 национальных исследовательских и федеральных университетов // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29. – № 10. – С. 30-45.

PRINCIPLES OF DIGITAL TRANSFORMATION OF FOOD SUPPLY CHAINS

Dibirov Abusupyan Asildarovich, *PhD of Economics, Associate Professor, Institute of Agrarian Economics and Rural Development, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg FIT RAS), St. Petersburg*

The purpose of the study *is to study the problems of digital transformation of the food supply chain. The sanctions policy pursued against the Russian Federation by unfriendly countries and the COVID-19 pandemic that began in 2019, along with significant problems and challenges, gave a significant impetus to the development of digital transformation of online e-commerce, which contributed to strengthening economic ties in the food sector between domestic producers.* ***The scientific novelty*** *lies in the substantiation of the conceptual principles of the digital transformation of the supply chain.. The role of digitalization in ensuring transparency, free exchange of the flow of information about products, applied technology through the links of the supply chain is revealed. The transformation of the food supply chain should be carried out evolutionarily, reducing the "digital gap" between agricultural producers and other participants in the supply chain with different opportunities for the introduction of digital technologies.*

Keywords: *digitalization; principles; transformation; economic relations; food chain; supply chain; digital twin*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.7

ПРИНЦИПЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

УДК 65.011.56
ВАК РФ 5.2.6

© Дибиров А.А., 2022

Цель исследования *– изучение проблем цифровой трансформации продовольственной цепи поставок. Санкционная политика, проводимая против РФ со стороны недружественных стран, и начавшаяся в 2019 году пандемия COVID-19, наряду с существенными проблемами и вызовами, дали существенный импульс развитию цифровой трансформации электронной торговли онлайн, который способствовал укреплению хозяйственных связей в продовольственной сфере между отечественными товаропроизводителями.* ***Научная новизна*** *заключается в обосновании концептуальных принципов цифровой трансформации цепи поставок. Выявлена роль цифровизации в обеспечении прозрачности, свободного обмена потока информацией о продукции, применяемой технологии по звеньям цепи поставок. Преобразование цепи поставок продовольствия должно осуществляться эволюционно, сокращая "цифровой разрыв" между сельскохозяйственными товаропроизводителями и другими участниками цепи поставок, обладающими различными возможностями для внедрения цифровых технологий.*

Ключевые слова: *цифровизация; принципы; трансформация; хозяйственные связи; продовольственная цепь; цепь поставок; цифровой двойник.*

Введение

В современных условиях основными факторами обеспечения конкурентоспособности и прибыльности деятельности, в особенности крупнотоварного агробизнеса, является оптимизация управления всей цепью создания добавленной стоимости, ее межорганизационных звеньев и мест стыковки различных этапов этой цепи на основе цифровизации хозяйственных связей. В последние годы концепция управления цепями поставок в продовольственной сфере получила широкое распространение как один из инструментов повышения устойчивости и конкурентоспособности производства продукта. Управление цепями поставок в продовольственной сфере в последние годы является одной из самых динамично развивающихся концепций с учётом специфики продовольствия, необходимости строгого обеспечения качества продукции в каждом переделе.

Цифровая трансформация рассматривается как ключевой тренд, характерный для различных отраслей экономики и социальной сферы, позволяющий радикально повысить результативность или расширить объем операций организации [1].

В данный момент проводятся исследования процесса цифровой трансформации в АПК, изучаются особенности её осуществления на ближайшую перспективу, прогнозируются наиболее перспективные направления и технологии [2, 3].

В.Д. Новицкая дает следующее толкование цифровой цепи поставок 4.0: "это цепь поставок с достаточной цифровой зрелостью всех процессов и обладающая в целом следующими характеристиками: виртуальной сетевой структурой, гибкостью управления, интеллектуальной комплексной оптимизацией процессов на основе взаимодействия человека и машины, сквозной прозрачностью, интеграцией технологий и методов поддержки управленческих решений, фокусом на клиентоориентированности" [4].

Теоретические и практические аспекты создания цифрового двойника компании и методология цифровой трансформации предприятий с целью создания цифрового двойника исследованы в работе В.И. Абрамова, и др. [5]. По их суждению, цифровой двойник является комплексным решением в управлении компанией и эффективным инструментом повышения эффективности в эпоху быст-

ДИБИРОВ Абусупян Асилдарович, *кандидат экономических наук, доцент, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук (СПб ФИЦ РАН), Санкт-Петербург*

рых изменений и неопределенности. Главным преимуществом цифрового двойника является возможность принятия решений в логике "из будущего".

Цифровая трансформация – это радикальные изменения. Она меняет все: – разработку, производство, продажи, поставки и обслуживание продуктов. Для традиционных отраслей экономики, в том числе для АПК, как правильно отмечает В.Л. Карлинский, организационной революции не будет, трансформация пойдет эволюционным путем, а старые и новые структуры будут работать параллельно достаточно долгий период. [6]

Основная часть

Основными элементами процесса цифровизации агробизнеса по цепи поставок продовольствия являются сбор, визуализация, фиксация, передача, хранение и обработка данных о производственно-коммерческой деятельности агробизнеса за счет использования технических систем, алгоритмов и компьютерных программ. Данный процесс фактически должен осуществляться беспрерывно в автоматическом режиме без активного участия людей, минимизируя субъективное влияние человеческого фактора на данные (рис. 1).

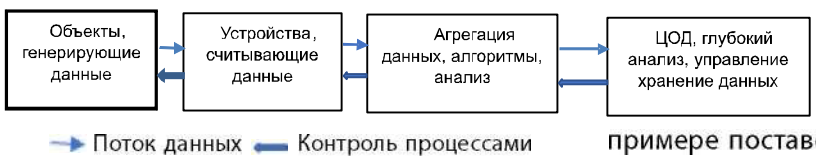

Рисунок 1 – **Основные базовые элементы цифровизации хозяйственных связей цепи поставок продукции**

Источник: составлено автором

Цифровая трансформация хозяйственных связей представляет собой непрерывный и поэтапный процесс преобразований, затрагивающий все элементы социально-экономической системы продовольственного обеспечения за счет внедрения цифровых технологий во все звенья цепи поставок [4].

Основными факторами, способствующими ускоренному внедрению цифровых технологий, а также цифровой трансформации цепи поставок продовольствия, являются: наличие цифровой инфраструктуры, обеспеченность компьютерами, датчиками, доступность сети Интернет мощность мобильной связи, уровень квалификация работников в области ИКТ в регионе.

Цифровой двойник может быть создан для каждой, сельскохозяйственной культуры, подразделения, производственного участка, сельскохозяйственного, перерабатывающего предприятия, в целом цепи поставок конкретной продукции. Цифровой двойник является программным аналогом физического устройства, моделирующим внутренние процессы, характеристики и поведение реального объекта в условиях воздействий помех и окружающей среды. Цифровой двойник организации – модель, максимально точно описывающая реальные причинно-следственные зависимости между производственными, экономическими, финансовыми и организационными показателями организации [7].

Для создания цифрового двойника осуществляется оцифровка технологии производства каждого звена цепи поставок ИФ. Производятся моделирование и оцифровка производственной деятельности продуктовой цепи "как есть", данная модель служит базой для улучшения параметров деятельности с учетом требований рынка и следующего звена переработки продукции "как должно быть". В результате выявляется разрыв между "как есть" и "как должно быть", устанавливается объем необходимых инвестиционных ресурсов и окупаемость мероприятий по модернизации производственного процесса, которая отражается в финансовой модели.

Сквозная интеграция данных на всех этапах производственной цепочки на примере поставок продовольственной продукции животноводства включает в себя: данные о покупных кормах, о сельскохозяйственных угодьях, выращиваемых кормовых культурах, об их кормовой ценности, экологичности и безвредности для животных, здоровье животных, об условиях содержания, производстве и качестве продукции, процесс переработки продукции, упаковка, отслеживание холодной цепи доставки.

Эта интеграция формирует базу данных цепи на всех уровнях добавленной стоимости и открывает новые возможности прозрачности технологической цепи, обеспечивает отслеживаемость движения продукции и расчеты по денежным потокам. То есть, весь технологический процесс цифровизации по цепочке производства от фермы до конечного потребителя должен быть обеспечен совместимыми программными продуктами и цифровыми технологиями (рис. 2). В связи с увеличением потока данных, фиксируемых в условиях цифровизации, которые раньше не учитывались, многократно повышается объем данных, гене-

рируемых хозяйственной деятельностью. Для их хранения и обработки необходимо иметь мощности или же воспользоваться услугами центра обработки данных (ЦОД).

Цифровизация хозяйственной деятельности позволяет многократно увеличить учет и сбор данных. Для эффективного управления необходимо иметь алгоритмы и компьютерные программы по систематизации, обработке и хранению данных. При отсутствии программ агрегации и обработки данных, собранных по объектам хозяйствования и сельскохозяйственной техники, а также по выполненным работам, данные не могут полностью использоваться специалистами и управленцами для принятия решений, для анализа и оценки эффективности функционирования объекта управления.

Внедрение цифровизации по всей цепи поставок приводит к снижению трансакционных, организационных, производственных, управленческих и других видов издержек и способствует увеличению объема реализуемого потенциала ценности производимых благ в цепи создания продукции, что должно повлечь структурные сдвиги в каждой фазе воспроизводственного процесса.

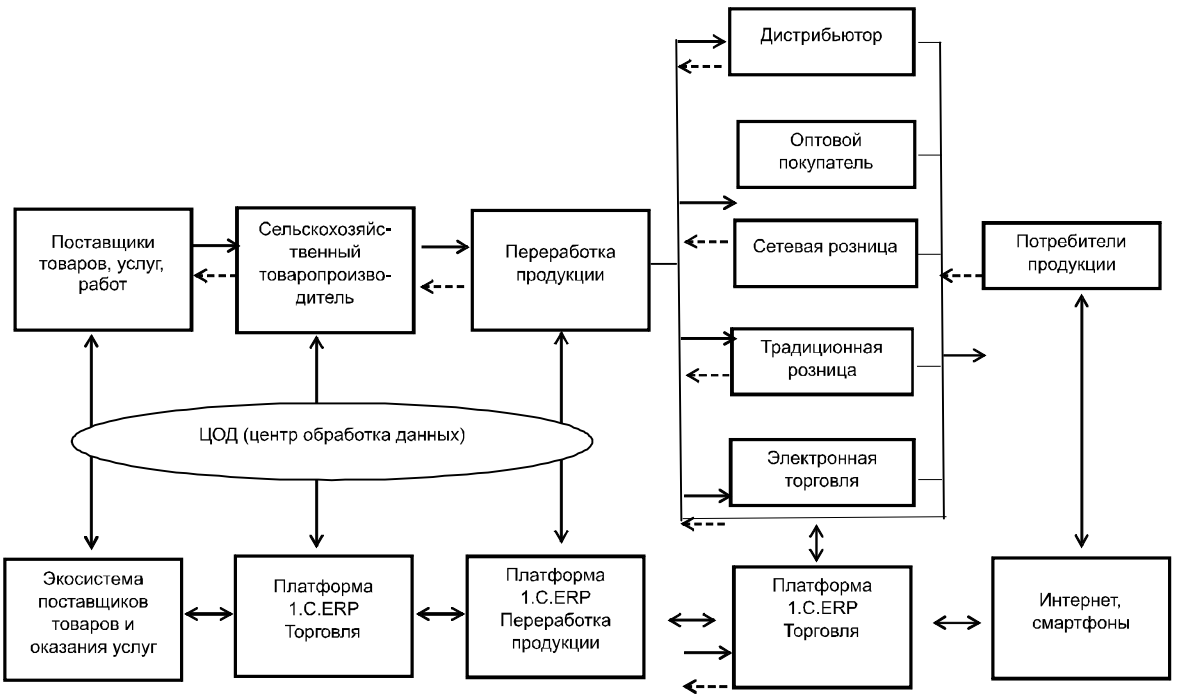

Рисунок 2

Источник: разработка автора

Для большинства длинных цепочек поставок агрегирование данных по всей цепочке (от источника до потребителя) потребует наличия соглашений об обеспеченности сохранности данных и обмене данными между различными предприятиями. Как правило, это особенно сложная проблема, так как, если это не интегрированная структура, то передаваемая информация имеет коммерческую ценность. Доступность данных, их совместное использование и право собственности на них даже в развитых странах с рыночной экономикой, являются самыми труднопреодолимыми проблемами в настоящее время. И для крупных интегрированных формирований (агрохолдингов) с множеством участников самостоятельных юридических лиц обеспечение доступа к данным, их сбор и обработка внутри формирования представляют определённые трудности, что вызвано нежеланием управленцев обмениваться данными о производственно-хозяйственной деятельности.

Заслуживает внимания успешный опыт цифровизации сельскохозяйственных организаций Республики Татарстан, проводимый с участием РИВЦ (Республиканский информационно-вычислительный центр). На мероприятия цифровизации в 2021 году было выделено 150 млн руб. бюджетных средств, в среднем 4 млн руб. на одно хозяйство. Субсидиями смогли воспользоваться 39 хозяйств [8]. Первоначально проводилось обучение руководителей и специалистов хозяйств региона по курсу повышения квалификации на тему "Цифровая трансформация сельскохозяйственной организации". По окончании курсов проводилась

защита выпускных работ на конкурсной основе. Успешно защитившим программы цифровой трансформации хозяйствам выделялись субсидии в размере 50% от общих затрат по цифровизации. Всем процессом приобретения программных продуктов, внедрения и обучения работников-пользователей и текущей консультационной поддержкой занимается РИВЦ.

Преобразование в ИФ должно осуществляться осторожно, чтобы избежать увеличения "цифрового разрыва" между экономиками и секторами, а также между сельскохозяйственными товаропроизводителями, обладающими различными возможностями для внедрения цифровых технологий.

Доступ к цифровым технологиям может предоставить значительные преимущества малым формам хозяйствования, фермерам и другим сельским предприятиям, предоставляя ссылки на поставщиков и информацию и позволяя пользователям задействовать способности рабочей силы, строить стратегическое партнерство, получать доступ к вспомогательным услугам, таким как обучение, финансовые и юридические услуги, охватывать рынки. В результате цифровая трансформация, по мере удешевления аппаратуры и программных средств, сможет принести значительные экономические, социальные и экологические выгоды [9].

Для повышения надежности цифровизации цепей поставок в продовольственной сфере особый интерес вызывает технология обмена информацией блокчейн на базе распределённого реестра. Данная технология позволяет безопасно и приватно обмениваться информацией в цепи поставок, практически минимизируя основной риск угрозы кибербезопасности.

На практике одним из первых в торговле продовольствием блокчейн применил мировой лидер розничной торговли – компания Walmart. В 2016 г. она запустила пилотный проект по использованию технологии блокчейн при поставках свинины из Китая. В нашей стране подобная система распределённого реестра с 2018 года успешно применяется для государственного контроля реализации вино-водочной продукции в системе ЕГАИС (единая государственная автоматизированная информационная система учета алкоголя). Система поштучного учета использует механизмы технологии блокчейн: движение каждой единицы продукции создает цепочку блоков неизменных транзакций, хранящихся в дублирующих центрах обработки данных в Росалкогольрегулировании и Гознаке [10].

В хозяйственной деятельности автономных и независимых организаций и предпринимателей в результате взаимодействия субъектов друг с другом через рыночный механизм существуют условия, при которых им выгодно функционировать отдельно, и есть условия, когда более выгодно объединяться в интегрированные группы.

Устойчивость функционирования ИФ будет достигнута, если выгоды от интеграции участников перевесят негатив от потери свободы действия, притом выгоды должны быть существенными и нести ощутимый эффект в деятельности в долгосрочный период.

Для устойчивого развития интегрированных формирований, образуемых на основе долгосрочных договоров, необходимо соблюдать определённые принципы в ходе их развития.

В таблице 1 представлены принципы деятельности договорных интегрированных формирований (ИФ), роль которых усиливается за счет цифровизации.

Таблица 1 – **Основные принципы организации деятельности ИФ в условиях цифровизации**

Принципы	Содержание принципа развития ИФ
1	2
Системность	ИФ объединяет множество взаимосвязанно функционирующих предприятий по единой цепочке создания ценности ради достижения единой цели производства конкурентоспособной продукции, на основе прозрачности хозяйственных связей в цифровой среде.
Единство цели	Цифровизация способствует приоритетной реализации общей цели ИФ: наилучшее удовлетворение потребностей потребителей по отношению к индивидуальным целям предприятий-участников.
Координация	Управление деятельностью ИФ координируется в режиме реального времени. Увеличивается скорость принятия решений.
Доверие и открытость	Цифровизация хозяйственных связей между участниками ИФ создает атмосферу доверия друг к другу путем открытости, доступности информации и прозрачности работы контрольных служб.
Многоканальность	Участники в рамках ИФ получают возможность сетевой формы взаимодействия между собой.
Проактивность	Участники взаимодействуют как равноправные партнеры, приобретают навыки, которые помогают расставлять приоритеты в хозяйственной деятельности.

Продолжение табл. 1

1	2
Взаимовыгоды	Участники ИФ реализуют свой экономический интерес на основе отслеживаемой добросовестной внутренней конкуренции.
Справедливость	Цифровизация позволяет участникам установить точно вклад каждого в формирование конечного продукта. Соответственно, прибыль ИФ может распределяться между участниками пропорционально вкладу.
Надежность	Предполагается обеспечение безопасности функционирования цепи поставок, защита от киберугроз участников.
Эффективность	Цифровизация обеспечивает больше прозрачности бизнес-процессов и более точную оценку эффективности деятельности участников, в цепи создания продукции, отдельных подразделений и персонала.
Усиление слабого звена по цепочке производства	Эффективность работы ИФ как целого зависит от производительности работы самого слабого звена в цепочке создания ценностей для потребителя. Слабое звено лучше идентифицируется с помощью цифровизации хозяйственных связей.

Источник: разработка автора

Важным условием устойчивого функционирования организаций-участников ИФ, вне зависимости от его формы и разновидности, является наличие эффективной системы координации деятельности, которая наилучшим образом обеспечивается цифровизацией.

Заключение

Таким образом, следует отметить, что основной целью цифровизации хозяйственных связей в АПК по цепи поставок является:

– достижение существенного прироста объемов производства, повышение эффективности и устойчивости цепи поставок во всех звеньях добавленной стоимости;

– создание добавочной стоимости за счет повышения качества управления технологическими процессами, так и улучшением координации принятия решений на всех уровнях цепи поставок.

Нами определен ряд следующих проблем и барьеров для развития цифровой трансформации организаций цепи поставок продовольствия в АПК:

1. Неустойчивое финансовое состояние большинства аграрных предприятий, что является основным ограничивающим условием для инвестиций в инфраструктуру цифровизации. В связи с этим процесс цифровой трансформации в аграрной сфере требует целенаправленной государственной поддержки, в особенности субсидирования приобретения и подключения инфраструктуры цифровизации.

2. Слабая нормативно-правовая база вопросов информационной безопасности и защиты цифровых данных отрасли.

3. Отсутствие универсального отраслевого программного комплекса управления цепями поставок. На практике лишь крупные агрохолдинги, в основном, используют цифровые технологии контроля процесса создания ценности по цепи поставок продукта от поля до потребителя.

4. Небольшой объем оцифровки земельных участков, производственных объектов в базовой отрасли сельское хозяйство, отсутствие устойчивой мобильной связи на полях в большинстве удаленных сельских территориях.

Примечания:

1. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. – М.: Нюанс, 2017. – 64 с
2. Абдрахманова Г.И. и др. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. – 2021.
3. Труфляк Е.В. Результаты анкетирования по направлению "Цифровизация АПК" / Е.В. Труфляк, А.С. Креймер. – Краснодар: КубГАУ, 2021. – 23 с.
4. Новицкая В.Д. Цифровые цепи поставок 4.0 / В.Д. Новицкая // Логистика: форсайт-исследования, профессия, практика: материалы II Национальной научно-образовательной конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. – С. 157-164 .
5. Абрамов В.И., Бобоев Д.С., Гильманов Т.Д., Семенков К.Ю. Теоретические и практические аспекты создания цифрового двойника компании // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12. – № 2. – С. 967-980. – doi: 10.18334/vinec.12.2.114890
6. Карлинский В.Л. Цифровая трансформация промышленных предприятий. Проблемы и модели перехода // Экономические исследования и разработки. – 2018. – № 8. – С. 132-145
7. Цифровой двойник (Digital Twin of Organization, DTO) – URL: tadviser.ru (дата обращения 03.11.2022)
8. Цифровая трансформация АПК – URL: https://edu.agropoliya.ru/ (дата обращения 01.11.2022)
9. Анищенко А.Н. Цифровая экономика XXI века и АПК: взгляд с позиций развитых и развивающихся стран // Проблемы рыночной экономики
10. Киселева А.Л. Влияние пандемии COVID-19 на формирование и развитие хозяйственных связей в предпринимательской системе (на примере ЗАО "ВКЗ-М") / А. Л. Киселева // Маркетинг и логистика. – 2020. – № 5(31). – С. 39-51.

DIRECTIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE DAIRY AND FOOD SUBCOMPLEX OF THE NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dibirova Khapsat Abusupyanovna, *junior researcher, Institute of Agrarian Economics and Rural Development, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg*

The purpose of the study *is to reflect the impact of digital developments on the dairy subcomplex of the North-West, which is characterized by contradictory trends and heterogeneity of its development over a long period of time. The level of milk and dairy products production in the region is not growing significantly, which hinders its self-sufficiency and increases food risks in the future. In order to increase production volumes – the primary participants in the supply chain of milk and dairy products – agricultural organizations (CSOs) need to participate more actively in the process of digitalization.* ***The scientific novelty*** *of the research lies in the fact that the analysis of the introduction of digital technologies throughout the production chain of milk and dairy products has been carried out, bottlenecks in the functioning of agricultural enterprises of dairy specialization and the possibility of further deepening the introduction of digital solutions and increasing their efficiency have been identified.*

Keywords: *digitalization; agriculture; dairy farming; feed; processing; risks.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.8

УДК 65.011.56
ВАК РФ 5.2.6

НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МОЛОЧНО-ПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА СЗФО РФ

© Дибирова Х.А., 2022

Цель исследования *раскрывается в отражении влияния цифровых разработок на молокопродуктовый подкомлекс северо-запада, который характеризуется противоречивыми тенденциями и неоднородностью своего развития в течение длительного периода времени. Уровень производства молока и молочных продуктов в регионе существенно не растет, что препятствует повышению его самообеспеченности и увеличивает продовольственные риски в дальнейшей перспективе. Для того, чтобы нарастить объемы производства – первичным участникам цепи поставок молока и молочной продукции – сельскохозяйственным организациям (СХО), необходимо активнее участвовать в процессе цифровизации. Научная новизна заключается в том, что проведен анализ внедрения цифровых технологий по всей производственной цепи молока и молочной продукции, выявлены узкие места в функционировании сельскохозяйственных предприятий молочной специализации и возможности дальнейшего углубления внедрения цифровых решений и повышения их эффективности.*

Ключевые слова: *цифровизация; сельское хозяйство; молочное животноводство; корма; переработка; риски.*

ДИБИРОВА Хапсат Абусупяновна, *мл. научный сотрудник, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН, Санкт-Петербург*

Одной из самых развитых отраслей сельского хозяйства на Северо-Западе РФ является молочное животноводство с элементами кормового растениеводства. Молочная отрасль СЗФО РФ, несмотря на введенные санкции, с 2014 года в среднем показала более 2% среднегодового темпа роста объемов производства, что почти в 4 раза выше по сравнению со средним показателем по РФ. Наибольший прирост валового производства молока наблюдается в Калининградской (увеличение на 47%), Архангельской (увеличение на 16%) и Вологодской (увеличение на 32%) областях (табл. 1).

В общем по региону темпы наращивания производства молока в СХО уступали общероссийскому показателю. В 2021 году по сравнению с 2014 годом традиционно наибольший прирост производства молока во всех формах хозяйствования в СЗФО РФ наблюдается в Калининградской (увеличение на 71%) и Вологодской (увеличение на 37%) областях, также достаточно существенные показатели прироста демонстрирует и Архангельская область (увеличение на 40%), опередив по данному параметру Ленинградскую область (увеличение на 18%). В Мурманской (снижение на 25%), Новгородской (снижение на 26%) не удалось остановить падение объема производства молока (табл. 2). Также в эту группу, демонстрирующую снижение темпов валового производства молока, попала Республика Каре-

лия (сокращение на 10%). Объем производства молока в целом регионе в СХО немного вырос в 2021 году по сравнению с предыдущим годом на 0,8%, что было характерно и для РФ в целом.

Таблица 1 – **Динамика валового производства молока в хозяйствах всех категорий в 2014-2021 гг., тыс. тонн**

Территории	2014 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Темп роста 2021 г. к 2014 г.	Темп роста 2021 г. к 2020 г.
Республика Карелия	66,1	68,2	64	63,7	58,7	89%	92,2%
Республика Коми	56,6	56,2	55,1	55,1	54,3	96%	98,5%
Архангельская область (с учетом автономного округа)	117,8	120,3	129,4	139,4	136,3	116%	97,8%
Вологодская область	444,6	469,4	560,6	587	586,2	132%	99,9%
Калининградская область	156,2	170	184,9	210,9	229,9	147%	109,0%
Ленинградская область	567,8	588,7	637,3	658,3	639,7	113%	97,2%
Мурманская область	22	19,1	17,5	17,3	17,4	79%	100,6%
Новгородская область	82,2	79,3	64,9	65,7	62,9	77%	95,7%
Псковская область	195,4	198,8	198,6	203,5	206,4	106%	101,4%
СЗФО	1708,7	1770	1991,8	2000,9	1912,3	117%	99,6%
Российская Федерация	30790,9	30781,1	31360,4	32225,5	32116,3	104%	99,7%

Источник: составлено по [1, 2]

Таблица 2 – **Динамика валового производства молока в сельскохозяйственных организациях в 2014-2021 гг. тыс. т.**

Территории	2014 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Темп изменения 2021 г. к 2014 г.	Темп изменения 2021 г. к 2020 г.
Республика Карелия	58,9	61,4	57,7	57,6	53,2	90%	92,4%
Республика Коми	35,5	36,2	38,7	38,5	38,2	108%	99,2%
Архангельская область	83	88	106,8	116,4	115,9	140%	99,6%
Вологодская область	408	434	526,8	554,6	558	137%	100,6%
Калининградская область	87,1	101,3	110	130,4	148,9	171%	114,2%
Ленинградская область	524,1	546,7	600,4	619,5	618	118%	99,8%
Мурманская область	20,6	17,6	16	15,7	15,5	75%	98,7%
Новгородская область	48,7	46,7	40,2	38,8	36	74%	92,8%
Псковская область	143,7	150,9	158,7	164,3	166,5	116%	101,3%
СЗФО	1409,7	1482,7	1655,2	1735,8	1750,1	124%	100,8%
РФ	14364,9	14713,3	16967,4	17879,9	18161,5	126%	102%

Источник: [1, 2]

Наибольший прирост объемов производства молока в СХО наблюдается в областях-лидерах по валовому производству молока в целом на северо-западе – Калининградской (увеличение на 71%), Архангельской (увеличение на 40%) и Вологодской областях (увеличение на 37%). В общем по региону темпы наращивания производства молока в СХО уступали общероссийскому показателю. Снижение потребления молока и молочных продуктов происходит в СЗФО РФ на фоне негативной тенденции увеличения разрыва между фактическим уровнем и медицинской нормой потребления молока молокопродуктов (табл. 3).

Прирост объемов потребления на душу населения в 2021 году по сравнению с 2014 годом происходил только в Архангельской (увеличение на 21%) и Вологодской (увеличение на 7%) областях. Только в трех субъектах – Вологодской, Ленинградской и Псковской областях количество произведенного молока на душу населения превышало объем потребления. В Калининградской области в 2021 году самообеспеченность молоком и молочной продукции увеличилась по сравнению с 2014 годом с 42% до 96%. Остальные субъекты региона характеризуются невысоким уровнем самообеспеченности – менее 60%.

За последние три года СХО молочной специализации в северных областях региона – республике Карелия и Мурманской области – не используют инвестиционных и краткосрочных кредитов для модернизации и обновления основных средств производства и пополнения оборотных средств соответственно (табл. 4).

Привлечение кредитных ресурсов в отрасли молочного животноводства происходит за счет традиционных лидеров – Калининградской, Вологодской и Ленинградской областей, имеющие лучшие рентные условия, на которые в совокупности в 2021 году приходилось 78% от всего объема инвестиционных и краткосрочных кредитов.

В связи с этим существенного прироста поголовья коров в хозяйствах всех категорий в регионе за последние два года практически не происходит (табл. 5).

Таблица 3 – **Динамика душевого производства и потребления молока и молочных продуктов в пересчете на молоко, в 2014-2021 гг., кг**

Территории	2014 год			2019 год			2020 год			2021 год			Темп изменения потребления	
	производство *	потребление	% потребления от нормы	производство *	потребление	% потребления от нормы	производство *	потребление	% потребления от нормы	производство *	потребление	% потребления от нормы	2021 г. к 2014 г., %	2021 г. к 2020 г., %
РФ	205	244	75	214	234	72	220	240	74	222	240	74	98	100
СЗФО	123	276	85	136	262	81	143	271	83	145	266	81,9	96	98
Р-ка Карелия	104	235	73	104	217	67	104	220	71	98	230	70,9	98	105
Р-ка Коми	65	269	83	67	245	75	67	247	77	67	256	78,9	95	104
Архангельская область	99	170	52	114	194	60	123	201	61	123	205	63,2	121	102
Вологодская область	373	239	74	482	236	73	508	245	78	514	255	78,4	107	104
Калининградская область	162	280	86	184	221	68	208	228	71	223	233	72,4	83	102
Ленинградская область	316	293	90	337	279	86	349	285	89	346	281	86,4	96	99
Мурманская область	29	264	82	23	230	71	23	236	75	23	245	75,5	93	104
Новгородская область	128	259	80	108	233	72	110	237	75	109	247	76	95	104
Псковская область	295	299	92	316	281	86	326	288	88	332	273	84	91	95

Источник: [1, 2]

Таблица 4 – **Инвестиционное и краткосрочное кредитование отрасли молочного животноводства СЗФО РФ за 2019-2021 гг., млн руб.**

Территории	2019		2020		2021		Темп изменения	
	Инвестиционный кредит	Краткосрочный кредит	Инвестиционный кредит	Краткосрочный кредит	Инвестиционный кредит	Краткосрочный кредит	Инвестиционный кредит 2021г. к 2019г.	Краткосрочный кредит 2021г. к 2019 г.
СЗФО	247	208	313	252	405	236	164%	113%
Республика Карелия	0	0	0	0,1	0	0,5	0%	0%
Республика Коми	4,4	0	5,6	0,3	7,2	1,3	164%	0%
Архангельская область	25,5	7,4	32,4	7,7	41,8	8,7	164%	118%
Вологодская область	71	59,5	90,1	62	116,3	64,6	164%	109%
Калининградская область	95,7	43,9	121,4	53,9	156,7	40,4	164%	92%
Ленинградская область	45,1	58,4	57,2	83,4	73,8	52	164%	89%
Мурманская область	0	0	0	0,1	0	0	0%	0%
Новгородская область	5,2	0,8	6,6	0,2	8,6	0,8	165%	100%
Псковская область	0,2	37,7	0,2	45	0,3	68	150%	180%

Источник: https://data.milknews.ru/regions/russia#consumption

В частности, незначительное сокращение поголовья коров в 2021 году в СЗФО РФ по сравнению с 2020 годом произошло в основном за счет падения темпов прироста в субъекте-лидере по численности коров – Калининградской области на 15% и снижения количества коров в Архангельской области. Доля племенных коров в регионе незначительно сократилась – субъекты, обладающие наиболее качественным поголовьем коров (более 50%), – это Ленинградская и Вологодская области, а также республика Карелия и Архангельская область. Показатели среднегодового удоя в 2021 году увеличились на 5,9% по сравнению с предыдущим годом.

Модернизация и строительство стойломест, уже оснащенных цифровыми технологиями, наиболее активно происходит не только в субъектах, традиционно имеющих наибольший удельный вес в валовом производстве коровьего молока в регионе – Калининградской (рост более чем в 4 раза) и Вологодской областях, но и в более северных областях региона – республике Коми (табл. 6). Также активизация процесса кооперации К(Ф)Х и небольших сельскохозяйственных предприятий в молочном животноводстве в Новгородской области в последние годы дало возможность ввести небольшое количество скотомест для содержания КРС.

Для углубления изучения тенденций, возникающих в молокопродуктовом подкомплексе северо-западного региона, необходимо более детально исследовать основные препятствия, противодействующие активному

развитию и наращиванию производства прежде всего для первичного его звена СХО молочной специализации. В целом разновидность рисков для сельскохозяйственных производителей очень обширна, однако необходимо уделить особое внимание именно тем из них, с которыми наиболее часто они сталкиваются (рис. 1).

Таблица 5 – **Динамика поголовья коров, доли племенных коров от общего поголовья стада и среднегодового удоя в хозяйствах всех категорий в СЗФО РФ за 2019-2021 гг.**

Субъекты	2019			2020			2021			Темп изменения	
	Поголовье коров, тыс. гол	Доля племенных коров	Удой кг/год	Поголовье коров, тыс. гол	Доля племенных коров	Удой кг/год	Поголовье коров, тыс. гол	Доля племенных коров	Удой кг/год	Поголовье коров 2021 г. к 2019 г., %	Поголовье коров 2021 г. к 2020 г., %
СЗФО	1774	58,1	7189	1831	57,8	6819	1819	57,9	7221,9	102,5	99,3
Р-ка Карелия	62,8	39,1	6495	63,8	57	6762	57,9	61,2	6374,6	92,2	90,8
Р-ка Коми	44,1	27,3	3990	43	27	4001	43,8	28	4228,3	99,3	101,9
Архангельская область	123,6	55,1	6367	134,9	57,9	6865	133,4	58,8	6797	107,9	98,9
Вологодская область	541,9	61,9	7337	550,1	62,4	7736	547,3	62	7659,2	101,0	99,5
Калининградская область	168,1	49,2	5756	191	44	6149	210,4	41,3	6809,9	125,2	110,2
Ленинградская область	608	83,6	8462	629,2	83,6	8853	605,3	84,6	8614,7	99,6	96,2
Мурманская область	16,1	0	4992	16,6	0	5269	16,8	0	5667,2	104,3	101,2
Новгородская область	46,1	27,3	4553	45,6	19,3	4814	45,4	18,9	4826	98,5	99,6
Псковская область	163,6	37,7	5734	157,8	41,3	6082	159,3	45,9	5731,2	97,4	101,0

Источник: [1]

Таблица 6 – **Объем ввода новых и модернизированных стойломест в СЗФО РФ, шт.**

Территории	2019 г.	2020 г.
СЗФО	7521	12826
Республика Коми	200	350
Вологодская область	5511	4158
Калининградская область	1350	6218
Ленинградская область	400	0
Новгородская область	60	0

Источник: [1]

Например, среди одной из наиболее распространённых проблем и узких мест в своем функционировании крупные и средние сельскохозяйственные предприятия молочной специализации Ленинградской области в последние три года выделяют необходимость проведения тщательной селекционной работы с быками, определяемой не только по качеству потомства, но и по геномной оценке. Это направление является особо актуальным для Ленинградской области в частности, так как по показателям продуктивности коров она являет-

Рисунок 1 – **Разновидность распространенных рисков для СХО молочной специализации в Ленинградской области**

Источник: разработка автора

ся лидером не только на северо-западе, но и в России в целом, а поддержание столь высоких удоев требует прежде всего налаживания племенной работы в СХО и пересмотра рациона питания КРС. Касательно внешних рисков сельскохозяйственного предприятия, при росте инфляции хозяйствующие субъекты концентрируют внимание на повышение оборачиваемости оборотных активов. Снижение данного показателя в дальнейшем влечет нехватку оборотных средств, которая вынуждает молочные хозяйства прибегать к краткосрочному кредитованию под залог собственного имущества, и следовательно, усиливает финансовые риски для сельскохозяйственных предприятий. Сокращение государственной поддержки также негативно отражается на замедлении инвестиционной активности и обновлении основных фондов СХО.

Применительно к сфере переработки молокопродуктового подкомлекса северо-западного региона – ввиду отсутствия достаточных объемов производства собственного сырого молока – г. Санкт-Петербург и Ленинградская область продолжает входить в десятку самых дефицитных регионов страны по объёмам производства молока и молочной продукции, дефицит которой в 2021 году составил 960, 4 тыс. тонн молока [3].

Крупнейшими производителями и переработчиками в регионе являются филиалы транснациональных корпораций "Пепси-Ко", "Данон", по экспертным данным их совместная доля по переработке молока в регионе составляет около 40%. Обе компании в 2022 году объявили об уходе с рынка РФ, что увеличивает риски устойчивого снабжения населения региона молочной продукцией. Наиболее успешным отечественным молокоперерабатывающим предприятием в регионе является Пискаревский молочный завод, который с 2017 года существенно нарастил охват и количество хозяйств для формирования своей сырьевой базы. Это позволило интегрированному объединению Пискаревский молочный завод увеличить объемы производства на 67% – с 92

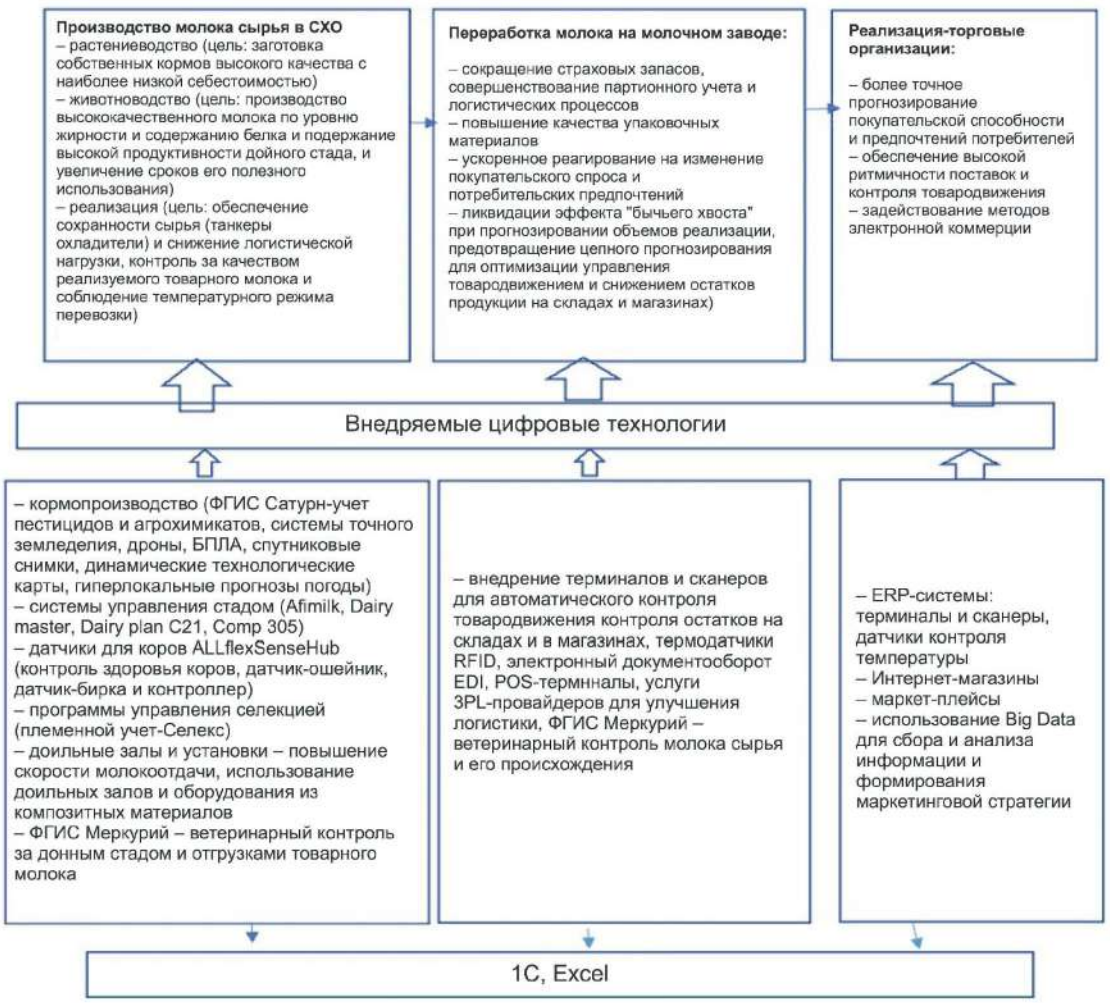

Рисунок 2 – **Цифровые решения по цепочке производства молока и молочных продуктов**

Источник: разработка автора

700,2 тонн молока в 2017 году до 154 540 тонн в 2021 году. Всего в данное объединение входит 25 хозяйств – СХО молочной специализации с средней численностью поголовья коров на одно хозяйство от 600 до 1500 голов [4]. Также Пискарёвский молочный завод развивает собственные дистрибьютерские сети – реализует бесплатную доставку молочной продукции от 0,8 ц в мелкооптовые торговые организации.

СХО, входящие в объединение с молочным заводом "Пискаревский", активно внедряют цифровые технологии – доильные залы и системы управления стадом. Цифровые решения, применяемые в молочно-продуктовой цепи производства в СЗФО РФ, представлены на рисунке 2 (см. выше).

Широкое применение цифровых решений по цепи создания молочной продукции существенно повышает контроль и уровень управления по всей холодовой цепи производства молока сырья, его переработки в молочную продукцию и реализацию потребителю [5].

На сегодняшний день, в условиях северо-запада, цифровые технологии в отрасли кормового растениеводства, являющегося неотъемлемой частью производства СХО молочной специализации, заимствуются из регионов Черноземной зоны РФ. Собственных разработок, адаптированных под более неблагоприятные условия функционирования, немного, и они еще находятся в стадии внедрения опытного образца. Например, одним из актуальных исследований в области растениеводства является изучение влияния облучения лазерной установки, монтируемой на беспилотный летательный аппарат (БпЛА) для увеличения травостоя и урожайности зеленой массы сельскохозяйственных культур [6].

В заключение, на сегодняшний день взаимодействие и управление по цепи недостаточно налажено, ввиду отсутствия интеграции между традиционно широко распространенным в России программным обеспечением 1С и другими более узкоспециализированными программами управления стадом и анализа данных с датчиков зарубежных производителей, что значительно затрудняет процесс управления хозяйственной деятельностью.

Разрыв в темпах цифровизации производственных процессов в молочном скотоводстве и кормопроизводстве тормозит реализацию конкурентных преимуществ отрасли, ее развитие и рост объемов производства молока [7]. Количество программного обеспечения и уровень цифровизации СХО в молочном животноводстве КРС в части областей северо-запада (Вологодской, Ленинградской, Калининградской, Псковской, Архангельской областях) существенно превышает объем цифровых технологий, применяемых в растениеводстве, что тормозит и сужает масштабы и темпы цифровой трансформации молокопродуктового подкомлекса на данном этапе.

Литература:

1. Ключевые данные – URL: https: data.milknews.ru (дата обращения: 03.11.2022).
2. Данные территориальных органов федеральной службы государственной статистики – URL: https://www.fedstat.ru/(дата обращения: 13.11.2022)
3. Новости, аналитика URL: https://dairynews.html (дата обращения: 03.11.2022)
4. Дибирова Х.А. Оценка эффективности интеграционных процессов в молочно-продуктовом подкомплексе Ленинградской области // Российский электронный научный журнал. – 2018. – № 4 (30). – С. 136-147. – DOI: 10.31563/2308-9644-2018-30-4-136-147.
5. Ермолина М. Особенности организации цепей поставок молочной продукции // Переработка молока. – 2013. – №6. – С. 46-49.
6. Севостьянова Н.Н., Лебедев И.В., Лебедева В.В., Ватаманюк И.В. Инновационный подход к автоматизированной фотоактивации посевных площадей посредством БПЛА с целью стимуляции роста культур// Информатика и автоматизация. – 2021. – Т. 20. – № 6. – С. 1395-1417.
7. Суровцев В.Н. Цифровая трансформация молочного скотоводства в хозяйствах ленинградской области и проблемы цифровизации кормопроизводства // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – №8. – С. 88-92. – DOI: 10.32651/228-88.

DIRECTIONS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF BUSINESS AND ASSET VALUATION STANDARDS

Zakhmatov Dmitry Yurievich, *PhD of Economics, Higher School of Business of Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan*

The purpose of the study *is to review the current state of standards in the field of valuation activities in the Russian Federation from the point of view of ensuring the sustainability, quality and completeness of professional judgments of analysts, appraisers and specialists in determining the value of business and assets. The adoption of new federal evaluation standards, as well as the development of evaluation methodology in various areas by methodological councils of self-regulatory organizations of appraisers and proactive evaluation practitioners, require systematization and qualitative structuring to ensure the high quality of research.* ***The scientific novelty*** *lies in the approaches*

proposed to the authors to the development of standardization in the field of evaluation activities. ***As a result,*** *the author systematized standards and methodology in evaluation and made proposals for further improvement of professional standards.*

Keywords: *valuation standards; federal valuation standards; valuation methodology; new federal valuation standards; business valuation; valuation principles; asset valuation; development of valuation methodology.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.9

УДК 330.133
ВАК РФ 5.2.3

© Захматов Д.Ю., 2022

НАПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТАНДАРТОВ ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ БИЗНЕСА И АКТИВОВ

Цель исследования *– рассмотреть текущее состояние стандартов в области оценочной деятельности в Российской Федерации с точки зрения обеспечения устойчивости, качества и полноты профессиональных суждений аналитиков, оценщиков и специалистов по определению стоимости бизнеса и активов. Принятие новых федеральных стандартов оценки, а также развитие методологии оценки по разнообразным направлениям методическими советами саморегулируемых организаций оценщиков и инициативными исследователями – практиками оценки, требуют систематизации и качественной структуризации для обеспечения высокого качества проводимых исследований.* ***Научная новизна*** *заключается в предложенных автором подходах к развитию стандартизации в области оценочной деятельности.* ***В результате*** *автором проведена систематизация стандартов и методологии в оценке и сделаны предложения по дальнейшему совершенствованию профессиональных стандартов.*

Ключевые слова: *стандарты оценки; федеральные стандарты оценки; методология оценки; новые ФСО; оценка бизнеса; принципы оценки; оценка активов; развитие методологии оценки.*

Введение

Значение оценочной деятельности в рыночной экономике Российской Федерации с каждым годом усиливается, при этом наблюдается расширение спектра экономических процессов, где требуется обоснованное и достоверное суждение о рыночной или иной стоимости бизнеса, активов или других объектов оценки.

Многовекторные изменения в отечественной экономике, а также внешние и внутренние факторы неопределенности существенно влияют на отношение к ценности активов, что требует развития стандартов и методов по ее качественному измерению для разнообразных практических целей.

Можно отметить такие, наиболее часто встречающиеся цели или потребности субъектов экономических отношений, как установление рыночной стоимости для сделок купли-продажи, определения налогооблагаемой базы (кадастровая стоимость), внесению неденежных вкладов в уставный капитал, обязательного выкупа акций, дополнительных эмиссий, справедливой или иной стоимости для формирования бухгалтерской отчетности, ликвидационной стоимости для кредитных учреждений при принятии имущества в залог и др. Следует подчеркнуть особое значение оценочных процедур при конфликтных ситуациях и судебных спорах, в частности – раздел имущества, процедуры банкротства, изъятие в государственных целях, выплата действительной доли участника в обществах с ограниченной ответственностью, установление сервитутов, налоговых спорах и др.

Контроль качества отчетов об оценке и претензионная работа проводится многочисленными структурами – это саморегулируемые организации оценщиков, кредитные учреждения, Центральный Банк Российской Федерации, государственные органы и сило-

ЗАХМАТОВ Дмитрий Юрьевич, *кандидат экономических наук, Высшая школа бизнеса, Казанский федеральный университет, Казань, Республика Татарстан*

вые структуры. Также накоплена обширная судебная практика в области оценочной деятельности.

В сложившихся условиях для обеспечения качества работ по оценке требуется сбалансированная система стандартов и правил, позволяющая специалистам в области определения стоимости, заказчикам и контролирующим органам однозначно определить требования к их полноте, достоверности и объективности.

1. Эволюция стандартов и методических рекомендаций в области оценки. Федеральный закон об оценочной деятельности в Российской Федерации был принят в 1998 году [1], при этом до его появления, начиная с 1991 года, когда был начат переход от плановой экономики к рыночной, уже возникла потребность в специалистах по оценке имущества, то есть в оценщиках.

Первые оценщики, как правило, специалисты со строительным образованием, определяли рыночную и иные виды стоимостей на базе существующих в СССР источников ценовой информации и переведенной с иностранных языков зарубежных методической литературы. Ряд методических рекомендаций было разработано в появившихся в стране профессиональных объединениях оценщиков, а также в региональных государственных органах.

Первые государственные стандарты оценки в Российской Федерации появились в 2001 году [2] и действовали до 2007 года, когда они были отменены [3] и введены в действие общие Федеральные стандарты оценки [4, 5, 6].

Дальнейшее развитие государственных стандартов получило в 2011-2016 годах с появлением специальных Федеральных стандартов оценки, регламентирующих процедуры определения стоимости отельных групп активов (объектов недвижимости, бизнеса, движимого имущества, интеллектуальной собственности) [7,8,9,10], порядка проведения экспертизы отчетов об оценке, оценки для целей залога [11,12], а также устанавливающие понятия ликвидационной, кадастровой и инвестиционной стоимостей [13,14,15].

Также в этот период государственными органами утверждены действующие и сегодня ряд методических рекомендаций, касающихся определения рыночной стоимости земельных участков и величины права их аренды [16,17], определения рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности [18], определения соразмерной платы за сервитут [19, 20].

В 2022 году Минэкономразвития России отменило ряд федеральных стандартов оценки [13,14,15], утвердило новые редакции общих федеральных стандартов оценки [21-26] и внесло ряд изменений в специальные федеральные стандарты оценки [7-12]. Также в ближайшее время ожидается обсуждение и принятие новых редакций специальных стандартов оценки (табл. 1).

Таблица 1 – **Специальные стандарты оценки стоимости бизнеса и активов**

Период	1991-1998	1998-2001	2001-2011	2011-2015	2015-2022	2022
Закон об оценочной деятельности	нет	+	+	+	+	+
Федеральные стандарты оценки	Нет			+	+	+
Государственные стандарты оценки	Нет		+	отменены		

В периметре законодательной, методической и нормативной базы для работы оценщиков находятся кроме, закона об оценочной деятельности и федеральных стандартов оценки, такие документы, как методические рекомендации.

Методические рекомендации для оценщиков (далее – МР) можно разделить на три вида:

– утвержденные государственными органами;

– одобренные советом по оценочной деятельности при Минэкономразвития РФ;

– в составе стандартов и правила саморегулируемых организаций оценщиков;

– прочие.

Таким образом, в фокусе внимания специалистов в области оценочной деятельности должны находиться следующие группы стандартов и правил оценочной деятельности, которые можно ранжировать по признаку обязательности к применению (табл. 2).

Особое внимание следует обратить на обязательные к применению оценщиками методических рекомендаций в СПОД, разработанных саморегулируемыми организациями оценщиков. На дату подготовки публикации в Российской Федерации зарегистрировано 14 (четырнадцать) саморегулируемых организаций [1]. При этом при анализе открытой информации о деятельности данных профессиональных объединений оценщиков выявлена активность в области подготовки методических рекомендаций только в некоторых из них (табл. 3).

[1] https://rosreestr.gov.ru/wps/portal/p/present_new/cc_sro_reestr

Таблица 2 – **Группы стандартов и правил (по признаку обязательности к применению)**

Наименование	Применение
Закон об оценочной деятельности	Обязательно - ст.15 [1]
Федеральные стандарты оценки	Обязательно - ст.15 [1]
Стандарты и правила саморегулируемых организаций оценщиков (далее - СПОД)	Обязательно - ст.15 [1]
Государственные методические рекомендации (как иные нормативные правовых актов Российской Федерации в области оценочной деятельности согласно [1])	Обязательно - ст.15 [1]
Методические рекомендации, одобренные советом по оценочной деятельности при Минэкономразвития Российской Федерации	Следует применять - п.3 [23], но при неиспользовании обосновать отказ - п.7 [26]
Методики и методические рекомендации, не относящиеся к СПОД и не прошедшие процедуру одобрения советом по оценочной деятельности при Минэкономразвития Российской Федерации	Не обязательно, но разрешается – п.1 [25]

Таблица 3 – **Уровень активности в подготовке методических рекомендаций**

№	Наименование саморегулируемой организации оценщиков	Количество утвержденных методических рекомендаций, шт.
1	Ассоциация "Русское общество оценщиков"	22
2	Ассоциация "Саморегулируемая организация оценщиков "Экспертный совет"	5
3	Саморегулируемая организация Ассоциация оценщиков "Сообщество профессионалов оценки"	3
4	Ассоциация Саморегулируемая организация оценщиков "Союз"	1
5	Некоммерческое партнерство саморегулируемая организация "Деловой Союз Оценщиков"	1

2. Обзор особенностей по группам документов и предложения. Для определения вектора развития стандартов и правил в области оценки следует обратить внимание на основные особенности основных групп действующих нормативно-правовых актов, вызывающие сложности в практическом применении специалистами и контроле качества проведения исследований.

2.1. Закон об оценочной деятельности и федеральные стандарты оценки (ФСО). Обязательным требованием ФСО является профессиональное суждение в области оценочной деятельности, которое приводится в отчете об оценке относительно существенности информации (исходных данных) и проведенных расчетов. Также аналогичные требования предъявляются к оценщику в части признания информации достоверной, надежной, существенной и достаточной. При этом является очевидным, что оценщик не обладает специальными знаниями, позволяющими сделать суждения по всему многообразию исходной информации (например, сложность вызывает признание неаудированной отчетности холдинга достоверной, поскольку как раз аудиторские процедуры позволят выразить такое суждение). Кроме того, оценщик ограничен в полномочиях запрашивать ту или иную информацию в государственных органах и получать обязательные ответы на запросы в коммерческие организации для обеспечения выполнения данного требования.

В ФСО приводится утверждение, что для тех или иных целей оценки могут быть установлены разные уровни требований к уровням существенности и достоверности. Следует обратить внимание, что использование различной по составу информации и разной детализации расчетов приведет к изменению итоговой стоимости или диапазона стоимости объекта оценки, то есть качество оценки будет различаться. При этом в действующем законодательстве не предусмотрены разные требования к качеству отчетов в зависимости от целей оценки и сделки, основанные на результатах некачественно проведенной оценки, могут быть оспорены.

Ряд терминов, используемых в ФСО, впервые введены в отечественном законодательстве, и по всем признакам, представляют собой вариант перевода международных стандартов оценки. Например, в действующем законодательстве отсутствует понятие "равновесная стоимость", введенное ФСО, и при указании данной стоимости в качестве результата оценки, практическое применение отчета об оценке не регламентируется.

2.2. Методические рекомендации, обязательные к применению оценщиками. Данная группа действующих и обязательных к применению документов представлена МР, утвержденными государственными органами, а также МР, одобренными советом по оценочной деятельности при Минэкономразвития Российской Федерации [27], причем период утверждения данных документов достаточно широк с 2002 по 2019 годы.

Основная сложность корректного применения данных МР состоит в несоответствии многих терминов и определений, используемых при их составлении с действующими ФСО и иными нормативные правовых актов Российской Федерации в области оценочной деятельности.

Разработка саморегулируемыми организациями оценщиков методических рекомендаций, методических разъяснений, включаемых в СПОД, имеют следующие особенности:

– отсутствие механизма согласования мнений по методическим вопросам между различными СРО оценщиков могут приводить к противоположным мнениям по сходным вопросам, что может отразиться в подходах к оценке и получать существенно отличающиеся результаты определения стоимости одного и того же объекта исследования;

– поскольку экспертиза отчетов об оценке с составлением экспертного заключения СРО может осуществляться в любой саморегулируемой организации оценщиков вне зависимости от членства оценщика, от эксперта потребуется изучение СПОД СРО (порой, достаточно объемных по содержанию), в которой состоит оценщик, подписавший отчет об оценке, что может привести к снижению качества проведенных экспертиз или необоснованным претензиям к оценщику.

2.3. Методики и методические рекомендации, не относящиеся к СПОД и не прошедшие процедуру одобрения советом по оценочной деятельности при Минэкономразвития Российской Федерации. Поскольку использование МР, не являющихся обязательными, допускается при проведении оценки и составлении отчетов об оценке [25, п.1], у оценщиков, потребителей услуг оценщиков и контролирующих органов возникают вопросы о достоверности, полноте и объективности их содержания. Нередко можно обнаружить отчеты об оценке, составленные с использованием документов, названных "методическими рекомендациями" или статьями, опубликованными в сети интернет на личных сайтах авторов, дискуссионных площадках или в нерецензируемых изданиях, не предъявляющих системных требований к содержимому публикаций. Среди подобных источников можно встретить как объективно и качественно составленные материалы, так и документы с фактическими, методическими ошибками, а также противоречащие действующему законодательству, в том числе законодательству в области оценочной деятельности, использование которых может исказить результат оценки и привести к неблагоприятным последствиям как для пользователя отчета об оценке, так и для оценщика.

3. Результаты и предложения. По результатам проведенного анализа нормативно-правового и нормативно-методического обеспечения оценочной деятельности выявлены наиболее острые проблемные области, внимание к которым важно привлечь органов, регулирующих оценочную деятельность в РФ, совета по оценочной деятельности при Минэкономразвития РФ, саморегулируемых организаций оценщиков, а также оценщиков.

В результате в качестве направлений по совершенствованию стандартизации в области оценочной деятельности могут быть предложены следующие инициативы:

1. Внесение уточнений или подготовка разъяснений к действующим федеральным стандартам оценки по выявленным проблемным и неоднозначным вопросам.

2. Подготовка единого словаря терминов "глоссария" по оценочной деятельности, применяемого в методических и нормативных документах, утверждаемых государственными органами и саморегулируемыми организациями оценщиков.

3. Инициирование актуализации и приведения в соответствие с действующими ФСО утвержденных государственными органами методических рекомендаций.

4. Организация механизма взаимодействия между саморегулируемыми организациями оценщиков, выявляющего противоречия в утверждаемых методических рекомендациях.

5. Поскольку стандарты организаций в РФ разрабатываются данными организациями самостоятельно [28, ст.21], следует установить внутренними документами СРО порядок разработки, утверждения, учета, изменения, отмены и применения СПОД с учетом предусмотренным общероссийским законодательством принципам [28, ст.4].

6. В СПОД, разрабатываемых СРО оценщиков включить регламенты действий оценщика по анализу МР и иных источников, не являющихся обязательными, которые будут использованы при составлении отчетов об оценке. В частности, направлениями подтверждения качества используемых методик могут быть исследования их:

– даты публикации и степени актуальности на дату оценки;

– надежности источника (например, более высокой надежностью характеризуются официальные сайты компаний и организаций, зарегистрированные учебные издания, рецензируемые профильные журналы);

– анализ компетенций авторов публикации и опыта работы в предметной области.

Заключение

В данной работе осуществлена систематизация стандартов в области оценочной деятельности с декомпозицией, предусматривающей обязательность применения групп документов при подготовке отчетов об оценке стоимости. Выявлены проблемные и неоднозначные положения стандартов, требующие внимания, а также необходимость в гармонизации как самих документов, так и отношений между саморегулируемыми организациями оценщиков.

К одному из ключевых результатов исследования можно отнести предложение о включении в регламенты деятельности саморегулируемых организаций оценщиков соблюдения норм действующего законодательства РФ в области стандартизации, а также разработку порядка действий оценщика по анализу МР и иных источников, не являющихся обязательными, которые будут использованы при составлении отчетов об оценке.

Значимость стандартизации и ее совершенствование для экономики и общества общепризнаны в региональных и мировом сообществах, причем особая роль данного направления деятельности – в выстраивании цивилизованных и гармоничных отношений между субъектами экономических отношений. Отечественная оценочная деятельность – молодая наука, но важность ее роли в экономике год от года все увеличивается, интенсивно развивается в области методологии и стандартизации, однако еще многое предстоит сделать для построения системы ее регулирования на качественном и устойчивом уровне, требуемом для решения самых сложных задач в условиях внешних и внутренних изменений в экономических процессах. Целью настоящей работы и являлась выработка предложений по некоторым шагам к построению такой системы.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.07.1998 N 135-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об оценочной деятельности в Российской Федерации".
2. Постановление Правительства РФ от 06.07.2001 N 519 (ред. от 14.12.2006) "Об утверждении стандартов оценки".
3. Постановление Правительства РФ от 08.11.2007 N 765 "О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросам оценочной деятельности".
4. Приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 N 297 "Об утверждении Федерального стандарта оценки "Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО N 1)".
5. Приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 N 298 "Об утверждении Федерального стандарта оценки "Цель оценки и виды стоимости (ФСО N 2)".
6. Приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 N 299 (ред. от 06.12.2016) "Об утверждении Федерального стандарта оценки "Требования к отчету об оценке (ФСО N 3)".
7. Федеральный стандарт оценки "Оценка недвижимости (ФСО № 7)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 25.09.2014 № 611).
8. Федеральный стандарт оценки "Оценка бизнеса (ФСО № 8)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 01.06.2015 № 326).
9. Федеральный стандарт оценки "Оценка стоимости машин и оборудования (ФСО № 10)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 01.06.2015 № 328).
10. Федеральный стандарт оценки "Оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности (ФСО № 11)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 22.06.2015 № 385).
11. Федеральный стандарт оценки "Оценка для целей залога (ФСО № 9)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 01.06.2015 № 327).
12. Федеральный стандарт оценки "Виды экспертизы, порядок ее проведения, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 04.07.2011 № 328).
13. Федеральный стандарт оценки "Определение кадастровой стоимости (ФСО N 4)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 22.10.2010 N 508).
14. Федеральный стандарт оценки " Определение ликвидационной стоимости (ФСО N 12)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 17.11.2016 N 721).
15. Федеральный стандарт оценки "Определение инвестиционной стоимости (ФСО N 13)" (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 17.11.2016 N 722).
16. Распоряжение Минимущества РФ от 06.03.2002 N 568-р (ред. от 31.07.2002) "Об утверждении методических рекомендаций по определению рыночной стоимости земельных участков".
17. Распоряжение Минимущества РФ от 10.04.2003 N 1102-р "Об утверждении Методических рекомендаций по определению рыночной стоимости права аренды земельных участков".
18. "Методические рекомендации по определению рыночной стоимости интеллектуальной собственности" (утв. Минимуществом РФ 26.11.2002 N СК-4/21297).
19. Приказ Минэкономразвития России от 04.06.2019 N 321 "Об утверждении методических рекомендаций по определению платы за публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности или находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных гражданам или юридическим лицам".
20. Правила определения размера платы по соглашению об установлении сервитута в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности, утверждены Постановлением Пра-

вительства Российской Федерации от 23 декабря 2014 г. N 1461.
21. Федеральный стандарт оценки "Структура федеральных стандартов оценки и основные понятия, используемые в федеральных стандартах оценки (ФСО I)", утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 14 апреля 2022 г. N 200.
22. Федеральный стандарт оценки "Виды стоимости (ФСО II)", утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 14 апреля 2022 г. N 200.
23. Федеральный стандарт оценки "Процесс оценки (ФСО III)", утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 14 апреля 2022 г. N 200.
24. Федеральный стандарт оценки "Задание на оценку (ФСО IV)", утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 14 апреля 2022 г. N 200.
25. Федеральный стандарт оценки "Подходы и методы оценки (ФСО V)", утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 14 апреля 2022 г. N 200.
26. Федеральный стандарт оценки "Отчет об оценке (ФСО VI)", утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 14 апреля 2022 г. N 200.
27. "Методические рекомендации по оценке объектов недвижимости, отнесенных в установленном порядке к объектам культурного наследия" (одобрены к применению Советом по оценочной деятельности (заседание от 23.06.2015)).
28. Федеральный закон от 29.06.2015 N 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "О стандартизации в Российской Федерации".

APPLICATION OF THE RESULTS OF ASSESSING THE QUALITY OF SERVICES OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF STATE SUPPORT MEASURES

Karabitsina Ekaterina Fedorovna, *Senior Lecturer, Basic Department of Digital Financial Technologies of the Sberbank of Russia, Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

Yamshchikov Andrey Sergeevich, *DSc of Economics, Professor, Siberian Federal University; Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Krasnoyarsk*

Guts Denis Sergeevich, *PhD of Psychological sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

Currently, the issue of the quality of social services is urgent. One of the ways to solve this problem is the development of socially oriented non-profit organizations (SO NPOs) through the implementation of state support measures. ***The purpose of the study*** *is to offer a complex tool that will help assess the contribution of SO NPOs to improving the quality of social services and provide state support measures in a more targeted manner. The article discusses the forms of state support for SO NPOs and the indicators used to reflect the results of its provision. The approaches to assessing the quality of services of SO NPOs are also considered.* ***The scientific novelty*** *lies in the application of the results of assessing the quality of services of SO NPOs in the state support measures implementation.* ***As a result,*** *a connection was established between the directions for assessing the quality of services, forms of state support for SO NPOs and ways to improve them.*

Keywords: *socially oriented non-profit organizations; measures of state support; assessment of the quality of services.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.10

ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УСЛУГ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

УДК 332.025.12
ВАК РФ 5.2.3

© Карабицина Е.Ф., 2022
© Ямщиков А.С., 2022
© Гуц Д.С., 2022

В настоящее время остро стоит вопрос качества услуг социальной сферы. Одним из способов решения данной проблемы является развитие социально-ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) посредством реализации мер государственной поддержки. ***Цель исследования*** *– предложить инструмент, который позволит оценить вклад СО НКО в повышение качества услуг социальной сферы и поможет оказывать меры государственной поддержки более направленно. В статье рассмотрены формы государственной поддержки СО НКО и показатели, применяемые для отражения результатов ее оказания, а также подходы к оценке качества услуг СО НКО.* ***Научная новизна*** *заключается в применении результатов оценки качества услуг СО НКО при реализации мер государственной поддержки.* ***В результате*** *установлена связь направлений оценки качества услуг с формами государственной поддержки СО НКО и способами их совершенствования.*

Ключевые слова: *социально ориентированные некоммерческие организации; меры государственной поддержки; оценка качества услуг.*

КАРАБИЦИНА Екатерина Федоровна, *старший преподаватель базовой кафедры цифровых финансовых технологий Сбербанка России, Сибирский федеральный университет, Красноярск*

ЯМЩИКОВ Андрей Сергеевич, *доктор экономических наук, профессор, Сибирский федеральный университет; Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, Красноярск*

ГУЦ Денис Сергеевич, *кандидат психологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, Красноярск*

В настоящее время в каждом регионе приняты меры государственной поддержки СО НКО, реализация которых требует значительных финансовых и административных ресурсов. В то же время отсутствует информация о качестве услуг, оказываемых СО НКО, и о влиянии мер поддержки на качество услуг социальной сферы. Таким образом, невозможно оценить – обеспечивают ли меры государственной поддержки СО НКО достижение первоочередной цели: повышение качества услуг социальной сферы. Цель исследования структурировала следующие задачи: 1) определить, каким образом реализация государственных мер поддержки СО НКО способствует развитию некоммерческого сектора; 2) изучить процесс реализации мер государственной поддержки СО НКО; 3) проанализировать показатели, применяемые для оценки результатов реализуемых мер поддержки и качества услуг СО НКО; 4) сформулировать предложения по применению результатов оценки качества услуг СО НКО при разработке мер государственной поддержки.

Доля некоммерческого сектора в валовом внутреннем продукте и в численности занятых за 2020 год составила 0,8%. Несмотря на скромные показатели, нельзя недооценивать роль социально ориентированных некоммерческих организаций в социально-экономических процессах общества. СО НКО восполняют дефицит в социальных услугах, способствуют формированию конкурентной среды на рынке социальных услуг, выступают посредником между государством и населением [4, 124]. Способность СО НКО решать социальные проблемы, одновременно воздействуя на экономические аспекты, объясняет интерес к их деятельности со стороны государства [5, 4]. Финансирование указанных организаций за счет средств государства с 2017 по 2020 год возросло с 98,3 млрд рублей до 156,7 млрд рублей, в общем объеме полученного СО НКО финансирования доля государственных средств увеличилась с 13,8% до 17,5% [14].

Государственная поддержка СО НКО может быть финансовой, имущественной, консультационной, информационной, а также заключаться в подготовке и дополнительном профессиональном образовании работников СО НКО и добровольцев [16]. Финансовая поддержка реализуется посредством предоставления налоговых льгот, закупки товаров, работ или услуг, предоставлении субсидий. Имущественная поддержка реализуется посредством предоставления объектов движимого или недвижимого имущества по льготной цене или на безвозмездной основе. Каждая из форм поддержки направлена на решение наиболее острых проблем, характерных для негосударственного некоммерческого сектора. Налоговые льготы предоставляются для снижения налогового бремени и стимуляции деятельности СО НКО. Осуществление закупки товаров, работ или услуг у СО НКО, а также предоставление субсидий способствуют сохранению финансовой устойчивости организаций. Имущественная поддержка направлена на укрепление материально-технической базы СО НКО, снижение расходов на арендную плату, в целях направления высвободившихся средств на развитие деятельности. Консультационная поддержка направлена на правильное выстраивание организационно-административных процессов в организациях, особенно вновь созданных, информирование СО НКО о реализуемых мерах поддержки, о возможностях выстраивания отношений внутри сектора и о перспективах межсекторного взаимодействия. Информационная поддержка направлена на продвижение СО НКО в информационной среде путем создания официальных сайтов в сети Интернет, информирование населения о

возможностях получения услуг у СО НКО в средствах массовой информации. Подготовка и дополнительное профессиональное образование работников СО НКО и добровольцев направлены на снижение кадрового дефицита в секторе. Совокупность реализуемых мер поддержки должна способствовать развитию некоммерческого сектора.

В процессе реализации мер государственной поддержки можно выделить следующие этапы: формирование направлений поддержки, подготовка нормативной правовой базы, реализация поддержки, анализ результатов оказанной поддержки, корректировка реализуемых мер государственной поддержки. Этап формирования направлений поддержки предполагает выявление наиболее востребованных форм и способов поддержки, определение необходимых ресурсов, ожидаемых результатов предоставления поддержки. Подготовка нормативной правовой базы предполагает формирование порядков предоставления государственной поддержки, определение ответственных лиц. Этап реализации поддержки включает проведение отбора получателей мер поддержки и их непосредственное предоставление, а также сбор и подготовку отчетов о проделанной работе. Анализ результатов оказанной поддержки предполагает оценку достижения показателей результативности, оценку достижения целей и задач поддержки, рассмотрение спорных вопросов, возникших при реализации мер поддержки. Корректировка реализуемых мер государственной поддержки предполагает совершенствование нормативно правового, организационно-административного, финансового механизмов реализации мер поддержки.

Цели и задачи государственной политики в отраслях социальной сферы, механизмы, а также перечень необходимых мероприятий для достижения целей и задач в увязке с финансовым обеспечением и сроками отражаются в государственных (муниципальных) программах. Учитывая изложенное, предлагаем рассмотреть какие показатели отражают результаты предоставления финансовой поддержки СО НКО на примере государственных программ, направленных на развитие здравоохранения и развитие гражданского общества, поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Республики Татарстан и Самарской области – субъектов, которые в 2021 году заняли лидирующие позиции в рейтингах по уровню качества жизни в регионе и реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства [12; 13].

Государственной программой, направленной на развитие здравоохранения, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры предусмотрено привлечение СО НКО к проведению массовых мероприятий, направленных на информирование о первичной профилактике злокачественных заболеваний и пропаганде здорового образа жизни. Показателем реализации данного направления является вовлечение не менее одной тысячи жителей за год в указанные мероприятия [10]. В Республике Татарстан в рамках аналогичной государственной программы предоставляются субсидии СО НКО, реализующим проекты в антинаркотической сфере. Показателем эффективности реализации мероприятия является доля наркологических больных, находящихся в ремиссии более двух лет [6]. В Самарской области в государственной программой в сфере здравоохранения предусмотрено привлечение СО НКО к реализации таких мероприятий, как проведение доабортного консультирования беременных, где показателем результативности является доля женщин, принявших решение вынашивать беременность, и оказание паллиативной помощи, где показателем результативности является обеспеченность койками для оказания паллиативной помощи взрослым и детям [8]. В рамках государственной программы, направленной на развитие гражданского общества, в Самарской области показателями результативности финансовой поддержки оказанной СО НКО является количество СО НКО, получивших поддержку, и численность населения, охваченная их мероприятиями [9]. В Республике Татарстан показателем результативности является количество СО НКО, которым оказана поддержка [7]. Государственная программа, направленная на развитие гражданского общества, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра устанавливает связь мероприятий, направленных на поддержку СО НКО, с такими показателями, как количество проектов, получивших государственную поддержку, доля граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью, количество молодых людей от 14 до 35 лет, вовлеченных в реализацию социально значимых проектов [11]. Исходя из изложенного, можно сказать, что отсутствует единый подход при определении показателей, отражающих результаты оказания государственной поддержки СО НКО. Применяемые показатели можно разделить на следующие

группы: показатели, констатирующие факт оказания мер поддержки; показатели, отражающие охват населения мероприятиями, реализуемыми СО НКО; показатели, отражающие результативность реализуемых СО НКО мероприятий. Первая группа наименее информативна для процесса реализации мер государственной поддержки, поскольку позволяет оценить только соотношение средств и объема поддержки. Основываясь на таких данных, возможно только принятие решения относительно общего объема финансирования, выделяемого на поддержку, и максимально возможного размера субсидии. Вторая группа показателей позволяет оценить вклад СО НКО в обеспеченность населения услугами социальной сферы. Третья группа показателей позволяет оценить результативность услуг СО НКО, оказанных в рамках государственной поддержки. Однако ни одна группа показателей не позволяет оценить качество услуг оказываемых СО НКО, влияние реализуемых мер поддержки на состояние некоммерческого сектора, а также выявить потребности сектора. Недостаток такого рода информации не позволяет повышать эффективность управления процессом реализации государственной поддержки СО НКО [3, 43].

На сегодня в отношении СО НКО, получающих финансовую поддержку, проводится независимая оценка качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания по таким критериям, как открытость и доступность информации об организации; комфортность условий предоставления услуг и доступность их получения; время ожидания предоставления услуги; доброжелательность, вежливость, компетентность работников организации; удовлетворенность качеством оказания услуг [15]. Результаты проведенной оценки применяются для формирования рейтингов организаций, а также для разработки предложений по улучшению качества их работы. Поскольку услуга – это нематериальный объект, то ее качество определяют следующие составляющие: ресурсы, используемые поставщиком при оказании услуги (персонал, материально-техническая база), удовлетворенность получателя услуги, результативность оказанной услуги [2]. Если проводить связь с составляющими качества услуги и критериями, которые включены в независимую оценку качества, то можно сказать, что применение такой системы оценки не позволяет оценить качество услуги в полной мере (табл. 1).

Таблица 1 – **Связь направлений независимой оценки качества услуг и составляющих качества**

Критерии, включенные в независимую оценку качества	Составляющие качества услуги			
	Ресурсы, используемые поставщиком при оказании услуги		Удовлетворенность получателя услуги	Результативность оказанной услуги
	персонал	материально-техническое обеспечение		
Открытость и доступность информации об организации	-	+	+	-
Комфортность условий предоставления услуг и доступность их получения	-	+	+	-
Время ожидания предоставления услуги	-	-	-	-
Доброжелательность, вежливость, компетентность работников организации	-	-	+	-
Удовлетворенность качеством оказания услуг	-	-	+	-

Таблица 2 – **Применение результатов оценки качества услуг СО НКО**

Направление оценки	Форма поддержки	Применение результатов оценки качества
Персонал	подготовка и дополнительное профессиональное образование работников СО НКО и добровольцев, консультационная	выявление наиболее востребованных направлений обучения
Материально-техническая база	финансовая, имущественная, консультационная	корректировка перечня имущества, предоставляемого СО НКО; поиск новых способов оказания имущественной поддержки; изменение условий оказания финансовой поддержки (сроки перечисления средств, отчетность, направления использования средств субсидии, размер софинансирования срок оказания поддержки и др.)
Удовлетворенность получателя услуги	все формы поддержки	целесообразность передачи оказания определенного вида услуг СО НКО
Результативность оказанной услуги	все формы поддержки	

Совершенствование критериев, применяемых в рамках независимой оценки качества, с учетом всех аспектов качества услуги, позволит обеспечить связь с реализуемыми мерами поддержки, поскольку будет являться своеобразным мониторингом состояния некоммерческого сектора. Результаты оценки качества услуг СО НКО будут применяться при анализе результатов оказанной поддержки СО НКО и влиять на решение о корректировке реализуемых мер поддержки (табл. 2, см. выше) [1, 87].

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы*:

1. Реализуемые меры государственной поддержки СО НКО направлены на развитие некоммерческого сектора через воздействие на определенные ресурсы организаций: кадровый потенциал, материальную базу, финансовое обеспечение, организационно-административные процессы, информационные ресурсы.

2. Процесс оказания мер государственной поддержки СО НКО включает этапы: планирования, реализации, анализа и внесения изменений в осуществляемые процессы.

3. Показатели, применяемые для анализа реализуемых мер поддержки, не позволяют оценить их влияние на ресурсы СО НКО (материальную базу, кадровый потенциал и др.), а значит, и на развитие сектора в целом. Независимая оценка качества условий оказания услуг, проводимая в отношении СО НКО, включает критерии, которые только частично характеризуют качество услуги, в связи с чем оценить вклад СО НКО в повышение качества услуг социальной сферы также невозможно. Обозначена необходимость совершенствования подходов к оценке качества услуг СО НКО, исходя из того, что качество услуги включает в себя такие составляющие, как персонал, материально-техническая база, удовлетворенность получателя услуги и результативность оказанной услуги.

4. Возможность применения результатов оценки качества услуг, оказываемых СО НКО, при реализации мер государственной поддержки обусловлена пересечением составляющих качества услуги и ресурсов СО НКО, на которые направлены меры поддержки. На основе данных о качестве услуг, оказываемых СО НКО, возможно выявление востребованных и невостребованных мер поддержки, выявление потребности в изменении условий предоставления мер поддержки, а также принятия решения о целесообразности передачи оказания определенного вида услуг СО НКО.

Таким образом, внедрение полноценной системы оценки качества услуг, оказываемых СО НКО, позволит получить информацию о наиболее проблемных аспектах деятельности СО НКО, об удовлетворенности населения оказанными услугами, об изменении состояния некоммерческого сектора во временном периоде, а также обеспечить информационно-аналитическую базу в сфере принятия решений о реализации мер государственной поддержки СО НКО.

Литература:

1. Аксенова В.С. Контроль качества оказания услуг социально ориентированными некоммерческими организациями / В.С. Аксенова // Актуальные вопросы экономики и управления: сб. мат-лов I Международной науч.-практич. конф. – Новосибирск, 2017. – С. 83-89.
2. ГОСТ Р 50691-2013 Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. Модель системы обеспечения качества услуг. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104957 (дата обращения: 29.10.2022)
3. Громова М.Н. Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности / М.Н. Громова, И.В. Мерсиянова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2016. – № 1. – С. 39-44.
4. Кравченко Е.В. Социально ориентированные некоммерческие организации как поставщики социальных услуг: проблемы, векторы развития / Е.В. Кравченко, А.А. Суховеева // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2020. – Т. 1. – № 3. – С. 121-134.
5. Методические (информационные) материалы для органов власти (федеральных и региональных) и местного самоуправления по предоставлению информационной поддержки СО НКО, содействию продвижению благотворительности и добровольчества / В. Вайнер, О. Дроздова, В. Муравьева [и др.]. – М., 2011. – 40 с.
6. Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 1 июля 2013 года № 461 "Об утверждении Государственной программы "Развитие здравоохранения Республики Татарстан до 2025 года". [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/463303996 (дата обращения: 31.10.2022).
7. Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 31 октября 2013 года N 823 "Об утверждении Государственной программы "Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан". [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/463305855 (дата обращения: 31.10.2022).
8. Постановление правительства Самарской области от 27 ноября 2013 года № 674 "Об утверждении государственной программы Самарской области "Развитие здравоохранения в Самарской области" на 2014 – 2032 годы". [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/430643092 (дата обращения: 22.11.2022).
9. Постановление правительства Самарской области от 27 ноября 2013 года № 676 "Об утвержде-

нии государственной программы Самарской области "Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Самарской области" на 2014 – 2024 годы". [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/464006629 (дата обращения: 22.1.10.2022).
10. Постановление правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 декабря 2021 года № 594-п "О мерах по реализации государственной программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры "Современное здравоохранение". [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/578039892 (дата обращения: 31.10.2022).
11. Постановление правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 31 октября 2021 года № 487-п "О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры "Развитие гражданского общества". [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/577930697 (дата обращения: 31.10.2022).
12. Региональный рейтинг третьего сектора "Регион-НКО" (2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://raex-rr.com/charity/russian_nko_ratings/main_region_rating_nko (дата обращения: 22.11.2022).
13. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2021. [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2021.pdf (дата обращения: 22.11.2022).
14. Сведения о деятельности социально ориентированной некоммерческой организации (на основе формы № 1-СОНКО) [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko.html (дата обращения: 08.11.2022).
15. Федеральный закон от 05.12.2017 № 392-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы". [Электронный ресурс]. URL: – URL: https://docs.cntd.ru/document/555861277 (дата обращения: 29.10.2022)
16. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.11.2022).

ECONOMIC POTENTIAL OF THE TERRITORY AND DEVELOPMENT OF TOURISM

Karvitskaya Galina Vladislavovna, *PhD of Economics, Associate Professor*
Miscakova Nadezhda Anatolyevna, *PhD of Economics, Associate Professor*
Perekatieva Tatyana Aleksandrovna, *PhD of Economics, Associate Professor*
Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan

The purpose of the study *is to assess the economic potential of municipalities to identify problem areas of development as part of the inclusion of municipalities of the Ryazan region in the implementation of the Big Golden Ring project.* ***The scientific novelty*** *consists in determining the mutual influence and interdependence of the elements of the economic potential and its tourist component.* ***The results*** *of the analysis of specific indicators recorded by official statistics are presented, which made it possible to characterize the current state of the agglomeration potential and identify the negative trends that have emerged; the possible contribution of the tourism industry to a more complete realization of the economic potential and ensuring economic growth in the studied municipalities is considered.*

Keywords: *investments; monitoring; municipality; region; tourism; tourist flow; statistical indicators; economic potential.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.11

УДК 332.1:379.85
ВАК РФ 5.2.3

© Карвицкая Г.В., 2022
© Мишакова Н.А., 2022
© Перекатиева Т.А., 2022

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА

Цель исследования *– оценка экономического потенциала муниципальных образований для выявления проблемных областей развития в рамках включения муниципальных образований Рязанской области в реализацию проекта "Большое золотое кольцо".* ***Научная новизна*** *заключается в определении взаимовлияния и взаимозависимости элементов экономического потенциала и его туристской составляющей.* ***Приводятся результаты*** *анализа конкретных показателей, фиксируемых официальной статистикой, который позволил охарактеризовать современное состояние потенциала агломерации и определить проявившиеся негативные тенденции; рассматривается возможный вклад туристской отрасли в более полную реализацию экономического потенциала и обеспечение экономического роста в исследуемых муниципальных образованиях.*

Ключевые слова: *инвестиции; мониторинг; муниципальное образование; регион; туризм; туристский поток; статистические показатели; экономический потенциал.*

Введение

В условиях обострения международной напряженности, возрастания макроэкономической нестабильности и неопределенности экономика регионов страны и их муниципальных образований сталкивается с серьезными экономическими трудностями. Это настоятельно требует поиска резервов социально-экономического развития. Одним из таких резервов выступает региональный туризм.

В качестве объекта анализа в статье выступают два муниципальных образования Рязанской области: городской округ Касимов и Касимовский муниципальный район. Потребность подобного анализа актуализируется в связи с включением Рязанщины в проект туристического маршрута "Большое Золотое кольцо" (июнь 2021 г.). Выбор приведенных выше муниципальных образований связан с их уникальными аттрактивными характеристиками, а также реализацией проекта туристско-рекреационного кластера "Касимовский". Касимовский край является жемчужиной Мещеры, здесь наблюдается причудливое сочетание русской и татарской культур, православной и мусульманской религий, а город Касимов включен в список 41 исторического поселения Российской Федерации.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) проанализировать основные показатели элементов экономического потенциала муниципальных образований и современное состояние их туристического сектора; 2) выявить возможности социально-экономического развития муниципальных образований с точки зрения усиления их туристической привлекательности; 3) определить проблемы и факторы, сдерживающие развитие туризма на территории соответствующих муниципальных образований.

Для осмысления взаимовлияния экономического потенциала и туристического комплекса территорий в статье применяются следующие *методы исследования*: статистический и маркетинговый анализ, экспертные оценки, эмпирические наблюдения.

Теоретической базой исследования послужили публикации ученых, исследующих проблемы региональной экономики и территориального маркетинга: Д.В. Визгалова, А.П. Панкрухина, Д.П. Фролова, С.К. Волкова, В.В. Печаткина и др.

Основная часть

Реализация проекта "Большое Золотое кольцо" предполагает решение регионами и соответствующими муниципальными образованиями целого ряда задач: развития межрегиональной маршрутной сети, туристской и сопутствующей инфраструктуры, привлечения частных инвестиций, создания общего качественного туристического пространства на территориях-участниках агломерации [3]. Решение этих задач требует серьезной работы в области исследования экономического потенциала территорий и его туристской составляющей, выявления точек притяжения туристов, инвесторов и бизнеса, наличия и качества инфраструктуры, вариантов удобной логистики, уровня деловой активности и влияния предпринимательского сообщества на ситуацию на рынке труда территорий-участников проекта.

Экономический потенциал региона, согласно формулировке В.В. Печаткина, представляет собой "совокупность имеющихся в наличии и возможных для мобилизации ресурсов региона, необходимых для его развития при условии максимального их использования" [8, 75]. Рассмотрение туризма как фактора развития территории (региона, города, муниципального образования) предполагает глубокое осознание того, что туристский сектор функционирует не

КАРВИЦКАЯ Галина Владиславовна, *кандидат экономических наук, доцент*

МИШАКОВА Надежда Анатольевна, *кандидат экономических наук, доцент*

ПЕРЕКАТИЕВА Татьяна Александровна, *кандидат экономических наук, доцент*

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань

автономно, а в определенной экономической и социокультурной среде. В связи с этим нам представляется необходимым определить взаимное влияние состояния базовых элементов экономического потенциала территории и ее туристского комплекса. Совокупный потенциал демонстрирует общую картину социально-экономического развития территории, а учитываемые официальной статистикой существенные показатели могут служить как положительными, так и отрицательными маркерами для развития регионального туризма.

Система элементов экономического потенциала муниципальных образований представлена на рисунке 1.

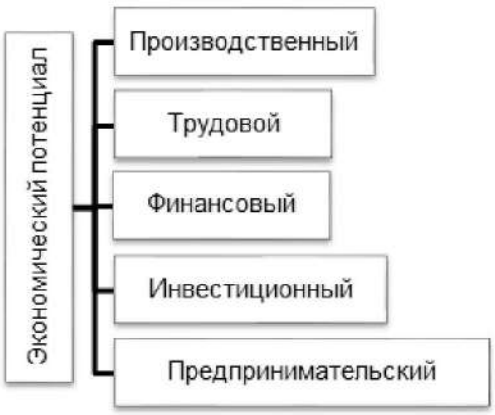

Рисунок 1 – **Структура экономического потенциала территории**

Таблица 1 – **Экономический потенциал региона (муниципального образования) и его ключевые показатели**

№ п/п	Вид потенциала	Показатели
1	Производственный потенциал	• численность предприятий в динамике; • объемы реализованной продукции; • доля убыточных предприятий и доля вновь создаваемых предприятий в их общей численности.
2	Трудовой потенциал	• динамика численности населения, в том числе трудоспособного; • баланс притока и оттока жителей; • доля занятого населения в общей численности трудоспособного населения; • коэффициент демографической нагрузки (доля людей младше и старше трудоспособного возраста).
3	Финансовый потенциал	• величина, темпы роста и структура доходной базы территории; • соотношение собственных доходов муниципального образования (налоговых и неналоговых поступлений) и безвозмездных поступлений из других источников; • поступления доходов в виде налога на доходы физических лиц, а также от предпринимателей, находящихся на специальных налоговых режимах.
4	Инвестиционный потенциал	• динамика объема инвестиций; • структура инвестиций по источникам и отраслям
5	Предпринимательский потенциал	• количество малых и средних предприятий; • численность и доля занятых в этой категории предприятий; • отраслевая структура малого бизнеса.

При проведении анализа был сделан акцент только на ключевых показателях, показывающих общую картину и уровень экономического развития территории, способствующих выявлению проблемных областей и барьеров для развития регионального туризма (табл. 1).

Производственный потенциал территорий. Уровень экономического развития территории зависит, прежде всего, от показателей функционирования предприятий, расположенных в её границах. Так, показатель объема реализованной продукции за период с 2016 по 2020 годы по г. Касимову вырос на 10%, а по Касимовскому муниципальному району снизился на 16%, в том числе в области обрабатывающего производства этот показатель по г. Касимову вырос на 15,7%, а по Касимовскому муниципальному району снизился почти на 40% [4]. Количество убыточных предприятий в течение этих пяти лет существенно увеличивалось, а их доля в общей численности предприятий варьировала в следующих диапазонах: по городу Касимову – от 45% до 30,8%, по Касимовскому муниципальному району – от 25% до 30,8%. В 2020 году на всей территории Касимовского района зафиксировано 30,8% убыточных предприятий. За период с 2013 по 2020 годы по городу Касимову численность предприятий снизилась с 581 до 434 единиц, по Касимовскому муниципальному району – с 551 до 271единиц. Только за последние три года в г. Касимове с рынка ушло 84 предприятия с частной формой собственности, а по Касимовскому муниципальному району – 35 предприятий [4]. Не вызывает сомнения, что степень развитости производственного потенциала оказывает серьезное влияние на человеческие ресурсы.

Трудовой потенциал и человеческие ресурсы муниципальных образований. Изменение численности населения исследуемых муниципальных образований как базы трудового потенциала показывает в последние годы выраженный отрицательный тренд, что отражено на рисунке 2.

По графику видно, что за период с 2010 по 2020 гг. общая численность населения г. Касимова снизилась на 4931 человека (снижение 15%), Касимовского муниципального района – на 4133

человека (снижение 14%). При этом численность трудоспособного населения г. Касимова за период с 2010 по 2020 гг. снизилась на 4548 человек (минус 23,1%) и в 2020 году составила 15121 человек, Касимовского муниципального района – снизилась на 3387 человек (минус 22,1%), и в 2020 году – составила 11923 человека. Средний удельный вес трудоспособного населения в Касимове составил 52,8% к общей численности населения, в Касимовском муниципальном районе – 48,0% [1; 2; 4].

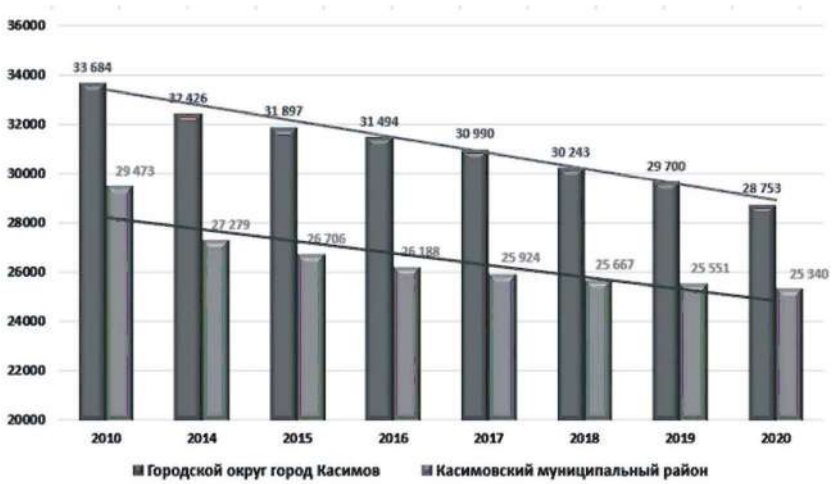

Рисунок 2 – **Динамика численности населения муниципальных образований с 2010 по 2020 годы, человек**

Среднесписочная численность работников г. Касимова за период с 2010 по 2020 снизилась на 4356 человек: с 10665 человек до 6309 (снижение составило 41%). Аналогичный показатель Касимовского муниципального района имел положительную тенденцию, и за десятилетний период увеличился на 1038 человек (рост составил 27%). Однако за 2020 год по сравнению с 2019 годом здесь произошло снижение на 478 человек, что, скорее всего, связано с последствиями пандемии [1; 2]. Причем эта тенденция слабо компенсируется миграционными процессами. Так, число выбывших лиц с территорий по каждому из двух муниципальных образований за последние шесть лет ежегодно стабильно варьируется от 600 до 800 человек, а численность прибывших имеет больший диапазон колебаний: от 300 до 1000 человек [4].

Финансовый потенциал территории. Оценка динамики развития любой территории в значительной мере отражается в величине, темпах роста и структуре ее доходной базы. Анализ показал, что доходы бюджетов муниципальных образований Касимовского района показывают положительную динамику. За период с 2016 по 2020 год темпы их роста по двум муниципальным образованиям составили около 150%. Однако данный положительный эффект достигнут не за счет увеличения доходной базы территорий, а за счет безвозмездных поступлений из других источников [1; 2; 4]. При этом темпы роста собственных доходов муниципальных образований находятся на достаточно низком уровне. В то же время растет доля в их бюджетах безвозмездных поступлений денежных средств (см. табл. 2).

Как видно из данных статистической отчетности, наибольший удельный вес в собственных доходах бюджетов муниципальных образований составляет налог на доходы физических лиц, положительная динамика наблюдается по поступлению налога на имущество физических лиц. Что касается доходной базы от земельного налога и малого предпринимательства, находящегося на специальных налоговых режимах, то она имеет весьма скромную долю и развивается недостаточно стабильно.

Таблица 2 – **Удельный вес безвозмездных поступлений денежных средств в консолидированные бюджеты муниципальных образований Касимовского района за период 2016-2020 годы**

Муниципальные образования Касимовского района	Показатели удельного веса безвозмездных поступлений денежных средств в консолидированные бюджеты муниципальных образований, %				
	2016	2017	2018	2019	2020
Городской округ город Касимов Рязанской области	67,2	75,6	76,7	80,0	83,2
Касимовский муниципальный район Рязанской области	48,4	54,4	55,8	42,8	59,6

Анализ инвестиционного потенциала муниципальных образований также не показывает устойчивой тенденции к его росту. Положительная динамика объема инвестиций в 2020 году по сравнению с 2013 годом обеспечивается за счет предприятий Касимовского муниципального района. По предприятиям, расположенным в городе Касимове, устойчивой тенденции к росту не наблюдается (рис.3).

При рассмотрении предпринимательского потенциала территории была выявлена тен-

денция к существенному снижению числа субъектов малого и среднего предпринимательства, которое как в городе, так и в районе в 2020 году уменьшилось по сравнению 2015 годом: по г. Касимову – на 137 единиц, по Касимовскому муниципальному району – на 67 единиц [1,2].

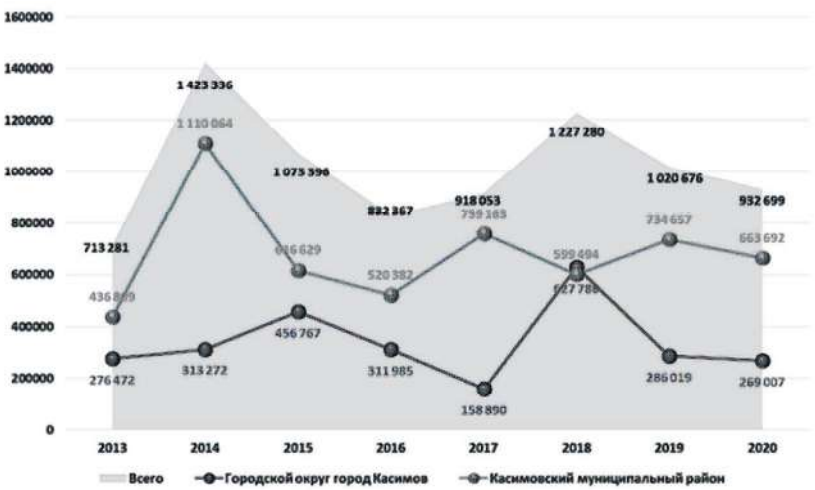

Рисунок 3 – **Инвестиции в основной капитал по муниципальным образованиям с 2013-2020 годы, тыс. руб.**

На фоне снижения численности малого и среднего бизнеса сокращается численность и доля работников в соответствующей сфере предпринимательства. Наиболее существенное снижение этой доли наблюдается по Касимовскому муниципальному району – с 63,6% до 38%; несколько меньше по г. Касимову – с 28,6% до 25%. При этом большее количество предприятий приходится на розничную торговлю – более 30 % и перевозку грузов и пассажиров – более 20 % [1; 2]. Не вызывает сомнения, что развитие туристской инфраструктуры позволит привлечь туристов, что приведет к увеличению спроса на сувенирную продукцию, услуги транспорта, гостиничных комплексов, общественного питания, обороты розничной торговли динамики основных показателей.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ экономического потенциала показал, что существует тесная взаимозависимость его элементов, а фактически все приведенные показатели в целом свидетельствуют о неблагоприятных, тревожных трендах. Так, отрицательная динамика числа предприятий, в том числе малого и среднего бизнеса, незначительные темпы роста объемов реализованной продукции, рост доли убыточных предприятий, стагнация темпов роста собственной доходной базы и другие выявленные нами тенденции свидетельствуют о не способствующей успеху предпринимательской среде, сложившейся в данной агломерации. Отток населения указывает, скорее всего, на его неудовлетворенность социально-экономическими условиями жизни.

Следует отметить, что недавно опубликованные официальные статистические данные за 2021 год в целом подтверждают выявленные нами тенденции динамики основных показателей. Так, продолжает сокращаться население обоих муниципальных образований: на 679 человек в г.Касимове и на 463 человека в Касимовском муниципальном районе; остается высоким удельный вес безвозмездных поступлений денежных средств в бюджеты муниципальных образований: по г. Касимову – 82%, по Касимовскому муниципальному району – около 59%. Зафиксированное снижение среднесписочной численности работников по Касимовскому муниципальному району продолжилось и в 2021 году [5].

В этих не слишком позитивных для исследуемых муниципальных образований условиях особое значение приобретает поиск резервов их экономического роста. Одним из таких резервов можно считать ставку на туристическую отрасль. Развитие туристического бизнеса, безусловно, создает предпосылки для стабильного экономического развития территории, повышения финансовых возможностей территориальных органов власти и, как следствие, создания комфортной городской среды. Однако перечисленные выше негативные тенденции в настоящее время выступают в качестве факторов его сдерживания (ограниченные возможности благоустройства территории, ремонта ветхих зданий и объектов культурного достояния и пр.). С другой стороны, именно повышение внимания к туризму может привлечь на территорию средства федеральных программ, внебюджетные инвестиции, повлечь за собой развитие смежных и сопутствующих отраслей, а значит, переломить выявленные отрицательные тенденции.

Анализ и оценка туристского потенциала Касимовского туристско-рекреационного кластера включают такие пять компонентов, как объекты показа (притяжения), туристская ин-

фраструктура (средства размещения, объекты питания, наличие автозаправок, банков, банкоматов, парковок и пр.); объем и структура инвестиций (финансирование), информационное обеспечение, потенциал развития малого и среднего предпринимательства.

Данная агломерация в настоящее время используется для таких разных видов туризма, как активный, экологический, культурно-познавательный, лечебно-оздоровительный, паломнический, событийный и др. Среди наиболее значимых объектов: промышленно-усадебный комплекс предпринимателей Баташевых – конец XVIII в), Храм Живоначальной Троицы, один из самых необычных православных храмов России (1802-1868 гг., р. п. Гусь-Железный), сам город Касимов как туристский объект. Объектами показа здесь выступают площадь Соборная, где сосредоточена большая часть купеческих усадебных комплексов, мечеть с минаретом (XV – XIX вв.), историко-культурный музей-заповедник, один из старейших музеев Рязанской области, размещенный в бывшем доме купца Алянчикова, целый комплекс замечательных частных коллекций музея "Русский самовар", музея колоколов, квартиры-музея "Бабочки и Стрекозы" и пр.

В муниципальных образованиях создана современная система средств размещения. Так, на территории всего Касимовского района находится 9 гостиниц с количеством номеров/мест 123/250, 2 санатория – 141/263, 6 баз отдыха – 96/296. К началу 2021 в г. Касимове реализовывались инвестиционные проектов общим объёмом инвестиций 477,63 млн рублей, из 11 – объекты социального, культурного и бытового назначения. Только по национальному проекту "Культура" инвестиции составили 11,84 млн руб., в частности, произведено благоустройство сквера им. А.С. Пушкина с объемом инвестиций 5,3 млн руб. [6].

Как видим, туристский потенциал территории весьма значителен. Он привлекает ежегодно тысячи туристов из Рязанской области и других регионов России. Заметим, что увеличению туристского потока будет способствовать возобновление после пандемии речных круизов по маршруту Москва – Рязань – Константиново – Касимов с соответствующими экскурсионными программами. Однако говорить о высокой узнаваемости бренда Касимов даже в сопредельных регионах не приходится, а значит, потенциал роста контингента туристов по-прежнему весьма велик. На наш взгляд, повышение туристской привлекательности Касимовского кластера требует серьезной работы по его продвижению в информационном пространстве региона и страны с использованием самых разных приемов и каналов коммуникаций.

Развитие туризма должно стать фактором, способствующим более полной реализации экономического потенциала территории. Мы полагаем, что для понимания значения и вклада туризма в развитие территории, а также выявления определяющих трендов целесообразно регулярно проводить мониторинг таких показателей в динамике, как:

– объем годового туристско-экскурсионного потока;

– объем внебюджетных инвестиций;

– количество создаваемых рабочих мест;

– влияние туристского потока на оборот розничной торговли (сопоставление прироста потока с приростом оборота);

– влияние туристского потока на оборот общественного питания (сопоставление прироста потока с приростом оборота);

– рост среднегодового коэффициента загрузки номерного фонда гостиниц и других средств размещения и пр. [7, 255].

Таким образом, проведенное нами исследование выявило взаимное влияние экономического и туристского потенциалов, определило круг назревших проблем и возможностей в развитии данных территорий. Реализация этих возможностей требует разработки и активного осуществления всеми заинтересованными сторонами (органами региональной и местной власти, компаниями туристического и смежного бизнеса, общественными организациями) в пределах их компетенции необходимых мер по совершенствованию и корректировке деятельности по развитию туризма на территории.

Литература:

1. Администрация муниципального образования – Касимовский муниципальный район Рязанской области: официальный сайт. – Рязань. – URL: https://kasimov.ryazangov.ru/ (дата обращения: 20.09.2022).
2. Администрация муниципального образования – городской округ город Касимов Рязанской области: официальный сайт. – Рязань. – URL: https://kasimovgorod.ryazangov.ru/ (дата обращения: 20.09.2022).
3. В Рязани стартовал инвестиционный форум "Здесь и сейчас" – URL: https://investryazan.ru › post (дата обращения 22.09.2022).
4. Городские округа и муниципальные районы Рязанской области: статистический сборник. Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган федеральной службы го-

сударственной статистики по Рязанской области. – Рязань: Рязаньстат, 2021. – URL: http://library.rsu.edu.ru/marc/Default.asp/(дата обращения 22.09.2022).
5. Городские округа и муниципальные районы Рязанской области: статистический сборник. Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Рязанской области. – Рязань: Рязаньстат, 2022. – URL: http://library.rsu.edu.ru/marc/Default.asp/(дата обращения 18.11.2022)
6. Касимовский. Создание туристско-рекреационного кластера. – URL: https://td-osz.ru › good-luck › turistsko-rekreacionnyi (Дата обращения 20. 09 2022 г.)
7. Карвицкая Г.В., Эфендиев У.Н. Значение маркетинговых исследований для развития регионально туризма // Маркетинг и маркетинговые исследования – 2022. – №3. – С. 248-256.8.
8. Печаткин В. В. Инвестиционно-инновационное развитие регионов России: ключевые проблемы и направления их решения. // Экономическое возрождение России – 2013. – №3 (37). – С.75-78.

INFRASTRUCTURE MARKETING AS ONE OF THE FACTORS OF DEVELOPMENT OF COMPETITIVE ADVANTAGES OF MUNICIPALITIES

Kostennikov Andrej Ivanovich, *Applicant, Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University, Belgorod*

At this stage of economic development, the regions are entering into a fairly strong competition for the influx of labor, investment, and the opening of environmentally friendly industries on their territory, and improving the image of a particular territory is becoming an increasingly acute problem. In this case, such a factor as infrastructure marketing acts as a tool for solving these problems. The article substantiates the idea that in modern conditions municipal marketing is an effective tool for implementing programs of socio-economic development of local territories; the main subjects of municipal marketing are identified, its key tasks, functions and principles are formulated.

Keywords: *territory marketing; infrastructure marketing; territorial development; marketing tools; municipal formation; socio-economic development of the region.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.12

УДК 336.1+339.138
ВАК РФ 5.2.3

МАРКЕТИНГ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

© Костенников А.И., 2022

На данном этапе развития экономики, регионы вступают в достаточно сильную конкуренцию за приток рабочей силы, инвестиций, за открытие экологически безопасных производств на своей территории, все более острой проблемой становится улучшение имиджа той или иной территории. В данном случае инструментом решения обозначенных проблем выступает такой фактор, как маркетинг инфраструктуры. В статье обосновывается идея о том, что в современных условиях муниципальный маркетинг является действенным инструментом реализации программ социально-экономического развития локальных территорий; обозначены основные субъекты муниципального маркетинга, сформулированы его ключевые задачи, функции и принципы.

Ключевые слова: *маркетинг территории; маркетинг инфраструктуры; территориальное развитие; маркетинговые инструменты; муниципальное образование; социально-экономическое развитие региона.*

КОСТЕННИКОВ Андрей Иванович, *соискатель кафедры Менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород*

Введение

В современных условиях территории городов федерального значения, сельских или городских поселений, городские округа или муниципальные районы, несмотря на то, что являются объектами управления "на местах", выступают также и в качестве равноправных субъектов рыночных отношений. Они конкурируют друг с другом за привлечение рабочей силы, туристов, инвестиции, за субвенции со стороны государства. Актуальность проблемы определяется, в частности, реализацией Федерального закона №131 ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ". В этой связи остро стоит задача, решение которой позволит добиться повы-

шения эффективности и результативности управления на муниципальном уровне.

Современная концепция территориального управления строится на принципах маркетингового подхода и опирается на использование рыночных инструментов в управления инфраструктурным развитием муниципальных образований (МО). Муниципальное управление призвано создавать необходимые и достаточные условия для формирования, развития и реализации потенциала личности, домохозяйств, предпринимательства, муниципального хозяйства и так далее, адекватно при этом реагируя на изменения внутренних факторов, развивая собственный потенциал муниципалитета, нивелируя последствия своих слабых сторон, учитывая угрозы и возможности, исходящие из внешнего окружения. Маркетинг инфраструктуры можно представить как вид маркетинга территории, целью которого является повышение степени цивилизованности проживания местного населения, развития бизнес-среды и системы хозяйствования на данной территории как долгосрочного конкурентного преимущества территории.

Методы

В связи с постоянной конкуренцией в борьбе за помощь и поддержку от вышестоящих уровней власти, за кадры, ресурсы и инвесторов органы власти на местном уровне все чаще прибегают к маркетингу как к действенному инструменту управления локацией и ее инфраструктурным развитием. В некоторых научных работах можно увидеть утверждение, что в основу маркетинга территории заложен классический маркетинг товаров и услуг, поэтому его можно применять без учета специфики территории, но это не так. Для более полного понимания особенностей применения территориального маркетинга на уровне муниципального управления необходимо понимать его специфику.

Существует множество подходов к определению "маркетинга территорий". Это словосочетание считается основным в вопросе актуализации позиционирования и продвижения муниципального образования. При этом в зависимости от рассматриваемой территории, данное понятие можно конкретизировать. Так, Филип Котлер, известный во всем мире экономист и маркетолог, основоположник маркетинга территорий, определяет его как "инструмент стратегического развития территории и наиболее комплексного решения её проблем, а его предназначение – усиление способности адаптации территориального сообщества к рыночным изменениям, наращивание возможностей, увеличение жизненной силы сообщества (а не только улучшение имиджа и продвижение территории)". По его мнению, стратегическое планирование должно осуществляться совместно с жителями, представителями бизнеса и органами местного самоуправления территории.

Основатель Гильдии маркетологов в России, теоретик и инноватор маркетинга А.П. Панкрухин уточнил важную особенность: "Маркетинг территорий – это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также тех внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория".

В силу того, что понятие "территории" достаточно широкое: это может быть страна, регион, местность, в отечественных публикациях обособляется понятие "муниципального маркетинга". Так, в частности, под которым понимают "систему управления, направленную на изучение и учет спроса, предложений и требований рынка для более обоснованной ориентации органов местной власти на удовлетворение потребностей жителей муниципального образования в товарах и услугах промышленной и непроизводственной сферы". [1]

Проанализировав смысловое содержание категории "маркетинг территорий", можно сказать, что во всех рассмотренных случаях, несмотря на разность в определениях, речь идет о принятии конкретных мер для удовлетворения потребностей жителей и остальных заинтересованных сторон по обеспечению комплексного развития территории с учетом ее специфики с помощью формирования комфортной среды для жизни и ведения предпринимательской деятельности.

При применении инструментов маркетинга муниципального образования необходимо учитывать интересующихся территорией субъектов, причем как внутренних, так и внешних. Внутренние субъекты территории нацелены на благоприятное развитие места своей жизнедеятельности и бизнес среды, так как именно от этого зависит и их личное благосостояние. Что же касается внешних субъектов (пользователей инфраструктуры муниципального образования), то они заинтересованы в развитии территории исключительно для того, чтобы иметь выгоду, в том числе как возможность "вывезти" за пределы данной территории часть этого благополучия: природные и интеллектуальные ресурсы, продукты труда дешевой рабочей силы, возможности реализации финансовых средств и др.

Обсуждение

Смысловое отображение и комплексность понятия "маркетинг инфраструктуры" (МИ) как фактора развития конкурентных преимуществ муниципальных образований может быть раскрыто следующим образом (рис. 1):

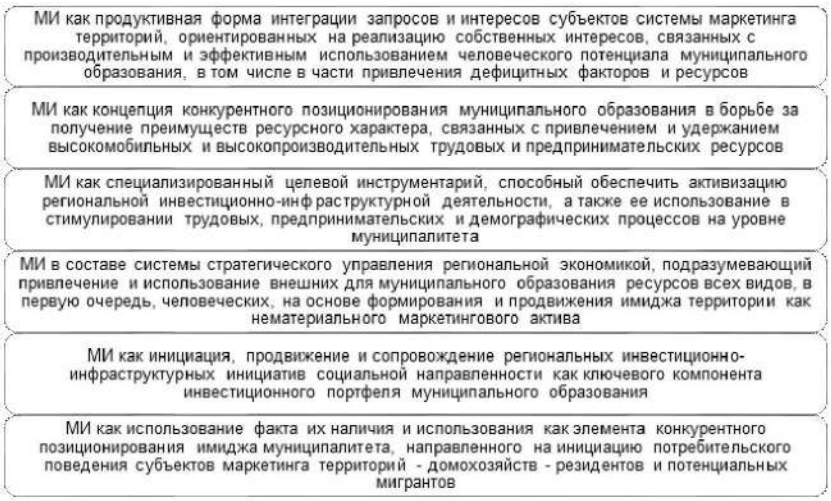

Рисунок 1 – **Комплексность понятия "маркетинг инфраструктуры" [2]**

Рассматривая отечественную практику управления социально-экономическим развитием муниципальных образований, можно заметить, что в основном всё сводится к выполнению следующих функций:

– планирование достижения важных показателей для развития территории;

– организация деятельности, мотивация и координация органов власти для достижения поставленных целей;

– контроль за эффективностью реализации запланированных мероприятий в рамках развития инфраструктурных компонентов территории.

Тем не менее, рыночная экономика внесла в эту последовательность действий некоторые коррективы. Теперь для успешного функционирования территории необходимо учитывать как внутренние потребности, так и перспективные тенденции развития рассматриваемого места. Местное население, общественные организации, государство, предприятия и инвесторы оказывают существенное влияние на дальнейшее существование локальной территории. Именно поэтому маркетинг территорий, как креативная и результативная технология муниципального управления, в последнее время стал пользоваться особой популярностью среди глав муниципальных образований.

Пользователями инфраструктуры муниципальных образований выступают многочисленные субъекты, которых можно условно объединить в укрупненные группы участников (рис. 2). Из-за разницы внутренних и внешних интересов возникает необходимость и в разных подходах к каждому из субъектов.

Каждый из выше представленных субъектов имеет свои экономические интересы на конкретной территории: для жизни, для ведения бизнеса, для целей туризма, получения образования и других инициатив. Поэтому руководству муниципальных образований важно регулярно анализировать эти цели для того, чтобы понимать, в каком направлении необходимо работать и за счет чего развивать имеющуюся инфраструктуру.

Рисунок 2 – **Пользователи инфраструктуры муниципальных образований**

В качестве объектов муниципального маркетинга выступают многие "организационные моменты", которые можно обособить в следующие инфраструктурные блоки (рис.3).

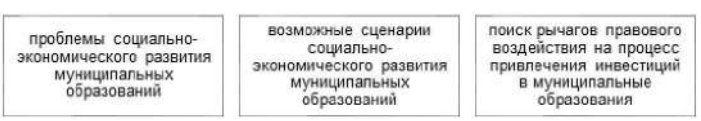

Рисунок 3 – **Объекты муниципального маркетинга**

К числу ключевых задач муниципального маркетинга можно отнести следующие – на рисунке 4.

Для того чтобы обозначенные задачи муниципального маркетинга были успешно решены, необходима реализация ниже представленных функций (рис 5).

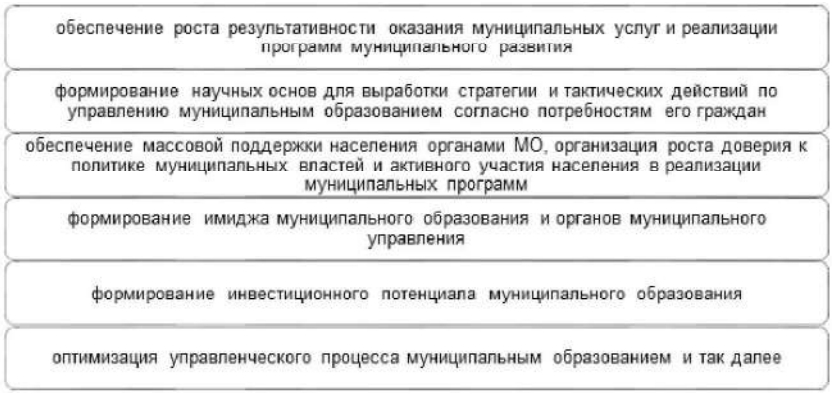

Рисунок 4 – **Ключевые задачи муниципального маркетинга [3]**

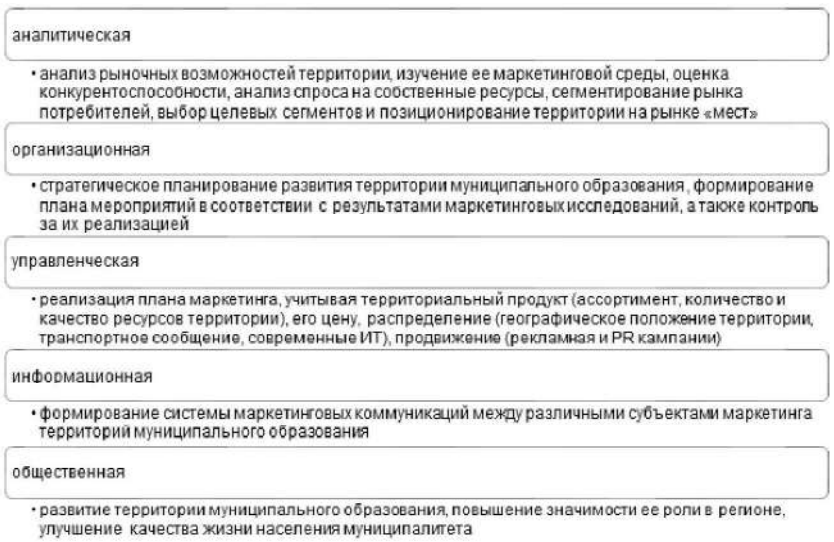

Рисунок 5 – **Функции маркетингового инструментария для развития инфраструктуры муниципального образования**

Реализация данных функций должна осуществляться исходя из соблюдения следующих принципиальных положений (рис. 6).

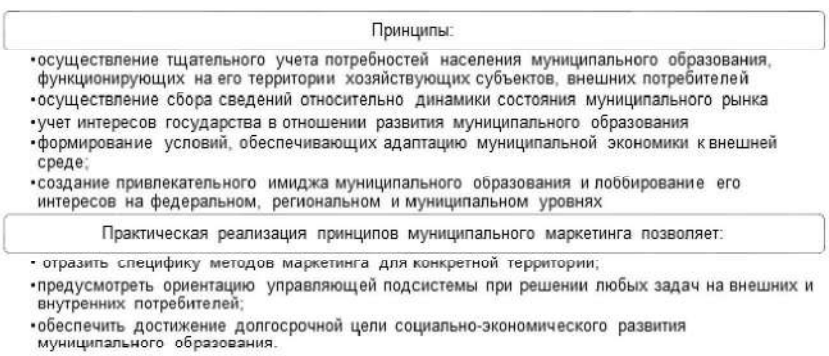

Рисунок 6 – **Основополагающие принципы муниципального маркетинга и значение соответствия им**

Муниципальный маркетинг в зависимости от сферы его осуществления можно условно разделить на две основные разновидности: тот маркетинг, который реализуется на территории муниципального образования и за его пределами, а также тот, который осуществляется только на территории конкретного муниципального образования (рис. 7). Эти два типа муниципального маркетинга имеют несколько отличающуюся направленность воздействия на конечных пользователей инфраструктурных преимуществ муниципального образования.

Как мы видим, маркетинг инфраструктуры муниципальных образований можно рассматривать как достаточно сложную, но в то же время достаточно эффективную систему и рыночный механизм со своим набором функций, задач, принципов, методов. В целом он представляет собой процесс управления развитием территории муниципального образования, которая в свою очередь включает в себя следующую последовательность мероприятий:

– анализ возможностей рынка;

– выбор конкретных рынков, на которые непосредственно будет направлен маркетинг;

– разработка маркетинговой стратегии;

– реализация маркетинговой стратегии;

– мониторинг за исполнением маркетинговой стратегии.

Необходимо также отметить, что маркетинг территорий муниципального образования представляет собой циклическую модель последовательных следующих действий (рис. 8).

Подход к рассмотрению и восприятию территориального маркетинга как цикла наиболее логичен, так как, по сути, он представляет собой комплекс возобновляющихся процессов, где каждый шаг основывается на предыдущем и должен быть подкреплен соответствующим набором ресурсов и компетенций ответственных за развитие инфраструктуры МО органов.

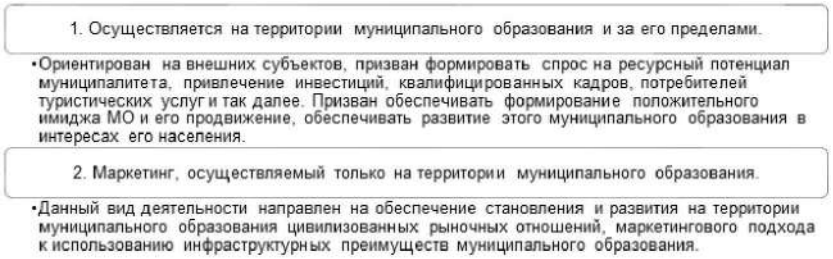

Рисунок 7 – **Подвиды муниципального маркетинга**

Рисунок 8 – **Циклическая модель муниципального маркетинга [4]**

При реализации действий, входящих в циклическую модель, важным моментом является проведение SWOT-анализа муниципального образования, который предусматривает последовательное прохождение 4 этапов (рис. 9):

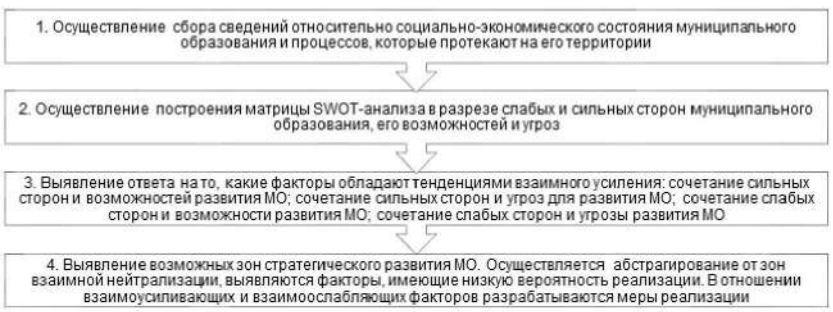

Рисунок 9 – **Этапы проведения SWOT-анализа муниципального образования**

На основе результатов SWOT-анализа разрабатывается стратегия маркетинга инфраструктуры, и в случае ее успешной реализации может быть получен запланированный социально-экономический эффект для муниципального образования. Немаловажным при использовании маркетинговой стратегии в управлении развитием муниципального образования является ориентация на определенные целевые рынки: жителей территории, приезжих, внешние рынки, отрасли экономики, инвесторов и т.д. При изучении участников рынка важно знать не только о покупателях, но и продавцах территориального продукта. Это могут быть: органы местного самоуправления, представители бизнеса, общественных организаций, местные СМИ, образовательные, культурные, медицинские, туристические учреждения и другие. Все они заинтересованы в привлечении "потребителей" на территорию и в максимальном их удержании за счет увеличения уровня лояльности и приверженности.

Применение маркетинга территории в местном управлении основывается на том, что социально-экономическое развитие муниципального образования осуществляется за счет повышения привлекательности территории в целом, развития отдельных ее сегментов, таких как природно-ресурсный, финансовый, трудовой, культурный, инвестиционный, инфраструктурный потенциал и так далее. Можно сказать, что маркетинг территорий представляет собой достаточно сложный комплексный процесс, направленный на развитие конкурентных, а главное уникальных преимуществ для создания благоприятного образа территории.

Результаты

Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации по состоянию на 1 января 2022 г. представлено на рисунке 10. Очевидно, что в нашей стране достаточно большое количество муниципальных образований в каждом федеральном округе – 19675 единиц. Обязательными атрибутами каждого муниципального образования являются принадлежащая только ему муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления; присущие лишь этому муниципалитету инфраструктура, ресурсы, возможности, уникальное торговое предложение и своя целевая аудитория. Увеличить число лояльных пользователей инфраструктуры конкретного муниципального образования возможно и целесообразно за счет умелого применения маркетингового инструментария.

По нашему мнению, при управлении развитием муниципального образования необходимо определение оптимального, а именно

необходимого и достаточного набора функций территориальной маркетинговой инфраструктуры, которая перераспределяется среди организаций разных форм собственности и отраслевой принадлежности, среди населения и органов местной власти. Устойчивое улучшение качества жизни, хозяйствования и экономической активности будут способствовать развитию территории и улучшению ее имиджа и инвестиционной привлекательности.

Таблица – **Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации [22]**

	Муниципальные образования								
	Всего	в том числе							
		Муниципальные районы	Муниципальные округа	Городские округа	Городские округа с внутригородским делением	Внутригородские районы	Внутригородская территория города федерального значения	Городские поселения	Сельские поселения
Российская Федерация	19675	1544	180	608	4	23	267	1307	15742
Центральный федеральный округ	3902	343	20	140			146	331	2922
Северо-Западный федеральный округ	1319	133	28	38			111	188	821
Южный федеральный округ	1972	157		42			10	96	1667
Северо-Кавказский федеральный округ	1417	88	16	39	1	3		28	1242
Приволжский федеральный округ	4886	346	71	102	2	13		266	4086
Уральский федеральный округ	1196	84	8	110	1	7		69	917
Сибирский федеральный округ	3145	246	20	71				160	3145
Дальневосточный федеральный округ	1838	147	17	66				169	1439

Заключение

Подводя итог сказанному отметим, что маркетинг инфраструктуры – это вид маркетинга территории, цель которого заключается в повышении цивилизованности проживания, в повышении качества жизни населения, в росте притягательности территории для бизнеса. Достижение вышеуказанной цели должно рассматриваться, с одной стороны, как долгосрочное конкурентное преимущество территории, а с другой – как закрепленная уникальная ценность последней. Мы придерживаемся мнения, что успешность маркетинга инфраструктуры определяет привлекательность имиджа территории, обеспечивает её устойчивость, привлекает внешние инвестиции, наращивает хозяйственный потенциал, укрепляет интеграционные и кооперационные связи, расширяет зону трансляции региональных достижений и инициатив. Иными словами, на территории должно быть удобно жить, цивилизованно работать и развиваться.

В настоящее время маркетинг инфраструктуры является достаточно перспективной и всё чаще используемой концепцией маркетинга территорий (страны, региона, муниципального образования), которая ориентирована на создание стратегических конкурентных преимуществ и их монетизацию на основе формирования и использования в экономике территории высокопроизводительного человеческого и предпринимательского капитала, способного внести положительный вклад в ее развитие. Территории, заинтересованные в поступательном и устойчивом социально-экономическом развитии, могут и должны использовать инструментарий маркетинга инфраструктуры для актуализации своего ресурсного потенциала и прорывного роста показателей функционирования региональных экономических систем.

Литература:

1. Kazakov M., Gladilin V., Mirokhina A., Drannikova E., Narozhnaya G. System diagnostics and monitoring of socio-economic and tourist potential of peripheral territories of the region // Journal of Environmental Management and Tourism. 2018. Т. 9. № 2 (26). – С. 283-290.
2. Rudenko V.A., Popova T.S., Udovik E.E. Inctioning of HCC: industry dynamics and state support for activities for the sustainable development of the regions of the Russian Federation // В сборнике: Cooperation and Sustainable Development. Conference proceedings. Cham, 2022. – С. 1509-1515.
3. Анохин Е.В. Роль и значение муниципального маркетинга в развитии российских городов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – Т. 6. – № 6. – С. 137-145. – EDN RTHILR.
4. Боталова М.Е. Использование социально-инфраструктурных возможностей региона в марке-

тинговом позиционировании и продвижении территории Белгородской области // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 7 (132). – С. 376-386.
5. Боталова М.Е. Исследование эффективности маркетингово-функционального сопровождения проектов реновации и создания новых социально-инфраструктурных мощностей в Белгородской области // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 7 (132). – С. 998-1006.
6. Боталова М.Е. Обоснование методов развития социальной инфраструктуры в контексте задачи выравнивания региональной дифференциации / / Экономические исследования. – 2018. – № 1. – С. 2.
7. Боталова М. Е. Инструментарий маркетинга инфраструктуры и возможности его модернизации: основные формы, специфика и эффективность / М. Е. Боталова // Экономические науки. – 2021. – №200. – С. 32-42. – DOI 10.14451/1.200.32. – EDN QBJOXN.
8. Воронов А.А., Гарьковенко В.Э., Каминская Е.А. Пути мобилизации институционального фактора малого и среднего бизнеса в развитии РЭС Краснодарского края // Экономика устойчивого развития. – 2018. – № 3 (35). – С. 229-239.
9. Воронов А.А., Глухих Л.В., Сенюк С.А. Организация воспроизводственного процесса основных производственных фондов (на примере Краснодарского края) // Практический маркетинг. – 2008. – № 5 (135). – С. 8-19.
10. Воронов А.А., Ерок А.Д., Штезель А.Ю. Локальные рынки: маркетинг и стратегия. – Краснодар, ККИ РУК, 2019. – 161 с.
11. Казаков М.Ю. Барьеры в…коридорах власти особенности взаимодействия бизнеса и власти на современном этапе // Российское предпринимательство. – 2008. – № 2-1. – С. 34-41.
12. Казаков М.Ю. Инфраструктурное обеспечение пространственного развития территорий региона в координатах модели "центр-периферия" // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 1 (30). – С. 96-100.
13. Каратыш В.Э. Малый и средний бизнес как значимый институциональный фактор развития экономических систем современных российских регионов // Экономика устойчивого развития. – 2019. – № 1 (37). – С. 150-155.
14. Карташов К.А., Макаренко А.И., Гарьковенко В.Э. Малый и средний бизнес Краснодарского края: экономико-правовые аспекты // Экономика устойчивого развития. – 2018. – № 2 (34). – С. 158-165.
15. Лавриненко Н. А. Формирование и оценка региональной инвестиционной политики / Н.А. Лавриненко, Н. А. Монахова, Т. С. Степченко // Экономика устойчивого развития. – 2018. – №1(33). – С. 145-156. – EDN YVETIW.
16. Ломовцева О.А., Тхориков Б.А. Методологические аспекты реализации мониторинга в системе индикативного управления организациями социальной сферы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2017. – Т. 19. – № 2 (39). – С. 76-87.
17. Ломовцева О.А., Тхориков Б.А. Смена парадигмы лидерства – морально-этические вызовы современности // Инновационное управление персоналом: сб. материалов кадрового форума. – 2019. – С. 52-58.
18. Ломовцева О.А., Тхориков Б.А., Герасименко О.А. Стратегическое предпринимательство: стартап на платформе социальной ценности продукта // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. – 2020. – №1 (23). – С. 47-62.
19. Маркетинг в России на рубеже веков: реалии, проблемы, перспективы / С.М. Ганус, С.Н. Рындин, Е.С. Алехина и др. – М.: Дашков и К, 2011. – 328 с.
20. Степченко Т.С. Аспекты восприятия общественностью процессов развития атомной энергетики (на примере "РОАЭС") // Практический маркетинг. – 2014. – № 7 (209). – С. 35-40.
21. Управление территориями в конкурентной рыночной среде : учебное пособие / В.А. Руденко, Т.С. Попова, П.В. Горлачев [и др.]. – Краснодар : Индивидуальный предприниматель Кабанов Виктор Болеславович (Издательство "Новация"), 2021. – 270 с. – ISBN 978-5-00179-056-3. – EDN FRLLLT.
22. https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-numberofmunicipalities2021/

NEW AND CHANGES IN ACCOUNTING AND TAX ACCOUNTING IN 2023

Megaeva Svetlana Vladimirovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Bratkova Valeria Valentinovna, *PhD of Sociological sciences, Associate Professor*

North-Caucasus Institute (branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Pyatigorsk

Loseva Alla Sergeevna, *Associate Professor, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk*

The purpose of the study *is to consider the main changes in accounting and tax legislation that will come into force on January 1, 2023.* ***The scientific novelty*** *lies in assessing the impact of the main changes in the field of accounting and tax accounting on the organization of the accounting process and the formation of accounting policies of organizations.* ***Based on the results of the study,*** *FSBU 14/2022 was considered, which will come into effect from the reporting for 2024, but organizations can apply it earlier; amendments to budget accounting, as well as changes in the tax accounting of organizations related to the formation of the tax base for income tax, value added tax, property tax, personal income tax, insurance premiums are analyzed, changes are considered within the framework of special tax regimes.*

Keywords: *intangible assets; electronic document management; income tax; value added tax; insurance premiums; personal income tax; property tax; land tax.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.13

НОВОЕ И ИЗМЕНЕНИЯ В БУХГАЛТЕРСКОМ И НАЛОГОВОМ УЧЕТЕ В 2023 ГОДУ

УДК 657
ВАК РФ 5.2.3

© Мегаева С.В., 2022
© Браткова В.В., 2022
© Лосева А.С., 2022

Цель исследования *– рассмотреть основные изменения бухгалтерского и налогового законодательства, которые вступят в силу с 1 января 2023 г.* ***Научная новизна*** *заключается в оценке влияния основных изменений в сфере бухгалтерского и налогового учета на организацию учетного процесса и формирование учетной политики организаций.* ***По результатам*** *исследования рассмотрен ФСБУ 14/2022, который вступит в действие с отчетности за 2024 год, но организации могут его применять и раньше; проанализированы поправки в бюджетном учете, а также изменения в налоговом учете организаций, касающихся формирования налоговой базы по налогу на прибыль, налогу на добавленную стоимость, налогу на имущество, налогу на доходы физических лиц, страховые взносы, рассмотрены изменения в рамках специальных налоговых режимов.*

Ключевые слова: *нематериальные активы; электронный документооборот; налог на прибыль; налог на добавленную стоимость; страховые взносы; налог на доходы физических лиц; налог на имущество; земельный налог.*

В 1 января 2023 года работа учетного аппарата претерпит массу изменений, касающихся организации бухгалтерского и налогового учета. Так, вышел новый стандарт по бухгалтерскому учету – ФСБУ 14/2022 "Нематериальные активы". Обязательным он станет лишь с 2024 г. Но его можно начать применять и раньше.

Если организация решит начать внедрение нового стандарта 14/2022 "Нематериальные активы" до 2024 года, следует учесть следующие моменты:

– такое решение необходимо закрепить в учетной политике;

– одновременно с ФСБУ 14/2022 необходимо применить и внести изменения в ФСБУ 26/2020 "Капитальные вложения". Поскольку эти изменения регулируют правила формирования стоимости нематериальных активов (СМА);

– с началом применения ФСБУ 14/2022 перестанет действовать не только старый ПБУ 14/2007, но и ПБУ 17/02;

– необходимо информировать пользователей бухгалтерской отчетности о досрочном применении ФСБУ 14/2022 и изменениях в ФСБ 26/2020. Это можно сделать в пояснениях к бухгалтерской отчетности за первый год (первый отчетный период) перехода на новый стандарт.

В соответствии с ФСБУ 14/2022 актив, не имеющий материальной формы, может быть признан нематериальным активом, если:

– может быть изъят из других активов или отделен от них;

– не предназначен для продажи;

– организация предлагает использовать его в своей деятельности более 12 месяцев (как правило, первый цикл эксплуатации, если он превышает этот срок), в том числе с предоставлением в пользование других лиц;

– организация может получать выгоду (доход) от использования такого актива. При этом права на актив должны быть подтверждены документально.

Капитальные вложения будут включать в себя затраты на приобретение, создание и усовершенствование не только основных фондов, но и нематериальных активов. Это, в частности, расходы:

– на приобретение ценностей для создания нематериальных активов (в том числе в результате НИОКР) или усовершенствования нематериальных активов;

МЕГАЕВА Светлана Владимировна, *кандидат экономических наук, доцент*

БРАТКОВА Валерия Валентиновна, *кандидат социологических наук, доцент*

Северо-Кавказский институт (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Пятигорск

ЛОСЕВА Алла Сергеевна, *доцент кафедры Финансов и бухгалтерского учета, Мичуринский государственный аграрный университет, Мичуринск*

– на приобретение прав на результаты интеллектуальной деятельности и лицензии на средства индивидуализации, которые организация будет использовать в качестве нематериальных активов;

– на приобретение прав на занятие отдельными видами деятельности по лицензии.

До истечения срока перехода на новый стандарт учета нематериальных активов организациям необходимо учесть изменения ФСБУ 26/2020 "Капитальные вложения". Лимит стоимости единицы НМА ФСБУ 14/2022 не устанавливается. Но организация сама может утвердить его в учетной политике. Тогда все затраты, связанные с формированием "малоценных нематериальных активов", будут учтены в расходах текущего периода по завершении таких капвложений. К примеру, можно ориентироваться на лимит в налоговом учете – более 100 000 руб.

То есть в первую очередь необходимо собрать все затраты на счете 08 "Капитальные вложения" (желательно на отдельном субсчете "Капитальные вложения в НМА"). Тогда при вводе НМА в эксплуатацию:

– если все затраты меньше установленного лимита, то списывать со счета 08 на текущие расходы;

– если общая сумма затрат соответствует установленному лимиту, то делается проводка по дебету счета 04 "Нематериальные активы" и списывается по кредиту субсчета 08 – "Капвложения в НМА".

Нематериальные активы могут амортизироваться в течение срока полезного использования (СПИ), установленного организацией. Но только в том случае, если такой срок можно определить. Даты начала и окончания амортизации нематериальных активов регистрируются так же, как это было сделано в ФСБУ 6/2020 для основных средств. Также в новом стандарте есть ликвидационная стоимость нематериальных активов, которая должна быть вычтена из балансовой стоимости актива при начислении амортизации. Но в подавляющем большинстве случаев она будет равна нулю. Это связано с тем, что часто отсутствует активный рынок нематериальных активов. Также редко когда в договоре на создание/приобретение НМА прописывается обязанность исполнителя/продавца выкупить у организации НМА по окончании срока его использования. В этом стандарт учета нематериальных активов отличается от стандарта учета основных средств. Ведь если организация хочет установить нулевую ликвидную стоимость объекта основных средств, нужно постараться обосновать это.

Нематериальные активы должны быть проверены на обесценение. Так же, как и при учете основных средств, это необходимо вести по правилам МСФО (IAS) 36 "Обесценение активов".

Если НМА не способны приносить выгоду в дальнейшем либо они выбывают, то они списываются с бухгалтерского учета.

Компании, которые могут вести бухгалтерский учет упрощенными способами, закрепляют в учетной политике следующие положения:

– организация не будет проверять НМА на обесценение (это упрощение и последующее имеет смысл, если не выбрано первое упрощение, указанное выше);

– информация о нематериальных активах будет раскрываться в бухгалтерской отчетности в усеченном виде, то есть будут указываться только данные:

– о балансовой стоимости НМА на начало и конец отчетного периода;

– о результате от списания НМА за отчетный период;

– о результате переоценки НМА, который включен в доходы или расходы отчетного периода, и о таком результате, включенном в капитал (если выбрано, что какие-то НМА учитываются по переоцененной стоимости).

С 1 января 2023 года произойдут изменения и в бюджетном учете. Внутренний электронный документооборот (ЭДО) в обязательном порядке вводится во всех государственных и муниципальных учреждениях. Об этом нам говорит пункт 6 приказа Минфина России от 15.04.2021 № 61н. В связи с этим все бюджетные организации – субъекты учета государственных финансов, обязаны перейти на работу с электронными первичными документами, а также регистрами бухгалтерского учета [10].

В "1С:БГУ" уже предусмотрен переход на ЭДО с 2023 года. В этом решении можно прописать роли для пользователей, заполнить и оформить электронные документы. Однако для тех, кто еще не работал в данной программе, могут возникнуть определенные сложности. Реализация внутреннего ЭДО в "1С:БГУ" версии КОРП и ПРОФ отличается и это важно учитывать. Правильные действия помогут учреждению верно определить, какой программный продукт "1С" использовать в зависимости от масштаба организации и территориальной распределенности его подразделений.

Не все государственные учреждения могут легко перейти на ЭДО в соответствии с зако-

нодательством. Причина тому – несколько важных факторов. Отсутствие необходимых знаний у сотрудников. Это напрямую влияет на качество работы с электронными документами, так как есть вероятность ошибок. Нехватка денежных средств делает невозможным обновление необходимого программного обеспечения и закупку мощного оборудования.

Законодательство делает исключение для тех учреждений, которые не имеют организационно-технической возможности для работы с ЭДО. Они могут формировать учетные документы на бумажном носителе, дополнительно предоставляя бухгалтеру скан-копии. Для того чтобы свести этот риск к минимуму, рекомендуется:

– сформировать и отправить руководителю служебную записку о необходимости перехода на ЭДО;

– позаботиться о техническом оснащении и оценить его стоимость, подключив к задаче IT-специалистов;

– сформировать заключение, подтверждающее отсутствие технической возможности перейти на ЭДО в срок [10].

Первым основным изменением по налогам, вступающим в силу с 2023 года будет являться переход по расчетам с бюджетом посредством оплаты единого налогового платежа. Изменения, которые устанавливают единый налоговый счет (ЕНС) для предприятий и предпринимателей? указаны в Федеральном законе "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации" от 14.07.2022 № 263-ФЗ [3]. Поправки будут действовать с 1 января 2023 года.

При формировании начального сальдо казначейство должно учесть задолженности и переплаты организации. Рассчитываться начальное сальдо должно по общим правилам, но есть определенные отклонения. К примеру, не попадает на единый налоговый счет переплата налога на прибыль в региональный бюджет, она должна быть зачтена в счет последующих подобных налогов. Если компания заранее перечислит суммы платежей, у которых наступает срок в 2023 году, то они пойдут на ЕНС. Нужно наблюдать за сальдо, оно должно быть нулевым или положительным. Если сальдо отрицательное, то с организации могут начислить пеню или взыскать имущество.

Вторым новшеством является объединение с 1 января 2023 года Пенсионного фонда и Фонда социального страхования, он будет называться Социальный фонд России, сокращенное название – СФР. Объединение фондов упростит получение мер социальной поддержки. Пенсии, федеральные пособия, материнский капитал, больничные и другие выплаты, которые сейчас назначаются в двух разных фондах, с нового года можно будет оформить в режиме "одного окна". Объединение фондов принесет ряд изменений как для юридических, так и физических лиц. Во-первых, из перечня освобожденных от взносов исключат выплаты по договорам ГПХ и трудовым договорам (договорам ГПД) с временно пребывающими в России иностранцами и лицами без гражданства.

Во-вторых, создадут единую базу для исчисления взносов и установят следующие тарифы:

– с оплат, которые не превысят единую предельную величину базы, тариф 30%;

– с оплат, которые не превысят единую предельную величину базы, тариф 15,1%.

В-третьих, введут единую форму сведений для персонифицированного учета.

Прежде всего? стоит отметить расширение круга субъектов, которым теперь они положены. Самое главное изменения – получать пособия можно будет не только по трудовым договорам, но и по договорам гражданско-правового характера. В то же время, необходимо соблюдать условие: в предшествующем страховому случаю году с вознаграждений должно быть перечислено взносов больше, чем составит стоимость страхового года (Закон № 237-ФЗ) [8].

Следующее изменение коснулось НДС. С 2023 года НДС будут платить в новые сроки – до 28 числа каждого из трех месяцев, которые идут за отчетным кварталом. Порядок возмещения НДС изменили в связи с переходом на ЕНП. По правилам НК РФ, если сумма вычета по НДС больше исчисленного налога, разницу зачитывают в счет будущих платежей или возвращают на расчетный счет плательщика. После изменений в налоговом законодательстве такая разница будет увеличивать сальдо на едином налоговом счете. С 1 января 2023 года в совокупную обязанность налогоплательщика входят все суммы к возмещению из поданных деклараций. Поэтому НДС к возмещению будут учитывать на ЕНС. Если сумма возмещения по НДС формирует положительное сальдо, ее можно зачесть в счет будущих платежей или вернуть на расчетный счет.

Федеральным законом от 14.07.2022 № 263-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации" вносятся изменения в главу 25 "Налог

на прибыль организаций" Налогового кодекса Российской Федерации, вступающие в силу с 1 января 2023 года. В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона № 263-ФЗ с 1 января 2023 года предусмотрено обязательное применение организациями и индивидуальными предпринимателями порядка уплаты налогов, сборов и взносов в виде единого налогового платежа с внедрением сальдированного учета их обязательств перед бюджетной системой. С 2023 года необходимо перечислять общую сумму на единый налоговый счет для исполнения совокупной обязанности по уплате налогов, авансовых платежей по налогам, сборов, пеней, штрафов, процентов, которые обязан уплатить налогоплательщик или плательщик сбора, страховых взносов, налоговый агент [3].

При расчете налога на имущество и земельного налога в 2023 году теперь нужно использовать кадастровую стоимость, которая устанавливается на 01.01.2022 года, при случае если кадастровая стоимость по состоянию на 01.01.2023 года превысит кадастровую стоимость по состоянию на 01.01.2022 года [9]. С 1 января 2023 года отменяется обязанность по сдаче декларации по налогу на имущество организаций в отношении объектов, налоговая база по которым рассчитывается исходя из кадастровой стоимости.

Изменения коснулись с 1 января 2023 года специальных режимов налогообложения. Введен запрет на применение УСН и патентной системы налогообложения (ПСН) в отношении деятельности по производству ювелирных и других изделий из драгметаллов, а также в отношении оптовой и розничной торговли этими изделиями.

Установлен срок уплаты ЕСХН по итогам года: не позднее 28 марта года, следующего за отчетным, а также срок представления декларации по ЕСХН: не позднее 25 марта года, следующего за отчетным. Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ [3].

Исходя из постоянного обновления, изменений и дополнений нормативной базы, регулирующий бухгалтерский и налоговый учет, сотрудникам бухгалтерий, налоговых служб, студентам экономических специальностей необходимо непрерывно совершенствовать свои знания в области учета и нормативного регулирования экономической деятельности и быстро реагировать на появляющиеся изменения.

Литература:

1.Федеральный закон "О внесении изменений в статью 67.1 части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации" №99 – ФЗ от 16.04.2022 г. СПС "КонсультантПлюс". – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414818/

2.Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "Об акционерных обществах" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" №114 – ФЗ от 16.04.2022 г. СПС "Гарант". – Режим доступа: https://base.garant.ru/404488122/

3.Федеральный закон "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации" № 263-ФЗ от 14.07.2022 г. СПС "Гарант". – Режим доступа: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1555229/

4.Федеральный закон "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" № 305-ФЗ от 02.07.2021 СПС "КонсультантПлюс". – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388995/

5. Федеральный закон "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" № 47-ФЗ от 09.03.2022 СПС "КонсультантПлюс". – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411105/.

6.Федеральный закон "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" № 382-ФЗ от 29.11.2021 СПС "КонсультантПлюс". – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401510/

7.Федеральный закон "О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации" № 236-ФЗ от 14.07.2022 СПС "КонсультантПлюс". – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421786/

8.Федеральный закон "О государственной кадастровой оценке" № 237-ФЗ от 03.07.2016 (последняя редакция) СПС "КонсультантПлюс". – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/

9.Федеральный закон "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" от 26.03.2022 № 67-ФЗ (последняя редакция) СПС "КонсультантПлюс". – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412692/

10.Приказ ФНС России от 09.08.2021 № ЕД-7-21/739@. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/.

11.Приказ от 28.01.2022 № ЕД-7-21/53@). – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/11970030/.

12.Внимание: в главу 25 "Налог на прибыль организаций" Налогового кодекса Российской Федерации вносятся изменения, вступающие в силу с 1 января 2023 года. – Режим доступа: URL: https://www.nalog.gov.ru/rn45/news/activities_fts/12827700/

13.Как изменится электронный документооборот с 2023 года для бюджетного учета. – Режим доступа: URL: https://www.klerk.ru/buh/articles/539025/

14.Обязательный единый налоговый платеж с 2023 года: как изменится уплата налогов. – Режим доступа: URL: https://www.kontur-extern.ru/info/25426-byazatelnyj_edinyj_nalogovyj_platezh

15.ФСБУ 14/2022 "Нематериальные активы": краткий обзор. – Режим доступа: URL: https://glavkniga.ru/elver/2022/15/6005

DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Mukhacheva Anna Valentinovna, *PhD of Economics, Associate Professor, Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow*

Parfenov Arseniy Andreevich, *PhD of Judicial sciences, Director of the Research Center for Expertise and Language Testing, Pskov State University, Pskov*

Larin Stepan Sergeevich, *Postgraduate student, Kemerovo State University, Kemerovo*

The purpose of the study *is a comparative analysis of the definitional foundations of social entrepreneurship, approaches to its essence, classification, assessment of the level and dynamics of development of social entrepreneurship in Russia. The article is devoted to the consideration of the essence of social entrepreneurship and the analysis of its development in the Russian Federation. The essence of social entrepreneurship and approaches to its definition, typology, main criteria are described. An analysis of the development of social entrepreneurship in the world showed Russia's lag in this area. The main restrictions on the development of social entrepreneurship in Russia are the imperfection of the legislative framework, the vagueness of approaches to the definition of social entrepreneurship and its criteria, the difficulty in implementing research developments, problems of access to funding and other resources, and insufficient measures of state support. Focusing on the possibility of receiving state assistance, a social entrepreneur must, nevertheless, be economically wealthy and self-sufficient, otherwise the principle of entrepreneurial activity is violated.* ***Scientific novelty*** *consists in identifying and structuring the advantages, factors and barriers to the development of social entrepreneurship in Russia, isolating the best world practices, and formulating recommendations for their application in the Russian Federation.* ***As a result*** *of the study, the dynamics of development, specific examples of social entrepreneurship in Russia and abroad are considered, the legislative framework in this area is analyzed, government support measures are listed, and promising areas for the development of social entrepreneurship in Russia are listed.*

Keywords: *social entrepreneurship; social business; social responsibility; state support; entrepreneur; quality of life.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.14

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 332
ВАК РФ 5.2.6

© Мухачёва А.В., 2022
© Парфенов А.А., 2022
© Ларин С.С., 2022

Цель исследования *– сравнительный анализ дефиниционных основ социального предпринимательства, подходов к его сущности, классификации, оценка уровня и динамики развития социального предпринимательства в России. Статья посвящена рассмотрению сущности социального предпринимательства и анализу его развития в Российской Федерации. Описаны сущность социального предпринимательства и подходы к его определению, типология, основные критерии. Анализ развития социального предпринимательства в мире продемонстрировал отставание России в данной области. Основными ограничениями на пути развития социального предпринимательства в России является несовершенство законодательной базы, размытость подходов к определению социального предпринимательства и его критериев, сложности во внедрении научно-исследовательских разработок, проблемы доступа к финансированию и другим ресурсам, недостаточные меры государственной поддержки. Ориентируясь на возможность получения государственной помощи, социальный предприниматель должен, тем не менее, быть экономически состоятельным и самодостаточным, в противном случае нарушается принцип предпринимательской деятельности.* ***Научная новизна*** *заключается в выявлении и структуризации преимуществ, факторов и барьеров развития социального предпринимательства в России, вычленении лучших мировых практик, формировании рекомендаций по их применению в РФ.* ***В результате*** *исследования рассмотрена динамика развития, конкретные примеры социального предпринимательства в России и зарубежом, проанализирована законодательная база в этой области, меры государственной поддержки, перечислены перспективные направления развития социального предпринимательства в России.*

Ключевые слова: *социальное предпринимательство; социальный бизнес; социальная ответственность; государственная поддержка; предприниматель; качество жизни.*

Введение

Социальное предпринимательство является низкомаржинальным видом бизнеса, однако оно выполняет важную функцию в области создания особых экономических цепочек, в которых маргинальные, неконкурентоспособные субъекты могут обрести конкурентоспособность, проявить себя, улучшить качество своей жизни [1, 2]. Научными исследованиями в области социального предпринимательства занимались З.Г. Зайнашева, Н.Г. Мешкова [1], Е.А. Ветрова [2], З.Э. Сабирова [3], Г.С. Изотова [4], К. Леонгард [5], И.А. Галкин [6], Е.В. Мезенцева, Е.В. Королюк [7] и др. Согласно большинству авторов, социальный предприниматель – это благодетель, использующий бизнес-подход, решающий насущные социальные проблемы [5-7].

Ряд исследователей считают, что социальное предпринимательство в России выступает своеобразной терапией сложившихся в нашей стране иждивенческих настроений. В условиях конкуренции государственного и частного секторов, политической войны партийных группировок именно социальное предпринимательство остается единственной реальной силой для решения общественных проблем [8]. Вместе с тем развитие предпринимательства в России, в особенности – социального, оставляет желать лучшего в связи с краткой историей развития рыночной экономики, сращивание бизнеса и власти, вековым наследием крепостного права и запрета самостоятельной коммерческой деятельности в СССР. Необходимость решения социальных проблем за счет использования эффективных механизмов бизнеса определяет актуальность представляемой темы.

Методология исследования представлена такими методами, как научный анализ, синтез, системный подход, группировка и обобщение, экономико-статистические методы. Авторская гипотеза состоит в том, что основными барьерами развития социального предпринимательства являются отсутствие законодательно утвержденного подхода к определению данного понятия и его критериев, статистических показателей для оценки развития социального предпринимательства в России, недостаточность мер государственной поддержки и популяризации социального предпринимательства.

МУХАЧЁВА Анна Валентиновна, *кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва*
ORCID: 0000-0002-3720-4969

ПАРФЕНОВ Арсений Андреевич, *кандидат юридических наук, директор научно-исследовательского центра экспертиз и языкового тестирования, Псковский государственный университет, Псков*
ORCID: 0000-0003-1171-9208

ЛАРИН Степан Сергеевич, *аспирант, Кемеровский государственный университет, Кемерово*
ORCID:0000-0002-9272-4879

Основная часть

Теоретические подходы к определению социального предпринимательства. Согласно законодательству, "Социальное предпринимательство – деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, при осуществлении которой соблюдается одно из следующих условий: а) субъект малого и среднего предпринимательства обеспечивает занятость инвалидов, одиноких родителей, имеющих малолетних детей, многодетных родителей, неработающих пенсионеров, выпускников детских домов до 21 года, лиц, освобожденных из мест лишения свободы; б) субъект малого и среднего предпринимательства осуществляет предпринимательскую деятельность, направленную на улучшение условий жизнедеятельности граждан" [9]. Под социальным предпринимательством понимают деятельность, направленную на обеспечение социально уязвимых слоев населения (безработных, инвалидов, матерей, освобожденных

из заключения) в случае, если доля работников указанных категорий не менее 50%, а доля в фонде оплаты труда – от 25% [10].

Современное постиндустриальное общество с его глобализацией как никакое другое впитало идеи социального предпринимательства [10]. Участники рынка – государство, предприятия – пытаются в своих проектах увязать коммерческие и социальные интересы, обеспечить их взаимовыгодную кооперацию [11]. Предпринимательский подход в социальной сфере, как и в любой другой проявляется в изучении рынка, способности видеть его возможности и угрозы, организацию и соединение ресурсов (факторов производства) [12].

Цели и задачи социального предпринимательства. А.Н. Малолетко и Е.А. Васильева среди национальных интересов социального бизнеса называют повышение качества жизни населения, занятость населения, конкурентоспособность социальных проектов, рациональная структура социального предпринимательства, способность экономики оказывать финансовую поддержку социальному предпринимательству, независимость России в социально сфере [13]. Другие авторы выделяют среди признаков социального предпринимательства также масштаб деятельности (потенциальное расширение границ); финансовую устойчивость; инновационный подход; непрерывное обучение и совершенствование персонала; решительность в действиях; высокую ответственность [14]. Сегодня социальное предпринимательство решает специфические задачи, которые другие участники рынка и типы предпринимателей не способны решить [15].

На реализацию отдельных социальных проектов и программ могут привлекаться средства государственной поддержки или спонсорская помощь, но эти средства не должны являться основным источником существования предприятия [16]. То есть социальное предпринимательство должно сохранять свою предпринимательскую сущность и быть способным самостоятельно аккумулировать прибыль [17].

Типология социального предпринимательства. Ш. Захр и М. Райт выделяли следующие типы социальных предпринимателей: "социальный мастер", "социальный конструктор", "социальный инженер". Критериями для классификации являлись цель деятельности, масштабы деятельности, социальная значимость, социальная ценность, влияние на социальное равновесие, потенциал, ограничения и риски, эффективность [18].

Согласно наиболее прогрессивной, на наш взгляд, классификации выделяется несколько уровней зрелости социального предпринимательства. На первом уровне компании наращивают социальную составляющую бизнеса, разрабатывают стратегию корпоративной социальной ответственности. Формируются комфортные условия труда для персонала (появляются комнаты отдыха и прочие помещения нетрудового назначения для персонала, как в Яндекс, Facebook, Twitter, Google) или строят социальную инфраструктуру для работников, занимаются благотворительностью (Deloitte уменьшает экологический след). Второй уровень зрелости социального предпринимательства предполагает активную благотворительную деятельность, создают собственные благотворительные фонды (Фонд Потанина, Дерипаски, Прохорова, Тимченко и пр.). Третий уровень зрелости социального предпринимательства проявляется в формировании фондов венчурной филантропии, оказывающих поддержку молодым предпринимателям и организациям некоммерческой сферы (Сеть Омидьяра, Draper Richards Kaplan Foundation, Фонд Сколла и Фонд Мулаго). Последний четвертый уровень зрелости социального предпринимательства является непосредственно предпринимательство как таковое, т.е. нацеленность на получение коммерческих эффектов на основе решения социальных вопросов [19].

Организация, позиционирующая себя как социально ориентированную, имеет также ряд характерных черт – от положительной деловой репутации и социальных программ до социальной активности менеджмента, минимизация издержек, стремления к получению бюджетных средств с целью высвобождения финансовых ресурсов для решения социальных проблем общества [20]. Социальное предпринимательство способствует ускорению структурных изменений в национальной экономике страны, поскольку с помощью создания социальных предприятий открываются новые отраслевые рынки, люди получают новые для себя блага, удовлетворяющие их потребности [21]. С этой позиции какой бы уровень зрелости ни имел конкретный бизнес, он создает товары и услуги для людей, а потому по умолчанию может считаться социальным.

Зарубежный опыт развития социального предпринимательства. В Евросоюзе социальное предпринимательство издавна была обязательной частью экономической стратегии. В

2020 году численность работников социальных предприятий насчитывала 13,6 млн человек [22]. Примерами исследований развития социального предпринимательства в ЕС служит программа "Занятость и социальные инновации 2018-2020", исследование "Социальные предприятия и их экосистема в Европе". Исходя из данных упомянутых исследований, наибольшее количество социальных предприятий на душу населения наблюдается в Бельгии (1500 социальных предприятий на 1 млн человек населения), Италии (1694), Венгрии (1691), Люксембурге (1500) и Франции (1500) [23].

В 16 из 29 стран Европы, охваченных исследованием, определены критерии законодательного определения субъектов социального предпринимательства. 14 европейских стран реализуют специализированные программы помощи, 7 стран занимаются их подготовкой [25]. В связи с тем, что в европейской традиции при помощи социальному предпринимательству к бизнесу и некоммерческим структурам примыкает государство, можно говорить о более совершенной форме институциональной организации развития бизнеса в социальной сфере по сравнению с США. Общей тенденцией для обеих частей света в области развития социального предпринимательства является превращение иждивенца в самостоятельного экономического и социального субъекта.

Подобная тенденция к скоростному развитию социального предпринимательства наблюдается и в США. В целом можно сказать, что англо-американская версия социального предпринимательства глубоко укоренена в сознании людей, их ценностях, нацеленных на стимулирование частной и организационной инициативы, развитие институтов гражданского общества, демократического политического режима и пр. Инициировать социальное предпринимательство может как бизнес, так и некоммерческие структуры [24]. В США помощь социальных предприятиям оказывается со стороны различных фондов. Так, самым крупным из них выступает фонд "Ашока" (сформирован в 1980 г. сотрудником фирмы McKinsey Биллом Дрейтоном). С 1981 г. до настоящего момента бюджет фонда увеличился с 50 тыс. долл. до 85 млн долл. Инвестируют в фонд частные лица и негосударственные заинтересованные структуры. В качестве критериев отбора проектов (поддержано уже более 3000 из них) оцениваются новизна идеи, оригинальность, способность к предпринимательской деятельности, этика и социальный эффект [26].

Американская компания Thomson Reuters в 2018 году провела исследование среди экспертов в 45 странах с крупнейшими экономиками мира по рейтингу Всемирного банка в целях формирования рейтинга стран, где созданы лучшие условия для работы социальных предпринимателей. В ходе исследования было опрошено 880 экспертов [27]. Основными критериями оценки стран выступили поддержка социального предпринимательства со стороны государства, наличие возможности привлечения к работе высококвалицированного персонала, доступность инвестиций, уровень знаний в обществе о социальном предпринимательстве, прибыльность бизнеса, темпы роста социального предпринимательства.

По данным Thomson Reuters 2018 года [28], наибольший показатель по критерию "Государственная поддержка" – в Южной Корее, на 2-м месте – Сингапур, на 3-м – Франция. Наиболее простые условия для привлечения сотрудников с необходимыми навыками – в США (1-е место), на 2-м месте – Франция, на 3-м месте – Германия. Наивысший показатель осведомленности общества о сути деятельности социальных предпринимателей – в Израиле, Чили и Венесуэле. Канадские предприниматели имеют больше возможностей заработать на жизнь с помощью социального предпринимательства. Меньше возможностей – в Великобритании (2-е место) и Индонезии (3-е место). По темпам роста социального предпринимательства также лидирует Канада, далее – США и Сингапур. В этих же странах менее ограничен доступ к инвестициям. В целом, по мнению экспертов, социальное предпринимательство активно развивается во всем мире.

В 2019 г. сотрудники Фонда Thomson Reuters провели повторное исследование в 45 странах с крупнейшими экономиками мира по рейтингу Всемирного банка. Результаты исследования показали, что рейтинг стран в 2019 г. в области развития социального предпринимательства значительно изменился по сравнению с 2016 г. [27]. Такие страны, как Австралия, Франция, Сингапур, Нидерланды, Финляндия, Пакистан, Австрия и Греция, поднялись больше чем на 10 позиций, что свидетельствует о стремительном развитии социального предпринимательства в указанных странах. Заметное снижение позиций прослеживается для таких стран и территорий, как Великобритания, Гонконг, Малайзия, США, Колумбия и Мексика, их позиции в обновленном рейтинге на 10 и более пунктов ниже, чем в 2016 г. [28].

Конкретными примерами успешных проектов социального предпринимательства в мире могут служить говоркинги для молодых мам во Франции (содействует занятости женщин с детьми), дома престарелых в Японии, сотрудниками которых являются представители маргинальных групп (идея принадлежит Масу Катаяма, качество обслуживания подтверждено стандартом ISO 9001), Community Interest Company (CIC) в Великобритании, Ассоциация социальных предпринимателей Великобритании (Social Enterprise UK), Фонд поддержки социального предпринимательства в Великобритании "Ашока", Фонд Билла и Мелинды Гейтс, индийская фирма "Concerve" (создает продукты на основе переработки пластиковых отходов), испанская интернет-компания "Lonxanet" для организации и ведения рыбного бизнеса, французская компания "Jardins de Cocagne" (производитель органической сельскохозяйственной продукции, более 40 лет помогает людям в сложной жизненной ситуации), проект социального предпринимательства "Hot Bread Kitchen" в США (помогает трудоустроиться в сеть хлебобулочных пекарен), проект социального предпринимательства немецкой компании "Querstadtein" (поддерживает лиц БОМЖ благодаря организации с их трудовым участием туристических маршрутов по немецким городам "глазами бездомного") [29].

Перспективными направлениями социального предпринимательства могут быть использование безотходного метода производства; снижение криминогенного фактора в общества; помощь и поддержка людям, которые оказались в трудной жизненной ситуации; предоставление услуг и производство товаров для малоимущей категории населения; микрокредитование по выгодным условиям для малого бизнеса и начинающих предпринимателей [30].

Развитие социального предпринимательства в России. В 2007 г. президент нефтяной компании ЛУКОЙЛ В. Алекперов основал некоммерческий фонд "Наше будущее". В настоящее время данный фонд принимает участие в комиссиях законодательной власти, занимается информационной деятельностью, пропагандой социального предпринимательства, организует и проводит конкурсы проектов социального предпринимательства. Учитывая коммерческое основание фонда, социальное предпринимательство его основоположниками трактовалось в более узкой американской манере как области социальной ответственности бизнеса. Впоследствии эта трактовка закрепилась и у органов власти.

В 2010 году появился Федеральный Закон об НКО, в котором введено понятие "социально ориентированных некоммерческих организаций", в 2011 – некоммерческая организация "Агентство стратегических инициатив", разрабатывающая Дорожную карту оказания негосударственных социальных услуг и занимающаяся выявлением перспективных проектов в области социального предпринимательства на региональном уровне. В качестве организационно-правовых форм социального предпринимательства рассматривались субъекты малого и крупного бизнеса, некоммерческие организации.

Далее Департамент социального развития и инноваций провел конференцию по социальному бизнесу и предпринимательству в сотрудничестве с лабораторией "Грамин", после которой термин "социальный бизнес" стал употребляться как синоним термину "социальное предпринимательство". Следующей тенденцией стало исключение некоммерческих организаций из возможных организационно-правовых форм социального предпринимательства ввиду.

С 2012 года начала осуществляться системная поддержка социального предпринимательства со стороны Минэкономразвития, в частности – Департамента малого и среднего предпринимательства. С этого времени также начали предоставляться на регулярной основе субсидии регионам, с каждым последующим годом их становилось все больше. 2013 год ознаменовался появлением Центров инноваций социальной сферы (ЦИСС), условием получения поддержки для которых являлась гарантия их работы последующие 10 лет.

Среди конкретных примеров отечественного социального предпринимательства помощь детям-сиротам, их социализация и социальная адаптация, вовлечение в городские программы развития (Другая жизнь", г. Нижний Новгород), создание инвалидных колясок активного типа, спортивных инвалидных колясок, среди сотрудников предприятия половина также представлена инвалидами (АНО "Катаржина") [32], покупка земель сельскохозяйственного назначения с формированием инфраструктуры с вовлечением социально незащищенных слоев населения в свою деятельность (выходцев из детских домов, тюрем, людей с зависимостью), содействие в создании бизнеса на дому для матерей-одиночек и многодетных матерей, помощь инвалидам, изготовление корсетов для "лежачих" больных (компания "Доспехи") [33], профильные смены для

развития социальных компетенций и социальной одаренности у школьников и формирования готовности к их самореализации в обществе, развитие мотивации к проектной деятельности в социальной сфере [34].

В исследованиях предлагаются такие перспективные направления развития социального предпринимательства в России, как создание и производство эко-упаковки, повторная переработка пластика, сельский туризм, компьютерные игры для развития детей, частные детские сады и центры развития маленьких детей, участие в развитии своей карьеры, работы, бизнеса, клубы, посвященные здоровому образу жизни, краудфандинг, оказание поддержки людям, которые оказались в трудном жизненном положении, клуб знакомства для одиноких людей [44].

К числу позитивных сдвигов и благоприятных предпосылок в развитии социального предпринимательства в России можно отнести историю работы Домов трудолюбия; развитие социальной ответственности российского бизнеса; творческие способности российских граждан; склонность бизнеса усваивать зарубежный опыт [35]. Сейчас же пока социальные предприятия в России характеризуются низкой численностью сотрудников, слабой регламентацией со стороны законодательной базы, но достаточной квалификацией руководства [36].

Государственная поддержка социального предпринимательства. Государство и муниципалитет оказывают поддержку социальным предпринимателям в виде некоммерческих организаций при выполнении ряда условий [37]: социальная поддержка граждан; помощь в преодолении последствий катастроф техногенного и природного характера; помощь людям в сложной ситуации: беженцам, жертвам вооруженных конфликтов и т.д.; охрана животного мира, природы; охрана и поддержание памятников истории и культуры, природных объектов; помощь гражданам и другим организациям в плане оказания юридической помощи, защите прав и свобод и т.д.; профилактика социально опасных форм поведения; осуществление благотворительной деятельности; оказание образовательных услуг, функционирование в сфере науки, искусства, пропаганды здорового и социально активного образа жизни, улучшения психологического климата отдельных микрогрупп, содействует культурному развитию [38].

Среди приоритетных направлений социального бизнеса в России, с большей вероятностью способного получить государственную поддержку профилактика социального сиротства; поддержка материнства и детства; социальная адаптация инвалидов и их семей; повышение качества жизни людей пожилого возраста; развитие дополнительного образования, научно-технического и художественного творчества, массового спорта, деятельности детей и молодежи в сфере краеведения и экологии; развитие межнационального сотрудничества.

К основным формам поддержки социального предпринимательства относят субсидии; образовательные услуги; формирование инфраструктуры для социальных предпринимателей [39]; создание центров поддержки социального предпринимательства, в числе учредителей которого выступает органы государственной или муниципальной власти.

Критериями выбора региона для федеральных программ финансирования социального предпринимательства выступают удельный вес расходов на поддержку социальных предпринимателей в региона; прирост числа социальных предпринимателей; прирост средней численности работников некоммерческих организаций; прирост объема услуг, оказанных социальными предпринимателями; прирост средней численности добровольцев в социальных проектах; принятие регионом нормативных актов или планов для поддержки социального бизнеса. Развитие региона по указанным выше критериям обеспечивает высокое качество жизни его населения, высокий уровень занятости, конкурентоспособности, национальную безопасность в экономической сфере.

Важной мерой развития социального предпринимательства является обучение ему в аккредитованных образовательных учреждениях. В ведущих российских вузах (СКФУ, КФУ, РЭУ имени Г. В. Плеханова, НИУ ВШЭ, Высшая школа менеджмента при СПбГУ) и крупнейших российских городах (Москва, Санкт-Петербург, Казань) уже реализуются программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации в сфере социального предпринимательства [40].

Проблемы развития социального предпринимательства в России. Среди проблем России в области развития социального предпринимательства можно назвать недостаточно высокий уровень эффективности государственного решения назревших социальных проблем; общественный запрос на создание системы, способной в какой-либо мере компенсировать

разницу в социальных возможностях и благополучии людей; необходимость повышения уровня сознательности, развития чувства ответственности у людей, приобщая их к благотворительности через социально-ориентированные коммерческие организации [41]; отсутствие четких измеримых показателей, которые отражали бы эффективность социального предприятия; низкая осведомленность людей и общества о социальном предпринимательстве; низкий уровень профессиональности кадров рабочего персонала; отсутствие массовой поддержки социального предпринимательства со стороны общества, частного сектора, СМИ и государства; отсутствие обширной законодательной базы по вопросу социального предпринимательства [42].

Болевые точки российского предпринимательства выделяются при сравнении таких условий развития, как доступ к финансированию, развитие и распространение государственных программ поддержки бизнеса, а наиболее существенное отставание заметно в оценке условий внедрения научно-технических разработок и их использование в практике деятельности малых и растущих компаний.

Решение указанных проблем, связанных с развитием социального предпринимательства, принесет России ряд неоспоримых преимуществ, таких как личная заинтересованность предпринимателя в успешности своей социальной и коммерческой деятельности; возможность частично делегировать полномочия государства в социальной сфере бизнесу; снижение социальной дифференциации; саморегуляция социального бизнеса, избавление от госконтроля; вовлечение новых социальных групп в процесс решения проблем обществ.

Заключение

Проблемами развития социального предпринимательства в России является отсутствие закрепления термина и критериев отнесения бизнеса к социальному предпринимательству на законодательном уровне, отсутствие статистики в отношении социального предпринимательства для отслеживания динамики его развития, недостаточная популяризация социального предпринимательства на региональном и федеральном уровне, недостаточные меры государственной поддержки, общие для всех видов бизнеса барьеры (снижение платежеспособности населения, высокая налоговая база, сращивание государства и бизнеса, стимулирующее рост крупного предпринимательства в ущерб малому и среднему).

В качестве возможных решений указанных проблем может выступать официальное установление границ и критериев социального предпринимательства, предпочтительно – в дифференцированном формате с внедрением соответствующих поддерживающих мер и с учетом расширенной трактовки понятия (с включением на нижний уровень иерархии социальных предпринимателей организаций с высокой социальной ответственностью). Также государственным и региональным органам власти необходимо ввести новые статистические показатели развития социального предпринимательства. На текущий момент сбор аналитики по данной сфере затруднен. Ну и конечно самым действенным способом поддержки любого вида предпринимательства станет оздоровление экономики, обеспечение экономического роста и уровня жизни населения – в этих условиях даже без искусственных поддерживающих мер развитие бизнеса будет демонстрировать устойчивый рост, в т.ч. в низкомаржинальной социальной сфере.

Дальнейшие исследования в области социального предпринимательства целесообразно посвятить конкретным механизмам реализацкии указанных рекомендаций, в т.ч. с учетом региональной спефицики.

Примечания:

1. Зайнашева З.Г., Мешкова Н.Г. Особенности социальных предпринимателей и понятие социального предпринимательства // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2018. – № 1 (23). – С. 45-53.
2. Ветрова Е.А. Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества // Вестник Тамбовского университета. – 2015. – № 1. – С. 20-24.
3. Зайнашева З.Г., Сабирова З.Э Особенности и формы реализации социального предпринимательства // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. – 2017. – № 4 (22). – С. 138-143.
4. Изотова Г.С. Социальное предпринимательство: новый институт современной России // Экономические стратегии. – 2011. – № 9. – С. 44-51.
5. Леонгард К. Акцентуированные личности. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. – 356 с.
6. Галкин И.А. Социальное предпринимательство как условие социально-экономического развития // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. – 2016. – № 2 (7). – С. 12-14
7. Мезенцева Е.В., Королюк Е.В. Социальное предпринимательство как инструмент социально-экономического развития территорий // Наука и бизнес: пути развития. – 2020. – № 3 (105). – С. 62-65
8. Мухачёва А.В., Акулов А.О. Возможности структурного моделирования качества жизни населения региона и его экономической детермина-

ции// Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 90-107
9. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021
10. Акулов А.О., Мухачёва А.В., Нестеров А.Ю. Комплексная оценка реализации региональных стратегий на основе статистического анализа // Вопросы управления. – 2020. – № 5 (66). – С. 132-146
11. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Московская ; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 284 с.
12. Осознавая себя. По материалам "Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики": итоговый отчет по результатам исследования ЦИРКОН, 2013 // Эксперт. – 2014. – № 26. – С. 24.
13. Малолетко А.Н., Васильева Е.А. Экономическая безопасность развития социального предпринимательства и инвестиций в социальные проекты // Социальная политика и социология. – 2015. – Т. 14. – № 1 (107). – С. 106-118.
14. Ромащенко Т.Д. Социальное предпринимательство: особенности и перспективы развития в России / Т.Д. Ромащенко, В.П. Канищев, А.Е. Кисова // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 1(90). – С. 457-461.
15. Московская А.А., Соболева И.В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 6 (159).– С. 103-111.
16. Гладкий Н.А. Типы социального предпринимательства и их роль в развитии национальной экономики // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2020. – № 2. – С. 47-52
17. Мухачева А.В. Мотивационная типология российского предпринимательства // Известия Дальневосточного федерального университета. – Экономика и управление. – 2017. – № 3 (83). – С. 79-90.
18. Гладкий Н.А. Типы социального предпринимательства и их роль в развитии национальной экономики // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2020. – № 2. – С. 47-52.
19. Мухачёва А. В., Соколов А. И. Анализ различий в мотивации руководителей-собственников и наемных менеджеров региональных предприятий // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 524-536 doi 10.17059/2017-2-17
20. Идеменева О.С. Социальное предпринимательство в России: основные тренды и направления самарской области // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2020. – № 1-1. – С. 349-351.
21. Pirogova O., Plotnikov V., Maltseva I. The main indicators of fundamental value in managing the commercial enterprise development // В сборнике: International Business Information Management Association (IBIMA) Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Editor Khalid S. Soliman. – 2019. – С. 1759-1765.
22. Social enterprises and their ecosystems in Europe. Comparative synthesis report. Authors: Carlo Borzaga, Giulia Galera, Barbara Franchini, Stefania Chiomento, Roc?o Nogales and Chiara Carini. Luxembourg: Publications Office of the European Union. – 2020// URL: https://europa.eu/!Qq64ny (дата обращения: 24. 03. 2020).
23. Кадол Н.Ф. Развитие социального предпринимательства в странах европейского союза // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2020. – № 3 (63). – С. 1.
24. Defourny J. and Nyssens M. Conceptions of Social Enterprise and Social Entrepreneurship in Europe and the United States: Convergences and Divergences // Journal of Social Entrepreneurship. – 2010. – № 1. – С.32-53
25. Wilkinson C., Medhurst J., Henry N., Wihlborg M. and Braithwaite B.W. A Map of Social Enterprises and Their Ecosystems in Europe. European Commission. A Report Submitted by ICF Consulting Services Date: December 2014.
26. Московская А.А., Соболева И.В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 6 (159). – С. 103-111.
27. Рейтинг стран по уровню развития социального предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://media.rspp.ru/document/1/9/f/9f8fdc4f4d8bd30cb0c31a29333cc835.pdf . – Дата доступа: 19.03.2020.
28. Диковицкая Д.В. Анализ международного рейтинга стран по уровню развития социального предпринимательства // Новости науки и технологий. – 2020. – № 2 (53). – С. 38-45.
29. Высоцкая Н.В., Лылова Е.В. Лучшие практики социально ориентированного предпринимательства: обзор и анализ // Путеводитель предпринимателя. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 147-164
30. Тимохович А.Н., Никурадзе О.И. Измерение эффективности социального предпринимательства // Вестник университета. – 2020. – № 7. – С. 193-198.
31. Ветрова Е.А. Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (141). – С. 20-24.
32. Галкин И.А. Социальное предпринимательство как условие социально-экономического развития // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. – 2016. – № 2 (7). – С. 12-14.
33. Зинурова Р.И. Институции воспроизводства социальных практик в сфере социального творчества и предпринимательства // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 5 (24). – С. 61-66.
34. Семенова Д.А. Социальное предпринимательство как драйвер экономического роста России / / Научный альманах. – 2016. – №7. – С. 178-184
35. Ахметшина А.А. Социальное предпринимательство как фактор эффективной социальной адаптации людей с ограниченными возможностями: функции и роль в общества // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – №2. – С. 135-138.
36. Ветрова Е.А. Основные особенности поддержки малого предпринимательства на муниципаль-

ном уровне в России // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2013. – Вып. 12 (128). – С. 49-52
37. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: федеральный закон от 5.04.2010 г. № 40-ФЗ
38. Vetrova E.A., Atamanova M.A., Kulakova T.V. The replacement strategy for monotowns in Russia: From industry branches towards tourism on the example of Baikalsk // Life Science Journal. 2014. № 11 (12s). P. 929-933.
39. Сафаров С.М. О мерах поддержки по развитию социального предпринимательства в сфере территориального общественного самоуправления // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2020. – № 2 (44). – С. 45-50.
40. Осипов А.Н. Социальное предпринимательство как новый тренд в российской экономике // Плехановский барометр. – 2020. – № 1. – С. 46-48.
41. Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM) URL: https://gsom.spbu.ru/gsom/research_statistics/gem/#1 (дата обращения: 12.03.2021).
42. Боркова Е. А., Подкатилина В. А., Завьялова П. Е. Динамика развития малого и среднего бизнеса: проблемы и перспективы // Государственный советник. – 2019. – №2 (26). – С. 74-80.

DEVELOPMENT OF E-COMMERCE INFRASTRUCTURE IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Samokhvalov Artemii Yurievich, *business expert, Place of work: platform first-e.com - the first ecosystem in e-commerce*

The purpose of the study *is to determine the features and patterns of development of the e-commerce infrastructure in Russia at the present stage. The article considers the conditions and the current state of the electronic commerce sphere in Russia, highlights the main problems of its development, which, first of all, include infrastructural barriers. The need for state support for the development of digital infrastructure for the development of e-commerce is noted to ensure accessibility for small businesses.* ***The scientific novelty*** *of the study lies in the substantiation of the need to create electronic markets (exchanges) in Russia at the state level, which cover many different forms that differ in the type of industry, type of product, volume of services provided, the owner of the electronic market, the type of participants and many other features.* ***As a result,*** *it was found that the proposed activities for the creation of electronic markets within the framework of the electronic commerce infrastructure will increase the availability of online sales for the smallest market entities. It is concluded that in order to be able to develop, the electronic market must attract such a number of participants that will provide adequate income or benefits to cover the costs incurred for the creation and operation of this electronic market.*

Keywords: *electronic exchanges; development barriers; infrastructure problems; online trading; digital infrastructure.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.15

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 332.1
ВАК РФ 5.2.3

© Самохвалов А.Ю., 2022

Цель исследования *– определить особенности и закономерности развития инфраструктуры электронной торговли в России на современном этапе. В статье рассмотрены условия и современное состояние сферы электронной торговли в России, выделены основные проблемы ее развития, к которым, прежде всего, относятся инфраструктурные барьеры. Отмечается необходимость государственной поддержки развития цифровой инфраструктуры развития электронной торговли для обеспечения доступности для субъектов малого бизнеса.* ***Научная новизна*** *заключается в обосновании необходимости создания в России на государственном уровне электронных рынков (бирж), которые охватывают множество различных форм, различающихся типом отрасли, видом продукции, объемом предоставляемых услуг, собственником электронного рынка, типом участников и многими другими признаками.* ***В результате*** *установлено, что предлагаемые мероприятия по созданию электронных рынков в рамках инфраструктуры электронной торговли позволят повысить доступность онлайн продаж для самых малых субъектов рынка. Делается вывод, что для возможности развиваться электронный рынок должен привлекать такое количество участников, которое будет обеспечивать адекватные доходы или выгоды для покрытия затрат, понесенных на создание и функционирование этого электронного рынка.*

Ключевые слова: *электронные биржи; барьеры развития; инфраструктурные проблемы; онлайн-торговля; цифровая инфраструктура.*

САМОХВАЛОВ Артемий Юрьевич, *бизнес-эксперт, Платформа first-e.com – первая экосистема в электронной коммерции*

Введение

Интернет-активность становится все более распространенной, охватывая новые рынки и сектора, а продажи через Интернет фиксируют новый рекордный рост. Этот эффект еще больше усилился во время пандемии COVID-19. Онлайн-шопинг оказывается безопасным и более выгодным с точки зрения затрат. Нет необходимости в достаточной площади магазина, толпах продавцов и хорошо укомплектованном складе. Поэтому все больше компаний выбирают эту модель работы, в том числе и те, которые ранее работали только в офлайн-модели. Чтобы начать работать в сфере электронной коммерции, все, что необходимо – это соответствующая цифровая и инфраструктура информационно-коммуникационных технологий, телекоммуникационная связь [4].

Нарастающая цифровизация изменила не только способ торговли, но и суть, то есть то, какими товарами торгуют. Долгое время услуги считались неторгуемыми за границей из-за их нематериального характера, но сегодня это уже не так. Развитие онлайн-платформ способствовало росту цифровых продуктов и услуг, которые торгуются за границей. Цифровая коммерция позволяет малым предприятиям выходить на глобальные рынки и интегрироваться в глобальную цепочку создания стоимости. Эту тенденцию часто называют ростом "микротранснациональных" предприятий. Однако малые и средние предприятия (МСП) по-прежнему сталкиваются с рядом проблем [2].

В этой связи *актуальность данного исследования* заключается в необходимости выявления особенностей и закономерностей развития инфраструктуры электронной торговли в России на современном этапе.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) анализ барьеров развития электронной торговли в России; 2) анализ инфраструктурных барьеров развития данной сферы и возможные механизмы преодоления существующих ограничений; 3) обоснование необходимости создания на государственном уровне электронных рынков в рамках цифровой инфраструктуры развития электронной торговли в России. Для достижения цели проведен анализ научной экономической литературы по теме исследования.

В процессе исследования использовались следующие *методы*: анализ научной экономической литературы, систематизация и обобщение, системный подход, сравнение точек зрения различных авторов.

Теоретической базой исследования послужили публикации Н.Г. Викторова, Ф.Г. Шухов [1], Р.Р. Дыганова [2], О.М. Дюкова [3], О.С. Каращук [4], Р.Р. Салихова, Р.Р. Дыганова [6] и другие.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования в практической деятельности российских компаний и разработке стратегий развития на государственном уровне.

Основная часть

Вопросы, связанные с препятствиями для развития электронной коммерции, рассматриваются многими исследователями. Мы определили, что к таким барьерам относятся [1, 5, 9-10]: отсутствие соответствующих навыков, необходимых для ведения бизнеса, например, незнание Интернет-технологий и работы с компьютером и Интернетом, огромная конкуренция, высокие затраты, связанные с рекламой электронной коммерции, которые могут достигать даже десятков тысяч рублей в день, отсутствие доступа к информации о том, например, как начать деятельность в сети Интернет и где взять на это средства, цифровая изоляция значительной части общества, что касается не только отсутствия доступа к сети Интернет, но и ненадлежащее качество связи с ним или невозможность использования его инструментов, старые привычки клиентов, побуждающие их использовать традиционные формы торговли, боязнь угроз, исходящих от Интернета, в основном связанных с безопасностью, технические ограничения, возникающие, например, из-за отсутствия универсальных стандартов безопасности и качества использования сети Интернет, – неудовлетворительная пропускная способность многих линий, что препятствует эффективному общению и передаче информации между пользователями сети Интернет, сложности интеграции сети Интернет и инструменты электронной коммерции с существующими отдельными компаниями с приложениями и базами данных, постоянное развитие ИТ-инструментов, что вынуждает предпринимателей постоянно приобретать все новые и новые приложения и программы, высокая стоимость сетевых серверов, необходимость имеют обширные экспертные знания, связанные с проектированием и внедрением различных форм электронной коммерции, неумение пользоваться новейшими электронными технологиями, что характерно для значительной части общества, большой организационный хаос, рост числа разного

рода рекламы, такой как спам, опасность перехвата данных посторонними лицами, отсутствие поддержки и продвижения электронной коммерции со стороны государства, необходимость постоянной адаптации проектов электронной коммерции к многочисленным технологическим и организационным изменениям.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными препятствиями являются инфраструктурные. Полагаем, необходимы дальнейшие усилия для поддержки разработки решений с малой задержкой, таких как граничные вычисления, которые позволяют анализировать и хранить данные ближе к их источнику. Цифровая инфраструктура считается столь же важной, как и традиционные формы инвестиций, такие как транспорт. Многие исследователи считают, что более быстрый или надежный Интернет выступает в качестве главного приоритета для инвестиций в инфраструктуру связи, отдавая ему предпочтение перед другими типами инвестиций. Кроме того, выбор технологий и доступ к лучшим из них имеют большее значение, такие технологии, как "облако", уже не просто недифференцированный товар, а средство предоставления многих типов цифровых услуг.

Однако, несмотря на то, что значение электронной торговли продолжает расти, участники рынка и регулирующие органы обсуждают как преимущества развития электронного бизнеса, так и связанные с этим проблемы. Так, не все субъекты малого бизнеса могут обеспечить себе возможности участия в электронной торговле из-за отсутствия финансовых ресурсов и цифровых компетенций. Поэтому важно, чтобы государство проводило мероприятия, направленные на цифровую трансформацию малого бизнеса [7].

Экономические способы стимулирования процесса цифровой трансформации могут быть прямого либо косвенного воздействия. Методы прямого воздействия предполагают: уменьшение ставок обложения доходов предприятий; льготное кредитование субъектов хозяйственной деятельности; предоставление грантов для реализации инновационных проектов, создание или развитие бизнес-инкубаторов, бизнес-акселераторов, индустриальных парков, инновационных кластеров, технологических платформ; государственно-частное партнерство. Методы косвенного действия предполагают: поиск потенциальных инвесторов; обеспечение доступа субъектов малого бизнеса к информации, необходимой для создания и внедрения инноваций; привлечение технической помощи; содействие продвижению инновационной продукции на внутренний и внешний рынок; защиту от недобросовестной конкуренции.

Несмотря на определенные положительные сдвиги в сфере экономического стимулирования процесса развития инфраструктуры электронной торговли (уменьшение налогового бремени, создание фондов финансирования инноваций), применение государством инструментов активизации внедрения субъектами цифровых инноваций является фрагментарным и поверхностным, что не способствует созданию благоприятных институциональных условий для развития электронной торговли в условиях цифровой экономики в России [6, 8].

Методы стимулирования развития инфраструктуры электронной торговли должны предполагать применение таких инструментов: популяризация инновационного потенциала, формирование базовых цифровых знаний и формирование навыков пользования устройствами, механизмами и программами, а также профессиональные навыки их использования при осуществлении производственных операций, формирование мотивации общества к использованию цифровых технологий (обеспечение доступности цифровых технологий, развитие соответствующей инфраструктуры, введение в действие платформ электронной торговли) [3].

По нашему мнению, основным направлением развития инфраструктуры электронной торговли является создание и расширение использования электронных бирж для возможности электронной торговли малыми предприятиями. Большой потенциал электронных бирж отражается в их влиянии на две важные составляющие транзакционных издержек – координационные издержки и транзакционный риск. Затраты на координацию – это затраты на установление и поддержание информационных каналов между предприятиями. Снижая затраты на координацию, информационные технологии помогают укрепить связи между предприятиями. Снижая транзакционный риск, информационные технологии способствуют рыночным сделкам со многими деловыми партнерами.

Электронные биржи (или электронные рынки) охватывают множество различных форм использования информационных технологий для обеспечения контактов между множеством продавцов и покупателей, что отличает их от двусторонних электронных связей. Электронный рынок представляет собой межорганиза-

ционную информационную систему, которая позволяет покупателям и продавцам обмениваться информацией о ценах и продуктах. Электронные торговые площадки выступают в качестве брокеров транзакций в различных отраслях. Таким образом, они являются электронными посредниками (киберпосредниками), которые используют инфраструктуру Интернета для связи с большим количеством продавцов и покупателей и позволяют осуществлять совместные бизнес-процессы обмена информацией и заключения сделок.

Электронные рынки концентрируют большое количество предложений купли-продажи в одном месте в киберпространстве, что существенно способствует повышению прозрачности информации о ценах и товарах на рынке. Возможность взаимодействия с большим количеством торговых партнеров, предоставляемая электронными торговыми площадками, снижает транзакционные издержки. Электронные торговые площадки позволяют продавцам увеличить число покупателей и предоставить покупателям доступ к более широкой базе поставщиков. Покупатели товаров имеют возможность сравнить множество потенциальных источников поставок. Электронные рынки делают физическое расстояние между участниками рынка менее важным благодаря недорогим средствам связи, заменяющим личные контакты, и благодаря возможности описания товаров с использованием текста, изображения и фильма.

На электронных рынках продажи по каталогам осуществляются по фиксированным ценам, но возможно и динамическое ценообразование посредством онлайн-переговоров и интернет-аукционов. Помимо функции сравнения предложений купли-продажи и общения между участниками рынка, электронные рынки часто предоставляют множество функций, повышающих безопасность сделок и снижающих информационную асимметрию на рынке, таких как сопровождение процесса заключения сделок, проверка и оценка качества товаров, информация о поставщиках, рейтинги и рейтинги продавцов и покупателей.

Государство при создании электронного рынка также должно учитывать маркетинговые аспекты развития электронного рынка, а электронный рынок должен отвечать потребностям потенциальных клиентов. Поэтому важно ориентироваться на конкретные целевые сегменты предприятий. Важные элементы электронного рынка, известные как 3С – коммерция, контент и сотрудничество, должны быть адаптированы к специфике отрасли и целевых сегментов. Создание электронного рынка сопряжено с высоким риском. Причинами этого являются трудности замены традиционных форм продаж и снабжения в данной отрасли электронным рынком.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы.*

1. Решение предприятий присоединиться к электронному рынку часто является решением внедрить на предприятии очередную процессную инновацию. Внедрение новых информационных технологий на предприятиях требует объединения трех элементов в дополняющую систему действий: информационные технологии, новые организационные практики и человеческий капитал. Адаптация предприятия к электронному рынку зависит как от внешних, так и от внутренних факторов. К ним относятся зависимость от поставщиков и покупателей, интенсивность конкуренции в отрасли и знание информационных технологий среди руководства и сотрудников компании.

2. Предприятия также должны учитывать, какие последствия использование электронных рынков будет иметь для их существующих отношений с поставщиками или покупателями. Тип владельца электронного рынка очень важен для развития электронных рынков B2B. Электронные частные рынки или консорциумы, созданные одной или несколькими отраслевыми компаниями для покупки или продажи товаров, имеют больше шансов на выживание и успех, чем публичные рынки, созданные посредником, не являющимся стороной сделки.

3. Таким образом, хотя в России на государственном уровне проводится множество мероприятий по стимулированию цифровой трансформации малого бизнеса. Однако, на наш взгляд, указанной деятельности не хватает системности, упорядоченности и целеустремленности. Направления и меры по совершенствованию государственного регулирования процесса цифровой трансформации в целях развития электронного бизнеса должно обеспечивать упорядочение управленческой структуры по горизонтали и вертикали, закрепление за каждым из субъектов регулирования четких полномочий и круга объектов регулирования; привлечение к реализации национальных проектов по созданию электронных рынков стейкхолдеров, специалистов ИТ.

Литература

1. Викторова Н.Г., Шухов Ф.Г. Цифровая экономика: развитие облачных технологии в России и за рубежом // Век качества. – 2019. – №2. – С. 81-90.
2. Дыганова Р.Р. Повышение социально-экономической эффективности дистанционной торговли: ав-треф. дисс. канд. экон. наук. – М., 2019. – 177 с.
3. Дюкова О.М. Эволюционное развитие логистики электронной торговли: от интернет-магазинов к маркетплейсам // Известия СПбГЭУ. – 2022. – №3 (135). – С. 111-115.
4. Каращук О.С. Построение распределительной системы инфраструктуры электронной торговли России // АНИ: экономика и управление. – 2020. – №1 (30). – С. 148-152.
5. Ли Цзинжу Проблемы и перспективы развития российско-китайской трансграничной электронной коммерции // Инновации и инвестиции. – 2020. – №6. – С. 65-70.
6. Салихова Р. Р., Дыганова Р. Р. Особенности предоставления услуг в дистанционной торговле в России // Финансовая экономика. – 2019. – № 3. – С. 194-198.
7. Салихова Р.Р. Трансформация внутренней торговли в условиях глобализации // РППЭ. – 2021. – №3 (125). – С. 22-28.
8. Сидорова О.Е. Рынок безналичных платежей в России – тенденции и перспективы // Вестник евразийской науки. – 2022. – №2. – С. 41.
9. Цзян Чао Экономическое сотрудничество РФ и КНР в эпоху цифровизации // Modern oriental studies. – 2022. – №1. – С. 62-75.
10. Шинкаренко Н.Е. Особенности покупательского поведения в e-commerce // Скиф. – 2020. – №5-2 (45). – С. 215-220.

DIRECTIONS FOR ASSESSING THE FUNCTIONING OF THE VEGETABLE MARKET IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Sangadieva Iraida Gomboevna, *DSc of Economics, Professor*

Timofeev Vladimir Ivanovich, *PhD of Economics, Associate Professor*

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, Republic of Buryatia

The purpose of the study *explore and systematize the factors that determine the functioning of the vegetable market in the Republic of Buryatia. The article discusses the modern system of managerial decision-making at an agricultural enterprise for marketing activities in the field of marketing vegetables. To improve the marketing system, the author proposes the use of methods for analyzing market potential and sales volumes. Along with this, the author proposes a pricing scheme, calculates the elasticity of demand.* ***Scientific novelty*** *is to develop mechanisms for assessing the formation of the market for agricultural products, allowing you to consistently take into account the whole range of factors affecting it.* ***As a result*** *of applying this approach, it will be possible to develop principles for the development of a marketing system for producers in the region, taking into account their specialization, including mechanisms for influencing vegetable market factors.*

Keywords: *market; agricultural; functioning; production; agriculture; farming; sale; vegetables.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.16

НАПРАВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ОВОЩЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

УДК 338.433.4
ВАК РФ 5.2.3

© Сангадиева И.Г., 2022
© Тимофеев В.И., 2022

Цель исследования *– изучить и систематизировать факторы, определяющие функционирование рынка овощей в Республике Бурятия. В статье рассматривается современная система принятия управленческих решений на сельскохозяйственном предприятии по маркетинговой деятельности в области сбыта овощей. Для совершенствования системы маркетинга автором предлагается использование методов анализа рыночного потенциала и объемов сбыта. Наряду с этим автором предлагается схема ценообразования, рассчитывается эластичность спроса.* ***Научная новизна*** *заключается в выработке механизмов оценки формирования рынка сельскохозяйственной продукции, позволяющих последовательно учитывать весь комплекс факторов, влияющих на него.* ***В результате*** *применения данного подхода станет возможной разработка принципов развития системы сбыта для производителей региона с учетом их специализации с включением механизмов влияния на факторы рынка овощей.*

Ключевые слова: *рынок; сельскохозяйственная; функционирование; продукция; сельское; хозяйство; продажа; овощи.*

САНГАДИЕВА Ираида Гомбоевна, *доктор экономических наук, профессор*

ТИМОФЕЕВ Владимир Иванович, *кандидат экономических наук, доцент*

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Республика Бурятия

Введение

Одной из главных целей производителей овощей в Республике Бурятия является продажа качественных овощей и зелени в объемах, позволяющих максимально занять такие сегменты рынка, как

крупные торговые предприятия и торговые точки на продовольственных рынках в г. Улан-Удэ. В этой связи актуальность данного исследования заключается в том, что, во-первых, это обусловлено спецификой рынка: оптовые покупатели – торговые компании с розничной сетью магазинов, не имеющие собственного производства, будут настроены на долгосрочные договорные отношения по поставкам продукции, тем самым, обеспечив себе бесперебойную торговлю; во-вторых, для получения конкурентных преимуществ перед привозной продукцией конкурентов из других стран и регионов и увеличении товарооборота, главное – это завоевание доверия наших покупателей.

Цель исследования обусловила решение следующих *задач*: 1) провести анализ состояния и условий функционирования рынка овощей в Республике Бурятия; 2) систематизировать факторы, определяющие сегментацию рынка сельскохозяйственной продукции в Республики Бурятия. В ходе исследования использовались *методы* экономического анализа и сравнения, абстрактно-логический, монографический.

Теоретической базой исследования послужили труды А. Смита, А. Маршала, Ф. Котлера, М.И. Туган-Барановского, А.В. Чаянова, исследования Ю.П. Алексеева, В.М. Баутина, В.В. Козлова, А.В. Мерзлова, А.В. Петрикова, И.Г. Ушачева и др.

Результаты и обсуждение

Емкость рынка, занимаемая тепличным комплексом, составит в среднем в год:

В денежном выражении: 113,3 тн х 135,3 тыс. руб./тн = 15,33 млн рублей

В физическом выражении: 113,3 тн.

Весь рынок производства и сбыта овощей и зеленных культур в свежем виде можно характеризовать следующим образом (рис. 1):

Основной рынок – это торговая сеть в Тарбагатайском районе Республики Бурятия с потенциальной емкостью до 0,1 тн в день.

Целевой рынок – дополнительный рынок сбыта на предприятия торговли и общепита районов республики – до 0,5 тн в день.

Доступный рынок – сфера торговли и общепита в г. Улан-Удэ – с емкостью до 0,8 тн в день.

Потенциальный рынок – это объем еще до 20 мелкооптовых и средних предприятий торговли республики Бурятия с емкостью до 1 тонн в день.

Весь рынок – для обеспечения всего рынка потребления овощей не-обходим дополнительный объем торговли и переработки до 1,2 тонн в день.

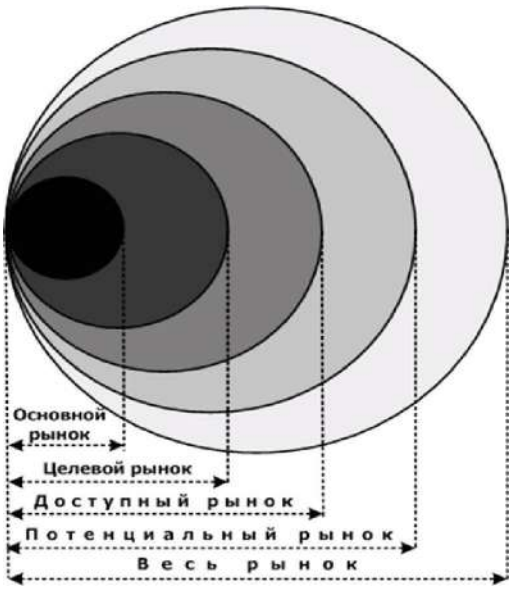

Рисунок 1 – **Виды рынка производства и потребления овощей и зелени открытого грунта**
Составлено автором

Таким образом, тепличный комплекс сможет занять не весь рынок, а лишь основной, целевой и доступный. Поэтому, говоря о емкости рынка (потенциальной и реальной), для производителя остается 4 уровня рынка, на которые он ориентируется в своей маркетинговой стратегией.

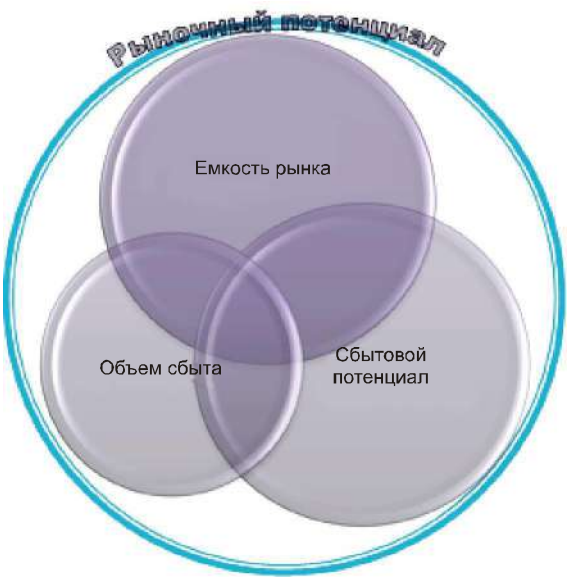

Рисунок 2 – **Рыночный потенциал и объем сбыта**
Составлено автором

В случаях, когда определяется не реальная, а будущая емкость рынка, рассчитывается несколько вариантов развития событий в динамике (рис. 2).

Общая емкость рынка рассчитывается по двум признакам – исходя из потребления продукции конечным пользователем, основанного на его численности, доходах и предпочтениях и по территориальному расположению потребителей.

Спрос на продукцию (овощи, зеленные культуры) – эластичный.

В настоящее время средняя цена реализации 1 кг томатов и огурцов в розничной сети составляет от 40 до 120 рублей, на салат, укроп и другую зелень – 300-350 рублей за 1 кг в зависимости от места продаж и сезонности (рис. 3).

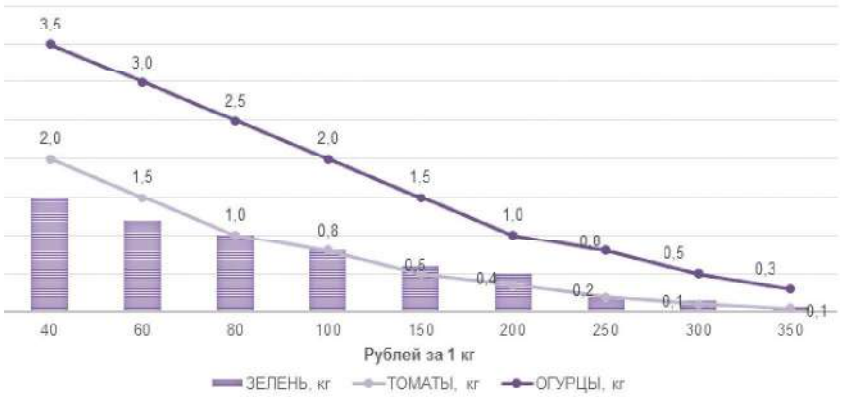

Рисунок 3 – **Эластичный спрос на овощи и зелень**

Составлено автором

Максимальная цена для производителя – цена закупки торговой компании, ориентированная на его рентабельность. Минимальная цена будет определена издержками производства [1].

На снижение эластичности спроса (когда цену диктует производитель) будут влиять такие факторы:

– Высокие цены конкурентов.

– Низкие объемы производства и продаж у конкурентов.

– Уровень качества.

– Доверие и бренд поставщика.

Ценообразование на продукцию формируется в условиях 4-х типов рынков:

– Чистая конкуренция;

– Монополистическая конкуренция;

– Олигополистическая конкуренция;

– Чистая монополия.

В настоящее время на рынке производства овощей закрытого грунта существует практически чистая конкуренция, при которой несколько тепличных хозяйств [2].

Необходимо иметь упорядоченную механизм установления исходной цены на производимые овощи (рис. 4).

Рисунок 4 – **Механизм расчета исходной цены (этапы ценообразования)**

Составлено автором по источнику [2]

1 этап: Основной целью ценообразования на комплексе является максимизация текущей прибыли, чтобы обеспечить выполнение обязательств по возвратности привлеченных средств.

2 этап: Определение спроса на томаты и огурцы позволит предприятию выявить зависимость объема продаж от цены. "Чем ниже цена, тем больше спрос на продукцию" – это особенно актуально для предприятий торговли, не имеющих собственного производства. Поэтому спрос на тепличную овощную продукцию – эластичный [3]. Но при повышении цены выше рыночной, тепличный комплекс рискует понести большие убытки в силу дорогостоящей технологии выращивания культур, не подлежащих длительному хранению и требующих быстрого сбыта.

3 этап: Поэтому при реализации по рыночной цене важно знать насколько полученные доходы позволят покрыть издержки производства [4]. Валовые издержки производства представляют собой сумму постоянных (в месяц) и переменных (на единицу продукции) издержек.

4 этап: Маркетинговые исследования должны быть направлены на изучение цен реализации конкурентов [5], а также факторов, влияющих на их уровень ценообразования, например, необходимо сравнить свою продукцию и продукцию конкурентов по качеству, условиям поставок и т.д.

5 этап: Определение интервала цен.

6 этап: Цель каждого из методов ЦО выбор окончательной цены на продукцию.

Учитывая специфику производимой продукции – овощи в свежем виде с небольшим сроком хранения, то здесь существует 2 схемы

каналов распределения продукции до конечного пользователя.

Рисунок 5 – **Основные соображения при назначении цены**

Составлено автором по источнику [5]

Производимая на тепличном комплексе овощная продукция будет по-ставляться торговым компаниям, предпринимателям, включая частные лица для дальнейшей реализации через сеть магазинов, кафе, ресторанов, киосков, торговых мест на продовольственных рынках (рис. 6).

Количество посредников здесь играет важную роль для тепличного комплекса, так как готовую продукцию конечным потребителям продают торговые предприятия, торгово-снабженческие оптовые центры и организации общественного питания. В случае собственной торговой сети посредники снижают количество прямых контактов с конечным пользователем овощной продукции (рис. 7).

К тому же специализированные магазины намного эффективнее реализуют товар, а производитель, не затрачивая на это свои усилия, может направить капитальные вложения на производство [6].

При больших объемах производства и для создания собственной торговой марки предприятию, производящему собственное сырье и перерабатывающее его в готовую продукцию, целесообразно будет создавать свои собственные каналы сбыта.

Овощная продукция будет поставляться торговым компаниям в г. Улан-Удэ за счет собственных средств, возможны оптовые поставки покупателям за их счет, то есть самовывоз. Все условия, касающиеся товародвижения овощей и зелени до покупателя, должны быть учтены договором поставки [7].

Тепличный комплекс — Магазин / Общепит — Покупатели

Рисунок 6 – **Канал распределения овощной продукции**

Составлено автором

Тепличный комплекс с собственной переработкой и торговой сетью — Покупатели

Рисунок 7 – **Канал распределения овощей (с собственной розничной торговлей)**

Составлено автором по источнику [6]

Рисунок 8 – **Система маркетинговых коммуникаций предприятия**

Составлено автором по источнику [7]

Основными средствами стимулирования сбыта могут стать (рис. 8, см. выше):

1) Участие в выставках-ярмарках сельскохозяйственной продукции

2) Акции поставок продукции в определенный отрезок времени по цене со скидкой.

Заключение

Товарная пропаганда, особенно в части популяризации продукции местных товаропроизводителей, будет заключаться в установлении деловых контактов индивидуально с каждым покупателем: например, участие в совместных проектах [9, 10]. По результатам исследования сформулированы следующие выводы и выявлены направления развития рынка:

1. Создание здоровой конкурентной среды среди оптовых и розничных продавцов овощей на столичном рынке (в зимний период – недоступностью товара для ввоза).

2. Создание налогооблагаемой базы.

3. Организация современного тепличного хозяйства позволит обеспечить потребителей нашего региона качественной сельскохозяйственной продукцией в любое время года, тем самым значительно улучшив качество и уровень жизни потенциальных потребителей.

Литература:

1. Котлер Ф. Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер : учебное пособие / Ф. Котлер [и др.]. – 10-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 211 с. – ISBN 978-5-9614-6745-1. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1838940
2. Котлер Ф. Латеральный маркетинг: Технология поиска революционных идей: учебное пособие / Котлер Ф., Бес Ф.Т., Виноградов А.П. – М.: Альпина Пабл., 2016. – 206 с. ISBN 978-5-9614-5420-8. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/739521
3. Середа О.В. Интеграция участников выставочно-ярмарочного процесса на основе маркетинга партнерских отношений / О.В. Середа, И.Н. Красюк // Науковедение. – 2014. – №2 (21). – URL: https://znanium.com/catalog/product/483956
4. Казаков С.П. Рыночная ориентация как объективная основа современного российского маркетинга // Znanium.com.: сб. статей научных трудов Вольного экономического общества. – 2017. – №1-12. – URL: https://znanium.com/catalog/product/563041
5. Чеглов В.П. Технология промо акции в крупной розничной торговой сети: цели применения и организация / В.П. Чеглов // Торговое дело. Торговое право. – 2011. – №4. – URL: https://znanium.com/catalog/product/397695
6. Башкатова Ю.И. Разработка конкурентной стратегии развития на основе сбалансированной системы показателей и классических моделей стратегического менеджмента предприятия / Ю.И. Башкатова, Н.И. Решетько // Науковедение. – 2014. – №2 (21). – URL: https://znanium.com/catalog/product/483797
7. Казаков С.П. Рыночная ориентация как эффективный подход к организации маркетинга на предприятиях сферы услуг // Маркетинг и маркетинговые исследования / С.П. Казаков // Znanium.com. – 2017. – №1-12. – URL: https://znanium.com/catalog/product/561277
8. Казаков С.П. Проблемы измерения эффективности мероприятий маркетинга / С.П. Казаков // Znanium.com. – 2017. – №1-12. – URL: https://znanium.com/catalog/product/563334
9. Дейнекин Т.В. Понятие и организация партнерского онлайн-маркетинга / Т.В. Дейнекин // Науковедение. – 2014. – №2 (21). – URL: https://znanium.com/catalog/product/485488
10. Тультаев Т.А. Воздействие инструментов маркетинга на восприятие услуг потребителями: психологический аспект / Т.А. Тультаев, Т.Л. Шкляр // Науковедение. – 2014. – №2 (21). – URL: https://znanium.com/catalog/product/482220

МИР В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНДЕКСАХ, ЗАВИСЯЩИХ ОТ РАЗМЕРА СТРАНЫ. V. МИЛИТАРНЫЙ ИНДЕКС

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Темненко Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Цель исследования *– на основании The Global Firepower ranking [1] ввести нормированный Милитарный Индекс MI, измеряющий количественно относительные милитарные возможности каждой страны и, трактуя этот Милитарный Индекс как одну из экономических характеристик страны, создать основу для ежегодного описания состояния мира в трехмерном индексном пространстве {Милитарный Индекс MI, Продуктовый Индекс PI, Демографический Индекс DI}, а также в других пространствах экономических индексов, что позволит оценить меру соответствия/несоответствия милитарного потенциала каждой страны её экономическому и демографическому потенциалу.* ***Научная новизна*** *заключается во введении нового нормированного Милитарного Индекса, удобного для сопоставления с другими нормированными экономическими индексами стран. Использование нового милитарного индекса позволит* ***в результате*** *выявить группы стран со сходными комбинациями милитарного, экономического и демографического потенциала.*

Ключевые слова: *мировая экономика; экономические индексы; милитарный индекс; продуктовый индекс; демографический индекс.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.17

УДК 339.97:330.43
ВАК РФ 5.2.5

© Seidametova Z.S., 2022
© Temnenko V.A., 2022

THE WORLD IN ECONOMIC INDICES DEPENDING ON A COUNTRY'S SIZE. V. THE MILITARY INDEX

The purpose of the study *is to introduce, on the basis of The Global Firepower ranking [1], a normalized Military Index MI, which measures quantitatively the relative military capabilities of each country and, interpreting this Military Index as one of the economic characteristics of the country, create the basis for an annual description of the state of the world in a three-dimensional index space {Military Index MI , Product Index PI, Demographic Index DI}, as well as in other spaces of economic indices, which will allow assessing the measure of compliance / non-compliance of the military potential of each country with its economic and demographic potential.* ***The scientific novelty*** *of the research in the introduction of a new normalized Military Index, which is convenient for comparison with other normalized economic indices of countries. The use of the new military index makes it possible,* ***as a result,*** *to identify groups of countries with similar combinations of military, economic, and demographic potential.*

Keywords: *world economy; economic indices; the military index; the product index; the demographic index.*

Introduction

The military potential of any country has many dimensions, consists of many components. An annual assessment of global military capabilities, taking into account the complexity of these capabilities, can be found in the publications of the International Institute for Strategic Studies (IISS), see, for example, [2]. One-dimensional financial assessment of military potentials, based on the analysis of countries' military spending, can be found in the database of the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) [3].

The authors of the article are not specialists in military science. The authors do not seek to study military problems as such. Our intention is to study the military potential as some kind of the economic index that characterizes each country along with its other economic characteristics (GDP, population, etc.). Our goal is to identify and describe the links that exist between military potential and economic potential, or military potential and demographic potential. The study of such relationships can be considered part of economic science. It is obvious that the identification and description of such links that exist in peacetime does not allow us to confidently predict the results of possible future military conflicts. These results are influenced by belonging to military science "intangible factors as fighting morale and leadership … and political power" [4].

The purpose of this study is to construct a normalized Military Index MI based on the military rating [1], which takes into account more than fifty factors. This purpose structures the following tasks: 1) propose and perform some mathematical transformation of PowerIndex [1], in order to obtain a normalized Military Index, convenient for comparison with other dimensionless normalized economic indices, primarily with the Product Index PI (it characterizes the country's GDP) and Demographic Index DI (it is determined by the size of the country's population). The economic indices PI and DI were introduced by us earlier [5], [6]; 2) rationale for the relevance of studying the picture of the world in the {DI, PI, MI}-space based on the statistical data of 2021 as a certain picture of the initial conditions before the global economic transformation unfolding from 2022; 3) presentation of a complete list of countries that have, according to the data of 2021, the indices calculated by us (Military Index MI, Product Index PI, Demographic Index DI) and the ratio of these

SEIDAMETOVA Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

TEMNENKO Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, Republic of Crimea

indices (MI/PI and MI/DI). The theoretical basis of this study was the publications [1], [5], [6]. The practical significance of this study is to prepare the possibility of creating a discrete interval classification of the countries of the world according to the levels of military potential and comparing this classification with a two-dimensional interval classification according to the levels of economic and demographic potential [6].

Main part

From PowerIndex [1] to the Military Index MI. An acceptable basis for constructing the Military Index is the rating of countries by military capabilities The Global Firepower ranking [1]. In this ranking, each country is assigned a number of PowerIndex, based on an undisclosed formula that takes into account dozens of factors. These factors include, but are not limited to, geography, logistical capabilities, the structure of the armed forces, etc. PowerIndex, for which we will use the single-letter designation f, is an expert assessment determined by an undisclosed formula. According to the developers of the rating [1], this formula is designed in such a way that allows small technologically advanced nations to compete with large, but less developed nations. The estimate of f for nuclear powers is based on conventional weapons only, without taking into account the capabilities generated by nuclear weapons.

We will use the f values given in [1] to construct some Military Index MI using the following procedure.

The formula for determining f (unknown to us) is designed so that the value of f is inversely related to the theoretical military capabilities of the country: the smaller f, the greater these capabilities. The ideal level $f=0$ is considered unattainable; for all countries $f>0$. For our purpose of constructing the Military Index MI, we will assume that for some arbitrary country i (let, for example, i be the number of the country in a list of countries with a known value of f, sorted in ascending order of f), the value $1/f_i$ is the estimate of the military threat, that this country creates for other countries. Accordingly, the number $S-(1/f_i)$ (where S is the sum of such threats across all countries: $S=\sum_i(1/f_i)$ estimates the military threat posed by the rest of the world to that country. The estimate of the real relative military threat that we propose is the ratio of one's own military threat $(1/f_i)$ posed by a given country to the military threat posed to this country by the rest of the world $(S-(1/f_i))$. Denoting this relative military threat F_i we can write according to this definition that

$$F_i=(1/f_i)/(S-(1/f_i)),$$

or

$$F_i=1/(f_iS-1). \quad (1)$$

We will introduce the Military Index MI as expressed as a percentage the ratio of F_i to the maximum value $\max_j\{F_j\}$ that some country has in the same year:

$$\mathrm{MI}_i=\frac{F_i}{\max_j\{F_j\}}\cdot 100\ (\%). \quad (2)$$

The normalized Military Index is expressed as a percentage, but we will usually omit the percent symbol (%) when writing MI.

It is easy to prove that if $f_i<f_j$ $(i<j)$, then $F_i>F_j$ and $\mathrm{MI}_i>\mathrm{MI}_j$. Consequently, the non-linear mathematical transformation $f\to\mathrm{MI}$ proposed by us (formulas (1) and (2)) is monotonic, it does not change the position of the country in the "military rating" [1].

The purpose of our study is to calculate the Military Index according to the formulas (1) and (2) proposed by us according to the data on the values of f from [1] and then compare it with the Product Index PI and the Demographic Index DI for all those countries in which the three indices DI, PI, MI are known for 2021.

Economic indices PI and DI were introduced in articles [5], [6] as follows:

$$\mathrm{PI}=\frac{\mathrm{GDP}}{\max\{\mathrm{GDP}\}}\cdot 100\ (\%). \quad (3)$$

$$\mathrm{DI}=\frac{\mathrm{POP}}{\max\{\mathrm{POP}\}}\cdot 100\ (\%). \quad (4)$$

In formula (3) GDP is the Gross Domestic Product of some country in the current year, expressed in current US dollars, and max{GDP} is the maximum value of GDP achieved in the same year in some country in the world, also expressed in current US dollars.

In formula (4) POP is the population of a given country in the current year, and max{POP} is the population of the country with the largest population on Earth in the same year.

The indices PI and DI are expressed as percentages, but we will usually omit the percent symbol (%) when writing these indices.

The economic index PI is a dimensionless and normalized assessment of a country's economic opportunities. The index DI is a dimensionless and normalized assessment of a country's demographic resource.

To calculate the trio of indices {DI, PI, MI}, we use statistics reflecting the state of the world at the end of 2021.

The f_i values in [1] were published in 2022, but they reflect the state for 2021. GDP and POP values for 2021 were taken from the IMF database [7].

From an Age of Peace to Peacetime. We believe that describing the state of the world in 2021 in the three-dimensional space of indices {DI, PI, MI} is extremely important. The military events of 2022 probably provoked a gradually unfolding global geopolitical transformation: a significant reorientation of global raw material, commodity and money flows; the restructuring of military-political alliances and the birth of new alliances; reassessment of the importance of military spending; changing ideas about the optimal structure of the armed forces, etc.

For developing countries, this transformation includes a possible change in the countries that supply modern weapons (see, for example, [8]). However, these changes can take decades [9].

This global transformation is taking place against the backdrop of "an escalation in rhetoric that brought up the unthinkable for the first time in decades: the threat of nuclear war fare, even in the form of small or so-called tactical weapons" [10].

We fix here in this and subsequent articles a certain picture of the world in the three-dimensional space of military, economic and demographic indices before the start of this gigantic transformation.

It should be noted that not all economists share the key idea for us about the global geopolitical transformation that began in 2022. In the softer language of bankers, the beginning era is described as a "global economic uncertainty" [12].

The picture of the world of 2021, which we consider as the initial condition for transformation, is in itself far from any stationary state. The global economy in 2021 is not yet fully recovered from the pandemic shock of 2020. But the pandemic shock is an exogenous phenomenon for the global economy. Countries could, to some extent, coordinate their efforts to overcome the pandemic crisis. The global geopolitical transformation generated by the military events of 2022 is an endogenous phenomenon for the world economy. Global coordination of efforts in the course of this transformation is fundamentally impossible. Large groups of countries compete in this process to obtain the maximum geopolitical benefits from the transformation process.

In a famous report given in the fall of 1973 at the Royal United Services Institute (RUSI) the military historian Michael Howard described the difference between the concepts of an "age of peace" and "peacetime" [13]. According to M. Howard "peacetime suggests an interval between wars when another war is expected and predictable". An age of Peace "is a different phrase to indicate a period when most people do not seriously think that there will ever be a great war again" ([13], p. 3).

It can be assumed that these formulations refer only to a "big" war, or "global" war, in which the great powers take part, since smaller wars never stop.

Within these formulations, three-quarters of a century after the end of WW II was "the age of peace". This era consisted of two parts: the Cold War until 1989 and the following three decades, which were initially erroneously interpreted as "the end of history" [14].

At the beginning of 2022, this long period of the "Age of Peace" ended. Fixing and describing the state of the world in 2021 in the three-dimensional space of indices {DI, PI, MI} describes the initial conditions for the next multi-year period of transformation.

Some signals of the end of this long Age of Peace were visible before 2022. Daniel Yergin in 2020 drew attention to the growing likelihood of the "Thucydides Traps" in US-China relations [15]. With the expression "Thucydides trap", the author of this term, Graham Allison, described the situation "when one great power threatens to displace another, war is almost always the result" [16]. The ancient historian Thucydides (the participant and witness of the events) described a similar situation using the example of the relationship between Athens and Sparta.

List of countries with the known index MI. The electronic appendix to this article (https://bit.ly/3SviXZL) contains a table containing a complete list of countries with a known value of the Military Index MI for 2021, sorted in descending order of the index MI. In addition to the index MI, this table shows for each country its economic indices PI, DI and EPI according to 2021 statistics. Indices PI and DI are defined above by formulas (3) and (4). The economic productivity index EPI, introduced by us earlier (see, for example, [5]), is defined as follows:

$$\mathrm{EPI} = \frac{\mathrm{GDP/PC}}{\max\{\mathrm{GDP/PC}\}} \cdot 100\,(\%),, \qquad (5)$$

where GDP/PC is Gross Domestic Product per capita expressed in current US dollars and max{GDP/PC}

is the maximum GDP/PC reached in the same year in some country, also expressed in current US dollars.

The economic index EPI is expressed as a percentage, but we will usually omit the percent symbol (%) in the EPI entry.

The trio of economic indices PI, DI, EPI contains aggregated information about each country. The Product Index PI characterizes the economic level of the country. The index DI characterizes the demographic resource. The index EPI characterizes the level of development of the country. These three indices are not independent of each other. They are related by some index identity given in [5].

The Military Index MI can be taken as some measure of a country's military capabilities. The index MI is to a certain extent predetermined by the trio of economic indices PI, DI, EPI. This predetermination is statistical in nature. In this series of articles, we would like to reveal some aspects of the relationship between the Military Index MI and the trio of economic indices PI, DI, EPI.

In addition to the indices MI, PI, DI, EPI, the appendix (https://bit.ly/3SviXZL) also indicates the abbreviated name of the country according to the three-letter ISO standard [17]. These abbreviated names will appear in some of the figures in this article series.

The electronic appendix (https://bit.ly/3SviXZL) provides information on 137 countries. Five countries from the list [1] with a known Military Index MI are not in the IMF database [7], from which we borrowed data on GDP and population to calculate the economic indices PI, DI, EPI. This "lost" five includes North Korea (MI=9.06), Syria (MI=6.01), Cuba (MI=3.40), Lebanon (MI=1.45) and Afghanistan (MI=1.23). North Korea and Cuba are pariah countries, in a sense outside the global economy. North Korea poses a serious military threat to surrounding countries by intensifying missile tests [18]. But we do not have data on the economic and demographic potential of this country. Syria and Afghanistan have been areas of armed conflict for many years. Lebanon has long suffered from internal conflicts and bad governance [19], [20]. A combination of these factors leads to the disappearance of these five from world economic statistics.

Conclusions

With the help of a non-linear mathematical transformation of the military rating data the Global Firepower ranking [1], a new normalized Military Index MI has been introduced, which characterizes the relative military capabilities of countries and is convenient for comparison with other economic indices. The rationale of the relevance of studying the picture of the world in the {DI, PI, MI}-space based on the statistical data of 2021 as a certain picture of the initial conditions before the global geopolitical transformation is given.

The electronic appendix contains a complete list of countries that have the known Military Index MI 2021 and other economic indices of this year (PI, DI, EPI, MI/PI, MI/DI).

References:

1. The Global Firepower ranking. – URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php
2. The Military Balance 2022 / International Institute for Strategic Studies (Author). – Routledge; 1st edition (February 15, 2022). – 504 p. – URL: https://www.iiss.org/publications/the-military-balance
3. SIPRI Military Expenditure Database. – URL: https://www.sipri.org/databases/milex
4. Gady, F.-S. Predicting Military Performance can't be perfect. but it can be better // World Politics Review, July 18, 2022. – URL: https://www.worldpoliticsreview.com/
5. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. I. The World on the {Population, GDP}-plane / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT, № 3 (44), 2022. – C. 68-74.
6. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. II. Global Scale Matrix / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT, № 3 (44), 2022. – C. 74-79.
7. The International Monetary Fund [e-resource] / World Economic Outlook database: April 2022. – URL: https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/WEO-Database/2022/WEOApr2022all.ashx
8. The Indian Express, September 21, 2022. – URL: https://indianexpress.com/article/opinion/columns/with-russias-declining-influence-india-needs-a-new-strategy-in-eurasia-8160821/
9. CNBC, September 28, 2022. – URL: https://www.cnbc.com/2022/09/29/indias-military-ties-with-russia-will-endure-for-decades-analyst.html
10. Al-Ahram Weekly Editorial, September 20, 2022. – URL: https://english.ahram.org.eg/NewsContentP/50/476471/AlAhram-Weekly/Diplomacy-rather-than-escalation-in-Ukraine.aspx
11. Daily Sabah, October 05, 2022. – URL: https://www.dailysabah.com/business/defense/russia-ukraine-war-reveals-how-important-military-logistics-are
12. The economic times, CFO news, October 03, 2022. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/banking/finance/banking/india-is-a-shining-star-amid-global-economic-uncertainty-christian-sewing-ceo-deutsche-bank/articleshow/94608069.cms
13. Howard M, Wilson A.J. Military science in an age of peace. The RUSI Journal. 1974 Mar 1;119(1):3-11.
14. Fukuyama F. The end of history and the last man. Simon and Schuster; 2006. – 418 p.
15. Yergin D. The new map: energy, climate, and the clash of nations. – Penguin Press; Illustrated edition (September 15, 2020). – 512 p.

16. Thucydides Trap. – URL: https://foreignpolicy.com/2017/06/09/the-thucydides-trap/
17. ISO 3166-1 alpha-3 [e-resource] / ISO Online Browsing Platform. – URL: https://www.iso.org/obp/ui/
18. The New York Times. The Morning, October 09. 2022. Ian Prasad Philbrick. North Korea's Threat. – URL: https://www.nytimes.com/2022/10/09/briefing/north-korea-nuclear-tests.html
19. World Bank. 2022. Lebanon Public Finance Review: Ponzi Finance? – Washington, DC. – https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/37824
20. World Bank. Press release, August 2, 2022. Lebanon's Ponzi Finance Scheme Has Caused Unprecedented Social and Economic Pain to the Lebanese People. – https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/08/02/lebanon-s-ponzi-finance-scheme-has-caused-unprecedented-social-and-economic-pain-to-the-lebanese-people

МИР В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНДЕКСАХ, ЗАВИСЯЩИХ ОТ РАЗМЕРА СТРАНЫ. VI. ГЛОБАЛЬНЫЙ МИЛИТАРНЫЙ РОЙ НАД ПЛОСКОСТЬЮ {ВВП, НАСЕЛЕНИЕ}

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Темненко Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Цель исследования *– учитывая Милитарный Индекс MI как экономическую переменную, изучить и описать 1D-, 2D- и 3D-распределения стран мира в пространствах экономических индексов. Для достижения этой цели построено одномерное распределение стран по Милитарному Индексу MI в виде Парето-диаграммы и гистограммы; построено 3D-распределение стран в трехмерном пространстве экономических индексов {PI, DI, MI} (глобальный милитарный рой); построены и детально описаны 2D-проекции глобального милитарного роя на плоскости экономических индексов {PI, MI} и {DI, MI}, где Продуктовый индекс PI определяется размером ВВП страны, а Демографический индекс DI определяется численностью населения.* ***Научная новизна*** *заключается в указанных 1D-, 2D- и 3D-распределениях стран, впервые построенных в данной статье. Изучение этих распределений выявляет* ***в результате*** *характеристики статистической связи Милитарного индекса с другими экономическими индексами.*

Ключевые слова: *мировая экономика; экономические индексы; милитарный индекс; продуктовый индекс; демографический индекс.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.18

УДК 339.97:330.43
ВАК РФ 5.2.5

© Seidametova Z.S., 2022
© Temnenko V.A., 2022

THE WORLD IN ECONOMIC INDICES DEPENDING ON A COUNTRY'S SIZE. VI. THE GLOBAL MILITARY SWARM OVER {GDP, POPULATION}-PLANE

SEIDAMETOVA Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

TEMNENKO Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, Republic of Crimea

The purpose of the study *is to study and describe the 1D, 2D and 3D distributions of the countries of the world in the spaces of economic indices taking into account the Military Index MI as an economic variable. To achieve this purpose, a one-dimensional distribution of countries according to the Military Index MI was constructed in the form of a Pareto-diagram and a histogram; a 3D-distribution of countries was built in the three-dimensional space of economic indices {PI, DI, MI} (the global military swarm); 2D-projections of the global military swarm on the planes of economic indices {PI, MI} and {DI, MI} are constructed and described in detail, where the Product Index PI is determined by the size of the country's GDP, and the Demographic Index DI is determined by the population size.* ***The scientific novelty*** *of the research is in these 1D-, 2D- and-3D distributions of countries, that constructed in this paper for the first time. The study of these distributions reveals,* ***as a result,*** *the characteristics of the statistical relationship of the Military Index with other economic indices.*

Keywords: *world economy; economic indices; the military index; the product index; the demographic index.*

Introduction

In the previous paper the normalized Military Index MI was introduced. This index describes the military capabilities of the countries. The normalized index MI was introduced using some monotone nonlinear mathematical transformation of the well-known scale of assessing the military capabilities of countries "The Global Firepower ranking" [1]. The electronic appendix to the previous paper (https://bit.ly/3SviXZL) provides

a complete list of countries for which the Military Index MI is known in 2021, as well as other economic indices. There are 137 countries on this list.

The purpose of this study is to interpret the Military Index MI as one of the economic characteristics of each country, to build 1D-, 2D– and 3D-distributions of the countries of the world in such spaces of economic indices in which one of the coordinate axes is the axis of the MI index. This purpose structures the following tasks: 1) build and describe one-dimensional distributions of countries according to the MI Military Index in the form of a Pareto diagram and a histogram; 2) construct and describe the general features of the 3D distribution of countries in the three-dimensional space of economic indices {PI, DI, MI} ("the global military swarm"); 3) build and describe 2D-projections of the global military swarm on the planes of economic indices {PI, MI} and {DI, MI}, where the Product Index PI is determined by the size of the country's GDP in 2021, and the Demographic Index DI is determined by the population size of the country in 2021. The theoretical basis of this study is the previous paper, as well as papers [2], [3], [4], [5]. The practical significance of this study is to identify statistical relationships between the economic indices PI, DI and the Military Index MI.

Main part

Distribution of countries according to the Military Index MI. The fig. 1 shows the Pareto chart of the distribution of countries according to the Military Index MI in 2021. This chart is based on the electronic supplement (https://bit.ly/3SviXZL) of the previous paper. On the Pareto chart, countries are arranged in descending order of the index MI. We calculated the index MI using formulas (1) and (2) of the previous paper, using PowerIndex f for each country from the database [1]. The list [1] contains 142 countries. For the remaining countries in [1], the PowerIndex value is not given.

These countries not included in the list [1] are small countries with small GDP and small population. Among countries with an unknown Military Index MI, only one country has a Product Index PI greater than one percent: Hong Kong SAR (PI=1.60). But Hong Kong, in the political sense, has already been absorbed and almost "digested" by China, and its military potential has no independent significance. Among countries with an unknown value of the Military Index MI, there are six countries with a Product Index PI from 0.1 to 0.5. All other countries with an unknown MI Military Index have a Product Index PI of less than one tenth of a percent. Countries that do not have a Military Index MI also have a low Demographic Index DI. Only three countries without a known Military Index MI have a Demographic Index DI above one percent in 2021: Malawi (DI=1.52), Senegal (DI=1.22) and Guinea (DI=1.01). All other countries with unknown MI have DI<1.0.

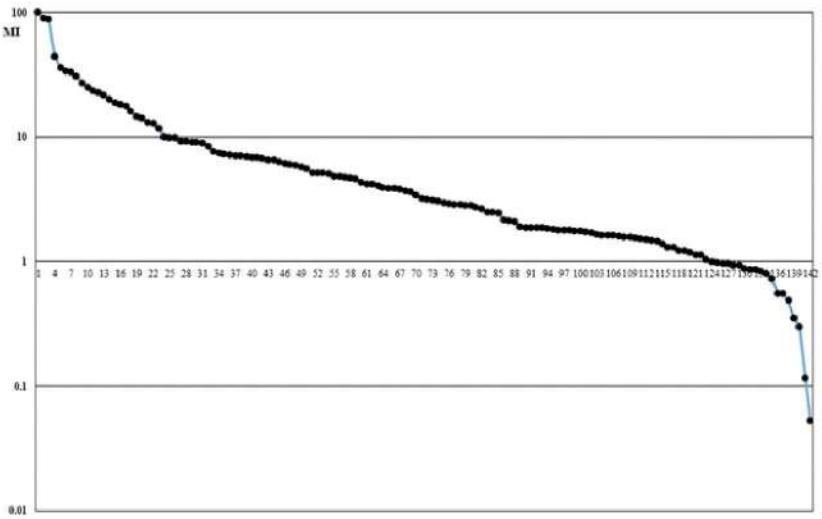
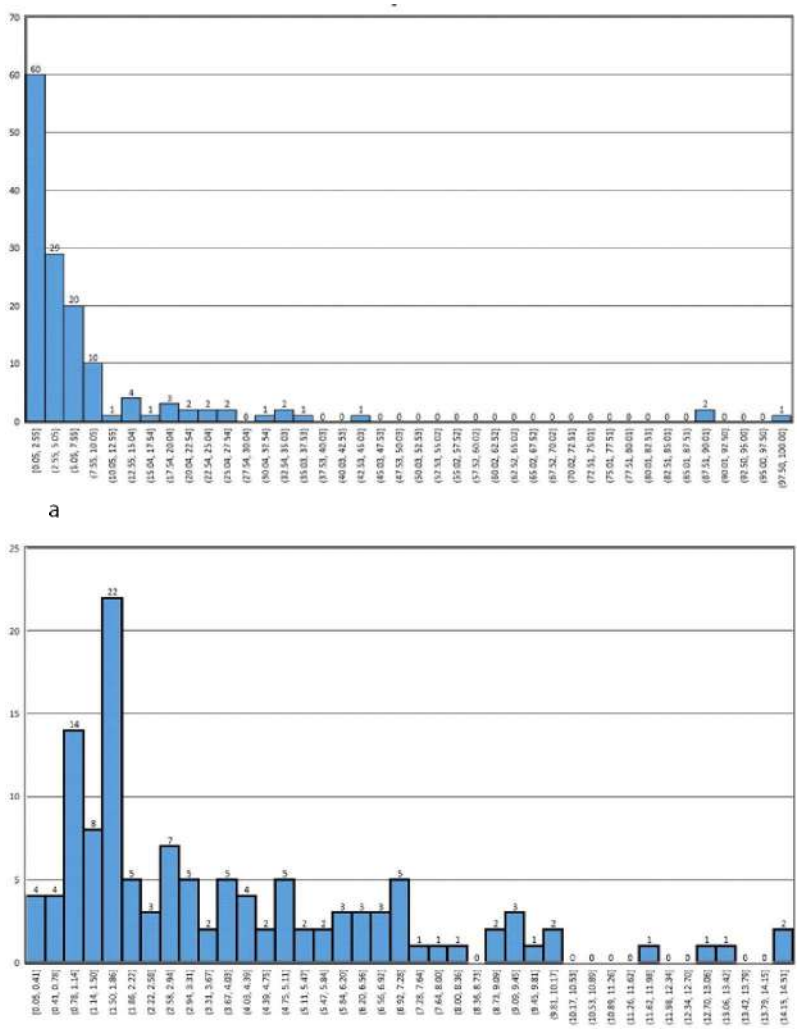

Fig. 1. **Pareto chart of the distribution of countries according to the Military Index MI in 2021**

Pareto chart on the fig. 1 allows to see the following obvious facts: 1) there are three countries with very large values of the Military Index MI; they are United States (MI=100), Russia (MI=89.64) and China (MI=87.75); 2) there is a group of about twenty countries following on the Pareto chart behind this trio of military supergiants; in this group, MI is greater than 10 but less than 45; 3) there is a group of about twenty countries, "closing" the Pareto chart; in this group MI≤1.

There are histograms of the distribution of countries according to the Military Index MI on the fig. 2a and 2b. The first histogram (fig. 2a) displays all 142 countries from the list [1]. On this histogram, as well as on the Pareto diagram in fig. 1, one can see an isolated trinity of the already mentioned military supergiants and two dozen military giants following the supergiants in the interval from MI 10 to MI 45. In the region of small MI (MI<10) fig. 2a creates an idea of a monotonous

increase in the density of countries on the histogram as the index MI decreases. However, this is a false impression. Fig. 2b shows a more detailed picture of the distribution of countries by MI at small MI. This figure shows that the distribution of countries by MI is nonmonotonous: the maximum concentration of countries on the histogram is concentrated in the interval from MI≈1.0 to MI≈2.0. On the histogram in fig. 2b, with a certain degree of conditionality, a group of countries with an index MI from MI≈2.0 to MI≈5.0 and a group of countries with an index MI from MI≈5.0 to MI≈10.0 can be distinguished with a certain degree of conventionality as some substructural elements.

a

b

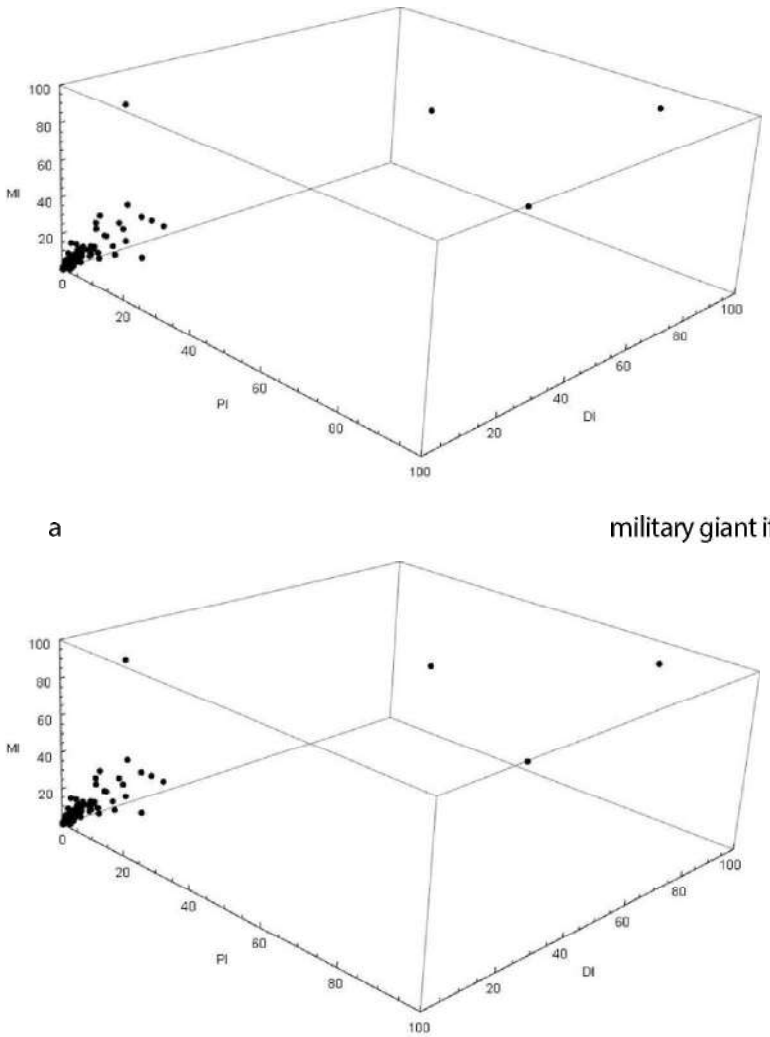
Fig. 2. **Histogram of the distribution of countries according to the Military Index MI in 2021**

We can say that the Pareto diagram and the histogram of the distribution of countries according to the Military Index MI allow us to select such intervals of the axis MI for a more detailed study: 1) Military supergiants (MI>45); 2) Military giants (10<MI<45); 3) Countries on the interval along the MI axis from MI=5 to MI=10; 4) Countries on the interval along the MI axis from MI=2 to MI=5; 5) Countries on the interval along the MI axis from MI=1 and MI=2; 6) Countries with low MI (MI<1).

The Global Military Swarm in 2021. The fig. 3, built according to the data of the electronic appendix (https://bit.ly/3SviXZL) to the previous paper, presents a 3D image of the state of the world in 2021 in a three-dimensional space of indices {DI, PI, MI}. Fig. 3a shows the whole 3D cube in this space with dimensions 100×100×100. There are 137 dots-countries in this figure. Five countries with a known MI index are not listed at https://bit.ly/3SviXZL because other 2021 economic indices are not known for them. The position of each country in the figure is determined by the trio of its indices DI, PI, MI. In this figure, the supergiants are clearly visible isolated from all other points: USA and China (supergiants according to the criteria of all three indices, i.e. economic, demographic and military supergiants); India (supergiant only by the demographic index, according to the other two indices, this country belongs to the class of "giants"; the definition of the terms supergiant, giant according to the PI and DI indices is given in [2] and [3]); Russia (supergiant only by military index). In addition to these four supergiants in Fig. 3a, one can consider another one and a half dozen countries-points belonging to the class of giants. All other dot-countries form a quasi-continuous array in this figure, in which it is difficult to isolate individual dots.

On fig. 3b on a scale slightly enlarged compared to fig. 3a shows only a part of the global cube of economic indices 35×35×35. This part of the global cube contains all the countries of the world, except for the above-mentioned supergiants.

In the fig. 3b you can see how isolated points are about three dozen countries, the rest again appear as an almost continuous array in which it is difficult to see individual countries.

a

b

Fig. 3. **The Global Military Swarm 2021 in the 3-dimensional {DI, PI, MI}-space**

To study the structure of this global military swarm, special tools are needed. The one-dimensional distributions of countries according to the military index (fig. 1 and fig. 2) carry too little information. The three-dimensional distribution in {DI, PI, MI}-space is not very convenient for analysis.

Distribution of countries on the plane {PI, MI}. Fig. 4 (a, b, c, d, e) shows the distribution of countries on the plane of economic indices {PI, MI} in 2021. The Product Index PI introduced by us in [2] is related to GDP by a simple relationship:

$$\mathrm{PI} = \frac{\mathrm{GDP}}{\max\{\mathrm{GDP}\}} \cdot 100\,(\%). \qquad (1)$$

where the numerator is the country's GDP in 2021, expressed in current US dollars, and the denominator is the maximum GDP value achieved in 2021 in some country in the world (such a country is the United States). The PI product index is expressed as a percentage, but we will generally omit the percent symbol (%) in the PI entry.

In all figures 4, countries are designated by standard three-letter abbreviated names according to the international standard [6]. These abbreviated names are given in the electronic appendix to the previous paper. Fig. 4 is based on data provided in this appendix.

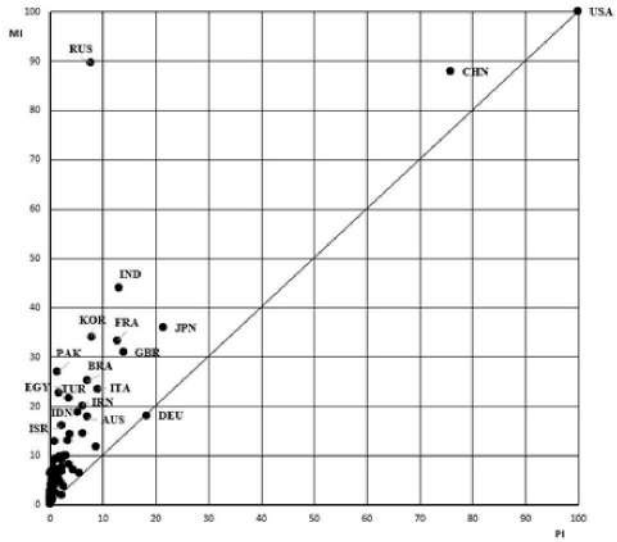
Fig. 4a shows the names of three countries of military supergiants (USA, Russia, China) and fifteen countries from among the military giants. We define a country as a military giant if its Military MI belongs to the interval $(10, \mathrm{MI}_{\mathrm{IND}}]$, where $\mathrm{MI}_{\mathrm{IND}}$=44.13 is the Indian Military Index. The country with the lowest MI, whose name is inscribed in Fig. 4a, is Israel (MI=16.08). In the group of Military Giants there are six more countries whose names we have not shown in Fig. 4a, in order not to clutter the figure. These countries have a Military Index less than Israel. These are Spain (MI=14.51), Saudi Arabia (MI=14.19), Taiwan Province of China (MI=13.07), Ukraine (MI=12.87), Canada (MI=11.66) and Poland (MI=10.03) The country name "Taiwan" is given in the form as it is used in the IMF databases.

Fig. 4a shows the main diagonal of the figure. On this line MI=PI. We called this diagonal the "security boundary by economic criterion". The same "security boundary" is shown in the remaining figures 4 b, c, d, e. There are (as of 2021) only two countries in the world with an MI/PI ratio less than one. These are Ireland (MI=1.80, MI/PI=0.83) and Iceland (MI=0.053, MI/PI=0.48). The USA are directly on this "security boundary" (MI=100, PI=100). Almost on this "security boundary" is Germany (MI=18.18, MI/PI=0.99). All other countries in 2021 had an MI/PI ratio greater than one.

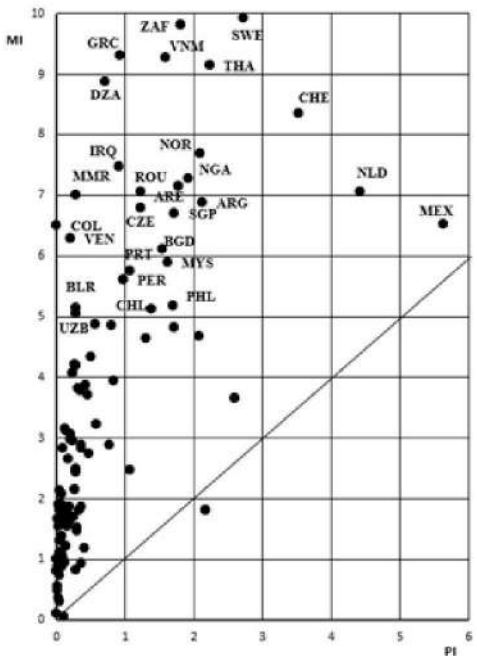
Fig. 4b, 4c, 4d, 4e are obtained sequentially from fig. 4a using the "magnifying glass method" – by zooming in along the axes of the indices PI and MI in order to see the details of the distribution of countries on the {PI, MI}-plane at small values of PI and MI.

Fig. 4b is inscribed with the ISO abbreviated names of 28 countries whose military index MI belongs to the interval (5, 10]. These countries, approximately equivalent in terms of military

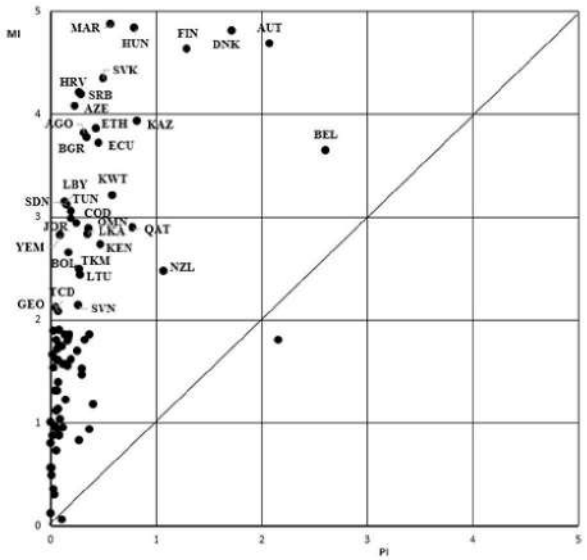
capabilities, represent a mixture of countries with very different levels of economic productivity. Six of them are among the most productive, called 'hot' economies (Sweden, Switzerland, Norway, United Arab Emirates, Netherlands, Singapore) Three countries belong to the so-called "warm" economies (Greece, Czech Republic, Portugal) The rest belong to low-productive "cold" economies. For definitions of the terms "hot", "warm", and "cold" economies, see [2] and [3]. Some countries with a "cold" economy must stress their economic capabilities hard enough to provide those high enough values of the Military Index shown in fig. 4b. The record holders are Venezuela (MI/PI=31.0) and Myanmar (MI/PI=24.71). The high level of military concern inherent in these countries.

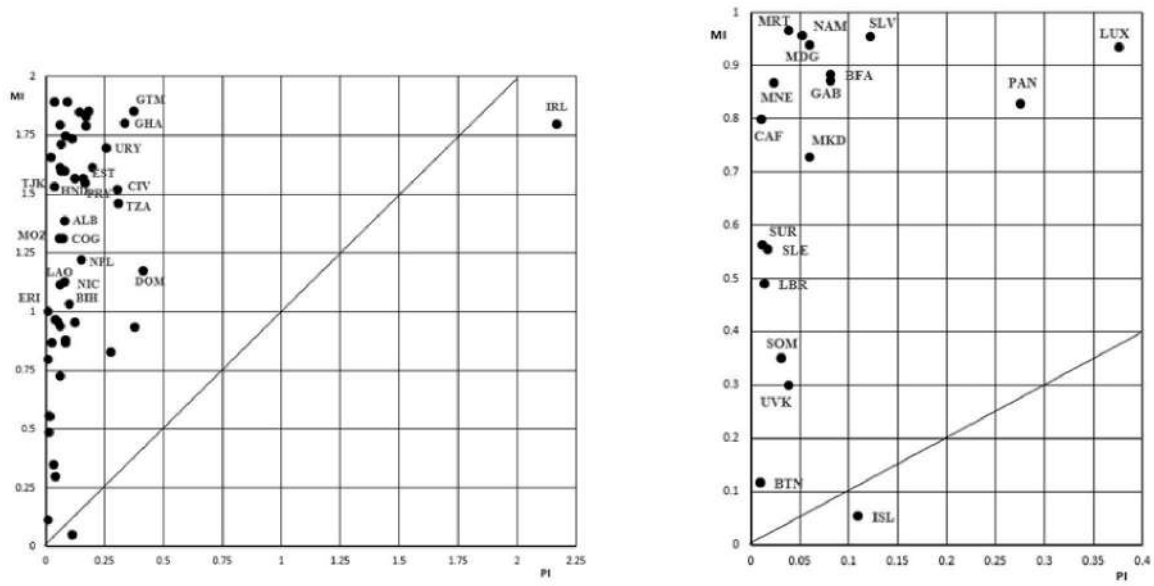
a

b

c

d e

Fig. 4. **Distribution of countries on the plane of economic indices {PI, MI}**

On fig. 4c the abbreviated names of thirty-three countries are inscribed, the Military Index of which belongs to the interval (2; 5]. This group of countries, approximately equivalent in military capabilities, is a mixture of countries that differ very much in economic productivity. Six countries from this group are among the most productive "hot" economies (Denmark, Austria, Finland, Belgium, Qatar, New Zealand). Seven countries of this group belong to fairly productive "warm" economies (Hungary, Slovak Republic, Croatia, Kuwait, Oman, Lithuania, Slovenia). Twenty countries of this group groups belong to "cold", low-productive economies. Some of them, in order to maintain the desired level of the Military Index MI, must strain their economic capabilities quite strongly. Record holders in this sense are Chad (MI/PI=41.33), Yemen (MI/PI= 29.49), Georgia (MI/PI=25.58).

On fig. 4d, we focus on the group of countries that have a Military Index MI belonging to the interval (1; 2]. This group includes 33 countries. The figure shows the abbreviated names of eighteen countries in this group. The names of the remaining countries in this group are not shown in the figure so as not to clutter up the figure. The entire list of countries in this group can be found by the reader using the electronic appendix to the previous paper https://bit.ly/3SviXZL, in which the countries are listed in descending order of the index MI.

In this group of thirty-three countries, only one country belongs to highly productive "hot" economies. This is Ireland (MI=1.80, MI/PI=0.83). Four countries belong to the "warm" economies: Latvia (MI=1.83, MI/PI=10.73), Bahrain (MI=1.79, MI/PI=10.58), Uruguay (MI=1.70, MI/PI=6.57), Estonia (MI=1.57, MI/PI=9.94). The rest of the countries in this group belong to low-productive "cold" economies. Some of them have a very high MI/PI ratio, which is necessary in order to provide the desired level of the Military Index with a low GDP. The record holders here are South Sudan (MI/PI=73.86), Kyrgyz Republic (MI/PI=50.93), Tajikistan (MI/PI=41.56).

Fig. 4e shows the abbreviated names of the nineteen least militarized countries with a Military Index MI of less than one percent. In this group, two countries belong to the "hot" economies. These are Luxembourg (MI=0.93, MI/PI=2.48) and Iceland (MI=0.053, MI/PI=0.48). All other countries in this group belong to the "cold" economies. Some of them have an abnormally high MI/PI ratio, which is necessary to maintain an acceptable level of the Military Index for the country, despite the low GDP value. The record holders here are Eritrea (MI=1.00, MI/PI=101.37), Central African Republic (MI=0.80, MI/PI=70.93) and Suriname (MI=0.56, MI/PI=45.12).

Distribution of countries on the {DI, MI}-*plane*. Fig. 5 (a, b, c, d, e) shows the distribution of countries on the plane "Military Index MI / Demographic Index DI".

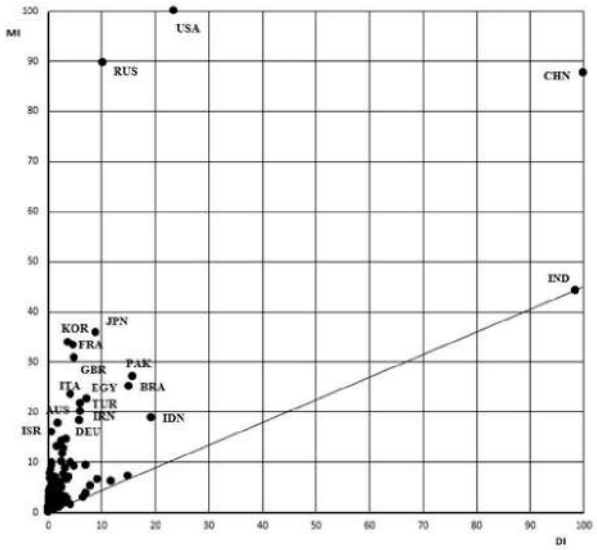
Demographic Index DI was introduced by us in papers [2], [3]. It is defined by the following formula:

$$DI = \frac{POP}{\max\{POP\}} \cdot 100\ (\%). \qquad (2)$$

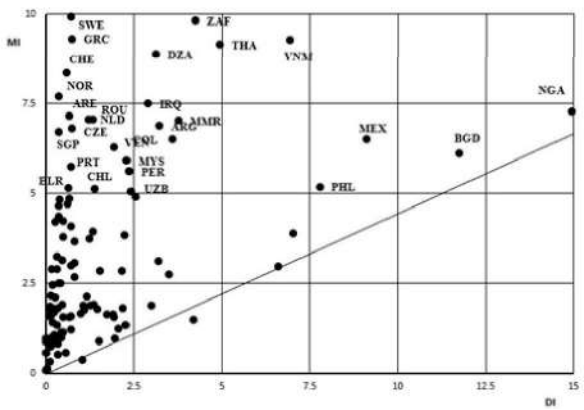
The numerator of this formula is the population of the country in 2021, and the denominator is the population of the most populous country in 2021 (China). The index DI is defined as a percentage, but we usually omit the percent symbol (%) when writing this index.

Figure 5 does not need a detailed description. The transition from fig. 5a to fig. 5e follows the same "magnifying glass method" that was used in constructing fig. 4. In fig. 5 is inscribed with abbreviated names of the same countries as in fig.4.

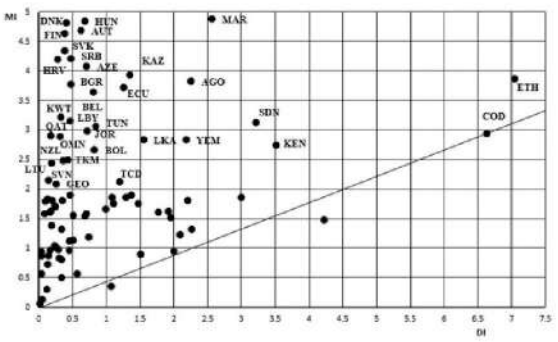
What is the difference between figures 4 and 5? The difference between these drawings is in the position of the "security boundary". This "security boundary" according to the demographic criterion is drawn as a line with a slope MI/DI=$(MI/DI)_{IND}$=0.4478. India has this MI/DI ratio. Another country has almost the same MI/DI ratio: Dem. Rep. of Congo (MI/DI=0.4429). Only two countries in the world have a MI/DI ratio below this "Indian security boundary". These are Tanzania (MI=1.46; MI/DI=0.346) and Somalia (MI=0.35; MI/DI=0.325). All other countries in the world have MI/DI>$(MI/DI)_{IND}$

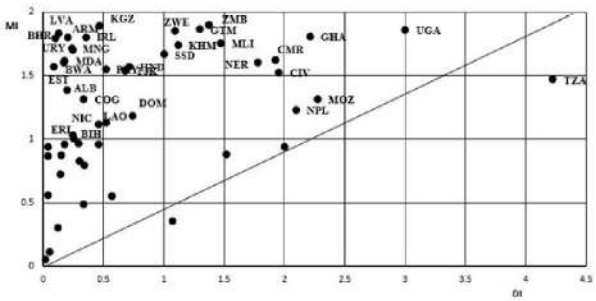
a

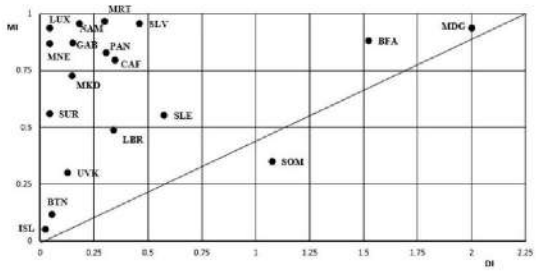
b

c

d

e

Fig. 5. **Distribution of countries on the plane of economic indices {DI, MI}**

Conclusions

The paper presents and analyzes the one-dimensional distribution of countries according to the Military Index MI. The two-dimensional distributions of countries on the planes "Military Index / Product Index" and "Military Index / Demographic Index" are also presented and described. These two-dimensional distributions characterize the impact of each country's economic and demographic capabilities on that country's military capabilities. It is noted that some low production countries with a "cold" economy must significantly strain their economic opportunities to build an acceptable value of the Military Index for them.

References:

1. The Global Firepower ranking. – URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php
2. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. I. The World on the {Population, GDP}-plane / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT, № 3 (44), 2022. – С. 68-74.
3. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. II. Global Scale Matrix / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT, № 3 (44), 2022. – С. 74-79.
4. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. III. The Absolute Power Index / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета, № 4 (78), 2022. – С. 131-138.
5. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. IV. The Absolute Power / Productivity Matrix / Z. S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета, № 4 (78), 2022. – С. 138-144.
6. ISO 3166-1 alpha-3 [e-resource] / ISO Online Browsing Platform. – URL: https://www.iso.org/obp/ui/

SOCIAL NORM AS A FUNCTIONAL APPARATUS OF SOCIALITY

Burlova Yuliya Alexandrovna, *PhD of Judicial sciences, Police Lieutenant Colonel, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (branch), Stavropol*

Baklanova Olga Alexandrovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Institute for the Humanities, North-Caucasian Federal University, Stavropol*

The purpose of the study *is to consider the social norm as a formal foundation of sociality. The relevance is due to the lack of a unified idea of the phenomenon of sociality. Anthropological and sociological approaches to the study of sociality are opposed, which, according to the authors of the article, despite all the differences, agree that the social world (ordering) and the human world (individualizing) meet in the social norm. And the social norm, in turn, fixes and reflects this ratio of individualizing and generalizing principles. And fixes this ratio with the help of projection in the value of culture. The result of this process is the transformation of a person into a social subject, his rejection of personal goals and the acceptance of public (often opposite to the first).* ***As a result*** *of the study, the social norm is represented by an expression of sociality, a form of "forced compatibility" that limits the freedom of the individual, but at the same time standardizes his behavior and consciousness, acquiring an external coercive force in relation to the individual.*

Keywords: *sociality; norm; society; normativity; social subject; normative system; normative consciousness; social consciousness; anthropology.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.19

УДК 316.4
ВАК РФ 5.7.7

© Бурлова Ю.А., 2022
© Бакланова О.А., 2022

СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОСТИ

Цель исследования *– рассмотреть социальную норму как формальное основание социальности. Актуальность обусловлена недостатком единого представления о феномене социальности. Противопоставлены антропологический и социологический подходы к исследованию социальности, которые, по мнению авторов статьи, при всех различиях, сходятся в том, что общественный мир (упорядочивающий) и мир человека (индивидуализирующий) встречаются в социальной норме. А социальная норма, в свою очередь, фиксирует и отражает это соотношение индивидуализирующего и генерализирующего начал. И закрепляет данное соотношение с помощью проекции в ценности культуры. Результатом этого процесса становится превращение человека в социального субъекта, отказ его от личных целей и принятие общественных (часто противоположных первым).* ***В результате*** *исследования социальная норма представлена в качестве выражения социальности, формы "вынужденной совместности", ограничивающей свободу индивида, но, вместе с тем, стандартизирующей его поведение и сознание, обретающей по отношению к индивиду внешнюю принудительную силу.*

Ключевые слова: *социальность; норма; общество; нормативность; социальный субъект; нормативная система; нормативное сознание; общественное сознание; антропология.*

БУРЛОВА Юлия Александровна, *кандидат юридических наук, подполковник полиции, профессор, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (филиал), Ставрополь*

БАКЛАНОВА Ольга Александровна, *кандидат философских наук, доцент, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь*

Социальная норма как кодифицированная связь индивида и общества, одновременно представляет собой медиатор и регулятор отношений части и целого. Индивид не имеет прямой соотнесённости с обществом, вступая в коммуникацию с другим человеком, он не встречается автоматически с обществом. Когда человек хочет общаться с обществом, он всегда обращается к другому человеку или к группе людей. Происходит коммуникация индивидов. Встреча же человека с обществом как таковым всегда относительна и опосредована такими сложными символическими медиумами, как социальные нормы.

С обществом нельзя поговорить непосредственно, но можно опосредованно, когда акт личностной воли становится нормой или направлен на деструкцию (трансформацию) нормы. Оставаясь "человеком", субъект не способен на эту коммуникацию. Переход от человеческого самосознания к рефлексии социальности осуществляется лишь тогда, когда индивид формирует нормативное сознание, то есть, когда индивид приобретает сознание и статус социаль-

ного субъекта. И в этом случае встреча двух индивидов становится опосредованной нормой, и уже может нести в себе не стихийное личностное общение, а социальное, нормированное.

В исследовательских проектах социальной философии, посвященных нормативному сознанию и социальным нормам как основаниям социальности, чаще всего именно превращение индивида в "социального субъекта" (то есть, процесс формирования нормативного сознания) вызывает наибольшую проблему. Это не всегда поддающийся рефлексии процесс, имеющий явные и скрытые состояния. Существует целый ряд исследовательских линий анализа социального субъекта. Эти линии соотносятся с периодами новейшей истории, имеющими ключевое значение в формировании общественного и индивидуального мировоззрения.

Социальный субъект разрабатывался в разных аспектах множеством разных авторитетных мыслителей, например, М. Вебером, К. Марксом, Г. Гегелем, Э. Гуссерлем, В. Дильтеем, Э. Дюркгеймом, Г. Риккертом, Ж.-П. Сартром, Т. Парсонсом, К. Поппером, З. Фрейдом, В. Франклом, Ю. Хабермасом, М. Хайдеггером, К. Юнгом, К. Ясперсом и многими другими. В условиях различного рода социально-экономических, политических и других трансформаций современных общественных отношений, анализ линий осмысления социального субъекта может быть разным, социоцентричным, антропоцентричным, феноменологическим или иным. Однако любое обращение к социальности как упорядочиванию стихийных личностных коммуникаций и превращению их в общественные, отсылает к анализу нормативности. И, в этом случае, функционирующее нормативное сознание оказывается формообразующим и регулирующим медиаторным звеном, скрепой, на которой формируется социальность.

В российской социальной теории проблемами нормативного сознания и социальности занимались такие видные ученые, как: В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко, М.К. Мамардашвили, В.А. Лекторский, А.Ф. Лосев, Г.В. Осипов и многие другие. "Социальный субъект" оказывается сложным и многомерным в своем прочтении. Однако переход индивидуального в общественное всегда неким образом сопряжен с проблемой автономности и гетерономности социального субъекта [1, 139]. Точнее, проблема возникает тогда и там, где речь идет о соотношении автономии и гетерономии символической детерминации субъектов социального действия. Нормы как системные образования оказывают детерминирующее воздействие на индивида, влияют на него открыто и скрыто (неявно, через процессы "криптонормирования"). Однако все отношения, которые можно отнести к общественным, так или иначе, подчинены какому-либо виду норм. Этот переход показывает, что существует, как минимум, два больших аспекта понимания и представлений о социальности: ее можно увидеть как из антропологического ракурса, так и из социального.

Социальность, понятая социоцентристски, уводит исследователя в структурно-функциональный (институциональный или любой другой) формат, в котором встречаются и каким-либо образом характеризуются (с функциональной точки зрения) упорядоченные и воспроизводящиеся важнейшие общественные отношения. Эти отношения проецируются на культуру и в каждом обществе создают неповторимый социокультурный "рисунок" социальности, исследуя который можно говорить о проблемах, перспективах социальности в данном обществе.

Социальность, просматриваемая из антропологического ракурса, всегда выступает как репрессивная рамка, враждебная по отношению к человеку [4, 239], она ограничивает его свободу, делает ее относительной и принуждает к выполнению социальных правил в ущерб собственным интересам (причём, по-видимому, этот разрыв между личным и общественным отчётливее всего просматривается в периоды кризисов, смен общественного устройства, переломных эпох; пока этих кризисов не происходит, социальность мало отделима от личности, она едва ли рефлексируется как репрессивная форма, противопоставленная личности).

Антропологические основания социальности рассматривались исследователями в рамках разных направлений. Например, были среди них такие, которые понимали социальность не только как человеческое свойство, а свойство множества "социальных" (коллективных) живых существ. У. Уиллер в начале XX века исследовал муравьев как единый "сверх-организм" и начал разговор об их социальности [7, 310] Он вдохновлялся в своих трудах идеями зоосоциологии А. Эспинаса [6], проводящими однозначные биологические параллели между коллективизмом животных и коллективной жизнью людей. Именно это направление задало основу для так называемого "антропоморфизма" понятийного аппарата исследователей мира социальных животных,

которых описывали через метафоры человеческого общества.

Социальную норму мы понимаем как социальный регулятор, фиксирующий, унифицирующий и формализующий значимые культурные образцы, накопленный социальный опыт. Именно здесь, в этом понятии происходит демаркация животной, биологической "социальности" от человеческой, культурной. Человек не имеет такого регулятора поведения как инстинкт, соединяющего общественное и индивидуальное, а животные, в свою очередь, не имеют культуры, способной преодолевать этот инстинкт и раскрывать в человеке два мира – приватный и социальный. Именно в культуре свершается рефлексия существующего социального порядка, а значит, осознание возможностей для его изменения, преодоления его биологической инвариантности.

Д. Блур в своей работе "Знания и социальная образность" отмечал, что такое представление о социальности рождалось в столкновении двух идеологических направлений – просвещения и романтизма, первое из которых условно можно назвать "коллективистским", а второе – "индивидуалистическим" [5]. Однако, каким бы образом ни была понята социальность: как первичная реальность, формирующая человека (социоцентризм) или как "вторичная", репрессивная по отношению к человеку реальность (антропоцентризм), исследователи достаточно единодушны во мнении, что норма и нормативное сознание играют важнейшую опосредующую роль во взаимодействии этих двух реальностей.

Для нас важно то, что нормы имеют ценностную и деонтическую составляющую. Первая объясняет значимость для общества данного образца поведения, вторая – регламентирует его требованиями долга. Первый элемент всегда исторически детерминирован, подчинен изменчивым ценностным предпочтениям и культурным проекциям общественного сознания. Второй элемент связан с деонтическими операторами обязанности, долга, правопредоставления, запрещения. Однако хотя второй элемент социальной нормы выглядит как более строгий и инвариантный, он также подвержен влиянию культуры, поскольку требование долга в разных культурных системах может носить более-менее относительный характер.

И эссенциалистский коллективизм эпохи раннего Модерна, и европейский методологический индивидуализм позднего Модерна одинаково детерминированы пониманием социальной нормы как функционального элемента, связывающего антропологический мир с социальным. Для коллективистской установки Просвещения (все еще имеющего в своем основании христианское мировоззрение) был характерен поиск универсальных законов социального бытия и установка "общее первично, частное – производно, вторично" [5]. Индивид является в этой схеме лишь производной от универсального неизменного бытия, причем (по старой христианской привычке) часто девиационной, отклоняющейся, "свободной" (с негативной коннотацией свободы). Нормативность в этой схеме очень часто представляется не сама по себе, а как проекция высшего бытия, корреляции с миром божественного (а для уже вполне светских романтиков Просвещения – вечного и неизменного бытия). Религиозная нормативность в Европе в это время начинает постепенно уступать мировоззренческую пальму первенства правовой, однако установка эссенциализма от этого никуда не уходит. Эссенциализм просто переопределяется на светский манер и остается в базовых культурных схемах.

Для преодоления эссенциализма потребовались столетия исследования истории, переоткрытие динамического аспекта социальности и его роли в формировании общественного сознания. По сути, нужна была вся спекулятивная рефлексия немецкой классической философии и исследовательская работа феноменологии для того, чтобы социальность снова оказалась в фокусе пристального внимания философов, историков и культурологов, желающих понять "общественное", не сводимое к индивидуальному и индивидуальное, не выводимое из общественного. А также их взаимную связь.

Человек оказался больше, чем часть общества, а общество больше – чем сумма его индивидов. Эта сложная диалектика части и целого, рассматриваемая как минимум, с двух сторон, запустила целые цепочки новых исследований в социологических и гуманитарных (антропологических) науках. Эссенциалистские ценности раннего Модерна оказались под вопросом, потому что исследователи истории внезапно обнаружили, что "факт" более значим, чем "закономерность" (он ее и создает, и уничтожает, он – ее основание). Это в конце XX века привело историков философии к переходу в другую крайность – к выводу о том, что в истории закономерность вообще не имеет значения, что она "сверхреальна", спекулятивна, а значим и ценен только исторический факт. Та же самая генеральная установка вывела исследователей в крайности методологи-

ческого индивидуализма, непропорционально и необоснованно укрупнив индивида по сравнению с обществом, сделав его абсолютным, единственным творцом истории, наделяя безусловной ценностью [2, 16].

И этот методологический ракурс, при всей его безусловной продуктивности и ценности, имел и имеет свои недостатки. Индивидуализм склоняет исследователя к пренебрежению общими закономерностями, заставляет все из них считать спекуляциями и отказываться от любых обобщающих схем, считая их избыточными.

Таким образом, настоящее понимание несводимости этих двух уровней человеческого бытия начинается с понимания того, что нет и не может быть универсальных законов, ни для общественного, ни для человеческого бытия. Каждое из них может быть отрефлексировано в качестве независимой онтологической или культурной реальности. Причем, символические характеристики обеих этих реальностей сильно зависят от того, кто о них говорит. "Действительно, в кризисных ситуациях человек и социальность как бы расходятся, но опять-таки не для всех. Для кого социальность устроена несправедливо? По Марксу, для рабочих, а для капиталистов нет" [4, 243]. В решении вопроса о социальности и ее значениях не на что гносеологически или аксиологически опереться, он всегда ставится индивидуально и не может быть обобщен в качестве универсальной закономерности. Индивидуальное прорастает в социальное с аксиологическими значениями. Социальное прорастает в быт индивида с нормативными унификациями.

Литература:

1. Бакланов И.С., Бакланова О.А., Похилько А.Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 136-144.
2. Микеева О.А. Индивидуализм как парадигмальный принцип социального познания: дис. … канд. философ. н. / Северо-Кавказский государственный технический университет. – Армавир, 2008. – 189 с.
3. Моркина Ю.С. Социальная теория познания Д. Блура: истоки и философский смысл. – М.: Канон+; Реабилитация, 2012. – 256 с.
4. Резник Ю.М., Розин В.М. Враждебна ли социальность человеку? (28 января 2020 г.) // Личность. Культура. Общество. – 2020. – Том XXII. – Вып. 1-2 (№ 105-106). – С. 239-255.
5. Bloor D. Knowledge and Social Imagery / The University of Chicago Press. – Chicago, 1991. – 200 p.
6. Espinas A. Des soci?t?s animales. – 2nd ed., augmentee d'une introduction sur l'histoire de la sociologie en general. – Paris: Bailliere, 1878. – 590 p.
7. Wheeler W.M. The ant-colony as an organism // Journal of Morphology. – 1911. – Vol. 22. – No. 2. – P. 307 325.

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT OF CREATIVITY, ITS ELEMENTS, TOOLS AND THEIR OPTIMAL IMPLEMENTATION

Kolesova Olga Valentinovna, *DSc of Philosophy, Associate Professor, Nizhegorodsky State University of N.I. Lobachevsky National Researching University, Nizhny Novgorod*

The purpose of the study *is to comprehend the possibilities for the formation of creative thinking. For this purpose, an analysis of the possibilities for the formation of creative thinking was made. The study provides an interpretation of the concepts of creativity and creativity in the pedagogical and psychological contexts. A philosophical understanding of the concept is proposed. The author in his vision relies on the spiritual foundations of human essence. The understanding of creativity and creativity is presented from similar positions as a result of the interaction of logical and intuitive elements of thinking. The detailing of the elements of thinking is given as the allocation of tools for thinking. The distinction between natural and constructed tools of thinking is indicated. The relevance of mastering the tools of thinking in determining the main tasks of the educational system is displayed. The efforts aimed at creating the theoretical and methodological foundations of creative pedagogy and psychology in the works of domestic and foreign researchers are summed up. The use of thinking tools in educational processes of different levels is shown.* ***Scientific novelty*** *lies in the philosophical understanding of the concept of creativity, its elements, tools and their optimal implementation.*

Keywords: *creativity; creative work; spirituality; transmuted forms; thinking elements; thinking tools.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.20

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ КРЕАТИВНОСТИ, ЕГО ЭЛЕМЕНТОВ, ИНСТРУМЕНТОВ И ИХ ОПТИМАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

УДК 16
ВАК РФ 5.7.8

Цель исследования *– осмысление возможностей формирования креативного мышления. С этой целью произведён анализ возможностей формирования*

© Колесова О.В., 2022

креативного мышления. В ходе исследования даётся трактовка понятий творчества и креативности в педагогическом и психологическом контекстах. Предлагается философское осмысление понятия. Автор в своём видении опирается на духовные основания человеческой сущности. Понимание творчества и креативности представлено с аналогичных позиций как результат взаимодействия логического и интуитивного элементов мышления. Даётся детализация элементов мышления как выделение инструментов мышления. Обозначено различение естественных и сконструированных инструментов мышления. Отображена востребованность овладения инструментами мышления в определении главных задач образовательной системы. Суммированы усилия, направленные на создание теоретико-методологических основ креативной педагогики и психологии в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Показано применение инструментов мышления в учебных процессах разных уровней. ***Научная новизна*** *заключается в философском осмыслении понятия креативности, его элементов, инструментов и их оптимальной реализации.*

Ключевые слова: *креативность; творчество; духовность; превращенная форма; элементы мышления; инструменты мышления.*

Определяющей характеристикой сегодняшнего общества и культуры как таковой является присущая ей инновационность – внедрённые новшества. Инновационность – понятие, отражающее деятельностный подход. Таким образом, с одной стороны, фиксируется творческая, креативная сущность человека, с другой – позиционируется необходимость в формировании человека, способного отвечать вызовам современности. Эти вызовы обусловлены новыми технологиями, глобализацией, проблемами демографии.

Для решения стоящих задач современному человеку, помимо профессиональных навыков и умений, необходимо иметь определённые характеристики мышления. На всемирном экономическом форуме была представлена модель образования, центральную часть которой составляют компетенции "4К": креативность, критическое мышление, коммуникация и кооперация. Они являются прерогативой для стран, занимающих лидирующие позиции в области образования [26].

При ранжировании образовательных результатов в нормативных документах таких стран, как Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Япония, Вьетнам ведущие позиции в нормативных документах занимают именно эти компетенции. Более развёрнутое исследование, проходившее с участием 152 стран, показало те же самые компетенции [25].

Современная культура проблематизирует задачу креативного мышления не для отдельных одарённых личностей, а для представителей общества как таковых, как условие их конкурентной способности и выживания.

Методологической основой статьи стали междисциплинарный, структуралистский и герменевтический подходы и общенаучные методы.

Соотношение понятий "творчество" и "креативность". Зарубежные и отечественные исследователи демонстрируют различия в подходах к пониманию творчества и креативности (от лат. creation – творение).

Мы можем отследить это в контекстах педагогики и психологии [21]. Производя сравнительный анализ понятий, С.В. Рожкова приходит к заключению о том, что креативность подразумевает переключение мыслительного процесса с обыденного контекста на необычную ситуацию, где становится возможным соединение

КОЛЕСОВА Ольга Валентиновна, *доктор философских наук, доцент, НИУ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород*

несоединимого. Сущность творчества она трактует как создание нового, не существовавшего ранее, необычного, характеризуемого с позиций ценности и пользы. Она выделяет признаки творчества: оригинальность, уникальность нового целого, произведённого из элементов старого, благодаря особому видению этого предмета творческой личностью" [20].

Исследуя природу креативного мышления и креативности личности, В. М. Голубова выделяет в истории психологии два подхода к её пониманию: когнитивный (познавательный) и личностный [6, 1067]. Первый сосредоточен на исследовании когнитивных процессов [7; 18], а второй – на развитии холистических идей по отношению к человеку, в опоре на развитие его позитивных возможностей [13]. Голубова полагает, что продуктивным в настоящее время становится поиск возможностей изучения креативности с позиций единства познавательных и личностных переменных [6, 1069]. Опыт отечественных интегративных исследований представлен в работах Д.Б. Богоявленской [1; 2], А.М. Матюшкина [14], Л.Б. Ермолаевой-Томиной [8]. Каждый из приведённых авторов согласует в своём представлении о творчестве интеллектуальные способности и проявления, связанные со стимулирующими переживаниями субъекта по поводу новых решений.

Думается, что для того, чтобы обосновать то или иное отношение к понятиям "творчества", "креативности" и продуктивности применяемых в настоящее время подходов к ним, полезно обратиться не только к психолого-педагогическим, но философским аспектам их понимания. Для этого необходимо увидеть проблему более широко, задаться вопросом о том, как возможно творчество, в чём заключаются его предпосылки?

Осмысление креативной сущности человека происходило в философском и научном дискурсах как в теоретическом, так и в прагматическом аспектах. Необходимо заметить, что для понимания феномена креативности необходимо обратиться к самой природе человеческого восприятия, которая, по мнению К. Ясперса, прежде всего, определена тем, что человек характеризуется конечностью, с одной стороны, а с другой – человеческая конечность не является замкнутой подобно бытию животного. Эта особенность человеческой сущности, согласно мыслителю, сделала человека способным "преступать пределы своего наличного бытия и мира" [24].

Такая возможность связывается с духовностью – сверхприродным началом человека. Семантическое значение понятия "духовность" ("дух" – Geist) имеет весьма обширное поле значений [23]. Наглядную картину феномена создают его многочисленные описательные определения. Представляется значимым акцентировать внимание на понимании духа в следующих аспектах:

– как культурного феномена ("инстинкта культуры", по выражению Я. Голосовкера) [5];

– на понимании духа с позиций дихотомий: дух – материя; дух – душа; субъективный – объективный дух.

В этой связи, мы предлагаем понимать духовность как культурный феномен, качественно определяющий интенцию (направленность) культуры, имеющий выражение, как на уровне личности, так и на уровне социального образования, содержательное наполнение которого составляют рациональная и иррациональная компоненты [11].

Духовность многогранна, она вбирает в себя рациональное и эмоционально-аффективное, познавательное и ценностно-мотивационное выражения, осознанное и смутно-ощущаемое, ориентированное на внешний и на внутренний мир поведение. Она содержит в себе всё, что наличествует. Человеческая духовность представлена не только идеальными целями и значениями, в ней содержатся мотивации, различные элементы обыденного сознания, состояния психики, вмещающие широкий диапазон – от депрессии до творческого экстаза, это и различного рода ценности – эстетические, нравственные и т. д. и т. п. Хотелось бы акцентировать внимание на возможности выражения духовности как идеальности. Идеальность как таковая может быть представлена как мир, освобождённый от объективных, материально-предметных, пространственно-временных характеристик своего бытия. С этих позиций человеческая духовность – есть идеальный мир. Человек оперирует идеальными формами, осваивая этот мир без его предметности. Материализация полученного таким образом духовного опыта происходит через создание предметов и вещей, в творческом выражении, в профессиональном опыте, в осуществлении целей.

Итак, можно предположить, что качество, делающее человека способным к творчеству, – это духовность. Духовное измерение человека, реализующее способность абстрагироваться от мира реального, выражено как воображение. Именно воображение позволяет

человеку соединять друг с другом факты и явления, создавая, таким образом, целостные представления о чём-либо.

Хосе Ортега-и-Гассет – испанский философ считал, что интеллектуальные возможности человека базируются на воображении [17, 482 – 483]. Благодаря ему создаются различного рода миры: религиозный, поэтический, нравственный, математический, физический, политический. Они являются "мирами", так как наделены очертаниями, порядком и сообразностью. Воображаемые миры человек соотносит с загадкой истинной реальности и считает приемлемыми по мере того, насколько они представляются ей соответствующими.

Заметим, воображение понимается исследователями по-разному. И. Кант размышлял о возможности синтеза чувственности и рассудка, о механизме этого синтеза. Кант писал о двух стволах человеческого познания, вырастающих, возможно, из одного общего, но нам неизвестного корня. Он понимал под ними чувственность и рассудок. Чувственностью предметы нам даются, рассудком – мыслятся" [9, 46]. Чем-то третьим, связывающим чувственность и рассудок, одновременно интеллектуальным и чувственным Кант видел "трансцендентальную схему" [9, 124], другими словами, воображение.

Природа творческого воображения – тема размышлений Я. Голосовкера, считавшего, что "оно способно заменять внешние чувства одно другим и вовсе обходиться без иных внешних чувств" [5, 74]. Он полагает, что "воображение есть мыслительная способность, одновременно познающая и комбинирующая" [5, 74]. Голосовкер трактует имагинацию (воображение) как высший орган разума. Описание осуществления хрупкого имагинативного процесса даётся мыслителем через элементы и формулируется результатом в виде "идеи – формы – сущности – смысла". Обозначая последовательность элементов, автор скользит по тонкой грани сознание – бессознательное, чувство – разум, сенсорная интуиция – интеллигибельная интуиция. При этом вскрывается всё большая опосредованность, не данность процесса в буквальном смысле. Объективированной формой творческого акта выступает у Голосовкера некая "идея – форма – сущность – смысл". Таким образом, объективируется, на наш взгляд, имагинативный процесс, ускользающий от непосредственного восприятия.

Важным в размышлениях Канта и Голосовкера представляется то, что они указывают на невозможность непосредственного доступа к тому, что порождает творческий процесс и констатируют его опосредованный характер, предполагая элементы и связи этого процесса. На наш взгляд, здесь имеет место феномен, названный К. Марксом "превращённая форма", применённый им к понятию "капитализированная стоимость", в связи со способностью к самовозрастанию. Превращённая форма – это результат превращения внутренних отношений системы, выраженных косвенным образом, осуществляемых на определённом уровне и недоступных непосредственному наблюдению. По Марксу, благодаря превращённой форме можно исследовать видимые зависимости и парадоксальные эффекты, выступающие на поверхности целого в качестве того, что является формой его действительности, или формой его действительного существования [12, 507.]

Творческий и креативный процессы, на наш взгляд, представляют собой аналогичные процессы, в которых осуществляется превращение предполагаемых нами элементов.

В контексте данного рассуждения представляет интерес концепция креативного процесса, предложенная отечественным психологом А.Я. Пономаревым [18], в которой в качестве центрального звена психологического интеллекта выступают две проникающие одна в другую сферы, в нашем рассуждении – элементы. Внешние грани этих сфер автор описывает как абстрактные пределы (асимптоты) мышления. Снизу он видит таким пределом интуитивное мышление. Сверху – логическое [18, 23-24].

В подтверждение нашего представления можно воспользоваться приводимой С.В. Рожковой [21, 86] типологией определений креативности, где креативность сводится к:

– сублимации сексуальных влечений в психоаналитической концепции;

– трансформации проблемной ситуации в ассоциативной теории;

– коммуникации индивида с окружающей средой в экзистенциализме;

– переносам известных аналогов в новую ситуацию в "теории переноса";

– заполнению пробелов в матрице проблемной ситуации, осуществляемом посредством репродукции сходства, дополнения комплекса в концепции интеллектуальных операций;

– интеграции личностей и вещей, социальных групп и общества в диалогической теории культуры;

– биологической функции приспособления поведения к новым условиям посредством проб и ошибок в бихевиоризме;

– трансформации информации разными способами для решения задач в акмеологических исследованиях.

Таким образом под творческим, креативным процессами мы предлагаем понимать процессы, в которых осуществляется взаимодействие элементов, имеющих как рациональную, так и иррациональную природу, результатом которого становятся нестандартные, уникальные решения или появляется нечто новое.

Инструменты мышления. Необходимо отметить, что творческая или креативная деятельность могут быть обусловлены, как ранее было показано, различными элементами, находящимися во взаимодействии. В их числе можно выделить, на наш взгляд, элементы, относящиеся к естественному функционированию интеллекта и эмоциональной сферы и элементы, сознательно привносимые для активизации творческого процесса. Можно обозначить все эти элементы как инструменты мышления.

Инструменты мышления – это технологии мышления, деятельности, коммуникаций и цифровые инструменты. Своё понимание традиционных инструментов мышления мы связываем с естественными операциями человеческой мыслительной деятельности, осуществляемыми индивидуумом или группой, имеющими в основе витальные или сконструированные процессы, позволяющими достичь поставленную цель. Индикатором реализации инструментов мышления является их техническое оформление.

Продуктивно, в данном случае, выделение так называемых инструментов мышления, деятельности и коммуникаций, приводимое Б.Н. Герасимовым [4, 73]. Он выделяет логические и социальные инструменты мышления, а также процедуры психологического и технического характера, стимулирующие креативную деятельность. Логические инструменты мышления включают конструктивные и разрушающие методы. К конструктивным относятся: анализ, синтез, сведение, восхождение, индукция, дедукция, идентификация, разграничение, выделение, рефлексия, понимание, выращивание идеи, преобразование, ранжирование, перспектива, ретроспектива, формирование. Разрушающие методы включают: сомнение, критику, отрицание, инверсию, непонимание. Социальные инструменты могут подразумевать поэтапную групповую работу (группообразование, сотрудничество, компромисс, консенсус, соревнование, конфликт, позиционная динамика) и дискуссию. К психологическим процедурам по раскрытию когнитивных способностей человека относятся: анаграммы, ситуационные картинки, вариативность, творческие дивергентные задачи, мотивация перспективы, продуцирование идей, открытий, преобразование, рефлексия актуальных достижений; а также технологии: проблемные, когнитивно-эвристические и арт-технологии. Технические процедуры реализации деятельности предполагают: утверждение, объявление, оформление, согласование, фиксацию, представление, ранжирование, копирование, рассылку.

Приведённые выше инструменты мышления включают набор естественных и сконструированных инструментов мышления, способствующих активизации творческой активности как на уровне когнитивных, так и на уровне личностных процессов, что позволяет рассматривать подход к развитию креативности Герасимова с интегративных позиций.

Современные цифровые технологии стали одним из секторов человеческой реальности и привнесли свой существенный вклад в трансформацию творческих процессов.

Сформировались цифровые инструменты креативности – это подгруппа цифровых технологий, разрабатываемых для развития качества, скорости и привлекательности передачи информации в преподавании и обучении: электронные учебные системы (GoogleClassroom, Яндекс Учебник, Stepik, Canvas), сервисы для работы с графикой (Pictochart, Canva) и создания игровых учебных материалов (LearningApps). Их применение, на наш взгляд, вполне коррелирует с интегральным подходом к креативности.

Формирование креативной личности. Формирование творческой личности связано с процессами воспитания и образования. Л.С. Выготский в своей работе "Воображение и творчество в детском возрасте" обращает внимание на то, что проживание этапов творческого процесса актуализирует вопрос о значении и роли творчества в общем развитии личности [3].

Важности развития креативных способностей в процессе обучения посвящены работы современных зарубежных и отечественных учёных. К. Робинсон считает призванием осознание обучающимися своего творческого потенциала [19].

Актуальность и востребованность формирования в процессе обучения молодежи творческих способностей зафиксирована в определении главных задач образовательной системы А.В. Хуторским в "Доктрине образования человека в Российской Федерации": "Человек есть творец. Поэтому одной из главных

задач системы образования является обучение человека творению" [22, 14].

Теоретико-методологические основы креативной педагогики и психологии представлены в учебном пособии А.В. Морозова и Д.В. Чернилевского "Креативная педагогика и психология" [15]. Авторами также рассматриваются семь видов креативных педагогических технологий: проблемного, модульного, проектного, контекстного обучения, адаптивная модульно-рейтинговая технология обучения, дидактическая игра как значимый элемент креативной педагогики и психологии, виртуальное обучение как высшая форма дистанционной технологии [15, 23].

Дополняют список представленных технологий Л.П. Овчинникова и В.Н. Михелькевич [16, 231]. Опыт практического применения креативных технологий в работе со студентами изложен автором данного исследования в научно-методическом пособии "Креативные-техники: введение в социокультурную проблематику" [10].

Обоснованно площадками для реализации новых потребностей общества стали образовательные учреждения. Интересен, в связи с этим, опыт МБОУ "Лицея № 87 имени Л.И. Новиковой" г. Н. Новгорода – опорной школы РАН, реализующего инновационный образовательный проект "Традиционные и цифровые инструменты развития креативности детей и подростков в образовательных организациях" (2022-2025 годы).

Аналитический отчёт о проведении стартового мониторинга креативности обучающихся 5, 7, 9 и 6, 8 классов, подготовленный заместителем директора, к. псих. н. Т.В. Нефедовой, позволяет увидеть, как работают инструменты мышления, рассмотренные нами в школьной среде и какие акценты следует делать в их применении.

Во всех предлагаемых заданиях под креативным мышлением понималась способность выдвигать, оценивать и совершенствовать идеи, направленные на выработку новых и продуктивных решений, производство знания или создание творческих продуктов.

Задания, предложенные для оценки функциональной грамотности, соответствовали следующим критериям: ситуационная значимость контекста; перевод условий задач с обыденного языка, на язык предметной области; новизна в формулировке задачи, наличие неопределённости в способах решения.

Под креативным мышлением участниками проекта понималось творческое участие в процессе работы над идеями, направленными на получение: продуктивных решений, и/или нового знания, и/или эффективного выражения воображения.

Инструментарий для оценки функциональной грамотности был представлен (аналогично исследованию PISA) заданиями, объединёнными в тематические блоки. Комплексное задание включало в себя ситуационный нарратив, представленный, как правило, в проблемном ключе и вопросы-задания, относящиеся к этой ситуации.

В заданиях, связанных с креативными идеями, оценивалось умение выдвигать оригинальные идеи или нестандартные подходы к ситуации. В заданиях, связанных с оценкой и совершенствованием идей, оценивалось умение вносить улучшения в существующие идеи, предлагать нестандартные изменения. Направления и позиции, требующие доработки идеи, или задавались в самом задании, или вытекали из разностороннего анализа идей, их преимуществ и недостатков.

Задания мониторинга были сгруппированы по 4 видам маркеров:

– Маркер 1. Решение социальных проблем – выдвижение, отбор и доработка разнообразных идей, требующих вербального выражения на основе стимульного материала общественно-социальной направленности. Как правило, такого рода задания и вопросы апеллировали к личному опыту ученика, предлагали ему "примерить ситуацию на себя".

– Маркер 2. Визуальное самовыражение – выдвижение, отбор и доработка разнообразных идей, требующих невербального выражения на основе предметного и внепредметного материала. Задания выявляли понимание (или, напротив, непонимание) учащимися смысла изучаемого учебного материала, способности "совершить восхождение от абстрактного к конкретному", логически мыслить.

– Маркер 3. Письменное самовыражение – выдвижение, отбор и доработка разнообразных идей, требующих вербального выражения на основе предметного материала. Такого рода задания использовались на самых разных уроках.

– Маркер 4. Решение естественнонаучных проблем – выдвижение, отбор и доработка разнообразных идей, требующих вербального выражения на основе предметного материала исследовательского характера. Выявлялось могут ли ученики обобщать изученное, активизируют ли они уже полученные знания, демонстрируют ли их прикладную ценность, ини-

циируют ли поисковую активность на пути к систематическому знанию.

В тестировании принимали участие 253 обучающихся 5, 7, 9 классов из 279 – 90,63% от общего числа обучающихся, 101 и 59 обучающихся 6 и 8 классов соответственно, что составило 100% и 82 % от общего количества обучающихся.

Результаты тестирования были оценены Т.В. Нефедовой относительно заявленных критериев, с учётом возрастных особенностей реципиентов. Были отмечены различия в вербальной и невербальной креативности детей, вербальная креативность развивается медленнее, сложен процесс перевода проблем с обыденного языка на язык предметной области, была выявлена необходимость расширения базы знаний, систематизации информации, создания творческой атмосферы, умения выделять аналогии в проблемных ситуациях, погружение в проблемы, имеющие социальный фокус, выдвижение идей для решения социальных проблем. Было указано, что способность креативно и творчески мыслить должна целенаправленно формироваться в образовательной деятельности лицея начиная с уровня начальной школы.

Важным представляется, что в качестве рекомендаций по итогам проведённого мониторинга были предложены позиции, содержащие акцентуированную социальную и психологическую составляющие, так как интеллектуальное развитие видится обусловленным личностным развитием школьников. Таким образом, педагогическая практика показывает значимость интегрального подхода к развитию креативности личности.

Вызовы современности требуют формирования личности с особым креативным типом мышления. Философский анализ понятий «креативность» и «творчество» позволяет заключить, что под ними подразумеваются сходные процессы, в которых осуществляется взаимодействие элементов, имеющих как рациональную, так и иррациональную природу, результатом которого становятся нестандартные, уникальные решения или появляется нечто новое. Элементы, между которыми осуществляется взаимодействие в креативном процессе мы называем инструментами мышления. Можно выделить традиционные и цифровые инструменты мышления. Индивид осваивает инструменты мышления в процессе проживания творческих моментов. Современная образовательная система реализует задачу воспитания креативной личности, используя основы креативной педагогики и психологии. Наиболее эффективным для формирования творческих способностей личности представляется интегральный подход.

Литература:

1. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. – Ростов-н/Д.: РГУ, 1983. – 183 с.
2. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей – М.: Академия, 2002. – 320 с.
3. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. – СПб.: СОЮЗ, 1997. – 96 с.
4. Герасимов Б. Н. Инструменты мышления и деятельности в образовательной деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 9. – С. 72 – 79.
5. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. – М.: Академический Проект, 2012. – 318 с.
6. Голубова В. М. Исследование природы креативного мышления и креативности личности // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (5). – С. 1067-1071.
7. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. – СПб.: Питер, 2006. – 368 с.
8. Ермолаева-Томина Л.Б. Психология художественного творчества. – М.: Академический Проект, 2005. – 304 с.
9. Кант И. Критика чистого разума: пер с нем. Н. Лосского сверен и отредакторован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
10. Колесова О. В. Креативные-техники: введение в социокультурную проблематику: учебно-методическое пособие / сост.: О.В. Колесова, С.Б. Подкар, В.Г. Бирюкова и др., предисл. О.В. Колесовой. – Н. Новгород: ННГУ, 2011. – 45 с.
11. Колесова О.В. Наука как способ духовного освоения реальности. учебное пособие. – Н. Новгород: ННГУ, 2006. – 222 с.
12. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. в 39 тт. – Т. 26. – Ч. III – М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. – 703 с.
13. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 432 с.
14. Матюшкин А.М. Развитие творческой активности школьников. – М.: Педагогика, 1991. – 160 с.
15. Морозов А.В., Чернилевский Д.В. Креативная педагогика и психология: учебное пособие. – М.: Академический проект, 2020. – 560 с.
16. Овчинникова Л.П. Михелькевич В.Н. Креативные педагогические технологии: актуальность, опыт и перспективы применения в высшей технической школе // Вестник педагогических наук. – 2022. – № 5. – С. 228-234.
17. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры: пер. с исп. Л.С. Воробьёва. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
18. Пономарёв Я.А. Знание, мышление, умственное развитие. – М.: Педагогика, 1989. – 264 с.
19. Робинсон К. Образование против таланта / пер. с англ. Наталии Макаровой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, ЭКСМО, 2013. – 336 с.
20. Рожкова С.В. Сравнительный анализ понятий "креативность" и "творчество" // Психолого-педагогический журнал гаудеамус. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 85-87.

21. Сластенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: Инновационная деятельность. – М.: Магистр.1997. – 224 с.
22. Хуторской А.В. Доктрина образования человека в Российской Федерации. – М.: Эйдос; Изд-во Института образования человека, 2015. – 24 с.
23. Юнг К.Г. Собрание сочинений в 20 тт. – Т. 13. Дух Меркурий: пер. с нем. – М.: Канон, 1994. – 384 с.
24. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
25. Education System Alignment for 21st century skills. Focus On Assessment. 2018. – URL: https://www.brookings.edu/research/education-system-alignment-for-21st-century-skills/ (дата обращения: 30.09.2022).
26. School and teaching practices for twenty-first century challenges: lessons from the Asia-Pacific region, regional synthesis report, UNESCO, 2016. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000244022.locale=ru (дата обращения: 30.09.2022).

LOVE FOR A HUMAN ON THE VERGE OF VIOLENCE: IS IT POSSIBLE TO MAKE A HUMAN HAPPY?

Konstantinov Dmitrii Vladimirovich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk*

This paper focuses on the following question: is it possible to make a human happy? To answer this question, the author turns to existential philosophy and to the works of F. Dostoevsky and G. Orwell. The paper shows that conscience, freedom, etc. phenomena in their ontological dimension neither are created by a human nor are something that a human can possess. But at the same time, they allow a human to be truly alive. In this formal way being is something more than human but it reveals itself through a human. This in turn requires a certain effort - a human exists only when the grounds for his existence are recreated by his own effort each time anew. The project of the Grand Inquisitor is aimed at relieving a human from this burden, from the need to choose freely and to be responsible for this choice. It is taken as happiness and good for a human. But such project cannot be implemented without destruction of a human, as it is shown in anti-utopias.

Keywords: *human's being; existentialism; humanism; happiness; anti-utopias; M. Heidegger; J.-P. Sartre; F. Dostoevsky; G. Orwell.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.21

УДК 1:572
ВАК РФ 5.7.8

© Константинов Д.В., 2022

ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ НА ГРАНИ НАСИЛИЯ: МОЖНО ЛИ СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКА СЧАСТЛИВЫМ?

В рамках данной работы рассматривается вопрос: можно ли сделать человека счастливым? Для ответа на этот вопрос автор обращается к экзистенциальной философии, а также к творчеству Ф. М. Достоевского и Дж. Оруэлла. В статье показано, что совесть, свобода и т. п. феномены в их онтологическом измерении не создаются человеком и не являются чем-то, чем человек может обладать. Но в то же время они позволяют человеку быть подлинно живым. Именно в этом смысле бытие, будучи чем-то большим, чем человек, раскрывает себя через человека. Это, в свою очередь, требует определённого усилия - человек есть лишь тогда, когда он собственным усилием воссоздаёт каждый раз заново основания для своего существования. Проект Великого инквизитора направлен на то, чтобы избавить человека от этого бремени, от необходимости свободно выбирать и нести ответственность за свой выбор. В этом видится счастье и благо для человека. Но такой проект не может быть реализован без разрушения человеческого, что и показано в антиутопиях.

Ключевые слова: *бытие человека; экзистенциализм; гуманизм; счастье; антиутопии; М. Хайдеггер; Ж. П. Сартр; Ф. М. Достоевский; Дж. Оруэлл.*

КОНСТАНТИНОВ Дмитрий Владимирович, *кандидат философских наук, доцент, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск*

В истории можно найти немало примеров, когда стремление создать справедливое общество, в котором люди были бы счастливы и не знали бед, на деле оборачивалось ещё большей несправедливостью, насилием и диктатурой. В рамках данной работы мы предпринимаем попытку ответа на вопрос: можно ли сделать человека счастливым? Для ответа на этот вопрос мы будем использовать опыт философского осмысления бытия человека, накопленный в традиции экзистенциальной философии, а также обращаться к творчеству Ф. М. Достоевского и Дж. Оруэлла.

Персонаж романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы" Иван Карамазов в разговоре с младшим братом Алёшей говорит, что не

принимает и не может принять созданного Богом мира, наглядно поясняя свою позицию отсылкой к евклидовой геометрии [1, 254-265]. Иван подчёркивает, что наш мир подчиняется законам евклидовой геометрии, согласно которым параллельные линии не могут пересекаться нигде, даже в бесконечности. По мнению Ивана, именно такими параллельными линиями и являются добро и зло, которые должны взаимно исключать и отрицать друг друга [2, 50]. Бог есть абсолютное воплощение добра. Но в то же время в мире есть зло, есть насилие, есть страдания ни в чём не виновных людей, в том числе детей. Соответственно, Иван приходит к выводу, что если зло есть, то Бога нет, а его место занимает человек. Здесь мы можем согласиться с заключением, которое делает К. Янг: "…Иван верит, что если Бог существует, то воля Бога будет высшей волей, но если Бога нет, высшей волей будет воля самого Ивана" [2, 57].

Обратим внимание, что именно такую позицию можно охарактеризовать как "западноевропейский принцип возвышения человека над бытием, который заложен в идее субъекта – центральной идее новоевропейской философии" [3, 121]. Схожая точка зрения зачастую приписывается и Ж. П. Сартру (особенно при сравнении его философии с философией М. Хайдеггера) – считается, что отправной точкой для онтологии Сартра является сам человек, и никаких иных оснований нет [3; 4; 5; 6; 7]. Мы, в свою очередь, полагаем, что данный подход не совсем корректен – и онтология Ж. П. Сартра, и онтология М. Хайдеггера строятся на схожих предпосылках [8]. Более того, эти предпосылки можно увидеть и у других исследователей, говорящих о человеке в традиции феноменологии и экзистенциализма. Рассмотрим их далее подробнее.

В онтологии М. Хайдеггера предполагается, что необходимо различать бытие и сущее, онтологическое и онтическое. При этом, критикуя метафизику, Хайдеггер пишет: "Бытие, если мыслить его само, собственное его, требует, чтобы мы отказались от того бытия, которое исследуется и истолковывается всей метафизикой из сущего и для сущего в качестве основы сущего. Чтобы мыслить собственное бытие, требуется оставить его как основу сущего в пользу играющего давания, скрытого в раскрытии, т. е. ради дано. Бытие принадлежит этому дано в давании как дар. Бытие как дар не откалывается от давания" [9, 84]. Таким образом, для Хайдеггера бытие – это не уже готовые некие трансцендентные основания сущего, которые, возможно, скрыты и недоступны в принципе. Эти основания, напротив, есть только в той мере, в какой они раскрывают себя в сущем и через сущее (схожим образом Ж. П. Сартр говорит, например, о феномене [10, 21] и о свободе [10, 62]). И таким раскрывающим бытие сущим является человек – человек, которого М. Хайдеггер метафорически характеризует как "пастуха бытия": "Человек, скорее, самым бытием "брошен" в истину бытия, чтобы, экзистируя таким образом, беречь истину бытия, чтобы в свете бытия сущее явилось как сущее, каково оно есть. Явится ли оно и как явится, войдут ли в просвет бытия, будут ли присутствовать или отсутствовать Бог и боги, история и природа и как именно присутствовать, решает не человек. Явление сущего покоится в историческом событии бытия. Для человека, однако, остаётся вопрос, сбудется ли он, осуществится ли его существо так, чтобы отвечать этому со-бытию; ибо соразмерно последнему он призван как экзистирующий хранить истину бытия. Человек – пастух бытия. Только к этому подбирается мысль в "Бытии и времени", когда экстатическое существование осмысливается там как "забота"" [11, 202].

Необходимость "беречь истину бытия", "забота", "экзистенция", желание "сбыться и осуществиться" – это тот набор абстракций, который может использовать философ, чтобы иметь возможность говорить о человеке в рамках онтологии, т. е. в рамках стремления выявить те предельные основания, которые позволяют быть. Все явления культуры, всё то, что можно охарактеризовать как человеческую цивилизацию, как и сам человек, есть (бытийствуют) лишь постольку, поскольку человек, эк-зистируя, воссоздаёт заново основания для их существования, воссоздаёт собственным усилием здесь и сейчас.

Упоминание усилия здесь не случайно. Чтобы в обществе существовало, например, право как явление культуры, нужно, чтобы сам человек был готов соблюдать закон (возможно делая это вопреки личной выгоде). Чтобы люди могли пользоваться благами цивилизации и плодами научно-технического прогресса, должны быть те, кто готов шагнуть за горизонт известного и зачастую, вопреки мнению окружающих и собственному комфорту, создавать что-то новое вместо того, чтобы просто использовать то, что уже привычно и знакомо. М. К. Мамардашвили показывает это на наглядном примере с отоплением: "…Мы обогреваемся соприкосновением наших человеческих тел, тем объёмом человеческого тепла,

который излучают сбившиеся в ком тела, в то время как другие изобретают "паровое отопление"" [12, 352]. В рамках данного примера важно, что для изобретения "парового отопления" нужно сначала отказаться от уже имеющегося тепла, получаемого от других людей. И при этом нет никаких гарантий успеха (не случайно В. Д. Губин и Е. Н. Некрасова говорят, что фундаментальной характеристикой человека является непредопределённость [13, 164-166]). Необходимость усилия со стороны человека в условиях отсутствия гарантированных оснований и вообще каких-либо гарантий (мысль, которую достаточно ярко можно увидеть уже у Ф. Ницше) подразумевает, что жизнь человека как подлинного, живого всегда сопряжена с неким напряжением, преодолением трудностей. Вот почему всегда будет соблазн переложить эту работу на плечи кого-то другого.

Как раз такой сценарий и предлагает для человечества от лица церкви Великий инквизитор – герой "поэмы" Ивана Карамазова. Он, рассматривая человека как изначально слабого и не готового быть собранным в пространстве собственного усилия и при этом жалея его, намерен избавить человека от необходимости свободно выбирать и нести ответственность за свой выбор. Покорность и безграничное преклонение перед авторитетом церкви вместо так тяжело дающихся самостоятельных поступков по совести, когда нет никого, кто смог бы подсказать верное решение. Гарантированная сытая жизнь и вера в чудо вместо обременяющей и пугающей свободы. Именно так человек, по мнению Великого инквизитора, сможет реализовать свои три бессознательных стремления: "пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник" [1, 290].

Чем опасна такая ситуация? Можно здесь, во-первых, согласиться с теми исследователями, которые обращают внимание, что аргумент Великого инквизитора о слабости отдельного человека и необходимости им руководить и направлять берут на вооружение тоталитарные режимы, пытаясь манипулировать сознанием человека [14; 15]. Как итог, вместо всеобщего блага, для достижения которого, по мнению Великого инквизитора, можно будет и пожертвовать благом отдельного человека (О. С. Сухих справедливо подчёркивает, что моральная позиция великого инквизитора – это утилитаризм [14, 372]), мы можем увидеть реализацию сценария, показанного Дж. Оруэллом в романе "1984". Место Великого инквизитора здесь занимает член внутренней партии О'Брайен, который, в отличие от Великого инквизитора Достоевского, отвергает предположение главного героя Уинстона Смита, что "партия ищет власти не ради неё самой, а ради блага большинства" [17, 177]. О'Брайен честно и прямолинейно заявляет: "Партия стремится к власти исключительно ради неё самой. Нас не занимает чужое благо, нас занимает только власть. Ни богатство, ни роскошь, ни долгая жизнь, ни счастье – только власть, чистая власть" [17, 178]. Ни о какой жалости к слабому и беспомощному человеку речь в данном случае уже не идёт. Но, возможно, именно в таком стремлении к власти ради самой власти и боится признаться себе Великий инквизитор? Именно этого он опасается лишиться, когда становится свидетелем второго пришествия Иисуса? Не случайно, вероятно, Алёша Карамазов в разговоре с братом Иваном формулирует схожее предположение, оставляя за Великим инквизитором и ему подобными лишь "самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения" без какой-либо "возвышенной грусти" [1, 293]. Отправлять на костры еретиков десятками и сотнями и оправдывать свои действия заботой о других психологически проще, чем признаться самому себе в истинных причинам своих поступков.

Но даже если доведённая до предела реализация идеи Великого инквизитора не превратится в тот или иной вариант ангсоца с тотальным контролем и насилием со стороны очередного Старшего брата, попытка лишить человека свободы выбора всё равно, на наш взгляд, разрушительна для человека. Здесь уместно вспомнить о различении подлинного и неподлинного бытия у М. Хайдеггера, когда он говорит о падении, о человеке толпы или массовом человеке (называя его "они", "другие", "люди"). Хайдеггер пишет: "…Присутствие (человек, ставящий перед собой вопрос о своём бытии – Д. К.) как повседневное бытие с другими оказывается *на посылках* у других. Не оно само *есть*, другие отняли у него бытие. Прихоть других распоряжается повседневными бытийными возможностями присутствия" [16, 150]. Массовая культура как культура толпы даст готовые ответы на все вопросы, расскажет, как следует жить, предложит развлечения на любой вкус, отбирая незаметно у человека то, что делает его человеком. Это не то явное насилие, которое показывает Дж. Оруэлл, описывая общество Океании. Но в его незаметности и есть его главная опасность. На это обра-

щает внимание Хайдеггер: "Самоуверенность и решительность людей распространяют растущую ненуждаемость в собственном расположенном понимании. Мнимость людей, что они поддерживают и ведут полную и подлинную "жизнь", вносит в присутствие *успокоенность*, для которой все состоит "в лучшем порядке" и которой распахнуты все двери. Падающее бытие-в-мире, само себя соблазняя, вместе с тем *самоуспокоительно*" [16, 206]. Именно такую "самоуспокоенность" и предлагает Великий Инквизитор. Однако, как замечает Хайдеггер, "в этом успокаивающем, всё "понимающем" сравнении себя со всем присутствие скатывается к отчуждению, в каком от него таится самое своё умение быть. Падающее бытие-в-мире как соблазнительно-успокаивающее вместе с тем *отчуждающе*" [16, 206-207]. "Своё умение быть" и есть та требующая усилия основа человеческого, без которой человек как подлинно живой невозможен. Заменяя *своё* умение быть успокаивающей надеждой на уже готовые решения и смыслы, предложенные *другими*, человек теряет подлинное бытие.

Но может быть сценарии, рассмотренные выше, не являются однозначно негативными, если путь, предложенный Великим Инквизитором, действительно ведёт человека к счастью? Вероятно, это было бы возможным, если бы О'Брайен оказался прав, утверждая следующее: "До человека не было ничего. После человека, если он кончится, не будет ничего. Нет ничего, кроме человека" [17, 179]. Ещё раз обратим внимание, что именно такую точку зрения и приписывают зачастую Ж. П. Сартру. Что такой подход подразумевает? В романе Дж. Оруэлла "1984" главный герой Уинстон Смит, оказавшись в руках палачей из министерства любви, в итоге усилием воли заставляет себя *искренне* любить Старшего Брата и партию, реализуя завет О'Брайена "стать полым" и "раствориться в партии". Если "нет ничего, кроме человека", то у Уинстона Смита действительно есть шансы полюбить Старшего Брата искренне и стать счастливым, а у О'Брайена и подобных ему – захватить "душу до самого дна" и *полностью* переделать человека [17, 173]. Если "нет ничего, кроме человека", то *двоемыслие становится действительно возможным*. Однако представляется, что реальная ситуация всё же иная. Всегда есть что-то, что больше человека – бытие, которое показывает себя, например, через совесть. Не случайно М. Хайдеггер говорит о совести как о зове "к самой своей способности быть" [16, 310]. При этом совесть – это не то, чем я могу владеть и чем могу распоряжаться по своему собственному усмотрению (вплоть до волевого отказа от владения): "Зов ведь как раз не бывает, причём никогда, ни запланирован, ни подготовлен, ни намеренно исполнен *нами самими*. "Оно" зовёт, против ожидания и тем более против воли. С другой стороны, зов несомненно идёт не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идёт от меня и всё же *сверх*меня" [16, 311-312]. Возможно кто-то или даже большинство (с чем мог бы согласиться, вероятно, Иван Карамазов – см., например, [18, 159-160]) и сможет притвориться, что не слышит данного зова, но сам зов от этого не исчезнет. Зов нельзя *отменить*, его можно лишь *игнорировать*. Поэтому сомнительно, что Уинстон Смит смог бы любить Старшего брата искренне, а не просто делать вид, что он его любит и поэтому счастлив, обманывая себя и окружающих.

Аналогичным образом можно говорить и о других феноменах, имеющих отношение к бытию человека. Так, например, мы полагаем, что вопреки расхожему мнению гуманизм Ж.П. Сартра в качестве своего основания берёт не человека, а свободу, которая делает человека возможным [8]. При этом свобода (понимаемая с позиции онтологии), как и совесть, не является чем-то, от чего человек может отказаться в результате некоторого волевого шага – Ж. П. Сартр справедливо подчёркивает, что "мы не свободны перестать быть свободными" [10, 451]. В этом контексте рассуждения Великого инквизитора о слабом и безвольном человеке, готовом променять свою свободу на счастье, выглядят или наивно (и при этом, что интересно, противоречат сути христианства – см., например [19; 20]), или, что более вероятно, являются своеобразным теоретическим основаниям для оправдания своего собственного стремления к власти и превосходству над другими. В этом мы можем согласиться с Г. Бошамом, утверждающим: "Если он (Великий инквизитор – Д. К.) прав, то большинство людей – слабых, жалких, инфантильных существ – могло бы надеяться в лучшем случае на платоновскую утопию, в которой их судьбами распоряжалось бы мудрое, сильное меньшинство, способное нести бремя выбора за всех. Но принять данную Великим инквизитором оценку человека за чистую монету, даже в свете многочисленных исторических свидетельств, которые придают ей достоверность, – значит игнорировать тот факт, что социальные теоретики по большей части определяют человеческую природу так, чтобы их конкретные теории по-

лучили подтверждение" [15, 143]. И в самом деле, можно говорить о человеке и природе человека так, чтобы любое насилие якобы во благо большинства, любой тоталитаризм получили бы своё оправдание. Ведь если человек не настолько слаб и беспомощен, зачем ему Великие инквизиторы?

Подводя итог, можно отметить, что то понимание человека, которое сложилось в рамках экзистенциальной философии, неотвратимо приводит к заключению о невозможности реализации проектов, подобных предложенному Великим инквизитором, без разрушения самих оснований человеческого. Подлинной же заботой о благе человека можно, вероятно, считать создание и поддержание такой социокультурной среды, в которой человек возможен как "слышащий глас бытия", в которой человек не лишён свободы. Но это неизбежно предполагает наличие в мире зла и страдания, хотя бы в силу непредопределённости человека. Вопреки геометрической аналогии Ивана Карамазова, присутствие страдания и насилия в мире есть следствие того, что человек именно таков, что человек свободен выбирать, что человек может и должен нести ответственность за свой выбор. С. А. Кибальник пишет, что "человек должен мириться со злом, если хочет *быть свободным*" [21, 46]. Мы могли бы добавить, что человек вынужден принять возможность зла, насилия, несправедливости и т. п., вынужден отказаться от каких-либо гарантий счастья, успеха, комфорта и действовать всегда на свой страх и риск, если он хочет *быть*.

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. – Том 9. Братья Карамазовы. – Части 1-3. – Ленинград: Наука, 1991. – 696, [8] с.
2. Young K. Ivan Karamazov's Euclidean Mind: the 'Fact' of Human Suffering and Evil // The Polish Journal of Aesthetics. 2020. № 1. P. 49-62.
3. Пастушкова О.В. Три лика гуманизма: Хайдеггер, Сартр, Левинас // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2011. – Т. 7. – № 11-3. – С. 121-124.
4. Летуновский В.В. Сартр, Хайдеггер и психотерапия [Электронный ресурс] // Экзистенциальная и гуманистическая психология. – 2012. URL: http://hpsy.ru/public/x5442.htm (дата обращения: 20.07.2022).
5. Dastur F. The question of transcendence in Heidegger and Sartre // Phainomena. 2006. Vol. 59, № 5. P. 23-41.
6. Kakkori L., Huttunen R. The Sartre-Heidegger Controversy on Humanism and the Concept of Man in Education // Educational Philosophy and Theory. 2012. Vol. 44, № 4. P. 351-365.
7. Ozen U. Contemporary Humanism: Sartre's Existentialist Humanism and Heideggerean Humanism // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2013. Vol. 4, № 6. P. 665-670.
8. Константинов Д.В. Образ человека в философии М. Хайдеггера и Ж. П. Сартра // KANT. – 2019. – № 4 (33). – С. 163-166.
9. Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 80-101.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192-220.
12. Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии // Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 351-359.
13. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Философская антропология. – М.: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2000. – 240 с.
14. Сухих О.С. Идея великого инквизитора и личность в "легенде о великом инквизиторе" Ф.М. Достоевского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3-1. – С. 371-375.
15. Beauchamp G. 'The Legend of the Grand Inquisitor': The Utopian as Sadist // Humanitas. 2007. Vol. XX, № 1 and 2. P. 125-151.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503, [9] с.
17. Оруэлл Дж. 1984 // "1984" и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – С. 22-208.
18. Larmore C. Dostoevsky as Moral Philosopher // Dostoevsky beyond Dostoevsky: Science, Religion, Philosophy. Boston: Academic Studies Press, 2016. P. 151-163.
19. Зайцева Е.Б., Страхова И.А. Проблема свободы личности в поэме "Легенда о великом инквизиторе" Ф.М. Достоевского (религиозно-философский анализ) // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: международная научно-практическая конференция. – Белгород: ГиК, 2018. – С. 268-271.
20. Милентиевич Л. Христос, истина и человек в поэме о Великом инквизиторе // Достоевский и мировая культура. – 2018. – № 4. – С. 14-39.
21. Кибальник С.А. Диалектика свободы и счастья в "Легенде о великом инквизиторе" // Cuadernos de Rusistica Espanola. – 2013. – № 9. – P. 45-57.

IN THE TWILIGHT OF JACQUES LACAN'S UNFINISHED MEANINGS

Kuparashvili Mziya Jemalovna, *DSc of Phylosophical sciences, Professor, Department of Theology, Philosophy and World Cultures, Dostoevsky Omsk State University, Omsk*

The article offers an analysis of the structurological works of J. Lacan, focuses on the new areas of semantic space that he discovered, which allowed psychoanalytic practice to reach the level of linguistic analysis of the patient's

speech. Lacan's proposed techniques of speech emancipation revealed not only the linguistic structure of the unconscious, but also revealed the organized linguistic nature of delusional speech and ways of forming meaning. The symbolic nature of speech, the roles of signifiers and their signifiers allowed Lacan to substantiate language as the main form of symbolic order and to assert that thought and existence are fundamentally linked by language. However, the opening up of the space of non-mutually ambiguous relations of the signifier and the signified has left a wide band of twilight consciousness and incomplete meanings, which in turn offers the reader a distant horizon of independent vision of the concepts expressed and allows you to formalize new problems associated with the translation of hidden thought into an explicit plan. The article offers a critical analysis of the role of the imaginary in the Lacanian system of the formation of the psyche.

Keywords: *structure; unconscious; signifier; psychoanalysis; imaginary; real; symbolic; metaphor; metonymy; condensation; displacement; meaning; meaning.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.22

В СУМЕРКАХ НЕЗАВЕРШЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЖАКА ЛАКАНА

УДК 141
ВАК РФ 5.7.2

© Купарашвили М.Д., 2022

Статья предлагает анализ структурологических работ Ж. Лакана, акцентирует внимание на открытых им новых сферах смыслового пространства, которые позволили психоаналитической практике выйти на уровень лингвистического анализа речи пациента. Предложенные Лаканом техники раскрепощения речи открыли не только языковую структуру бессознательного, но и раскрыли организованную лингвистическую природу бредовой речи и способы формирования значения. Символическая природа речи, роли означающих и их означающих позволили Лакану обосновать язык в качестве основной формы символического порядка и утверждать, что мысль и существование принципиально связаны языком. Однако открывшее пространство невзаимооднозначных отношений означающего и означаемого оставило широкую полосу сумеречного сознания и незавершенных значений, что, в свою очередь, предлагает читателю далекий горизонт самостоятельного видения высказанных концептов и позволяет оформлять новые проблемы, связанные с переводом скрытой мысли в явный план. Статья предлагает критический анализ роли воображаемого в лакановской системе становления психики.

Ключевые слова: *структура; бессознательное; означающее; психоанализ; воображаемое; реальное; символическое; метафора; метонимия; сгущение; смещение; смысл; значение.*

Жак Лакан периода 50-60-х гг. XX в. – психоаналитик-структуралист. В его работах преобладают структурные измерения процессов психологического наполнения, которые становятся ключевым средством постижения человеческой психики в целом и, особенно, в интерпретации бессознательных процессов. Задача структурного психоанализа – формирование грамматики такого языка, который обладает, с одной стороны, характеристиками универсальной системы и, с другой – является выразителем глубоко индивидуального опыта, в терминологии Лакана, "языка желания".

Почва для развития подобных тенденций была подготовлена, с одной стороны, новой психологией Вильгельма Вундта [1] и Эдуарда Брадфорда Тетченера [11], которые ввели собственный способ анализа разума, позволяющий выявить его структуры, и с другой – психоанализом Зигмунда Фрейда.

Желание структурировать психику путем наблюдения за ее работой изнутри (техника интроспекции) была более чем наивной попыткой овладеть теми мощностями нашего мозга, наличие которых мы, как люди, постоянно ощущаем. Причин квалификации этих попыток как наивных слишком много. Мы будем говорить только об одной, но самой главной причине: сам факт допуска внутреннего наблюдателя за процессами, идущими в психике, полностью определяется надпсихической инстанцией – сознанием. Его присутствие в таком качестве в указанных экспериментах сводит их результатив-

КУПАРАШВИЛИ Мэия Джемаловна, *доктор философских наук, профессор, кафедра Теологии, философии и мировых культур, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск*

ность к нулю. Возможно, с точки зрения психологии, и можно судить о приросте знания в этой области в виде уточнения или открытия каких-либо физиологических законов деятельности мозга, но они ничего не могут сообщить о тайнах мыслительной деятельности, снабжающей человека удивительно адаптивными свойствами разума. Они не могут дать ответы на вопросы, что есть мышление? Как рождается репродуктивное знание (т.е. понимание)? Как рождается качественно новое знание? Что из себя представляет сознание? Если сознание инструмент познания, то чем изучить само сознание? Психика, психология и все связанное с ними, может рассчитывать на открытие структур с физическими, химическими и морфологическими характеристиками механических процессов, происходящих в психике, но не на открытие структур в сугубо человеческом измерении процесса: сущности, цели и результатов, в общем та самая "игра интерсубъективного, посредством которой истина входит в реальное". Как видно из истории, психология быстро в этом убедилась. Тем не менее, учения В. Вундта и Э. Тетченера не пропали даром, они открыли невидимое до этого психическое пространство, создали терминологию доступа к нему. Так, для Ж. Лакана эти учения составили предметный фон новой психологии, тогда как непосредственной базой и активной составной частью его психоанализа стало наследие Зигмунда Фрейда. Следующий виток в разработке природы психики связан лингвистическим анализом языка, текста, речи, дискурса. Рассмотренные в контексте бессознательных процессов, указанные понятия обнаружили неизвестные психологические стороны своего содержания. Новый подход учитывает присутствие главного наблюдателя – сознания, опасность от которого, как показывает психоаналитическая практика, не всегда в полной мере осознается психологом. В этом смысле лучшим примером являются взгляды Жака Лакана.

К тому времени, как Ж. Лакан пришел в психоанализ, З. Фрейд был перевран основательно. Ж. Лакан застал его учение весьма популярным в его американском варианте, который не только выглядел как искаженный, но и крайне упрощенный, адаптированный психоанализ в качестве основы американского образа мысли и жизни, с претензией на человеческую инженерию. Оценивая его весьма критически, Лакан пишет: "Дело усугубляется той доморощенной формой ментальности, которая под названием бихевиоризма утвердилась в американских понятиях о психологии настолько прочно, что дух Фрейда успел совершенно выветриться из тамошнего психоанализа. … В любом случае представляется совершенно очевидным, что в данной концепции Психоанализа центр тяжести переносится на адаптацию индивидуума к социальному окружению, на поиск так называемых patterns, моделей поведения и прочих объективаций, включаемых в понятие human relations. Рожденный в Соединенных Штатах термин human engineering как нельзя лучше указывает на привилегированность позиции исключения по отношению к человеческому объекту" [3, 15-16].

Для возврата к оригинальному З. Фрейду и в поисках адекватного анализа собственного учения, Ж. Лакан обращается к весьма актуальному времени антропологическому структурализму К. Леви-Строса [9] и лингвистике Ф. де Соссюра [10] и Н. Трубецкого [6], теории метафор и метонимии Р. Якобсона [13]. В этом контексте, лакановскиый психоанализ приобрел сильные стороны философской антропологии и культуры, фундируя представления о человеке, как об устойчивой стабильной и долговечной структуре, способной на созидание культурных конструктов, выражающих его истинную сущность. Попытки структурации бессознательного выводили символическую суть человека на новые горизонты, и одновременно подчеркивали несовершенство языка, как знаковой, символической системы, которая не способна на полноценную формализацию и артикуляцию содержания бессознательного.

Пере-прочитать Фрейда

В контексте психоанализа, лингвистические откровения Ф. де Соссюра, Н. Трубецкого и Р. Якобсона получили неожиданное звучание и показали высокую результативность в плане работы с бессознательными процессами в вопросах раскрытия механизмов их вербализации. Доклад Ж. Лакана "Функция языка в психоанализе", на Римском конгрессе в 1953 г. считается манифестом нового прочтения З. Фрейда. По мнению Лакана, если психоанализ способен стать наукой, и если ему не суждено выродиться в чистую технику, то необходимо уделить достойное внимание всесилию семантики, власти языка и процедуре вербализации мысли, что собственно и означало переосмысление Фрейда [3]. Именно эти пункты составили специфику лакановского психоанализа, которые вывели его на проблемы структурной теории языка бессознательного. Объединяя взгляды З. Фрейда с лингвистическими особенностями

понимания речи пациента, Лакан концептуализирует психоанализ с помощью лингвистики. Ему удается создать оригинальные способы диагностики и последующего лечения. Учет высокой степени метафоричности языка психоанализа не только объяснял многозначность речи пациента, но делал очевидным специфику многозначности символа и языка в целом. Отсюда большой интерес Ж. Лакана к вербальной активности бессознательного. Он объявил его источником той речи, которая регулируется сферой воображаемого. В этом контексте, структурный психоанализ Ж. Лакана исследует связь символических систем с лингвистическими практиками, формирующими социальный код эпохи, выйти за пределы которого индивиду не дано. Переработка Ж. Лаканом фрейдовского наследия была весьма востребована и своевременна. Представленный им через структурирование психоанализ, совершенно стер с фрейдизма пугающий читателя сильный биологизаторский флер бессознательных процессов.

В условиях пошатнувших основ рациональности, по мнению Ж. Лакана, "языку удалось на практике добиться статуса научного объекта". Кроме того, Ж. Лакану очевидно, что "ведущую роль в той сфере, вокруг которой происходит перегруппировка наук, предвещающая революцию в познании, взяла на себя лингвистика" [4]. Конституирующий момент лингвистики Лакан видит в алгоритме: S/s, что означает: означающее над означаемым, где предлогу "над" соответствует черта, разделяющая эти две позиции [4]. Означающее и означаемое определяются их исходными позициями. Они представляют собой два отдельных ряда, изначально разделенных чертой, которая сопротивляется означиванию [4]. Другими словами, означающий не имеет привилегированного доступа к означаемому, зато абсолютную доступность демонстрирует означающее. Кроме того, анализ системы означивания указывает на то, что связь между означающим и означаемым не является взаимнооднозначной [5], так как означающее по своей природе всегда предвосхищает смысл и как бы расстилает перед ним свое собственное измерение. Смысл "настаивает" на себе именно в цепи означающих, и ни один из отдельных элементов этой цепи не "состоит" при этом в значении, которое он в момент речи способен принять. … Так, нет значения, которое не отсылало бы к другому значению. Это обстоятельство подытоживается в словах о том, что нет такого языка, который не охватывает сферу означаемого, так как "само существование его в качестве языка предполагает удовлетворение любых потребностей. Любая попытка очертить в языке строение вещи сразу же сделает очевидным, что строение это проявляется лишь на уровне концепта" [4]. Отсюда громадное внимание к означающим и их означающим, что делает второстепенным означаемое. Подобный подход к означающим многое менял и не только в посихоаналитике.

Соссюеровские означающее и означаемое, Ж. Лакан включает в анализ структуры бессознательного. Это приводит к весьма оригинальным выводам не только относительно психологической практики, но и открывает общие закономерности процесса означивания, на фоне которого механизм работы сознания и самосознание показывают неизвестную природу. В контексте работы с бессознательным Лакан демонстрирует специфику влияния означающего на означаемое и показывает становление этого влияния по двум литературно-поэтическим направлениям: по *метафоре* и по *метонимии*, которые реализуются с помощью операции *сгущения* и *смещения*.

К потоку речи пациента Лакан относится как к экспериментальному материалу, который необходимо структурировать для выявления бессознательного смысла. При этом элементом такой структуры мыслится как латентное присутствие, так и отсутствие объекта (затуманенные вещи), как "нехватка". Все объекты в этом экспериментальном материале фигурируют в виде означающих. Лингвистические оппозиции: означающее/означаемое, язык/речь, метафора/метонимия, Лакан использует для структурирования бессознательного в виде языка. Именно язык формирует бессознательное как символический порядок, который институирует (создает, оформляет, легитимизирует) "Другого",– и как желания (вытесненные мысли, по Фрейду) и как осуществление его подавления через связь означающих. Структура взаимоположений означающих в виде метафоры раскрывает хитросплетение уплотнения (сгущения), а структура отклонения значения (смещение) обеспечивает обход социальной цензуры для самовыражения скрытой мысли. Здесь фундируется основная специфика лакановского подхода к бессознательному: значение функционирует через связь означающих, которые практически независимы от означаемых, т.е. не репрезентируются означаемыми. Разгадывание смысла бессознательного предполагает расшифровку не по ту сторону означающих, а их самих (означающих). Так, новый

взгляд на психоанализ был построен на структуре языка. Все эти положения лакановской структуры обнаружения и означивания мысли радикально меняют классические представления философии сознания и самосознания. Структура самосознания предстала в виде сложнейшего *механизма саморегулирования* непредсказуемой, стохастичной, нелинейной, а главное – бессознательной мысли.

Несущая конструкция

Каркас лакановского видения психики, строится на трех системах, представляющих собой разные хронологические регистры измерения человеческой жизни: *Реальное* (экзистенциальное, как чувственный опыт, оформляется как бытиевсебе), *Воображаемое* (феноменологическое, как индивидуальное сознание, бытиедлясебя), *Символическое* (структурное, как социальное отношение, бытиедлядругих).

Несмотря на то, что многие специалисты считают сравнение некорректным, понятно, что здесь напрашивается аналогия с фрейдовской структурой: id – ego – super-ego, но есть и особенности. Указанные регистры полностью автономны и целостны как структуры, но существование каждого из них зависит от двух других. Каждый элемент, заявленной конструкции, Лакан трактует как психологическое измерение бытийствования человека. Взаимосвязь регистров, тополочекое их выражение Лакан видит в метафоре колец Борромео.

Бытие-в-себе

Элемент опыта и здравого смысла – это регистр Реального, который понимается как спонтанный опыт и непосредственное переживание ребенком собственного жизненного процесса и является результатом столкновения с объективным миром, потому выглядит как исходный регистр невозможного опыта (как на уровне организации высших животных). Очевидно, что в строгом смысле слова, опыт предполагает наличие средств анализа и средств его артикуляции. При формировании регистра Реального нет ни того, ни другого. В определении Лакана, – это доязыковое бессознательное, доопытный опыт: невыразимый, исконный, недоступный именованию хаос ощущений, нечто аморфное, телесносексуальное. В реальном времени – это период младенчества. Здесь нет ни различениия, ни нехватки, ни избытка. Феномен человека (как существа сознательного) как раз возникает на месте разрыва с этим Реальным. Здесь Лакан фиксирует выход человека из животного состояния, его трансцензус в человека. В регистр Реального попадает та, в основном, эмоциональная память, которая никогда не может быть артикулирована в связи с принципиальным отсутствием возможности (нет инструмента, который артикулирует, т.е. сознания), что в работах Лакана становится темой особой озабоченности. Однако именно содержимое Реального регистра формирует базовые точки экзистенциального темперамента субъекта, которые в дальнейшем полностью определяют подлинную природу однократности человека (для психолога – психотик, невротик, пограничник). Доведенные до болезни эти склонности требуют от Лакана-психоаналитика их дешифровки. В фундамент указанного регистра легла одна из важнейших идей Ж. Лакана, разработанная им еще 1936 г. – "стадия зеркала" (6-18 месяцев). Совпадение человеческого существа с самим собой кладет начало конституированию уникальных бытийных структур индивида.

Так как непосредственного доступа к Реальному нет [6, 29], в качестве результата указанных рассуждений, Ж. Лакан утверждает, что Реальное осуществляется в факте "преждевременного рождения". Об этом говорит та анатомическая незавершенность нервной системы младенца, которая, по умолчанию имеет место, в силу весьма скудного опыта младенца. В рамках указанной стадии, ребенок только полуавтономная часть материнского тела. Он не может рассчитывать на собственные инстинкты (не может "укрыться под сенью инстинкта"), поэтому младенец, чтобы научиться отделить себя от внешнего мира, выделить себя из него, – строит отношение с реальностью искусственным образом. Именно поэтому, по словам Лакана, в стадии зеркала он практически собственный двойник. Так, начиная со стадии зеркала, т.е. через первые механизмы идентификации, начинает складываться "онтологическая структура человеческого мира", как способ индивидуального очеловечивания. Именно с этого момента индивид входит в стадию "Воображаемого". Все признаки стадии зеркала пропадают бесследно в этой фазе. Родившись, ребенок не обретает единство с Природой, а строит воображаемые, неестественные формы и измерения бытия, которые, по мнению Ж. Лакана, ведут к искажениям глубоко индивидуальной основы человека.

Здесь вызывает вопросы контекст понятий "неестественное" и "глубоко индивидуальная основа". Все, что происходит с младенцем с рождения, в виде его социализации – есть естественное с точки зрения человечности, если

речь идет о человеческих измерениях. Другое, "более естественное", что могло бы случиться с ребенком, было бы для человека неестественным. Достаточно вспомнить, что ребенок, выросший среди зверей, человеком не становится. Так, почему же его социализация в виде проживания среди себе подобных (что является условием оформления Воображаемого) Ж. Лакан называет неестественным? Также непонятно противопоставление этого "неестественного" и "глубоко индивидуальной основы". Не только понимание данного термина, но и сам феномен индивидуальности *для человека* (животное тоже обладает "индивидуальностью", к примеру, в виде внешних и психологических особенностей) получает распознавание и спецификацию как нечто сугубо *человеческое* лишь с оформлением *Я*, как сознания. Ни о какой "индивидуальности" не может быть речи до появления инстанции сознания (*Я*), в нечеловеческом измерении ее просто не существует.

Бытие-для-себя

Восполняющий элемент. Разработка несущей конструкции Лакана, начиналась с термина "воображаемое" еще до его знаменитого Римского доклада. Воображаемое мыслилось инструментом создания и измерения сознательных или бессознательных образов. Исходя из того, что *Я* формируется в процессе опознавания зеркального образа-копии, Воображаемое выступало еще и способом конструирования идентификации.

Тот момент, когда исчезает стадия зеркала, напоминает опрокидывание, происходящее на определенных этапах психологического развития: "Когда Фрейд говорит об эго, речь вовсе не идет о чем-то резком, определяющем, императивном, что сближало бы его с тем, что в академической психологии называется "*высшими инстанциями*". Фрейд подчеркивает, что оно сильно походит на поверхность тела. Здесь имеется в виду не чувствительная, сенсорная, испытывающая воздействия поверхность, а поверхность в той мере, как она выразилась в форме. Именно в этом движении опрокидывания, обмена с другим, человек узнает себя как тело, как пустую форму тела. До тех пор пока желание не научится узнавать себя – скажем же, наконец, это слово – посредством символа, оно видимо лишь в другом. Первоначально, до подключения языковой деятельности, желание существует единственно в плоскости воображаемого соотношения зрительной стадии – проецированным и отчужденным в другом" [7, 224-225].

Уже в 50-е годы Лакан утверждает, что весь аналитический опыт разворачивается на стыке воображаемого и символического. При этом центральной точкой роста становится символическое. Исследование "тёмных закоулков воображаемого опыта" представили Воображаемое как проблему, а Символическое предстало как способ её решения: кризис идентичности заключается в распадении системы ложного *Я*, "в дезинтеграции воображаемого единства, конституированного посредством *Я*, в котором субъект находит означающий материал своих симптомов" [15, 137]

Исходя из логики Ж. Лакана, природа Воображаемого заключается в компенсаторных функциях изначального дефицита ("нехватки") Реального. В результате оформления Воображаемого, человек оказывается расколотым на *Я* (Собственное *Я*, в виде бесформенного, невозможного опыта) и на мое *Я* (зазеркального), в виде нечто внешнего, во что облекается личный опыт и, которое находится в зазеркалье.

Условием первичной идентификации Лакан считает совпадение этих двух *я*, что равносильно обретению Воображаемого регистра и принимается как обычно понимаемое Эго, т.е. сознание. Данное обстоятельство становится основанием двойственности фундаментального единства *Я*. Так как при социализации индивид интериоризирует в свое целостное Эго и зазеркальную часть, как представителя чуждого в самом индивиде, то создается реальная психологическая основа расколотости самоощущения. Однако это не становится основанием трагедии, так как, по мнению Лакана, "Человеческий субъект способен овладеть навязанными ему миром условиями так, словно эти условия были для него созданы, более того – получить в этих условиях удовлетворение" [8, 292]. Зато расколотость становится основанием и многозначности, и сокрытости смыслов и значений слов, символов и знаков. Очень интересен и тот факт, что в этом контексте, фактор "преждевременного рождения" выглядит как своеобразный естественный повод образования и укоренения травмы, а возникновение Эго – как результат самого первого эффекта травмы.

Другими словами, обретение индивидом самого себя, т.е. сознания, связано с фундаментальной биологической предрасположенностью на трансцензус из животного царства. Так, процесс очеловечивания через спонтанное узнавание ребенком своего отражения (стадия зеркала) запускается механизм формирования

индивидуальности и субъективности, которые приходят со стороны, а не изнутри. В процессе социализации ребенка осуществляется интериоризация им своего образа, как зазеркальной реальности, которая становится органичной частью целостного Эго, т.е. идентификации, т.е. сознания. Он соединяется с Собственным *Я*, с тем бесформенным опытом, который спонтанно имеет место быть как первичное переживание им своего жизненного процесса. Именно здесь получает завершенность структура *интра-субъективности*, т.е. Собственного *Я*, как суммы бесформенного опыта и зазеркального образа.

После первичной идентификации, почти сразу оформляется процесс Эдипового комплекса, который, по мнению и З. Фрейда, и Ж. Лакана, при нормальном развитии должен завершиться вытеснением и, как результат, стать второй идентификацией, в виде создания *Идеала Я*, предназначенного для выполнения угнетающих и агрессивных функций, как совокупность интериоризированных социокультурных норм бытия. На этом этапе обнаруживается антагонизм между Собственным *Я* и Идеалом *Я*. Идентификация Идеала *Я* находится в состоянии несовпадения с идентификацией Собственного *Я*, структура которого построена на соотношении субъекта с образом себе подобного [8, 336]. Здесь берет начало принципиальная многозначность процедуры смыслообразования, придания значения и многократного переназначения знаков без прозрачного на то основания и представленности в сознания. По словам Ж. Лакана, Идеал *Я* не пытается стать идеальным *Я*, имеет собственную структуру, регистр и функции. Если в регистр Собственного *Я* Лакан включает страхи, связанные "с нарциссическими покушениями на собственное тело", то в регистр Идеал *Я* входит подавление и угнетение. Так, сумеречно-конфликтная зона взаимоотношений Идеал *Я* и Собственного *Я* представляет собой сферу вражды, соперничества и агрессии. Несмотря на это структура Идеала *Я* – как результат позднейшей идентификации, кооптируется во внутренний мир личности и становится частью единой и окончательной структуры субъекта. На базе их связи оформляются отношения инер-субъективности, которые демонстрируют неотъемлемое и навсегда усвоенное изменение внутри структуры субъекта (привнесенное Идеалом *Я*), и утверждает принципиально вербальный характер связи между ними. В последующем регистре, несоразмерность бесконечной мощности мыследеятельности и ограниченных возможностей вербализации станет одной из причин оформления сумеречного сознания, а бедность языковой выразительности – основанием незаконченных значений.

Прохождение субъектом Эдипового комплекса и комплекса кастрации, у Ж. Лакана прочитывается как способ вхождения в символический (вербальный) порядок. Отсюда утверждения о том, что интра-субъективность и интер-субъективность друг от друга неотделимы [8, 337-338]. Так, в плане существования в качестве человека, субъект с самого начала оказывается существующим в разделении. Почему? Потому что его бытие требует для себя представления в другом месте, в знаке, а сам знак расположен в ином месте, в третьем (место это есть не что иное, как место условного означающего) [4]. Итак, Лакан предлагает два этапа идентификации: первый, как совпадение Собственного *Я* и мое *Я*, результатом чего является оформление *Я* сознания; и второй, как формирование Идеала *Я* с уникальной символической природой, которое находится в состоянии вечного конфликта с Собственным *Я*.

Основная задача – выяснить природу бессознательного – потребовала прояснения механизма доступа языка Идеал Я в область Собственного *Я*. Лакан приходит к однозначному выводу: образная структура Собственного *Я* допускает вербализацию при определенных обстоятельствах: в бреде сумасшедшего, сновидениях, очитках и т.д. Сквозь призму трех регистров становления психики, бессознательное демонстрировало свою лингвистическую (а не инстинктивную или символическую) природу. Так как бытие субъекта требует представления себя в знаке, то он существует в раздельности, и это принципиально. Именно это обстоятельство и задает ту структуру субъективного разложения, без которого создать сколь-нибудь основательное представление о бессознательном, просто невозможно [8, 297]. Однако столь глубокий интерес к Собственному *Я* становится причиной максимального снижения интереса Ж. Лакана к *Я*-сознанию.

"Сказать "*Я*" – что это такое? Что это – то же самое, что и психоаналитическое понятие эго? … Употребляя слово "Я", вы не можете не знать, что "*Я*" прежде всего отсылает нас к психологии, в том смысле, что, когда речь идет о наблюдении за происходящим в жизни человека, перед нами не что иное, как психология. Как научается человек говорить это "*Я*"? "*Я*" является словесным выражением, обучение употреблению которого происходит в некото-

рой отнесенности к другому – речевой отнесенности. "*Я*" рождается в отнесенности к "Ты" [7, с.220]. Здесь кроется еще одна причина сумеречности сознания и незаконченных значений. Ведь "Ты" совершенно непрозрачный объект. Положение усугубляется фатальной зависимостью *Я* от него. Отсюда весьма расхожая мысль, запущенная Лаканом и поддержанная многими его аналитиками о том, что Воображаемое – это царство поверхностных явлений, которые по природе своей обманчивы, есть обман [14].

Однако стоит отдельно отметить, что Воображаемое обладает грандиозной положительной ценностью для любых процессов, протекающих в человеческом значении: оно осознает и осознанное выражает в слове. Человеческое бытие принципиально требует фиксации себя в знаке, слове: 1) слово имеет значение, 2) является означающим мысли и смысла 3) любое готовое значение имеет собственное значение, любое означающее имеет собственное означающее. В анализе бессознательных процессов означающие означающих принимают демонстративно прозрачный вид, обеспечивают доступ к процессам, не имеющим прямого выхода на вербальное выражение. Означающие слова позволяют иметь осознанное представление тех знаков и символов, к которым сознание не допущено собственными средствами. Если Лакан под представительской функции Воображаемого регистра имеет в виду то, что данный регистр создает вербальную форму (отражает, именует и присваивает мир), которая после (в Символическом) становится способом озвучивания бессознательного, то вряд ли эту функцию можно назвать незначительной. А главнее всего, что другим средством трансцензуса человек пока не располагает.

Бытие-для-других

После Римского доклада интерес Лакана переключается на термин "символическое". Символический регистр как структурирующий элемент представляет собой ядро сугубо человеческого существования, большая часть которого, по словам Ж. Лакана, существенно сексуальна и бессознательна. Человек в данном регистре – представитель и продукт культуры. Символическое формирует субъекта, загоняет его в язык и стремится подчинить и управлять им. Ключевой термин для Символического регистра – запрет. Так как интериоризация социокультурных норм в личностную структуру происходит через оформление запретов и требований, как форм долженствования, то сознание человека присваивает статус запретного к опасным социокультурным видам отражения, объяснения и понимания, которые, также как все в сознании, имеют вербальную, т.е. символическую природу. После того, как этнографические исследования стали проектировать лингвистические методы анализа примитивных языковых структур первобытных обществ, символическое стало демонстрировать ярко выраженную социальную структуру. Символическую функцию стали рассматривать в терминах обмена и дарения, избытка и восполнения нехватки. Однако так понятая символическая функция, которая демонстрировала глубокую социальную природу Символического регистра, ничего не сообщала о субъективных представлениях и переживаниях индивида, что нивелировало его способность сохранить постоянство и стабильность саморегулирующей системы.

Это обстоятельство предопределяет интерес Ж. Лакана к тем смыслам и способам их выражения, которые составили структуру Символического регистра в виде означающего и означаемого в индивидуальном смысловом пространстве. На базе лингвистических значений означаемого и означающего, Ж. Лакан строит весьма оригинальную систему, посредством которой пытается объяснить не только неоднозначные отношения между ними, но и их зависимость от сугубо языковых феноменов: метафор, метонимии и дискурса. Кроме того, особый интерес Ж. Лакана к бессознательному делает все вышеперечисленные отношения лишь инструментом анализа и изучения бессознательных процессов, которые открывают исключительные свойства означающего. Именно здесь, язык сам "вопрошает о своей природе" и прежде всего требует избавиться от иллюзии, будто означающее выполняет функцию репрезентации означаемого. Это значит, что означающее не должно оправдать свое существование ссылкой на означаемое, или какое бы то не было значение [4]. Ж. Лакан отмечает, что еще у Фрейда можно прочитать об особенной роли означающего, и что в анализе бессознательного, статус конституирующего элемента Фрейд отдает именно означающему. По мнению Ж. Лакана, этого никто не заметил, так как формальный аппарат, которым располагал Фрейд, был недостаточен для выявления инстанции означающего, ибо работа "Толкование сновидений" вышла в свет задолго до появления формального аппарата лингвистики [4]. Таким образом, Лакан полностью раскрепощает означающее, утверждая его авто-

номный и даже созидающий характер. Так понятый "язык" становится ключевым элементом для конструирования символического порядка, который поддается обнаружению и анализу.

В плане социальной предопределенности человека, запрет исходит из совокупного субъекта. Это те отношения *Я* с социумом, которые навязывают каждому *Я* нормы-запреты человеческого общежития. Инстанцией этого запрета становится "Имя Отца" и все что культурно с ним связано: это и написанные законы, и обычаи, и нормы. Другими словами, это вся упорядочивающая система социума. Именно здесь, в Символическом, идентификационная матрица субъекта достраивается до своей полноты, обретая себя. Как только "оседает" субъективность в собственном зрительном образе и получает объективацию в воображаемых отношениях с другими, язык становится источником вторичной, символической идентификации, которая реализуется как социальное и выражается в языке, поэтому язык сам предстает как Другое, говорящий от имени социума (так как Другой является универсальной "персонификацией" всего того, что является социокультурным), оно не имеет никакого определенного образа, и раскрывается лишь в качестве возможности проявления социокультурной сущности человека. В зеркале этого Другого (через язык) субъект распыляется, так как идентификация с Другим (языком) означает, если не отказ, то утрату конкретного персонального образа. Лакан показывает, что символический субъект не является монолитом, он, как луковица, состоит из множества прошлых воображаемых идентификаций. Так понятый "язык" становится ключевым для конструирования символического порядка, который поддается обнаружению и анализу.

Человек раб не только языка, но и *дискурса*, поэтому, по утверждению Ж. Лакана, помимо природы и культуры, мировоззрение содержит в качестве главного члена еще общество, которое входит в круг анализа лингвистики через дискурс: "…этнографическая дихотомия природы и культуры должна при описании человеческой участи уступить место трихотомии природы, общества и культуры, причем последняя может быть вполне сведена к языку – тому, что принципиально отличает человеческое общество от других природных сообществ" [4]. Более того, самые существенные изменения общественного опыта относятся к той традиции, которая возникает в дискурсе. Именно эта традиция создает основу тех элементарных структур культуры, которые возникают задолго до того, как в них будут вписаны личные или общественные "драмы истории". Исследования приводят Ж. Лакана к выводу, что человек скорее существо говоримое, чем говорящее, не только творящее, но и творимое. Но вместе с тем, так как готовые языковые формы создают возможность (пусть искаженно, но) вербализации скрытой мысли с помощью мультипликаций означающих, то это обстоятельство, как технический прием умножения значений, открывает доступ структурации индивидуального смыслового пространства.

Человек в анализе Лакана есть субъект психики. Другой (здесь это его глубинное иное, иначе думающий и чувствующий) – тоже субъект, но бессознательного, естественным регистром которого является Реальное. Воображаемое, по словам Ж. Лакана, вовсе не существует или не принимается во внимание в собственном значении, а только как представитель Реального. С разворачиванием Символического регистра, ребенок попадает под власть языка, как Другого. И только здесь появляется необходимость экспликации означающего и означаемого в качестве механизма выявления истинного смысла употребляемого слова (вот только возникает вопрос: кто выявляет этот истинный смысл употребляемого слова? Символическое Я? Бессознательное? Вопрос риторический. Это по силам только сознанию, тому самому Воображаемому регистру).

Очевидно, что анализ Лакана значительно смягчает противопоставление сознания с бессознательным. Особое внимание привлекает положение о том, что символическое возникает на стыке бессознательного и языка. Именно поэтому не удивительно, что, с одной стороны, бессознательное структурировано как язык, а с другой – ясное в мысли значение в языке принимает незавершенный и сумеречный вид. Исходное положение о том, что средством осознания, присвоения окружающего мира является язык, принимается по умолчанию. Положение о применении языка для присвоения весьма неорганизованного и противоречивого внутри себя бессознательного, получает детальное обоснование. Поиск значимого слова в речи пациента превращает дискурсивную практику в психоанализ, так как именно через скрытые значения слов и аллегории можно попасть в сумеречную зону сознания. В этой зоне происходит организация бессознательного: удаляется конкретное про-

тиворечие между языком и бессознательным и отвоевывается смысл. В терминах Ж. Лакана, происходит "освобождение речи" и "извлечение словом" скрытого смысла (желания).

Используя (фрейдовские) операции сгущения и смещения для перевода скрытой мысли в явный план, Ж. Лакан, указал, что именно сама операция перевода не поддается осознанию, т.е. является бессознательным, а не сами скрытые мысли.

Все правильно. Вопрос бессознательного связан с неясностью процедур, латентных скреплений смыслов. Однако роль Эго (воображаемого) умалить здесь нельзя. Без него ничего не может происходить в сумеречном сознании. Прежде чем Символический регистр обретет самостоятельность, он "разговаривает" на языке сознания, Воображаемого Я. Притом, что Эго не принимает видимого участия в этой операции перевода скрытых мыслей в явный план, все-таки именно оно является своеобразным "заказчиком" этого перевода. Далее, есть лишь одно средство, один механизм, который сделает мысль очевидной и осмысленной, извлеченной и освобожденной – это язык (т.е. сознание). Процедуру присвоения, уразумения мысли (в слове) может проводить лишь инстанция Эго. И еще, способы сгущения и смещения, независимо от их бессознательного (интуитивного) происхождения, не могут быть вербализованы без Эго (здесь строго сознания). Утверждение Ж. Лакана о том, что бессознательные мысли могут быть вербализованы, не означает, что сам процесс этой вербализации может быть бессознательным. Даже те мысли, которые "выскакивают" внезапно в оговорках, описках, очитках и т.д. лишь благодаря Эго получают случайную возможность заявить о себе. Все указанные функции эго никак не сводимы к его представительской функции. Они – сущность Воображаемого, которое запускает бытие такого проекта как "человек".

Как уже было указано, для Ж. Лакана, обретение воображаемой идентификации требует совпадения "Я" (Собственное Я, "индивидуальная основа") и "своего Я" (имаго). При этом внутренняя расколотость Эго не только сохраняется, но выступает матрицей стабильности и единства структуры. Однако диалектическое единство "Я" и "моего Я", в представлениях Ж. Лакана, создается путем поглощения интимного я социальным я, один вверяет себя другому, чтобы стать идентичным самому себе, взаимно утрачивая себя.

Должно быть, это закономерно только для больной или нестабильной психики, так как в здоровой психике Я-сознание (Воображаемое) выступает в роли третейского судьи между Реальным (*Я*-интимным) и Символическим (Я-социокультурным) регистрами, так как именно оно является единственным верховным регистром, регулирующим отношения между всеми состояниями психики (собою (Воображаемым), Реальным и Символическим). Когда же речь идет о поглощении одним из них другого во имя единства структуры Эго, мы сталкиваемся с больной, как минимум с нестабильной психикой. Отклонения не всегда означают сумасшествие. Но о неполноценности структуры Эго, как раз сигнализируют или асоциальные представления о мире (примат интимного Я) или незначительные комплексы неполноценности индивида (примат социокультурного Я).

Ж. Лакан показал, что полноценное представление связи человека с окружающим миром не ограничивается связью между бытием и сознанием. Человеческое существование – это динамическое состояние. Процессы, не позволяющие человеку "завершиться", неоднородны. В трансцендентной области стали различимы неоднородные состояния. Все структурные единицы целостного субъекта, демонстрируют трансцендентную сущность (Реальное – в свое Другое, Воображаемое – в иллюзорное я, Символическое – в великое Другое). Это означает, что их не только невозможно представить на одной площадке, но и "я мыслю там, где я не есть, и я есть там, где я не мыслю", показывает автономность человека бытийствующего (Реальный регистр) от человека, как субъекта мышления (Воображаемый регистр). За связь между ними отвечает третий регистр, который держится столь же автономно. Мысль обосновывает бытие опосредовано, через язык, символическое, которое отвечает за дискурс.

Так, в своих непосредственных границах они пересечься не могут. Столь высокая степень автономности заявленных регистров в качестве этапов становления человека также не обещает истинную целостность субъекта и прозрачность и ясность принятых им значений. При этом проявлять собственную специфику все три регистра могут лишь на фоне наличия двух других. В этом смысле, сравнение отношения регистров с кольцами Борромео является удачной демонстрацией их соотносимости.

Система языка – это система символическая, в человеческой жизни приходит извне и в готовом виде в качестве основного средства выражения себя как человека. Через символы

(язык), человек выражает смыслы и значения, которые могут находиться только в Воображаемом. В свою очередь, Воображаемое берет первозначения (означаемые) этих смыслов в Реальном регистре, как его законный представитель (в означающем человек пытается обозначить Реальное, которое принципиально непостижимо).

Когда Лакан утверждает, что за связь между Воображаемым и Реальным отвечает Символический регистр, он может иметь в виду лишь дискурсивный уровень их анализа, который подвержен эпохальным и культурным изменениям, что, безусловно, определяет взаимоотношение регистров на уровне развернутой речи (литературы, поэзии, бреда). Тогда как на более фундаментальном уровне порядок их взаимосвязи совсем иной.

Именно с оформлением сознания организуются два других *я* (*я*-интимное, *я*-социокультурное), и два "Других" (другое как оно, другое как символическая система). А язык, который специфицирует именно сознание (а не только социокультурное), является средством постижения и двух *Я*, и двух "Других". Одно "Другое" уходит в глубь личности, обозначает (именует, делает различимым, видимым, обособленным) то, что обычно называют: оно, бессознательное, внутреннее *я*, интимное *я*. Другое "Другое" – выходит во вне, обозначает социальное, культурное, языковое, символическое, знаковое. Этих двух *Я* и двух Других никогда бы не было без *Я*-сознания. Первые предшествуют Воображаемому (хронологически), причем весьма условно, так как бытие Реального становится фактом строго после оформления Воображаемого и для Воображаемого. Вторые разворачиваются лишь благодаря тем знаковым систам, которые создают Воображаемое. Оно их различает, именует, регулирует отношения между ними и тем самым оформляет (не только идентификацию, но и) сущность человека. Сознание одно способно обеспечить и осознать их автономную субъективность и от себя, и друг от друга, и адаптировать и присвоить их в качестве иных *Я*, и в качестве Других. Лишь дальнейшее усовершенствование инструмента сознания снимает многие вопросы и проясняет туманности интуитивно работающих значений и смыслов.

Очень может быть, что Малкольм Боуи прав и "Воображаемое, Символическое и Реальное – это несвятая троица, члены которой могут быть с лёгкостью названы Обманом, Отсутствием и Невозможностью" [14, 112)]. Может быть, что мощности человеческого мозга обладают более совершенными способами и механизмами ясного восприятия окружающего мира чем сознание, но в наличной действительности, человек как существо разумное, созидается сознанием, Воображаемым регистром, понятием "*Я*".

Таким образом, первая идентификация со структурой – *Я*, не-*Я* – весьма условна. Не-*Я* здесь лишь граница *Я*. Вторая идентификация, со структурой *Я*-интимное, *Я*-другое (социокультурное), тесно связано с Символическим регистром. С возникновением инстанции *Я*-другое (социокультурное), складывается двоичная структура целостного *Я*. *Я*-другое принципиальный антипод интимного *Я*. Идентификация связана вовсе не с отношениями интимного и социокультурного *я*. Она связана с *Я*-сознанием и его отношением с двумя другими я. Регулятивная функция *Я*-сознания обостряет конкуренцию между *Я*-интимным и *Я*-социокультурным в удовлетворении желаний. Самостоятельно они не могут себя реализовать. Добро на это удовлетворение дает *Я*-сознание. Именно с этой позицией связано возникновение Символического регистра человеческого измерения.

Мысль и существование связано языком

Таким образом, возникновение человеческой психики Лакан связывает с оформлением трехступенчатого регистра становления: Реального, Воображаемого, Символического. Реальное в целом соответствует досознательному состоянию психики, т.е. это жизненные функции, которые относятся к доязыковому, доопытному опыту. Воображаемое совпадает с этапом собственно сознания, тем психическим представлениям, которые запускают механизм идентификации, и в трактовке Лакана выполняет представительские функции. Оно представляет регистр Реального, для которого создает иллюзорную реальность (дубликат объективной реальности данной человеку в ощущениях. Дубликат имеет сугубо вербальный вид). Символический этап полностью соответствует освоению и пониманию своего положения в социальной сфере и структуре языка. Однако из-за принципиальной несовместимости Реального и Символического регистров, Воображаемое формирует "запрос" на самого себя настоящего. Но социально определенная сущность человека подминает Реальное Я и притесняет его. Как результат, символическая структура выражения и самовыражения используется не по прямому назначению. Цепочка означающего обнаруживает нечто совершенно постороннее тому, что говорит она сама.

И здесь начинается самое важное. По мнению Ж. Лакана, эти функции речи спонтанного самовыражения, как объявление желания, гораздо более достойны внимания, нежели ее функция по сокрытию мысли субъекта [4]. Означающую функцию языка, Ж. Лакан находит в перечне стилистических фигур в виде двух разнонаправленных русл – метонимии и метафоры. В смысловом поле означающего, они используются для обнаружения смыслов противоположных направлений. Означивающая функция, названная Ж. Лаканом метонимией, помогает обходить социальную цензуру, тем самым дает пространство угнетаемой мысли для реализации. А творческая искра метафоры вспыхивает между двумя означающими, одно из которых вытесняет другое, занимает его место в означающей цепочке, а другое, вытесненное, сокровенно присутствует в силу своей связи (метонимической) с остальной цепочкой. Этот двойной спусковой механизм метафоры и есть тот механизм, с помощью которого симптом (в аналитическом смысле) получает определенность. Между загадочным означающим сексуальной травмы и термином, замененным им в реальной означающей цепочке, пробегает искра, фиксирующаяся в симптоме – а он представляет собой метафору, включающую плоть или функцию в качестве означающего элемента. Именно это значение недоступно сознанию субъекта, в котором данный симптом может быть снят [4]. Таким образом, "симптом есть метафора", однако это утверждение не распространяется на саму метафору. Не является метафорой и утверждение, что желание человека есть метонимия. "Ведь хотим мы себе в этом сознаться или нет, но симптом – это действительно метафора, и шутки шутками, а желание – это и в самом деле метонимия" [4].

Именно демонстрацию подобных искажений Лакан определил как бессознательно происходящее. В любом дискурсе они выглядят как скольжение означаемого под означающим. Уплотнение (сгущение) представляет собой структуру взаимоналожения означающих и является полем действия метафоры, а смещение передает то демонстрируемое метонимией отклонение значения, которое со времени своего появления на страницах Фрейда известно как наиболее эффективный из приемов, применяемых бессознательным для обхода цензуры [4]. Таким образом, именно по ту сторону речи, в бессознательном, психоаналитический опыт обнаруживает цельную языковую структуру. Поэтому Ж. Лакан настаивает, что представление о бессознательном как о некоем седалище инстинктов придется пересмотреть. Бессознательное не имеет ничего общего ни с врожденными идеями, ни с инстинктивным, а самое элементарное в нем – это элементы означающего [4]. Отсюда глубокая ревизия наличных представлений о языке. Наблюдение за больными приводит его к выводу, что ментальным центром речевых функций является афазия, расстройство речи, которое дает симптомы, распределяющиеся по двум руслам сигнификативного эффекта, создаваемой тем, что мы здесь называем буквой – эффекта, имеющего место при создании значения [4].

Смысл буквы

Вопрос, *что* именно получает перекомбинацию (сгущение и смещение), *что* вызывает смену смысла? что открывает скрытое желание? – становится для Ж. Лакана главным. По его мнению, рекомбинируются не представления, мысли или образы, а та лингвистическая основа, на которой возникают все мысли и представления – это буквы, в буквальном смысле этого слова: "Буквой мы называем тот материальный носитель, который каждый конкретный дискурс заимствует в языке. Это простейшее определение предполагает, что язык не совпадает с различными соматическими и психическими функциями, поставленными ему на службу говорящим субъектом" [4]. Именно к ним относятся способы сгущения и смещения по изменению скрытого смысла. Опираясь на работы Якобсона, Ж. Лакан делает вывод о том, что указанные методы определяют язык сновидения и функционируют как естественный язык в рамках метафор и метонимии. Так, возможность структурирования бессознательного Ж. Лакан находит в поэтическом языке вполне естественного образца.

Безусловно, бессознательное – не язык, но структурируется оно языком и как язык. На языке психоанализа это означает, что желание находит удовлетворение в формальных разрывах, сдвигах и напластованиях языка, а не в "означаемом" или "референте". Это очень важное примечание. Только смена одной буквы в слове может заставить сознание ошибиться, дать осечку: "Ведущую роль в драматическом превращении, которое может произойти в субъекте в ходе диалога, играет буква … На любой странице "Толкования сновидения" речь идет как раз о том, что мы называем буквой дискурса, о ее фактуре, ее использовании, ее имманентности изучаемому предмету. Ибо работа это открывает царский путь к бессознательно-

му. И об этом нас открыто предупреждает сам Фрейд" [4]. Так, литературные метафора и метонимия в психоанализе становятся средствами, которые делают прозрачной скрытую мысль (желание).

Как это работает на практике?

Ж. Лакан уверен, что отказ от попыток структурировать речь сумасшедшего безоговорочно заключает ее в рамки психиатрического, служит источником ошибок и непонимания. Заведомо предполагая, что речь идет о феномене анормальном, мы обрекаем себя на невозможность его понять [5]. Те, несуразные слова (фигня), которые можно услышать в бреде сумасшедшего, по мнению Лакана, в высшей степени положительны, организованны и представляют собой противоречия, которые себя высказывают. Смысл бреда лежит именно здесь. "Фигня" в этом бреду, то что себе противостоит, себя упорядочивает, себя преследует и себя высказывает. Таким образом, бред содержит достаточно много простых и доступных данных [5]. Исходя из этого, можно утверждать, что природа языка заключается не в именовании вещей или передаче информации, а в обнаружении желания под надзором инстанции Символического. Ведь любой субъект вынужден вписываться в уже существующий социум, который он застает при жизни, и в границах которого он является лишь переменным, становится передаточным звеном замкнутых "символических контуров" различного порядка: семейного, национального, корпоративного и т.д. В них действуют определенные дискурсы, которые реализуются и самовоспроизводятся за счет использования субъекта в качестве средства: "субъект есть то, что одно означающее репрезентирует другому означающему" [4]. Так, Ж. Лакан согласен с З. Фрейдом, что главным способом отношения к действительности является желание. В отличие от потребности желание не знает удовлетворения, оно не имеет объекта, оно чистая форма языковой модели и бессознательно.

Психоаналитический опыт позволяет установить, что ни одно человеческое действие не остается вне сферы бессознательного. Отсюда утверждение необходимости возврата к истинной речи, так как истина основана на том, что говорится. Эти утверждения становятся фундаментальными положениями работы любого психоаналитика, которому запрещается заниматься внушением, тем более гипнозом. Главное в работе психоаналитика – анализ речи, а не внушение. Кроме того, никакой доминации со стороны психоаналитика или техники внушения над пациентом, Ж. Лакан не признает. Наоборот, смысл психоанализа – в освобождении мышления и раскрепощении слова пациента, в стремлении через простейшие формы смещения, сгущения букв и искажения слов установить истину речи. Для этого необходима техника работы с разрывами и напластованиями в языке, в котором язык себе противоречит и себя показывает.

Именно поэтому Лакан критикует современные ему неофрейдистские концепции, которые основаны на принципах консолидации и социальной адаптации автономного Эго и утверждает, что на самом деле это приводит к усилению внутреннего раскола психики, что становится основанием оформления ущербного образа себя, что, в свою очередь, становится причиной психологических расстройств. По мнению Ж. Лакана, на этой основе у современного человека наблюдается смещение функции Воображаемого. В нем (в Воображаемом) оформляется "запрос" не на другого (на другой особи), а на самого себя (метафора зеркала). Отсюда вывод Ж. Лакана, о том, что собственным *Я* мы пользуемся так же как туземцы Бороро своим тотемом попугаем, они говоря: я – попугай, мы говорим: я – это я сам.

Скрытые значения фундируются в тайне от Я-сознания. Однако используя основные средства существования сознания (вербальный и иные символические способы отражение мира), путем смещения и сгущения, скрытые значения пробиваются к свету самореализации, являются (используют средства сознания против него). Смещение букв кардинально меняет значение слова. Формирование нового значения строится не на означаемом, а на предыдущих означающих (метонимия). Сгущение использует поэтическое и вообще художественное слово, заменяя одно означающее другим (метафора). Итак, любые желания вписываются в наличный символический порядок, основная форма символического порядка – язык. Мысль и существование не тождественны, они связаны языком.

Таким образом, основную цель, как и З. Фрейд свою задачу, Ж. Лакан видит не столько в том, чтобы обратить внимание на ядро нашего существа – "познать самого себя", к чему и раньше призывали – сколько в том, чтобы пересмотреть пути, ведущие к этой цели [4]. Независимо от назначения психоанализа, он полностью зависим от языка, так как психоанализ – дискурсивная практика. В связи с тем, что первоначало осознанного существования человека находится в слове, то попытки создать общую

теорию психического, приводят Лакана к созданию своеобразной теории языка. В интерпретации Ж. Лакана, язык вовсе не имеет атрибутов обыденности. Он всегда – язык бессознательного, сакрального, сокрытого, неидентифицируемого, а главнее всего, что это язык желания: "В основе своей бессознательное структурировано, сплетено, опутано, соткано языком. Причем означающее играет не просто не менее важную роль, чем означаемое, а роль фундаментальную. Ведь на деле язык характеризует система означающего как таковая. Сложная игра означаемого и означающего ставит вопросы, в которые мы не входим, поскольку это не курс лингвистики, но даже присмотревшись к ним со стороны, вы убедились, что связь между означающим и означаемым далеко не является, пользуясь термином теории групп, взаимнооднозначной. Означаемое – это не вещи, уже в первозданном своем состоянии расположенные в порядке, открытом для значения. Значение – это человеческий дискурс, имеющий свойство всегда отсылать к другому значению" [5].

Уместно отметить, что постмодернистское утверждение о смерти мысли в слове, многим пришлось по вкусу ("Высказанная мысль есть ложь". "Написанное слово есть мертвое слово"). Ж. Лакан тоже относится к нему с трепетом ("Лжет слово голосу, а голос – мысли лжет. И в слове гибнет мысль, утратив свой полет" [по 2]. Однако он видит и другую сторону проблемы, и, несмотря на прозу в данном случае, она более ярка и убедительна: "Недаром говорят, конечно, что буква убивает, а дух животворит. Уж коли мы поприветствовали здесь благородную жертву заблуждения, в буквализме как раз и заключавшегося, то отрицать это мы не станем. Но, тем не менее, нам интересно: а как все-таки дух собирается выжить без буквы? Впрочем претензии духа так и остались бы неколебимыми, не сумей буква доказать, что все, имеющее отношение к истине, производит в человеке она сама, без какого бы то ни было вмешательства со стороны духа. Откровение это было Фрейду, и открытое им он назвал бессознательным" [4]. Выраженная в слове мысль становится способом обнаружения других мыслей и демонстрирует культурный фон общества. Невозможность игнорировать силу слов и букв в означивании смыслов, в лакановской системе красноречиво подтверждают бессознательные процессы, в которых в острой бредовой форме означивание являет себя в сугубо символической форме и нуждается в артикуляции. Принципиальная незавершенность индивидуальных значений, их предопределенность не только языком, дискурсом и частным пространством мысли, но и принципиальной невозможностью удовлетворить фундамент мысли – желания, открывает сумерки рождения смысла.

В качестве вывода можно сказать, что в системе Лакана первичное означивание и осознание происходит на уровне Воображаемого и значение здесь связывает Я-сознание со всем иным открывшимся смыслом. Материализация, демонстрация и обоснование этой взаимосвязи сознания и объекта происходит посредством языка. Означающее не является презентацией означаемого. Здесь под означаемым имеется в виду предмет. Однако единственным и истинным означаемым, которое презентируется в означающем является мысль, мысль о предмете, явлении, событии. Нетрудно догадаться, что с развитием речевой системы готовые означающие сами попадают в ряд предметов мысли и чем дальше, тем активнее обзаводятся собственными означающими. Другими словами, открытый Лаканом метод выявления смысла выходит на универсальные просторы смыслообразования. Безусловно, процедура обозначивания внешнепредметного мира и процедура обозначивания предметов внутримыслительной деятельности, явления разного порядка. Отсюда исключительное значение метафоры, метонимии и дискурса. Лакан выходит на проблему означающих, которые сами имеют означающих исходя из психоаналитической практики. Анализируя дискурс бреда, Лакан обнаружил, что связь и значение означающих и их означающих становится слишком явным и очевидным именно в состоянии бреда.

Означающее само является мыслью. Особенно это становится очевидным, когда оно (означающее) еще не имеет имени, понятия, но в качестве мысли (желания) уже "беспокоит" субъекта мышления, требует осмысления, т.е. именования, что без подключения сознания делать невозможно. Так как речь идет о скрытых, болезнетворных мыслях, то в собственном значении означаемые практически никогда не осмысливаются. Очевидными, осознанными они становятся в метафорах и метонимиях, т.е. эти мысли-желания заимствуют имена других предметов, здесь, других означающих, так как иметь собственное имя им запрещено социальной сущностью сознания (тем, кто производит имена и именование). Если безопасные мысли получают собственные имена, то асо-

циальные не могут их получить легальным образом, именно поэтому – они бессознательны. Аффективно-агрессивная природа бессознательных мыслей практически в обход сознания находит себе название, имя, т.е. захватывает уже готовые слова (символы, обозначения, выражения, знаки) на основе любого мельчайшего сходства с ним. Цель – пробиться к процедуре осмысления, осознанной рефлексии. Так, скрытые мысли подсознательной области (вытесненные) никогда не могут получить собственные имена, а только метафорические. Отсюда их специфика: они используют готовые означающие, как имена для себя, в их аллегорических значениях т.е. в переносных или искаженных смыслах.

При этом хорошо известно, что неявные (не артикулированные) мысли вовсе необязательно "вытесненные", "болезнетворные". Они могут быть носителями весьма положительных эмоций, откровений и значений. Т.е. бессознательное бывает иного порядка, прежде всего надсознательного назначения, как средство обнаружения качественно новой мысли. Бессознательное такого рода имеет место при нехватке готового знания. Такие мысли всегда приобретают собственные имена без метафор и метонимии. Осознанным и очевидным их делает не психоаналитическая практика, а механизм интуиции, озарения. однако такого рода бессознательное Лакан не признает, отрицает существование надъязыковых форм мысли (интуиции). Нет никаких доязыковых форм мысли (природа инстинкта), доязыковое бессознательное может "говорить" ровно настолько, насколько оно зацепляется в сновидениях или в речи пациента – утверждает Лакан.

Бессознательное нужно помыслить как язык. Именно с этой целью Лакан обращается к приемам структурной лингвистики. Выявление структурных закономерностей языка, когда речь идет о готовых вербальных системах, будь то сам язык, или живопись, или музыка и т.д. не столь сложно, как структурирование бессознательных процессов, о существовании которых у человека лишь бездоказательная убежденность, что само выглядит как отдельный предмет конструирования. И прежде всего потому, что имеет место катастрофическая нехватка, сумерочность определения мысли о них и почти отсутствует именование, т.е. выражение мысли в понятиях. К тому же область бессознательного весьма разнообразна. Если процессы подсознательного характера (автоматические мысли и вытесненные мысли), так или иначе получают рациональный анализ в учении З. Фрейда, а область пралогического (архетипов и символов), предложенная к анализу К.Г. Юнгом, находит объективные основания в фольклорном наследии, то процессы надсознательной активности мозга, как способа рождения качественно новой мысли, или активности сверхсознательного К. Станиславского, как сверхзадача актера, так и остались вне исследовательского интереса и, соответственно, без вербализации сложной части психики. А все потому, что они никак не связаны с психологическими патологиями, что автоматически снижает интерес к изучению надсознательных процессов в психологии и психоаналитике. Таким образом, психоанализ структурировал психику и во многом обошел стороной истинное назначение структурных элементов, сосредоточиваясь лишь на болезнетворных системах их организации. Отсюда девальвация регистра Воображаемого и небольшой интерес к его собственной природе. Вечное противостояние и принципиальная несовместимость Реального (бессознательного другого, как оно) и Символического (Другого, как языка, как социокультурного), характерна только для больной психики, пациента психоаналитика. То, что в нормальном состоянии психики, антагонизм Реального и Символического разрешается, снимается в Воображаемом (сознательном), Ж. Лакану не интересно. В этом случае их несовместимость не дает болезненного состояния, а становится лишь "опытом двусмысленности" (З. Фрейд), который выводит на новые просторы мыслетворчество и смыслообразования. Язык как феномен именования мысли, как способ ее маркировки именем, может обладать присутствием лишь благодаря сознанию. И только глубокая социализация, обремененная интериоризированными запретами и требованиями, превращает язык в символическое (здесь, в иносказательное) средство выражения и самореализации бессознательного. И в качестве резюме можно отметить: почти без исключения, все значения, которые приходят в науку благодаря работам Лакана, на сегодняшний день имеют вид незаконченных значений, и это сильно поднимает как их привлекательность для ума, так и актуальность, обнаруженных им пространств присутствия мысли.

Литература:

1. Вундт В. Очерк психологии. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 229 с.

2. Горин И. Жак Лакан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://proza.ru/2018/03/21/851
3. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
4. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001008/st000.shtml
5. Лакан Ж. О бессмыслице и структуре бога. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000685/index.shtml
6. Лакан Ж. Семинары, Книга 7: Этика психоанализа. (1959-1960). – М.: Гнозис, Логос, 2006. – 414 с.
7. Лакан Ж. Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа. (1953-1954). – М.: Гнозис, Логос, 1998. – 432 с.
8. Лакан Ж. Семинары, Книга 5: Образование бессознательного. (1957-1958). – М.: Гнозис, Логос, 2002. – 608 с.
9. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., Наука, 1985. – 536 с.
10. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Урсс, 2006. – 256 с.
11. Тетченер Э.Б. Очерки психологии / пер. со 2-го англ. изд. М. Чепинской. – СПб.: Ф. Павленков, 1898. – 286 с.
12. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: ЛКИ, 2010. – 336 с.
13. Якобсон Р. Два вида афатических нарушений и два полюса языка// Якобсон Р. Язык и бессознательное. – М.: Гнозис, 1996. - С. 27-52.
14. Bowie M. Lacan. - London, 1991.
15.Lacan J. Ecrits. - Paris, 1966.

PERSPECTIVES FOR INDIVIDUAL FREEDOM IN A RISK SOCIETY

Lang Petr Petrovich, *DSc of Judicial sciences, Associate Professor, Samara State University of Economics, Samara*

In the conditions of a risk society, many barriers arise that prevent an individual from exercising his freedom: a high degree of risk awareness, the social hierarchy of society is based on risk, risk framing is carried out in a technical language that hides moral assessment, differences in the quantitative language of experts and the qualitative language of ordinary people, the focus of risk society on the future, which creates a gap in the tradition. As positive trends contributing to the liberation of the individual in the risk society, the article notes a drop in trust in expert knowledge as a result of an increase in the level of education and the development of critical thinking. Also, individualization becomes a serious force, which, on the one hand, creates unprecedented opportunities for choice and identity formation, but, on the other hand, transfers the burden of responsibility to the individual.

Keywords: *risk society; risk; freedom; individualization; future; uncertainty.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.23

ПЕРСПЕКТИВЫ СВОБОДЫ ИНДИВИДА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА

УДК 123.1
ВАК РФ 5.7.7

© Ланг П.П., 2022

В условиях общества риска возникает множество барьеров, препятствующих реализации индивидом своей свободы: высокая степень осознанности риска, социальная иерархия общества базируется на риске, фреймирования риска осуществляются техническим языком, скрывающим моральную оценку, различия количественного языка экспертов и качественного языка обывателей, ориентированность общества риска на будущее, что создает разрыв в традиции. В качестве положительных тенденций, способствующих освобождению индивида в обществе риска, в статье отмечаются падение доверия к экспертному знанию в результате роста уровня образования и развития критического мышления. Также серьезной силой становится индивидуализация, которая, с одной стороны, создает беспрецедентные возможности выбора и формирования идентичности, но, с другой стороны, переносит бремя ответственности на индивида.

Ключевые слова: *общество риска; риск; свобода; индивидуализация; будущее; неопределенность.*

Понятие общества риска впервые появилось в 1980-х годах и было развито в своих работах двумя влиятельными социальными теоретиками: Ульрихом Беком в Германии и Энтони Гидденсом в Великобритании. Основное положение этой теории, которая была впервые сформулирована социологом Ульрихом Беком в 1986 году, заключается в том, что постмодернистские общества ориентированы на идею риска, определяемого как "систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и про-

ЛАНГ Петр Петрович,
доктор юридических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет, Самара

изводимыми модернизацией как таковой" [1]. Методы управления рисками, по его мнению, пронизывают большинство сфер современной социальной и политической жизни. Таким образом, идея контроля над будущим является основой, на которой строится понятие риска. В результате этой обязательно тщетной попытки контролировать неконтролируемое, беспокойство о будущем стало определяющим чувством нашего века.

В рамках данной теории можно выделить несколько основных аспектов общества риска, которые теоретики осветили с той или иной степенью интенсивности, но которые, тем не менее, являются наиболее значимыми для понимания роли риска в сегодняшней общественной жизни, а также важны для определения перспектив реализации индивидом свободы. Прежде всего общество риска характеризуется повышенной степенью осознания риска. Его усилия сосредоточены на познании и контроле этого риска, особенно с помощью вероятностных экспертных знаний. Действительно, современные институты, такие как полиция, организованы вокруг знаний и информации о риске [2].

Согласно мнению У. Бека, в обществе риска социальная иерархия все больше основывается на риске, а не на богатстве. Общество риска фокусируется на распределении "плохих", а не "хороших". Маргинализированные люди подвергаются большему риску, но и сами относятся к категории серьезных рисков: это составляет часть процесса их маргинализации. Их статус амбивалентен, с одной стороны, они могут нуждаться в нашей помощи, но с другой – как это ни парадоксально, воспринимаются в качестве угрозы. Ключевая тенденция современного общества заключается в том, что внимание сосредотачивается все больше на угрозе, исходящей от маргиналов, а не на помощи им.

Исследователи "теории управления рисками" проанализировали, как дискурс риска скрывает моральные суждения в технических оценках вероятности ущерба [3; 4]. Этот феномен, наряду с работами У. Бека и Э. Гидденса, можно рассматривать как еще одну ключевую грань "общества риска". Наблюдается активный рост использования экспертных знаний для объединения людей, особенно маргинализированных групп, в категории риска. Хотя данные категории риска могут быть представлены техническим языком, который, якобы, носит нейтральный характер, в его формулировках все же скрыты моральные оценки. Обычным людям трудно сопротивляться такому способу фреймирования риска, и он о своей природе антидемократичен, поскольку прячется в категории научного языка. Однако общество риска одновременно порождает как маргинализацию, так и зачатки способов сопротивления подобным тенденциям.

В обществе риска, несмотря на настойчивые попытки контролировать риск, по иронии судьбы, он все чаще выходит из-под контроля. Парадоксально, но, по крайней мере для представителей большинства современных западных обществ, жизнь, вероятно, во многих отношениях стала безопаснее, чем когда-либо в истории развития человечества: продолжительность жизни растет, смертность от различных болезней сокращается, а количество смертей от несчастных случаев и преступлений (в основном) также имеет тенденцию к снижению.

Однако, что действительно важно для общества риска, так это значение риска в жизни людей [5]. Как отмечают В. Лейсс и Д. Пауэлл, многие противоречия, связанные с такими рисками, как коровье бешенство и глобальное потепление, обусловлены плохой коммуникацией, "коренящейся в различии между количественным языком экспертов и качественной терминологией, обычно используемой гражданами в повседневной жизни" [6, P. 27]. Подобная позиция в отношении экспертного знания находит свое подтверждение и в работе М. Дуглас, считающей, что в большинстве случаев бесполезно говорить обывателям, которые чувствуют, что подвергаются серьезному риску, что, согласно научным данным в нем нет ничего "объективно" опасного [7]. Если риск "объективно" снижается, люди в обществе риска склонны обращать более пристальное внимание на те риски, которые все еще остаются. Повышенная "рефлексивность" или самоконтроль в современном обществе приводит к постоянному осознанию риска и пониманию того, что он всегда частично находится вне нашего контроля. Действительно, риски по своей природе склонны ускользать от определенности и контроля, и чем больше мы думаем о них, тем больше мы, в терминах Сократа, "знаем, что ничего не знаем" о них. Как считает П. О'Мэлли, "сосредоточенность на минимизации риска привлекает внимание к рискованности всего и неуверенности ни в чем" [8, P. 139].

Еще одним ключевым фактором, порождающим атмосферу сомнений и страха, присущую обществу риска, являются средства мас-

совой информации. Главные теоретики общества риска уделяли средствам массовой информации крайне мало внимания и отводили им незначительную роль в процессе конструирования риска. Однако в современном обществе медиа играют ключевое значение в формировании общественного понимания как старых рисков, таких как преступность, так и новых, таких как глобальное потепление и терроризм. У. Бек утверждает, что современные риски, такие как глобальное потепление, имеют мало материальных проявлений, выходящих за рамки экспертных знаний, и, таким образом, особенно подвержены определению через средства массовой информации. Тем не менее, как отмечают критики, значение СМИ в теориях общества риска недостаточно развито ни теоретически, ни эмпирически [9].

Важным элементом общества риска является его ориентированность на будущее. В связи с этим наблюдается разрыв в традициях, традиционных сообществах и традиционных убеждениях. Вместо того, чтобы идти по-старому, проверенному пути, общество риска сосредоточено на понимании и контроле за будущим. Это порождает некоторые этические трудности, связанные с вопросом о том, насколько морально обоснованной является тенденция контролировать людей, опираясь на неопределенные будущие результаты или неопределенное будущее поведение?

Общество риска также характеризуется глобализацией и решением глобальных проблем. По словам У. Бека, хотя риски, как правило, распределяются иерархически, еще одним аспектом общества риска является то, что определенные глобальные риски, такие как ядерная катастрофа или глобальное потепление, оказывают парадоксальный эффект выравнивания по всему миру, пересекая границы национальных государств, в том, что, по его словам, мы все одинаково уязвимы.

Следует отметить, также, что общество риска становится все более индивидуализированным, поскольку индивид лишен различных опор и предоставлен самому себе. В неолиберальном обществе ученые, изучающие "управление рисками", подчеркивают, что ответственность за риск все чаще переносится с правительственных структур как на отдельных лиц, так и на бизнес в целом, а также на частные учреждения и частные организации [10]. Действительно, риск сам по себе является механизмом обеспечения ответственного реагирования, поскольку он конструирует опасности как явления, которые мы оцениваем с целью что-то с ними сделать. Это перенесение бремени риска отчасти является реакцией на широкие политические и экономические сдвиги и возникающую в результате экономическую нестабильность, которая также подпитывает атмосферу сомнений и страха. На самом деле, как утверждают Д. Гарланд и Дж. Янг, они могут выкристаллизоваться в ответ на другие проблемы риска, такие, например, как преступность [11; 12]. Помимо чисто экономических изменений, также наблюдается разрыв традиционных социальных связей и сообществ [13], что одновременно рассматривается как освобождающая сила, поскольку у человека появляется больше возможностей для определения собственной идентичности, но также выступает как источник беспокойства [14]. На самом деле, такая тревога связана с новой свободой, которую переживает современный индивид. В то время как традиционные либеральные общества были организованы вокруг компромисса, при котором индивидуальная свобода подлежала обмену на коллективную экономическую безопасность, сегодня наблюдается противоположная тенденция: компромисс коллективной безопасности в обмен на максимизацию индивидуального выбора, что, в свою очередь, порождает сосредоточенность политического процесса на проблеме преступности и борьбе с ней напрямую связанной с логикой исключения [15].

Положительной тенденцией общества риска становится снижение доверия к экспертным институтам, что порождает освобождение индивида за счет роста уровня образования и развития критического мышления. Граждане становятся более политически осведомленными и меньше доверяют традиционной политике. Они более склонны к участию во вне институциональной политике и в различных социальных движениях, чем когда-либо прежде [16]. Люди также склонны проявлять инициативу и искать информацию для себя в огромном количестве новых и альтернативных источников, особенно в Интернете. Э. Гидденс называет это повышенной рефлексивностью индивидов: в целом они более образованны, вдумчивы, инициативны и критичны.

Усиление индивидуализации ключевая сила процесса освобождения индивида в эпоху общества риска. С упадком авторитета экспертных и политических институтов наряду с ухудшением детерминант социальных классов как доминирующих социальных субъектов, именно люди должны противостоять угрозам и находить способ уменьшить влияние рисков на

свою жизнь [1]. Индивидуализация влечет за собой разрушение определенностей индустриального общества, а также необходимость выработки новых определенностей для индивидуумов, когда они уже не могут полагаться на прежние. Таким образом возникает обширная глобальная запутанностью между людьми. Следовательно, индивидуализация и глобализация являются двумя взаимозависимыми и движущими силами общества риска [17]. По словам У. Бека, в современном обществе человек отделился от социальных институтов, не будучи повторно включенным в них [18]. В результате индивидуализм больше не рутинизируется, а скорее радикализируется, и эта "отстраненная индивидуализация становится движущей силой второй модерности" [17; 19].

Возможности, угрозы и амбивалентность в жизни человека, которые раньше можно было преодолеть в семье, сообществе или за счет принадлежности к группе или социальному классу, должны восприниматься, интерпретироваться и контролироваться самими людьми [20]. Институты и структуры больше не являются источниками жизни людей, но именно человек может быть источником смысла жизни, а также определенности. Таким образом, легитимность и значимость ключевых институтов ставятся под сомнение. Ограничение религии частной сферой, расширение нуклеарных семей и появление государств всеобщего благосостояния – все это символы данной трансформации [21]. По выражению У. Бека, этот процесс ведет к возникновению "индивидуализированного общества", процесс, который охватывает все аспекты экзистенции индивида от образа жизни до институтов, их существования и взаимоотношений, а впоследствии сам порождает новую субъектность [22].

В свете этого процесса, согласно У. Беку, в конце XX века индивидуальность усилилась, и современный мир перешел от структуры к деятельности. Жизнь индивидума характеризуется возможностью выбора, неведомой предыдущим поколениям. У. Бек называет этот процесс "институционализацией индивидуализма", который, хотя и может принести индивиду новые свободы, налагает на него новые обязанности, новое бремя, возникшее в результате снижения авторитета главных институтов [23]. Таким образом современный мир расценивается им как мир неопределенности и беспокойства. Когда дело доходит до принятия решений, люди свободны и одиноки, но они все также одиноки, когда дело доходит до борьбы с последствиями своих решений. Трансформации в природе социальных рисков и угроз, а также институционализация индивидуализма приводят к фундаментальному сдвигу в природе политики и в моделях социальной конфигурации, а затем отдают приоритет эмпирической политике жизни над другими аспектами социальной жизни [21; 22; 23]. Одновременные процессы возникновения рисков и индивидуализации стали движущей силой социальных изменений. Следовательно, современный субъект не может быть равнодушным к этим преобразованиям в обществе. Крупномасштабное производство искусственных рисков имеет негативные последствия в различных социальных сферах, заставляя людей переосмысливать свою жизнь как запланированные проекты и индивидуально привыкать к риску и неопределенности.

Таким образом, различные аспекты "общества риска" выступают в качестве барьеров на пути реализации индивидом свободы. Однако появление более образованного, чем когда-либо прежде, высоко политически осведомленного и настроенного на критическое мышление, поколения, которое может противостоять и преодолевать возникающие препятствия, позволяет, что несмотря на атмосферу страха и неопределенности, утверждать, что свобода индивида – реальная перспектива современного общества. Данная уверенность основана на усилении индивидуализации, которая рождает беспрецедентную возможность выбора и одновременно переносит бремя ответственности за него на индивида.

Литература:

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. – 1994. – № 5. – С.45.
2. Ericson R., Haggerty K. Policing the Risk Society. Toronto: University of Toronto Press. 1997.
3. Ericson R., Doyle A. Risk and Morality // Risk and Morality. Toronto: University of Toronto Press. 2003.
4. Hunt A. Risk and Moralization in Everyday Life // Risk and Morality. Toronto: University of Toronto Press. 2003.
5. Wynne B. May the Sheep Safely Graze? A Reflexive View of the Expert Lay Knowledge Divide // Risk, Environment, Modernity: Towards a New Ecology. London: Sage. 1996.
6. Leiss W., Powell D. Mad Cows and Mother's Milk: The Perils of Poor Risk Communication. Second edition. Montreal: McGill-Queen's University Press. 2004.
7. Douglas M. Risk Acceptability According to The Social Sciences. London: Russell Sage Foundation. 1985.
8. O'Malley P. Governmentality and the Risk Society // Economy and Society 1999. Vol. 28[1]. P. 138-148.
9. Cottle S. Ulrich Beck, "A Risk Society" and the Media: A Catastrophic View // European Journal of Communication. 1998. Vol. 13 (1). P. 5-32.

10. Ericson R., Barry D., Doyle A. The Moral Hazards of NeoLiberalism: Lessons from the Private Insurance Industry // Economy and Society. 2000. Vol. 29 (4). P. 532-558.
11. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago: University of Chicago Press. 2001.
12. Young J. Merton with Energy, Katz with Structure: The Sociology of Vindictiveness and the Criminology of Transgression // Theoretical Criminology. 2003. Vol. 7(3). P. 389-414.
13. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. 2000.
14. Wilkinson I. Anxiety in a Risk Society. London: Routledge. 2001.
15. Зигмунт Бауман. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь Мир, 2004.
16. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011.
17. Beck U., Bonss W., and Lau C. The theory of reflexive modernization. Theory, Culture & Society. 2003. Vol. 20. P. 1-33.
18. Rossi I. Reflexive modernization // Ulrich Beck: Pioneer in Cosmopolitan Sociology and Risk Society, Springer International Publishing. 2014. P. 59-64.
19. Beck U., Williams, J. Conversion with Ulrich Beck. Cambridge: Polity Press. 2004.
20. Beck U. The reinvention of politics: Towards a theory of reflexive modernization // Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order / Ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. – Stanford (CA): Stanford univ. press, 1994. – P. 1-55.
21. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
22. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельнику и Н. Фёдоровой; посл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
23. Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: SAGE Publications Ltd. 2002.

SOCIO-CULTURAL ADAPTATION TO THE PROCESSES OF MODERN MODERNIZATION

Makarov Ivan Leonidovich, *student, Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol*

The purpose of the study *is to analyze the relationship between the processes of adaptation and modernization; to demonstrate the features of adaptation to modernization in modern Russian, to identify its problems and outline ways to solve them.* ***Scientific novelty.*** *Sociocultural adaptation is characterized as a complex structured set of adaptive processes. It is shown that modern modernization involves the mutual adaptation of cultural traditions and modernization models of the social structure. The features of adaptation to modernization in modern Russian society are revealed.* ***As a result,*** *it is concluded that following Western modernization models in Russia led to stressful adaptation and social archaization. Adequate adaptation strategies presuppose the coordination of socio-cultural forms of tradition and modernization at the level of public institutions and everyday social practices.*

Keywords: *socio-cultural adaptation; social modernization; modern society; social transformations; culture; tradition; values; social archaization.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.24

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ К ПРОЦЕССАМ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

УДК 141.3
ВАК РФ 5.7.7

© Макаров И.Л., 2022

Цель исследования *- проанализировать взаимосвязь процессов адаптации и модернизации; продемонстрировать особенности адаптации к модернизации в современном российском обществе, выявить проблемы социокультурной адаптации к процессам российской модернизации и обрисовать пути их решения.* ***Научная новизна.*** *Охарактеризована социокультурная адаптация как сложно структурированная совокупность приспособительных процессов. Показано, что современная модернизация предполагает взаимную адаптацию культурных традиций и модернизационных образцов общественного устройства. Определены особенности адаптации к модернизации в современном российском обществе.* ***В результате*** *выявлено, что следование западным модернизационным образцам в России привело к стрессовой адаптации и социальной архаизации. Адекватные стратегии адаптации предполагают согласование социокультурных форм традиции и модернизации, на уровне общественных институтов и повседневных социальных практик.*

Ключевые слова: *социокультурная адаптация; социальная модернизация; современное общество; социальные трансформации; культура; традиция; ценности; социальная архаизация.*

МАКАРОВ Иван Леонидович, *студент, кафедра Философии, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь*

Введение

Анализ социокультурной адаптации как процесса приспособления к изменяющимся условиям общественной среды актуализируется в современном социальном дискурсе и представляет собой тему междисциплинарных исследований. Это связано, с одной стороны, с тем, что изменения современного общества характеризуются быстротой, кардинальностью и разнонаправленностью, вследствие чего приспособление к ним становится серьезной социальной проблемой. С другой стороны, сама адаптация, будучи сложным процессом, протекающим в разных сферах, затрагивает тематику многих социогуманитарных, естественных и технических наук [1].

Что касается взаимосвязи процессов социокультурной адаптации и модернизации, то их исследование фокусируется вокруг следующих проблем.

Во-первых, в "текучей современности", направления изменений которой разнонаправлены и слабо предсказуемы, адаптация становится одним из факторов, консолидирующих мотивы и устремления социальных акторов и определяющих вектор развития общества.

Во-вторых, современные теории модернизации эволюционируют в направлении все большего признания значимости традиций и сохранения культурной идентичности для эффективного социального развития. В этом ракурсе осознается усиливающаяся роль традиций как механизмов адаптации к изменениям, позволяющая создать гетерогенность региональных форм модернизации [2].

В-третьих, особые нюансы в социальные практики адаптации вносит развитие инфокоммуникативных технологий. Адекватное использование их потенциала позволяет человеку освоить новые социальные практики и сформировать мировоззрение, отвечающее актуальным траекториям изменения соответствующего общества [3].

В-четвертых, анализ социокультурной адаптации дает возможность рассмотреть сразу два среза социальной реальности: институциональную систему общества, подвергающуюся модернизационным трансформациям, и сферу повседневных практик, обусловленных социокультурной средой, и также затрагиваемых общественными изменениями. В центре обоих процессов находится адаптирующаяся личность, которая формирует приспособительные практики, позволяющие ей безболезненно вписаться в новую реальность.

Таким образом, *актуальность данного исследования* заключается в значимости философского обоснования взаимосвязи процессов адаптации и модернизации в современном обществе и использовании его результатов для анализа особенностей и последствий социальной модернизации Российской Федерации.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) проанализировать понятие социокультурной адаптации в современном философском дискурсе; 2) охарактеризовать взаимосвязь процессов социокультурной адаптации и модернизации в современном обществе и требования, предъявляемые модернизационным процессом к изменениям отдельных локалитетов; 3) описать адаптационные проблемы модернизации в современном российском обществе и выявить перспективные пути их решения.

Теоретической базой исследования послужили положения деятельностного, культур-антропологического и аксиологического подходов в анализе адаптации; классические и новейшие концепции модернизации, в которых фокусируется внимание на способах адаптации к социальным инновациям; а также исследования, посвященные особенностям российской модернизации, ее проблемам и перспективам [4, 5, 6, 8, 10, 11].

Основная часть

Понятие адаптации появляется в научных исследованиях в XIX веке и практически сразу приобретает междисциплинарный статус, постепенно фокусируясь на человеке, обладающем биопсихосоциальной природой. В силу этого оно затрагивает "не только биологические, но и социальные, технические, лингвистические, психологические и некоторые неорганические адаптивные системы" [1, 22-23].

Что касается социокультурной адаптации, то ее исследование актуализируется в рамках анализа современного общества, в котором интенсифицировались процессы социальных трансформаций, а значит, вопросы о ее способах, факторах и механизмах приобрели не только теоретическую, но и практическую значимость.

В философском дискурсе, целью которого является обобщение частнонаучных исследований адаптации и их концептуальное оформление, социальная адаптация определяется как "процесс взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников" [4, 11]. При этом,

избегая теоретической схематизации, следует заметить, что реальная адаптация представляет собой совокупность разнообразных процессов, обусловленных как групповыми (социально-демографическими, культурными), так и сугубо личностными (психофизиологическими, характерологическими) особенностями адаптирующегося субъекта. Стоит отметить и то, что адаптация может рассматриваться двояко, как процесс и результат, взаимоопределяющиеся в их целостности. Эти параметры свидетельствует о коммуникативном характере социокультурной адаптации [4, 15].

В структуре адаптивного процесса можно выделить следующие компоненты [5, 11]:

– социальная среда (общество), которое определяет контекст протекания приспособительного процесса;

– информация, необходимая для отображения значимых параметров адаптивной ситуации (условия приспособления);

– личность или группа, характеризующаяся мировоззрением и ценностными установками, которая является связующим звеном между объективными условиями и приспособительными реакциями.

Процессуальный характер адаптации позволяет выделить ее наиболее значимые стадии [6, 171-174].

1. Шок, обусловленный столкновением с инновационной средой. Он провоцирует появление страха и неуверенности, обостряет вопросы экзистенциальной безопасности. Для этого периода характерно "бездействие", во время которого социальные акторы привыкают к ситуации.

2. Мобилизационная стадия, в которой субъекты адаптации анализируют новую ситуацию и активизируют свои поисковые способности. Это способствует мобилизации адаптивных ресурсов и выстраиванию стратегий приспособления к ней.

3. Ответы на вызовы среды, когда происходит апробация моделей будущего поведения с учетом калькуляции внешних рисков и собственных адаптивных ресурсов. Это предполагает восстановление несогласованности между вызовами среды и рутинными жизненными практиками индивида, позволяющее сохранить взаимосогласованность интеракций в социальной системе.

Трансформационные кризисы, с которыми была связана социальная модернизация, выдвинули проблему социокультурной адаптации на новый уровень. Прогрессистские тенденции первоначального этапа модернизации определяли для нее достаточно жесткие условия. Неоспоримый авторитет вестернизационных образцов модернизации ставил на повестку дня либо слом прежних культурных образцов, либо их насильственную модификацию [7, 139].

Для обозначения данной ситуации применялся термин глокализации, означающий адаптацию западных культурных и социальных образцов к местным условиям. Однако, было выяснено, что в результате такого жесткого столкновения ценностей, сопротивление традиции приобретает утрированные формы, воплощаясь, в том числе, в распространение девиантных социальных практик.

В исследовании результатов такой "неорганической модернизации" выявилось расхождение ценностных приоритетов социальных систем и непредвиденные последствия этого для традиционной культуры. Обнаружилось ее "культурное сопротивление", связанное с сохранением традиционных ценностей и их укоренением на всех уровнях социума, что приводило к формированию гибридных, архаичных форм прежней социальной жизни [7, 140].

Объяснение существований традиций в глобальном обществе, а также осмысление опыта социальной модернизации незападных стран, привело исследователей к концептуализации новой парадигмы модернизационных исследований. Согласно им "реанимировать традиционное многообразие и прийти к модерну, питаемому традицией, – таков реальный исторический путь модернизации и ее отношения к традициям" [8, 85]. В.Г. Федотова обозначила этот исследовательский тренд как описание третьего модерна, в котором обозначились тенденции множественности модернизаций с учетом культурных традиций стран Восточной Европы, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. По ее мнению, "Идея множественности модернизаций базируется на трех взаимосвязанных предпосылках: постоянном присутствии традиции, которая активно влияет на процесс обновления, использовании незападного наследия в саморефлексии современного Запада, глобальном значении локального (местного) знания" [8, 86].

Данная исследовательская парадигма продуктивна для изучения российской модернизации, которая столкнулась с глобализационными требованиями устойчивого роста и перспективного позиционирования страны на международной арене [9]. В этой ситуации интерес к особенностям адаптационных процессов приобрел особую значимость. Это по-

требовало в ходе определения основных векторов российской модернизации уделить особое внимание анализу адаптивного потенциалу и ресурсам культурных традиций нашего общества [6, 121]. Именно такая стратегия может привести к так называемой "кристаллизации" модернизации, когда в обществе происходит формирование устойчивых модернизационных форм, включающих в себя как общественные институты, так и повседневные социальные практики [6, 123]. Однако первоначальный модернизационный проект недостаточно учитывал эти параметры.

На ранних этапах отечественной модернизации реванш западных ценностей привел к расколу "традиционалистской" и "модернизационной" ориентаций в мировоззрении россиян, которая коснулась не только идеологических представлений о прошлом нашей страны и перспективах ее развития, но и непосредственных взглядов россиян о своем будущем, а также их повседневных практик [10, 30]. В том процессе обозначились две основные проблемы, связанные с успешностью модернизационной стратегии России:

– наличие государственной идеологии, обосновывающей модернизационный проект;

– формирование социокультурной идентичности, адаптированной к постсоветским реалиям и новому геополитическому статусу нашей страны.

Эти проблемы представляются взаимосвязанными, поскольку поиски механизмов конструирования новой идентичности связаны с тем, как жители страны представляют ее место в современном мире, а также с социокультурными традициями, лежащими в основе своего культурного и международного позиционирования.

В целом, можно сказать, что нынешний модернизационный идентификационный кризис России является следствием конфликта "…с новыми реалиями, повлекший за собой процесс отказа от прежних социальных ролей, национальных самоопределений, идеологических образов" [10, 34].

Согласно исследованиям, во время социального перехода, которым характеризовался этап первоначальной модернизации, граждане России столкнулись с необходимостью коренной перестройки паттернов своего социального поведения. При этом в условиях общественного хаоса и переоценки ценностей многие группы населения в качестве приспособления к новациям продемонстрировали неадекватную реакцию, которая проявилась в социальной маргинализации [11, 32]. Они столкнулись с ситуацией утраты смысла и подрывом прежних защитных рутинных основ повседневности и в результате выбрали приспособительные стратегии, противоречащие реальной адаптации.

Примечательно то, что наиболее приспособленными оказались те, кто не только старался быть наиболее гибким в новых условиях, но и активно использовал различные неправовые практики в своей деятельности. Они шли в разрез с ценностно и традиционно легитимированными правилами поведения, но позволяли стать более успешными в новых реалиях. Это, с одной стороны, облегчало первоначальное вхождение в иную социокультурную среду, а с другой – способствовало неверному пониманию целей и смысла общественной модернизации. В результате коридор адаптационных возможностей существенно снижался.

В этих условиях было затруднено формирование новой общегражданской идентичности. На фоне неадекватной адаптации произошло некоторое реанимирование прежних этнокультурных идентичностей, что является признаком общественной архаизации. По мнению И.Б. Пржиленской, это свидетельствует о том, что трудно продвигающиеся процессы модернизации, связанные с формированием новых институтов и ценностно-нормативных комплексов, идут параллельно с процессами архаизации, в результате которых воспроизводятся смысловые конструкты прежних эпох [11, 32]. В силу этого актуализируется задача синхронизации традиционных и модернизационных ценностей в едином смысловом комплексе, что позволит сформировать адекватные стратегии адаптации к модернизации.

Заключение

Таким образом, социокультурная адаптация представляет собой совокупность взаимосвязанных процессов, в ходе которых происходит согласование интенций субъектов к требованиям общественной среды посредством использования приспособительных механизмов (адаптивный потенциал).

Современные модернизационные стратегии, учитывающие "многообразие возможных современностей", разрабатываются с учетом существующих культурных традиций. Это предполагает взаимную адаптацию культурных традиций и модернизационных образцов общественного устройства.

Реалии трансформаций российского общества, которые планировались, в основном, в соответствии с западными образцами, привели к стрессовой неадекватной адаптации к ним, что проявилось в социальной архаизации. Изменение стратегий адаптации в российском обществе предполагает согласование социокультурных форм традиции и модернизации, на уровне как общественных институтов, так и повседневных социальных практик.

Литература:

1. Урманцев Ю. А. Природа адаптации (системная экспликация) // Вопросы философии. – 1998. – №12. – С.21-36.
2. Eisenstadt Sh. N. Multiple Modernities // Daedalus. – 2000. – Vol. 129. – No. 1. – P. 1-29.
3. Тимошенко Т.В. Адаптация человека к современной информационной среде // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2012. – № 11(136). – С. 155-159.
4. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. – 320 с.
5. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука, Издательская фирма РАН, 2002. – 275 с.
6. Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 748 с.
7. Сергодеева Е.А. Традиции в современном обществе: особенности конструирования идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – № 1 (113). – С. 138-143.
8. Федотова В.Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 80-91.
9. Лежебоков А.А. Приоритеты процессов модернизации в современной России // Проблемы развития регионального сообщества: социологические аспекты. – Ставрополь: СКФУ, 2019. – С. 94-96.
10. Жаде З.А. Российская модернизация и проблемы идентичности // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Владимир: Владим. юрид. ин-т, 2009. – С. 29-34
11. Пржиленская И.Б. Влияние маргинализации и адаптации на социальные трансформации современной России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 3(157). – С. 31-35.

DUALISM OF HUMAN NATURE IN ANTHROPOLOGY OF E. FROMMA

Polomoshnov Andrey Fedorovich, *DSc of Philosophical sciences, Professor*

Kotlyarova Elena Alexandrovna, *Postgraduate student*

Don State Agrarian University, Rostov-on-Don

The article analyzes the basic principles of E. Fromm's philosophical anthropology. The specific interpretation by the thinker of the subject and method of the science of man with point of view humanistic psychoanalysis. The authors explore how E. Fromm solves the fundamental problems of anthropology: the problem of the distinctive qualities of a person from other living beings, the problem of the relationship between society and the individual, the problem of the variability and constancy of human nature, the problem of the relationship between the individual and the external world. Central to Fromm's interpretation of human nature is the concept of existential and historical dichotomies in human nature. Fromm describes dichotomies in two ways. In the first objective plane: these are objective contradictions of the very physical existence of a person, contradictions between a person and the outside world. In the second subjective plane, dichotomies are considered from the point of view realized by the person himself and therefore requiring one or another conscious resolution of the objective contradictions of his existence. It is emphasized that the psychoanalytic anthropology of E.Fromm contains a great humanistic potential.

Keywords: *E. Fromm; psychoanalysis; existential dichotomies; fruitful personality; human nature; personality; humanism; alienation.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.25

ДУАЛИЗМ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА В АНТРОПОЛОГИИ Э. ФРОММА

УДК 159.9(081)
ВАК РФ 5.7.8

© Поломошнов А.Ф., 2022
© Котлярова Е.А., 2022

В статье анализируются основные принципы философской антропологии Э. Фромма. Рассматривается специфическая интерпретация мыслителем предмета и метода науки о человеке с т. зр. гуманистического психоанализа. Авторы исследуют, каким образом Э. Фромм решает принципиальные проблемы антропологии: проблему отличительных качеств человека от других живых существ, проблему соотношения общества и индивида, проблему изменчивости и постоянства природы человека, проблему соотношения индивида и рода. Центральное место в трактовке природы человека у Фромма играет концепция экзистенциальных и исторических дихотомий в природе человека. Дихо-

томии Фромм описывает в двух планах. В первом объективном плане: это объективные противоречия самого физического существования человека, противоречия между человеком и внешним миром. Во втором субъективном плане дихотомии рассматриваются с т. зр. осознанных самим человеком и потому требующих того или иного сознательного разрешения объективных противоречий своего существования. Подчеркивается, что психоаналитическая антропология Э. Фромма содержит в себе большой гуманистический потенциал.

Ключевые слова: *Э. Фромм; психоанализ; экзистенциальные дихотомии; плодотворная личность; природа человека; личность; гуманизм; отчуждение.*

Э. Фромм как практический психоаналитик и как мыслитель в своих работах поставил глубокий диагноз социально-психологических и социокультурных болезней современного западного общества и личности. Э. Фромм представляет в своей гуманистической психологии весь трагизм и всю остроту современной человеческой ситуации, раскрывает стоящий перед современным человеком драматический выбор: "Современный человек, освобожденный от оков доиндивидуалистического общества... оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на индивидуальности и неповторимости каждого." [10, С.11]

Но мыслитель не ограничился диагнозом различных форм отчуждения, сложившихся в западном обществе в XX веке, а поставил и попытался разрешить проблему путей излечения от этих "болезней". И предложенные им пути лечения и в наше время не утратили своего конструктивного потенциала. Именно поэтому и в XXI веке крайне актуален гуманистический потенциал антропологии Фромма.

Фундаментом гуманистической этики Э. Фромма является его психоаналитическая антропология. История развития гуманистической антропологии Э. Фромма совпадает с ее логикой. Поставив проблему отчуждения личности в современном ему обществе в исходной работе "Бегство от свободы" (1941 г.), Э. Фромм перешел к детальному анализу природы человека в работе "Человек для себя" (1947 г.). Затем мыслитель акцентировал свое внимание на гуманистическом потенциале человека и социальных условиях его реализации "Искусство любить" (1956 г.), "Здоровое общество" (1955 г.).

Переходным этапом от "конструктивного" этапа развития гуманистического психоанализа, в котором разрабатывались концептуальные основы современного гуманизма, к критическому этапу, где основным предметом интереса мыслителя стали дегуманистические проявления человеческой природы и дегуманистические процессы в современном обществе, стала работа "Душа человека" (1964 г.). Завершением этого этапа стала фундаментальная работа: "Анатомия человеческой деструктивности" (1973 г.)

Общие итоги развития своей гуманистической антропологии Фромм подвел в работе "Иметь или быть" (1976 г.), в которой обозначена дилемма современного человека, которую каждый решает для себя сам: между гуманистической самореализацией личностного потенциала ("быть") или дегуманистической деструктивностью (в самых разных формах) ("иметь".).

Антропология Э. Фромма, по его собственному определению, "...начинается не с полной и адекватной картины того, чем является человеческая природа; удовлетворительным определением ее предмета являются ее цели, а не предпосылки. Ее метод состоит в том,

ПОЛОМОШНОВ Андрей Федорович, *доктор философских наук, профессор*

КОТЛЯРОВА Елена Александровна, *аспирант*

Донской государственный аграрный университет, Ростов-на-Дону

чтобы наблюдать реакции человека на различные индивидуальные и социальные условия, и из наблюдения за этими реакциями делать выводы о природе человека." [10, С.333]

Э. Фромм декларирует в своей антропологии вполне обоснованный метод определения сущности человека не путем абстрактного постулирования в духе спекулятивной метафизики, а путем анализа реальных условий существования реального, живого человека, "Мы приходим к этой концепции путем эмпирического анализа анатомических и нейрофизиологических человеческих типов и их психических коррелятов (т. е. душевных состояний, соответствующих этим данным).

Мы заменяем фрейдовский физиологический принцип объяснения человеческих страстей на эволюционный социобиологический принцип историзма." [9, С.31]

Главной целью своей антропологии мыслитель считает апологию личности, обоснование ее самодостаточности, ценности и потенциально безграничного творческого потенциала. "Я верю в свободу, в право человека быть самим собой, отстаивать свои права и бороться против всех, кто пытается воспрепятствовать ему в этом... Это "свобода для..." – свобода стать самостоятельным, свобода скорее быть многими, чем иметь много или использовать вещи и людей." [11, С.373]

Декларативные принципы, характеризующие предмет и метод антропологии Фромма, нуждаются в проверке на их теоретическую и методологическую эффективность. Ведь между самыми прекрасными замыслами и их исполнением нередко лежит дистанция огромного размера.

Несмотря на нестандартный замысел определения предмета и метода антропологии, Э. Фромм не может обойти стандартных концептуальных проблем, возникающих при определении природы человека вообще и природы личности в частности: 1) проблема отличительных качеств человека от других живых существ; 2) проблема соотношения общества и индивида; 3) проблема изменчивости и постоянства природы человека; 4) проблема соотношения индивида и рода. При решении этих проблем Э. Фромм пытается найти некую золотую середину между противоположными крайностями социологизма и биологизма, изменчивости и постоянства человеческой природы, но фактически вынужден эклектически колебаться между противоположными позициями и механически их соединять.

Главное отличительное качество человека как родового существа Э. Фромм определяет в традиционном духе Просвещения. Это качество, конечно, же – разум и связанная с ним потенциальная свобода выбора, необходимость рационального конструирования человеком своего поведения и отношения к внешнему миру, а также способность анализа своего сознания и поведения. Не задаваясь сложной проблемой происхождения человека, Э. Фромм констатирует: "...Человек появился с новыми свойствами, отличающими его от животного: осознанием себя как отдельного существа; способностью помнить прошлое, предвидеть будущее и обозначать предметы и действия символами; разумом для постижения и понимания мира; и воображением, благодаря которому он выходит далеко за пределы своих ощущений." [10, С.349] Отмечая разум как преимущество человека, Фромм не забывает отметить, что он сочетается с биологической слабостью человека в сравнении с животными.

Исходя из разума и самосознания как главных отличительных качеств человека, Э. Фромм выводит базисные особенности человеческого существования, или, определяет "человеческую ситуацию", т.е. его статус в мире физической и живой природы. По отношению к живой природе человек оказывается "аномалией", поскольку разум разрушает его гармоническую адаптацию к природе, внешнему миру. "Противоречие, присущее человеческому бытию, проявляет себя в двух феноменах, заданных самим фактом рождения человека: недостаточная оснащенность инстинктами, "недостаточность", "незавершенность" человека как создания и самосознание, разум." [5, С.65]

Благодаря разуму само существование человека становится для него постоянной и неразрешимой полностью и до конца проблемой. "Человек – единственное животное, для которого собственное существование составляет проблему, которую он должен разрешить и которой он не может избежать. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой; он должен продолжать развивать свой разум, пока не станет хозяином природы и хозяином самому себе." [10, С.350-351]

Конкретизируя проблематичность "человеческой ситуации", возникшей благодаря дару "разума", Э. Фромм формулирует два ряда проблем, возникающих в конкретной физической жизни и историческом существовании конкретного индивида: 1) экзистенциальные дихо-

томии и 2) исторические дихотомии. "Фромм трактует человеческое существование как противоречивое, что во многом роднит его с экзистенциализмом. Это противоречие кроется в его двойственной природе. Человек, с одной стороны, часть природы, с другой стороны, оторван от неё." [4, С.204]

Прежде чем анализировать конкретные дихотомии, необходимо уточнить сам термин "дихотомия". Какой смысл он несет в интерпретации Э. Фромма? В логике дихотомия является определенным способ деления понятия на противоположные классы. Но в данном случае смысл термина очевидно другой. Скорее, Фромм ведет речь о некоей "раздвоенности", противоречивости человеческого существования, а не о логических делениях или концептуальных противоречиях (в смысле антиномий Канта). Это некие "разлады в человеческой природе", нарушения гармоничности существования человека в природном и социальном мире.

Дихотомии Фромм интерпретирует в двух планах. В первом объективном плане: это объективные противоречия самого физического существования человека, противоречия между человеком и внешним миром. Во втором субъективном плане дихотомии рассматриваются с т. зр. осознанных самим человеком и потому требующих того или иного сознательного разрешения объективных противоречий своего существования. Причем, полноценные или целостные дихотомии предполагают сочетание объективного и субъективного планов.

Обратимся к экзистенциальным дихотомиям. Это дихотомии, которые "...коренятся в самом существовании человека; это противоречия, которые человек не может устранить, но на которые он может реагировать различными способами, соответственно своему характеру и культуре." [10, С.352] Э. Фромм ведет речь о трех основных экзистенциальных дихотомиях: 1) дихотомия жизни и смерти; 2) дихотомия между потенциальной бесконечностью человеческих возможностей и ограниченностью времени физической жизни, которая "не допускает полной их реализации даже при самых благоприятных обстоятельствах" [10, С. 352]; 3) дихотомия индивидуального одиночества и связи с другими людьми. Главная дихотомия, представляющая для Фромма основной исследовательский интерес, – дихотомия одиночества и связи с людьми. Но разрешить ее удовлетворительно на основе принципа автономии личности или социального атомизма невозможно. Итак, экзистенциальные дихотомии носят фундаментальный характер, существуют постоянно, и, в принципе, не разрешимы.

Исторические дихотомии связаны социокультурной средой существования человека. Поэтому они представляются как противоречия индивидуальной и социальной жизни. Эти противоречия создаются самим человеком, носят исторически преходящий характер и могут разрешаться либо в тот же период, когда возникли, либо позже. К этим противоречиям Э. Фромм относит, например, социальные противоречия. "Современное противоречие между избытком технических средств материального обеспечения и невозможностью использовать их исключительно для мира и благополучия людей – разрешимо; это противоречие не необходимое, а обусловленное недостатком у человека мужества и мудрости." [10, С.353]

Исторические дихотомии в принципе разрешимы. Причем способ разрешения исторических дихотомий остается за личностью, но при общество влияет на этот способ как внешняя среда. "Человек может реагировать на исторические противоречия, устраняя их своей собственной деятельностью, но он не может устранить экзистенциальные противоречия, притом, что он может реагировать на них по-разному." [10, С.354-355]

Разделение, различение экзистенциальных и исторических дихотомий, оказывается у Фромма эклектическим или механическим сочетанием принципов марксизма и экзистенциализма. Утверждение принципиальной неразрешимости экзистенциальных дихотомий, противоречит заявленному самим мыслителем принципу гуманизма.

Очевидно, что принципиальная дихотомичность (раздвоенность, противоречивость) человеческого существования оказывается у Фромма важнейшей характеристикой природы человека. Более того, эта дихотомичность, используется им как обоснование динамизма человеческой природы. "Возникновение разума породило для человека дихотомию, принуждающую его вечно стремиться к новым решениям. Динамизм человеческой истории порожден наличием разума, побуждающего человека развиваться и тем самым творить собственный мир, в котором он может чувствовать себя в согласии с собой и со своими ближними. Каждая достигнутая им стадия оставляет его неудовлетворенным и озадаченным, и сама эта озадаченность вынуждает его к новым решениям. У человека нет врожден-

ного "стремления к прогрессу"; противоречивость его существования – вот что заставляет человека продолжать путь, на который он вступил." [10, С.351]

Дихотомии Фромма – неизбежный результат его принцип социального атомизма в интерпретации природы человека. Изначально, отделив человека от мира, Фромм закономерно получает неразрешимые противоречия его существования. Принцип социального атомизма Фромма неизбежно ведет его к раздвоению человеческой природы на экзистенциальную (разум и его дихотомии) и социокультурную (связанную с историческими дихотомиями).

Дихотомии человеческого существования Э. Фромм связывает с потребностями человека. "Дисгармония человеческого существования порождает потребности, выходящие далеко за пределы животных потребностей человека. Эти потребности выражаются в настойчивом стремлении восстановить единство и равновесие между человеком и остальной природой." [10, С.357]

Фромм ведет речь о пяти основных потребностях человека, вытекающих из дихотомий человеческой ситуации: первая потребность – в ориентации (в объективном и рациональном взгляде на природу и общество, в посвящении себя чему-то или кому-то, выборе жизненных мировоззренческих ценностей), вторая потребность – в укорененности (единстве с людьми и окружающим миром), третья потребность – в идентичности или индивидуации (тождестве с самим собой и непохожести на других), четвертая потребность – в социальном одобрении и стимулах, пятая потребность – в активной творческой деятельности. Хотя мыслитель и декларирует принцип выведения человеческих потребностей их человеческой ситуации (ее дихотомий), сам он четко и последовательно не сопоставляет комплекс дихотомий с основными потребностями человека. Поэтому система основных потребностей личности не вполне адекватна заявленным Фроммом дихотомиям. Четкого соотнесения дихотомий и потребностей мыслитель не провел. Попытаемся провести такой анализ. Начнем с экзистенциальных дихотомий. Если говорить о дихотомия жизни и смерти, то здесь у Фромма вообще нет никаких соотнесенных с ней потребностей. Дихотомия между потенциальной бесконечностью человеческих возможностей и ограниченностью времени физической жизни может быть соотнесена с потребностью в преодолении (в активном творческом созидании). Дихотомия индивидуального одиночества и связи с другими людьми соотносится в концепции Фромма с двумя противоречивыми потребностями: первая – в укоренности и вторая – в индивидуализации. Эти две потребности играют в жизни человека, по мысли Фромма, ключевую роль. "Эти две потребности являются причиной внутренних противоречий, конфликта мотивов у человека, который всегда тщетно стремится каким-то образом соединить эти противоположные тенденции в своей жизни.

Стремление человека примирить эти потребности является, с точки зрения Фромма, двигателем не только индивидуального развития, но и общества в целом, поскольку все социальные формации, которые создаются человеком, являются как раз попытками уравновесить эти стремления." [3, С.25-26]

Систему потребностей человека можно также соотнести с историческими дихотомиями. К этому ряду относятся потребности в ориентации и в социальном одобрении, которые носят вариативный характер. Живя в обществе, "Человек не волен выбирать – иметь или не иметь "идеалы", но он волен выбирать между различными видами идеалов, между поклонением идолу власти и разрушения и поклонением разуму и любви". [10, С.360] Соответственно, человек, находясь в социальной среде, нуждается в социальных стимулах, ориентирующих и мотивирующих его поведение (потребность в социальном одобрении). Причем, между этими двумя потребностями нет гармонического единства, зато возможен раскол, поскольку ценностные ориентации человек выбирает сам, а одобрение связано с принятием существующих ценностных систем, доминирующих в конкретной социальной системе.

Описывая систему базовых потребностей человека, Э. Фромм почему-то не уделяет должного внимания физиологическим потребностям, и той социальной форме их удовлетворения, которая складывается в конкретной социальной системе, в которой существует индивид. Он ограничивается обобщенным абстрактным описанием тех потребностей, которые связаны с антитезой атомарного индивида, обладающего разумом и комплексом природной психической энергии, с одной стороны, и социальной средой, с другой стороны. Это происходит потому, что Фромм выводит основные потребности человека не из его физической или социальной природы, а из человеческой ситуации: изначального отчуждения (заброшенности) индивида от природы и общества.

При определении отношения человека и общества, личности и культуры, Э. Фромм исходит из позиции автономии индивида (социального атомизма личности), утверждая, что нельзя сводить природу человека к природе общества, социокультурной системы. "Человек – не чистый лист бумаги, на котором культура может писать свой текст; он – существо, заряженное энергией и структурированное определенным образом, существо, которое, адаптируясь, реагирует специфическим и установленным образом на внешние условия." [10, С. 333]

Фромм в данном случае не противопоставляет абстрактного индивида абстрактному обществу, но пытается найти оптимальное сочетание принципа автономии индивида от общества с принципом его социокультурной детерминации. С одной стороны, он утверждает, что неразрушимые свойства природы человека, связанные с его разумом, бессознательной психической энергией, глубинными жизненными потребностями, обусловливают базовую, экзистенциальную автономию индивида от общества. С другой стороны, Фромм признает, что на экзистенциальную природу индивида оказывает внешнее давление социокультурная среда, к которой он индивидуально адаптируется. По замечанию М.И. Фроловой, "Фромм стремится избежать крайностей и рассматривает историю во взаимодействии психологических и социальных факторов. Отсюда и человек – не совокупность врожденных, наследственно закрепленных инстинктов, но и не простой продукт тех или иных социальных условий." [8, С.123-124]

Проблему баланса динамики и постоянства человеческой природы Э. Фромм решает путем отказа от крайних позиций, абсолютизирующих, либо изменчивость, либо, напротив, постоянство человеческой природы. При этом он упрекает сторонников обеих крайних позиций в общем недостатке – подмене природы самого человека теми или иными социокульурными и этическими системами, выдаваемыми за искомую природу человека.

Авторитарных догматиков Фромм упрекает в попытке выдать определенные этические и социокультурные системы за якобы неизменную природу человека. "Однако то, что они считали человеческой природой, было отражением их норм – и интересов, – а не результатом объективного исследования..." [10, С.330] Релятивистов Фромм упрекает в растворении в исторической текучести собственно природы человека, отождествляемой с природой того или иного социального строя. "Если б человек был лишь творением культурных систем, невозможно было бы критиковать или оценить ни один социальный строй с точки зрения человеческого благополучия, поскольку здесь не было бы места понятию "человек"." [19, С.331] Собственная позиция мыслителя по проблеме баланса изменчивости и постоянства человеческой природы основывается на принципе сочетания в человеческой природе элементов постоянства, неизменности и ее вариативности, как реакции человека на конкретные противоречия и условия его существования. Мыслитель утверждает, что природа человека вариативна, поскольку каждый отдельный человек может реагировать на противоречия своего существования и пытаться их разрешить разными способами.

Стандартная проблема соотношения индивида и рода, возникающая при анализе природы человека, разрешается Фроммом на основе принципа репрезентации рода в индивиде, близкого к концептуальному подходу экзистенциализма. Фромм утверждает, не тождество индивида и рода, а репрезентацию рода в индивиде, при которой индивидуальный человек предстает как уникальная самобытная единица человеческого рода. "В одном индивиде представлен весь род человеческий. Он – единственный особенный образец человеческого рода. Он – это "он" и он – это "все"; он – индивид со своими особенностями и в этом смысле уникален; и в то же время он носитель всех характерных свойств человеческого рода." [10, С.348] Принцип репрезентации рода в индивиде приводит Фромма к утверждению приоритетности индивида перед родом: "понятие сущность каждого индивида совпадает с понятием экзистенция (существование) рода." [9, С.31]

Принцип репрезентации рода в индивиде служит у Фромма основой для перехода от общей антропологии (концепции природы человека) к концепции личности. "Рассмотрение человеческой ситуации должно предшествовать рассмотрению личности. Смысл этого заявления может быть прояснен, если сказать, что психология должна основываться на антропологическо-философской концепции человеческого существования." [10, С.356]

Опираясь на этот принцип, Фромм подходит к решению следующей проблемы – соотношение индивида и личности. Вариативность реакции человека на противоречия его бытия и вариативность способов базисных человеческих потребностей, предполагает переход от

человека вообще к личности. Личность формируется как конкретный индивид, существующий в конкретных социальных и природных условиях в результате взаимодействия врожденных и приобретенных под влиянием социокультурной среды качеств. "Под личностью я понимаю целостность врожденных и приобретенных психических свойств, характеризующих индивида и делающих его уникальным." [10, С. 361]

Понятие "личность" у Э. Фромма играет важную методологическую роль. Но не совпадает с понятием "человек". Человек – это лишь потенциальная личность. Перед каждым индивидом стоит задача сделать себя личностью. Именно в этом смысле Э. Фромм говорит о динамичности человеческой природы, об индивидуализации как пути формирования личности.

Анализ структуры и логики психоаналитической антропологии Э. Фромма позволяет сделать некоторые выводы. В основе гуманистической антропологии Э. Фромма лежит тезис об экзистенциальных и исторических дихотомиях, которые человек, существующий в конкретных социокультурных условиях, должен разрешить, чтобы стать личностью. Э. Фромм утверждает, что природа человека вариативна, поскольку индивид может реагировать на противоречия своего существования и пытаться их разрешить разными способами. В идеальном случае противоречия своего существования человек может разрешать, добившись какого-то соответствия между внутренними потенциями и побуждениями и внешними детерминациями его поведения. "Человек включен в продуктивную деятельность только в случае, если внешние побудительные силы (потребности общественного производства) и внутренние побудительные силы находятся в определенном соответствии, для чего социальный характер выступает механизмом приспособления человека к системе, в которой он существует." [1, С. 293]

Наиболее эффективным способом разрешения экзистенциальных противоречий, по Фромму, является плодотворная ориентация. Критерий плодотворной ориентации – любовь. Подлинная любовь позволяет человеку преодолеть экзистенциальное отчуждение от других людей, достичь единства с природным и социальным миром и с самими собой, при этом не утрачивая своей цельности и индивидуальности, а, напротив, достигая их наивысшего развития.

Концепция личности Э. Фромма нуждается в критическом комментарии. Претендуя на творческое развитие марксизма и эффективный синтез марксизма и психоанализа, Фромм в данном случае далеко отклоняется от этих задач. Г.К. Эзри отмечает по этому поводу: "Маркс видел человека коллективным существом в рамках социума. Фромм же считал человека существом индивидуальным в рамках такого же самого социума." [12, С.99] У Фромма индивид, как уникальный комплекс психической энергии и самобытный субъект, наделенный от природы разумом и свободой, предшествует обществу и физической природе и противостоит им (дихотомии человеческой ситуации). Индивидуально адаптируясь к ним, он формирует свой социальный и индивидуальный характер или личность. Данный подход основан на сомнительном допущении о возможности отделения индивида от рода, на абстрактном постулировании в качестве природных задатков качеств человека, которые на самом деле формируются только в обществе, в общественных отношениях и деятельности индивида. Сущность человека не предшествует его социальному существованию, а формируется в этом существовании и через него, а сущность личности не сводится к системе общих или индивидуальных черт характера, а определяется уникальным сочетанием системы общественных отношений и форм деятельности индивида. Итак, человеческая природа у Фромма принципиально открыта и добру и злу, она дуалистична в потенции. "Целостность не является признаком человека как особого существа. Напротив, человек принципиально не-целостен, его бытие разорвано, полно коллизий. Однако у человека есть возможность обрести полноту собственного существования." [6, С.154] Фромму не удается в связи с этим найти удовлетворительное разрешение противоречия между личностью и средой, сформулированного еще в эпоху Просвещения. Выход из неразрешимой противоположности – между изменением среды и изменением личности. "Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика." [7, С.2] Однако, в концепции Э. Фромма, утверждается лишь взаимное влияние личности и среды, но не обосновывается механизм одновременной трансформации личности и социальной среды.

Несмотря на некоторые спорные или недостаточно детально проработанные элементы, в целом психоаналитическая антропология и, в частности, концепция личности Э. Фромма

содержит в себе большой гуманистический потенциал. Л.В. Баева отмечает радикальный гуманизм философа: "Он не пессимист, не прогнозирует Армагеддон, но и не идеализирует будущее. Он выступает за рациональное мышление, за активное переустройство как общества, так и человека. Но не через насилие." [2, С. 181] Гуманизм, лежащий в основе антропологии Э. Фромма, несмотря на некоторые ее принципиальные затруднения, является особенно актуальным в современную эпоху деконструкции личности и дегуманизации общества.

Литература:

1. Аманбаева Л. И. Э.Фромм и проблемы нравственного воспитания / Л.И. Аманабаева // Концепт. – 2017. – Т. 25. – С. 293-295.
2. Баева Л.В. Дихотомии человеческого существования и механизмы бегства от свободы в трудах Э. Фромма / Л.В. Баева, О.Ю. Радченко // Каспийский регион: политика, экономика, культура, философия. – 2013. – № 4 (37). – С. 175-182.
3. Белякова Е.Г. психология: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Е.Г. Белякова. – М.: ЮРАЙТ, 2016. – 263 с.
4. Гнедько А.В. Экзистенциальный психоанализ и неомарксизм в концепции Э.Фромма / А.В. Гнедько //Вестник Тверского государственного университета. Серия "Философия". – 2015. – № 2. – С. 203-211.
5.Дорофеева Е.В. Человек и его сущность в гуманистическом психоанализе Эриха Фромма / Е.В. Дорофеева // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 4 (20). – С. 64-69.
6.Егорова И.В. Философская антропология Э. Фромма / И.В. Егорова. – М.: ИФРАН, 2002. – 164 с.
7.Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С.1-4.
8.Фролова М.И. Гуманизм Эриха Фромма / М.И. Фролова // Человек. – 2014. – № 1. – С.121-136.
9.Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: Аст, 2017. – 736 с.
10.Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – М.: Аст, 2006. – 571 с.
11.Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
12.Эзри Г.К. Антропология Маркса и антропология Фромма: революция и гуманизм / Г.К. Эзри // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2016. – № 28. – С. 93-100.

*CULTURAL TRAUMAS OF SOCIAL MODERNIZATION AND THE POSSIBILITIES OF OVERCOMING THEM (ON THE EXAMPLE OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC) **

Sergodeeva Elena Alexandrovna, *DSc of Philosophical sciences, Professor, Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol*

Gulyak Ivan Ivanovich, *DSc of Philosophical sciences, Professor, Department of Philosophy and History, Stavropol State Agrarian University, Stavropol*

Vartanova Liana Robertovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor of Department, Department of Theory and practice of Translation, North-Caucasus Federal University, Stavropol*

The purpose of the study *is to analyze cultural traumas arising in the processes of social modernization at the regional level and to characterize strategies for overcoming them in the Karachay-Cherkess Republic.* ***Scientific novelty.*** *The heuristic potential of the concept of cultural trauma for the analysis of modernization processes of the traditionalist regions of the Russian Federation is revealed. Its importance for identifying strategies of coping with trauma on the way of adaptation to the processes of modern development is determined. Possible ways of overcoming the cultural traumas of modernization in the Karachay-Cherkess Republic are demonstrated.* ***As a result,*** *the conclusion is made about the formation of a passive-routine type of response to cultural modernization traumas in the KCR region. The author substantiates the importance of constructing an ideological program of modernization changes based on the state ideology and interpreted by the elites in the form of narratives accessible to the population.*

Keywords: *cultural trauma; social modernization; social security; socio-cultural adaptation; social trust; region; strategies for overcoming cultural trauma, Karachay-Cherkess Republic.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.26

УДК 141.3
ВАК РФ 5.7.7

*КУЛЬТУРНЫЕ ТРАВМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ) **

© Сергодеева Е.А., 2022
© Гуляк И.И., 2022
© Вартанова Л.Р., 2022

Цель исследования *– проанализировать культурные травмы, возникающие в процессах социальной модернизации на региональном уровне и охарактеризовать стратегии их преодоления в Карачаево-Черкесской республике.* ***На-***

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00260 "Prospects for the socio-cultural development of the Karachay-Cherkess Republic".
** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260 "Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики".

***учная новизна**: выявляется эвристический потенциал концепта культурной травмы для анализа модернизационных процессов традиционалистских регионов Российской Федерации. Определяется его важность для выявления стратегий совладания с травмой на пути адаптации к процессам современного развития. Демонстрируются возможные пути преодоления культурных травм модернизации в Карачаево-Черкесской республике. **В результате** делается вывод о формировании в регионе КЧР пассивно-рутинного типа ответа на культурные модернизационные травмы. Обосновывается значимость конструирования идеологической программы модернизационных изменений, опирающейся на государственную идеологию и интерпретированную элитами в доступной для населения форме нарративов.*

***Ключевые слова:** культурная травма; социальная модернизация; социальная безопасность; социокультурная адаптация; социальное доверие; регион; стратегии преодоления культурной травмы, Карачаево-Черкесская республика.*

Введение

Концепт "культурной травмы" является довольно востребованным инструментом социального анализа современных трансформирующихся обществ, что связано с необходимостью поиска новых объяснительных моделей, способных "схватить" особенности "текучей современности", изменения которой характеризуются невиданными ранее масштабами, приобретающими глобальный охват, и высокой степенью интенсивности.

Прежние традиционные понятия, с помощью которых обозначали противоречивые тенденции социальных изменений, такие как революция и эволюция, прогресс и регресс, утрачивают свои объяснительные возможности, переставая коррелировать с реальными общественными трансформациями. В этой ситуации философы и социальные аналитики обращаются к новым концептам, позволяющим раскрыть ускользающие от традиционных процедур исследования стороны перманентно и разновекторно изменяющейся реальности. Многие из этих понятий заимствуются из философского и психологического дискурсов, термины которых отражают реакцию человека на стрессовые изменения и позволяют связать его повседневные практики со стратегиями адаптации к общественным изменениям на макроуровне.

Одним из таких концептов является понятие травмы, отражающего реакцию человека на непредсказуемые обстоятельства, сопровождаемые чувствами неуверенности и страха, а также подрывающими его экзистенциальную безопасность. Его введение в научный дискурс стимулировало появление целого междисциплинарного направления "trauma studies", представители которого пытаются объяснить при его помощи ряд таких дисфункциональных последствий социальных перемен, как аномия, возрастание социальной напряженности и общественного недоверия, а также кризис идентичности и проблемы социальной легитимации [1].

Широкий эвристический потенциал теорий культурной травмы обусловлен также разработкой в их рамках различных стратегий преодоления негативных последствий социокультурного "травматизма", что дает возможность избежать ошибок догоняющей модернизации и обосновать наиболее эффективные пути достижения ее целей.

В этой связи *актуальность данного исследования* заключается в обосновании целесообразности использования концепта культурной травмы для философского осмысления проблем и особенностей социальной модернизации Российской Федерации в целом и ее регионов.

***СЕРГОДЕЕВА Елена Александровна,** доктор философских наук, профессор, кафедра Философии, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь*

***ГУЛЯК Иван Иванович,** доктор философских наук, профессор, кафедра Философии и истории, Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь*

***ВАРТАНОВА Лиана Робертовна,** кандидат педагогических наук, доцент, кафедра Теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь*

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) охарактеризовать особенности и проблемы современного периода социальной модернизации Карачаево-Черкесской республики как особого региона Российской Федерации; 2) выявить гносеологический потенциал применения концепта культурной травмы для философского анализа современных модернизационных процессов; 3) продемонстрировать эвристические возможности теорий культурной травмы для исследования стратегий адаптации к модернизационным процессам в Карачаево-Черкессии.

Теоретической базой исследования послужили положения культурсоциологии как программы исследования социальной жизни; работы Дж. Александера и П. Штомпки, посвященные методологическому обоснованию концепта "культурная травма" для анализа современного общества; концепция типологии модернов В.Г. Федотовой, акцентирующая внимание на разных формах взаимодействия традиций и культурных новаций; а также исследования региональных аспектов социальной модернизации в рамках антропосоциетального подхода, предложенного Н.И. Лапиным.

Основная часть

Теории модернизации, начиная с середины прошлого века, становятся одним из самых востребованных аналитических инструментов социальных исследований, позволяющих описывать и объяснять изменения, происходящие в современных обществах. Их многочисленные интерпретации и реинтерпретации, как и большое количество их адептов и критиков, связаны с эволюцией и многообразием моделей самой модернизации, в первоначальном варианте понимаемой как процесс перехода к современному обществу, коренным образом отличающегося от традиционного. Представление о модернизации как процессе вестернизации начало разрушаться по мере появления новых стратегий развития стран "третьего мира", и было отвергнуто после так называемого "посткоммунистического транзита", в формировании тенденций которого большую роль сыграла Россия. Стало понятным, что процесс модернизации заключается не столько в развитии новых институтов и общественно-политических структур, сколько в создании новых ценностно-нормативных систем, а значит, в формировании иной идентичности людей модернизирующегося общества [2, 169].

Модернизационные реалии России в достаточной степени подтвердили эти предположения. Как внутренние процессы в обществе и нахождение новых форм государственности, так и задачи по обеспечению достойного места страны в мировом сообществе вывели на первый план именно проблему социокультурной идентичности. При этом формирование современной российской идентичности и соответствующей ей идеологической программы сфокусировалось на определении модернизационной парадигмы, в качестве вариантов которой предлагались "западный путь", "восточный путь", "советский путь", "особый путь", а также их гибридные варианты [3]. Важность вопроса выбора такой парадигмы обусловливается тем, что определять эффективность модернизации будет именно совмещение ее целей с сохранением основ культурной идентичности, поскольку разрывы традиций являются значимым параметром, сказывающимся на успешности развития общества.

Особым фактором, влияющим на модернизационные процессы России, является ее геополитическое и территориальное расположение. Помимо "евразийского" характера ее цивилизации, выступающего основанием самоопределения страны в мировом сообществе, территория РФ населена многочисленными народами и этносами, специфика которых влияет на процедуры их самоидентификации, а также на механизмы и скорость их встраивания в модернизационные процессы.

Карачаево-Черкесскую республику можно обозначить как поликультурный и поликонфессиональный регион РФ, традиционные принципы индивидуального поведения и организации общественной жизни в котором существенно влияют на модернизационные параметры этой республики [4]. В качестве специфики нынешних модернизационных реалий этого региона можно отметить следующие.

– Недостаточные темпы модернизации при слабом уровне доверия населения к органам государственной власти, что свидетельствует о слабости гражданского общества и низком уровне развития общественной дискуссии.

– Большое влияние традиционных ценностей и высокий рейтинг региональных элит, большинство из которых являются не только политическими, но и этноконфессиональными, при этом для них характерно сращивание с местными органами власти и СМИ.

– Распространение социальных практик "аморального фамилизма", в рамках которого социальные интеракции индивидов в качестве лиц, входящих в сферу социального доверия, формируются не с формальными акторами, а с теми, кто находится в статусе знакомых лиц, с

неформальными общностями родственников и близких знакомых.

Для осмысления процессов современной региональной модернизации представляется релевантным проект культурсоциологии Дж. Александера, заявленный как "сильная программа" исследований. Этот проект предполагает встроенность социальных изменений в культурный горизонт. Здесь подчеркивается смысловая культурная фундированность любых социальных действий субъектов и общественных инноваций. Культура, тем самым, становится не просто эпифеноменом общественного бытия, обеспечивающим его функционирование, а центральным основанием векторов социальной активности отдельных индивидов [5].

В.Г. Федотова в рамках данной традиции предложила периодизацию Модернов, где первый, либеральный Модерн, был калькой классической модернизации, связанной с процессами секуляризации, рационализациии, формирования автономного индивида и свободного рынка. Именно он был связан с отказом от традиций и тенденциями вестернизации. Второй Модерн, вызванный реалиями появления социалистического блока и ответом на них, обозначается в качестве "организованного капитализма". Усиление позиций технократии и бюрократии в данный период дало возможность трактовать его в русле теорий конвергенции, согласно которой возникает усредненная общественная система, сочетающая принципы капитализма и социализма. Третий Модерн, признаки которого проявляются на рубеже XX-XXI веков, предполагает учет традиций и культур незападных стран в собственном развитии, а также наличие "множественности современностей" как вариантов модернизационных стратегий [6].

В контексте этих теоретических построений развивает свою методологию анализа модернизации Н.И Лапин. Его антропосоциетальный подход к исследованию модернизации основывается на том, что человеческий потенциал региона, обозначающий его уровень социальной безопасности и качество жизни, а также свидетельствующий о формировании гражданской идентичности, является важнейшим фактором, моделирующим региональные стратегии инновационного развития.

Одним из инструментов исследований культурных оснований трансформаций современного общества и формирования новой коллективной идентичности стал концепт травмы, первоначально предложенный в рамках психоаналитического дискурса. Внимание к нему современных социальных исследователей связано с тем, что он позволяет ухватить негативный опыт, связанный с резкими общественными преобразованиями и объяснить значение его переосмысления для конструирования стратегий адаптации к ним.

Первые обоснования данного концепта были даны Дж. Александером и П. Штомпкой. Оба ученых сходились во мнении о том, что культурная травма является следствием глубинных социальных изменений, повреждает рутинные социальные практики и заставляет трансформировать нормативно-ценностные представления для адаптации к нововведениям. Также оба они согласны с тем, что культурная травма – это феномен, обладающий субъектно-объектными характеристиками. То есть помимо самого травмирующего события, значимы его рефлексия, создание нарративов о нем, в которых содержится информация о смысле травмы, категории населения, которую она охватывает и значении осмысления травмы для построения траекторий будущего развития. Однако в этих теориях есть и существенные различия.

Дж. Александер связывает культурную травму с разрушением идентичности, он указывает, что в отличие от индивидуальной, нарушающей психику одного человека, она поражает коллективное осознание собственной идентичности, лишает сообщество понимания смысла своего существования. В качестве позитивного переживания травматического опыта он предлагает переживание травмы, понимаемое как "процесс, который определяет болезненную рану, нанесенную сообществу, устанавливает жертву, возлагает ответственность и распределяет идеальные и материальные последствия. Поскольку травмы переживаются, а следовательно, воображаются и репрезентируются, постольку коллективная идентичность подвергается значительному пересмотру" [1, 31].

П. Штомпка, расширяя теорию культурной травмы, отмечает, что травмирующим триггером могут послужить даже благоприятные социальные изменения, в том случае, если они "резкие, внезапные, быстрые …, происходящие в очень короткое время … в широкой общественной сфере, … глубокие, радикальные …, затрагивающие главные для данной группы ценности, правила или убеждения" [8, 474-475]. При этом травма тем сильнее воздействует на сообщество, чем резче разрыв между прежней социальной средой и ее изменениями и чем больше изменения затрагивают базовые нормы и ценности [9, 11].

Особую значимость теории П. Штомпки придает выделение им стратегий "совладания с культурной травмой", в качестве основы которых он берет типологию девиантного поведения Р. Мертона (инновация, бунт, ритуализм, ретритизм), которая, по его мнению, отражает особенности социальных практик в травмирующих условиях. Эти стратегии, в конечном счете, могут породить две основных реакции на новую ситуацию:

– активную – спонтанное или контролируемое появление новых культурных образцов, позволяющих создать культурную традицию, соответствующую изменившимся социальным реалиям;

– пассивную – культивирование прежних традиций и способов поведения как уход из травмы [9, 15].

Применение концепта культурной травмы к анализу модернизационных процессов в Карачаево-Черкесской республике позволяет сделать вывод о том, что здесь преобладает вторая стратегия совладания с потрясениями современных изменений. Об этом свидетельствует высокий уровень коррупции, фиксируемый во множестве опросов, которая П. Штомпкой выделяется как особая структура поведения, связанная с обеспечением ложного чувства упорядоченности и ощущения контроля над непредсказуемостью инноваций.

Кроме того в регионе большой резонанс вызывают вопросы сохранения традиционных ценностей как защитного ядра коллективной идентичности. Отмеченные нами практики в духе "аморального фамилизма" также говорят о том, что население не доверяет формальным институтам власти, предпочитая традиционные семейные и клановые сети поддержки.

В этой ситуации повышается значимость появления новых нарративов, сформулированных элитами республики и основанных на государственной идеологии. В этом случае возможна адаптация традиционной культуры к модернизационным изменениям без резких общественных потрясений. Также необходимо формирование доверия к власти Карачаево-Черкесской Республике как нейтральной инстанции, способной организовать институции социального доверия, прозрачные для социальных сообществ и мотивирующие инновационно-деятельный тип личности.

Заключение

Таким образом, концепт культурной травмы позволяет описать ситуацию архаизации в условиях модернизации в Карачаево-Черкесской республике. Она является реакцией регионального сообщества на кардинальные и слабо предсказуемые социальные изменения, угрожающие ядру прежней коллективной идентичности и некомпенсированные в идеологических нарративах, способных к переинтерпретации коллективной памяти.

В результате в регионе существенно недоиспользуется культурный и инновационный потенциал социальных акторов, провоцируя институционализацию неправовых практик, которые блокируют инновационное развитие и способствуют формированию пассивно-рутинного типа личности.

Как регион с высокой степенью традиционализации общественных отношений Карачаево-Черкесская республика нуждается в конструировании идеологической программы модернизационных изменений, опирающейся на государственную идеологию и интерпретированную элитами в доступной форме. Это позволит гармонизировать социальные интеракции, приблизив сложившиеся социальные практики к формальным общественным отношениями, сформировав сети социального доверия между государством и гражданскими сообществами.

Литература:

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5-40.
2. Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс Традиция, 2005. – 544 с.
3. Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. – 2008. – № 3. – С. 29-39.
4. Лежебоков А.А. Факторы устойчивости социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики // Современные вызовы и реалии экономического развития России: сб. мат-лов VII Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: СКФУ, 2021. – С. 227-229.
5. Александер Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 11-30.
6. Федотова В.Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 80-91.
7. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий "Социокультурный портрет региона России". – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.
8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
9 Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6-16.
10. Сергодеева Е.А., Дулин К.А. Доверие и недоверие как маркеры социокультурного развития региона (на примере Карачаево-Черкесской республики) // Kant. – 2021. – № 4 (41). – С. 202-207.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PRECARIAT AS THE "GRAVEDIGGER" OF THE PROLETARIAT

Smirnov Roman Kamilevich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman, Kazan, Republic of Tatarstan*

The purpose of the study *is to reveal through socio-philosophical analysis the role and significance of the precariat as a new social force that will soon replace the proletariat, one of the key classes of bourgeois society.* ***The scientific novelty*** *of the research consists in the author's systematic approach to identifying and analyzing the key features that characterize the precariat and the proletariat, refracting them through a complex set of requirements of a new era that is replacing the modern world today.* ***As a result****, it is shown that the key features of the precariat most fully meet the requirements of the situational society of the digital economy, therefore, it will replace, for natural reasons, the proletariat that does not fit into these requirements. In addition, the drug does not pose a threat to the rule of the bourgeoisie class, since its emergence is due to the logic of the development of European capitalism.*

Keywords: *society; proletariat; precariat; socio-philosophical analysis; digital economy; modern; labor relations.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.27

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕКАРИАТА КАК "МОГИЛЬЩИКА" ПРОЛЕТАРИАТА

УДК 122/140.8
ВАК РФ 5.7.7

© Смирнов Р.К., 2022

Цель исследования *– раскрыть посредством социально-философского анализа роль и значение прекариата в качестве новой общественной силы, которая в ближайшем времени заместит собой пролетариат, один из ключевых классов буржуазного общества.* ***Научная новизна*** *состоит в авторском системном подходе к выявлению и анализу ключевых черт, характеризующих прекариат и пролетариат, преломлении их через комплексный набор требований новой эпохи, идущей сегодня на смену миру модерна.* ***В результате*** *исследования показано, что ключевые черты прекариата наиболее полно соответствуют требованиям ситуативного общества цифровой экономики, поэтому он сменит в силу естественных причин, не вписывающийся в эти требования пролетариат. Кроме того, прекариат не представляет угрозы для господства класса буржуазии, так как возникновение его обусловлено логикой развития Европейского капитализма.*

Ключевые слова: *общество; пролетариат; прекариат; социально-философский анализ; цифровая экономика; модерн; трудовые отношения.*

Введение

Актуальность работы продиктована тем, что на наших глазах сегодня возникает новая общественная сила – прекариат. Это новый тип человека труда, который несет с собой качественное изменение характера трудовых отношений, свойственных буржуазному обществу эпохи модерна. Отсюда, вопрос изучения прекариата интересен и значим, ведь вне контекста его всестороннего рассмотрения невозможно понять, что представляет собой данное явление, а также выработать механизмы адаптации к общественным изменениям, связанным с прекариаризацией трудовых отношений.

В этой связи мы хотим дать социально-философский анализ прекариата в качестве силы, способной заместить собой пролетариат. Итак, цель работы – выявить роль и значение прекариата в современном мире как нового явления, идущего на смену пролетариату.

Методологический каркас работы выстроен на основе общефилософских и логических методов, методов работы с научным текстом, системным подходом, методом исторического сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретическую базу исследования образует корпус работ отечественных и зарубежных авторов: Р. Анисимов [1], З. Бауман [3], З. Голенкова, Ю. Голиусова [4], Д. Сасскинд [5], Г. Стэндинг [6], Ф. Фоссен, А. Зоргнер [10], Л. Фишман [8], Г. Стэндинг [6] и др.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты можно использовать в качестве одного из источников для выработки практических рекомендаций, облегчающих адаптацию людей

СМИРНОВ Роман Камилевич, *кандидат философских наук, доцент, Казанская государственная академия ветеринарной медицины имени Н.Э. Баумана, Казань, Республика Татарстан*

к системе производственно-трудовых отношений, свойственных наступающей эпохи господства прекариата.

Основная часть

Благодаря Марксу, вопрос гибели капитализма стал одной из классических тем социально-философской рефлексии XX столетия. Однако к его исходу мы увидели не ниспровержение капитализма и связанной с ним власти буржуазии, а достаточно быстрый процесс утраты пролетариатом своей роли в обществе. Так, всего за несколько десятилетий из класса "гегемона" пролетариат оказался на грани своего существования, виной чему стал прекариат и процесс прекариаризации труда.

Одним из первых в научный оборот термин прекариат ввел Бурдье в 1980 году. С этого времени характеристике прекариата было уделено немало внимания, тем не менее, по словам Ж. Тощенко "…в научной литературе не выработано единого подхода к определению и измерению данного явления" [7, с.75]. Такое положение продиктовано рядом обстоятельств: во-первых, отсутствием системы четких критериев, на основании которых можно выделить прекариат; во-вторых, сам он пока еще находится в стадии своего активного становления, что затрудняет процесс его идентификации. Кроме того, доминирование практико-социологических исследований в рассмотрении прекариата мешает сосредоточиться на выявлении его онтологической сути в качестве уникального социального феномена, возникшего на определенном этапе развития Европейской цивилизации. В связи с чем, мы считаем, что понимание природы прекариата возможно лишь на пути выделения его основополагающих черт.

Первая из них – это фактор неустойчивого положения рабочего человека в обществе. Он проявляет себя в утрате им чувства "стабильного завтра", тесной связи собственного "Я" с выбранным родом профессиональной деятельности. Это побуждает индивида постоянно тратить усилия, направленные на сохранение и умножение своих прав на работу, что предполагает большие затраты времени на неоплачиваемый труд, связанный с почти постоянным поиском новых возможностей быть востребованным рынком.

Вторая черта – высокая степень мобильности прекариата, которая характеризуется большой амплитудой колебаний рабочего и социального статуса человека на протяжении жизни. Эта особенность проявляет себя в частой, мало предсказуемой смене глубоких падений и взлетов к вершинам социального признания и финансового благополучия. Столь неустойчивое социальное положение прекариата указывает на маргинальный характер образа его жизни. Однако, в отличие от модерна маргинальность здесь не недостаток, а скорее достоинство, эффективный способ адаптации к переменчивым требованиям рынка.

Третья черта – прекариат представляет собой массовый надклассовый социальный феномен. В сравнении с пролетариатом он гораздо более многочисленен и разношерстен по своему социальному составу. Так, прекариат включает в себя самые различные социальные группы от пролетариата до мелкой и даже средней буржуазии. В связи с чем, его можно лишь с определенной долей условности считать новым классовым образованием, скорее прекариату больше подходит наименование социальная общность или сословие.

Четвертая черта – наряду с массовостью прекариату свойственен ярко выраженный индивидуализм. Он проявляет себя через разнообразие способов, преимущественно визуальной самопрезентации человеком своих личностных особенностей, мастерства, навыков совершенного владения определенными видами деятельности. При этом, в отличие от эпохи Нового времени, индивидуализм прекариата коммерчески окрашен и направлен на стирании грани между работой и досугом.

Пятая черта – по своему социально-экономическому составу прекариат представляет собой полярное явление, в нем отсутствует устойчивое среднее звено. Фактически прекариат образуют две неравные по своему количественному составу социальные группы. Первая и самая малочисленная – это финансово успешные, востребованные обществом люди. Как правило, это те, кто создает интересный контент (блогеры, звезды TikToka и т.д.) или обладает высоким уровнем профессиональных компетенций. Для представителей этой группы свойственно стремление постоянно совершенствовать полученный результат, расширять пространство востребованности своего труда. Вторая группа наиболее многочисленна и состоит из тех, чей труд постоянно падает в своей цене, что заставляет ее представителей подвергать себя сверхэксплуатации или, наоборот, стремиться вести иждивенческий образ жизни.

Хронологически становление прекариата совпадает с возникновением нового типа общества, идущего сегодня на смену модерну. Как

и у прекариата, у этого общества нет однозначного определения в силу незавершенного характера социальных изменений. Поэтому для обозначения его мы будем использовать (как близкие по смыслу) понятия VUKA мир, общество ситуации постмодерна. Итак, чтобы проследить взаимосвязь прекариата с нарождающимся миром, выделим присущие ему ключевые маркеры.

Во-первых, это поливариантный характер существования человека в VUKA мире. Такой модели бытия свойственны черты непредсказуемости, невозможность однозначно объяснить индивидом причины своего успеха или неудач; отсутствие гарантий социальной стабильности со стороны государства и бизнеса; доминирование проектного образа жизни, над проективной ее стратегией. В последнем случае речь идет о существовании индивида в постоянно длящемся "сейчас", что обессмысливает построение длительных карьерных треков реализации себя в социуме. Говоря иначе, новый мир предлагает получать удовольствие от результатов труда не завтра, а уже сегодня, что требует от индивида постоянно быть готовым представлять услуги по требованию рынка, поддерживать коммерческий интерес общества к своей персоне за счет неустанной работы над своим личностным капиталом.

Во-вторых, это ставка на креатив, способность нестандартно мыслить и действовать, созидать уникальные вещи и в самых различных областях жизнедеятельности общества от музыки и живописи до высокотехнологичной продукции. Данный тип людей Ричард Флорида именует креативным классом и высказывает мысль, что он, подобно протестантам на заре капитализма, станет основой развития экономики ближайшего будущего [9]. Действительно, в сравнении с другими социальными образованиями этому классу, больше представляющему собой разношерстную социальную общность, чем монолитную группу, свойственен ряд специфических черт: карьеризм, стремление работать на себя, непостоянство в выборе направлений деятельности, свобода самовыражения, отказ от строго следования предписанным стандартам в профессиональной деятельности и т.д. Именно такой набор качеств, связанный с уходом от усредненных показателей в профессиональной деятельности, наиболее полно соответствует и одновременно является драйвером развития высокотехнологичной, цифровой, инновационной экономики XXI столетия.

В-третьих, это доминирующая роль технического прогресса в развитии общества. В отличие от предшествующего ему модерна, скорость новаций сегодня становится все выше, что требует от каждого постоянной готовности использовать их в своей деятельности, чтобы соответствовать темпу общественных изменений ради сохранения и роста коммерческого успеха.

В-четвертых, это тотальное господство коммерции в самых различных аспектах человеческого бытия. В сравнении с модерном, степень ее столь высока, что все мы оказываемся растворенными в системе товарных отношений, фактически играя роль их придатка. Все, что не вписывается в строгие правила коммерциализации бытия, обречено на увядание и возможно гибель, в том числе и люди, неспособные превращать многообразие имеющихся у них благ (личностных и внешних) в источник дохода, а также предмет личной заботы с целью роста их рыночной стоимости.

В сравнении с прекариатом, пролетариату свойственен совершенно иной набор черт: высокая степень социальной защищенности; ясные перспективы последовательного карьерного роста; чувство профессиональной идентичности, проистекающее от владения типовыми производственными навыками, продиктованными нуждами промышленного производства; сходство образа жизни и наличие устойчивого среднего звена. Все это позволяет говорить о пролетариате как монолитном по своей сути классе, со свойственным ему классовым сознанием и солидарностью в отстаивании политических интересов, а также общественной силе, связанной с промышленным производством общества модерна. Напомним, что этот тип социума предлагал человеку устойчивый, понятный, динамично развивающийся мир, подчиненный логике линейного, поэтапного движения к успеху, достигаемому, как правило, в зрелые годы.

В соответствии со сказанным, мы можем сделать ряд обобщений.

– Вслед за изживающей себя ныне эпохой модерна к концу подходят и дни существования порожденного ею пролетариата. Такой финал некогда могучего класса, основы промышленного производства обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, с экономической точки зрения существование пролетариата дорого и нецелесообразно. Так, в силу высокой скорости автоматизации производства, внедрения новых технологий, снижающих требования к квалификации рабочих, труд пролетариата становится все менее востребован-

ным. Кроме того, обессмысливается и сам процесс институциональной подготовки рабочих, ведь получаемые людьми профессиональные знания рискуют быстро устареть или вовсе перестать быть востребованными. Во-вторых, часто длительный карьерный трек при относительно невысокой плате за труд, диктуемой переменчивой рыночной конъюнктурой, делает рабочий класс все менее привлекательным для современного человека. Таким образом, у пролетариата не остается шансов на будущее, он обречен уйти в прошлое, уступив свое место в истории прекариату.

– Прекариат это не только недавно возникшая социальная общность, но и новый образ мышления, дискурс, определяющий иной способ существования человека, продающего свой труд в мире, где господствует тотальная неопределенность, нелинейность социального бытия, пронизанного духом всепроникающей коммерции. Во многом именно в силу данного обстоятельства, прекариат крайне сложно идентифицировать с социологической точки зрения, так как он включает в себя пеструю по своему социальному составу массу лиц, иначе мыслящих свое существование, чем человек эпохи модерна, в частности пролетариат.

– Будучи полярным социальным явлением, прекариат несводим к группе социально незащищенных лиц, ставших заложниками наступающей эпохи неопределенности. Помимо этой, пусть и значительной по своему численному объему общности, он включает в себя креативный класс, для которого подобная ситуация не является пагубной, ведь она несет с собой массу возможностей для самореализации себя.

– Одной из важнейших особенностей прекариата становится стирание грани между работой и досугом. Для человека, не способного найти себя в новом типе общества, подобная ситуация чревата ростом самоэксплуатации, которая неминуемо грозит ему эмоциональным выгоранием и физическим истощением за счет нехватки времени для восстановления затраченных на работу сил. Напротив, если человек готов принять мир постоянства перемен, синкретизм работы и досуга открывает новое измерение его жизни, которое можно обозначить через категорию "интерес". Данное понятие схоже с термином "досуга" у Аристотеля в стремлении индивида получать удовольствие от жизни [2]. Однако, в отличие от Аристотеля, это удовольствие заключается не в созерцательном отношении к миру, а активном получении личностного опыта от взаимодействия с различными аспектами социального бытия. Тем самым, реализация себя через интерес, сочетающей в себе удовольствие и рыночную пользу, служит водоразделом поляризации свойственной прекариату, а также качественным отличием от исторически дряхлеющего пролетариата, неспособного преодолеть экономического отчуждения от процесса труда и его результатов.

– Прекариат не противостоит и не исключает профессиональной дифференциации общества как основы его экономической жизни. Однако, в сравнении с пролетариатом, прекариат несет с собой иное отношение к выполнению профессиональных обязанностей. С одной стороны, он тяготеет к сочетанию различных профессиональных навыков, а с другой стороны, уходит от типового владения ими в пользу, или поверхностного их знания, или же наоборот, сверхсовершенного владения определенным набором профессиональных компетенций. Естественно, что представители нижнего яруса прекариата акцент делают на количественном расширении профессиональных навыков за счет снижения планки качества владения ими. Представители же верхнего яруса постоянно оттачивают и расширяют свои профессиональные знания, в том числе и за счет дополнения их другими профессиональными навыками. В связи с чем, мы можем утверждать, что ключевой чертой, определяющей прекариат, является не только социальная неустойчивость, но и отказ от усредненных показателей в профессиональной деятельности. Именно благодаря этому отказу прекариат реализует себя в мире тотального господства товарных отношений при помощи активного поддержания интереса к себе со стороны общества.

– Прекариату чуждо ярковыраженное стремление к присвоению собственности на материальные средства производства. Данное обстоятельство продиктовано не бескорыстием или незрелостью прекариата, а экономическим расчетом, показывающим, что в трудно предсказуемом, динамично изменчивом мире, прибыль гораздо выгоднее извлекать без обременения себя постоянными обязательствами, связанными с обслуживанием материальных активов, а также наймом рабочей силы. Так, уже сегодня мы наблюдаем развитие экономики шеринга, где собственность и услуги берутся по мере необходимости в аренду. В то же время отказ от собственности на материальные средства производства сочетается у прекариата с жестким отстаиванием прав на

индивидуальную собственность, личностный капитал. Этот вид собственности становится главным инструментом реализации себя прекариатом в экономической сфере общества, кроме того, он же отчасти сближает и одновременно качественно отличает прекариат от пролетариата, который не рассматривает индивидуальную собственность как объект товарных отношений. Следовательно, будучи активным субъектом общества рынка, прекариат не замещает собой буржуазии, хоть и отчасти прекаризирует ее деятельность, в качестве одного из способов сокращения издержек производства ради увеличения прибыли.

Заключение

1. Прекариат не сводим к классическим классам общества модерна, ни к пролетариату, ни к буржуазии. Это совершенно иной массовый тип человека со свойственным ему образом мышления и отношением к жизни, явление новой цифровой эпохи в развитии капиталистического общества, которая только наступает сегодня.

2. Обусловленный логикой развития капитализма, активным внедрением новаций и автоматизацией производства прекариат не представляет, и вряд ли будет представлять в будущем угрозу для его существования.

3. Прекариат это не альтернатива и не будущее пролетариата. Это иное явление, которое заместит собою пролетариат в качестве отыгравшей свою историческую роль общественной силы. И произойдет это событие не в силу революции, а вследствие естественной смены всех, социально-экономических укладов жизни в рамках общего для Европейской цивилизации рыночного способа производства.

4. Заместив собой пролетариат, вобрав в себя мелкую и отчасти среднюю буржуазию, прекариат станет доминирующей социальной общностью цифрового технотронного мира.

5. С социологической точки зрения, прекариат представляет собой не новый класс, а скорее сословие, состоящее из двух обособленных групп людей – креативного меньшинства и тех, кому не удалось им стать. Принадлежность этим группам будет определяться не правом крови, а наличием качественного образования и умением соответствовать реалиям жизни, диктуемым цифровым миром.

Перспективы дальнейших исследований мы видим на пути более детального изучения прекариата, ведь он по-прежнему пребывает пока еще в стадии своего становления и, одновременно с этим, представляет собой безальтернативный вариант развития Европейской цивилизации. Эта та сила, которая похоронит в ближайшем будущем пролетариат, отсюда, особенно актуальными будут исследования, посвященные теоретическим и практическим вопросам адаптации людей к реалиям получения образования, жизни и деятельности в условиях требований ситуативной, цифровой экономики.

Литература:

1. Анисимов Р.И. Прекариат как новый социальный класс в контексте марксистской теории / / Социологический журнал. – 2021. – Том 27. – №1. – С. 10-27.
2. Асмус В. Античная философия / В. Асмус. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 2005. – 751 с.
3. Бауман З. Текучая современность / Зигмунт Бауман ; [пер. с англ. С. А. Комаров]. – М. [и др.]: Питер, 2008. – 238 с.
4. Голенкова З., Голиусова Ю. Прекариат как новая группа наемных работников / З. Голенкова, Ю. Голиусова // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 1(195). – С. 47-57.
5. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться / Д. Сасскинд ; пер. с английского Яндекс.Переводчика под ред. Александра Дунаева. – М.: Индивидуум, 2021. – 352 с.
6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
7. Тощенко Ж. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / под ред. Ж. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – 400 с.
8. Фишман Л. Прекариат: этот средний класс сломался – несите другой / Л. Фишман // Логос. – 2018. – Т. 28. – № 6(127). – С. 91-104.
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2007. – 421 с.
10. Фоссен Ф. Зогнер А. Будущее труда: деструктивные и трансформационные эффекты цифровизации / Ф. Фоссен, А. Зоргнер // Форсайт. – 2019. – Т. 13. – № S2. – С. 10-18.

*EDUCATIONAL SPACE IN THE POSTMODERN ERA: CHALLENGES AND PROSPECTS **

Sukhovskaya Daria Nikolaevna, *PhD of Philosophy, Associate Professor, Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Senior Researcher of the Scientific and Educational and Innovation Center "Key Trends in the Development of Social and Philosophical Thought: Theory and Practice", Zheleznovodsk*

The purpose of the study *is a philosophical analysis of the concept of "educational space" in the postmodern era and determination of the place of the phenomenon under consideration in the system of modern educational practices. The article provides a conceptualization of the phenomenon of "educational space" through the prism of the philosophical categories of space and time, as well as taking into account the external conditions of the environment that affect its formation (socio-economic factors).* ***The scientific novelty*** *consists in revealing the transformations of the educational space in the conditions of a post-industrial society and the postmodern era.* ***As a result,*** *the challenges for the formation and effective functioning of the educational space in the post-industrial era are identified and the prospects for its transformation are identified, aimed at improving the quality and opportunities of education and educational systems.*

Keywords: *postmodern education; educational environment; educational space of the subject; educational space; city space; topos; philosophy of education.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.28

УДК 02.15.61
ВАК РФ 5.7.7

© Суховская Д.Н., 2022

*ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ***

Цель исследования *– философский анализ понятия "образовательное пространство" в эпоху постмодерна и определение места рассматриваемого феномена в системе современных образовательных практик. В статье дается концептуализация феномена "образовательное пространство" сквозь призму философских категорий пространства и времени, а также с учетом внешних условий среды, влияющих на его формирование (социально-экономические факторы).* ***Научная новизна*** *заключается в раскрытии трансформаций образовательного пространства в условиях постиндустриального общества и эпохи постмодерна.* ***В результате*** *выявлены вызовы формирования и эффективного функционирования образовательного пространства в постиндустриальную эпоху и перспективы его трансформации, направленные на повышение качества и возможностей образования и образовательных систем.*

Ключевые слова: *образование эпохи постмодерна; образовательная среда; образовательное пространство субъекта; образовательное пространство; пространство города; топос; философия образования.*

СУХОВСКАЯ Дарья Николаевна, *кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, старший научный сотрудник научно-образовательно-инновационного центра "Ключевые тенденции развития социально-философской мысли: теория и практика", Железноводск*

Введение

В философии образования понятие "образовательное пространство" отличается значительной вариативностью, что характерно для эпохи его возникновения – эпохи постмодерна. В российском научном дискурсе понятие "образовательное пространство" впервые было использовано академиком Международной академии образования И.Д. Фруминым в его работе "Образовательное пространство как пространство развития ("школа взросления")" в 1993 году [22, 25].

С начала 2000-х годов в исследовательских работах наблюдается тенденция к пониманию образовательного пространства по отношению к конкретной точке приложения: образовательное пространство субъекта [12, 106; 6, 51; 18, 89], учреждения [8, 166; 3, 418; 10, 186], системы образования [17, 48; 15, 252; 11, 48] и др.

С позиции социально-философской концептуализации феномена "образовательного пространства" сосредоточимся на трех его составляющих: пространстве, времени и условиях. Подобная кон-

* The study was carried out as part of the implementation of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists - candidates of science, scientific project No. MK-88.2022.2
** Исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук, научный проект № МК-88.2022.2

цептуализация позволит определить особенности формирования, проектирования и функционирования образовательного пространства.

Семантическая вариативность термина "образовательное пространство" требует его детального рассмотрения с целью определения его соотношения с образовательными целями личности и общества.

Основная часть

Рассмотрим категорию пространства с точки зрения философского дискурса. Под данным термином в философской науке подразумевают: 1) способ наблюдения, идентификации и понимания объектов, один из главных методов эмпирического опыта [16, 455]; 2) вариант существования окружающей действительности, который находится в тесной взаимосвязи со временем [16, 455].

Феномен образовательного пространства изучался различными дисциплинами. При попытке провести оценку феномена в ракурсе топологии и метрических систем обнаружена интересная особенность. В частности, объект (образовательная среда) и субъект (с точки зрения неклассической методологии тесно вплетенный и не извлекаемый из образовательной среды) создают собственные топосы (локации), под которыми подразумевают пространство, исходя из их размеров.

Выделяют два варианта интерпретации образовательного пространства. В первом случае выделяется топос, для которого характерен объективный мир со своими особенностями и законами. При втором варианте рассматривается топос, выступающий предметом активности субъекта, что связано с совместным влиянием на образовательное пространство [13, 37].

При определении понятия "образовательное пространство" требуется представить характеристику феномену времени, поскольку оба термина находятся в неразрывной связи между собой. При описании феномена времени идентифицируем два ключевых понятия – постиндустриальное общество и эпоха постмодерна.

Термин "постиндустриальное общество" разработал и внедрил социолог Д. Белл в 1960-х годах [1, 172]. В своей научно-исследовательской деятельности он определил несколько базовых свойств нового общества. Среди них обозначена трансформация экономики (на место выпуска товаров пришел выпуск услуг); нарастающее влияние научно-технических достижений, включая области социального обеспечения (сюда входит образовательная среда); преобразование ценностно-смысловых ориентиров социума (тенденция к проявлению толерантности); новые методы принятия решений (превалирование методов планирования и прогнозирования).

Далее эксперты дополняли и развивали выдвинутую Д. Беллом теорию в аспекте конкретизации характеристик постиндустриального общества. Например, определен вектор увеличения количества квалифицированных специалистов, установлена необходимость личности в материальных благах, происходят изменения на рынках труда и социального обслуживания.

В итоге, постиндустриальная эпоха вводит новые требования к образовательной среде и профессиональной подготовленности личности. Значительное количество людей занимаются не физическим, а умственным трудом, который не менее ценен, в зачастую и более сложен, чем простое выполнение конвейерных операций. Происходит преобразование морально-нравственных категорий, когда поощряется творческая инициатива и нестандартное мышление [20, 61]. Все это формирует предпосылки к изменениям в структуре социального устройства, которые отражены в росте образовательных потребностей.

Данная тенденция подтверждается эмпирическими исследованиями. На основании сравнительного анализа социально-экономических рейтингов выявлено, что индекс образования тесно взаимосвязан с другими сферами жизнедеятельности. Речь идет, прежде всего, о здравоохранении и предпринимательстве. На индекс образования значительное влияние оказывают абсолютное (государственное) или относительное (частное) финансирование отрасли [2; 4, 398; 5, 105].

Перечисленные свойства времени детерминируют специфику развития образовательного пространства. В этой связи важно понимать и корректировать цели постиндустриального общества, в рамках которого функционирует образовательная среда. Акцентируем внимание на том, что действующий постмодерн во многом схож с постиндустриальным обществом. Множество совпадений прослеживается в системе образования, что заметно, например, в субъектности. Субъект сегодня способен существовать только в рамках деятельности, а это в свою очередь активирует образовательное пространство.

Перечисленные свойства постиндустриального общества детерминированы социальным

и экономическим развитием социума. Воздействие механизма корреляции образовательной среды и социально-экономических условий придает важность теме исследования этой связи, особенно в аспекте создания, модернизации, совершенствования образовательного пространства (вне зависимости от локации его существования).

Сложности наблюдаются в аспекте учета при идентификации социально-экономических факторов дуалистической природы личности. Речь идет, прежде всего, о противостоянии социального и индивидуального. Данную тенденцию в свое время выделил Э. Дюркгейм. Социолог отмечал, что дуалистическая природа детерминирует двойственную жизнедеятельность личности, где индивидуальные потребности тесно переплетаются с социальными требованиями [19, 287].

С точки зрения Э. Дюркгейма, общество имеет собственную природу. Она вводит собственные требования, которые отличаются от требований личности. Описывая социально-экономические факторы, следует акцентировать внимание, что благоприятное воздействие на образовательное пространство оказывают только те из них, которые находят понимание у индивида. Необходимо подчеркнуть, что создание образовательного пространства исключительно с позиции субъекта на возымеет должного эффекта, поскольку в этом случае оно не решит проблемы общества. На основании приведенной информации становится понятно, что задача формирования образовательной среды неразрывно связана с глубоким противоречием.

Экономические дисциплины выявили социальные факторы, которые воспринимаются в качестве условий жизнедеятельности личности в обществе. В этот перечень входит достигнутый уровень образования, науки, культуры и прочих аспектов социального существования индивида. На обозначенные условия большое воздействие имеет внешняя среда и экономические факторы, которые детерминируют множество аспектов жизнедеятельности (развитие производства, товарно-денежная система и т. д.).

В рамках исследования свойств постиндустриального социума и социально-экономических факторов определяется их корреляция в аспекте образовательных систем. Например, первое социальное условие детерминировано, пожалуй, главным требованием постмодерна – качеством образования.

Отдельного внимания заслуживает специфика отклика образовательного пространства на требования времени. Следует детально изучить риски и негативные последствия случаев, когда указанные феномены (время, пространство, условия) утрачивают тесную взаимосвязь между собой.

Постоянные преобразования социально-экономических факторов детерминируют соответствующие преобразования образовательного пространства. Это в свою очередь ведет к необходимости оперативной реакции, выработки эффективных решений возникающих проблем, нивелирования негативных факторов. Наличие кризисов указывает на минусы управления рисками в образовательной системе. Современные реалии привели к множеству проблем в системе образования РФ, что в свою очередь поставило перед ней задачу выработки эффективной методики определения, наблюдения, оценки и управления рисками.

Рассмотрим мировые риски, которые были обозначены на Всемирном экономическом форуме в Давосе [14, 171]. Глобальные риски классифицируются по пяти группам, учитывая области воздействия. Исходя из этого критерия, выделяют геополитические, экономические, социальные, технологические и экологические риски. Воздействие определенных рисков обычно касается не одной категории, поскольку обладает комплексным эффектом.

Обозначенные глобальные риски напрямую воздействуют на образовательное пространство РФ. Заблуждение считать, что хотя бы одна из групп рисков существует изолированно, поэтому ее воздействие на образовательную среду следует рассматривать комплексно. Например, низкий уровень жизни и безработица напрямую влияют на образовательное пространство и приводят к проявлению негативных социальных эффектов: росту преступности, росту социальной напряженности, повышению уровня психических расстройств и др.

Акцентируем внимание, что безработица представляет собой деструктивный фактор влияния на все сферы жизнедеятельности. В соответствии со статистическими выкладками Международной организации труда, количество безработных на планете достигло 200 миллионов человек [7, 812]. Такая ситуация во многом предопределена текущим положением дел в образовательном пространстве, где наблюдаются две противоположных тенденции. С одной стороны, повышение конкуренции на рынках труда приводит к потребности улучшить качество образования, осуществлять по-

стоянную профессиональную подготовку (аттестацию) сотрудников. Но риск остаться без высокооплачиваемой работы становится причиной недовольства населения и апатичных настроений личности, заинтересованной в получении образования.

В качестве отдельной категории риска в современном обществе выступает фактор коррупции. Особо подвержена таким тенденциям область высоких технологий. Эта категория особым образом воздействует на создание образовательного пространства. Высокоинтеллектуальная преступная деятельность требует профессиональной подготовки субъекта, что формирует определенный запрос на образовательные практики.

Подводя итог вышесказанному, укажем, что при формировании образовательного пространства вне культурной среды и базируясь только на особенностях рынка (что, как мы отметили ранее, является одной из ключевых ориентиров постиндустриальной эпохи), возникает чрезмерно потребительское отношение к образовательному пространству и образовательным практикам и специфическая мотивация субъектов внутри него. Подобный способ формирования образовательного пространства, на наш взгляд, не способен положительно повлиять на уровень и качество образования. Причины такого способа формирования образовательного пространства кроются во внутреннем противоречии самой постиндустриальной эпохи: задача решается с помощью унифицированных средств, доступных, но не адаптированных к трансформирующимся внешним условиям.

В проектировании современного образовательного пространства необходимо учитывать и его социокультурное измерение, которое предполагает, что образовательное пространство должно иметь собственный когнитивный потенциал, вырабатывать среду для поэтапных преобразований, побеждать субъектов на получение новых знаний, умений навыков или на проявление творческой инициативы. На основании такого подхода образовательное пространство получает потенциал создания общества знаний, где для субъекта характерна когнитивная деятельность, творческая направленность, целеустремленность личность [20, 63]. Иными словами, когда образовательное пространство создается без учета особенностей времени и запросов индивида, то уровень его эффективности остается низким. К сожалению, подобная ситуация наблюдается сегодня в России. Выработка решений по формированию образовательного пространства базируется на положениях ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" [21]. Он устанавливает главенство принципа единства образовательной среды в рамках государства. Необходимо акцентировать внимание на том, что под единством в данном случае подразумевается реализация федеральных образовательных стандартов. Масштабная и комплексная система формирования образовательного пространства становится трудно-реализуемой задачей, поскольку существующая образовательная система содержит архаистические компоненты и сталкивается с множеством глобальных рисков.

В качестве одного из главных аспектов создания современного образовательного пространства выступает требование бизнес-сектора на выработку собственных образовательных практик и систем неформализованного образования. Это вызвано разрывом, существующим в современном профессиональном образовании на разных уровнях и связанным с недостаточной практикоориентированностью получаемого в образовательных учреждениях знания. Помимо этого, необходимо учитывать быстрое устаревания знания в современном мире. Быстрое устаревания знания заставляет бизнес-структуры формировать собственную систему его обновления через постоянное повышение квалификации специалистов, чтобы повысить степень адаптации к внешним вызовам, преобразованиям внешней среды, рыночной конъюнктуре, законодательным и внутренним изменениям организации.

Одним из факторов, воздействующим на формирование образовательного пространства в России, является геополитическая обстановка. При рассмотрении образовательного пространства сквозь призму геополитических факторов, на наш взгляд, необходимо избрание дихотомической позиции:

– образовательное пространство может выступать фактором политической и геополитической стабильности или нестабильности российского социума;

– образовательное пространство может выступать фактором формирования и укрепления гражданского общества или деструктивным и дестабилизирующим фактором влияния на общество;

– образовательное пространство может выступать фактором позитивного социального развития личности и общества или формирования деструктивных тенденций личностно-

го и социального развития и неуспешной жизненной траектории индивидов.

Формирование и поддержание однородности образовательного пространства – важнейшая государственная задача для современной России. При формировании образовательного пространства требуется учитывать вопросы идентичности, аспекты идеологии, ценностно-нравственные категории.

Заключение

На основании вышесказанного, укажем важность воздействия постмодернистской философии на современное образовательное пространство. Она во многом детерминирует вектор его создания, функционирования, модернизации. С нашей точки зрения, для философии образования требуется новый импульс развития, что позволит избавиться от крушения "великих нарративов" модерна по Ж.-Ф. Лиотару и дискуссии концепции "Антипедагогики" И. Иллича. Закономерным итогом такого импульса станет преобразование системы педагогики и общей дидактики, которая станет более адаптивной и соответствующей веяниям времени.

Для формирования нового, более эффективного образовательного пространства необходимо выработать ориентиры, которые ищут многие современные философы. Отдельного внимания в данном контексте заслуживает изречение Ж. Делёза и Ф. Гваттари: "Посткантианцы вращались в кругу универсальной энциклопедии концепта …вместо того, чтобы заняться делом более скромным – педагогикой концепта, анализирующей условия творчества как факторы моментов, остающихся единичными" [9, с. 123].

Философы четко обозначили методологические основы современной философии при формировании нового образовательного пространства. Их можно сформулировать следующим образом: "Если три этапа развития концепта суть энциклопедия, педагогика и профессионально-коммерческая подготовка, то лишь второй из них может не дать нам с вершин первого низвергнуться в провал третьего".

Литература:

1. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books, 1973. – 345 p.
2. Cutcu I., Ozkok Y., Golpek F. Environment, education, and economy nexus: evidence from selected EU countries // Environmental Science and Pollution Research. – 2022. URL.: https://link.springer.com/article/10.1007/s11356-022-22674-w#citeas
3. Donina O.I., Ivanushkina N.V., Aryabkina I.V., Chernykh A.I., Gemranova A.D., Chernova Yu.A. Genesis of methodological approachesto definition and organization of university informationand education space // Amazonia Investiga. – 2020. – T. 9. – № 29. – C. 417-426.
4. Zheng Y. Canonical correlation analysis on the interaction development between China's higher education and economy // International Conference on Business Management and Electronic Information. – 2011. – PP. 398-400.
5. Бебенина Е.В. Анализ распределения и оценка эффективности использования социально-экономических ресурсов на образование// ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2014. – №1. – С. 104-117.
6. Голичев О.А., Садретдинова Э.В. Особенности взаимодействия субъектов образовательного пространства в современном российском обществе // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия: сб. мат-лов XI Международной научной конференции / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет. – 2017. – С. 50-52.
7. Головачев Н.В. Пандемия COVID-19, безработица и структура спроса на труд // Экономика и социум. -2021. – № 4-1 (83). – С. 810-816.
8. Гомза Т.В. Субъекты образовательной деятельности в образовательном пространстве вуза // Проблемы высшего образования. – 2005. – № 1. – С. 165-167.
9. Делёз Ж., Гваттари Д. Что такое философия? – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.
10. Залесская Ю.И. К вопросу о "вхождении" личности в образовательное пространство вуза // Адаптация и саморегуляция личности: сб. мат-лов IV Международной научно-практической конференции / науч. ред. В.И. Казаренков. – 2011. – С. 185-189.
11. Иванова Н.Л., Новикова И.А. Высшее образование в поликультурном мире (современные теории европейского образовательного пространства) // Социология образования. – 2008. – № 10. – С. 47-52.
12. Кружилина Т.В. К вопросу о педагогизации сознания субъектов образовательного пространства // Актуальные проблемы современного общего и профессионального образования: сб. ст. по материалам II Всероссийской заочной научно-практической конференции. – 2016. – С. 105-110.
13. Мартынова С.А. Топологика образования и феномен социальной изоляции // Философия образования. – 2014. – № 2 (53). – С. 36-48
14. Мирзиёева С.Ш. Учет глобальных и национальных тенденций и особенностей социально-экономического развития при разработке государственных стратегий // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 1 (63). – С. 69-78.
15. Мотова Г.Н., Гарифуллина Ф.З. Проблема интеграции российской системы гарантии качества высшего образования в европейское образовательное пространство // Образование и саморазвитие. ?– 2009. – № 2 (12). – С. 251-256.
16. Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Ред. совет: Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1 – 744 с.

17. Поваляева Ю., Солдатова Т. Конкурентоспособность учреждений высшего образования США в мировом образовательном пространстве // Гуманитарное образование: история, традиции, перспективы: сб. науч. тр. – Елец, 2016. – С. 48-51.
18. Полищук И.В. Образовательное пространство как сфера взаимодействия субъектов // Актуальные вопросы развития профессионализма педагогов в современных условиях: сб. мат-лов Международной электронной научно-практической конференции: в 5-ти томах / под ред. А.И. Чернышева, Т.Б. Волобуевой, Ю.А. Романенко. – 2017. – С. 81-90.
19. Принципы 1789 года и социология. // Социологический ежегодник, 2012: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии НИУ-ВШЭ; Ред. Н. Е. Покровский, Ред.-сост. Д. В. Ефременко. – М., 2013. – С. 286-293.
20. Суховская Д.Н. Трансформации личности в креативных пространствах в условиях урбанизированной среды современных поселений // Европейский журнал социальных наук. – 2015. – №2. – С. 61-69.
21. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.
22. Фрумин И.Д., Эльконин Б.Д. Образовательное пространство как пространство развития ("школа взросления") // Вопросы психологии. – 1993. – № 3. – С. 24-35.

FEATURES OF THE FORMATION OF COGNITIVE PERCEPTION OF THE URBAN ENVIRONMENT BY K. LYNCH *

Sukhovskaya Daria Nikolaevna, *PhD of Philosophy, Associate Professor, Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Senior Researcher of the Scientific and Educational and Innovation Center "Key Trends in the Development of Social and Philosophical Thought: Theory and Practice", Zheleznovodsk*

The purpose of the study *is to identify the place of the creative space of the city in relation to the more global structural units of the urban space: the social space of the city and the educational space of the city. The article examines the patterns of behavior of actors of creative spaces, while the place of convergence of patterns is the creative space, analyzed as an urban educational resource.* ***The scientific novelty*** *lies in the hierarchy of relations between the creative spaces of the city and the urban educational space developed on the basis of the classification of the key points (elements) of the Lynch urban space and proposed by the author.* ***As a result,*** *the place of creative space as an educational locus in the classification of key points of urban space is designated.*

Keywords: *philosophy of the city; philosophy of education; city space; creative space; public space; educational space; educational locus.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.29

*ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДА В РАМКАХ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ К. ЛИНЧА ***

УДК 02.15.61
ВАК РФ 5.7.7

Цель исследования *– обозначить место креативного пространства города в соотнесении с более глобальными структурными единицами городского пространства: социального пространства города и образовательного пространства города. В статье рассматриваются паттерны поведения акторов креативных пространств, при этом, местом схождения паттернов является креативное пространство, проанализированное как городской образовательный ресурс.* ***Научная новизна*** *заключается в разработанной на основе классификации ключевых точек (элементов) городского пространства К. Линча и предложенной автором иерархии отношений креативных пространств города и городского образовательного пространства.* ***В результате*** *обозначено место креативного пространства как образовательного локуса в классификации ключевых точек городского пространства.*

Ключевые слова: *философия города; философия образования; пространство города; креативное пространство; публичное пространство; образовательное пространство; образовательный локус.*

© Суховская Д.Н., 2022

СУХОВСКАЯ Дарья Николаевна, *кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, старший научный сотрудник научно-образовательно-инновационного центра "Ключевые тенденции развития социально-философской мысли: теория и практика", Железноводск*

* The study was carried out as part of the implementation of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists - candidates of science, scientific project No. MK-88.2022.2
** Исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук, научный проект № МК-88.2022.2

В контексте проводимого исследования под креативным пространством городского поселения мы понимаем публично доступное место города (социальную площадку) для творческих (креативных) проявлений личности, где люди могут самовыражаться, обмениваться идеями, демонстрировать результаты своего творчества и коммуницировать с другими не в роли потребителя товаров или работника компании, а в роли создателя, разработчика, творца уникального продукта личности [6, 186].

Для решения поставленных задач мы обращались к теории когнитивного восприятия городской среды Кевина Линча.

Для рассмотрения проблематики образовательного потенциала креативных пространств города необходимо выделить ключевые характеристики социального пространства, которое составляет "тело" города.

Во-первых, социальное пространство предполагает наличие социальных субъектов и различных форм их взаимодействия в теле города; во-вторых, социальное пространство города предполагает наличие устойчивой системы социальных взаимодействий и отношений в городе (в сфере экономики, политики, культуры, образования, коммуникаций), не существующих обособленно, но взаимопересекающихся и способных формировать различные локусы городского бытия; в-третьих, социальное пространство города предполагает материальную репрезентацию подобных взаимодействий в физическом "теле" города [8, 193].

Креативные пространства города являются воплощением его социального пространства и представляют собой не только оформленную совокупность материально-символических объектов городской среды, но и совокупность ценностно-нормативных характеристик и паттернов [6, 87], т.е. того, что может быть обозначено как "ментальная компонента" города, которая формируется ценностями и нормами представителей креативного пространства, особенностями социально-психологической структуры представителей сообщества.

Вхождение в среду креативного пространства города не происходит по принципу простой принадлежности к месту, оно предполагает обязательный процесс освоения характерных для таких пространств социальных практик, антропопрактик, освоение системы ценностно-смысловых компонент и освоение процессов коммуникации типичных для акторов креативного пространства.

Процесс становления актора креативного пространства является частью процесса городской социализации и подразумевает следование паттернам, которые возникают у актора креативного пространства. К таким паттернам относятся:

– паттерн деятельности (через принятие нормативно-поведенческих установок);

– паттерн общения (через совершенствование коммуникативных навыков и расширение круга контактов);

– паттерн самосознания и самоидентификации (формирование образа "Я" ассоциированного с тем или иным креативным пространством) [5, 53].

При этом местом схождения всех паттернов является креативное пространство само по себе, выступающее как образовательный ресурс в теле города.

Реализация образовательного потенциала креативного пространства города происходит через реализацию его следующих функций:

– социально-инклюзивная функция предполагает, что креативные пространства являются общедоступными местами в теле города, что способствует интеграции горожан в единое сообщество, а также способствует формированию идентичности города;

– коммуникативная функция реализуется через использование горожанами креативного пространства в качестве площадки для социального наблюдения с целью усвоения паттернов поведения акторов подобных пространств (как социально одобряемых, так и неодобряемых [9, 102]), а также с целью передачи социального опыта, накопленного креативным городским сообществом;

– организационная функция предполагает вовлечение жителей города в социальные практики города и формирование чувства сопричастности к городскому пространству и городу в целом. В рамках данной функции реализуется также и стимулирование инициативы горожан к принятию коллективных решений по трансформации публичного пространства города (place-making [4]) через усвоение продуктивных нормативно-поведенческих установок авторов креативных пространств (высокая самоорганизация, высокая социальная активность, инициативность, потенциал в генерировании идей) [7, 15].

Обобщая вышеперечисленные характеристики, отметим, что образовательно-культурная роль креативного пространства города заключается в том, что оно, через использование языка и системы символов, нормативно-

поведенческих паттернов акторов креативного сообщества способствует формированию и воспроизводству определенного типа личности (горожанина).

В свою очередь, образовательный потенциал креативного пространства города подразумевает наличие у последнего определенных специфических особенностей и функций, которые могут быть использованы субъектами образовательного процесса для освоения и трансляции как знаний, так и ценностно-смысловых установок. Следовательно, с точки зрения образовательного потенциала, креативное пространство города можно определить как конкретное физическое место в теле города, объединяющее городскую среду и человека в процессе их взаимодействия, результатом функционирования которого является приращение знания и обретение новых паттернов поведения у потенциальных акторов таких пространств.

Для того чтобы обозначить корреляцию креативных пространств города и городского образовательного пространства, обратимся к классификации ключевых точек (элементов) городского пространства, выделенных урбанистом К. Линчем:

1. Пути – коммуникативные объекты городского пространства, вдоль которых горожанин может перемещаться физически или потенциально (к таким объектам относятся улицы, тротуары);

2. Линейные разрывы городской непрерывности – это элементы городского окружения, представляющие собой стыковые объекты между двумя состояниями городского бытия (окраины жилых и промышленных районов).

3. Районы – наиболее частотные и средние по масштабу единицы формирования городского пространства, представленные как двухмерная протяженность, которая позволяет наблюдателю войти в свою среду "изнутри". По мнению К. Линча, именно категория "район" является наиболее частотно используемой горожанами при попытке структурирования пространства своей жизнедеятельности.

4. Узлы – специфические точки городского пространства, в которых сконцентрированы какие-либо функции и (или) особенности социального пространства города. Узлы наиболее часто демонстрируют наличие центростремительной силы для района и несут в себе символическое значение [2]. Именно к категории "узлов" мы относим и креативное пространство города (См.: рис. 1).

5. Ориентиры – точечные элементы в пространственной структуре города, являющиеся внешними по отношению к наблюдателю [1, 56].

Рисунок – **Место креативного пространства как образовательного локуса в классификации ключевых точек городского пространства**

Образовательное пространство можно классифицировать на осознанное и неосознанное, а также на организованное извне или неорганизованное извне (См.: рис.). Объединив два измерения (осознанность и организация) мы получаем образовательный локус – структурную единицу пространства города, которая способна обеспечить как целенаправленное, так и неосознанное взаимодействие горожанина с образовательным пространством поселения.

Подробное рассмотрение образовательных локусов необходимо для определения места креативных пространств в структуре образовательного пространства города. Образовательные локусы могут быть представлены институциональными и информационно-коммуникационными компонентами.

Институциональные компоненты ответственны за формирование поддержание "каркаса" образовательного пространства города,

при этом информационно-коммуникационные компоненты обеспечивают наполнение образовательного пространства определенными ценностями, паттернами поведения, социокультурными смыслами, т.е. ответственны за "очеловечивание" образовательного пространства.

Таким образом, структура образовательного пространства города является четырехчастной, состоит из 4 видов подпространств и может быть представлена следующим образом:

1. Подпространство авторитарного типа. В таких подпространствах взаимодействие горожанина с образовательной средой города является организованным извне и осознается обучаемым в полной мере. Образовательный локус такого авторитарного подпространства представлен централизованными и формализованными образовательными институциями города (школы, колледжи, университеты).

2. Подпространство манипулятивного типа. В таком подпространстве взаимодействие обучаемого с образовательной средой города также, как и в прошлом типе, является организованным извне, но не осознается обучающимися в явной форме. Примерами локусов таких подпространств могут являться пространство музея или исторические части городской среды, используемые в образовательных целях.

3. Подпространство естественного типа. Подпространство характеризуется тем, что взаимодействие горожанина с образовательной средой происходит неосознанно и без организации извне. Примером пространств такого типа могут являться сформированные определенным типом горожан районы (студенческие кампусы, "профессорские кварталы", заводские районы и др.).

4. Подпространство свободного типа. Данный тип характеризуется тем, что в нем осуществляется осознанное, но не организованное извне, а созданное акторами самого пространства взаимодействие горожанина и образовательной среды. Образовательные локусы подпространства свободного типа представлены типичными формами креативных пространств (открытых пространств города со свободной возможность коммуникации акторов), таких как зоны коворкинга, лофты, арт-резиденции и др.

Далее выделим группу факторов, определяющих специфику образовательного пространства города:

1. Существование разноуровневой сети образовательных учреждений как институционального базиса городского пространства, которая способна обеспечить горожанину использование образовательных практик.

2. Динамичность, диалогичность и открытость публичного пространства города, которое должно выступать площадкой для коммуникации между разнородными городскими сообществами и их представителями, что способствует формированию у горожан нового социокультурного и образовательного опыта.

3. Степень интеграции образовательных процессов в "тело" города. В условиях постоянно повышающегося уровня цифровизации всех процессов жизнедеятельности города, значительное число аспектов жизнедеятельности горожан, имевших ранее четкое пространственно-временное разграничение, теперь смешивается (офлайн и онлайн работа и учеба и др.). В философском дискурсе данная мысль не нова и ранее встречается, например, у последователя Ж. Бодрийяра, американского социолога Дж. Ритцера, который акцентирует внимание на том, как активно размываются границы между практиками потребления горожан и сферой развлечения (имплозия) [3, с. 57].

В работах Дж. Ритцера упомянуты примеры торгово-развлекательных центров, совмещающих в себе возможность удовлетворить запрос на потребление с возможностью организации досуга.

Сегодня мы говорим о феномене имплозии в образовательном пространстве города через феномен креативного пространства, где пространственно-временные границы между работой, досугом и образовательными практиками трансформируются и постепенно исчезают.

В заключение отметим, что сегодня, чтобы вписаться в "текучую современность" в терминах З. Баумана, образовательным локусам городского пространства необходима мобильность, динамичность и способность разорвать представление о едином смысло-целевом назначении того или иного пространства в теле города.

Креативные пространства представляют собой пространства-трансформеры, в которых поддерживается постоянно высокий уровень социальной гетерогенности, через который горожане получают возможность постоянной встречи с новыми социальными и антропными практиками, что в свою очередь стимулирует их к постоянному обучению (поскольку любое обучение осуществляется только при столкновении с ранее неизвестным).

Помимо этого, мобильность и гибкость креативных пространств позволяют обучающимся в них горожанам конструировать собственный маршрут или образовательную траекторию, которая будет соответствовать их запросу, т.е. позволяет индивиду конструировать собственное уникальное образовательное пространство, вписанное в тело города.

Литература:

1. Lynch K. The Image of the City. – US.: Cambridge MA, 1960. – 195 p.
2. Neuman M. Wasting Away by Kevin Lynch and The Production of Space by Henri Lefebvre // Berkeley Planning Journal. – 2022. – № 7. [Internet resource]. URL.: https://www.researchgate.net/publication/331943967_Wasting_Away_by_Kevin_Lynch_and_The_Production_of_Space_by_Henri_Lefebvre
3. Ritzer G. Enchanting a Disenchanted World (3rd ed.). Continuity and Change in the Cathedrals of Consumption. – N.Y.: SAGE Publications, 2009. – 273 p.
4. Zayed R. Implications for new cities' landscape design using place-making: A Comparative analysis study // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2022. [Internet resource]. URL.: https://www.researchgate.net/publication/363099172_Implications_for_new_cities'_landscape_design_using_place-making_A_Comparative_analysis_study/citation/download
5. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Анализ влияния новых досуговых практик креативных пространств на формирование ценностных ориентаций горожанина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11 (85). – С. 52-55.
6. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Роль креативной среды российского города в формировании ценностных ориентаций личности горожанина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (72). – С. 86-89.
7. Лебедева Ю.В., Костецкая П.О. Креативные пространства как новый формат организации образования и досуга // Студенческий вестник. – 2020. – № 3-1 (101). – С. 14-18.
8. Матвеева О.Ю. Глобальные города – города, меняющие социально-культурное пространство // Вестник науки Сибири. – 2015. – № 1 (16). – С. 93-97.
9. Суховская Д.Н. Деструктивное влияние креативных пространств поселений на процессы социализации и самореализации личности и среду ее формирования в условиях глобализации // European Social Science Journal. – 2015. – № 1-2. – С. 100-106.

THE CATEGORY OF VITALITY AS THE DOMINANT CULTURAL AND POLITICAL DISCOURSE OF AUTHORITARIANISM IN THE CONTEXT OF COVID-19

Khadzharov Magomet Khandulayevich, *PhD of Philosophy, Professor*

Vyalykh Vladimir Vladimirovich, *PhD of Political sciences, Associate Professor*

Nikolaeva Galina Petrovna, *Senior Lecturer*

Orenburg State Medical University, Orenburg

The article analyzes vitality as a phenomenon that expresses the essence of political and cultural discourse during a global pandemic. ***The purpose of the study*** *is not only to highlight the essential features of this phenomenon, but also to consider its development in conditions of authoritarian and democratic political practices. Covid-19 is not only a medical and social problem that can be solved by political means, but also an existential challenge that encourages the state to maximize the strain of all its resources. Democratic states in such a situation are able to use authoritarian practices of ruling, which allows us to speak about the existence of pandemic authoritarianism. With this concept, we describe not only the form of existence of authoritarian power in the conditions of covid-19, but also the temporary state of using the attributes of autocratic rule within the framework of democracy. At the same time, the existential of survival as the ability of society and the state to overcome the existential challenge and further reproduce the usual forms of interaction becomes the dominant feature of political discourse.* ***As a result,*** *the authors come to the conclusion that it is necessary to conceptualize the concept of vitality.*

Keywords: *authoritarianism; security; survival; pandemic; existential; vitality; revitalization.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.30

КАТЕГОРИЯ ВИТАЛЬНОСТИ КАК ДОМИНАНТА КУЛЬТУРНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА АВТОРИТАРИЗМА В УСЛОВИЯХ КОВИД-19

УДК 101:321.64
ВАК РФ 5.7.7

© Хаджаров М.Х., 2022
© Вялых В.В., 2022
© Николаева Г.П., 2022

В статье осуществляется анализ витальности как феномена, выражающего суть политического и культурного дискурса в период глобальной пандемии. ***Цель исследования*** *– не только выделить сущностные признаки этого явления, но и рассмотреть его развитие в условиях авторитарных и демократических политических практик. Ковид-19 является не только медицинской и социальной проблемой, решаемой политическими средствами, но и экзистенциальным вызовом, побуждающим государство к максимальному напряжению всех сво-*

их ресурсов. Демократические государства в такой ситуации способны использовать авторитарные практики властвования, что позволяет говорить о существовании пандемийного авторитаризма. Этим понятием мы описываем не только форму бытия авторитарной власти в условиях ковид-19, но и временное состояние использования атрибутов автократического властвования в рамках демократии. При этом доминантой политического дискурса становится экзистенциал выживания как способности общества и государства к преодолению экзистенциального вызова и дальнейшему воспроизводству привычных форм интеракции. ***В результате*** *авторы приходят к выводу о необходимости концептуализировать понятие витальность.*

Ключевые слова: *авторитаризм; безопасность; выживание; пандемия; экзистенциал; витальность; ревитализация.*

Пандемический авторитаризм является темпоральной, то есть временной характеристикой существования властвующего субъекта. Но это не означает, что отдельные его признаки не способны хабитуализироваться в политическом и культурном дискурсе после окончания глобальной пандемии. Ключевым экзистенциалом авторитарного политического и культурного дискурса в условиях ковид-19 является выживаемость. Мы определяем это понятие как способность государства воспроизводить свои политические практики в ситуации ответа на экзистенциальный вызов. Экзистенциал выживаемости активно используется для позитивной легитимации ограничений повседневной активности индивида на период глобальной пандемии. Императив выживания – как общества, так и государства – неразрывно связывается в сознании индивида с двумя константами. Первая – государство как властвующий субъект предстаёт единственным источником безопасности как гарантии выживаемости. Вторая – выживаемость возможна при условии принятия всех запретов и ограничений частной жизни, предлагаемых властвующим субъектом. Использование экзистенциала выживаемости увеличивает манипулятивный потенциал практик властвующего субъекта, направленных на сознание индивида и общества. В результате ключевым для политического дискурса эпохи ковида становится нарратив о взаимосвязанности субъективного (индивид) и объективного (общество и государство) измерений выживаемости. В результате переформатирования общественного сознания посредством СМИ и коммуникативных технологий формируется мысль о том, что условием выживания индивида становится выживание и укрепление государства. Но если в условиях авторитаризма такой конструкт относительно хабитуализирован в сознании общества, то в рамках демократии он может вызвать неприятие и отчуждение. Они, в свою очередь, проявляются в неприятии многочисленных ковидных ограничений, вводимых государством. Последнее при этом вынуждено действовать авторитарными методами для обеспечения выживаемости существующей политической системы.

Выживаемость обладает двумя основными измерениями – институциональным и микро-физическим. Первое составляют социальные и политические институты государства, которые в ситуации кризиса могут подвергаться эррозии, либо в процессе прохождения через кризис модифицироваться и совершенствоваться. Микрофизическое измерение выживаемости касается физического существования индивида и общества и связано с преодолением различных для него угроз. Практики и меры обеспечения выживаемости определяет тип существующей политической системы и лежащий в её основе нормативно-ценностный базис. Пандемия ко-

ХАДЖАРОВ Магомет Хандулаевич, *доктор философских наук, профессор*

ВЯЛЫХ Владимир Владимирович, *кандидат политических наук, доцент*

НИКОЛАЕВА Галина Петровна, *старший преподаватель*

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург

вид-19 как глобальная цивилизационная проблема вновь актуализирует вопрос о том, какой из типов власти наиболее эффективен и жизнеспособен – авторитаризм, или демократия. Этот вопрос сложен, и однозначный ответ в современных условиях на него вряд ли возможен. Мы объясняем это тем, что демократические государства все чаще вынуждены прибегать к авторитарным практикам для обеспечения безопасности и – буквально – физического выживания в условиях ковид-19. Многочисленные ограничения привычных прав и свобод, введение новых юридических и технологических форм контроля за обществом с началом пандемии ковид-19 уже стали частью повседневности. Авторитарные субъекты, в свою очередь, для легитимации некоторых ковидных ограничений, вынуждены имитировать некоторые элементы демократии. Среди них можно выделить ослабление контроля за информационной сферой, практики публичного обсуждения целесообразности введение тех или иных ограничений, либо отмена наиболее жестких из них. В обоих случаях цель властвующего субъекта одна – создать условия не только для преодоления масштабного кризиса, но и дальнейшего воспроизводства существующих форм организации политического бытия.

Потенциал выживаемости авторитарных и демократических властвующих субъектом может быть различным. В пользу этого высказывается Г. Моска, который отмечал, что "…автократические режимы обладают большей "выносливостью", чем либеральные, которые являются предпочтительными в периоды экономического процветания" [4,с.61]. Данная теория является классической, но тем не менее соответствует восприятию проблемы некоторыми современными исследователями. В их числе – Дж. Ульдфельдер, утверждающий, что авторитаризм способен эффективно использовать некоторые элементы демократии для позитивной легитимации своего властвования, увеличивая тем продолжительность его существования. [7] Оба автора высказываются в пользу авторитаризма как типа власти, больше предрасположенного к выживаемости нежели демократия. Но нам кажется более точным говорить о взаимодействии демократического и авторитарного начал в процессе выживаемости властвующего субъекта, приводящего к определенной диалектике. Выражением этой диалектики становится дилемма выживаемости. Ей суть в том, что, с одной стороны, для выживания властвующему субъекту необходимо сокращение элементов демократии в политическом дискурсе, либо их полного вытеснения из него. С другой стороны, некоторая демократизация политических практик властвующего субъекта становится условием его выживания. Разрешение этой дилеммы определяется не только политическими и экономическими, но и культурными факторами. Выживание тесно связано с экзистенциалом жертвенности, проявляющемся в способности, либо неспособности индивидов принять существующие ограничения во имя общего блага, воплощаемого в выживании общества и государства. Разные культуры и типы политической организации предполагают различные границы жертвенности, в пользу чего высказываются М. Галлахер и Дж. Хэнсон.

В теории М. Галлахера и Дж. Хэнсона выживаемость понимается как способность авторитарного властвующего субъекта компетентно и эффективно противостоять вызовам глобального мира. [6] Выживаемость в понимании Галлахера и Хэнсона позволяет проанализировать способность властвующего субъекта адаптироваться к происходящим изменениям политически и экономически, но не на уровне глубинных, экзистенциальных оснований его властвования. Анализируя преимущественно азиатский авторитаризм, авторы делают вывод о его большей эффективности и выживаемости по сравнению с западным. М. Галлахери и Дж. Хэнсон объясняли это не только политическими и экономическими предпосылками, но и особенностями политической культуры, более ориентированной не на преобладание коллективного начала над индивидуальным, а всеобщего блага над благом личностным. Несмотря на внимание к фактору культуры, подход авторов к анализу выживаемости является узко политологическим. Кроме того, недостатком категории выживаемости является то, что она описывает ситуацию преодоления кризиса, но не трансформацию глубинных, экзистенциальных оснований автократического и демократического властвования. Иными словами, в результате выживаемости те механизмы и практики, которые использовались для преодоления кризиса, не закрепляются институционально в существующем политическом дискурсе. Ф.В. Лазарев справедливо замечает, что выживание как категория часто истолковывается довольно узко как ситуация выживания индивида либо социальной группы в экстремальных условиях [2,с.260]. А между тем выживаемость подразумевает не только адаптацию властвующего субъекта своих полити-

ческих практик к конкретной ситуации, но и их трансформацию, обретение новых качеств. Поэтому мы считаем нужным дополнить определение выживаемости понятием витальность. А.Ш. Руди определяет витальность как "…качественную характеристику жизненной энергетики, "подпитывающей" человеческую активность" [5]. Подход автора заслуживает внимание, но сосредоточен на индивидуальном аспекте явления и не учитывает его политологический потенциал. В свою очередь, мы определяем витальность как онтическое свойство политической власти, в рамках которого субъект не только со способен противостоять глобальным вызовам, но также возвращать себе ряд утраченных прежде функций и использовать элементы противоположной по онтическим основаниям системы властвования.

Витальность проявляется не только ситуационно, а используемые в этом процессе практики могут быть использованы и после преодоления экзистенциального вызова. Анализируя этот аспект проблемы, С.И. Каспэ описывает, используя понятие ревитализация государства [3, с.10]. Ревитализацию он полагает как реакцию властвующего субъекта на события глобальной пандемии, связанную с тем, что "…государствам возвращается сакральный статус и роль операторов спасения. Последнее, по мнению автора, может происходить по-разному и с разной степенью эффективности" [3, с.27]. Зависит это не только от состояния системы и её запаса прочности, но и от формы политической организации её бытия. В условиях тоталитаризма витальность носит абсолютный, не ограниченный законодательно и институционально характер. Властвующий субъект в таких условиях считает оправданным делать все, что обеспечит выживание и дальнейшее воспроизводство управляемой им политической системы. Демократия предполагает институциональную и правовую регламентацию витальности. Но в ситуации экзистенциального вызова демократический властвующий субъект вполне способен использовать для достижения витальности авторитарные практики, игнорируя существующие ограничения. Комментируя эту тенденцию, А. Громыко поясняет, что в период борьбы с тем или иным кризисом государство обращается к дополнительным инструментам принуждения, а когда кризис проходит, не спешит от них отказываться. Более того, практика многих государств продемонстрировала, что противодействие той или иной глобальной угрозе может быть использовано для достижения иных целей" [1, с.7]. Отметим, что автор в своем анализе касается преимущественно демократических властвующих субъектов, таких как США и ЕС, но не рассматривает авторитаризм. А между тем авторитаризм, избегая крайних проявлений тоталитаризма и демократии, способен предложить умеренный, серединный подход к витальности. Это важно, поскольку "…выживание это вопрос равновесия, оптимального баланса между социальными группами, обществом, государством, цивилизацией и природой [1, с. 10]. Для этого властвующему субъекту необходимо регулировать такие характеристики витальности, как интенсивность и экстенсивность. Под интенсивностью витальности мы понимаем качественное изменение политической системы, проявляющееся в обретении ею новых свойств и признаков. Интенсивность витальности означает не только преодоление экзистенциального вызова, но и выход политической системы на новый уровень её развития. Экстенсивность витальности представляет собой количественное, а не качественное изменение в развитии системы. В случае экстенсивной витальности властвующий субъект интенсифицирует практики контроля и подчинения общества, но их эффективность может быть кратковременна и привести к кризису в управлении государством.

Интенсивность и экстенсивность витальности приводят к образованию нескольких её форм, среди которых мы выделяем: консервативную, деструктивную и прогрессивную. Для консервативной витальности характерна интенсивность её проявлений, выражающаяся в стремлении властвующего субъекта сохранить управляемую им систему в неизменном виде. Преодолев экзистенциальный вызов, субъект сохраняет существовавшие ранее формы контроля за обществом, не подвергая их видоизменению, либо трансформации. Деструктивная витальность носит экстенсивный характер, проявляющийся в том, что властвующий субъект готов использовать любые средства для сохранения континуальности управляемой им системы. Средой её проявления часто выступает политическая система, переживающая кризис своего развития, связанный не только с внешними вызовами, но и с переходом от одной формы властвования к другой. Витальность становится доминантой существования политического режима, последствием чего становится кризис в его развитии, либо распад. Прогрессивная витальность направлена на эволюцию авторитарного режима, связанную

с качественным самообновлением некоторых его типических черт, либо привнесение в них элементов демократии. Разновидность витальности определяется полаганием мира властвующим субъектом и доминирующим экзистенциалом его политического дискурса. Экзистенциалы решимости, стабильности и безопасности определяют преобладание консервативной витальности. В свою очередь, экзистенциалы контроля, принуждения, подчинения обеспечивают воспроизведение властвующим субъектом деструктивной витальности. Экзистенциалы развития, проекта, модернизации лежат в основе прогрессивной витальности. В условиях противостояния ковид-19 авторитарные и демократические властвующие субъекты в основном отдают предпочтение консервативной и прогрессивной витальности.

Феномен витальности конституируется в рамках пандемического авторитаризма, который мы определяем не только как форму бытия авторитарной власти в условиях ковид-19, но и в качестве временного состояние использования атрибутов автократического властвования в рамках демократии. Использование понятия витальность позволяет проанализировать особенности конституирования авторитарного властвования в условиях противостояния эпидемии ковид-19. Кроме того, категория витальности демонстрирует отношения взаимосвязи и даже взаимозависимости между авторитаризмом и демократией в ситуации глобального цивилизационного вызова. Каждый из этих типов властвования стремится к сохранению и воспроизводству своей политической системы после окончания ковид-19. Интенсивность, либо экстенсивность витальности определяет уровень контроля за повседневным существованием индивида, а также степень принуждения к соблюдению ограничений, установленных властвующим субъектом.

Экзистенциал витальности является частью механизма позитивной дискриминации, при котором индивид вынужден добровольно отказываться от некоторых прав и свобод, поскольку это является непременным условием не только лояльности государству, но и его физического выживания. Доминирование экзистенциала витальности в политическом и культурном дискурсе приводит к обострению конфликта между личным и социальным измерением бытия индивида. Индивиду приходится жертвовать приватным ради общего блага, а условием его идентичности с обществом и государством, сохранения безопасности и самой жизни становится подчинение своего волевого и интеллектуального начал властвующему субъекту. В целом мы можем констатировать значительный не только политологический, но и социально-философский и потенциал категории витальности для анализа как демократических, так и авторитарных форм бытия власти.

Литература:

1. Громыко А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – №2. – С. 5-13.
2. Лазарев Ф.В. Выживание как социологическая и культурно-историческая категория // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернандского. Социология. Педагогика. Психология. – Том 24(63). – 2011. – №2 – С. 254-263.
3. Каспэ С.И. Жизнь, смерть и государство // Россия в глобальной политике. – 2022. – №1. – С. 8-34.
4. Кочетков А.П, Авторитаризм: ретроспектива и реальность // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. – С. 60-70.
5. Руди А.Ш. Антропная витальность: явление и сущность: автореф. дисс. канд. философ. н. – Омск, 2003. – Режим доступа: https://cheloveknauka.com/antropnaya-vitalnost-yavlenie-i-suschnost [дата обращения 12.11.22]
6. Gallacher M., Hanson J. Authoritarian survival, resilence and the selectorate theory // Why Communism Didn't Collapse: Understanding Regime Resilience in China, Vietnam, Laos, North Korea and Cuba. – Режим диспута: https://www.cambridge.org/ дата обращения [11.02.19]
7. Uldfelder J. Contentious collective action and the breakdown of authoritarian regimes // International Political Science Review (2005) Vol. 26 N 3. P. 318.

AESTHETIC EDUCATION OF STUDENTS IN THE HIGHER MUSICAL EDUCATION SYSTEM IN CHINA

Aranovskaya Irina Vladlenovna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russia*

Gu Yifan, *Senior Lecturer, Ningbo University, Ningbo, China*

The purpose of the study *is to determine the place and role of aesthetic education in the system of higher musical education in modern China, which is a necessary condition for improving the process of professional training of musicians. The article describes innovative approaches to the study and organization of aesthetic education of students of music universities - humanistic, focused on the development and self-realization of the student's personality with the help of aesthetic education, and humanitarian, in which aesthetic education is considered as a value-semantic phenomenon.* ***The scientific novelty*** *of the research results lies in identifying the possibilities of conservatories, music departments in pedagogical universities and multidisciplinary universities in solving the problems of aesthetic education of future musicians.* ***As a result*** *of the study, the conceptual foundations and features of the organization of aesthetic education of students in the system of higher musical education in China were revealed, the role of aesthetic education in the professional training of musicians was revealed.*

Keywords: *aesthetic education; system of higher musical education in China; innovative direction in the theory of aesthetic education; humanistic approach; humanitarian approach.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.31

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

© Арановская И.В., 2022
© Гу Ифань, 2022

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ

В качестве цели исследования выступает определение места и роли эстетического воспитания в системе высшего музыкального образования современного Китая, что является необходимым условием совершенствования процесса профессиональной подготовки музыкантов. В статье охарактеризованы инновационные подходы к исследованию и организации эстетического воспитания студентов музыкальных вузов – гуманистический, ориентированный на развитие и самореализацию личности студента с помощью средств эстетического воспитания, и гуманитарный, в рамках которого эстетическое воспитание рассматривается как ценностно-смысловой феномен. ***Научная новизна*** *результатов исследования состоит в выявлении возможностей консерваторий, музыкальных факультетов в педагогических вузах и многопрофильных университетах в решении задач эстетического воспитания будущих музыкантов.* ***В результате*** *проведённого исследования выявлены концептуальные основания и особенности организации эстетического воспитания студентов в системе высшего музыкального образования Китая, раскрыта роль эстетического воспитания в профессиональной подготовке музыкантов.*

Ключевые слова: *эстетическое воспитание; система высшего музыкального образования Китая; инновационное направление в теории эстетического воспитания; гуманистический подход; гуманитарный подход.*

Введение

В системе образования современного Китая наблюдаются две взаимосвязанные тенденции: усиление роли эстетического воспитания и рост престижа музыкального образования. При этом музыкальное образование рассматривается как феномен, природа которого предполагает в качестве органичной составляющей эстетическое воспитание обучающихся. И хотя наиболее заметную роль эстетическое воспитание играет в системе общего музыкального образования, в последние годы всё большее внимание уделяется эстетическому воспитанию студентов музыкальных вузов.

В последние годы роль высшего музыкального образования в жизни китайского общества существенно возросла, что обусловлено постоянным увеличением потребности в специалистах, способных осуществлять культурно-просветительскую работу среди населения страны, утверждать в обществе лучшие образцы музыкальной культуры, достойно представлять страну в мировом культурном сообществе, повышать качество преподавания музыки на разных ступенях образования, разрабатывать и внедрять инновации в этой

АРАНОВСКАЯ Ирина Владленовна, *доктор педагогических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия*

ГУ Ифань, *старший преподаватель, Университет Нинбо, Нинбо, Китайская Народная Республика*

сфере. Это необходимо, в свою очередь, для реализации одного из стратегических национальных приоритетов – ориентации на построение "духовной цивилизации социализма", предполагающей развитие духовной культуры страны на основе сочетания традиций и инноваций.

Магистральным направлением в развитии образования в КНР является преодоление ориентации исключительно на "знаниевый" подход и на узкопрофессиональную подготовку специалистов. В теории и практике образования утверждаются положения личностного подхода, ориентирующие преподавателей на важность решения в процессе обучения и профессиональной подготовки специалистов воспитательных и развивающих задач. Такие положения нашли отражение, в частности, в Стратегии модернизации образования в КНР до 2035 г. Система высшего музыкального образования, будучи важной частью системы профессионального образования КНР, не может оставаться в стороне от реализации инновационных подходов, акцентирующих внимание, в числе прочего, на решении задач эстетического воспитания студентов. Однако возможности высшего музыкального образования в решении задач эстетического воспитания студентов в педагогической науке ещё не определены в должной мере. Одной из причин этого является дефицит научных работ, где представлен анализ актуального состояния эстетического воспитания в системе высшего музыкального образования современного Китая. Данная статья, целью которой является систематизация и концептуализация научно-педагогических знаний об организации эстетического воспитания студентов музыкальных вузов КНР, призвана в определённой мере восполнить этот дефицит.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие *задачи*: 1) охарактеризовать особенности системы высшего музыкального образования КНР; 2) определить роль эстетического воспитания в системе высшего музыкального образования Китая.

Для решения задач исследования были использованы *теоретические методы*: системный анализ, благодаря которому были выявлены содержательные характеристики эстетического воспитания; сравнительный анализ, позволивший определить специфику эстетического воспитания в музыкальных вузах КНР; рефлексия опыта преподавания и обучения авторов в музыкальных вузах, ставшая основой для определения наиболее перспективных подходов к организации эстетического воспитания в системе музыкального образования Китая; классификация, позволившая представить в структурированном виде новое научное знание; синтез и обобщение, необходимые для формулирования выводов исследования.

Методологической основой исследования выступают положения гуманитарной педагогической парадигмы о воспитании как ценностно-смысловом феномене (Е.В. Бондаревская, И.А. Колесникова, Л.М. Лузина, И.А. Соловцова, Н.Е. Щуркова, Сюй Бихуэй), позволяющие рассматривать в качестве системообразующей в структуре эстетического воспитания ценностную составляющую; положения культурологического подхода (М.М. Бахтин, В.С. Библер, Г.А. Гвоздевская), ставшие основой для выявления специфики эстетического воспитания в системе музыкального образования Китая.

Основная часть

Высшее образование это профессиональное образование, базирующееся на полном среднем образовании, основная социальная сфера по подготовке специалистов высшей квалификационной категории. Высшее образование является одним из важнейших компонентов образовательной системы Китая. Система высшего образования включает различные учебные заведения, в которых основными задачами и видами деятельности являются обучение и подготовка специалистов, научно-исследовательская и социально ориентированная деятельность [5]. Вторая половина XX в. была периодом беспрецедентного роста и качественных изменений в системе высшего образования Китая. Увеличение потребности общества в высококвалифицированных специалистах и рост спроса на получение высшего образования со стороны населения привели к быстрому развитию высшего образования. В мае 2017 года только в материковой части Китая функционировало 2914 университетов и колледжей [3]. За год, с 2021 по 2022, количество выпускников вузов возросло на 1,67 млн чел. , что говорит о быстром развитии системы высшего образования Китая; высшее образование в стране приобретает массовый характер и пользуется повышенным спросом у выпускников школ.

Система высшего образования представлена в КНР университетами, институтами, академиями, колледжами. Уровни высшего образования соответствуют таковым во всех развитых странах и включают бакалавриат (бакалавры могут, обучаясь по программам типа "Два плюс два", получить за четыре года обучения наря-

ду с дипломом китайского вуза также диплом зарубежного вуза), магистратуру и докторантуру. Высшее профессиональное образование предполагает получение определённой специальности и получение диплома специалиста без присвоения учёной степени бакалавра или магистра.

Система высшего музыкального образования стала складываться в Китае начиная с 20-х гг. XX в., когда была создана Шанхайская государственная консерватория . В настоящее время система высшего музыкального образования Китая включает консерватории, музыкальные факультеты в многопрофильных университетах, музыкальные факультеты в педагогических университетах и музыкальные колледжи. Вузы, где можно получить музыкальное образование, обладают правом самостоятельной разработки основных образовательных программ.

Для получения высшего музыкального образования необходима, наряду с общеобразовательной, также и специальная музыкальная подготовка. Такую подготовку можно получить в учреждениях дополнительного образования (Домах (Дворцах) молодёжи), в музыкальных школах при консерваториях, в музыкальных училищах, а также во время частных занятий с преподавателями. Таким образом, в современном Китае складывается система непрерывного музыкального образования.

Одной из концептуальных идей, лежащих в основе развития системы высшего музыкального образования Китая, как и образовательной системы страны в целом, является идея центрации на личности обучающегося, её всестороннего полноценного развития. Как отмечают Л.А. Новикова и Л.К. Ушакова, "современная образовательная парадигма, осуществляемая в Китае в наше время, характеризуется отказом от масштабно внедрённой ранее концепции "образование ради подготовки учащихся к экзамену" и переходом к новому ориентиру "образованию для развития личности учащихся"" [8, с. 225]. Глубоко проанализировав ситуацию, сложившуюся в настоящее время в системе музыкального образования Китая, Хуан Сяньюй утверждает: "Современные концепции музыкального образования Китая также ориентируются на эту линию, воспитывают личность с активным отношением к жизни, способную воспринимать и любить красоту окружающего мира" [12, с. 158].

Неотъемлемой и весьма значимой частью педагогической деятельности по развитию личности будущего музыканта является его эстетическое воспитание. Поскольку происходящие в настоящее время в Китае процессы реформирования образования создают благоприятные условия для разработки и внедрения в образовательную практику новых идей, в теории эстетического воспитания большую роль играет инновационное направление, весьма неоднородное по характеру предлагаемых авторами концепций, но в целом утверждающее отказ от традиционной "знаниевой", технократической парадигмы в воспитании [13] и ориентированное на приоритет развития личности в процессе эстетического воспитания, на формирование системы ценностных отношений будущего музыканта к миру, искусству, к себе как носителю высоких идеалов искусства.

В современной теории эстетического воспитания, разрабатываемой китайскими учёными, в рамках инновационного направления нами выделено два подхода – гуманистический (личностно ориентированный) и гуманитарный (ценностно ориентированный) [4]. Сторонники гуманистического подхода (Гао Циньянь, Дин Чжэн и др.) акцентируют внимание на роли эстетического воспитания в развитии эмоциональной сферы личности, в гармонизации эстетического восприятия и интеллектуального познания мира (в том числе мира искусства), в выявлении развитии творческих способностей обучающихся, в индивидуализации учебно-воспитательного процесса. В основе концепций, разрабатываемых представителями гуманитарного подхода [6; 9; 10; 11], лежит положение о ценностной природе эстетического воспитания, о единстве его собственно эстетической и этической составляющих. Они рассматривают эстетическое воспитание как своего рода метавоспитание, позволяющее школьникам и студентам присваивать важнейшие ценности, такие как Жизнь, Человек, Добро, Красота, видеть, чувствовать и творить красоту. Кроме того, представители гуманитарного подхода подчёркивают, что традиционные для Китая виды искусства (музыка, живопись, каллиграфия и другие) необходимо рассматривать не как средства эстетического воспитания, а как его культурный контекст, в котором с помощью специфических средств искусства и его символического языка осуществляется трансляция ценностей.

В качестве наиболее перспективного мы рассматриваем гуманитарный подход, поскольку он раскрывает не внешние проявления, а саму сущность эстетического воспитания, его глубинные содержательные характеристики. Гуманитарный подход позволяет органично

включить эстетическое воспитание в систему музыкального образования и успешно решать не только проблемы профессиональной подготовки музыкантов (в частности, восприятия музыкальных произведений, понимания и трансляции заложенных в них смыслов), но и проблемы их духовного развития, включения их в контекст национальной и мировой культуры на основе концептуальных положений теории диалога культур [1; 2].

В рамках гуманитарного подхода особое место занимают ретроинновации, связанные с переосмыслением с точки зрения новых социокультурных и образовательных условий идей Конфуция. В общественном и педагогическом сознании всё более утверждается представление о меняющейся роли образования: "Школа и вуз не только дают образование, но и в полной мере несут ответственность за воспитание граждан, которые вместе с образованием должны усвоить… базовые ценности, нормы и установки китайской нации" [8, с. 228]. В основе эстетической теории конфуцианства лежит представление о единстве ценностей Добро и Красота; в целом она ориентирована на духовное совершенствование человека, на воспитание добродетели через формирование у него способности воспринимать, чувствовать, глубоко переживать и создавать прекрасное. Ведущую роль в решении этих важнейших задач Конфуций отводит музыке, которая, с его точки зрения, способна совершенствовать не только человека, но и общественные отношения, привносить гармонию в социум, помогать людям осознанно и добровольно принимать моральные нормы и правила поведения.

Таким образом, между музыкальным образованием и эстетическим воспитанием существует генетическая связь, которая должна быть реализована в процессе получения студентами музыкального образования. Рассмотрим, каким образом это происходит в разных учреждениях системы высшего музыкального образования современного Китая.

В настоящее время в КНР существует развитая система высшего музыкального образования, включающая в себя консерватории, которые готовят исполнителей (в том числе международного класса) инструментальной и вокальной музыки, музыкальные факультеты или отделения педагогических университетов, осуществляющие подготовку педагогических кадров (учителей музыки, концертмейстеров, руководителей музыкальных творческих коллективов и т.п.) для общеобразовательных и музыкальных школ, других учреждений дополнительного образования, музыкальные факультеты или отделения многопрофильных университетов, где осуществляется подготовка музыкантов-исполнителей и преподавателей музыкальных вузов и колледжей.

В консерваториях, как уже отмечалось, готовят кадры высшей квалификации. Кроме того, в консерваториях Китая существует мощное исследовательское направление, выполняются разноплановые исследования в области теории и истории музыки. Наиболее известными являются Шанхайская консерватория и Центральная консерватория в Пекине. Кроме них, существуют ещё девять консерваторий – в Тяньцзине, Сиани, Шэньяне, Сычуани, Ухани, Харбине, Чжэцзяне, а также Консерватория Синхай в Гуанчжоу и Китайская консерватория в Пекине. В консерваториях представлены все уровни высшего образования, включая докторантуру, а также уровень постдипломного образования.

Особым авторитетом и известностью пользуется Центральная консерватория в Пекине. Она является образцом учреждения, где сложилась целостная система музыкального образования. При Центральной консерватории существуют детская музыкальная школа и музыкальное училище, обучение осуществляется как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры, функционирует система послевузовского образования. В структуру Консерватории входят фортепианный, вокально-оперный, композиторский, оркестровый, дирижёрский, музыковедческий факультеты, а также факультеты музыкального образования и традиционных китайских инструментов. В Центральной консерватории преподаётся более двухсот предметов, перечень и содержание которых постоянно обновляются. В Консерватории обращают особое внимание на повышение профессионального уровня преподавателей, приглашают преподавателей из-за рубежа, разрабатывают и издают учебные и методические пособия, внедряют новые методы обучения, связанные с использованием цифровых технологий. К числу новых дисциплин относятся "Основы компьютерной композиции", "Музыкальная психология", "Введение в народное творчество разных стран и народов", "Методика написания диссертации по музыке". Имеются компьютерные классы, предназначенные для использования виртуальных музыкальных инструментов, электронные музыкальные инструменты, современные студии звукозаписи [12]. Консерватория издаёт соб-

ственный журнал, который считается лучшим музыковедческим журналом Китая.

В последние два десятилетия повышается качество образовательной деятельности и в других консерваториях Китая. Проявляется это не только в расширении спектра теоретических и прикладных дисциплин, но и в качественно новых подходах к их преподаванию. Так, в системе высшего музыкального образования всё более широко распространяется гуманистический подход. При таком подходе главным критерием результативности образовательного процесса становится развитие личности студента, его самореализация в творческой деятельности, обретение им собственного стиля исполнения музыкальных произведений. Авторитарные отношения между преподавателями и студентами постепенно заменяются на партнёрские, что является необходимым условием свободного раскрытия творческих задатков и способностей студента. Это открывает более широкие, чем при традиционном подходе, возможности для эстетического воспитания студентов. Отказ от ориентации на единственно возможный способ интерпретации музыкального произведения позволяет студенту найти собственный подход к его исполнению; в результате у него формируется эстетический идеал, отражающий значимые для него ценности. Создаются более широкие возможности для овладения выразительными возможностями музыки, средствами художественного общения с учётом не только особенностей того или иного вида музыкальной деятельности, музыкального инструмента, но и собственных индивидуальных особенностей студентов, их эстетических вкусов и предпочтений, что способствует их активному включению в творческую деятельность на основе законов красоты.

В системе высшего музыкального образования Китая предпринимаются попытки реализации, наряду с гуманистическим, и гуманитарного подхода. Гуманитарный подход реализуется главным образом через внедрение культурологического подхода к преподаванию учебных дисциплин. Дисциплины, связанные с историей музыки и музыкального образования, с мировыми исполнительскими школами, с национальной и народной музыкой и иные учебные курсы культурологической направленности позволяют обучающимся глубоко понять музыку как эстетический феномен, её ценностные основы и заключённые в музыкальных произведениях смыслы, раскрывают перед студентами эстетическое многообразие мира музыки, помогают им осмыслить основные эстетические категории и принципы.

Кроме того, в консерваториях Китая имеются и дисциплины, непосредственно направленные на эстетическое воспитание студентов. Так, в некоторых консерваториях введён курс "Музыкальная эстетика", благодаря изучению которого студенты постигают общие эстетические закономерности и особенности их проявлений в музыке. Этот и подобные курсы направлены на формирование и развитие эстетического мышления студентов, стимулируют их интеллектуальную деятельность, направленную на постижение сущности прекрасного в музыке. Хотя этот курс в настоящее время изучается только на высшем уровне музыкального образования (докторантура), есть перспективы введения подобных курсов на уровне магистратуры.

Высшее музыкальное образование в Китае можно получить также на музыкальных факультетах педагогических университетов, которые в последние годы занимают всё более важное место в сфере подготовке специалистов музыкального образования. Музыкальный факультет в педагогическом университете отвечает за подготовку учителей музыки и танцев, которые могли бы осуществлять всестороннее развитие личности учащихся, их нравственное, интеллектуальное и эстетическое воспитание, вносить вклад в повышение культурного уровня населения страны, заниматься исследовательской деятельностью в области искусства и музыкального образования. В силу этого серьёзное значение приобретает эстетическое воспитание студентов – будущих учителей музыки. Чтобы осуществлять эстетическое воспитание школьников, которое является одним из главных направлений деятельности учителя музыки, студенты должны иметь глубокие, систематизированные знания в области эстетики, владеть эстетическими категориями, уметь давать эстетическую оценку разным явлениям искусства и действительности, отличать ценные с эстетической точки зрения музыкальные произведения от низкопробных подделок. Чтобы организовать деятельность своих будущих учеников на основе "законов красоты", студенты педагогических вузов включаются проектную деятельность, активно участвуя в разнообразных социальных и культурологических проектах, в которых имеется эстетическая составляющая. Эстетическое воспитание студентов музыкальных факультетов педагогических вузов направ-

лено на обогащение внутреннего духовного мира каждого студента, на расширение его кругозора в области искусства, в том числе национального.

При организации процесса обучения на музыкальных факультетах педагогических вузов основное внимание фокусируется на таких учебных дисциплинах, как педагогика, психология, методика преподавания музыки. Студенты имеют возможность проявить и развить свои творческие способности не только как музыканты, но и как педагоги, осуществляющие эстетическое воспитание учащихся. Они овладевают способами формирования у детей и подростков эстетического вкуса и эстетического идеала, причём в последние годы всё более приветствуется индивидуальный творческий подход студентов к решению педагогических задач. Овладение методами эстетического воспитания углубляет представления студентов о прекрасном, актуализирует деятельностную составляющую их собственного эстетического развития.

Качество образования во многих современных педагогических университетах не ниже, чем в консерватории. В большинстве педагогических вузов преподавательский состав включает преподавателей высшей квалификационной категории, имеющих учёную степень. В силу этих причин, а также потому, что педагогический университет имеет чётко сформулированные цели профессиональной подготовки, существуют хорошие перспективы трудоустройства для выпускников, в связи с чем в последние годы число студентов, решивших поступить на музыкальный факультет педагогического университета, заметно увеличилось. Это значительно продвинуло вперёд образовательную политику Китая по "омоложению страны с помощью науки и образования".

Высшее музыкальное образование в Китае можно получить также в так называемых многопрофильных университетах – высших учебных заведениях, предоставляющих студентам фундаментальное академическое образование, имеющих широкий набор гуманитарных, естественнонаучных, технических и иных специальностей и являющихся крупными образовательными и научно-исследовательскими центрами. Наиболее известными являются Пекинский университет, Университет Цинхуа, Университет Чжэцзян. В структуру многопрофильных университетов входят музыкальные факультеты, отделения, институты или колледжи, и в последние 10-15 лет их количество неуклонно возрастает [7, с. 229]. Однако качество музыкального образования в отдельных многопрофильных университетах может существенно различаться, поскольку в разных университетах акцент делается на разных направлениях и специальностях, которые и получают наибольшую кадровую и финансовую поддержку.

Особенностью многопрофильных университетов по сравнению с другими вузами является то, что центром содержания образования выступает фундаментальное общее образование. Внимание акцентируется не на узкопрофессиональной подготовке, а на формирование у студентов широкого кругозора и глубоких систематизированных знаний. По этой причине на музыкальных факультетах ведущая роль принадлежит теоретическим дисциплинам и историческим дисциплинам; важное значение имеет также включение студентов в исследовательскую деятельность. Такой подход к организации учебного процесса направлен, в числе прочего, на формирование у студентов фундаментальных знаний из области эстетики, включая знание эстетических категорий, эстетических закономерностей, возможностей музыкального искусства в эстетическом развитии человека, а также умений анализировать музыкальные произведения и давать им эстетическую оценку; последнее служит основой для развития эстетического вкуса и является необходимой составляющей процесса формирования эстетического идеала.

В учебно-воспитательном процессе на музыкальных факультетах многопрофильных университетов создаются благоприятные условия для реализации гуманитарного подхода, для формирования у студентов системы ценностных отношений к искусству, окружающему миру, Человеку, для гармонизации их внутреннего мира на основе единства ценностей Красота и Добро. Широкий спектр культурологических дисциплин позволяет студентам ориентироваться в мире ценностей, находящих отражение в музыкальных произведениях, открывать в музыке собственные смыслы, способствует формированию целостного эстетического мировосприятия, необходимого для успешной профессиональной деятельности, в том числе для решения сложных художественных задач. Однако анализ организации учебных занятий на музыкальных факультетах многопрофильных университетов свидетельствует о том, что перечисленные возможности часто остаются нереализованными из-за преобладания традиционных форм обучения и воспитания, основанных на авторитарном стиле взаи-

модействия преподавателей и студентов. Случаи, когда на занятиях применяются рефлексивные формы взаимодействия, направленные не на запоминание информации, а на её глубокое понимание и "наполнение" её личностными смыслами, крайне редки. Необходимы разработка и обоснование современных методов обучения, основанных на идеях ценностного подхода и положениях теории диалога культур. Заметим, что эти идеи положительно воспринимаются преподавателями китайских музыкальных вузов, однако неразработанность технологического компонента гуманитарного подхода с учётом социокультурной специфики и образовательных традиций Китая препятствует их реализации в процессе взаимодействия со студентами.

Заключение

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что система высшего музыкального образования современного Китая динамично развивается. Это выражается не только в постоянном росте количественных показателей (увеличение количества музыкальных вузов и музыкальных факультетов в вузах, рост числа студентов и выпускников), но и в смене приоритетов и в применении в образовательном процессе инновационных подходов. Одним из приоритетов высшего музыкального образования становится эстетическое воспитание студентов, которое рассматривается как важная составляющая профессиональной подготовки музыкантов-исполнителей, обеспечивающая не только гармоничное развитие личности, но и высокий уровень профессиональной деятельности.

На организацию эстетического воспитания в системе высшего музыкального образования современного Китая оказывают влияние как конфуцианские взгляды на личность и профессиональную деятельность музыканта, так и инновационные подходы к пониманию эстетического воспитания не только как педагогического, но также как культурного феномена, имеющего ценностную природу. Однако в настоящее время наиболее широко в практике высшего музыкального образования реализуются положения гуманистического подхода, направленного на максимально полную самореализацию личности студента в творческой деятельности, направленной на преобразование своей личности и социума на основе эстетических закономерностей. Гуманитаризация образовательного процесса в музыкальных вузах существует пока в виде отдельных проявлений, которые при условии продолжения исследований в данном направлении и разработки ценностно-смысловых методов эстетического воспитания позволят достичь в решении задач эстетического воспитания качественно нового уровня.

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 289-290.
2. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность // Этическая мысль, 1990. – М.: Политиздат, 1990. – С. 16-57.
3. Блестящее тридцатилетие: новый этап развития образования в Китае [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/Sci-Edu-Cult/txt/2008-10/13/content_16605970.htm (дата обращения: 25.07.2022).
4. Гу Ифань. Теория эстетического воспитания в современном Китае: традиции и инновации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета (сер. "Педагогические науки"). – 2019. – № 9(142). – С. 89-93.
5. Гурулева Т.Л. Система образования в Китайской Народной Республике: структура и основные направления развития // Высшее образование в России. – 2017. – № 7 (214). – С. 152-164.
6. Лан Е. Эстетические принципы. – Пекин: Пекинский университет, 2009. 406 с. (на китайском языке).
7. Ли Юе. Китайское музыкальное образование в XX веке и его состояние на рубеже XX XXI веков // Вестник КемГУКИ. – 2017. – № 40. – С. 225-231.
8. Новикова Л.А., Ушакова Л.К. Особенности среднего и высшего образования в Китае [Электронный ресурс] // ИСОМ. – 2017. – №5-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-srednego-i-vysshego-obrazovaniya-v-kitae (дата обращения: 22.08.2022).
9. Се Мейю. Эстетическое воспитание и педагогическая подготовка студентов // Журнал Института образования Кайфэн. – 2015. – № 14. – С. 172-173 (на китайском языке).
10. Сюе, Хун. Эстетическое воспитание и развитие студентов колледжа // Журнал Чунцинского университета (общественные науки). – 2017. – № 23(5). – С. 131-137 (на китайском языке).
11. Сюй Бихуэй. Эстетическое воспитание: жизненное и эмоциональное воспитание // Институт философии Китайской академии общественных наук. Философские исследования. – 1996. – №12. – С. 21-33 (на китайском языке).
12. Хуан Сяньюй. Система музыкального образования в Китае [Электронный ресурс] // СПбГИК. – 2012. – № 2. – С. 155-159. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sistema-muzykalnogo-obrazovaniya-v-kitae (дата обращения: 21.07.2022).
13. Ци Минянь. Становление ценностной парадигмы образования в социокультурном пространстве современного Китая: дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2011. – 140 с.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCIES TO ENSURE SECURITY AMONG LAW ENFORCEMENT OFFICERS WHEN EXPLOSIVE OBJECTS ARE DETECTED

Bakulin Nikolai Petrovich, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Department of Special Training, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen*

The purpose of the study *is to propose a pedagogical methodology for the professional tactical training of law enforcement officers in the detection of explosive objects. The article analyzes the system of professional training of police officers in tactical and special training in terms of the formation of competencies in tactical actions when an explosive object is detected and ensuring personal safety and the safety of citizens. A system of exercises is proposed for high-quality training of employees in the basics of explosion safety and for conducting practical exercises in conditions of shortage of training time. The structure of the stages of professional training of police officers on the subject of ensuring the personal safety of employees is given.* ***As a result*** *of the analysis of operational situations with the detection of explosive objects, the study of the positive and negative experience of law enforcement agencies in operational situations related to the use of explosive objects by criminals, typical exercises are proposed that allow for the effective formation of professional security competencies among law enforcement officers by updating theoretical knowledge on assessing operational the situation at the scene of incidents in cases related to terrorism, to form the skills to search for explosives, to improve the skills to ensure personal safety when a potentially explosive object is detected.*

Keywords: *explosion safety; professional training of employees; personal safety; service and operational tasks; explosive device; explosive; improvised explosive device; explosive item.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.32

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ПРАВОПОРЯДКА ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ВЗРЫВООПАСНЫХ ПРЕДМЕТОВ

УДК 37.035
ВАК РФ 5.8.7

© Бакулин Н.П., 2022

Цель исследования *– предложить педагогическую методику профессиональной тактической подготовки сотрудников правопорядка при обнаружении взрывоопасных предметов. В статье проанализирована система профессиональной подготовки сотрудников полиции по тактико-специальной подготовки в части формирования компетенций по тактическим действиям при обнаружении взрывоопасного предмета и обеспечения личной безопасности и безопасности граждан. Предлагается система упражнений для качественной подготовки сотрудников по основам взрывобезопасности и проведения практических занятий в условиях дефицита учебного времени. Приводится структура этапов профессиональной подготовки сотрудников полиции по тематике обеспечения личной безопасности сотрудников.* ***В результате*** *анализа оперативных ситуаций с обнаружением взрывоопасных предметов, изучения положительного и отрицательного опыта силовых структур в оперативных ситуациях, связанных с использованием преступниками взрывоопасных предметов предлагаются типовые упражнения, позволяющие эффективно сформировать профессиональные компетенции по обеспечению безопасности у сотрудников правопорядка, посредством обновления теоретических знаний по оценке оперативной обстановки на месте происшествий в делах, связанных с терроризмом, сформировать умения по поиску взрывчатых веществ, усовершенствовать навыки обеспечения личной безопасности при обнаружении потенциально взрывоопасных предмета.*

Ключевые слова: *взрывобезопасность; профессиональная подготовка сотрудников; личная безопасность; служебно-оперативные задачи; взрывное устройство; взрывчатое вещество; самодельное взрывное устройство; взрывоопасный предмет.*

Введение

Анализ выполнения служебно-оперативных задач выявил необходимость профессионального обучения личного состава в части формирования навыков взрывобезопасности. Безусловно, каждая ситуация, связанная с обнаружением взрывного устройства промышленного или самодельного выполнения, уникальна и требует индивидуальных или групповых тактических решений в части стабилизации оперативной обстановки. В то же время путем анализа

БАКУЛИН Николай Петрович, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры Специальной подготовки, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень*

можно выделить несколько типовых ситуаций обнаружения взрывных устройств и разработать типовые алгоритмы обеспечения личной безопасности сотрудников полиции. В этой связи *актуальность данного исследования* заключается в разработке педагогической методики по формирование профессиональных компетенций по обеспечению безопасности у сотрудников правопорядка при обнаружении взрывоопасных предметов.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) выявить основные ошибки, допускаемые сотрудниками при обнаружении взрывоопасного предмета; 2) теоретически обосновать комплекс типовых упражнений для формирования профессиональных компетенций по обеспечению безопасности у сотрудников правопорядка при обнаружении взрывоопасных предметов. Гипотеза исследования – эффективное формирование профессиональных компетенций по обеспечению безопасности у сотрудников правопорядка при обнаружении взрывоопасных предметов возможно при многократном повторении решении типовых ситуационных задач с вариативным изменением условий развития оперативной ситуации, связанной с обнаружением взрывоопасного предмета. Научная новизна заключается в предложенной последовательности выполнения типовых ситуационных задач и вариативных изменениях условий возникновения или развития оперативной ситуации при обнаружении взрывоопасного предмета. В статье применяются следующие методы исследования: наблюдение, беседа, изучение методической документации по основным и дополнительным программам профессиональной подготовки, анализ, методы математического анализа, выполняемые в программном обеспечении аналоге Excel.

Теоретической базой исследования послужили публикации А.А. Пегушина, Д.К. Войлошникова, В.Я. Карлова, А.Н. Матюшенкова, О.Д. Войлошникова.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в разработке, дальнейшем использовании педагогической методики профессиональной тактической подготовки сотрудников правопорядка при обнаружении взрывоопасных предметов

Основная часть

Взрывобезопасность – это состояние оперативной обстановки, при которой деятельность силовых структур исключает возможность взрыва. Таким образом, не следует понимать под взрывобезопасностью сотрудника его действия, связанные с разминированием или уничтожением обнаруженного взрывного устройства на месте. Действия по разминированию или подрыву всегда должен производить специалист-сапер, действующий согласно обоснованным расчетам и использующий специальную технику. Под взрывобезопасностью мы должны понимать определенные тактические действия сотрудников органов внутренних дел, связанные со строгим соблюдением алгоритма по своевременному обнаружению взрывного устройства в потенциально опасных местах, оперативной оценке его разрушительных возможностей, действий по минимизации ущерба в случае взрыва, расчету безопасных зон, блокирования района и эвакуации гражданского населения.

Тесно с вопросами взрывобезопасности связана тактика действий сотрудников органов внутренних дел на месте совершения террористических актов, осмотр места происшествия по делам, связанным с терроризмом [1, с. 23]. Однако наиболее сложным тактическим элементом в рамках профессионального обучения является порядок обнаружения взрывных устройств [2, с. 17].

Профессиональная подготовка в части формирования знаний и умений по взрывобезопасности сотрудника складывается из трех этапов: первый этап – состоит из теоретической базы знаний о типах видах взрывных устройств, системах классификации, классификации оболочки и поражающих элементов, способах инициирования взрывного устройства. Данная база знаний помогает произвести расчет безопасного расстояния и произвести расчет зон для эвакуации мирного населения. Безусловно, знание тактико-технических характеристик также помогает избежать подрыва личного состава.

Второй этап – состоит из обеспечительных мер личной безопасности. Такие меры предполагают использование алгоритмов тактических действий для минимизации ущерба при блокировании района обнаружения взрывного устройства, эвакуации граждан, поиска взрывного устройства. Перечень запретов и ограничивающих тактических алгоритмов позволяет предотвратить случайный подрыв личного состава во время подготовительный манипуляций во время первоначального обнаружения взрывного устройства промышленного или самодельного изготовления. К данному этапу относятся также знания о потенциальных местах закладки взрывных устройств, дестабилизирующие факторы, ведущие

к подрыву взрывного устройства, демаскирующие признаки взрывного устройства.

Третий этап – состоит из формирования умений и совершенствования практических навыков сотрудников полиции по реализации алгоритмов при возникновении различных типовых ситуаций, связанных с обнаружением взрывного устройства промышленного изготовления, самодельного взрывного устройства, расчета зоны поражения с учетом конструкции взрывоопасного предмета, определения условий снижения ущерба после взрыва, алгоритм действий при угрозе взрыва, алгоритм тактических действий после взрыва, осмотра места происшествия после взрыва,

На всех трех этапах целью профессиональной подготовки сотрудников сил правопорядка является формирование профессиональных умений по обнаружению взрывных устройств, минимизации риска подрыва, обеспечения личной безопасности граждан и сотрудников правопорядка [3, с. 29]. Таким образом, основными задачами в профессиональной подготовке по взрывобезопасности сотрудников органов внутренних дел являются:

1) изучение теоретических знаний по оценке оперативной обстановки на месте происшествий по делам, связанным с терроризмом;

2) формирование умений по поиску мест возможного нахождения ВУ или взрывчатых веществ на различных объектах;

3) совершенствование навыков составления алгоритма действий с учетом обеспечения личной безопасности в различной обстановке, связанной с обнаружением потенциально взрывоопасного предмета.

Способами эффективного проведения практических занятий являются групповое обсуждение; решение задач с отработкой практических навыков; объяснение тактико-технических характеристик взрывных устройств [4, с. 90] (табл.).

Методические рекомендации к выполнению упражнений. Руководитель занятия распределяет личный состав на 4 подгруппы в количестве 5-6 человек, назначает старших. Сотрудники подгруппы, получив вводную информацию, изучают ситуацию, разрабатывают порядок размещения сил и средств, формируют план проведения мероприятия. Целесообразно формировать подгруппы с сотрудниками из разных служб, и с разным уровнем практического опыта. Таким образом, проведение занятий способствует изучению личным составом основных действий, существенно углубляет профессиональные знания и умения в части стабилизации подобных оперативных ситуаций. Благодаря подобным занятиям формируется профессиональное ядро сотрудников органов внутренних дел, способное слаженно работать в составе подразделений и обобщать опыт коллег. При работе в составе группы преподаватель разрешает использовать весь спектр информационных ресурсов, которые способны прояснить ситуацию в минимальное время. При расчетах разрешается использовать полный спектр вычислительной техники.

Таблица – **Примерный тематический план упражнений**

№	Наименование темы	Кол-во часов	Тип занятия	Прим.
1	Упражнение № 1. «Действия сотрудников полиции при обследовании моста на предмет наличия взрывных устройств»	0,5 ч	практическое	Проводится в аудитории
2	Упражнение № 2. «Действия сотрудников полиции при обнаружении заминированного транспортного средства»	0,5 ч	практическое	Используется транспортное средство
3	Упражнение № 3. «Действия сотрудников полиции при обнаружении взрывных устройств в городских условиях»	0,5 ч	практическое	Используется полигон
4	Упражнение № 4. «Действия сотрудников полиции при обследовании помещения на предмет наличия взрывных устройств»	0,5 ч	практическое	Используется помещение

Для подготовки общих действий необходимо четко поставить цель, определить перечень общих задач, определить объем частных задач [5, с. 70].

Порядок действий рекомендуется расписывать на бумажных носителях подробно с нумерацией очередности проведения оперативных мероприятий с обозначением сил и средств, необходимых специальных средств, профильных специалистов, уточненных данных по времени выполнения операции.

Общая цель при проведении занятий: стабилизация кризисной (оперативной) обстановки

Общие задачи: выявить расположение взрывного устройства, блокировать район, минимизировать возможность взрыва.

Частные задачи: эвакуировать гражданское население в максимально короткие сроки, произвести оцепление участка для удаления

нежелательных элементов и посторонних лиц, вызвать группу саперов, обеспечить их беспрепятственный проезд к району обнаружения взрывного устройства, обеспечить личную безопасность сотрудников органов внутренних дел.

Упражнение № 1. "Действия сотрудников полиции при обследовании моста на предмет наличия взрывных устройств".

Вводная информация: По оперативной информации инженерное строение – мост для переправы личного состава, заминировано.

Технические характеристики моста:

Длина моста 105 метров; количество опор – 3; поверхность дорожного полотна моста – асфальт, конструкция моста – металлические фермы. Место расположения моста – над рекой.

Задания:

1. Выявить возможные места закладки взрывных устройств для гарантированного повреждения (уничтожения) моста, начертить схему возможного расположения взрывных устройств, определить возможный тип взрывчатых веществ, вид используемого взрывных устройств, произвести классификацию вариантов взрывных устройств.

2. Осуществить расчет сил (состав функциональных групп) и технических средств для обследования моста на предмет выявления взрывных устройств.

3. Составить алгоритм действий по обследованию моста с максимальным обеспечением личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

4. Осуществить разработку плана проведения мероприятия.

Время выполнения задания: 30 минут.

Справочная информация: Для прекращения функционала моста наиболее эффективно производить закладку под опору моста для ее смещения в результате взрыва. Масса заряда при этом превышает 50 кг.

Оценочные показатели:

– зачтено: разработан план, осуществлен расчет сил и средств, составлена схема возможной установки взрывных устройств;

– не зачтено: норматив времени превышен. При расчете сил и средств допущены ошибки, при разработке плана нарушены правила обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

В данном упражнении используется справочная информации для обозначения наиболее вероятных мест установки взрывного устройства. Также указывается количество взрывного вещества. Таким образом в данном случае справочная информация соотносится к методу описательных структурных элементов, что существенно облегчает решение упражнения.

Упражнение № 2. "Действия сотрудников полиции при обнаружении заминированного транспортного средства"

Вводная информация: По оперативной информации заминирован автомобиль ГАЗель с термобудкой.

Оперативные данные предварительного осмотра автомобиля:

У автомобиля ГАЗель задняя коренная рессора с правой стороны касается резинового буферного ограничителя нагрузки на раме. Задняя коренная рессора с правой стороны имеет свободный ход до резинового буферного ограничителя на раме 1 см, что свидетельствует о максимальной загрузке автомобиля по весу. В кабине автомобиля установлены металлические растяжки, присоединенные к дверным замкам.

Задания:

1. Определить косвенные признаки, обозначающие общую загрузку транспортного средства, выявить максимальные объемы возможной загрузки данного типа грузового транспортного средства.

2. Определить дистанцию безопасного расстояния до автомобиля и зоны эвакуации гражданского населения с учетом загрузки автомобиля.

3. Осуществить расчет сил и технических средств для обследования ТС.

4. Осуществить разработку плана проведения мероприятия.

Порядок выполнения упражнения:

Руководитель занятия распределяет личный состав на подгруппы, назначает старших. Сотрудники подгруппы, получив оперативную информацию, изучают ситуацию, разрабатывают порядок размещения сил и средств, формируют план проведения мероприятия.

Время выполнения задания: 30 минут.

Справочная информация: Государственный номер заминированного автомобиля имеет регион регистрации "87", государственный номер в окне регистрации кода региона не имеет изображения флага Российской Федерации.

Оценочные показатели: зачтено: разработан план, осуществлен расчет сил и средств, произведен расчет безопасной дистанции расположения личного состава и зоны эвакуации гражданского населения; не зачтено: норматив времени превышен. При расчете сил и

средств допущены ошибки, при разработке плана нарушены правила обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

Разработчик данного упражнения использовал в качестве примера реальный факт использования транспортного средства на территории города Москвы в 1993 году. Использование справочной информации, заложенной в упражнении, дезинформирует сотрудников полиции и предлагает отработку заранее ошибочной версии, предполагая обработку большого массива данных, ведущих к потере оперативного времени и упущения преимущества быстрого анализа информации сотрудниками полиции. Таким образом, сотрудник должен научиться вовремя понять ошибочность отрабатываемой версии и произвести своевременную остановку анализа информационного массива данных.

Упражнение № 3. "Действия сотрудников полиции при обнаружении ВУ в городских условиях"

Вводная информация: В темное время суток обнаружено ВУ промышленного изготовления (изображено на рисунке) на территории центральной площади населенного пункта.

Технические характеристики площади в населенном пункте:

Площадь 1500 кв. м. Освещение искусственное. Уровень освещенности ниже среднего. По периметру площади расположены государственные учреждения, детский садик, школа и частные жилые дома.

Задания:

1. Определить тип взрывного устройства, его тактико-технические характеристики.

2. Определить дистанцию безопасного расстояния до взрывного устройства и зоны эвакуации гражданского населения с учетом зоны поражения.

3. Осуществить расчет сил для проведения оцепления, блокирования района, эвакуации гражданского населения, расчет необходимых функциональных групп и служб и технических средств.

4. Осуществить разработку плана проведения мероприятия.

Порядок выполнения упражнения:

Руководитель занятия распределяет личный состав на подгруппы, назначает старших. Сотрудники подгруппы получив оперативную информацию изучают ситуацию, разрабатывают порядок размещения сил и средств, формируют план проведения мероприятия.

Время выполнения задания: 30 минут.

Оценочные показатели: зачтено: разработан алгоритм действий сотрудников полиции, осуществлен расчет сил и средств. Приведены расчеты по определению безопасного расстояния и зоны эвакуации населения.

не зачтено: норматив времени превышен. При расчете сил и средств допущены ошибки, при разработке плана нарушены правила обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

В данном упражнении используется типичная оперативная ситуация, усугубленная тактическим расположением объектов вблизи найденного взрывного устройства. Большая часть разработанного алгоритма в данном упражнении должна применяться в эффективной и быстрой эвакуации гражданского населения из опасного района.

Упражнение № 4. "Действия сотрудников полиции при обследовании помещения на предмет наличия взрывного устройства"

Вводная информация: перед сотрудниками полиции поставлена задача обследовать подвальное помещение жилого здания на предмет наличия взрывного устройства.

Технические характеристики:

Площадь помещения 350 кв. м. В помещении установлены технические устройства для подогрева теплоносителя и прокачки теплоносителя по металлическим трубам. Помещение освещается искусственно. Яркость освещенности ниже среднего.

Задания:

1. Выявить возможные места закладки взрывчатых веществ и взрывных устройств.

2. Осуществить расчет сил и технических средств для обследования помещения.

3. Составить алгоритм действий по обследованию помещения с максимальным обеспечением личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

4. Осуществить разработку плана проведения мероприятия.

Порядок выполнения упражнения:

Руководитель занятия распределяет личный состав на подгруппы, назначает старших. Сотрудники подгруппы, получив оперативную информацию, изучают ситуацию, разрабатывают порядок размещения сил и средств, формируют план проведения мероприятия.

Время выполнения задания: 30 минут.

Оценочные показатели: зачтено: разработан план, осуществлен расчет сил и средств, составлена схема возможной установки взрывного устройства; не зачтено: норматив времени превышен. При расчете сил и средств

допущены ошибки, при разработке плана нарушены правила обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

В данном упражнении используется типичная оперативная ситуация, усугубленная дефицитом принятия времени для принятия тактических решений. Большая часть разработанного алгоритма в данном упражнении должна применяться в определении способа поиска взрывного устройства и минимизации риска поражения личного состава полиции.

Заключение

1. Посредством анализа оперативных ситуаций установлены типовые ошибки сотрудников правопорядка, допускаемые при обнаружении взрывоопасных предметов: ошибочный расчет безопасного расстояния, нарушения последовательности действий.

2. Применение типовых ситуационных задач при обнаружении взрывоопасных предметов в процессе реализации основных и дополнительных программ профессиональной подготовки позволяют достичь: высокого уровня изучения теоретических знаний сотрудников органов внутренних дел по оценке оперативной обстановки на месте происшествий с делами, связанными с терроризмом, качественно сформировать умения по поиску мест возможного нахождения взрывного устройства или взрывчатых веществ на различных объектах, эффективно совершенствовать навыки составления алгоритма действий с учетом обеспечения личной безопасности в различной обстановке, связанной с обнаружением потенциально взрывоопасного предмета.

Примечания:

1. Карлов В.Я. Участие специалиста криминалиста в осмотре места происшествия: учеб.-практ. пособие / В.Я. Карлов. – М.: Юрлитинформ, 2012.
2. Осмотр места происшествия: практ. пособие / ред. В.М. Логвин. – М.: Юрлитинформ, 2013.
3. Пегушин А.А., Войлошников Д.К., Войлошников О.Д. Взрывные устройства, применяемые незаконными вооруженными формированиями в локальных конфликтах: учебное пособие. – Тюмень, 2012.
4. Калинин С.В., Левченко А.А., Федулов Б.А. Формирование профессиональных компетенций, обеспечивающих личную безопасность сотрудников правоохранительных органов при выполнении служебных обязанностей // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 18-2. – С. 89-91.
5. Гричанов А.С. Обеспечение безопасности сотрудников ОВД в профессиональной деятельности: учебное пособие. / А.С. Гричанов. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2014. – 80 с.

PEDAGOGICAL WORKSHOP AS A MEANS OF METHODICAL PREPARATION OF FUTURE TEACHERS FOR INCLUSIVE EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN *

Bondarenko Tatiana Andreevna, *PhD of Pedagogical science, Associate Professor*

Rudneva Inna Aleksandrovna, *PhD of Pedagogical science, Associate Professor*

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd

The purpose of the study *is connected with the experimental verification of the possibilities of the pedagogical workshop as a means of methodical preparation of future teachers for inclusive education of schoolchildren.* ***As a result*** *of the study, the importance of methodological training of future teachers in the conditions of the university technopark as a high-tech platform for professional pedagogical tests is shown. The article presents an analysis of empirical data and a description of the results of experimental work within the framework of the pedagogical workshop "Difficulties in schooling children with limited health tastes" aimed at forming the methodological readiness of future teachers for inclusive education of schoolchildren. The findings confirm the theoretical and practical significance of the problem of teacher training for a modern inclusive school.*

Keywords: *professional training; methodological training; inclusion; inclusive education; university technopark; professional tests; pedagogical workshop.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.33

УДК 378
ВАК РФ 5.8.1

*ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ КАК СРЕДСТВО МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ИНКЛЮЗИВНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ШКОЛЬНИКОВ ***

© Бондаренко Т.А., 2022
© Руднева И.А., 2022

Цель исследования *связана с экспериментальной проверкой возможностей педагогической мастерской как средства методической подготовки будущих*

* The study was carried out with the financial support of VGSPU within the framework of the scientific project "Model of methodological training of future teachers for inclusive education of schoolchildren on the basis of a technopark".
** Исследование выполнено при финансовой поддержке ВГСПУ в рамках научного проекта "Модель методической подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников на базе технопарка".

*педагогов к инклюзивному образованию школьников. **В результате** исследования показана значимость методической подготовки будущих педагогов в условиях университетского технопарка как высокотехнологичной площадки профессиональных педагогических проб. Представлен анализ эмпирических данных и описание результатов экспериментальной работы в рамках педагогической мастерской "Трудности школьного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья", направленной на формирование методической готовности будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников. Полученные выводы подтверждают теоретическую и практическую значимость проблемы подготовки педагогических кадров для современной инклюзивной школы.*

Ключевые слова: *профессиональная подготовка; методическая подготовка; инклюзия; инклюзивное образование; университетский технопарк; профессиональные пробы; педагогическая мастерская.*

Введение

Согласно данным Федерального реестра Всемирной организации здравоохранения, отмечается повышение количества детей с инвалидностью. Если на 01.01.2018 г. на территории Российской Федерации была зарегистрирована 651 тысяча детей, то на 01.08.2028 г. эта цифра увеличена на 90 тысяч. Важно отметить, что к этому значительному количеству детей-инвалидов следует добавить и детей с особенностями поведения и развития, у которых нет статуса ребенок-инвалид. Федеральным законом "Об образовании в Российской Федерации" закреплена возможность инклюзивного образования для школьников с особыми образовательными потребностями различных категорий на всех уровнях.

Модернизация современного российского образования на основе обновленных государственных образовательных стандартов для школьников с ограниченными возможностями здоровья выдвигает требования учитывать особенности развития каждого ребенка для реализации равных условий получения образования. Система образования в современном мире характеризуется стремительной динамикой спроса на квалифицированные кадры в области инклюзивного образования школьников [7, 10, 11, 12]. Социальный заказ на методическую подготовку будущих педагогов определяет задачу профессиональной подготовки эффективного специалиста современной инклюзивной школы. Возрастает потребность педагогической науки и современной практики образования в педагоге, подготовленном к обучению, воспитанию и развитию школьников, в том числе, имеющих ограниченные возможности здоровья. В значительной мере разработанными являются научно-методические основы процесса методической подготовки будущих педагогов с учетом и на основе современных образовательных технологий.

Целью исследования является экспериментальная проверка педагогической мастерской как средства методической подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) определить содержание методической подготовки будущих педагогов, 2) провести экспериментальную проверку логики методической подготовки студентов в условиях университетского технопарка, 3) проанализировать динамику формирования методической готовности студентов к инклюзивному образованию школьников.

Теоретической базой исследования выступили работы ученых, раскрывающие вопросы теории и практики методической подготовки будущих педагогов. В исследовании С.В. Алёхиной, М.Н. Алек-

БОНДАРЕНКО Татьяна Андреевна, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры Специальной педагогики и психологии*

РУДНЕВА Инна Александровна, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры*

Социальной педагогики Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград

сеевой, Е.Л. Агафоновой, отмечается, что первичной и важнейшей ступенью подготовки системы образования к реализации процесса инклюзии является этап психологических и ценностных изменений ее специалистов и уровня их профессиональных компетентностей [1, 84].

В работах Н.М. Назаровой, О.А. Козыревой, Е.П. Хвастуновой отмечается недостаточный уровень профессиональной подготовки педагогов для работы в инклюзивной образовательной среде [5, 8, 9]. Педагоги общего образования нуждаются в специализированной профессиональной поддержке и сотрудничестве со специалистами смежных профессий – дефектологами, психологами и социальными педагогами. Подобные межпредметные коллаборации обеспечивают качество проектирования и применения методов индивидуализации обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья в современной школе.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения модели методической подготовки будущих педагогов средствами организации педагогических мастерских – профессиональных проб в условиях университетского технопарка, что способствует формированию их готовности к проектированию и реализации совместного обучения и воспитания школьников с инвалидностью различных нозологических групп и нормативно развивающихся школьников

Основная часть

Методическая подготовка определяет социальный заказ на выполнение педагогом определенных профессиональных функций. В фокусе внимания авторов находилась необходимость разработки научно-теоретического обоснования, целевых, содержательных, процессуальных характеристик методической подготовки будущих педагогов к условиям инклюзии как новому коду социального равенства. Методическая подготовка будущих педагогов к инклюзии школьников организовывалась в современных условиях университетского технопарка как высокотехнологичной площадки профессиональных педагогических проб.

Исследовательская работа проводилась в рамках проекта "Методическая подготовка будущих педагогов к инклюзии школьников на базе технопарка ВГСПУ". Модель методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников была разработана в рамках проекта и опубликована [5]. Модель методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников в условиях университетского технопарка выступает инструментом формирования их готовности к предстоящей профессиональной деятельности в условиях инклюзии.

В исследовании принимали участие студенты – будущие учителя русского языка и литературы, иностранных языков, учителя музыки и изобразительного искусства. Всего 243 человека, из них 86,6% респондентов женского пола, 13,4% – мужского пола.

Основным средством формирования готовности педагогов к инклюзии выступает педагогическая мастерская, которая является формой приобретения опыта действий, формой сотрудничества педагога и обучающегося. В работах ряда ученых педагогическая мастерская характеризуется как эффективное средство обучения [2, 3, 4]. Исследователи отмечают, что участие в мастерской создает условия для выбора содержания и средств, определения темпа работы каждого обучающегося, стимулируя актуализацию научно-теоретических знаний [4, 6]. Необходимо отметить, что в современном научном дискурсе педагогическая мастерская профессиональных проб студентов, функционирующая на базе технопарка педагогического университета и используемая как средство формирования готовности будущих педагогов к инклюзии школьников, еще не становилась предметом научного изучения.

Цикл педагогических мастерских – профессиональных проб для будущих педагогов по подготовке к реализации инклюзивного образования школьников в условиях технопарка проводился с использованием сквозных технологий (виртуальной и дополненной реальности). Отметим, что основным направлением деятельности технопарка является выявление, осмысление, пилотная реализация и масштабирование дидактического потенциала цифровой образовательной среды на уровне допрофессиональной, профессиональной и последипломной педагогической подготовки. На базе технопарка реализуются междисциплинарные проекты, направленные на формирование у студентов и преподавателей вуза готовности к обучению и взаимодействию в современной цифровой образовательной среде.

Модель методической подготовки будущих педагогов предполагала работу педагогических мастерских – профессиональных проб, которые были реализованы на базе университетского технопарка: "Сопричастность", "Норма и

патология", "Трудности школьного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья", "Ассистивные технологии", "Инклюзивный урок", "Инклюзивное внеурочное занятие", "Рефлексия".

Обратимся к материалам экспериментальной работы по разработке и реализации педагогической мастерской "Трудности школьного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья", организованной условиях университетского технопарка. Студентам предлагалось посмотреть ряд видеофрагментов, где были представлены особенности поведения и речи детей с ограниченными возможностями здоровья. Затем студентам предлагалось постараться определить нозологическую группу, их трудности в обучении. На видеоматериалах студенты могли увидеть занятия с детьми с нарушениями зрения, интеллекта, с расстройствами аутистического спектра, тяжелыми нарушениями речи (заикание, алалия), с нарушениями слуха. Были представлены к изучению варианты письменных работ учащихся школ, в которых отражены специфические дисграфические ошибки.

Далее студентам предлагалось составить памятку для себя, как будущего педагога, с примерами дисграфических ошибок, которые обусловлены несформированностью фонематических процессов, слухового восприятия и лексико-грамматической стороны речи школьников. Разработанные памятки презентовались и обсуждались вместе с практикующими педагогами – учителями-предметниками. Апробация знаний и умений закреплялись в опытном преподавании будущих педагогов в рамках практики – "Производственная (технологическая в системе инклюзивного образования) практика".

После проведения педагогической мастерской "Трудности школьного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья" была организована диагностическая работа на основе разработанного авторского опросника. Проанализировав результаты, мы заключили, что значительное большинство опрошенных студентов смогли определить нозологические группы детей с ограниченными возможностями здоровья, которые они увидели в видеофрагментах (86%). Кроме того, респонденты верно определяли наблюдаемые особенности и трудности в обучении (83%). Приведем некоторые примеры ответов, приведенных в опроснике. Студенты отмечали трудности с чтением, отсутствие концентрации внимания, трудности произношения звуков речи, трудности восприятия информации на слух, трудности в общении, трудности в письменной речи и ряд других.

На вопрос об отношении будущих педагогов к перспективе будущей профессиональной деятельности в условиях инклюзивной школы, к совместному обучению и воспитанию нормативно развивающихся школьников и школьников с ограниченными возможностями здоровья, получены ответы широкой палитры – от полного принятия идей инклюзии до категорического отрицания и отсутствия определенных ответов. Приведем примеры ответов студентов:

– "отношусь положительно, но не совсем понимаю, как правильно организовать процесс";

– "с такими детьми очень сложно работать, особенно без специального образования";

– "такие дети имеют право получать образование с помощью средств и методов инклюзивного обучения";

– "я считаю, что дети с такими нарушениями должны получать инклюзивное образование";

– "обучение в специализированных учреждениях будет наиболее подходящим для таких детей";

– "таких людей сложно социализировать, я не думаю, что возможно детей с такими нарушениями обучать инклюзивно";

– "по моему мнению, ребенку с данным нарушением необходимо уделять особое внимание и много внимания в целом, ему может быть тяжело в общеобразовательном учреждении".

Положительное отношение к инклюзивному образованию школьников выразили 74% опрошенных, сомневались в собственных возможностях работать в условиях инклюзии 19% студентов, негативно отзывались 7% респондентов.

Результаты исследовательской работы показали, что организация педагогических мастерских – профессиональных проб студентов, погружение их в инклюзивный процесс, объяснение задач и особенностей инклюзивного образования, анализ практики, изучение работ учеников, на наш взгляд, позитивно влияет на формирование позитивного отношения студентов к инклюзивному образованию. Внедрение модели методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников в условиях университетского технопарка позволит сделать этот процесс более эффективным, будет способствовать формированию цифро-

вой зрелости и готовности к внедрению цифровых решений в инклюзивный образовательный процесс. Кроме того, методическая подготовка будущих педагогов к инклюзии на базе технопарка позволит студентам полученные знания и умения реализовать на производственной практике (технологической) в системе инклюзивного образования. Целью данного вида практики является формирование у студентов методической готовности к профессиональной деятельности в области дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзии.

Заключение

Решение ключевых задач национального проекта "Образование" связано с внедрением до 2024 года в 40% всех российских школ цифровой образовательной среды и современного инновационного оборудования, что приводит к активному преобразованию учебно-воспитательного процесса, реализуемого в образовательных организациях. Главной задачей современной школы становится введение новых технологий, видов и методов организации и содержанию учебных занятий, внеурочной работы, которые направлены не только на обучение, но на воспитание и развитие школьников с ограниченными возможностями здоровья совместно с нормативно развивающимися школьниками.

Проведенное исследование показало значительную эффективность проектирования и реализации педагогических мастерских – профессиональных проб студентов – будущих педагогов в структуре методической подготовки студентов к инклюзии школьников. Включенность будущего педагога в профессиональные пробы по обучению и воспитанию школьников в условиях инклюзии в период вузовского обучения позволяет качественно осуществлять профессионально-педагогическое обучение. Подготовленность будущего педагога к перспективе инклюзивного образования школьников служит решению задач привлечения профессионально подготовленных педагогических кадров в современную российскую школу.

Литература:

1. Алёхина С.В., Алексеева М.Н., Агафонова Е.Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 1. – С.83-91.
2. Белова Н.И. Педагогическая мастерская как средство развития личности участников образовательной деятельности: дис. на соиск. ученой ст. канд. пед. наук. – СПб., 2000. – 216 с.
3. Вартазарян К.А. Возможности педагогической мастерской для развития рефлексии учащихся // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 88. – С. 171-178.
4. Гревцева Г.Я. Педагогическая мастерская как средство самообразовательной деятельности студента вуза // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы: сб. ст. по материалам научно-практической конференции. – Красноярск, 2016. – 252 с.
5. Козырева О.А. Моделирование методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников // KANT. – 2022. – № 1 (42). – С. 232-235.
6. Лямкина О.А. Мастерская как альтернативная форма организации обучения студентов педагогического вуза // Интеграция образования. – 2001. – №2. – С. 57-58.
7. Любимова Е.С. Компонентная модель готовности студентов-бакалавров педагогического университета к инклюзивному образованию школьников // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=30977 (дата обращения: 25.07.2022).
8. Назарова Н.М. Феноменология совместного обучения: интеграция и инклюзия: монография. – М.: Перо, 2018. – 239 с.
9. Хвастунова Е.П. Организация производственной (технологической в системе инклюзивного образования) практики в структуре подготовки студентов педагогического вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – №. 2 (165). – С. 111-117.
10. Яковлева И.М., Яковлев С.В. Подготовка педагогических кадров к инклюзивному образованию школьников с ограниченными возможностями здоровья // Специальное образование. – 2021. – № 2 (62). – С. 170-181.
11. Forlina C., Chambers D. Teacher Preparation for Inclusive Education: Increasing Knowledge but Raising Concerns // Asia-Pacific Journal of Teacher Education. 2011. № 39. pp. 17-32.
12. Wray E., Sharma U., Subban P. Factors influencing teacher self-efficacy for inclusive education // Teaching and Teacher Education. 2022. Volume 117. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0742051X22001743 (дата обращения: 26.07.2022).

INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE SOCIALIZATION AND PROFESSIONALIZATION OF THE INDIVIDUAL IN THE MEDIA ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

Vakhidova Lucia Vansettovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa*

Aidagulova Alisa Rasikhovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa*

The purpose of the study *is to determine the positive potential of the media environment in the socialization and professionalization of the individual; reveal the essence of the system of training specialists based on new meaningful models using highly effective technologies aimed at developing critical thinking, information literacy and media culture.* ***The scientific novelty*** *lies in the development of a didactic navigator of a logical-semantic type, which reveals the features of the system of training specialists based on a system-activity approach.* ***As a result,*** *the components of the educational media environment were identified, represented by the integration of information-communicative, creative-activity and social-educational environments and filled with socially adequate, axiologically oriented and professionally oriented content of the teaching profession.*

Keywords: *innovative educational technologies; media environment; learning tools/technologies; specialist training system; critical thinking; information and professional literacy; professional and media culture.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.34

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАСРЕДЫ ВУЗА

УДК 377
ВАК РФ 5.8.1

© Вахидова Л.В., 2022
© Айдагулова А.Р., 2022

Цель исследования *– определить позитивный потенциал медиасреды в социализации и профессионализации личности; раскрыть сущность системы подготовки специалистов на основе новых содержательных моделей с применением высокоэффективных технологий, направленных на развитие критического мышления, информационной грамотности и медиакультуры.* ***Научная новизна*** *заключается в разработке дидактического навигатора логико-смыслового типа, в которой раскрываются особенности системы подготовки специалистов на основе системно-деятельностного подхода.* ***В результате*** *выявлены компоненты воспитательной медиасреды, представленного интеграцией информационно-коммуникативной, креативно-деятельностной и социально-воспитательной сред и наполненное социально адекватным, аксиологически ориентированным и профессионально направленным содержанием педагогической профессии.*

Ключевые слова: *инновационные образовательные технологии; медиасреда; инструменты/технологии обучения; система подготовки специалистов; критическое мышление; информационная и профессиональная грамотность; профессиональная и медиакультура.*

Введение

Система подготовки специалистов на основе знаний и высокоэффективных технологий на данном этапе требует изменения концептов в современную педагогическую теорию и практику, заставляет разрабатывать новые содержательные и структурно-функциональные модели ее реализации в информационном обществе, где есть здоровая конкуренция на рынке труда квалифицированных специалистов, реализующих свои профессиональные навыки по приобретенной специальности с высоким творческим личностным потенциалом.

В настоящее время ведущая цель обучения отражает социальный заказ на качество знаний, умений и навыков, где изучаемый объект рассматривается как "проекция" науки и практики, а учебный материал – как научные и технологические знания. Нужно отметить, что в настоящее время в системе подготовки специалистов главной задачей является "…информационное обеспечение личности, а не ее развитие, оказывающееся "побочным продуктом" реализующейся учебной деятельности, целью которой является усвоение опреде-

ВАХИДОВА Люция Вансеттовна, *кандидат педагогических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа*

АЙДАГУЛОВА Алиса Расиховна, *кандидат педагогических наук, доцент, Уфимский юридический институт МВД России, Уфа*

ленных знаний и способов деятельности" [1, с. 77].

Наше исследование направлено на формирование такой модели, где в соответствии с системным подходом, наличествуют основные компоненты образовательного процесса – содержание обучения, инструменты/средства обучения и образовательная среда, где происходит образовательный процесс.

Дистанционное обучение в пандемийное и постпандемийное время изменилось по формам и средствам применяемых учебных материалов, что в свою очередь, привело к появлению недостаточной мотивационной значимости в обучении, отсутствие непосредственного общения между субъектами образовательного процесса, пониженное чувство ответственности, недостаточный контроль учебного процесса. Обозначенное сказалось неблагоприятным образом на ключевых компонентах образовательного процесса, а именно, снизилось ориентирующее и эмоционально-образное воздействие педагога; минимизировалось число профессионально-творческих приемов обучения, что негативно сказалось на эффективности познавательной учебной деятельности обучающихся.

Основная часть

В настоящее время становятся актуальными исследования в области разработки визуальных дидактических средств, имеющих ориентирующее и направляющее свойства. Внедрение таких дидактических инструментов необходимо поддерживать с помощью специальных программно-методических средств, дополняющих существующие методы и средства дистанционного обучения [2, с. 130].

В отечественной педагогике есть концепция ориентировочной основы действий, введенной П.Я. Гальпериным, направленная на повышение степени самостоятельности обучающегося, его самоорганизации и самоконтроля. В новых условиях умения выполнять заданный преподавателем план учебной деятельности и представлять ее результаты приобретают особую значимость. Новые дидактические инструменты должны позволять педагогу дополнительно к существующим способам задавать план выполнения учебной деятельности в визуально удобной форме, а обучающемуся – представлять результаты его выполнения в такой же форме дополнительно к существующим; способствовать контролю результатов и формированию модели выполнения учебной деятельности у обучающегося, повышающих его самостоятельность и самоорганизацию [2, с. 128].

Анализ исследований российских ученых показывает, что в дистанционном обучении активно используются средства наглядности иллюстративного и опорного свойства, с помощью которых решаются важные для дистанционного обучения задачи: управление мыслительной деятельностью учащегося, активизация учебной продуктивной деятельности, сокращение времени работы преподавателя с обучающимися; применение компьютерной визуализации для придания учебному материалу иллюстративных, опорных и частично ориентирующих свойств с помощью структурирования и представления в виде алгоритмов, таблиц и схем. Тем более, что представление информации в компактной, структурированной и визуально удобной форме является тенденцией цифровизации и информационных технологий [3, 4, 5].

Раскрывая суть третьего компонента – образовательной среды, остановимся на исследовании А.Р. Айдагуловой [6], отмечающей, что в условиях современной ситуации увеличивается потребление информации посредством социальных сетей и систем мгновенного обмена сообщениями. К примеру, можно заметить возросший интерес к Telegram и сети "ВКонтакте", где пользователи подписываются на каналы и страницы блогеров, медийных личностей. Как правило, информация, представленная в сети Интернет, воспринимается человеком поверхностно и не подвергается критическому осмыслению. В результате культивируется дилетантизм и подмена знания субъективным мнением. В этой связи важной задачей становится развитие критического мышления, информационной грамотности и медиакультуры.

В условиях глобальной информатизации общества искусственное медийное пространство оказывает все большее влияние на культуру, общество и человека. В частности, можно отметить "формирование в обществе диаметрально противоположных социальных, нравственных, эстетических норм и ценностей" [7, с. 17-18]. С одной стороны, медиа рассматриваются как источник знаний и фактор социально-культурного развития личности, с другой – как инструмент манипуляции общественным сознанием, средство развлечения, источник дезинформации.

Безусловно, информационные процессы влекут за собою кардинальные изменения в иерархии ценностных ориентаций современной молодежи. Важно заметить, что на сегодняшний день приобретает актуальность пат-

риотическое воспитание молодого поколения, приоритетной задачей которого является развитие ценностей гражданской культуры (Мир, Отечество, Патриотизм и др.). Со всей очевидностью встает проблема выявления и использования позитивного потенциала медиасреды в социализации и профессионализации личности.

В контексте данной проблемы важно уточнить понятие "медиа". Наибольшей популярностью в последнее время пользуется определение медиа как "посредника" (от лат. medium – средство, посредник), который "вносит существенные изменения в коммуникацию человека с окружающим миром (как природным, так и социальным) и реорганизует его способ мировосприятия и образ жизни" [8, с. 12]. Однако, следует уточнить, что медиа выполняют не только посредническую функцию. Как отмечают исследователи, "перед нами транслирующий канал, построенный на идеологических, эмоциональных и даже подсознательных ожиданиях аудитории" [9, с. 12].

Интересным, на наш взгляд, является позиция Н.Б. Кирилловой. Автор отмечает, что медиа – это "среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды" [8, с. 11]. Мы придерживаемся позиции автора в том, что медиасфера с ее многообразием средств и каналов коммуникации формирует общественное сознание, информирует, развлекает, пропагандирует ценности, оказывает идеологическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей [7, с. 8].

Воспитательный потенциал медиасреды связан с образовательной средой, в частности, с процессами медиаобразования, особенности которого нашли отражение в работах О.А. Баранова, И.В. Жилавской, Н.Ф. Хилько, И.В. Челышевой, А.В. Федорова и др. Медиаобразование направлено на формирование у обучающихся "широкого спектра медиакомпетенций и осознанного медиаповедения, позволяющих личности максимально полно и безопасно самореализовываться в информационном обществе на основе гуманистических идеалов и ценностей" [10, с. 25-26]. Следует добавить, что для эффективного формирования воспитательной медиасреды вуза также имеет важное значение медиаобразование преподавателей.

Для уточнения сущностных характеристик понятия "воспитательная медиасреда" обратимся к толковому словарю русского языка, где "среда" определяется как "вещество, заполняющее пространство"; "окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность"; "окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий". Как видим, данный термин раскрывается через такие ключевые слова как "обстановка", "совокупность", "условия", "окружение", "наполнение". Мы считаем возможным перенести выявленные характеристики среды в контекст сущностных характеристик понятия "воспитательная медиасреда".

Рамки статьи не позволяют провести сравнительный анализ понятий пространства и среды, однако, следует отметить, что пространство характеризуется широким содержательным потенциалом, емкостью, протяженностью и многогранностью, а для среды характерны наполняемость (объектами, факторами, условиями) и направленность. В соответствии с этим, воспитательное пространство в силу своей емкости, многогранности, объективности включает в себя воспитательную среду, равно как и другие среды [11].

Нам импонирует позиция З.И. Исламовой в том, что воспитательная среда вуза как непосредственное окружение студента предполагает целенаправленную организацию, управление и адекватное наполнение ее смыслами, представлениями, ценностными ориентациями и отношениями, которые обусловливают качественную профессиональную подготовку будущего специалиста в образовательном пространстве вуза [11]. Придерживаясь данной позиции, можно сказать, что характеристиками воспитательной среды являются ценностные смыслы, ориентации, ценности и отношения.

Н.В. Ходякова исследует взаимосвязь среды и личности. Мы согласны с автором, что "в основе активного взаимодействия личности и среды лежит противоречие между потребностями человека в социализации и в персонализации" [12, с. 56].

Г.П. Максимовой воспитательная медиасреда вуза рассматривается как ценностно-смысловая пространственно-временная реальность, результат согласованной деятельности организационно-управляемой воспитательной системы вуза, обеспечивающей творческий процесс непосредственной активности личности, которая эмоционально и интеллектуально вступает в коммуникативное взаимодействие со всеми субъектами [12]. Данная точка зрения наиболее адекватна нашему пониманию проблемы.

Принимая во внимание вышеизложенное, считаем, что аксиологическое содержание вос-

питательной медиасреды вуза должно быть направлено на приоритетные ценности будущей профессии, чтобы обеспечить творческое, культурное и профессиональное самоопределение личности, сформировать и развить социально-личностные компетенции будущего специалиста.

Проведенное исследование позволило определить, что формирование воспитательной медиасреды вуза обусловлено, во-первых, созданием социально-воспитательной среды, ориентированной на раскрытие социального потенциала личности, его саморазвитие; во-вторых, организацией креативно-деятельностной среды, направленной на реализацию творческих видов деятельности; в-третьих, созданием информационно-коммуникативной среды, выполняющей функции избирательной интеграции и ориентирующей на развитие приоритетных ценностей, видов социально-культурной деятельности и соответствующих им социально-личностных компетенций студента.

В нашем понимании воспитательная медиасреда педагогического вуза представляет собой целенаправленно спроектированное и организованное окружение студента, представленное интеграцией информационно-коммуникативной, креативно-деятельностной и социально-воспитательной сред и наполненное социально адекватным, аксиологически ориентированным и профессионально направленным содержанием педагогической профессии.

Эффективность воспитательной медиасреды во многом определяется обеспечением воспитательного процесса необходимыми и взаимосвязанными научно-педагогическими, организационно-методическими и информационно-технологическими материалами и материально-техническими средствами, позволяющими обеспечить успешное формирование социально-личностных компетенций студентов [6].

Воспитательная медиасреда, являясь составной частью многогранного образовательного пространства вуза, может находиться в тесном соотношении, взаимосвязи и взаимозависимости с информационно-образовательной средой вуза и, в частности, с персонифицированной информационно-образовательной средой [3].

Цифровизация образования выдвигает требования к профессиональной подготовке педагогов, чьи занятия с использованием компьютерных и медиатехнологий сделает каждое занятие нетрадиционным, ярким, насыщенным, запоминающимся. Современный педагог сегодня многозадачен, занимается различными видами профессиональной деятельности: педагогической, учебной, научной, методической, управленческой. В его арсенале различные возможности применения компьютерных, медиа– и/или информационных технологий для получения, передачи, организации, обработки информации, а также для общения между коллегами и обучающимися. Поэтому одной из важнейших задач в данном аспекте является подготовка педагогов, готовых работать в цифре, способных применять новейшие информационные и образовательные технологии не только в процессе обучения, но и управления образованием и познавательными процессами, что позволит не только по-новому взглянуть на современный педагогический процесс, но и обеспечит необходимый научно-методический аппарат для их анализа и актуализации. И, как показывает практика, окажет существенное влияние на содержание образования (планирование, организация, мониторинг, прогнозирование и т.д.).

Создать успешно функционирующую и соответствующую времени модель профессиональной подготовки будущего специалиста можно только на основе непрерывного внедрения педагогических инноваций в практику образовательного процесса. Инновация в образовательной деятельности заключается в широком использовании, прежде всего, новых технологий обучения и организации учебного процесса в вузе.

Нами разработан дидактический навигатор логико-смыслового типа "Инвариантный регулятив технологии профессиональной самоэффективности", в которой раскрываются особенности системы подготовки специалистов на основе системно-деятельностного подхода, где ключевым принципом является обучение в деятельности, иначе практикоориентированная система формирования профессиональных умений. В основе разработки положена теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, с актуальными положениями современного образования.

Разработка велась с учетом требований по сформированности компетенций образовательных стандартов, трудовых функций профессиональных стандартов и квалификационных характеристик, соответствующих выполняемому функционалу специалиста.

Интерактивный регулятив разработан по аналогии с универсальными учебными дей-

ствиями, однако, во-первых, ориентирован на систему подготовки специалистов; второе – более сложен по своей структуре, так как затрагивает многие психические процессы развития личности и отражает требования современного мира в плане квалификации (знаний, умений и навыков), а также необходимый набор дидактического инструментария. Третье – показаны уровни квалификации и требования стратегических партнеров, а также система профессионального развития в плане эффективности будущего специалиста. Это можно видеть на координатах К1-К7.

Компетентностная структура дидактического навигатора, дальнейшая декомпозиция ее компонентов отражает логику развития мышления и определена переходом от репродуктивного к частично-продуктивному, затем продуктивному типу мышления, и, таким образом, отражает технологический путь реализации интерактивного регулятива.

На первой координате на рисунке узлы соответствуют основным требованиям к специалисту (выпускнику) – это Федеральные государственные образовательные стандарты, регламентирующие формирование компетенций у будущего специалиста, которыми руководствуется образовательная организация. В настоящее время, при переходе к профессиональным стандартам мы должны учитывать требования работодателей, а именно трудовые функции. На сегодняшний день определены Топ-50, т.е. профессии, актуальные на современном рынке труда. Это обязывает нас прогнозировать ситуацию с подготовкой специалистов, поэтому были выбраны в качестве третьего узла "Внутрифирменный стандарт" с локальными должностными инструкциями, в которых функционал специалиста либо локализован под задачи конкретного предприятия, либо напротив, оптимизирован под условия реализации в смежных или родственных отраслях.

Вторым базовым компонентом является универсальная компонентная структура профессиональной компетенции – профессиональные знания, профессиональные умения и профессиональное владение, впоследствии декомпозируемые.

"Прогон" содержания и процесса профессионального образования через координаты К3-К6 обеспечивает развитие базовых способностей образованного, просвещенного специалиста, а также обеспечивает интеграцию основ профессионального и нравственного развития будущего специалиста.

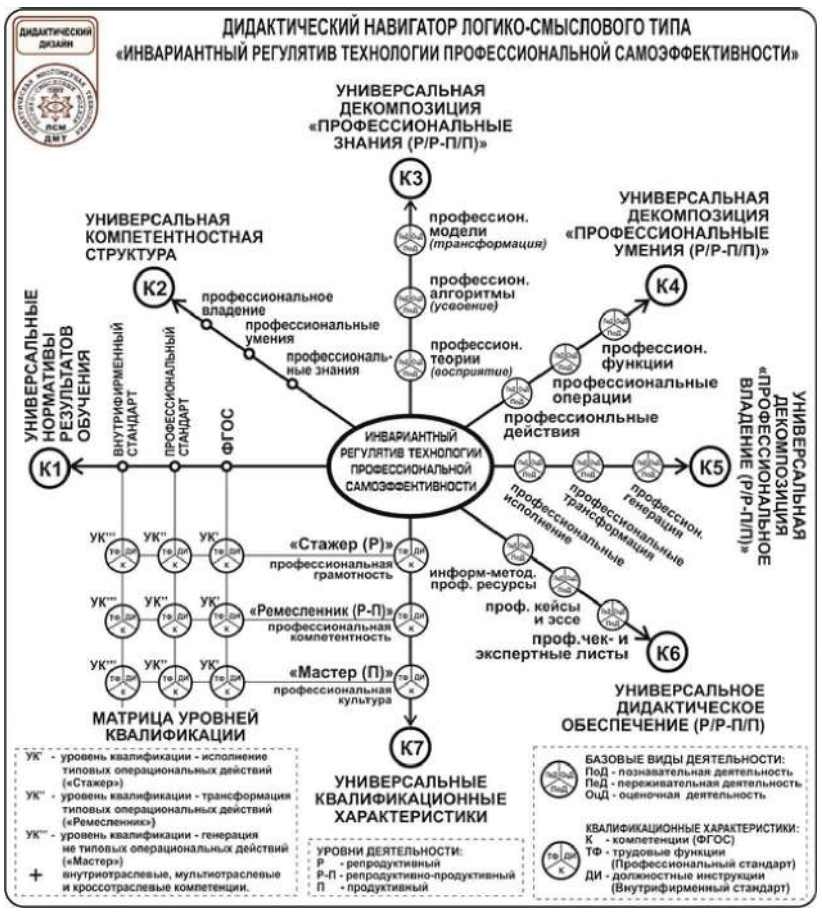

Рисунок – **Инвариантный регулятив технологии профессиональной самоэффективности**

Координаты К3, К4 и К5 посвящены проектированию универсальных учебных действий. Остановимся подробнее на них. Итак, "Универсальная декомпозиция профессиональных знаний" представлена тремя узлами, соответствующим внешнему плану умственной деятельности – познание, переживание и оценивание. Причем каждый узел представлен в триаде – профессиональная теория, профессиональные алгоритмы и профессиональные модели. Именно они уже представляют внутренний план деятельности – предметно-ознакомительную, аналитико-речевую и моделиру-

ющe-фиксирующую. Отсутствие одного из видов деятельности негативно сказывается на процессе формирования профессиональных компетенций. Каждый узел определен познавательным, эмоциональным и оценочным компонентом деятельности. В данном фрагменте присутствует параллель с теорией поэтапного формирования умственных действий, каждый узел на этой координате соотносится с его этапами.

К4 – "Универсальная декомпозиция профессиональных умений" представляет элементы трудового процесса – операции, действия, функции, что находит отражение в триаде узлов на уровне познания, переживания и оценивания. Это имеет особое значение при формировании профессиональных компетенций. Для того, чтобы учебная информация не осталось лишь в памяти, необходимо ее трансформировать в навык, который в дальнейшем за счет многократных повторений (Упражнений) формируется в устойчивую нервную связь, тем самым становясь компонентом моторных действий обучающегося.

К5 – "Универсальная декомпозиция профессионального владения" – на уровнях познание, переживание и оценивание имеет триаду: профессиональное исполнение, профессиональная трансформация и профессиональная генерация. В логику декомпозиции данной координаты укладывается положение В.П. Беспалько о том, что исполнение происходит на уровне знакомства и воспроизведения. То есть, принцип "Делай как я" работает на данном узле. Это может продолжаться до тех пор, когда субъект образовательного процесса не переходит на более высокий уровень профессионализма. Трансформация начинается тогда, когда личность начинает себя проявлять в профессиональных действиях, впоследствии переходя на уровень генерации. В системе подготовки чаще всего задействовано репродуктивное мышление со своими ограничениями и рамками, применяя чаще методы продуктивного обучения (мозговой штурм, диспуты, решение задач с одним или несколькими неизвестными, решение задач с измененными данными и т.д.) формируется навык использования теоретических сведений в нестандартных производственных ситуациях, что благоприятно сказывается в эффективности образовательной деятельности и достижениях высоких результатов у обучающихся, следовательно, удовлетворения потребностей социальных заказчиков в системе подготовки кадров с актуальными профессиональными качествами и характеристиками.

Координаты К3, К4 и К5 задают требования дидактического обеспечения процесса подготовки специалистов. На координате К6 также триадно представлены узлы познания, переживания и оценивания, а именно по нарастающей работа с информационно-методическими ресурсами, где наряду с учебными ресурсами предполагается с нормативными документами и материалами по профилю подготовки; разработка и применение различных кейсов (реальных или имитационных), задания-эссе и т.п., что соответствует эмоциональному виду профессиональной деятельности, что актуализирует аксиологический подход, реализуемый в ценностно-смысловом и мотивационном аспекте. Наконец, различные экспертные листы (на соответствие требуемым нормам, показателям, индикаторам), разработка чек-листов (в зависимости от показателей решаемых производственных задач).

К7 – "Универсальные квалификационные характеристики", определяемые нами метафорами "Стажер", "Ремесленник", "Мастер" – это уровни достижения профессионального мастерства. Здесь ведущая триада определена пониманием того, что такое компетенция, трудовая функция и должностная инструкция (все в рамках подготавливаемого профиля). При этом уровни достижения профессионального мастерства соотносятся с квалификационными уровнями, представленными на следующей координате – профессиональная грамотность, профессиональная компетентность и профессиональная культура.

Наряду с критериями сформированности тех или иных профессиональных компетенций, необходима системная обобщенная оценка подготовки будущего специалиста с указанием критичных уровней профессиональной подготовки, каждый из которых, начиная со второго, включает предыдущие: "профессиональная грамотность" ("стажер") – минимальный, но нежелательный; "профессиональная компетентность" достаточный, но не предельный ("ремесленник"); "профессиональная культура" – высокий, характеризующийся творческим отношением к труду ("мастер").

Матрица координат К1 и К8 отражает динамику приращения на каждом квалификационном уровне, а также квалификационные характеристики, в зависимости от требований стандарта.

Таблица – **Роль педагога в технологической среде**

Основания	Функционал
Разработка учебных программ	Планирование деятельности, выбор содержания и ресурсов, определение уровней обучения, разработка кейсов и ситуационных задач и т.д.
Информация	Передача содержания учебной программы, учет интересов обучающихся, отбор данных для доступа учащихся и т.д.
Образование	Формирование системы отношений, навыков, умений, создание условий для общения, взаимодействия, обратной связи и т.д.
Разработка контента и материалов	Подготовка дидактического и технологического материалов в соответствии с потребностями и характеристиками учащихся; его переработка в соответствии с предложениями учащихся и т.д.
Ориентация	Поощрение к обучению, предоставление рекомендаций по использованию оптимальных технологических решений, модерация взаимодействий и т.д.
Оценка	Постоянный мониторинг образовательного процесса каждого студента, его оценки и т.д.

Современный преподаватель в своей деятельности непрерывно решает следующие задачи: использовать теоретические и практические знания для проектирования, внедрения и методического обеспечения педагогического процесса; отбор и анализ информации; самостоятельно или в соавторстве создавать на ее основе новую информацию; использовать информационные технологии в педагогическом процессе, в собственной научно-исследовательской деятельности, в организации научно-исследовательской деятельности студентов; развивать учебно-методические комплексы с использованием информационных технологий; проводить экспериментальные работы и тому подобное; технологический характер: разработка и реализация образовательных и обучающих программ различной направленности и разного уровня; использовать различные методы оценки достижений учащихся и т.д.; коммуникативный: использовать различные средства коммуникации для общения с коллегами и студентами (электронная почта, социальные сети, интернет, мультимедиа и т.д.); рефлексивный характер: обобщение собственных достижений и проблем, поиск новых путей их решения; социальный характер: ориентироваться в социокультурной ситуации, используя ее возможности для обеспечения качества образования; расширять круг социальных партнеров за счет взаимодействия студентов с ними; организовывать сообщества студентов и преподавателей; Нести ответственность за качество образования и результаты деятельности студентов.

Нужно отметить, что максимально полно меняется функционал педагога. В таблице выше представлены эти изменения.

Заключение

Новые требования общества к уровню образования и личностному развитию уже привели к изменению технологии образования [14]. Сегодня инновационные технологии позволяют организовать образовательный процесс с учетом профессиональной направленности обучения, а также ориентации личности студента на его интересы, склонности и способности. Среди них ведущее место принадлежит таким видам, как личностно-ориентированное обучение, проблемно-ориентированное обучение, тестовые формы контроля знаний, блочно-модульное обучение, проектное обучение, кейс-метод, кредитно-зачетная/балльно-рейтинговая система оценки, кооперативное обучение, многоуровневое обучение и др.

Внедрение инновационных образовательных технологий предоставляет широкие возможности для развития процесса дифференциации и индивидуализации образовательной деятельности. Результат применения инновационных образовательных технологий в меньшей степени зависит от мастерства педагога, но определяется совокупностью его составляющих.

Инновационные образовательные технологии связаны с повышением эффективности обучения и воспитания и направлены на конечный результат образовательного процесса – подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих фундаментальными и прикладными знаниями; способных успешно осваивать новые, профессиональные и управленческие направления; гибко и динамично реагировать на изменяющиеся социально-экономические условия; овладевать высокими моральными и гражданскими качествами в условиях инновационного образовательного пространства.

Профессиональное образование, как и все сферы социально-культурного развития, находится на этапе информационно-технологических преобразований в соответствии с запросами информационного общества [14]. Большинство ученых сходятся во мнении, что информация, пронизывая окружающее пространство, постоянно влияет на человека, его

личностное содержание, характер взаимодействий и взаимоотношений [1, 14]. Обогащая человека как субъекта социально-профессионального творчества, информация тем самым проявляет себя в качестве важнейшего фактора, способного влиять на успешность развития личности, формируя при этом необходимое качество специалиста – профессиональную самоэффективность.

В настоящее время процесс информатизации образования направлен на "реализацию замысла повышения качества содержания образования, проведение исследований и разработок, внедрение, сопровождение и развитие, замену традиционных информационных технологий на более эффективные во всех видах деятельности. Данный процесс является ведущим условием реформирования и модернизации системы профессионального образования, так как "именно в сфере образования подготавливаются и воспитываются те люди, которые не только формируют новую информационную среду общества, но которым предстоит самим жить и работать в этой новой среде".

Литература:

1. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности [Электронный ресурс]: монография / В.С. Третьякова [и др.]; под ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. -142 с.
2. Штейнберг В.Э., Манько Н.Н., Вахидова Л.В., Фатхулова Д.Р. Визуальные дидактические регулятивы как инструменты учебной деятельности: развитие и прикладные аспекты // Образование и наука. – 2021. – Том 23. – № 6. – С. 126-152.
3. Вахидова Л.В., Манько Н.Н., Штейнберг В.Э. Визуализация персонифицированной информационно-образовательной среды // Образовательные технологии. – 2018. – №1. – С. 34-48.
4. Голубева Ю.В. Визуализация в современном образовании: Теоретические подходы и современные практики // Всероссийский педагогический форум: сб. ст. II Всероссийской научно-методической конференции, 15 ноября 2020 г. – Петрозаводск: Новая наука, 2020. – С. 203-207.
5. Маслов В.М. Визуализация (перспективное постнеклассическое направление развития научно-технической деятельности): учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2016. – 92 с.
6. Айдагулова А.Р. Формирование воспитательной медиасреды педагогического вуза: дис… канд. пед. наук. 13.00.08. – Уфа, 2012.
7. Кириллова Н.Б. "Homo medium" как объект и субъект информационной эпохи / Н.Б. Кириллова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №17 (346). – С. 17-23.
8. Кириллова Н.Б. Медиакультура: теория, история, практика: учебное пособие. – М.: Академический Проект; Культура, 2008. – 496 с.
9. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования / Н.Б. Кириллова, Л.Б. Зубанова, С.Б. Синецкий [и др.]. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – 292 с.
10. Жилавская И.В. Системные и институциональные трансформации российского медиаобразования. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. – 368 с.
11. Исламова З. И. Информатизация воспитательной среды в пространстве педвуза // Образование и наука. Известия УрО РАО. – 2009. – № 8(65). – С. 113-124.
12. Ходякова Н.В. Теоретические основы ситуационно-средового подхода к проектированию личностно развивающего образования // Образование и саморазвитие. – 2013. – № 1(35). – С. 55-60.
13. Максимова Г.П. Модернизация воспитания в высшей школе на основе интеграции педагогики и искусства в медиасреде: монография. – Ростов-н/Д.: РИНХ, 2007. – 340 с.
14. Кларин М.В., Осмоловская И.М. Перспективные направления дидактических исследований: постановка проблемы // Образование и наука. – 2020. – Том 22. – № 10. – С. 61-89.

ON THE QUESTION OF THE READINESS OF THE RUSSIAN TEACHER FOR THE "DIGITAL SCHOOL OF THE FUTURE" *

Vetrov Yuri Pavlovich, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*
Belous Olga Valeryevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*
Khludova Lyudmila Nikolaevna, *PhD of Historical sciences, Associate Professor*
Armavir State Pedagogical University, Armavir

The purpose of the study *is to analyze the readiness of Russian school teachers to implement promising models of the "digital school of the future", which will implement the principles of continuity, early career guidance, flexibility, mobility, individualization of educational trajectories, interactivity, collectivism and empathy, taking into account the experience of forced transition to distance learning during the pandemic.* ***The scientific novelty*** *lies in the fact that the personal readiness of teachers to implement the new educational paradigm of the "digital society" is*

* The article was prepared based on the results of the stage of the scientific research "The Russian system of general education and practical recommendations for its improvement in the context of digitalization: the dynamics of value orientations, expectations, problems of various population groups", carried out at the expense of the federal budget within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation (agreement No. 073-03-2022-107).

*analyzed. **As a result,** it was found that the effectiveness of the use of digital technologies by Russian teachers does not allow us to talk about the imminent achievement of the stated goals of digital transformation of the education system. For about a third of teachers, digitalization does not fit too well into the professional worldview, creates difficulties of material, psychological, communication and other types for them. The topic of cooperation, collective creativity in achieving educational results is not relevant for Russian teachers.*

Keywords: *general education system; teacher; new educational paradigm; digital transformation of general education; digital educational technologies; "digital school of the future"; student.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.35

*К ВОПРОСУ О ГОТОВНОСТИ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЯ К "ЦИФРОВОЙ ШКОЛЕ БУДУЩЕГО" ***

УДК 378
ВАК РФ 5.8.1

© Ветров Ю.П., 2022
© Белоус О.В., 2022
© Хлудова Л.Н., 2022

Цель исследования *– анализ готовности педагогов российской школы к внедрения перспективных моделей "цифровой школы будущего", в которой будут реализованы принципы непрерывности, ранней профориентаций, гибкости, мобильности, индивидуализации образовательных траекторий, интерактивности, коллективизма и эмпатии с учетом опыта вынужденного перехода к дистанционному бучению в период пандемии.* ***Научная новизна*** *заключается в том, что анализу подвергается личностная готовность педагогов к реализации новой образовательной парадигмы "цифрового общества".* ***В результате*** *установлено, что эффективность использования цифровых технологий российскими учителями не позволяет говорить о скором достижении заявленных целей цифровой трансформации системы образования. Примерно для трети педагогов цифровизация не слишком вписывается в профессиональное мировоззрение, создает для них трудности материального, психологического, коммуникационного и иных видов. Тема сотрудничества, коллективного творчества в достижении образовательных результатов не является актуальной для российских учителей.*

Ключевые слова: *система общего образования; педагог; новая образовательная парадигма; цифровая трансформация общего образования; цифровые образовательные технологии; "цифровая школа будущего"; обучающийся.*

Введение

В современных условиях динамически преобразований, происходящих в мировом образовательном пространстве, достаточно много исследователей уже отмечает факт недостаточности эффективности существующего опыта образовательной подготовки, которую обеспечивает массовая школа, что по итогу показывает снижение качества и решения задач, стоящих перед мировым сообществом в целом и в частности перед конкретным государством в условиях глобальной цивилизационной трансформации. Происходящий рост разрыва между реальностью и вызовами времени ставит под вопрос оптимальность социально экономического развития цивилизации в XXI веке. Чтобы идти в ногу со временем, необходимо менять подходы к обеспечению качества образования и создания базы гармоничного развития личности каждого члена нового "сложного общества" в "школе будущего".

Достижение этой цели возможно в ситуации выстраивания изменений в системе российского образования, включая построение и формулирование образовательной парадигмы постиндустриального или "цифрового общества" [1]. Данная модель и концепция работы "цифровой школы будущего" в качестве основополагающих методологических принципов включает: непрерывность процесса образования, раннюю профориентацию, гибкость, мобильность, ин-

ВЕТРОВ Юрий Павлович, *доктор педагогических наук, профессор*

БЕЛОУС Ольга Валерьевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

ХЛУДОВА Людмила Николаевна, *кандидат исторических наук, доцент*

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

** Статья подготовлена по итогам этапа научного исследования "Российская система общего образования и практические рекомендации ее совершенствования в условиях цифровизации: динамика ценностных ориентаций, ожиданий, проблем различных групп населения", осуществляемого за счет средств федерального бюджета в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (соглашение № 073-03-2022-107).

дивидуализацию образовательных траекторий обучающихся, интерактивность, а также соединение корпоративного обучения с фундаментальным образованием [2]. Реализация данных положений в реальных изменяющихся условиях возможна в аспекте наполнения процессов цифровой трансформации системы общего образования, как глобальном обновлении целей и содержания процессов обучения и воспитания, включая технологии, инструментарий и формы организации обучения в целом и учебной работы. В рамках данных изменений планируется в результате получить всестороннее развитие обучающихся, сформировать соответствующие компетенции, необходимые для жизни в постиндустриальном обществе [1, с.19].

Стратегически общие цели модернизации отечественной системы образования были определены ы национальном проекте РФ "Образование" и предполагают обеспечение повышение конкурентоспособности российского образования, вхождение российской системы образования в число десяти лучших среди мировых систем общего образования, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина на основе духовно-нравственных ценностей народов России, исторических и национально-культурных традиций" и др.; актуализированы Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" [3]. Конкретно аспект цифровой трансформации системы общего образования обеспечивается рядом федеральных проектов, в частности, федеральный проект "Цифровая образовательная среда".

В то же время необходимо указать, что в целом цифровая трансформация является лишь инструментом глобального процесса по обновлению принципов образования и построения "школы будущего". Изменения в образовательном пространстве должны быть направлены, в первую очередь, на формирование личности человека нового. И именно в этом контексте необходимо подходить к внедрению цифровых технологий, оценивая их с учетом реального улучшения качества образовательного процесса, удобства и эффективности в использовании.

В рамках реализации проекта "Глобальное будущее образования"(Global Education Futures) в мире с 2014 года были обозначены следующие перспективные направления модернизации образования: формирование "навыков будущего", переход к образованию на протяжении всей жизни, повышение роли цифровых технологий и онлайн-платформ, образование для решения глобальных вызовов [4]. В итоговом докладе Global Education Futures (П. Лукша, Д. Кубиста, А. Ласло, М. Попович, И. Нинeнко, 2018) было указано, что надежды на то, что цифровые технологии в образовании включая совокупность "больших данных", технологий искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, социальные сети, носимые устройства, биологическую обратную связь и другие современные решения, смогут быстро и существенно улучшить качество образовательного процесса и переведут его на новый уровень, пока не оправдались. Не исполнение надежд связывается с тем фактом, что необходимо начинать изменения с "человеческого фактора", и наряду с созданием "высоких" "железных" и цифровых технологий (софта и оборудования, hitech и пр.), обратить особое внимание на формирование новых "высоких" "человеческих" технологий (high hume). Новое образование может стать успешным лишь в том случае, если будут сформированы правильные предпосылки к его распространению [4, с.40-41].

На Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке в сентябре 2019 г. представитель ЮНЕСКО выступил с инициативой "Будущее образования". В рамках данной инициативы обозначено переосмысление того, каким образом знания и обучение могут формировать будущее человечества в контексте всё более сложного, неопределённого и нестабильного мира. Доклад соответствующей Международной комиссии по Перспективам образования был опубликован в 2021 г. [5]. В этом материале рассматривалась идея необходимости разработки "нового социального договора в сфере образования, который должен будет объединить страны и народы на основе общей совместной работы и выработать такие знания и инновации, которые будут востребованы для устойчивого и мирного развития человеческой цивилизации, основанной на социальной, экономической и экологической справедливости" [5, p. 2]. В числе принципов, определяемых в рамках данной инициативы и определяющих основу образования будущего были конкретизированы вопросы сотрудничества и солидарности во взаимоотношениях педагогов и обучающихся. Это, в свою очередь, будет способствовать развитию интеллекта, социальных и моральных качеств и характеристик, направленности и способностей учащихся к сотрудничеству, коллективной работе и преобразованию общества, в том числе на основе

базовых человеческих проявлений эмоционального сочувствия и сострадания. Также отмечается, что в содержании, методах и политике образования необходимо поощрять активную гражданскую позицию и демократическое участие.

Авторы доклада отмечают, и эта мысль проходит через все сообщение, что цифровая трансформация действительно оказывает беспрецедентное влияние на жизнь общества, открывая новые и многообещающие возможности для образования. В то же время, трансформация несет определенные риски: технологии предоставляют новые рычаги власти и контроля, которые могут как подавлять, так и освобождать, а с распознаванием лиц и искусственным интеллектом ограничивается право человека на неприкосновенность частной жизни. Особо отмечается, что цифровые технологии должны быть направлены на поддержку, а не на замену школ, технические преобразования должны помогать процветать и не угрожать будущему с помощью разнообразных способов познания или интеллектуальной и творческой свободы [5, p.3-4.].

Важность роли педагога в условиях цифровой трансформации образования в мировом сообществе признается отечественными и зарубежным учеными. Так, немецкий исследователь Андреас Шляйхер, рассуждая о том, каким будет образование в будущем, выделяет следующие его характеристики: эффективная коммуникация между участниками учебного процесса; не предметный, а проектно-деятельностный характер обучения; персонализация; перевод фокуса в преподавании с педагога на организацию совместной деятельности с учащимися. На хорошем уроке ценностью становится не лекционная деятельность учителя, а организация педагогом образовательной активности учащихся [6]. Эдмонд Гэйбл, консультант по развитию в области информационно-коммуникационных технологий отмечает, что "критически важным является привлечение учителей как партнеров и наставников к таким видам работ, которые вдохновят их на эксперимент, принятие и управление рисками, постоянное самосовершенствование. Успешное развитие навыков XXI века, вероятно, требует, чтобы ученики и система образования в целом видели учителей как уважаемых, творческих и инновационных деятелей в сфере образования." [7].

Также в современных исследованиях деятельности и личности педагога отмечается, что отличительными особенностями работы педагогов должны стать сотрудничество и командная работа. Преподавание обязательно должно сопровождаться анализом, исследованиями и созданием знаний и новых педагогических технологий. Для этого важно создавать и поддерживать автономию и свободу учителей в их профессиональной деятельности, которые должны позволять им в полной мере участвовать в общественных дискуссиях и диалоге о перспективах образования.

Проблемы деятельности учителей как субъектов образовательных отношений в условиях цифровизации рассматривались в работах российских авторов: И.Ш. Мухаметзянова [8], В.И. Колыхматова [9], А.В. Муртазина, Т.М. Резер [10], Т.Б. Гребенюк [11] и других [12]. Исследователи отмечают, что педагог как учитель "цифровой школы будущего" обеспечивает формирование ценностей сетевого образовательного сообщества, навыков самоидентификации, собственной и обучающихся, поддерживает создание мотивации к постоянному поиску и познанию, выполняет функцию ментора, проводника, наставника, тьютора в потоках информации и социальной ситуации, модерирует социальные образовательные ресурсы, организует и управляет совместной деятельностью школьников, в том числе в социальных образовательных сетях, качественно реализует различные модели электронного обучения, и конечно же обеспечивает процесс непрерывного профессионального развития. Но эффективность использования цифровых технологий российскими учителями пока весьма далека от заявленных целей цифровой трансформации. Авторы связывают данный факт с тем, что педагоги не всегда в полной мере осознают, не принимают как необходимую цель модернизации системы образования, не заинтересованы или имеют слабую мотивацию к изменениям, испытывают дефицит ресурсов внутренних и внешних для профессионального роста и развития. Большая часть учителей, признавая положительный эффект применения цифровых технологий в образовательном процессе в части повышения качества образования, экономии времени и развития самостоятельности обучающегося, вместе с тем не до конца понимают сущность процесса цифровой трансформации образования. Они ассоциируют его, в первую очередь, с дистанционным образованием, перенося своё негативное отношение к нему на цифровизацию образования [13]. Кроме того, даже высокий уровень цифровой грамотности педагогов сам по себе не решает проблему

цифровой трансформации образования, поскольку в период пандемии трансляция образовательного процесса в дистантных формах осуществлялась, преимущественно, в наиболее примитивном из возможных формате, и необоснованный технологический оптимизм в данном случае принципиально не позволяет принимать сколько-нибудь адекватные управленческие решения, а значит, только усиливает позиции технопессимистов [14] .

Основная часть

Рассматривая аспекты адаптации личности педагога к изменяющимся условиям деятельности, можно отметить, что для обозначения личности как адаптированной необходимо наличие удовлетворения выполняемой деятельностью, статусом, социальной ролью в той сфере, где реализуется собственная активность, воспроизведение социально одобряемых способов достижения желаемых позиций [15]. Таким образом, актуализируются вопросы готовности российских педагогов к изменениям в системе образования, социально-профессиональной и социально-психологической адаптации учителя как профессионального участника образовательных отношений в условиях цифровых трансформации общества и системы образования [16].

Рассмотрение готовности педагогов к цифровой трансформации общества и системы образования может быть описано через совокупность трех основных проявлений:

– теоретическая готовность – через понимание ключевых трендов и особенностей современного этапа развития образования, обладание достаточными знаниями в части цифровых ресурсов, безопасности, авторских прав, здоровьесбережения участников образовательного процесса;

– практическая готовность – через понимание опыта собственного включения в цифровую среду, владения навыками использования различных цифровых возможностей, в том числе навыками обеспечения безопасности;

– личностная готовность – через понимание позитивного отношения к трансформационным процессам и готовности включиться в них [17].

С целью уточнения содержательного аспекта готовности российских педагогов к использованию цифровых технологий в образовательном процессе, сопровождающем формирование личности "сложного человека" нового времени, нами было проведено комплексное исследование ее различных аспектов. В частности, с учетом полученного респондентами опыта ведения образовательной деятельности в условиях вынужденного перехода на дистанционное обучение в период пандемии Covid19, рассматривались оценки мотивации поведения субъектов образовательного пространства, ожидания, установки и пр.

В данной статье нами представлены данные, полученные от 2241 педагога из 7 субъектов Российской Федерации (Белгородской, Волгоградской, Липецкой, Ростовской областей, Краснодарского, Ставропольского краев, Чеченской Республики). Выборка педагогов формировалась полностью на добровольных началах; анкета была размещена в сетевом хранилище в интернете, ссылка пересылалась через органы исполнительной власти субъектов РФ по электронной почте в школы.

Содержание вопросов анкет было обусловлено решением исследовательских задач и обеспечивало возможность получить целостное представление о содержательном аспекте ценностных ориентаций и готовности педагогов к цифровой трансформации образования.

Представляем выборочно результаты, полученные в ходе проведенного опроса.

Большая часть респондентов осуществляет свою профессиональную деятельность в образовательных учреждениях, расположенных в городах – 54,8%, а в сельской местности, от общего числа респондентов работает 45,2%.

При анализе предметной области наших респондентов и их педагогическом стаже, показывают, что в данном исследовании приняли участие учителя, осуществляющие преподавание в рамках той или иной предметной области – 88,5%, а также 11,5% – представители школьной администрации. Стаж педагогической деятельности различен: до 2-х лет – 5,8%, от 2-х до 8-ми лет – 16,4%, от 9 до 15 лет – 16,8%, от 16 до 30 лет – 33,4%, свыше 30 лет – 27,6%.

При анализе вопросов, связанных с выявлением содержательного наполнение понятия "Цифровая школа" и готовности педагогов работать в ней, можно отметить следующее (полученные данные отображены на рисунке 1). Учителя в подавляющем большинстве знакомы с этим понятием – 89,9% респондентов. 42,9% опрошенных рассматривают цифровую школу в основном как открытую информационно-образовательную среду, где развивают такие навыки, как умение самостоятельно добывать информацию и критически ее оценивать, искать способность к взаимодействию и коммуникации, творческий подход к делу. На

втором месте по популярности ответ, в котором цифровая школа определяется как "образовательная организация (школа), где образовательный процесс построен на основе ориентированной на результат (компетентностно-ориентированной) персонализированной организации образовательного процесса (ПООП) в образовательной среде, насыщенной цифровыми технологиями" – 29,4% респондентов. 21,5% от опрошенных учителей определяют цифровую школу как современную и безопасную цифровую образовательную среду, обеспечивающую высокое качество и доступность образования всех видов и уровней.

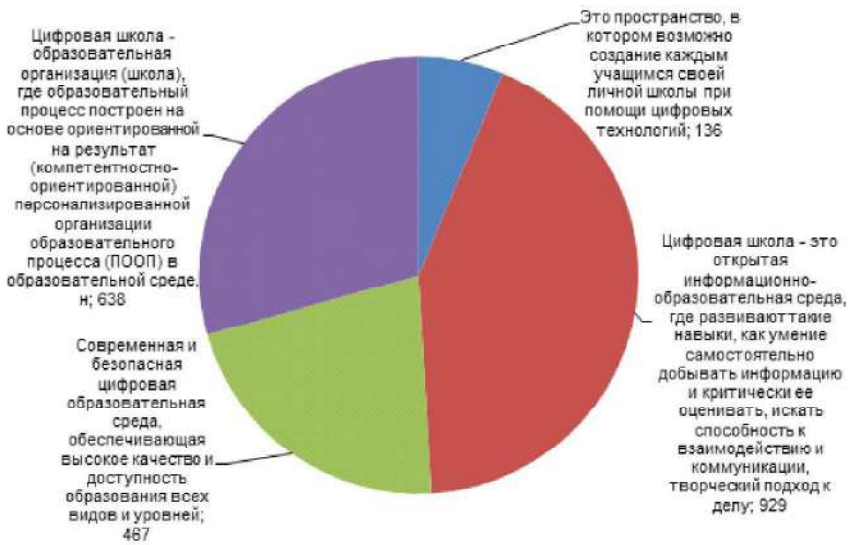

Рисунок 1 – **Ответы респондентов на вопрос "Какое из предложенных ниже определений соответствует Вашему понимаю цифровой школы?"**

Данное представление позволяет сделать вывод, что значительное число респондентов видит в цифровой школе неформальное, построенное на цифровых технологиях открытое пространство для развития ключевых навыков и компетенций XXI века, включая softskills – критическое мышление, самостоятельность, коммуникабельность, креативность.

Определение характера удовлетворенности использованием электронных образовательных ресурсов в школе показала в целом принятие данной ситуации педагогами (73,1% опрошенных педагогов не испытывают дискомфорта в условиях цифровизации). Однако 8,4% респондентов испытывают дискомфорт и вынуждены преодолевать психологический барьер. Большинство педагогов отмечает, что "вынужденный" переход к дистанту в ситуации Covid-19 повысил психологическую готовность педагогов к использованию электронных образовательных ресурсов.

Вместе с тем, отвечая на вопрос о готовности осуществлять профессиональную педагогическую деятельность в "Цифровой школе", всего 20,8% дали однозначно утвердительный ответ, 48,6% – согласились с тем, что придется повысить свой уровень владения новыми цифровыми технологиями, в то время как 30,6% – не видят для себя перспектив работы в ней.

Ряд вопросов был направлен на выявление отношения педагогов к современной системе образования и ожиданий педагогов в отношении использования цифровых технологий и соответствующих методик в школе.

Более 10% респондентов испытывают затруднения в освоении новых инновационных технологий, вследствие чего появилась необходимость определить, по каким причинам возникают эти трудности. Главной причиной является то, что необходимо прикладывать много усилий и тратить много времени, это вариант ответа выбрали 40,3% респондентов. На втором месте стоит то, что 30,6% респондентов устраивает тот уровень владения технологиями, который у них есть сейчас. Также можно выделить и то, что 18,3% респондентов не любят цифровую среду, в целом.

Отвечая на вопрос "Как вы относитесь к модели персонализированного образования, которая с помощью цифровых решений позволит выстраивать обучающемуся индивидуальную траекторию образования в пространстве возможностей, которую предоставит школа?" 55,8%. опрошенных согласились с тем, что возможность выстраивать обучающемуся индивидуальную траекторию образования в пространстве возможностей, которую предоставит школа – это положительная тенденция и они готовы к ее реализации. 11,2% респондентов уже реализуют такой подход в своей работе. Примерно одинаковое количество негативно относятся или не слышали о данном подходе 16,2% и 16,8%.

На вопрос, чего не хватает системе образования для реализации идей персонализированного обучения, 67,9% респондентов ответили, что школе не хватает финансов, инструментов и технологий. В то же время, также является

популярным ответ "у учителей нет ресурсов, времени и мотивации" – 55,9%.

Отвечая на вопрос "Как вы оцениваете успехи в реализации проектной деятельности школьников в своей практике?", учителя-респонденты отметили, что технология проектной работы в школе пока не слишком популярна. В частности, успешно реализуют эту деятельность только 22,2% опрошенных. 60,8% – отметили, что хорошими проектные работы получаются лишь иногда. 6,8% – ответили, что формально занимаются проектной деятельностью, а 10,2% – подчеркнули, что вовсе не занимаются ею.

Отвечая на вопрос "Готовы ли вы к реализации технологии смешанного обучения, при которой обучающиеся учатся, по крайней мере частично, через онлайн-обучение, с возможностью личного контроля времени, места, пути и темпа", всего 10,8% респондентов заявили не просто о готовности, но и о том, что они уже реализуют такое обучение. 13,6% респондентов отметили, что готовы к реализации, но подобное обучение еще не применяли. 53,7% респондентов готовы частично, а 21,9% – не готовы вовсе.

Отвечая на вопросы по конкретизации образа "школы будущего" большинство педагогов в качестве обязательных выделяют в школе будущего черты цифровизации (полученные данные отображены на рисунке 2).

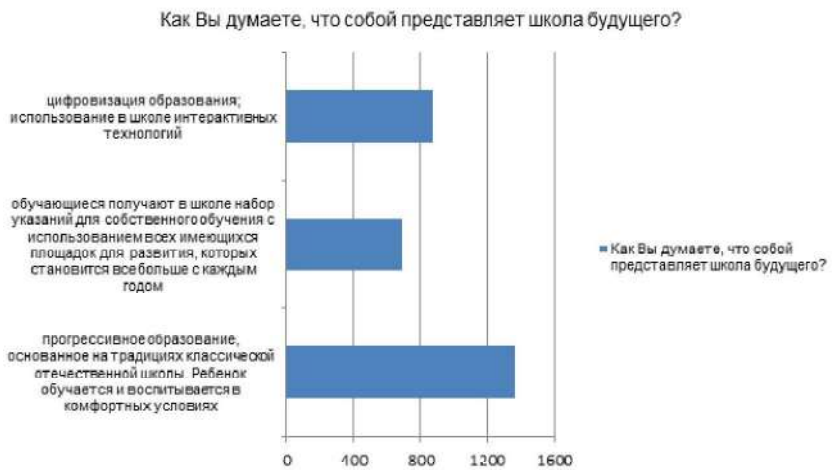

Рисунок 2 – **Ответы респондентов на вопрос "Как Вы думаете, что собой представляет школа будущего?"**

В частности, при ответе на вопрос "Как Вы думаете, что собой представляет школа будущего?" 62,8% опрошенных педагогов отмечают вариант "прогрессивное образование, основанное на традициях классической отечественной школы. Ребенок обучается и воспитывается в комфортных условиях", 40,4% респондентов принимают факт цифровизации образования, использования в школе интерактивных технологий, 31,7% учителей считают, что в "школе будущего" "обучающиеся получают набор указаний для собственного обучения с использованием всех имеющихся площадок для развития, которых становится все больше с каждым годом".

Более подробная картина складывается из ответов на вопрос о составляющих характеристиках школы будущего. В приоритете учителей – классы малой наполненности, (не более 10 человек – по мнению 31,2% педагогов), техническая оснащенность (компьютеры на столах у каждого учащегося компьютеры на столах у каждого учащегося обозначили 31% учителей), а также возможность учащегося выбирать, какие предметы посещать (отметили 14,3% педагогов), наличие учителя и тьютора в классе (обозначили 9,1% респондентов).

Заключение

Анализ проведенного исследования позволяет увидеть следующие моменты. По мнению педагогов, существующий уровень цифровой трансформации системы образования можно определить как переходный, от "Бумажной стадии" к "Цифровой" (или "Ранняя цифровая" стадия). При довольно уверенном пользовании цифровыми технологиями, чему способствовал опыт дистанционного обучения в период пандемии, треть учителей не видят для себя перспектив работы в цифровой школе и больше половины хотели бы опираться в своей деятельности в условиях "цифровой школы" на традиции классической отечественной школы.

Фактически примерно для трети педагогов цифровизация не слишком вписывается в профессиональное мировоззрение, создает для них трудности материального, психологического, коммуникационного и иных видов.

Большая часть учителей пока использует классические методы преподавания, имеет недостаточно высокую мотивацию для реализации проектного обучения, смешанного обучения, индивидуализированного подхода в обучении. Построение "цифровой школы будущего" не просто актуализирует вопрос о цифровой компетентности учителей, но фоку-

сирует внимание на изменении педагогических технологий, в центре которых должна быть личность самого ребенка. Но говоря о необходимости изменений в системе школьного образования, об этом не упомянул ни один опрошенный учитель. Судя по ответам, тема сотрудничества, коллективного творчества в достижении образовательных результатов не является актуальной для российских учителей, Вместе с тем, в учительском сообществе есть четкое понимание необходимости индивидуализации образовательных траекторий. Эта и другие темы уже достаточно активно прорабатывались педагогическим сообществом.

Итак, развитие информационного общества оказывает влияние на все аспекты жизни современного человека. Проникновение информационных технологий в образовательную среду стремительно меняет характер педагогической деятельности и влияет на личностные характеристики всех субъектов образовательного пространства. Система образования, с одной стороны, очень быстро и чутко реагирует на социальные и научно-технические изменения, с другой – призвана обеспечивать преемственность в передаче знаний, а также стабильность и непрерывность образовательного процесса. Учитывая то, что педагог имеет функцию "проводника" в цифровую среду, необходимо определить пути и средства изменения отношения к цифровизации у учителей уже сейчас.

Примечания:

1. Уваров А. Ю. Цифровая трансформация и сценарии развития общего образования / Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – С.4-5
2. Островский А.В., Кудина М.В. Новая парадигма образования в эпоху цифровой трансформации государства // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – Вып. № 78 (февраль). – С. 233.
3. Указ "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Президент России. URL: https://http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 26.07.2022).
4. Образование для сложного общества. "Образовательные экосистемы для общественной трансформации": доклад Global Education Futures. "Образование для сложного мира: зачем, чему и как": доклад о форуме Global Education Leaders' Partnership. – М., 2018. URL: https://futuref.org/educationfutures_ru (дата обращения: 27.07.2022).
5. Reimagining our futures together: a new social contract for education. Report from the international commission on the futures of education. 2021. (In English). 188 p. // UNESCO Digital Library. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379707 (дата обращения: 27.07.2022).
6. Шляйхер А. Образование мирового уровня. Как выстроить школьную систему XXI века? / пер. с англ. И.С. Денисенко, И.Ю. Облачко. – М.: Национальное образование, 2019. – С. 114.
7. Гэйбл Э. Цифровая трансформация школьного образования. Международный опыт, тренды, глобальные рекомендации / пер. с англ.; под науч. ред. П. А. Сергоманова; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Институт образования // Современная аналитика образования. – 2019. – № 2 (23). – С.85-86.
8. Мухаметзянов И. Ш. Цифровое пространство в образовании: ожидания, возможности, риски, угрозы // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2020. – № 25-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-prostranstvo-v-obrazovaniiozhidaniya-vozmozhnosti-riski-ugrozy (дата обращения: 25.08.2022).
9. Колыхматова В.И. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования // Ученые записки университета имени П.Ф, Лесгафта. – 2019. – №8(174). – С.91-95.
10. Муртазина А. В., Резер Т. М. Цифровизация образования: готовность преподавателей к работе в новых условиях // Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования: материалы Международной конференции. – Екатеринбург: ?stav personalistiky, 2020. – Том 2. – С. 114-119.
11. Гребенюк Т. Б. Подготовка будущего педагога к цифровизации образования как педагогическая проблема // Калининградский вестник образования. – 2020. – № 2 (6). – С. 20-27.
12. Ветров Ю. П., Белоус О. В., Шкуропий К. В. Проблемы содержания ценностных ориентаций, ожиданий, трудностей субъектов образовательных отношений в условиях цифровизации // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). – 2022. – Вып. 3 (43). – С. 113-122; Крамчанинова Н.В., Шкуропий К.В., Белоус О.В. Цифровизация общего образования в восприятии обучающихся: проблемы и поиски их решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 11-1. – С. 51-54.; Belous, O. V.; Kramchaninova, N. V.; Shkuropy, K. V.; Khludova, L. N.; Loba, V. E.; Vetrov, Y. P. Russian teachers in the digital transformation of general education: challenges, expectations, and prospects. Nuances Est. Sobre Educ., Presidente Prudente, v. 32, e021016, jan./dez. 2021.
13. Галустов Р.А., Герлах И.В., Копченко И.Е. и др. Цифровая трансформация образования и анализ возможных рисков: результаты опроса педагогов общеобразовательных организаций // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 5 (53). – С. 446-462.
14. Назаров В. Л., Жердев Д. В., Авербух Н. В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса // Образование и наука. – 2021. – Том 23. – № 1. – С.156-201.
15.Паршина Т. О. Структурная модель социально-психологической адаптации человека // Социологические исследования. – 2008. – № 8 (292). – С. 100-106.
16. Пинчук А.Н. Социально-профессиональная адаптация: от концептуализации к измерению //

Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – № 2. – Т. 9. – С. 96-114.
17. Аналитическая справка по результатам исследования готовности педагогов к цифровой трансформации образования. – СПб.: ГБУ ДПО СПАППО., 2021. – URL: https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03 (дата обращения: 28.07.2022).

INFLUENCE OF MOTIVATION TO ACHIEVE SUCCESS AND AVOID FAILURES ON THE SHOOTING RESULTS OF ATHLETES-STUDENTS IN SHOOTING SPORT

Vorobyova Svetlana Mikhailovna, *Senior Lecturer*
Donskikh Victor Vladimirovich, *Senior Lecturer*
Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow

The purpose of the study *is to confirm or refute the influence of the type of motivation (motivation to achieve success or motivation to avoid fail) on the results of athletes-students who train in shooting sport in the sports section of the university. The study involves 59 athletes. Athletes are divided into three groups: beginners, training and university team. In each group, the authors examine the motivation to achieve success and motivation to avoid fail of athletes using the A. Mekhrabian test and the indicator of motivation to achieve success using the T. Ehlers test. Also, athletes of each group perform a control shooting exercise. In each group, the authors examine the average scores of the two questionnaire tests and examine the correlation between the results of the questionnaire tests and the results of control shooting. Also, the authors explore the motivation through the tests of A. Mekhrabian and T. Ehlers in the group of beginner athletes separately among men and women and with a gradation of the shooting result.* ***The scientific novelty*** *lies in a detailed study of the possible influence of the type of motivation on the results in the field of student shooting sports.* ***As a result,*** *the authors do not find a correlation that would indicate the influence of the direction of motivation and the level of motivation to achieve success on shooting results.*

Keywords: *motivation; motives; shooting sport; athletes; shooters; sports results; motivation to achieve success; motivation to avoid fail; sports at the university.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.36

УДК 799.3+159.947.5
ВАК РФ 5.8.7

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА И ИЗБЕГАНИЯ НЕУДАЧ НА СТРЕЛКОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРТСМЕНОВ-СТУДЕНТОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПУЛЕВОЙ СТРЕЛЬБОЙ

© Воробьева С.М., 2022
© Донских В.В., 2022

ВОРОБЬЕВА Светлана Михайловна, *старший преподаватель*

ДОНСКИХ Виктор Владимирович, *старший преподаватель*

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва

Цель исследования *– подтвердить или опровергнуть влияние типа мотивации (достижения успеха или избегания неудач) на результаты спортсменов-студентов, занимающихся пулевой стрельбой в секции вуза. В исследовании принимают участие 59 спортсменов. Спортсмены делятся на три группы: начальной подготовки, учебно-тренировочную и сборную команду. В каждой группе у спортсменов изучается мотивация достижения успеха или избегания неудачи посредством теста А. Мехрабиана и сила мотивации к достижению успеха посредством теста Т. Элерса. Дополнительно спортсмены каждой группы выполняют контрольное стрелковое упражнение. В каждой группе изучаются средние показатели результатов обоих тестов-опросников, а также проводится корреляция между результатами тестов-опросников и результатами контрольной стрельбы. Отдельно изучается мотивация по тестам А. Мехрабиана и Т. Элерса в группе начальной подготовки раздельно среди мужчин и женщин и с учетом градации стрелкового результата.* ***Научная новизна*** *заключается в детальном исследовании возможного влияния направленности мотивации на результаты в сфере студенческого стрелкового спорта.* ***В результате*** *исследования авторы не находят корреляционных связей, которые указывали бы на однозначное влияние направленности мотивации и силы мотивации к достижению успеха на результаты стрельбы.*

Ключевые слова: *мотивация; мотивы; пулевая стрельба; спортсмены; стрелки; спортивные результаты; мотивация достижения успеха; мотивация избегания неудач; спорт в вузе.*

Введение

Актуальность изучения мотивации обусловлена ее влиянием на поведение спортсменов-студентов в процессе их тренировок и вы-

ступлений на соревнованиях. Значимое количество научных публикаций посвящено вопросу мотивации достижения успеха или избегания неудач – это отдельная разработанная теория, согласно которой имеются две тенденции: человек в процессе деятельности направлен либо на стремление к успеху, либо предполагает неудачи и старается их избегать [6].

Актуальность данного исследования заключается в расширении знаний о мотивации спортсменов-студентов в избранном виде спорта. Цель настоящего исследования – провести анализ группы спортсменов-студентов, занимающихся пулевой стрельбой, в части типа их мотивации (достижение успеха, избегание неудач, неопределенный тип) и выяснить, оказывает ли влияние тип этой мотивации на результат их спортивной деятельности.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) провести тестирование изучаемой группы студентов-стрелков на выявление направленности их мотивации и отдельно силы мотивации к достижению успеха, 2) установить корреляционные связи между результатами тестов на тип и силу мотивации и стрелковыми результатами студентов-спортсменов, 3) дать обоснование выявленным корреляциям или отсутствию таковых.

Применяемые *методы* исследования: теоретический анализ литературы, педагогический эксперимент, методы математической статистики.

Теоретической базой исследования послужили научные труды Г.Д. Бабушкина и Е.Г. Бабушкина, раскрывающие вопросы спортивной мотивации, а также исследования различных авторов, посвященные тематике мотивации достижения успеха и избегания неудач в различных видах спорта. Практическая значимость статьи заключается в возможности применения полученных результатов для дальнейшего выстраивания тренировочного процесса спортсменов-стрелков в условиях вуза.

Основная часть

Некоторые исследования указывают на то, что спортсмены с направленностью мотивации на достижение успеха показывают более высокие результаты при выступлении на соревнованиях, достигают больших спортивных успехов [2]. Например, такое встречается у единоборцев, направленных на достижение успеха, за счет меньшей тревожности, большей уверенности и активности [10], а у боксеров с таким же типом мотивации – за счет высокой самооценки и стремления к высоким результатам [4]. Исследование А.С. Грачева, Е.В. Гавришовой, А.А. Третьякова, посвященное изучению преобладания того или иного типа мотивации в зависимости от вида спорта, указывает на следующее: игровые виды спорта и единоборства чаще выбирают люди с мотивацией достижения успеха, а неигровые – те, у кого отсутствует выраженная мотивация того или иного типа [7]. При этом исследование В.Г. Бичева и Д.В. Бесова, изучающее мотивацию юных хоккеистов, указывает на наличие 100% спортсменов с мотивацией избегания неудач, однако не указываются их спортивные достижения [3]. Изучаемые О.Е. Габелковой спортсмены-разрядники в боксе и стрельбе из лука, в свою очередь, "в большей или меньшей степени имеют доминирующий мотив достижения успеха" [5]. У большей части спортсменов высокого уровня в зимних видах спорта в исследовании А.А. Чехуновой не выражен тип мотивации на достижение успеха или избегание неудач (неопределенный тип) [12], а в разных исследованиях футболистов выявляется то присутствие высокой мотивации к успеху среди спортсменов [11], то, наоборот, преобладание мотивации избегания неудач [13].

Таким образом, имеется некоторое противоречие, и появляются сомнения в изначальном утверждении о том, что более высоких результатов однозначно достигают спортсмены с мотивацией стремления к успеху. По всей видимости, это сильно зависит от вида спорта, его особенностей, требуемого уровня результатов, других особенностей той или иной изучаемой группы.

В случае пулевой стрельбы к этому примешиваются другие психологические нюансы. Это вид спорта, в котором на результат очень сильное влияние оказывает психология, и, в частности, встречается обратный эффект нацеленности на определенный результат [8], что может приводить, наоборот, к снижению результативности выступления.

Организация исследования

В исследовании приняли участие 59 спортсменов-стрелков, занимающихся в секции пулевой стрельбы Московского авиационного института (национального исследовательского университета) МАИ. Стрелки были разделены на 3 группы:

– группа начальной подготовки: 44 спортсмена (20 мужчин, 24 женщины) возрастом от 17 до 21 года, не имеющие спортивных разрядов и занимающиеся данным видом спорта не более шести месяцев;

– учебно-тренировочная группа: 7 спортсменов (6 мужчин, 1 женщина) возрастом от 18 до 22 лет, имеющие 2 спортивный разряд и опыт занятий 1-2 года;

– сборная команда: 8 спортсменов (3 мужчин, 5 женщин) возрастом от 19 до 22 лет, имеющие опыт занятий не менее двух лет, входящие в состав сборной команды университета, выступающие на соревнованиях и имеющие спортивные разряды (КМС – 2 человека, 1 разряд – 3 человека, 2 разряд – 3 человека).

Спортсмены выполняли контрольную стрельбу – итоговый зачет в конце полугодового тренировочного цикла (стрельба из малокалиберной винтовки лежа, дистанция 50 метров): группа начальной подготовки – 10 зачетных выстрелов, учебно-тренировочная группа – 20 зачетных выстрелов, сборная команда – 30 выстрелов. В день проведения контрольной стрельбы спортсмены так же заполняли два опросника:

– тест-опросник измерения мотивации достижения А. Мехрабиана (адаптация М.Ш. Магомед-Эминова) [9];

– тест-опросник "Диагностика силы мотивационной установки к достижению успеха" Т.Элерса (в адаптации Г.Д. Бабушкина и Е.Г. Бабушкина в применении к спорту) [1].

Тест А. Мехрабиана имеет две формы опросника (женский и мужской варианты), 30 утверждений в одном, 32 – во втором. Каждое утверждение имеет градацию от "полностью согласен" до "полностью не согласен". Испытуемому необходимо напротив каждого утверждения отметить, насколько он с ним согласен или нет. Интерпретация результатов основана на подсчете суммарного балла согласно ключу к формам опросника. Каждый испытуемый набирает определенное количество баллов: 30-75 баллов означают отсутствие определенного типа мотивации, 76-164 баллов – доминирование мотивации на избегание неудач, 165-210 баллов – доминирование мотивации на стремление к успеху.

Тест Т. Элерса в адаптации Г.Д. Бабушкина и Е.Г. Бабушкина имеет 41 утверждение, напротив каждого из которых испытуемый пишет "да" или "нет". За ответы "да" и "нет" строго на определенные вопросы испытуемому начисляется по одному баллу, часть суждений не оценивается. Интерпретация результатов происходит согласно шкале уровня мотивации, направленной на успех: 1-10 баллов – малый уровень, 11-16 баллов – средний уровень, 17-20 – высокий уровень, 21 балл и выше – очень высокий уровень.

В исследовании использовались методы математической статистики: t-критерий Стьюдента и коэффициент корреляции Пирсона. Коэффициент корреляции Пирсона использовался для определения силы корреляционной связи между результатами теста А. Мехрабиана (в баллах) и результатами стрельбы (в очках) и между результатами теста Т. Элерса (в баллах) и результатами стрельбы (в очках) в каждой группе стрелков.

Результаты исследования и их обсуждение

Средние результаты обоих тестов-опросников по трем группам, а также средние результаты контрольной стрельбы представлены в таблице 1.

Таблица 1 – **Средние результаты тестов-опросников А. Мехрабиана и Т. Элерса и средние результаты контрольной стрельбы в исследуемых группах спортсменов-стрелков**

	Тест Т.Элерса, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, баллы	Тест А.Мехрабиана, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, баллы	Результат стрельбы, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, очки
Группа начальной подготовки (44 чел.)	17,45 (±3,63)	135,52 (±24,55)	80,81 (±9,45) (10 зачетных выстрелов)
Учебно-тренировочная группа (7 чел.)	17,28 (±2,05)	153,28 (±17,8)	172,85 (±6,86) (20 зачетных выстрелов)
Сборная команда (8 чел.)	18,75 (±3,45)	131,87 (±30,41)	275,87 (±8,9) (30 зачетных выстрелов)

Согласно результатам теста Т. Элерса, во всех трех исследуемых группах, в среднем, присутствует высокий уровень мотивации к успеху. Однако согласно результатам теста А. Мехрабиана, в среднем, во всех трех группах превалируют спортсмены с мотивацией избегания неудач. Достоверных различий между результатами обоих тестов в разных группах согласно t-критерию Стьюдента обнаружено не было. Получается, что по уровню мотивации к успеху спортсмены начального уровня и более опытные спортсмены не отличаются, так же, как они не имеют отличий в части направленности мотивации на достижение успеха или избегания неудач.

Корреляционные связи между результатами тестирования и результатами контрольных стрелковых упражнений представлены в таблице 2.

Таблица 2 – **Коэффициенты корреляции между результатами тестов-опросников А. Мехрабиана и Т. Элерса и результатами контрольной стрельбы в исследуемых группах спортсменов-стрелков**

	Результаты теста Т. Элерса, баллы	Результаты теста А. Мехрабиана, баллы	p≤0,05	p≤0,01
Результаты стрельбы в группе начальной подготовки (44 чел., 10 выстрелов)	0,173	0,263	r = 0,3	r = 0,38
Результаты стрельбы в учебно-тренировочной группе (7 чел., 20 выстрелов)	0,604	0,071	r = 0,75	r = 0,87
Результаты стрельбы в сборной команде (8 чел., 30 выстрелов)	-0,721	0,04	r = 0,71	r = 0,83

Из таблицы 2 следует, что между результатами тестов Т. Элерса и А. Мехрабиана и результатами контрольной стрельбы нет достоверных корреляций в группе начальной подготовки и учебно-тренировочной группе. В сборной команде отсутствует достоверная корреляционная связь между результатами теста А. Мехрабиана и результатами стрельбы, однако присутствует достоверная отрицательная корреляционная связь (r=-0,721) между результатами теста Т. Элерса и результатами стрельбы, то есть чем ниже у спортсменов сборной команды сила мотивационной установки на успех, тем выше их стрелковый результат. Это представляется не слишком логичным выводом – в сборной команде высокие результаты попадают спортсмены, имеющие более низкую силу мотивации на успех, по сравнению со спортсменами, имеющими более высокую силу мотивации на успех (например, один из спортсменов имеет 13 баллов согласно результатам теста Т. Элерса и стрелковый результат 282 очка, а другой спортсмен – 23 балла и 268 очков). Предположительно, это связано с небольшим объемом выборки (8 человек) и особенностями конкретной сборной команды. Либо же в данном случае играет роль тот самый обратный эффект нацеленности на высокий результат, о котором говорилось в начале статьи.

Отдельные результаты тестов-опросников и контрольной стрельбы по группе начальной подготовки с учетом гендерного разделения испытуемых представлены в таблице 3.

В группе начальной подготовки среди женщин согласно результатам теста Т. Элерса, в среднем, преобладает средний уровень мотивации к успеху, среди мужчин – высокий уровень мотивации к успеху. Согласно результатам теста А. Мехрабиана, в среднем, и мужчины, и женщины группы начальной подготовки имеют по большей части направленность мотивации на избегание неудач. Результаты контрольной стрельбы у мужчин и женщин при этом не отличаются.

Таблица 3 – **Средние результаты тестов-опросников А. Мехрабиана и Т. Элерса и средние результаты контрольной стрельбы в группе начальной подготовки раздельно среди женщин и мужчин**

	Тест Т.Элерса, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, баллы	Тест А.Мехрабиана, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, баллы	Результат стрельбы, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, 10 выстрелов, очки
Группа начальной подготовки, женщины (24 чел.)	16,91 (±2,9)	129,7 (±23,31)	81,12 (±8,13)
Группа начальной подготовки, мужчины (20 чел.)	18,1 (±4,33)	142,5 (±24,75)	80,45 (±11,05)

Таблица 4 – **Коэффициенты корреляции между результатами тестов-опросников А. Мехрабиана и Т. Элерса и результатами контрольной стрельбы в группе начальной подготовки раздельно среди женщин и мужчин**

	Результаты теста Т.Элерса, баллы	Результаты теста А.Мехрабиана, баллы	p≤0,05	p≤0,01
Результаты стрельбы в группе начальной подготовки среди женщин (24 чел.)	0,214	0,14	r = 0,4	r = 0,52
Результаты стрельбы в группе начальной подготовки среди мужчин (20 чел.)	0,163	0,406	r = 0,44	r = 0,56

Корреляционные связи между результатами тестов и стрелковыми результатами в группе начальной подготовки с учетом гендерного разделения представлены в таблице 4.

Из таблицы 4 следует, что достоверные корреляционные связи между результатами тестов на силу мотивации к успеху и направленность мотивации и результатами контрольной стрельбы в группе начальной подготовки при гендерном разделении отсутствуют.

В процессе исследования группа начальной подготовки с гендерным разделением была разбита на подгруппы: женщины и мужчины, попавшие 84 очка и выше; женщины и мужчины, попавшие 83 очка и ниже. Указанный результат установлен внутренним тренировочным планом спортивной секции в качестве критерия успешной сдачи. Средние результаты по двум тестам на мотивацию и средние стрелковые результаты в данных подгруппах представлены в таблице 5.

Таблица 5 – **Средние результаты тестов-опросников А. Мехрабиана и Т. Элерса и средние результаты контрольной стрельбы в группе начальной подготовки раздельно среди женщин и мужчин с учетом градации стрелкового результата свыше 84 очков и ниже 84 очков.**

	Тест Т.Элерса, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, баллы	Тест А.Мехрабиана, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, баллы	Результат стрельбы, среднее значение $\bar{x}$ и стандартное отклонение ±σ, 10 выстрелов, очки
Подгруппа начальной подготовки, женщины, результат ≥84 очка (12 чел.)	16,83 (±1,89)	126,5 (±20,93)*	87,08 (±2,5)
Подгруппа начальной подготовки, женщины, результат ≥84 очка (12 чел.)	17 (±3,74)	132,91 (±25,99)	75,16 (±7,38)
Подгруппа начальной подготовки, мужчины, результат ≥84 очка (9 чел.)	18,33 (±5,04)	149,44 (±25,15)*	88 (±4,82)
Подгруппа начальной подготовки, мужчины, результат ≥84 очка (11 чел.)	17,9 (±3,91)	136,81 (±24,06)	74,27 (±10,96)

* Имеются достоверные отличия согласно t-критерию Стьюдента.

При подсчете t-критерия Стьюдента не было обнаружено достоверных различий между результатами теста Т. Элерса во всех подгруппах. В результатах теста А. Мехрабиана были обнаружены достоверные отличия между результатами данного теста у подгруппы женщин, попавших результат 84 очка и выше (126,5 ± 20,93), и подгруппой мужчин, попавших результат 84 очка и выше (149,44 ±25,15). То есть обе эти подгруппы имеют, в среднем, одинаковые результаты стрельбы (87,08 ± 2,5 очков у женщин и 88 ± 4,82 очков у мужчин), однако при этом мотивационная тенденция к достижению успеха у женщин подгруппы начальной подготовки достоверно ниже, чем у мужчин. Это может указывать на то, что для стрелкового результата такая мотивационная тенденция не важна: стрелок с любым уровнем мотивации способен показывать высокие результаты стрельбы. То, что при этом мотивационная тенденция ниже у женщин по сравнению с мужчинами, хотя обе подгруппы показывают одинаковые результаты, может быть связана с меньшими спортивными амбициями у исследуемых женщин или с большей честностью исследуемых женщин при ответах на опросник.

Из всех представленных таблиц видно, что нет никакой достоверной связи между уровнем мотивации к успеху, направленностью мотивации на достижение успеха или избегание неудач и стрелковыми результатами в представленных группах спортсменов, занимающихся пулевой стрельбой в спортивной секции вуза. То есть мотивация стремления к успеху не оказывает прямого влияния на результат стрелковой деятельности. В сборной команде присутствует даже обратная ситуация: лучшие результаты попадают спортсмены, имеющие более низкую силу мотивации к успеху. Вероятно, сила мотивации к успеху, ориентированность мотивации на достижения или на избегание неудач может оказывать в пулевой стрельбе влияние на другие составляющие тренировочного и соревновательного процесса: желание посещать тренировки после различных результатов на соревнованиях, как низких, так и высоких; самооценку и т.д. Кроме того, такая мотивация зависит и от целей спортсменов, занимающихся в спортивной секции вуза: не все спортсмены нацелены на достижение спортивных успехов, некоторым стрелкам секции не нужны высокие результаты и победы на соревнованиях, однако по своим психическим и физи-

ческим качествам они способны попадать высокие результаты при выполнении стрелковых упражнений.

Кроме того, здесь возникает вопрос, действительно ли для спортсмена, занимающегося пулевой стрельбой, будет полезен высокий или очень высокий уровень силы мотивации, направленной на достижение успеха? Это даст ему мотивацию на усиленные тренировки, посещение соревнований, постановку смелых целей, однако может случиться обратный эффект: спортсмен настолько сильно желает побед и высоких спортивных результатов, что это желание начинает ему мешать, и на соревнованиях из-за своих высоких ожиданий и стремлений спортсмен допускает ошибки в технике выполнения выстрелов. Конечно, это лишь теоретическое измышление, и для его подтверждения или опровержения необходимо исследование спортсменов различных групп и различного уровня.

Так же результаты данного исследования указывают на то, что в исследуемых группах большая часть стрелков имеет мотивацию избегания неудач (как в группе начальной подготовки, так и в более опытных группах), и это не оказывает влияния на их результаты: стрелки с направленностью мотивации на избегание неудач так же показывают высокие результаты стрельбы, как и отдельные спортсмены с мотивацией стремления к успеху.

Что интересно, в результатах исследования присутствует некоторое противоречие: согласно результатам теста А.Мехрабиана большинство стрелков имеют мотивацию на избегание неудач. Отметку 165 баллов преодолели лишь 6 стрелков из всех трех групп. Однако при этом согласно тесту Т.Элерса, во всех исследуемых группах присутствует только один стрелок, имеющий малую силу мотивации к успеху (10 баллов и ниже). Остальные имеют средний, высокий или очень высокий уровень мотивации к успеху.

Можно предположить, что тесты Т. Элерса и А. Мехрабиана не могут быть использованы, например, при отборе кандидатов в секцию пулевой стрельбы, т.к. они не являются показательными в перспективе спортивных успехов отбираемых кандидатов.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие краткие *выводы*.

1. Не установлено достоверной связи между стрелковыми результатами и мотивацией достижения успеха, а также силой мотивации к успеху.

2. Необходима дальнейшая разработка данного вопроса в части влияния направленности мотивации у студентов-стрелков на технику выполнения двигательных действий, психологию восприятия результата и т.д.

3. Имеющаяся у студентов-спортсменов направленность мотивации на достижение успеха или избегание неудач и сила мотивации к успеху не может использоваться для прогноза стрелковых результатов.

Литература:

1. Бабушкин Г.Д., Бабушкин Е.Г. Формирование спортивной мотивации у занимающихся спортом: учебное пособие для вузов физической культуры. – Омск: СибГУФК, 2015. – 151 с.
2. Бабушкин Е.Г. Формирование мотивации к занятиям физической культурой и спортом: учебное пособие. – Омск: ФГБОУ ВПО Омский государственный институт сервиса, 2011. – 82 с.
3. Бичев В.Г., Бесов Д.В. Оценка мотивационных состояний юных хоккеистов // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 37. – С. 1406-1411.
4. Борисов Е.Ю., Мосалёва К.В. Психологические факторы достижения спортивных результатов подростков // Новая наука: проблемы и перспективы. – 2016. – № 4-2. – С. 46-49.
5. Габелкова О.Е. Проявление факторов стресса в разных видах спорта // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2009. – № 1. – С. 38-42.
6. Горелов А.А., Попова Е.В. К проблеме исследования мотивации достижения студенческой молодежи // Культура физическая и здоровье. – 2010. – № 4. – С. 29-32.
7. Грачев А.С., Гавришова Е.В., Третьяков А.А. Изучение взаимосвязи мотивации достижения и выбора вида спорта // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. – 2019. – № 1. – С. 94-96.
8. Кареева С.Ю., Демьянова Л.М. Обратный эффект стратегии на результат в пулевой стрельбе и других видах спорта // Наука без границ. – 2017. – № 10 (15). – С. 63-67.
9. Магомед-Эминов М.Ш. Трехфакторная модель когнитивной структуры мотивации достижения // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1984. – № 1. – С. 57-59.
10. Находкин В.В. Мотивация достижения успеха как основа отбора в соревновательной деятельности единоборцев // Вестник Якутского государственного университета. – 2009. – Том 6. – № 4. – С. 64-69.
11. Туровский В.Ф., Корягина Ю.В., Блинов В.А. Психофизиологические особенности футболистов различного игрового амплуа // Теория и практика физической культуры. – 2013. – № 7. – С. 68-72.
12. Чехунова А.А. Особенности самоэффективности спортсменов высшего мастерства // Молодой ученый. – 2018. – № 47 (233). – С. 326-330.
13. Шарагин В.И., Карпов В.Ю., Махов А.С., Пучкова Н.Г., Авдеева А.Н. Самооценка личности как фактор, определяющий мотивационную сферу спортсмена // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2018. – № 3 (157). – С. 389-393.

PROFESSIONAL DEFICITS OF TEACHERS IN THE FIELD OF COMMUNICATIVE COMPETENCIES, MANIFESTED IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION *

Gerlakh Irina Vitalievna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Tvelova Irina Aleksandrovna, *PhD of Psychology, Associate Professor*

Spirina Olga Nikolaevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Armavir State Pedagogical University, Armavir

The purpose of the study *is to identify the professional deficits of teachers in the field of communicative competencies, which are manifested in the conditions of the digital transformation of education.* ***The scientific novelty*** *of the study lies in the development of diagnostic materials to identify professional deficits of teachers in the context of the digital transformation of education and the formulation of recommendations for solving this problem.* ***As a result,*** *conclusions were drawn about the existing professional deficits of teachers in the field of communicative competencies, which manifest themselves in the conditions of digital transformation of education, such as insufficient development of special communication skills among teachers for conducting online lessons; the lack of special training of teachers for effective interaction and constructive resolution of conflicts between the subjects of the educational process in the Internet space.*

Keywords: *professional deficits of teachers; competence; communicative competencies; digital transformation of education; electronic educational resources; professional communities of teachers; pedagogical communication; conflict.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.37

УДК 378.6
ВАК РФ 5.8.7

*ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕФИЦИТЫ УЧИТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ, ПРОЯВЛЯЮЩИЕСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ ***

© Герлах И.В., 2022
© Твелова И.А., 2022
© Спирина О.Н., 2022

Цель исследования *– выявить профессиональные дефициты учителей в области коммуникативных компетенций, проявляющиеся в условиях цифровой трансформации образования.* ***Научная новизна*** *заключается в разработке диагностических материалов по выявлению профессиональных дефицитов педагогов в условиях цифровой трансформации образования и формулировке рекомендаций по решению данной проблемы.* ***В результате*** *сделаны выводы об имеющихся профессиональных дефицитах учителей в области коммуникативных компетенций, проявляющихся в условиях цифровой трансформации образования, таких как недостаточная развитость у педагогов специальных коммуникативных навыков для проведения онлайн-уроков; отсутствие специальной подготовки педагогов к эффективному взаимодействию и конструктивному разрешению конфликтов между субъектами образовательного процесса в интернет-пространстве.*

Ключевые слова: *профессиональные дефициты учителей; компетентность; коммуникативные компетенции; цифровая трансформация образования; электронные образовательные ресурсы; профессиональные сообщества педагогов; педагогическое общение; конфликт.*

ГЕРЛАХ Ирина Витальевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

ТВЕЛОВА Ирина Александровна, *кандидат психологических наук, доцент*

СПИРИНА Ольга Николаевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

Введение

На современном этапе в обществе наблюдаются глобальные социокультурные и информационно-коммуникационные трансформации, которые затрагивают такие актуальные вопросы, как коммуникативное взаимодействие, сотрудничество, взаимопонимание.

В системе образования также происходят существенные изменения, связанные с гуманизацией, цифровой трансформацией, появлением новых требований к личности педагога и его профессио-

* The article was prepared as part of the state task "Research of the phenomenon of continuous teacher education in the context of its digital transformation: content, technology, quality management, risk monitoring" (agreement No. 073-03-2022-107), carried out at the expense of the federal budget within the framework of state task of the Ministry of Education of the Russian Federation.

** Статья подготовлена в рамках государственного задания "Исследование феномена непрерывного педагогического образования в условиях его цифровой трансформации: содержание, технологии, управление качеством, мониторинг рисков" (соглашение № 073-03-2022-107), осуществляемого за счет средств федерального бюджета в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации.

нальным компетенциям. Современный учитель должен быть готов работать в изменяющихся условиях, которые предполагают применение коммуникационных технологий и их реализацию в рамках цифровой образовательной среды.

Для реализации актуальных личностно-ориентированных образовательных технологий современный педагог должен: обладать достаточно высоким уровнем коммуникативной компетентности; уметь гибко управлять взаимодействием с обучающимися в процессе воспитания и обучения (ведь профессия педагога одновременно является, как преобразующей, так и управляющей); применять эффективные коммуникативные технологии; создавать благоприятный морально-психологический климат в классе; содействовать взаимопониманию между всеми субъектами образовательного пространства и т. д.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) установить готовность педагогов к включению в деятельность профессиональных педагогических сообществ в сети Интернет; 2) установить готовность педагогов к применению специальных коммуникативных навыков для проведения онлайн-уроков; 3) выявить способность педагогов к эффективному взаимодействию и конструктивному разрешению конфликтов между субъектами образовательного пространства; 4) установить готовность педагогов осуществлять с учащимися общение на внепредметные темы; 5) выявить способность педагогов применять Интернет-коммуникации для общения с учащимися.

Для осмысления полученных данных нами были применены следующие *методы исследования*: опрос с применением полузакрытых и закрытых вопросов, регистрация, обобщение данных, а также математические и статистические методы в форме ранжирования, рейтингового оценивания и расчета процентных соотношений.

Коммуникативная компетентность педагога оказывает существенное влияние на гуманизацию и демократизацию общения, эффективность взаимодействия между педагогом и обучающимися, и удовлетворенность им.

Содержание коммуникативной компетентности педагога может быть раскрыто через понимание того, как человек подходит к решению профессиональных задач, а также осознает, воспринимает и оценивает окружающий мир вне своей профессии. Существует прямая зависимость между личностью учителя, развитостью его "мягких навыков" и наличием в школе благоприятной психологической атмосферы, способствующей проявлению активной субъектной позиции учащихся [7].

Отечественные и зарубежные исследователи в ряде научно-теоретических и научно-методических работ анализируют понятия "компетентность", "компетенция", сущность компетентностного подхода. Вопросы коммуникативной компетентности педагогов рассматриваются в работах В.И. Байденко, Э.Ф. Зеера, И.А. Зимней, О.Е. Лебедева, Л.М. Митиной, Л.А. Петровской, Дж. Равена, Г.К. Селевко, Г. Е. Смирновой, А.В. Хуторского, В.Д. Ширшова и др. Различные аспекты формирования коммуникативной компетентности, речевой культуры, культуры общения представлены в трудах С.В. Беловой, Л.С. Зникиной, Л.Л. Лузяниной, В.В. Охотниковой, Л.А. Поварниципой, Л.М. Шаповаловой и др.

В концепции Н.В. Кузьминой компетентность трактуется как субъективный фактор продуктивной деятельности педагога, который определяет ее успешность вместе с другими факторами профессиональной деятельности [6].

К вопросам влияния электронных образовательных ресурсов на процесс формирования коммуникативных умений педагога обращаются А.Е. Войскуновский, В.Я. Ляудис, И.Н. Розина, S. Mosar, M. Warchauer и др. Е.С. Полат, И.В. Воронина, рассматривая данную проблему, отмечают, что в процессе подготовки и переподготовки педагогов по формированию коммуникативных умений электронные образовательные ресурсы не были массово востребованы.

И.В. Воронина указывает на существование потребности в учителях, "обладающих высоким уровнем сформированности коммуникативных умений и готовых к опосредованной компьютером коммуникации" [2].

Как отмечается в работах Т.Е. Алексеевой, Е.С. Полат, Р.К. Потаповой, Е.В, Сапоновой и др., на сегодняшний день электронные образовательные ресурсы наиболее активно используются для формирования коммуникативных умений педагогов лингвистических и информационных специальностей.

В то же время, следует отметить, что сформированность коммуникативных умений для работы в условиях цифровизации современного образования необходима всем педагогам, независимо от преподаваемого предмета. Это подтверждается социальным заказом инфор-

мационного общества на подготовку учителей с высоким уровнем коммуникативной культуры, способных обеспечить эффективное взаимодействие со всеми участниками образовательного пространства [5].

А.К. Болотова и Ю.М. Жуков рассматривают коммуникативную компетентность как "готовность и умение планировать и осуществлять эффективные коммуникативные действия с использованием внутренних и внешних ресурсов" [1].

И.М. Дзялошинский и М.А. Пильгун трактуют данное понятие как меру владения коммуникативной культурой и систему "внутренних ресурсов и регуляторов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определённом круге ситуаций взаимодействия" [4].

В докладе "Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае", подготовленном учеными НИУ Высшей школы экономики, обозначается особая роль педагога общеобразовательного учреждения, перед которым ставится актуальная задача по созданию "современной и безопасной цифровой образовательной среды", "внедрению на уровнях основного общего и среднего общего образования новых методов обучения и воспитания, образовательных технологий" [8, с. 12]. В контексте современной образовательной ситуации, вышесказанное обозначило необходимость переосмысления понятия "коммуникативная компетентность педагога общеобразовательной организации" и выработки новых методов и подходов её развития.

Е.Е. Горина отмечает, что коммуникативная компетентность педагога может быть определена как "интегральный ресурс", который включает в себя следующие структурные элементы: социальный интеллект, система межличностных отношений, специальные профессиональные знания, потенциал развития личности [3, с. 122].

С.В. Тращеев рассматривает коммуникативную компетентность педагога общеобразовательного учреждения как систему коммуникативных навыков и сформированных адекватных умений, знаний культурных норм и ограничений, используемых в процессе образовательной деятельности в режиме реального и виртуального взаимодействия [9].

Основная часть

Нами были исследованы следующие коммуникативные компетенции педагогов:

1. Готовность педагога к включению в деятельность профессиональных педагогических сообществ в сети Интернет.
2. Готовность педагога к применению специальных коммуникативных навыков для проведения онлайн-уроков.
3. Способность педагога к эффективному взаимодействию и конструктивному разрешению конфликтов между субъектами образовательного пространства.
4. Готовность педагога осуществлять с учащимися общение на внепредметные темы.
5. Способность педагога применять интернет-коммуникации для общения с учащимися.

В исследовании приняли участие 2451 человек из 7 регионов Российской Федерации: Белгородской области, Волгоградской области, Краснодарского края, Липецкой области, Ростовской области, Ставропольского края, Чеченской республики. Онлайн-опросы проводились анонимно в форме анкетирования с помощью Google Forms.

Рассмотрим результаты исследования. Нами была изучена включённость педагога в деятельности профессиональных сообществ педагогов в сети Интернет для обсуждения новых образовательных ресурсов, методов обучения и ознакомления со свежими идеями (полученные данные отображены на рисунке 1).

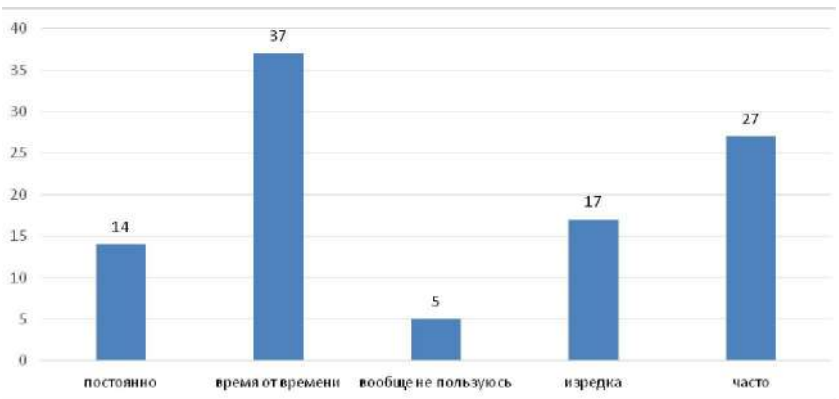

Рисунок 1 – **Ответы респондентов на вопрос "Участвуете ли Вы в деятельности профессиональных сообществ педагогов в сети Интернет для обсуждения новых образовательных ресурсов, методов обучения и ознакомления со свежими идеями?"**

Данный вид коммуникации позволяет педагогу оперативно обмениваться с коллегами актуальным профессиональным опытом, расширять географию своего профессионально-

го общения, активно участвовать в научно-методических мероприятиях различного уровня, что повышает его компетентность.

Как показали результаты опроса, представленные на рисунке 1, 14% респондентов постоянно участвуют в деятельности профессиональных сообществ педагогов в сети Интернет для обсуждения новых образовательных ресурсов, методов обучения и ознакомления со свежими идеями, 27% – делают это часто, 37% – время от времени, 17% – изредка, а 5% – вообще не пользуются ресурсами профессиональных сообществ педагогов в сети Интернет.

Активное введение смешанного обучения, применение в обучении школьников дистанционных образовательных технологий, предполагает наличие у педагога специальных коммуникативных навыков для проведения онлайн уроков. В связи с этим, в опросник был включён вопрос, предполагающий самооценку педагогов, "У Вас развиты специальные коммуникативные навыки для проведения онлайн уроков?". Анализ данных показывает: 12% респондентов считают, что у них развиты специальные коммуникативные навыки для проведения онлайн уроков, 43% – отмечают, что такие навыки у них развиты, но ещё есть, чему учиться, 21% – отмечают, что у них развиты только некоторые навыки, 17% – думают, что необходимые навыки у них отсутствуют, но они работают над их развитием, 7% – не считают нужным развивать такие навыки, т.к. выступают против онлайн-уроков.

Конфликтные ситуации являются неотъемлемой частью педагогического процесса. Они представляют собой противоречия, которые необходимо разрешать для дальнейшего эффективного педагогического взаимодействия. В связи с этим, коммуникативная компетентность педагога предполагает знание наиболее распространённых причин конфликтов между педагогами и учениками для их предупреждения или конструктивного разрешения. Данные, которые мы ранжировали, показывают, что основными причинами, по которым у них чаще всего происходят конфликты с учениками, респонденты считают следующие:

– на первом месте "нарушение дисциплины на уроке", эту причину указали 64% учителей;

– на втором месте "невоспитанность ученика", эту причину выбрали 55%;

– на третьем месте "невыполнение домашнего задания", её указали 45% респондентов;

– на четвёртом – "нарушение устава школы", данную причину отметили 31% опрошенных учителей;

– на пятом месте "пропуск уроков", эту причину выбрали 27% респондентов;

– на шестом – причина "оценка знаний ученика", её указали 9% учителей;

– на седьмом – "несогласие с точкой зрения ученика", её отметили 8% респондентов;

– на восьмом – "личная неприязнь ученика к Вам", эту причину указали 3,5% педагогов;

– на девятом месте оказался вариант ответа, указанный самими респондентами, которые считают, что у них не бывает конфликтов с учениками. Такой ответ выбрали от 1%;

– на десятом – причина "личная неприязнь к ученику", её выбрали 0,6% респондентов.

Важной составляющей коммуникативной компетентности педагога является умение адекватно оценивать возникшую конфликтную ситуацию, определять соответствующий ей способ решения и применять его на практике. При ранжировании полученных данных, были выделены следующие способы решения конфликтов с учениками:

– на первом месте находится вариант ответа "беседую с учеником, чтобы выяснить или объяснить причину конфликта", его выбрали 90% респондентов;

– на втором месте ответ "если я не прав(а), то я извиняюсь", его отметили 33,2%;

– на третьем месте ответ "рассказываю родителям, предпочитаю все вопросы решать с ними", этот вариант решения конфликта выбрали 31% опрошенных учителей;

– на четвёртом месте – "рассказываю вышестоящему начальству", этот ответ отметили 8,1% респондентов;

– на пятом месте – "жду, пока извинится ученик", этот способ решения конфликтов выбрали 3,3% учителей;

– на шестом месте вариант ответа "ничего не делаю", его указали 1,8% респондентов;

– на седьмом месте оказался вариант ответа, указанный самими респондентами, которые считают, что у них не бывает конфликтов с учениками. Такой ответ выбрали 0,6%.

Авторитет педагога включает в себя способность общаться не только на предметные, но и на внепредметные темы, демонстрируя учащимся широкий кругозор, эрудицию, всестороннюю развитость личности, подавая тем самым положительный пример и стимулируя позитивное межличностное общение. Поэтому в опросник нами был включён вопрос "Поддерживаете ли Вы с учащимися разговоры на внепредметные темы?" (полученные данные отображены на рисунке 2).

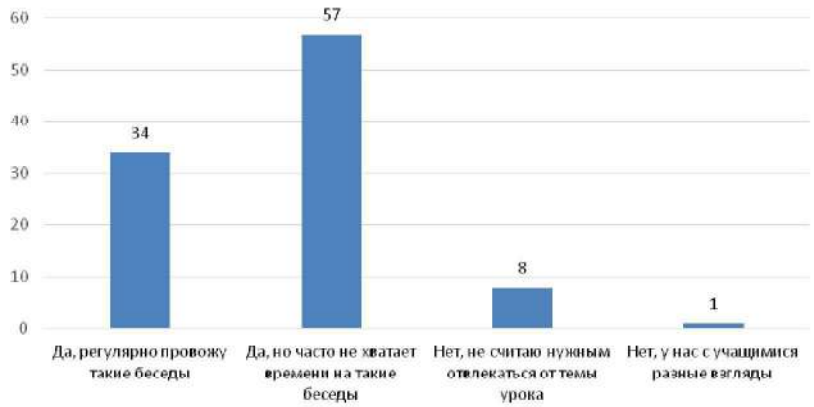

Рисунок 2 – **Ответы респондентов вопрос "Поддерживаете ли Вы с учащимися разговоры на внепредметные темы?"**

Как показали результаты опроса, представленные на рисунке 2, 34% респондентов ответили, что регулярно поддерживают с учащимися разговоры на внепредметные темы. 57% – указали, что делают это, но отметили, что им часто не хватает времени на такие беседы. 8% – не проводят такие беседы, т.к. не считают нужным отвлекаться от темы урока. 1% респондентов выбрал вариант ответа "нет, у нас с учащимися разные взгляды", а 0,2% – указали, что готовы поддерживать с учащимися разговоры на внепредметные темы только, если эти темы касаются темы урока.

Учителю в рамках профессиональной деятельности приходится взаимодействовать с большим количеством людей, включаясь в постоянно чередующиеся разнообразные формы и виды общения, поэтому педагог должен хорошо владеть всеми сторонами общения (коммуникативной, перцептивной, интерактивной) и эффективно применять их в различных ситуациях. Анализируя полученные данные, мы ранжировали их. Отвечая на вопрос "Какие из перечисленных навыков Вы бы хотели развивать?", респонденты отметили следующее:

– на первом месте находится вариант ответа "понимание психологии других людей", его выбрали 43,1% респондентов;

– на втором месте ответ "умение управлять своими эмоциями и справляться со стрессом", его отметили 45,5%;

– на третьем месте ответ "умение выступать на публике и красиво излагать свои мысли", этот вариант ответа выбрали 36,5% опрошенных учителей;

– на четвёртом месте – "эффективное общение с людьми", этот ответ отметили от 32,9% респондентов;

– на пятом месте – "умение передавать свои знания другим", этот навык выбрали 25,2% учителей;

– на шестом месте вариант ответа "умение быстро читать и хорошо запоминать", его указали от 15,4% респондентов;

– на седьмом месте "Умение понимать себя, свои мотивы и черты характера", его выбрали 14,8% опрошенных учителей.

В контексте проводимого исследования мы посчитали важным установить, какие коммуникативные качества педагоги считают для себя наиболее значимыми и в работе, и в обычной жизни. Результаты ответов на вопрос были ранжированы:

– на первом месте педагоги указали такое качество, как стрессоустойчивость, его выбрали 70% опрошенных;

– на втором месте – "скорость усвоения информации", его указали 44% респондентов;

– на третьем месте – "умение слушать собеседника", это коммуникативное качество отметили 39% учителей;

– на четвёртом месте – "общительность", это качество указали 38%;

– на пятом месте – "красивая устная речь", её выбрали 34% респондентов;

– на шестом месте – "понимание чувств, переживаний другого человека", т.е. эмпатия, её указали 32% опрошенных учителей;

– на седьмом месте – "красивая письменная речь", её отметили 15% респондентов.

В профессиональные обязанности педагога входит общение с родителями учащихся. В процессе цифровизации образования появилась новая популярная форма такого общения, осуществляемая с помощью мессенджеров и социальных сетей. Следовательно, важным элементом коммуникативной компетентности педагога является умение адекватно реагировать на бестактность или агрессию в родительских чатах. Мы ранжировали ответы на вопрос "Как Вы реагируете на бестактность или агрессию в родительских чатах?". Были получены следующие результаты:

– на первом месте вариант ответа "лично связываюсь с родителями и делаю замечание", его выбрали 41% респондентов;

– на втором месте вариант "игнорирую", его отметили 22% опрошенных учителей;

– на третьем месте – "вступаю в переписку и пытаюсь призвать к порядку, делаю замечание в чате", его указали 17% опрошенный учителей;

– на четвёртом – вариант ответа "отключаю функцию комментирования", его выбрали 10% респондентов;

– на пятом месте вариант ответа "удаляю чат", его отметили 2% учителей;

– 0,6% респондентов написали, что не сталкивались с такой ситуацией.

В процессе цифровизации образования появилась новая форма взаимодействия с учащимися, осуществляемая с помощью мессенджеров и социальных сетей. Следовательно, важным элементом коммуникативной компетентности педагога является умение доступно доносить необходимую информацию до учащихся, грамотно и лаконично излагая свои мысли, соблюдая правила этикета и Интернет-общения, а также избирать способы онлайн коммуникации, адекватные педагогическим задачам.

Мы ранжировали результаты ответов. Приоритетные для участников исследования способы онлайн коммуникации со школьниками в социальных сетях распределились следующим образом:

– на первом месте стоят мобильные приложения для управления классом, их указали 51,2% опрошенных учителей;

– на втором месте вариант ответа "группа класса на сайте "Facebook" или "ВКонтакте"", его отметили 29,7% респондентов;

– на третьем месте находятся аккаунты в "Instagram", их выбрали 23,5% учителей;

– на четвёртом месте вариант ответа "блоги школьников и/или учителя", его выбрали 11,9% респондентов;

– на пятом месте вариант ответа "аккаунт на YouTube" отметили 3,5% опрошенных;

– на шестом месте ответ "аккаунт класса в Twitter", его выбрали 2,7%;

– на седьмом месте ответ "пользуюсь для этого мессенджером WhatsApp", его указали 10,5% опрошенных учителей;

– на восьмом месте ответ "никакие", его указали 0,9% участников опроса.

В профессиональные обязанности педагога входит общение не только с учащимися и их родителями, но и с коллегами и с представителями администрации школы. Следовательно, одним из важных элементом коммуникативной компетентности педагога является умение выстраивать конструктивный диалог для эффективного осуществления педагогической деятельности. Полученные результаты были ранжированы, и их анализ данных показал, что:

– на первом месте вариант ответа "Имеет место конструктивный диалог", его выбрали 56% респондентов;

– на втором месте ответ "Поддерживаются педагогические инициативы", его указали 35% опрошенных учителей;

– на третьем месте вариант ответа "Часто возникает непонимание", его отметили 6% опрошенных;

– на четвёртом месте ответ "Бывают конфликтные ситуации", его выбрали 4% участников опроса.

По итогам проведённого опроса мы пришли к следующим выводам.

Большинство респондентов с разной степенью активности участвуют в деятельности профессиональных сообществ педагогов в сети Интернет для обсуждения новых образовательных ресурсов, методов обучения и ознакомления со свежими идеями, но, в то же время, около 30% делают это изредка или вообще не пользуются ресурсами профессиональных сообществ педагогов в сети Интернет.

Большинство опрошенных считают, что навыки для проведения онлайн уроков у них развиты недостаточно, а более 20% – отмечают у себя их полное отсутствие, что является потенциальной проблемой в случае необходимости перехода на дистанционное обучение или проведения занятий с обучающимися, которые по тем или иным причинам не могут посещать школу.

Наиболее распространенными причинами конфликтов между педагогами и учениками являются: нарушение дисциплины на уроке, невоспитанность учеников, невыполнение домашнего задания. Мы видим, что указанные причины традиционны и не претерпели каких-либо изменений в условиях цифровизации образования.

Можно отметить, что при выборе способов решения конфликтов с учениками, большинство опрошенных педагогов, предпочитают провести беседу с учеником, чтобы выяснить или объяснить причину конфликта, а более 30% – готовы принести извинения, если они не правы. Значит, большая часть педагогов настроена на конструктивное решение конфликта. В то же время более 30% респондентов настроены на решение конфликтной ситуации через посредников, которыми могут выступать родители или представители администрации школы.

Большая часть опрошенных указала, что готова поддерживать с учащимися разговоры на внепредметные темы, но при этом более 10% – о отметили, что не делают это, т.к. не считают нужным отвлекаться от темы урока и не имеют с учащимися общих тем для общения.

Наиболее значимыми для развития профессиональными умениями и навыками, с точки зрения опрошенных педагогов, являются: понимание психологии других людей, умение управлять своими эмоциями и справляться со стрессом, умение выступать на публике и красиво излагать свои мысли, эффективное общение с людьми.

По итогам опроса наиболее полезными в работе и в обычной жизни коммуникативными качествами педагоги считают стрессоустойчивость, скорость усвоения информации, умение слушать собеседника, общительность. Достаточно значимыми они также считают красивую устную речь и понимание чувств, переживаний другого человека. При этом красивая письменная речь занимает последнее место в рейтинге предложенных в опроснике качеств, хотя внедрение цифровых технологий предполагает достаточно большое количество письменных коммуникаций между педагогом, обучающимися и их родителями.

Результаты опроса показали, что более 40% педагогов на бестактность или агрессию в родительских чатах реагируют, избирая индивидуальные формы взаимодействия, лично связываясь с родителями, что является наиболее благоприятным способом решения конфликтной ситуации. При этом более 20% респондентов выбирают тактику уклонения и игнорирования конфликтной ситуации, что в дальнейшем может привести к обострению негативных реакций со стороны родителей, которые всегда ждут от педагога обратной связи. Также имеет место (более 19% опрошенных) тактика публичного призыва родителей к порядку, что, как правило, даёт обратный эффект, усиливая проблемную ситуацию, вовлекая в эту переписку все большее количество родителей.

Анализ приоритетных для участников исследования способов онлайн-коммуникации со школьниками показал, что наибольшей популярностью пользуются мобильные приложения для управления классом, а также ресурсы социальных сетей. Полученные данные позволяют говорить о том, что большинство педагогов достаточно активно применяют онлайн-коммуникации для общения с обучающимися.

Оценивая свои взаимоотношения с представителями администрации школы, педагоги отметили, что в подавляющем большинстве случаев имеют место конструктивный диалог и поддержка педагогических инициатив. Однако около 10% респондентов испытывают затруднения в данном виде общения, отмечая возникающее непонимание и конфликтные ситуации.

Заключение

В результате проведенного исследования, нами были выявлены следующие профессиональные дефициты учителей в области коммуникативных компетенций, проявляющиеся в условиях цифровой трансформации образования:

– недостаточная развитость у педагогов специальных коммуникативных навыков для проведения онлайн уроков;

– отсутствие специальной подготовки педагогов к эффективному взаимодействию и конструктивному разрешению конфликтов между субъектами образовательного процесса в интернет-пространстве.

В связи с вышесказанным, нами были сформулированы следующие рекомендации:

1. При осуществлении профессиональной подготовки и переподготовки педагогов необходимо акцентировать внимание преподавателей и обучающихся (будущих педагогов) на качественной методической составляющей в области организации дистанционного обучения.

2. Включить в профессиональную подготовку и переподготовку педагогов образовательные модули, в рамках изучения дисциплин психолого-педагогической направленности, по эффективному взаимодействию и конструктивному разрешению конфликтов между субъектами образовательного процесса в интернет-пространстве.

Литература:

1. Болотова А.К., Жуков Ю.М. Психология коммуникаций: моногр. / Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 495 с.

2. Воронина И.В. Методика использования электронных образовательных ресурсов как средства формирования коммуникативных умений у будущих учителей при изучении мультимедиа и интернет-технологий: дис. … канд. психол. наук. – Волгоград, 2018. – 199 с. URL: https://vspu.ru/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_voroninoy_i.v..pdf (дата обращения: 22.09.2022).

3. Горина Е.Е. К вопросу формирования профессионально-важных качеств у будущих работни-

ков в период их обучения: результаты эмпирического исследования // Социальные отношения. – 2016. – №4(19). – С. 121-129.
4. Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты: монография. – М.: Белый ветер, 2018.
5. Кондрашина В.В. Формирование коммуникативной культуры учителя в условиях цифровой трансформации образования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т.9. – №5А. – С. 33-40. DOI: 10.34670/AR.2020.93.51.006
6. Кузьмина Н.В. Созидательный вектор фундаментального образования // Інноваційні підходи до виховання студентської молоді у вищих навчальних закладах: матеріали Міжнар. наук.-практ. конференції (м. Житомир, 22-23 травня 2014 р.). Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2014. – С. 20-78. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/42974977.pdf (дата обращения: 23.09. 2022).
7. Курашева С.В. Формирование коммуникативной компетентности будущего учителя: автореферат дис. ... канд. пед. н.: 13.00.08. – Кемерово, 2006. – 24 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003258458 (дата обращения: 18.09. 2022).
8. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования "Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект". Москва, Россия, 26 – 27 сентября 2019 г. / А. Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан и др.; отв. ред. И. В. Дворецкая; пер. с кит. Н. С. Кучмы; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 155 с.
9. Тращеев С.В. Проблемы развития коммуникативной компетентности будущих педагогов школ в условиях цифровизации общества // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – №4. – С. 31-34. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/04/ Trashcheev.pdf (дата обращения 22.08. 2022).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Диуани Рефка, *аспирант, Институт иностранных языков, Российский университет Дружбы народов, Москва*

Цель исследования *– представление моделей педагогического дизайна и адаптивной среды электронного обучения в качестве теоретических и практических основ в обучении иностранным языкам. Статья представляет несколько распространенных моделей и принципов педагогического дизайна, которые можно использовать при проектировании системы корпоративного изучения иностранных языков ADDIE (Анализ, проектирования, разработки, реализации и оценки) является разработкой стратегий электронного обучения с использованием подходов модели педагогического дизайна и обеспечение практической основы для реализации этих теорий в классе. Исследование включает анализ литературы, представление инновационных методов применения ПД (педагогический дизайн) моделей в преподавании иностранных языков.* ***Научная новизна*** *заключается в разработке успешных онлайн-курсов языка, основанных на принципе ПД и коммуникативных языков обучения. Автор описывает методы создания онлайн-курса обучения языку, ориентированного на учащихся, который повышают уровень знаний учащихся в значимых культурных контекстах. Кроме того, статья имеет важные образовательные последствия для будущих исследований влияния адаптивного онлайн-обучения на взаимодействие студентов иностранных языков.* ***Результаты*** *подчеркивают необходимость проведения более квазиэкспериментальных и описательных исследований для лучшего понимания преимуществ и проблем внедрения адаптивного электронного обучения в высших учебных заведениях для студентов, изучающих иностранные языки. Сделанные выводы позволили сформулировать руководящие принципы для учителей. Для завершения этой работы с помощью модели ПД и ADDIE разработчики учебных программ, преподаватели могут создавать учебные программы, поощряющие учащихся к более автономному и эффективному изучению иностранных языков.*

Ключивые слова: *адаптивное обучение; педагогический дизайн; ADDIE модель; арабский язык как иностранный.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.38

INSTRUCTIONAL DESIGN AS AN EFFECTIVE TOOL IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

УДК 371.38
ВАК РФ 5.8.2

© Diouani Refka, 2022

The purpose of the study *is to present models of pedagogical design and an adaptive e-learning environment as theoretical and practical foundations in teaching foreign languages. The article presents several common instructional design models and principles that can be used in the design of an enterprise language learning system ADDIE (Analysis, Design, Development, Implementation and Evaluation) is the development of e-learning strategies using instructional design model approaches and providing a practical framework for the implementation of these theories in the classroom. The study includes literature analysis, presentation of innovative methods of application of PD (pedagogical design) models in teaching foreign languages.* ***The scientific novelty*** *of this article lies in the development of successful online language courses based on the principle*

of PD and communicative languages of instruction. The author describes methods for creating a student-centered online language course that raises the level of students' knowledge in meaningful cultural contexts. In addition, the article has important educational implications for future research on the impact of adaptive online learning on the interaction of foreign language students. ***The results*** *highlight the need for more quasi-experimental and descriptive research to better understand the benefits and challenges of implementing adaptive e-learning in higher education for language learners. The findings made it possible to formulate guidelines for teachers. To complete this work, with the help of the PD and ADDIE model, curriculum developers, teachers can create curricula that encourage students to learn foreign languages more autonomously and effectively.*

Keywords: *Adaptive E-learning; Instructional design; ADDIE model; Arabic as a foreign language.*

Introduction

During recent years the topic of using technology in education become more important, not only because We are in the 21th century and we should be innovator, but also because the digital tools facilitate the role of teachers and motivate the students to be engaged in the learning process. For this reason, the concept of smart collaboration has been gaining importance in recent years. Since Leon and Coletti (2008) "The adoption of technology in education is one of the key factors for teaching and learning to improve: we must engage the students by using digital tools, allowing them to participate actively in the process of learning and improving their academic performance. As well as for teachers to communicate both synchronous and asynchronous especially in teaching foreign languages. In higher education institution. In addition to complete educational process in the context of digitalization we should make sure that the educators have a digital literacy and have a soft skill can help him to use learning management system (LMS) can achieve their objectives and serve learner interest. In the digital world for educators of higher education institutions, teaching and learning process is not always the most important issue that needs to be addressed. It is more important to keep pace with the developments in technology. [6, c. 315] Digitalization has already changed the way we live and think. And it will continue to change how we will do things at work, home, and everywhere in between.

To complete educational process are many factors must be taken into account; Digital literacy of teachers, interactive content, motivate learner, design online courses serve the students interest and achieve teacher's goal.

Therefor this paper aims to identify the role of synchronously and asynchronously technologies in teaching process specially to improve communicative skills of students in higher education. We also propose an implementation of the ADDIE using in the developing of language online learning. The factor that was considered good teaching practices for online learning environments.

Research methodologies

There are a numerous study that addresses the benefits of using information communication technologies in education, especially in teaching foreign languages, an issue that become the centre of interests among researchers, particularly in designing and creating aids that cater to the learner needs. The traditional teaching of FL needs to be changed to the modern method, which uses an adaptive e-learning environment to facilitate the interaction of communication. Instructional design increase the strength of the motivation because the learners are involved

DIOUANI Refka,
Postgraduate student, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

in these attractive and fascinating activities. In addition, ID models can provide content course and aid communication between parties.

In the last two decades, according to the relevant literature, there are various proposed educational models, such as ASSURE, Dick and Carey, and Gagne, many of which are based on ADDIE. because ADDIE is the most widely recognized in many universities as Harvard also in people's friendship university of Russia they organized online courses in instructional design for the teachers and PhD students to develop their digital competencies and try to include this technology in teaching process, especially in the institute of foreign languages we started to develop a digital content for the learner of FL as Arabic, French and English using instructional design software; Ispring suite, Adobe Captivate, cloud App. [2, c. 66]

Automated artificial intelligence systems, digital educational games, virtual reality worlds, and other online applications have been introduced into the educational process offering adaptability and personalization. However, the use of ID models is required in order for such systems to be able to achieve an ideal educational framework for the assimilation of knowledge and development of complex skills as required by modern competitive reality.

According to Ali (2008) the demand for distance education has been rapidly growing with factors directly related to the context of the labor market (economic, social, and political) and to their interaction on an international scale. Moreover, several researchers have observed that the use of Instructional design models and theories is a new concept in the modern education system and the need of this technology is growing. Campbell confirmed that, ADDIE model in is an instructional design whose idea inspired many curriculum designers to suggest other forms and design models. (Campbell, 2014; Chevalier, 2011; Davis, 2013; Khadimally, 2015; Wang & Hsu, 2009). Therefor Robert Maribe Branch in his book about the models of ID demonstrates that the effectiveness of this technologies is design promotes high fidelity between learning environments and learner and the implication of the ADDIE model to the systems design facilitates the complexities of intentional learning environments by responding to multiple situations, interactions within context, and interactions between contexts. [4, c. 8]

It should be noted the communication is the most important point in the adaptive learning environment. Some research agrees that today's education should have been more digital a long time ago, but that after the pandemic, these news media receive the importance they have, as Sanchez explains: "The implementation of different tools technologies such as forums, video-conferences, QR codes, elements multimedia, created by Moodle and other tools are more accepted in environments learning related to training and professional development". (Sanchez, 2014)

In this study we identify the role of synchronously and asynchronously technologies in teaching process specially to improve communicative skills of students in higher education. We also propose an implementation of the ADDIE using in the developing of language online learning. The factor that was considered good teaching practices for online learning environments. In the digital world for educators of higher education institutions, teaching and learning process is not always the most important issue that needs to be addressed. It is more important to keep pace with the developments in technology. Digitalization has already changed the way we live and think. And it will continue to change how we will do things at work, home, and everywhere in between. [3, c. 65-68]

Teaching languages is different from the other discipline is not a mathematic or architecture to knowing the rules. The objective of teaching language and grammar is for using and communicate with others about a different purpose.

To achieve this goal, we should make sure that the process of learning continued and not only in the classroom but also the students must have unlimited access to the courses to better memorize the information. That's why the using of asynchronously and synchronously tools are more effective than only online meeting.

Instructional design is a complex practice, it generally involves the most effective ways to provide knowledge and skills to learners, also is very simple because the tutors need to understand the needs of students and then transfer the lesson from traditional classroom to digital interactive content to improve their communicative skills. With ADDIE help to create a student profile in the context of adaptive online environment because include a practical phases; analysis, design, development, implementation, evaluation as mentioned in first figure the well-established ADDIE model is used, diving the entire process into 5 stages.

Analysis: Needs, tasks, requirements, participant's current capabilities.

Design: Learning objectives, delivery format, activities and exercises.

Development: create a prototype, review, and develop course material.

Implementation: training implementation, tools in place and observation.

Evaluation: Awareness, knowledge, behaviour and results.

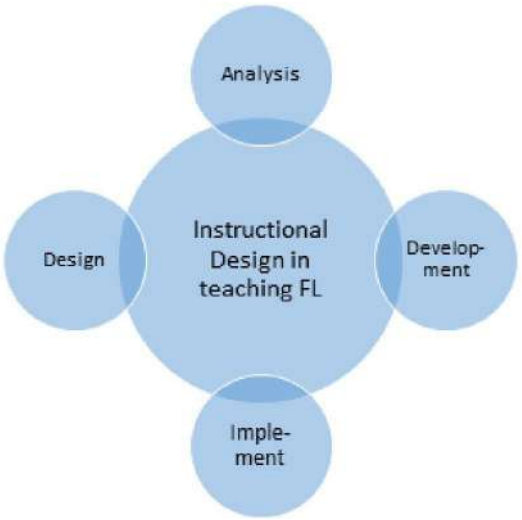

Figure 1 – **ADDIE Process**

Principles and strategies of using Instructional Design. Instructional design is an iterative process of planning performance objectives, selecting instructional strategies, choosing media and selecting or creating materials, and evaluation. Because curricula are usually structured around content rather than human capabilities resulting in gaps between broad goals and specific objectives designers should work backward from desired outcomes of human performance using a taxonomy of learned capabilities to group and sequence objectives, then plan external conditions to support internal conditions for learning.

Teachers should arrange external learning events that support individual learner differences in internal processing. Performance objectives are specific statements of a learning outcome, or what a learner should be able to do. The learned capability verb designates the learning outcome and the action designates specifically how this outcome is expressed. [5, c. 45]

Good teaching practices in distance learning FL are the utilization of collaborative learning, active learning, social presence, and the supportive role of the instructor, including the provision of different learning experiences to enhance both the interaction and learning process in general, and finally the balancing of the amount of the course information with the students' dedication and perseverance (e.g., Creasman) Additionally, the phrase "good practices" includes a number of aspects that make the teaching personalized, collaborative, and challenging by enabling an active, experiential, authentic, and democratic approach. Therefore, it is important to take into account some parameters in educational planning, such as the socio-cultural context of the learners, motivation, and expectations of the curriculum. [1, c. 20-30]

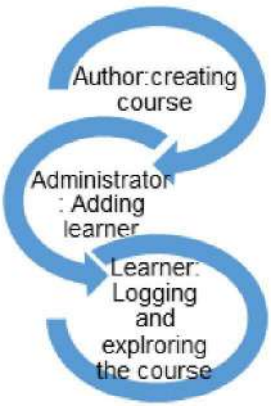

Figure 2 – **The method of using LMS system**

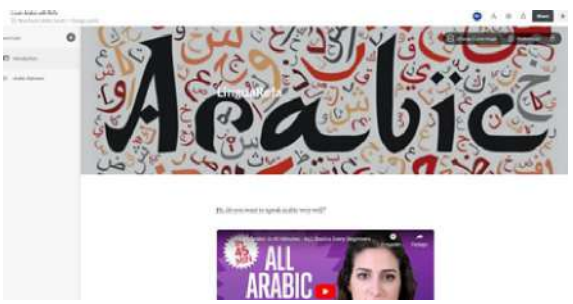

Figure 3 – **The storyboard for teaching Arabic**

Due to the Covid-19 pandemic, which accelerated adopting instructional design that influence the development of knowledge and oral comprehension in FL of the students of Baccalaureate institute foreign languages of Russian they attempt an online course of Arabic language for the beginners. To start with, we have created a storyboard in LMS which include audio video materials and interactive exercises to put the learner in the centre of education process.

Table – **Software required to develop linguistic skills**

Software	Purpose
SoundCloud	Record audio/ sound
Text Speech	Converting from text to speech
ToPhonetics.com	Help learner to pronounce new words correctly
Camtasia	Screen recorder and video editing

Education quality standards are measured by using a meaningful online learning and the

Computer Algorithm to orchestrate the interaction with the learner.

Design strategies of e-learning using ADDIE model approaches and to provide a practical framework for implementing those theories in the classroom improve communicative skills of learner FL.

The paper shows that there is a many online tools, theories and approaches for learning are presented as instant solutions. That's why was carried making sure that ID programs is suitable for all students and can be tricky when they all have different needs and abilities.

Instructional design focuses on outcomes that can be measured in a reliable and valid way, help learners perform the behaviour that will be expected of them in the real world. So, the study confirmed that the ID is a team effort which usually involves team work. [6, 314]

There is no different between teaching and ID because the first one is about communicating information effectively and helping learners to develop and the second one is about the organization of digital content and preparation instructional materials so that "teaching" can move forward.

Conclusion

The effective ID is teaching languages is must be well structured the ADDIE model have a positive impact in the academic results of students Therefore the criteria of the teacher interviewed as part of this research work, the adequate development of oral comprehension skills is essential, as it allows communication between individuals and the development of the student's oral expression in a foreign language, such as Arabic.

To increase communicative competencies of students and their participation in the courses, it is necessary that the teachers transform the teaching process by implement ADDIE to motivate students to participate actively and effectively in the courses

After what has already been mentioned in the previous section, the strategies used by teachers must adapt to new technologies, strategies interactive multimedia, which allow students to assimilate the knowledge of more concrete way, in this way the pupils construct their own learning by fixing a long-term vocabulary and positively increasing their class participation.

References:

1. Almelhi A.M., Effectiveness of the ADDIE Model within an E-Learning Environment in Developing Creative Writing in EFL Students. Engl. Lang. Teach., vol. 14, № 2. 2020. C. 20-36.
2. Ali, S., Ali, L. Efficacy of Gagne's Nine Events of Instruction in improving the performance of undergraduate medical students. Academy of Health Professions Educators, № 1 (2). 2015. C. 65-68.
3. Amiti F., Synchronous and Asynchronous E-Learning/ Eur. J. Open Educ. E-Learn. Stud.№ 5 .2020. C. 60-70.
4. Branch R.M., Instructional design the ADDIE approach. Georgia: Springer .2010. C. 169-203.
5. Cunningham A.C., and Mary L.R. Influencing the instructional design strategies of new teachers: Foreign language and technology teacher education. Foreign Language Annals 35, № 1. 2002. C. 43-60.
6. Jahlilehvand, M., Study the Impact of Merrill's First Principles of Instruction on Students Creativity. Mediterranean Journal of Social Sciences. № 7 (2). 2016. C. 313-317.
7. Sharif A.S., Cho, Int. J. Educ. Technol. High. Educ/ 21st-century instructional designers: bridging the perceptual gaps between identity, practice, impact and professional development, №12. 2015. C. 72-85.
8. Washington Y. M., Estephania A. L., l'impact des nouvelles technologies pour l'enseignement de la langue francaise, university de Guayaquil. 2021. C. 90-104.

DIAGNOSTIC TOOLS FOR STUDYING THE LEVEL OF PRACTICE-ORIENTED TRAINING OF A TEACHER-RESEARCHER AT A UNIVERSITY

Kasko Zhanna Agasievna, *PhD of Pedagogical science, Associate Professor*

Buyanova Irina Borisovna, *PhD of Pedagogical science, Associate Professor*

Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, Saransk

The purpose of the study *is to develop diagnostic tools for studying the level of formation of practice-oriented training of a teacher-researcher at a university. Research competence is a necessary condition for openness to scientific and pedagogical innovations, the ability to organize pedagogical work in a search mode and is a factor in the continuous professional development of a teacher. In this regard, the requirements for the level and quality of mastering research competence by the future teacher at the stage of university training are increasing. The authors identified three clusters of research competencies, each of which equally affects the practice-oriented training of a teacher-researcher at a university: the value-semantic basis of research activity in education, the cognitive basis of research activity in education, and finally, the technological tools of research activity in education.* ***The scientific novelty*** *lies in the development of diagnostic tools, as well as the definition of criteria and indicators of the level*

under study, which are differentiated into professionally significant motives and value orientations, knowledge of the methodological, organizational, content and procedural foundations of research activity, research skills that ensure the success of solving research problems in educational, educational-professional and professional activities. ***As a result*** *of the study, the possibilities of the described developed toolkit were revealed, which allows to determine the initial level of formation of the research competencies of a teacher-researcher at a university and further contribute to solving the problem: a diagnostic test aimed at studying the cognitive basis of research activity; diagnostic cases designed to identify the technological basis of research activities, a questionnaire aimed at measuring the value-semantic basis of research activities.*

Keywords: *practice-oriented training; research activities; student of a pedagogical university; teacher-researcher; diagnostic toolkit.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.39

УДК 378 (045)
ВАК РФ 5.8.1

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ВУЗЕ

© Каско Ж.А., 2022
© Буянова И.Б., 2022

Цель исследования *заключается в разработке диагностического инструментария исследования уровня сформированности практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе. Исследовательская компетентность выступает необходимым условием открытости научно-педагогическим инновациям, способности выстраивать педагогическую работу в поисковом режиме и является фактором непрерывного профессионального развития педагога. В связи с этим возрастают требования к уровню и качеству овладения будущим педагогом исследовательской компетентностью на этапе вузовской подготовки. Авторами выделены три кластера исследовательских компетенций, каждый из которых в равной степени влияет на практико-ориентированную подготовку педагога-исследователя в вузе: ценностно-смысловая основа исследовательской деятельности в образовании, когнитивная основа исследовательской деятельности в образовании, и наконец, технологический инструментарий исследовательской деятельности в образовании.* ***Научная новизна*** *состоит в разработке диагностического инструментария, а также определении критериев и показателей исследуемого уровня, которые дифференцированы на профессионально значимые мотивы и ценностные ориентации, знания о методологических, организационных, содержательно-процессуальных основаниях исследовательской деятельности, исследовательские умения, обеспечивающих успешность решения исследовательских задач в учебной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности.* ***В результате*** *работы выявлены возможности описанного разработанного инструментария, позволяющего определить исходный уровень сформированности исследовательских компетенций педагога-исследователя в вузе и в дальнейшем способствовать решению поставленной проблемы: диагностический тест, направленный на исследование когнитивной основы исследовательской деятельности; диагностические кейсы, разработанный для выявления технологической основы исследовательской деятельности, опросник, нацеленный на измерение ценностно-смысловой основы исследовательской деятельности.*

Ключевые слова: *практико-ориентированная подготовка; исследовательская деятельность; студент педагогического вуза; педагог-исследователь; диагностический инструментарий.*

КАСКО Жанна Агасиевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

БУЯНОВА Ирина Борисовна, *кандидат педагогических наук, доцент*

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск

Введение

В условиях глубинных процессов модернизации школы, динамичности и неопределенности происходящих изменений усиливается роль исследовательского компонента в различных видах профессионально-педагогической деятельности. Современной школе требуется специалист, способный решать актуальные педагогические задачи в меняющихся условиях образовательной практики на основе профессионального саморазвития и самосовершенствования. Исследовательская компетентность выступает необходимым условием открытости научно-педагогическим инновациям, способности

выстраивать педагогическую работу в поисковом режиме и является фактором непрерывного профессионального развития педагога [2, с. 45]. В связи с этим возрастают требования к уровню и качеству овладения будущим педагогом исследовательской компетентностью на этапе вузовской подготовки. В соответствии с требованиями ФГОС элементы исследовательской компетентности интегрированы в структуру профессиональной компетентности педагога (способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач, способен осуществлять педагогическую деятельность на основе специальных научных знаний и др.). Исследовательская компетентность прямо или имплицитно представлена в различных трудовых действиях, связанных, в первую очередь, с организацией исследовательской и проектной деятельности обучающихся.

Актуальность, цель исследования структурировали следующие *задачи*: 1) определить теоретические основы разработки диагностического инструментария уровня сформированности практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе, 2) выявить критерии и показатели практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе, необходимые для разработки диагностического инструментария, 3) разработать диагностический инструментарий исследования уровня сформированности практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе.

В этой связи был осуществлен анализ научно-педагогической литературы, позволивший уточнить *теоретическую базу* данного исследования. В зарубежной и российской научной литературе рассматриваются различные аспекты исследовательской компетентности педагога-исследователя в вузе. В рамках компетентностного подхода в образовании (И.А. Зимняя, А.В. Баранников, А.В. Хуторской, Ю.В. Рындина и др.) исследовательская компетентность рассматривается в качестве одной из ключевых в профессиограмме педагога. Представители системного подхода (В.А. Адольф, Е.А. Вахтина, А.А. Деркач, В.С. Лазарев, Т.А. Смолина и др.) определяют исследовательскую компетентность как составляющую профессиональной компетентности, неотъемлемый компонент общей и профессиональной образованности [3, с. 136]. С позиции исследователей контекстно-деятельностного подхода (А.А. Вербицкий, О.В. Галустян, С.Б. Ступина, Н.И. Страздас, Л.К. Асимова, С.В. Павлючик и др.) исследовательская компетентность рассматривается как способность перехода от учебной деятельности к профессиональной путем моделирования профессионально ориентированных ситуаций.

Как показывает анализ научной литературы и вузовской образовательной практики, потенциал практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе используется не в полной мере. По мнению L.M. Jamieson и M.V. Saunders, исследовательская составляющая остается недостаточно разработанной в рамках учебных дисциплин, а также различных видов практик; недостаточное научно-методическое обеспечение имеет поисково-экспериментальная деятельность студентов [12, с. 6].

Л.В. Байбородова считает, что в структуре образовательных результатов выпускника педагогического вуза исследовательская компетентность представлена довольно слабо. Это актуализирует необходимость совершенствования традиционных подходов к организации исследовательской деятельности студентов и формирования у них исследовательской компетентности [1, с. 49].

Очевидно, что "приобретение и развитие исследовательской компетенции не может осуществляться без ее комплексной оценки и диагностики ее компонентов" у педагога-исследователя в вузе [5, с. 10]. Проблема состоит в том, какой диагностический инструментарий необходим для объективной оценки исходного уровня сформированности исследовательской компетенции. Имеющийся разрыв между представленными в научных источниках многочисленными описаниями вариантов моделей формирования данной компетенции и ограниченностью систематизированных и обоснованных критериев и показателей, позволяющих оценить ее уровень и качество, не может не оказывать влияния на практику многоуровневого вузовского образования.

В.Г. Сотник и М.Н. Янкина считают, что основные трудности оценки сформированности исследовательской компетенции связаны с несоответствием представлений авторов о ее природе [10, с. 47] и компонентах теоретическим конструктам, описывающим психологические факторы компетенции [11, с. 13].

Л.С. Саттарова говорит о том, что отдельной проблемой является неспецифицированность диагностического инструментария, применяющегося в конкретном социальном и профессиональном контексте ситуации оце-

нивания [9, с. 67]. При отборе диагностического инструментария важно соблюсти принципы необходимости и достаточности и понимать, на какой именно компонент компетенции "работает" та или иная методика, является ли она релевантной целям и задачам исследования и достаточно ли результатов, полученных с ее помощью, для квалификации той или иной составляющей компетенции [7, с. 34].

Основная часть

Рассмотрение вопроса уточнения диагностического инструментария исследования уровня практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя сегодня актуально. Известно, что в настоящее время не все ФГОС 3+ и 3++ для УГСН 44.00.00 по направлению подготовки Педагогическое образование включают исследовательскую деятельность как вид деятельности выпускника, однако практически любой профиль подготовки подразумевает тот или иной формат исследовательской активности обучающегося. Так, ФГОСы ВО 3++ бакалавриата по вышеуказанному направлению предполагают осуществление студентами научно-исследовательской работы (получение ее первичных навыков).

При разработке диагностического инструментария нами учитывался тот факт, что он должен быть комплексным, то есть в нем должны рассматриваться проблемы эффективности организации практико-ориентированной исследовательской деятельности в совокупности их проявлений. Она должна представлять собой инструмент, позволяющий исследовать образовательный процесс как единое, взаимосвязанное, динамично изменяющееся целое.

Прежде чем остановиться подробнее на диагностическом инструментарии, определим критерии и показатели практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе:

1) профессионально значимые мотивы и ценностные ориентации (осознание и принятие ценности и смыслов исследовательской деятельности в образовании и профессиональной деятельности, устойчивый интересе к процессу познания, к исследовательским способам работы) [6];

2) знания о методологических, организационных, содержательно-процессуальных основаниях исследовательской деятельности (показатели: объем, прочность, осознанность, системность);

3) исследовательские умения, обеспечивающие успешность решения исследовательских задач в учебной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности (показатели: полнота, прочность, осознанность, надситуативность) [15, с. 4].

С целью измерения и изучения данных критериев и показателей разработан следующий диагностический инструментарий:

– тест на определение уровня сформированности когнитивной основы исследовательской деятельности студента педагогического вуза;

– кейсы для определения уровня сформированности исследовательских умений, обеспечивающих успешность решения исследовательских задач в учебной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности;

– опросник для изучения профессионально значимых мотивов и ценностных ориентаций студента педагогического вуза.

Раскроем подробнее разработанный диагностический инструментарий исследования уровня сформированности практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе более подробнее.

Для выявления уровня сформированности когнитивной основы методологических, организационных, содержательно-процессуальных основаниях исследовательской деятельности (показатели: объем, прочность, осознанность, системность) использован тест, который включал в себя несколько групп теоретических вопросов. Каждая группа содержала задания на выбор одного правильного ответа, на выявление соответствия и последовательности, на формулирование развернутого ответа.

К первой группе заданий мы относили вопросы, связанные со знаниями понятийно-терминологического аппарата исследовательской деятельности, о компонентах методологического аппарата исследования, их взаимосвязи и способах построения. Эти задания составляли методологический блок данного диагностического инструментария.

Приведем примеры таких вопросов.

Например, для проверки знаний понятийно-терминологического аппарата исследовательской деятельности студентам предлагалось выбрать один из вариантов ответа на поставленный вопрос, такие как "Найдите верный вариант ответа. Что вы понимаете под гипотезой исследования?

а) научное предположение, выдвигаемое для объяснения каких-либо явлений;

б) учение, система научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отра-

жающий закономерности природы, общества, мышления;

в) логически оформленная мысль о предмете;

г) связь и взаимосвязь каких-либо явлений объективной действительности".

Что касалось проверки знаний о компонентах методологического аппарата исследования, то можно использовать следующее задание: "Найдите группу понятий, которые составляют методологический аппарат исследования.

а) анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование;

б) средства и методы обучения;

в) проблема, тема, объект, предмет исследования;

г) явления, положения, аксиомы, понятия", или же задания на соответствия типа "Соотнесите виды исследовательской деятельности с их характеристиками":

а) проектная деятельность	1) направлена на решение конкретных задач, для достижения поставленной цели, которая позволяет использовать знания, полученные во время учебного процесса, на практике
б) научно-исследовательская деятельность	2) направлена на самостоятельное получение субъективно новых знаний, являющихся личностно значимыми для конкретного учащегося
в) учебно-исследовательская деятельность	3) направлена на получение новых объективных научных знаний

Вторая группа заданий была представлена в части организационных знаний и содержал вопросы, связанные со знаниями об инфраструктуре исследовательской деятельности в образовательных и научных организациях, о формах организации индивидуальной и коллективной исследовательской деятельности соотнесение типов и видов исследовательских заданий, о способах планирования, управления и контроля исследовательской деятельности, о нормативно-регулятивных основаниях исследовательской деятельности и способах правовой защиты ее результатов, о ресурсном обеспечении различных видов и форм исследовательской работы и т.д.

Так, в рамках данного блока можно представить такое задание, как "Определите верную последовательность планирования исследовательской деятельности обучающихся:

а) определение принципов отбора методик исследования;

б) оценка результатов исследования;

в) постановка целей и задач;

г) составление плана исследования;

д) определение ожидаемых результатов;

е) определение необходимых ресурсов".

Третья группа заданий в разработанном тесте была посвящена содержательно-процессуальным основам исследовательской деятельности педагога-исследователя. Здесь вопросы были направлены на проверку знаний об инвариантной и вариативной логике педагогического исследования, о программе исследования и ее компонентах, об источниках информации и научного знания, о цифровых научно-образовательных ресурсах, о методике исследования, о методах исследования, предметно-объектной области исследования, а также о формах апробации исследования.

Приведем примеры учебных заданий данного блока. Например, задание "Покажите логическую последовательность осуществления научного исследования:

1) объяснение;

2) эксперимент (наблюдение);

3) предсказание;

4) описание" направлено на проверку знаний об инвариантной и вариативной логике педагогического исследования и др.

Для проверки технологической составляющей исследовательской деятельности в образовании использовался специально разработанный диагностический кейс. В разработанном кейсе студенту предлагалось ознакомиться с педагогической ситуацией, проанализировать ее и выполнить несколько заданий. В рамках представленных учебных заданий диагностического кейса студентам необходимо ознакомиться с дополнительными источниками по проблеме, определить проблемное поле применения мобильных технологий в обучении с позиции разных наук, виды исследований, которые использовались авторами при выдвижении позиций, описать их, а также указать ссылки на источники, которые использовались при работе с данными. После выполненных заданий, студентам нужно было сформулировать проблему с позиции психолого-педагогических наук, сформулировать цель, гипотезу, задачи, теоретико-методологические позиции, методы исследования, а также ожидаемые теоретические и практические результаты. Кроме этого, интересным было задание, связанное с определением ресурсов, необходимых для проведения исследования на основании планируемых результатов: человеческие, материально-технические, временные, информационные и методические.

Разработанный кейс имел определенные критерии оценивания, каждые из которых могли быть оценены по 3х-балльной системе (высокий, средний, низкий). Так, опираясь на взгляды A.R. Pinto-Santos, A.P. Garcias, к критериям оценки, мы относим умения студента работать с различными источниками информации и научного знания, с цифровыми научно-образовательными ресурсами и сервисами в сети Интернет; "ориентироваться в актуальной проблематике той или иной научной области и сфере практической деятельности, комбинировать знания из разных научных областей для получения целостного представления об объекте и предмете исследования" [8, с. 6]. Интересными для нас оказались идеи Л.В. Ведерниковой, О.А. Поворознюк и др., что при диагностике технологической составляющей исследовательской деятельности в образовании необходимо также обратить внимание на определение сущностных характеристик и особенностей различных видов исследования [15, с. 132]. Кроме этого, поддерживая идеи M. Lederer, S. Finken, необходимо оценивать исследуемое явление, учитывая "знания предметно-объектной области психолого-педагогического исследования" [13, с. 119], умение самостоятельно выстраивать методологический аппарат исследования (обосновывать актуальность исследования, выявлять противоречия в теории и практике, определять проблему исследования); самостоятельно выстраивать методологический аппарат исследования; отбирать методы исследования (общенаучные, конкретно-научные, теоретические и эмпирические), адекватные исследовательским задачам; умение прогнозировать и формулировать теоретические и практические результаты исследования; знания о ресурсном обеспечении различных видов и форм исследовательской работы; умение определять необходимые ресурсы для выполнения исследовательской работы; "знания о формах организации индивидуальной и коллективной исследовательской деятельности и умение ее организовывать на различных этапах".

Для изучения уровня сформированности ценностно-смысловой основы исследовательской компетентности студента использован опросник на определение наличия профессионально значимых мотивов и ценностных ориентаций. Цель данной методики заключается в изучении степени осознания и принятия ценности и смыслов исследовательской деятельности в образовании и профессиональной деятельности, устойчивого интереса к процессу познания, к исследовательским способам работы, самооценки владения исследовательскими знаниями и умениями. Студентам предлагалось выбрать один или несколько вариантов ответов на серию вопросов.

Полагаем, что разработанный диагностический инструментарий позволит оценить уровень сформированности методологических, организационных и содержательно-процессуальных исследовательских умений.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие выводы.

1. Исследовательская компетентность выступает необходимым условием открытости научно-педагогическим инновациям, способности выстраивать педагогическую работу в поисковом режиме и является фактором непрерывного профессионального развития педагога. Она прямо или имплицитно представлена в различных трудовых действиях, связанных, в первую очередь, с организацией исследовательской и проектной деятельностью обучающихся.

2. К критериям и показателям практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе можно отнести профессионально значимые мотивы и ценностные ориентации, знания о методологических, организационных, содержательно-процессуальных основаниях исследовательской деятельности, исследовательские умения, обеспечивающих успешность решения исследовательских задач в учебной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности.

3. При разработке диагностического инструментария необходимо учитывать то, что он должен характеризоваться комплексностью, в нем должны рассматриваться проблемы эффективности организации практико-ориентированной исследовательской деятельности в совокупности их проявлений. Данный инструментарий должен быть средством, позволяющим исследовать образовательный процесс как единое, взаимосвязанное, динамично изменяющееся целое. Так, по нашему мнению, в качестве диагностического инструментария исследования уровня практико-ориентированной подготовки педагога-исследователя в вузе можно отнести тест на определение уровня сформированности когнитивной основы исследовательской деятельности студента педагогического вуза; кейсы для определения уровня сформированности исследовательских умений, обеспечивающих успешность реше-

ния исследовательских задач в учебной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности; опросник для изучения профессионально значимых мотивов и ценностных ориентаций студента педагогического вуза.

Таким образом, исследовательские компетенции являются инструментальным обеспечением практико-ориентированной исследовательской деятельности педагога. Разработанный комплекс диагностического инструментария позволяет определить исходный уровень сформированности исследовательских компетенций студентов педагогического вуза по трем основным показателям: ценностно-смысловая основа исследовательской деятельности в образовании, когнитивная основа исследовательской деятельности в образовании и технологический инструментарий исследовательской деятельности в образовании.

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания Минпросвещения России на выполнение научно-исследовательских работ по теме "Формирование практико-ориентированной системы подготовки педагога-исследователя в вузе".

Литература:

1. Байбородова Л.В. Практико-ориентированный подход к подготовке будущих педагогов // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – Т. 2. – №1. – С. 47-52.
2. Бережнова Е.В., Краевский В.В. Основы учебно-исследовательской деятельности: учебное пособие. – 11-е изд., стер. – М.: Академия, 2017. – 128 с.
3. Вахтина Е.А. Учебно-исследовательская компетентность студента как основа профессиональной компетентности будущего специалиста // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 3. – С. 135-137.
4. Ведерникова Л.В., Поворознюк О.А., Еланцева С.А. Практико-ориентированная подготовка педагога: учебное пособие для вузов. – М.: ЮРАЙТ, 2022. – 341 с.
5. Замкин П.В., Шукшина Т.И., Мирошкин В.В. Практико-ориентированная подготовка педагога в условиях многоуровневого сетевого взаимодействия // Научно-методическое обеспечение практико-ориентированной подготовки педагога в условиях инновационной образовательной среды вуза: монография. – Саранск, 2019. – С. 7-25.
6. Замкин П.В., Паршина Л.Г., Мирошкин В.В. Организационно-педагогические условия развития научно-исследовательской деятельности студентов в процессе практико-ориентированной подготовки в вузе // Гуманитарные науки и образование. – 2018. – Т. 9. – № 4 (36). – С. 31-40.
7. Каско Ж.А., Шукшина Т.И., Рыжов Д.В. Особенности практико-ориентированной подготовки будущего учителя в цифровой образовательной среде педагогического вуза // Глобальный научный потенциал: научно-методический журнал. – 2020. – № 6. – С. 22-27.
8. Пирожкова О.Б., Бубнова И.С. Исследовательская компетентность педагога: сущность и диагностика // Педагогическая перспектива. – 2022. – №. 1 (5). – С. 3-9.
9. Саттарова Л.С. Исследовательская деятельность как неотъемлемая составляющая подготовки будущего педагога // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 3 (76). – С. 66-68.
10. Сотник В.Г. Формирование исследовательской компетентности студентов в процессе организации самостоятельной проектно-исследовательской деятельности : диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук / Сотник Вера Гавриловна ; Ленинградский государственный университет. Санкт-Петербург, 2006. – 173 с.
11. Янкина М.Н. Профессиональное развитие будущих педагогов средствами исследовательской деятельности // Образование. Карьера. Общество.2019. №1 (60). – С. 13-14.
12. Jamieson L.M., Saunders M.V. Contextual Framework for Developing Research Competence: Piloting a Validated Classroom Model // Journal of the Scholarship of Teaching and Learning. 2020. № 3. p. 1-19.
13. Lederer M., Finken S. Practice-Integrated Teaching at Universities of Applied Sciences: Models and Good Practices // Teaching Innovation in University Education: Case Studies and Main Practices. IGI Global, 2022. – С. 113-134.
14. Pinto-Santos A.R., Garcias A.P. Development of teaching digital competence in initial teacher training: A systematic review // World Journal on Educational Technology: Current Issues. 2022. Т. 14. №. 1. – С. 1-15.
15. Shukshina T.I., Demyashkina Y.A., Zamkin P.V., Averyanova I.I., Zeynalov G.G.O. Potential of case-technology in the formation of students' research competence in practice-oriented learning // Revista on line de Pol?tica e Gest?o Educacional. 2022. – С. 22058-22058.

THE CONTROL OF BACHELORS' FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE FRAMEWORK OF BLENDED LEARNING TECHNOLOGY

Kirichenko Anna Mikhailovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow*

The purpose of the study *is to identify aspects of controlling the level of formation of foreign language communicative competence of bachelors in the framework of blended learning technology. The article discusses the difficulties of organizing foreign language classes using blended learning technology, the experience of universities in the*

framework of this technology. **Scientific novelty** lies in the study of criteria for assessing the subcompetences of foreign language communicative competence of students. **As a result,** the forms of work in the classroom in a foreign language, which allow to control foreign language communicative competence, as well as the types of tasks that are most successfully implemented using blended learning technology, are identified.

Keywords: blended learning; hybrid learning; foreign language communicative competence; monitoring forms; knowledge control; self-tesing; mutual testing.

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.40

УДК 372.881.1
ВАК РФ 5.8.7

КОНТРОЛЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БАКАЛАВРОВ В РАМКАХ ТЕХНОЛОГИИ BLENDED LEARNING

© Кириченко А.М., 2022

Цель исследования – выявить аспекты контроля уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции бакалавров в рамках технологии blended learning. В статье рассматриваются трудности организации занятий по иностранному языку с применением технологии смешанного обучения, опыт работы вузов в рамках данной технологии. **Научная новизна** заключается в исследовании критериев оценивания субкомпетенций иноязычной коммуникативной компетенции учащихся. **В результате** выявлены формы работы на занятиях по иностранному языку, позволяющие осуществить контроль иноязычной коммуникативной компетенции, а также типы заданий, которые наиболее успешно реализуются с применением технологии смешанного обучения.

Ключевые слова: смешанное обучение; гибридное обучение; иноязычная коммуникативная компетенция; формы работы; контроль знаний; самопроверка; взаимопроверка.

Введение

Одной из ключевых проблем имплементации концепции blended learning является осуществление контроля. Оптимизация существующих методов контроля и разработка новых сталкивается со множеством препятствий методического и технического характера, что, впрочем, обусловлено относительной новизной самой категории смешанного обучения. В этой связи *актуальность данного исследования* заключается в решении противоречий между существующей системой реализации технологии смешанного обучения и требованиями, предъявляемыми к оцениванию достижений учащихся в процессе обучения иностранному языку в вузе.

Цель исследования – анализ существующих подходов к методам контроля иноязычной компетенции в системе высшего образования (бакалавриат) согласно ее компонентам – субкомпетенциям. Исходя из цели были поставлены следующие *задачи*: 1) проанализировать существующие модели смешанного обучения; 2) выявить субкомпетенции иноязычной коммуникативной компетенции бакалавров; 3) проанализировать способы и методы контроля иноязычных субкомпетенций в процессе обучения иностранному языку в вузе.

Методами исследования явились: анализ, синтез, обобщение, сравнение.

Теоретической базой исследования послужили публикации российских и зарубежных исследователей по теме, имеющие преимущественно экспериментальную направленность (А.А. Абашкин, Н.Е. Гозиева, Е.К. Данилина, Н.Т. Мурадова, C.J. Bonk, C.R. Graham).

Практическая значимость работы заключается в представлении способов оценивания иноязычной коммуникативной компетенции бакалавров в рамках смешанного обучения.

КИРИЧЕНКО Анна Михайловна, *кандидат педагогических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет "Синергия", Москва*

Основная часть

Технический инструментарий и программы постепенно трансформировались из важного фактора, влияющего на жизнедеятельность человека, в неотъемлемый компонент быта, производства, рекреации и образования представителей современной цивилизации. Все чаще научные публикации и СМИ оперируют терминами "виртуальная среда", "онлайн-платформа", "цифровой помощник", "бот" [11, 91]. Подобные сдвиги, естественно, нашли свое отражение и в национальных педагогических системах; сегодня процессы, связанные с обучением, все чаще протекают в виртуальном, а не реальном мире. Все это привело, в свою очередь, к оформлению глобальной дидактической концепции электронного обучения (e-learning). Впервые данный термин применительно к высшему профессиональному образованию был зафиксирован в ходе семинара по профессиональной компьютерной подготовке (1999 г., Лос-Анджелес). На данном этапе данный термин употреблялся как тождественный понятиям "онлайн-обучение" и "виртуальное обучение" и понимался в качестве интерактивного, индивидуализированного способа обучения посредством электронных технологий [9, 75]. Данный период – конец 1990 – начало 2000-х гг. – был также связан с формированием систем управления процессом обучения (learning management systems) и разработкой методического базиса для преподавания в режиме "онлайн" [9, 78]. Данная тенденция была характерна, прежде всего, для вузов Северной Америки и Европы, а затем постепенно распространилась на другие страны мира.

На тот момент в научной и технической литературе и руководствах можно было найти множество синонимических терминов, имеющих отношение к смешанному методу обучения: "гибридное обучение" (hybrid learning), "обучение, опосредованное технологиями" (technology-mediated instruction), "обучение через Интернет" (web-enhanced instruction) и "обучение в смешанном режиме" (mixed-mode instruction). Все эти термины, как очевидно, не были способны провести четкую границу между онлайн обучением, обучением смешанного типа и прочими подвидами вузовских образовательных режимов, которые в той или иной степени задействовали цифровой инструментарий. В 2005 г. был опубликован труд Handbook of blended learning: Global Perspectives, local designs ("Справочник смешанного обучения: глобальные перспективы, местные разработки") авторства американских исследователей С. Дж. Бонка и С. Р. Грэма [12], который представил обоснование наиболее емкого термина, обозначающего обучение, при котором дистанционные усилия студента чередуется с аудиторными занятиями – blended learning (букв. "смешанное обучение"); и на сегодняшний день именно этот термин является предпочтительным и имеет наивысшую частотность цитирования в авторитетных научных трудах [11, 91].

Отечественные и зарубежные авторы поразному подходят к определению сущности смешанного обучения; Н.Е. Гозиева, в частности, указывает, что наполнение контента и функционал смешанного обучения крайне вариабельны и зависят от контекста образовательной ситуации, в связи с чем представить некое единое унифицированное определение представляется затруднительным [13, с. 1116]. Существует точка зрения (ее высказывает, помимо прочих, и отмеченная выше Н.Е. Гозиева), согласно которой смешанное обучение не является простой суммой дистанционного и очного обучения; смешанное обучение – это персонализированное обучение (differentiated instruction), при котором студент посещает общегрупповые аудиторные занятия, но консультируется с преподавателем онлайн индивидуально и получает кастомизированный материал. Следовательно, смешанное обучение, если следовать подобной логике, представляет собой более эффективную форму работы со студентами, нежели онлайн-обучение или очное обучение. Тем не менее, многие авторы говорят об обратном: смешанное обучение есть чередование дистанционного и очного обучения: "микс контактного традиционного процесса обучения с электронным" [9, 78]; "комбинации обучения "лицом к лицу" с обучением, управляемым компьютерными технологиями" [11, 91]; "сочетание традиционных форм аудиторного обучения с элементами электронного обучения, в котором используются специальные информационные технологии" [6, 222].

Можно понимать категорию blended learning и в качестве описания степени включения виртуальных средств в процесс обучения; в этом случае можно говорить об обучении с применением сетевых технологий (web-enhanced learning), где подразумевается минимальное использование онлайн-деятельности; смешанном обучении (blended learning), при студент проводит в виртуальной среде практически половину времени, отведенного под занятия; гибридном обучении (hybrid learning), где по-

ловина или большая часть обучающих процессов происходит онлайн; дистанционном обучении (fully online learning).

Как правило, технологически методология blended learning реализуется за счет потенциала существующих информационно-коммуникационных структур: функцию видеохостинга выполняет YouTube, роль коммуникативного канала играют мессенджеры типа Telegram и Viber, корпоративные мессенджеры типа Slack, клиенты видеоконференций Zoom, Skype. В рамках "классического" сценария смешанного обучения назначаются личные встречи всех участников образовательного процесса, затем наступает этап самообучения с возможностью коррекции образовательного вектора и поступления обратной связи, после чего снова наступает фаза традиционного контактного обучения [9, 78]. В вузовском пространстве применяется набор из 6 моделей обучения в режиме Blended Learning. Во-первых, преподаватель может следовать по модели Face-to-Face Driver, где ключевой составляющей обучения остается очное обучение, а уроки и материалы, поданные онлайн, являются вспомогательными. Во-вторых, Rotation Model ("ротационная модель"), предусматривающая индивидуализированное онлайн-обучение. В-третьих, имеет место Flex Model ("гибкая модель"), где используется общая онлайн-платформа, а преподаватель, при необходимости, работает с небольшими группами или с одним студентом. Отметим также модель Online Lab ("онлайн-лаборатория"), в рамках которой обучение происходит посредством виртуальных средств, но в очном режиме под контролем преподавателя. Self-Blend Model – модель самостоятельного выбора образовательных модулей. Наконец, Online Driver Model предполагает обучение онлайн, в которой опционально добавляются проверочные очные занятия [5, 36].

Одной из первых вузовских дисциплин, в которой были применены модели смешанного обучения, является преподавание иностранных языков – как в языковых, так и в неязыковых вузах, что, в свою очередь, обусловлено самой спецификой обучения языку. Еще до внедрения массовой практики онлайн и смешанного обучения студентам зачастую предлагались в качестве учебного материала аудио– и видеофрагменты, аутентичные тексты с зарубежных сайтов и прочие электронные материалы. Следовательно, "смешанность" в обучении иностранному языку наблюдалась, по сущности, еще до появления и имплементации самой концепции blended learning. Контроль знаний, при этом, осуществлялся исключительно в очной форме.

Следует отметить, что вопросы создания контента и методологии преподавания иностранных языков являются относительно разработанными в теории и практике, тогда как вопросы контроля качества обучения и уровня сформированности иноязычной компетенции являются проблемным аспектом современной педагогики. В данной связи рассмотрим то, в каких формах и насколько эффективно можно отслеживать динамику сформированности иноязычной компетенции в результате прохождения курса или его части в смешанном режиме.

Иноязычную коммуникативную компетенцию студентов бакалавриата можно представить в виде многокомпонентной структуры, включающей в себя несколько взаимосвязанных субкомпетенций:

– лингвистическая субкомпетенция (глубинное знание вокабуляра изучаемого языка и его грамматических принципов);

– социолингвистическая и дискурсивная субкомпетенция (умение интерпретировать знание языковые феноменов согласно реальному коммуникативному контексту);

– стратегическая субкомпетенция (умение применять вербальные и невербальные стратегии; умение применять стратегический подход в целях компенсации "пробелов" в знаниях);

– культурная (страноведческая) субкомпетенция (знание социокультурного контекста коммуникации).

Кроме того, на основании критерия типа коммуникативной деятельности можно представить следующую классификацию:

– устно-речевая субкомпетенция (лексический, грамматический, фонетический аспекты речевой деятельности);

– субкомпетенция письменной речи (лексический, грамматический, орфографический аспекты письменной речевой деятельности);

– аудиальная субкомпетенция (грамматический и лексический аспекты навыков аудирования);

– субкомпетенция в чтении (грамматический и лексический аспекты навыков чтения) [7].

Контроль иноязычной компетенции, соответственно, реализуется по данным типам субкомпетенций (с учетом обеих из выше представленных классификаций).

Работы по исследованию смешанного обучения представляют крайне противоречивые

результаты: по некоторым данным, уровень сформированности иноязычной компетенции студентов в таком режиме повышается, другие же постулируют отсутствие значимых улучшений в сравнении с традиционным очным образованием [6, 223]. Спецификой или, скорее, барьером в осуществлении контроля иноязычной коммуникативной компетенции студентов, обучающихся в бакалавриате, является то, что контрольные меры тесно сопряжены с контролем учебной дисциплины. К примеру, по данным ряда исследований практик blended learning, экспериментов и опросов, проведенных российскими специалистами, студенты отмечают неэффективность мер по контролю пройденного материала в связи с невозможностью предотвращения списывания или использования готовых материалов из сети в ходе экзаменов или тестов [8]. Из этого следует необходимость проработки вопросов объективного контроля деятельности участников образовательного процесса [1, 129]. Кроме того, исследователи отмечают, что контроль должен проводиться в физическом присутствии педагога, т. е. в очной форме, тогда как онлайн-контроль возможен исключительно в отношении времени, места, маршрута и темпа обучения [11, 91].

В России уже предпринимались попытки избежать рода обмана со стороны обучающихся – к примеру, при сдаче вступительных экзаменов на разных этапах обучения высшей ступени образования в МГУ, СПбГУ и иных университетах страны обязательным требованием была установка двух камер в помещении обучающегося [3, 327]. Конечно, такой опыт нельзя назвать перспективным. Выходом из данной ситуации являются такие способы контроля, которые подразумевают сдачу проверочных испытаний в режиме реального времени со строгим таймингом и технической невозможностью открытия иных вкладок в браузере [4, 41]. Тем не менее, подобные онлайн-тесты имеют ряд ограничений в плане охвата субкомпетенций, отмеченных выше (к примеру, очевидно, что дискурсивная, стратегическая, устно-речевая, аудиальная субкомпетенции такому контролю не подлежат).

А.А. Абашкин и соавторы указывают на целесообразность имплементации следующего сценария смешанного обучения иностранному языку в вузах: информационная часть образовательного модуля должна представляться в онлайн-режиме, "дозированно" (частями), в 5-дневном образовательном цикле. Текущий контроль при этом следует осуществлять посредством проверок еженедельных отчетов учащихся (конспектов и домашних заданий), которые также отправляются студентами онлайн. Итоговый же контроль – исключительно аудиторный [1, 133]. Н.Т. Мурадова говорит о том, что текущий контроль должен быть выполнен в формате бланков тестирования и проверяться автоматически – машинным способом; данная мера, безусловно, будет положительно встречена педагогами, ведь таким образом оптимизации можно подвергнуть "самые нелюбимые преподавателями виды работ" – проверки разного рода контрольных заданий [5, 36]. Данное предположение, на наш взгляд, вполне рационально, однако, как отмечено выше, сам по себе тест, к сожалению, не является той формой контроля, которая позволяет зафиксировать уровень сформированности всех компонентов иноязычной компетенции.

Как известно, студенты последних курсов бакалавриата должны не просто знать слова и их перевод, а также правила составления данных слов в грамматически верное высказывание, а демонстрировать навыки иноязычной речевой деятельности в условиях, приближенных к реальной коммуникации – т. е. за счет вовлечения в решение квазипрофессиональных задач на иностранном языке [10, 1]. Таким образом возможно развить стратегическую, культурную, дискурсивную субкомпетенции, которые не менее важны, чем компетенция собственно лингвистическая. Следовательно, контроль образовательных достижений должен выполняться и в процессе решения квазипрофессиональных задач. Педагог может выступить собеседником по переписке в области корпоративных вопросов, выступив от лица какой-либо компании, заинтересованной в найме студента, в сотрудничестве с ним или его компанией. Преподаватель может варьировать условия задания по ходу его выполнения, создавая коммуникативные контексты "поставщик – покупатель", "недовольный клиент – директор компании", "оратор/политик – массовая аудитория/электорат" и т. п. Уникальность заданий при этом не позволяет воспользоваться готовыми решениями при их выполнении, и студент вынужден порождать собственные уникальные тексты, демонстрируя уровень владения письменной речью, навыками чтения и понимания текста, а также уровни сформированности всех субкомпетенций согласно первой из вышепредставленных классификаций. Подобный метод – только один из множества приемов создания квазипрофессиональных ситуаций.

Многие исследователи указывают на то, что само по себе дистанционное обучение в любой из его форм воспитывает студентов с повышенным уровнем мотивации и ответственности, что особенно отчетливо видно на последних этапах вузовского курса. В данной связи вполне целесообразным представляется внедрение практик самооценки и взаимооценки выполненных контрольных срезов и заданий. Кроме того, при взаимопроверке и самопроверке проверяющий зачастую вынужден обращаться к дополнительным источникам, чтобы убедиться в правильности собственных суждений при вынесении оценочного суждения. Это позволяет считать самооценку и взаимооценку не только формами контроля иноязычной компетенции, но и формами повышения ее уровня. В иноязычной образовательной деятельности самоконтроль может быть применен и при анализе порожденного самим студентом речевого действия (припоминание языковых средств, выбор вариантов, соотнесение с речевой ситуацией) [10, 21].

По нашему мнению, эффективность самоконтроля и взаимоконтроля существенно возрастает при наличии у проверяющего "контрольного списка" (check list), составленного в соответствии с выделенными нами типам субкомптенций. В таком случае проверяющий осознает, что проверке подлежит не только лингвистический аспект проверяемого материала (лексика и грамматика), но и ряд иных, не менее важных проявлений лингвистического мастерства. Это также позволяет учитывать данные субкомпетенции и при выполнении новых заданий. Таким образом, контроль динамики уровней сформированности субкомпетенций, входящих в иноязычную коммуникативную компетенцию, – весьма непростая с педагогической и технической точек зрения задача.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы*:

1. В практике обучения иностранному языку в вузе реализуются преимущественно модели: Face-to-Face Driver, Rotation Model и Flex Model.

2. Среди субкомпетенций, которые подлежат оцениванию в процессе обучения иностранному языку, находятся не только собственно лингвистические, но и такие, как дискурсивная, страноведческая, стратегическая.

3. Оптимизм, который демонстрируют современные педагоги, методисты и администрации вузов в отношении технологии blended learning, позволяет предположить скорую разработку набора эффективных проверочных методик, выполняемых как очно, так и онлайн. Методы контроля далеко не исчерпываются вышеописанными в данной статье. Перспективными также можно считать метод проектной работы, веб– и мобильные приложения отслеживания динамики усвоения знаний [2], веб-квесты, составление профессионального портфолио, телеконференции и многие другие, которые, безусловно, могут стать предметом отдельного исследования.

Литература:

1. Абашкин А.А., Мосин В.Г., Егорова И.П. Образовательный модуль в формате Blended Learning для университетов и программ дополнительного образования // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия "Психолого-педагогические науки". – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 129-138.

2. Данилина Е.К. Контроль сформированности иноязычных письменно-речевых умений при помощи мобильных приложений: теоретико-методическая модель // Научный диалог. – 2018. – №3. – С. 253-266.

3. Залунин А.Е. Blended learning в преподавании английского языка в средних классах // KANT. – 2021. – №2 (39). – С. 323-328.

4. Козырева М.П. Технология смешанного обучения (blended learning) иностранному языку студентов-филологов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – №1. – С.39-45.

5. Мурадова Н.Т. Использование метода смешанного обучения в процессе изучения иностранного языка в вузе // Евразийский Союз Ученых. – 2021. – №2-3 (83). – С. 35-37.

6. Осьмина К. С. Blended learning: интеграция дистанционного и очного обучения // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №74-3. – С. 221-224.

7. Пересыпкина М.Ю. Иноязычная коммуникативная компетенция и информационные технологии // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2020. – №4. – С. 71-76.

8. Полянок О.В., Гладкова И.В. Реальные и потенциальные риски дистанционного образования: мнение студентов // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №75-1. – С.122-125.

9. Савельева Н.Х., Уварина Н.В., Гнатышина Е.А. Генезис понятия "электронное дистанционное обучение" в педагогической теории и практике // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2010. – №1(65). – С. 74-83.

10. Тимкина Ю.Ю. Оценка иноязычной коммуникативной компетенции в квазипрофессиональной ситуации // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – №7(1). – С. 21.

11. Толстикова И.И., Игнатьева О.А., Кондратенка К.С., Плетнев А.В. Blended learning поколения Z: технология возможностей // International Journal of Open Information Technologies. – 2021. – №12. – С. 90-98.

12. Bonk C.J., Graham C.R. Handbook of blended learning: Global Perspectives, local designs. San Francisco, CA: Pfeiffer Publishing, 2005. 624 p.

13. Gozieva N.E. Blended Learning // Scientific progress. 2021. №2. Pp.1116-1118.

MODERN EDUCATIONAL INTERNET RESOURCES IN STUDYING ENGLISH

Koroukhova Ludmila Vladimirovna, *PhD of Philological sciences, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk*

The purpose of the study *is to highlight popular services for organizing and holding olympiads and educational language platforms. The article focuses on the possible ways of using these Internet resources in the process of teaching English.* ***The scientific novelty*** *of the presented article is due to the consideration of the problem chosen by the author through the prism of learning English in a non-linguistic university.* ***As a result*** *of the study, popular educational Internet resources are highlighted, data are presented on their use within the framework of the "Foreign Language" program at UlSTU for the implementation of educational goals, and the results obtained during testing the use of the most significant electronic educational resources are analyzed.*

Keywords: *internet resources; online services; educational language platforms; Olympiads and contests; the foreign language; the English Language.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.41

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

УДК 372.881.111
ВАК РФ 5.8.2

© Корухова Л.В., 2022

Цель исследования *– осветить популярные сервисы по организации и проведению олимпиад и образовательные языковые платформы. В статье акцентировано внимание на возможных способах применения данных Интернет-ресурсов в процессе обучения английскому языку.* ***Научная новизна*** *представленной статьи обусловлена рассмотрением выбранной автором проблемы сквозь призму изучения английского языка в неязыковом вузе.* ***В результате*** *исследования освещены популярные образовательные Интернет-ресурсы, представлены данные об их применении в рамках программы "Иностранный язык" в УлГТУ для реализации образовательных целей, проанализированы результаты, полученные в ходе апробации применения наиболее значимых электронных образовательных ресурсов.*

Ключевые слова: *Интернет-ресурсы; онлайн-сервисы; образовательные языковые платформы; олимпиады и конкурсы; иностранный язык; английский язык.*

Введение

Важной проблемой российского общества в современных условиях является повышение качества образования. Решение этого вопроса связано с модернизацией содержания образования и применением новейших технологий и электронных ресурсов. В этой связи актуальность данного исследования определяется необходимостью всестороннего анализа проблемы организации материала на уроках иностранного языка с применением современных образовательных электронных ресурсов.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) изучить корпус учебной и методической литературы, содержащей данные о современных электронных ресурсах; 2) осветить популярные образовательные Интернет-ресурсы (сервисы по проведению онлайн олимпиад и конкурсов по английскому языку, обучающие языковые платформы и т.д.); 3) представить данные о применении интернет-ресурсов в рамках программы "Иностранный язык" в УлГТУ для реализации образовательных целей; 4) проанализировать результаты, полученные в ходе апробации применения наиболее зна-

КОРУХОВА Людмила Владимировна, *кандидат филологических наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск*

чимых электронных образовательных ресурсов.

Для решения поставленных задач в статье применяются следующие *методы исследования*: 1) метод систематизации и обобщения информации, 2) метод анализа данных, 3) метод статистического подсчета, 4) описательный метод, 4) анкетирование.

Теоретической базой исследования послужили изыскания таких отечественных и зарубежных исследователей, как О.П. Фесенко [10], М.А. Акопова [1, 5], Л.Г. Жук [1, 5, 8], В.Г. Апальков [2], Т.А. Видова [3], Е.А. Дубень [4], П.В. Сысоев [9], М.Н. Евстигнеев [9], Н.А. Минасян [6], Н.Ю. Миронова [7], А.А. Строева [8] и др. Практически все из перечисленных авторов внесли свой вклад в развитие проблематики, связанной с применением Интернет-технологий при обучении иностранному языку. Однако данная проблема освещена фрагментарно и требует детализации. Данная публикация ориентирована на устранение данного пробела.

Практическая значимость заключается в возможности применения комплекса образовательных ресурсов, отобранных автором исследования, на занятиях по иностранному языку.

Основная часть

Концепция настоящей работы определяется стремлением в первом приближении осветить популярные современные образовательные ресурсы, которые можно применять в обучении иностранному языку. В этой связи считаем целесообразным рассмотреть комплекс современных образовательных Интернет-ресурсов, направленных на развитие языковых навыков обучающихся. В данной статье приводятся наиболее популярные среди обучающихся УлГТУ электронные сервисы.

Сервисы по проведению онлайн-олимпиад по английскому языку

1. Международный педагогический портал "Солнечный свет" (https://solncesvet.ru) реализует свыше 2000 тестов, олимпиад и викторин, в том числе и по английскому языку. Результаты олимпиады можно получить в течение одного дня. После прохождения олимпиады выдаются сертификаты и дипломы, оформленные в соответствии с требованиями аттестационной комиссии.

Важной особенностью платформы "Солнечный свет" является то, что олимпиады ориентированы как на школьников, так и на студентов. Вместе с тем можно заметить еще одну важную деталь сервиса – разделение студенческих олимпиад по английскому языку на курсы. Это дает студентам оценить свои способности в рамках учебной программы соответствующего курса.

2. "Англиус" (https://anglius.ru/) представляет собой Международный портал дистанционных проектов по английскому языку, который дает участнику принять участие в конкурсах международного уровня и получить сертификат или диплом. Участие проводится на коммерческой основе по приемлемым ценам. Интересно то, что возрастные ограничения минимальны: участниками могут стать желающие в возрасте от шести лет и старше.

На портале можно найти онлайн-олимпиады для дошкольников, школьников, студентов и педагогов. Цель каждой олимпиады определяется ее тематикой. К примеру, цель Международного лексического конкурса "English crossword" – развитие лексических навыков учащихся, совершенствование навыков работы со словарем, смекалки и эрудиции. Цель Международной лингвострановедческой викторины "Great British Quiz" – проверить знания о стране изучаемого языка, развивать навыки письма, чтения и перевода. Таким образом, каждый участник имеет возможность выбрать конкурс или викторину в соответствии с поставленными целями.

Главной особенностью портала являются творческие конкурсы для педагогов, учащихся и студентов (Международный творческий конкурс "Summer creativity", Международный творческий конкурс "Цифровая открытка, посвященная достижениям родной страны", Международный творческий конкурс видеороликов "My English videos" и др.). На конкурсы принимаются презентации, конспекты занятий, постеры, цифровые открытки, рисунки, плакаты, видеоролики фотографии, кроссворды, аудиозаписи песен, статьи, образовательные продукты, сочинения, стенгазеты, проекты и т.д.

Кроме того, "Англиус" проводит педагогические конференции, в рамках которых у участников есть возможность опубликовать свои материалы.

3. Онлайн-олимпиады, организованные Ульяновским государственным университетом (г. Ульяновск). (https://www.ulsu.ru/ru/sveden/struct/676632c2-187b-11e4-a0fe-00237dcf6128/) Ежегодно Институт международных отношений, кафедра английского языка для профессиональной деятельности приглашают студентов принять участие в Всероссийской онлайн-олимпиаде по английскому языку "Lingua Profi", нацеленной на повышение интереса молоде-

жи к изучению иностранных языков и мировой культуры, выявление знаний в области иностранных языков. Особенность олимпиады состоит в том, что она проводится по двум направлениям: языковые и неязыковые направления подготовки. Олимпиада включает в себя 5 разделов: Reading, Listening, Language and Culture, Vocabulary, Sentence Structure (для языковых направлений) и Reading, Listening, Grammar, Vocabulary, British Culture (для неязыковых направлений). По результатам участники получают электронные сертификаты, а победители -электронные письма.

Кафедра английского языка для профессиональной деятельности также ежегодно проводит Всероссийскую олимпиаду по английскому языку "Знаменитые естествоиспытатели", посвященная выдающимся ученым в области физики и химии. Участникам предлагается посмотреть четыре видеоролика и ответить на предложенные вопросы. Электронные сертификаты и дипломы предоставляются после подведения результатов.

Все олимпиады отличаются тем, что они проводятся на бесплатной основе и не требуется предварительная регистрация для участия.

Образовательные платформы

1. engVid (Free English Video Lessons) (https://www.engvid.com/) – зарубежная площадка, на которой размещены видео уроки продолжительностью 15 мин. Сервис содержит 1876 уроков на данный момент, и он постоянно обновляется. Доступ к ресурсам бесплатный. Занятия ведут опытные зарубежные преподаватели (Adam, Alex, Jade, Benjamin, Rebecca, Emma, James, Ronnie, Gill). Уроки затрагивают грамматические, лексические, фонетические аспекты английского языка. Кроме того, содержится информация о IELTS иTOEFL и многое другое. Полезным может стать раздел, где представлены тематические ресурсы по грамматике, лексике и правописанию, которые можно распечатать. К примеру, "30 Literal Phrasal Verbs in English", "Stative Verbs in English", "Resume Sample &Tips", Vocabulary: Crime & Criminals" и др.

Важная особенность контента engVid в том, что уроки разбиты по уровням (1– Beginner, 2 – Intermediate. 3-Advanced) и по темам (Business English, Comprehension, Culture and Tips, Exams, Expressions, Grammar, IELTS, Pronunciation, Slang, Speaking, TOEFL, TOEIC, Vocabulary, Writing). Обращает на себя внимание еще одна важная деталь: учащийся может выбрать из предложенного списка преподавателей тех, кто больше импонирует по манере подачи материала, возрасту, тембру голоса и т.д.

2. Deep English (https://deepenglish.com/) – это зарубежный ресурс, позволяющий улучшить навыки говорения, понимания и слушания, расширить грамматический и словарный запас. Материалы Deep English представлены на коммерческой основе, однако можно подписаться на бесплатный курс. Все аудио уроки будут отправляться с определенной регулярностью на электронную почту учащегося. Каждый урок – это отдельная история. Текст можно прослушать с разной скоростью (slow/normal/fast). Ниже приводится печатный вариант текста, записанного на аудио, ссылки на источники, рекомендации к уроку для наиболее эффективного усвоения материала, комментарии к тексту и лексические задания для выполнения онлайн.

3. ESOL Courses (Free English Lessons Online) (https://www.esolcourses.com/) – бесплатный образовательный ресурс, предлагающий оригинальный контент. Уроки разбиты по уровням (Pre-Intermediate/Intermediate/Advanced и т.д). Тематика занятий вариативна: "The World's Greatest Football Superfan", "The Life in the UK (UK Citizenship)", "Taking Action on Climate Change", " Martin Luther King", "Waterloo Sunset", "American superstitions". На этом ресурсе предлагаются разные по содержанию заданий уроки. В целом, в уроках предлагается просмотреть видеоролик и выполнить предложенные задания к нему. Задания выполняются онлайн и после выполнения проверяется автоматически, результаты проверки отображаются на экране.

Практический аспект настоящего исследования отображен в нижеприведенной таблице.

Результаты, представленные в таблице, отображают тенденцию интереса студентов к обсуждаемым в исследовании интернет-ресурсам и порталам. Очевидно, что наибольшим спросом пользуются Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ и образовательные платформы engVid и Deep English.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы*:

1. В результате исследования изучен корпус учебной и методической литературы, содержащей данные о современных электронных ресурсах.

2. Освещенные в работе популярные образовательные Интернет-ресурсы (сервисы по проведению онлайн олимпиад и конкурсов по английскому языку, электронные словари, обу-

Таблица – **Использование Интернет-ресурсов в рамках учебной программы "Иностранный язык" в УлГТУ**

Группа	Интернет-ресурсы	Количество участников
МТМбд-11	«Солнечный свет»	3
	«Англиус»	4
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	9
	engVid (Free English Video Lessons)	10
	Deep English	10
	ESOL Courses	5
Эбд-21	«Солнечный свет»	2
	«Англиус»	3
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	7
	engVid (Free English Video Lessons)	8
	Deep English	9
	ESOL Courses	8
РТбд-21	«Солнечный свет»	5
	«Англиус»	3
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	11
	engVid (Free English Video Lessons)	8
	Deep English	11
	ESOL Courses	4
ТГВбд-21	«Солнечный свет»	1
	«Англиус»	1
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	9
	engVid (Free English Video Lessons)	7
	Deep English	7
	ESOL Courses	4
Нбд-11	«Солнечный свет»	4
	«Англиус»	2
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	6
	engVid (Free English Video Lessons)	10
	Deep English	10
	ESOL Courses	5
Рбд-11	«Солнечный свет»	2
	«Англиус»	2
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	6
	engVid (Free English Video Lessons)	8
	Deep English	7
	ESOL Courses	6
Эбд-12	«Солнечный свет»	4
	«Англиус»	2
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	10
	engVid (Free English Video Lessons)	9
	Deep English	8
	ESOL Courses	4
ЭАбд-11	«Солнечный свет»	2
	«Англиус»	1
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	4
	engVid (Free English Video Lessons)	9
	Deep English	7
	ESOL Courses	1
ФКбд-21	«Солнечный свет»	5
	«Англиус»	2
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	7
	engVid (Free English Video Lessons)	7
	Deep English	5
	ESOL Courses	5
ЭАбд-21	«Солнечный свет»	1
	«Англиус»	1
	Онлайн-олимпиады, организованные УлГУ	6
	engVid (Free English Video Lessons)	7
	Deep English	8
	ESOL Courses	5

чающие языковые платформы и т.д.) успешно используются в рамках программы "Иностранный язык" в УлГТУ для реализации образовательных целей.

3. Анализ данных, полученных в ходе анкетирования студентов УлГТУ неязыковых специальностей, подтвердил значимость и востребованность электронных образовательных ресурсов, приведенных в настоящем исследовании.

В заключение отметим, что все вышеперечисленные современные образовательные ресурсы носят положительный характер и могут быть активно введены в практику преподавания иностранного языка. Каждый из предложенных ресурсов требует детального рассмотрения, что не входит в рамки настоящего исследования. Для нас важно осветить основной корпус Интернет-ресурсов и осмыслить их применение в практике преподавания английского языка.

Данная работа выполнена в парадигме исследования проблемы изучения иностранных языков с применением современных технологий и отражает основную концепцию автора. Выбранная тема соответствует ряду научных школ и направлений УлГТУ: "Современные технологии обучения иностранным языкам", "Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранного языка" и др. Интерес исследователей к выбранной теме диктует необходимость более углубленного рассмотрения. В этой связи дальнейшая разработка проблемы представляется перспективной и требует детального изучения и анализа.

Литература:

1. Акопова М.А., Жук Л.Г. Интернет как инструмент самостоятельной деятельности студентов при изучении иностранного языка в неязыковом вузе / М. А. Акопова, Л. Г. Жук // Вопросы методики преподавания в вузе. – СПб.: Нестор, 2006. – Вып. 9. – С. 15-18.

2. Апальков В.Г. Использование современных средств обучения и интернет-технологий в обучении иностранным языкам // Открытое образование – 2013. – №6. – С.71-75.

3. Видова Т.А. Применение сети Интернет в преподавании иностранных языков в вузе // Интернет как реальность: сб. докладов III Международной научно-практической конференции. – Вып. 3 / под ред. А.М. Грибкова, Л.А. Виликотской. -Рязань: Первопечатникъ, 2017. – С. 36-38.

4. Дубень Е.А. Использование современных информационных технологий при обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2016. – № 1. -С. 45-50.

5. Жук Л. Г., Акопова М. А. Проблема выбора критериев оценки качества Интернет-ресурсов при обучении иностранному языку / Л. Г. Жук, М. А. Акопова // XXXIV Неделя науки СПбГПУ: материалы Всероссийской межвузовской научно-технической конференции студентов и аспирантов. – СПб.: СПбГПУ, 2005. – Ч. XI. – С. 77-79.

6. Минасян Н.А. ИКТ как средство повышения мотивации учащихся на уроках иностранного языка // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2017. – № 58. – 0,3 п.л. // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://e-koncept.ru/2017/470104.htm. (дата обращения: 09.08.2022).

7. Миронова Н.Ю. Использование интернет-технологий на занятиях по иностранному языку со студентами неязыковых профилей в условиях дистанционного обучения // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31058 (дата обращения: 01.08.2022).
8. Строева А.А., Жук Л.Г. Контент-анализ статей, посвященных использованию Интернета в преподавании иностранного языка / А.А. Строева, Л.Г. Жук // XXXIII Неделя науки СПбГПУ: материалы Всерос. межвуз. науч.-технич. конф. студентов и аспирантов. – СПб.: СПбГПУ, 2005. – Ч. VIII. – С. 151-153.
9. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Современные учебные Интернет-ресурсы в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 6. – С. 1-10.
10. Фесенко О.П. Электронное обучение культуре речи и деловым коммуникациям в техническом вузе: возможности интернета // Концепт. – 2022. – №3 (март). – С. 51-65. URL: http:/e-koncept.ru/2022/221017.htm (дата обращения: 08.08.2022).

THE PROBLEM OF FORMING THE MODERN SUBJECT OF DIGITAL REALITY IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT *

Krauze Aleksandra Anatolievna, *PhD of Philosophy, Associate Professor*
Soloveva Svetlana Igorevna, *PhD of Pedagogical sciences, Lecturer*
Shishigin Andrey Vladislavovich, *PhD of Sociological sciences, Associate Professor*
Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm

The proposed article has the character of an interdisciplinary study. It deals with the problem of the formation of a modern subject of social action in the context of the digitalization of modern society, the transition to digital technologies in the education system. The author highlights the main aspects that reveal the specifics and problems of the formation of the subject in the new realities, as well as the content and prospects of its formation as a national discourse. The study is based on philosophical and pedagogical approaches to explaining the educational reality and its influence on the modern subject.

Keywords: *subject; education; digitalization; digital educational reality.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.42

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СУБЪЕКТА ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ **

УДК 37.01:130.2
ВАК РФ 5.8.1

© Краузе А.А., 2022
© Соловьева С.И., 2022
© Шишигин А.В., 2022

Предлагаемая статья носит характер междисциплинарного исследования. В ней рассматривается проблема формирования современного субъекта социального действия в контексте цифровизации современного общества, перехода на цифровые технологии в системе образования. Автор выделяет основные аспекты, раскрывающие специфику и проблемы формирования субъекта в новых реалиях, а также содержание и перспективы его формирования как национального дискурса. Исследование основывается на философском, социологическом и педагогическом подходах к объяснению образовательной действительности и ее влияния на современного субъекта.

Ключевые слова: *субъект; образование; цифровизация; цифровая образовательная реальность.*

Введение

Феномен "цифровая образовательная реальность" настолько прочно входит в педагогическую практику, что позволяет рассматривать его довольно широко, выходя за узкие рамки дидактического совершенствования методов и способов обучения. В целом информатизация и как следующая ступень -цифровизация исследуется

* The article was prepared as part of the implementation of state assignment No. 07-00080-21-02 dated August 18, 2021 (registry entry number No. 730000F.99.1) with the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "Research of the formation and scientific and methodological support of digital formats of additional education, organization of project and research activities of students".
** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания №07-00080-21-02 от 18.08.2021 г. (номер реестровой записи №730000Ф.99.1) с Министерством просвещения Российской Федерации по теме "Исследование становления и научно-методическое сопровождение цифровых форматов дополнительного образования, организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся".

уже с конца 80-х годов XX века. В отечественной науке можно отметить труды Э.П. Семенюка [8] А.П. Суханова [9], А.И. Ракитова [5], где процесс и новаций, технологический, цифровой рассматривается на пересечении культурно-цивилизационных антагонизмов. Исследователями отмечается, что, втягиваясь в эти процессы, общества должны иметь механизм "адаптивной культуры", чтобы без труда воспринимать технологические инновации [6]. При характеристике процесса информатизации общества исследователи делают акцент на том, что технологические механизмы общества не стоят особняком, а тесно сплетены и с экономикой, и культурой и политикой [7]. В этом контексте правомерно применительно к общественному развитию в целом "цифровую образовательную реальность" характеризовать как риск, хаос, неопределенность, вызов, искусственный интеллект, и т.д. При этом, в данной характеристике не заложено деструктивное основание. Цифровизация, напротив, выступает как тенденция развития современного общества, расширяющая и развивающая субъектные позиции и возможности его членов. Поскольку этот процесс существенно затрагивает субъектную сторону, к анализу цифровой тенденции развития общества требуется комплексный подход. И на социальном уровне в целом, и на уровне складывающейся цифровой образовательной среды, в частности, высвечивается проблема социальной ответственности за перспективы будущего всего человечества.

С философской, глобальной точки зрения социальная ответственность предполагает практику баланса человеческого и техногенного. В структуре личности субъекта должно проявляться ориентация на всеобще-универсальное бытие. Такой субъект всегда причастен к общечеловеческим ценностям. Можно сказать, что возрастающим трендом становится запрос на субъектность, ярковыражающую свою индивидуализацию бытия, при помощи тех же цифровых технологий, но при этом учитывающей в своих действиях всеобщий подход к бытию.

Под влиянием последних десятилетий была произведена деконструкция социально-ориентированного субъекта. Не исключением стала и система образования. Этому способствовали стандарты, ориентирующие на обучение и воспитание на траекторию индивидуализировано-технологического субъекта. В качестве целей данной траектории стало развитие критического мышления, творческих способностей, отдельных умений по проектированию и исследовательской работе. Концепт целостной личности в результате принятых целей и задач, оказался под угрозой. Как отмечал в свое время философ А. В. Гулыга, "растущая специализация знания вырабатывает особый тип мышления, направленный на узкий участок деятельности, не способный и не стремящийся к самостоятельной оценке общей социальной ситуации в современном мире и поэтому легко принимающий на веру чужие слова" Вот почему работник умственного труда так же может оказаться во власти мифа, как и всякий обыватель" [2]. Можно сказать, что функциональный подход победил гуманистический. Под влияние данного процесса попал феномен "традиция", который не тормозит инновацию, как многие представляют, а находится в диалектической связи с ней, выполняя функцию "передачи опыта", "социокультурного кода". Это создает серьезную проблему приобщения к традиционным общечеловеческим ценностям и императивам. Под влиянием процесса цифровизации возрастает роль социальной, экономической, коммуникативной мобильности, что еще больше противопоставляет ценности

КРАУЗЕ Александра Анатольевна, *кандидат философских наук, доцент*
ORCID: 0000-0003-0594-3473

СОЛОВЬЕВА Светлана Игоревна, *кандидат педагогических наук, преподаватель*
ORCID: 0000-0003-2483-7844

ШИШИГИН Андрей Владиславович, *кандидат социологических наук, доцент*
ORCID: 0000-0001-9093-4234

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

традиции и инновации. Данные тренды усиливают позиции субъекта в отношении права на "собственную уникальность". Идеал "собственной уникальности" переходит в поведенческую реальность индивидов. Неограниченные технологические цифровые возможностями этому только способствуют. Субъективность начинает побеждать субъекта.

Несмотря на объединяющие возможности виртуальной реальности, межкультурные, социальные и технологические различия между субъектами общества растут в арифметической прогрессии, следствием чего становится технологическая, гуманитарная и нравственная разобщенность современных субъектов, выступающая барьером на пути построения социального взаимодействия. Для такой субъективности характерна социальная иррациональность, идентификация с самим собой, невозможность делений на высшие и низшие ценности. Как отмечает И. Джохадзе, подобная эволюция субъекта ведет к тому, что важнейшие качества субъекта любознательность, целеустремленность и здоровый скептицизм, сменяются на всеядность, рассеянность и равнодушие [1]. Субъект становится виртуальным субъектом, ориентированным не на условность, а на символизм. И сформированным навыком к критическому мышлению здесь ситуацию не удержать, поскольку "мыслит не душа, а человек", и объектом процесса обучения и воспитания должны быть не отдельные навыки, знания и умения, а целостный человек.

С дидактической точки зрения процесс цифровизации имеет ряд преимуществ и цели личностного обучения и воспитания вполне достигает. Повышается степень вовлеченности субъекта в образовательный процесс. Цифровизация позволяет минимизировать отрыв практической и теоретической подготовки обучающихся. На наш взгляд, функциональное значение цифровизации следовало бы рассматривать в контексте ценности и деятельности. В контексте ценности – цифровизация должна коммуницировать культурное наследие в общественном поведении. В контексте традиции, цифровизация обусловлена проблемой преемственности и устойчивости в современной социальной парадигме. Задача общества будущего интеграция ценности-традиции, цифровизации и социальные системы. Но чтобы не потерять ценностей, общество не может существовать без постоянного обновления формы и содержания. В этой характеристике цифровизация может рассматриваться в контексте деятельности. Обучение и воспитание перестает просто транслировать внешний опыт и знания, а обращается к внутреннему, индивидуальному миру человека, позволяет включиться в диалог. Происходит переориентация субъектов образовательного процесса с трансляционного типа обучения на креативно-исследовательский, продуцирующий исследовательскую, познавательную мотивацию учащихся. Под влиянием цифровых технологий в образовании возможно преодоление разрыва между предметным и практикой. Цифровые технологии могут стать основным ресурсом самообразования, преодолеть мотивацию к обучению, которое без практики становится более абстрактно для учащихся. В процессе цифровизации образовательного процесса можно предположить, что формируется обусловленность одновременно и индивидуального, и социального опыта. Готовность и возможность субъекта образовательного процесса в рамках цифровой образовательной среды быть инициативным, достраивающим, включенным является основой обеспечения взаимодействие теоретического и практического, личностного и социального. Но в то же время, должно быть понимание того, что цифровая образовательная реальность – это всего лишь часть образовательного пространства. Оно не может заменить классическую гносеологическую культуру, сформированную человечеством веками, а только дополнить ее. Данный процесс ведет к потребности в новом типе субъектов образовательного процесса, новым знаниям и компетенциям деятельности. С одной стороны, как уже было отмечено, цифровизация существенно увеличивают возможности в любом виде деятельности, в том числе в учебной. Более того это позволяет системе образования осуществлять проекты сверх потребностей общества на данном этапе. С другой стороны, интенсивная, напряженная включенность индивида в современную парадигму инновационного развития, в том числе в системе образования, а он теперь является первичным звеном, в котором происходит знакомство индивида с цифровой сферой, переформатируется его мировосприятие, способы деятельности, общения, досуга. Субъект становится другой, обостряется разрыв поколений, а значит, преемственность базовых общечеловеческих ценностей. Формируется множественная среда субъектов и субъективностей. Еще одним побочным эффектом цифровизации становится тотальный контроль над общественной и личной жизнью людей, что свидетельствует об информационным сетевом закабалении мира [3].

Для системы образования это тоже является вызовом, поскольку она встроена в сетевое взаимодействие, и оно является одним из нормативных императивов для деятельности образовательных организаций.

Таким образом, без опережающего прогнозирования и включение в процесс цифровизации аксиологической повестки, где вытеснение привычного человека и замена его характеристик на технические функции будут рассматриваться, наконец, как глобальная проблема, без смены статуса цифровизации с идеала, в котором воплотилась мечта человека превосходить природу, на ресурсную базу современного человечества, у которой есть свои побочные эффекты, крайне трудно прогнозировать, что есть шансы сохранить баланс между культурно-антропологическим и цифровым основанием бытия человека. Именно в целях, задачах и средствах образовательная сфера общества как никто должна быть близка к достижению такого исторически важного баланса.

Результаты исследования

Философский анализ подтверждается данными социологического социологического исследования проведенного среди педагогов из семи городов регионов РФ в рамках реализации проекта "Исследование научно-методического сопровождения цифровых форматов дополнительного образования". Опрос проводился с 29.01 по 09.03.2021 г. через онлайн-форум Microsoft Forms (сервис создания онлайн-опросников). Выборка – целевая (педагоги), доступная (опрошены те, кто сам изъявил желание ответить на вопросы). Всего приняли участие – 1621 педагог. В дальнейшем, в целях сравнительного анализа ситуации в региональных центрах, из общего массива данных были отобраны ответы респондентов семи региональных столиц. В результате отбора, в данные, подлежащие статистической обработке, были включены ответы респондентов из Перми (N = 221), Екатеринбурга (N = 487), Ижевска (N = 212), Челябинска (N = =340), Тюмени (N = 149), Ярославля (N = 122) и Иваново (N = =45). Таким образом, объем выборки составил 1576 человек. При вероятности (P) равной 0,95 величина допустимой ошибки (m) составляет 2,5%. Доля педагогов – мужчин (120 человек) составила 7,5%. Почти половину респондентов составили педагоги со стажем более 20 лет (779 человек). Молодых педагогов, со стажем менее 5 лет, в выборке 264 человека. Педагогов со стажем от 5 до 10 лет – 222 человека, а со стажем от 10 до 20 лет – 311 человек [10].

Результаты анкетного опроса показывают, что более четверти всех педагогов (27%) не получают никакой поддержки по внедрению и применению цифровых образовательных технологий (рис. 1). При этом не нуждаются в поддержке всего около 8% педагогов. Поддержка со стороны методического объединения школы оказывается каждому второму педагогу (52%). Почти 13% получают поддержку со стороны сетевого взаимодействия. Определенную тревогу вызывает тот факт, что 27% педагогов, не получающих никакой поддержки по внедрению и применению цифровых образовательных технологий, это результат, полученный после года работы образовательных учреждений в дистанционном режиме. Проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона позволяет говорить о влиянии гендерных различий, поскольку выявлена статистическая связь между ответами на этот вопрос и полом педагогов (χ^2 = =15,761; p = 0,001). Среди педагогов-мужчин вдвое больше тех, кто не нуждается в поддержке (14% против 7%). Педагоги-мужчины чаще получают поддержку по линии сетевого взаимодействия (20% против 12%) и реже со стороны методического объединения (40% против 53%).

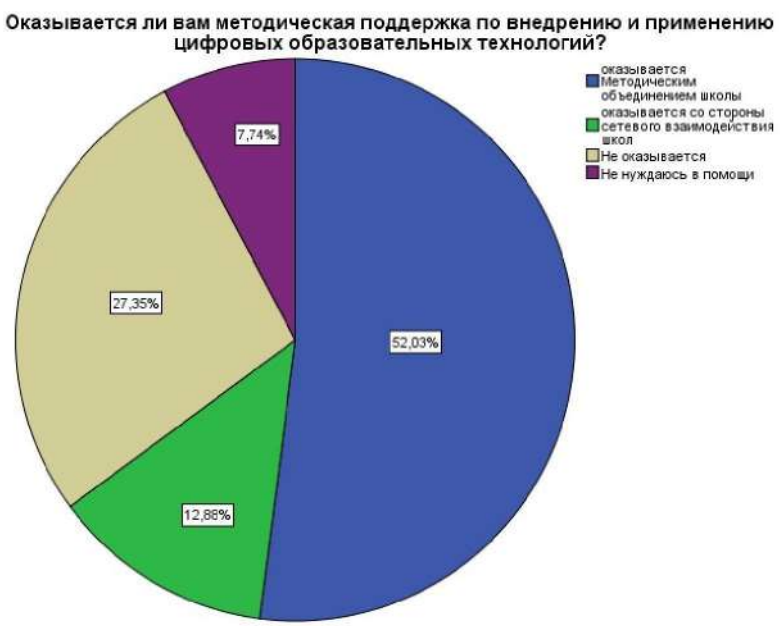

Рисунок 1 – **Результаты опроса педагогов по внедрению и применению цифровых образовательных технологий**

Значение критерия χ^2 Пирсона ($\chi^2 = 60{,}553$; $p = 0{,}000$) указывает на наличие связи между ответом на данный вопрос и педагогическим стажем. Четко выражена обратно пропорциональная зависимость между педагогическим стажем и долей тех, кто не нуждается в поддержке (диаграмма 2). Самые молодые педагоги (со стажем менее 5 лет) вполне ожидаемо лучше своих возрастных коллег ориентируются в новых технологиях. Если среди самых молодых педагогов доля таковых составляет 17%, то уже в группе со стажем от 5 до 10 лет она резко снижается до 9,9%, а в группах со стажем от 10 до 20 лет и более 20 лет падает до уровня 5,8% и 4,7%, соответственно. Наоборот, с увеличением педагогического стажа, линейно возрастает доля тех, кто получает поддержку со стороны методического объединения (рис. 2). Если в группе самых молодых педагогов доля таковых составляет 41,7%, то в группе самых возрастных – 57,8%. Проверка значимости процентных различий [8] указывает на то, что у этих двух групп педагогов они с высокой степенью вероятности являются значимыми ($P = 0{,}99$). Доля тех, кто получает поддержку по линии сетевого взаимодействия, не зависит от стажа. В самом сложном положении оказываются педагоги со стажем от 5 до 10 лет. Среди них наибольшая доля тех, кто не получает никакой поддержки (33,8%). Среди самых молодых педагогов доля таковых составляет около 27%, а среди самых возрастных – 24,9%. Процентные различия между группами педагогов со стажем от 5 до 10 лет и со стажем более 20 лет с высокой степенью вероятности являются значимыми ($P = 0{,}99$).

Региональная-муниципальная специфика также оказывает свое влияние на ответы респондентов (рис. 3). Значение критерия χ^2 Пирсона ($\chi^2 = 28{,}090$; $p = 0{,}061$) находится вблизи критического значения ($\chi_0^2 = 28{,}87$) для 5% уровня значимости. Однако здесь стоит учитывать большое количество степеней свободы, как результат большого количества сравниваемых групп. Поэтому в данном случае, сравнивая ответы педагогов из разных городов, более целесообразно использовать значимость процентных различий. Если говорить о тех, кто не получает никакой методической поддержки, то можно выделить три группы. В первую, с самой высокой долей не получающих поддержки, входят педагоги Перми и Ижевска (по 32% в каждом городе). Во второй группе оказываются педагоги Екатеринбурга, Челябинска и Ярославля (26-28 %). В третьей группе, которую образуют педагоги Иваново и Тюмени, доля, не получающих методической поддержки, минимальна и составляет 20-21 %. Проверка значимости процентных различий между педагогами Перми и Тюмени, выбравшими данный вариант ответа, указывает на существование значимых различий ($P = 0{,}98$). Столь же значимые различия обнаруживаются при сравнении Ижевска и Тюмени, выбравших данный вариант ответа. Говоря о поддержке со стороны методического объединения, стоит отметить, что в Иваново и Тюмени она оказывается чаще, чем в других городах. Если в Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Ижевске и Ярославле доля педагогов, получающих поддержку со стороны методического объединения школы, колеблется в интервале 50,3-52,5 %, то в Иваново доля таковых 57,8%, а в Тюмени – 59,7%. Проверка значимости процентных различий между педагогами Екатеринбурга и Тюмени, выбравшими данный вариант ответа, показала существование значимых различий ($P = 0{,}95$). Поддержку со стороны сетевого взаимодействия чаще всего получают педагоги

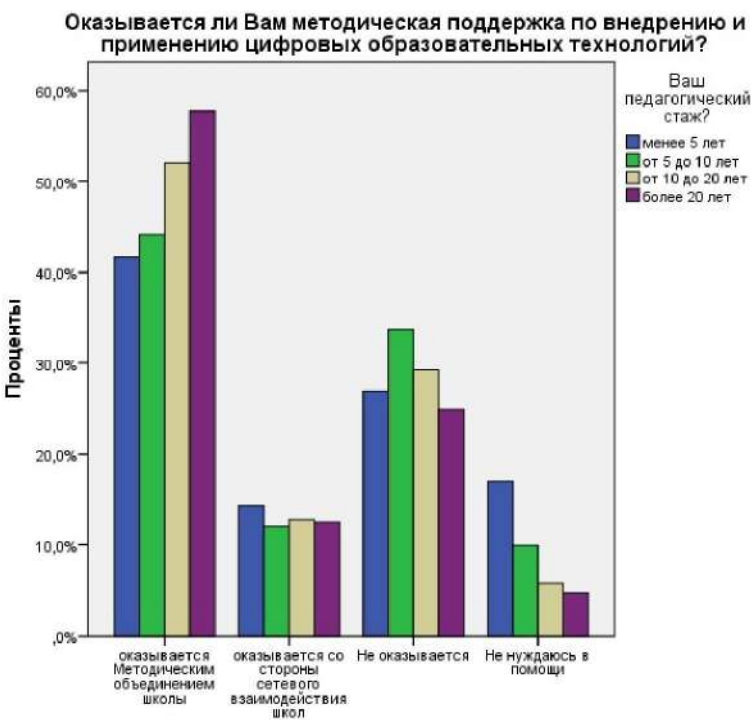

Рисунок 2 – **Пропорциональная зависимость между педагогическим стажем у педагогов**

Иваново (17,8%), Тюмени (16,1%) и Челябинска (15,3%). На другом полюсе среди педагогов, выбравших данный вариант ответа, оказываются педагоги Ижевска (9,4%) и Ярославля (9,8%). Педагоги Перми (11,3%) и Екатеринбурга (12,7%) в этом плане занимают промежуточное положение.

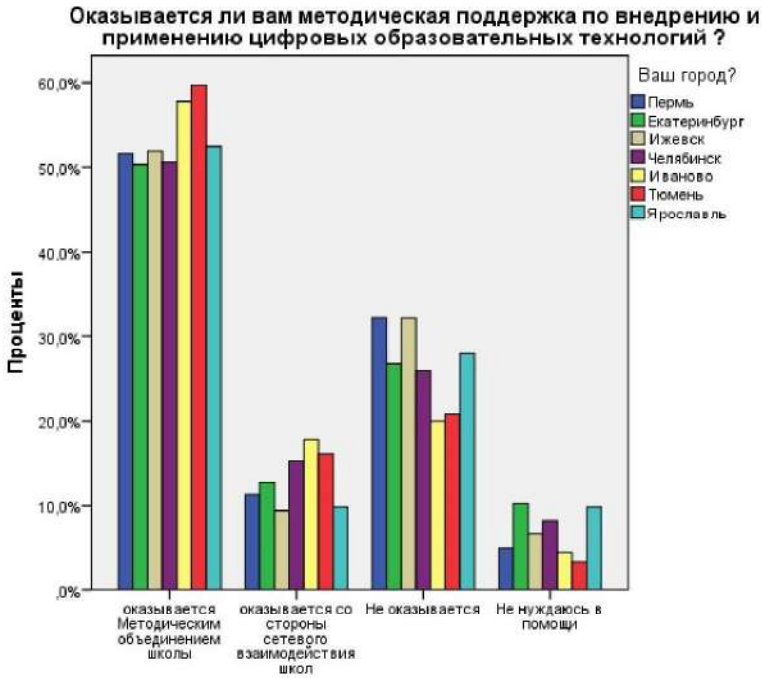

Рисунок 3 – **Результаты опроса педагогов по регионально-муниципальной специфике**

Профиль преподаваемых дисциплин не оказывает существенного влияния на ответы педагогов на данный вопрос. Хотя стоит отметить, что среди преподавателей физической культуры и труда больше всего тех, кто не нуждается методической поддержке. По-видимому, это связано не столько с большей грамотностью в сфере применения цифровых образовательных технологий, сколько со спецификой трудовой деятельности. Среди преподавателей естественнонаучного профиля доля таковых, наоборот, минимальна (5,6%). Вместе с тем, различия в доле тех, кто не нуждается в методической поддержке, среди преподавателей математического, гуманитарного и естественнонаучного профиля являются незначительными и колеблются в интервале 5,6-7,5 %. Педагоги, преподающие музыку и изобразительное искусство, занимают промежуточное положение между педагогами трех вышеуказанных профилей физической культуры и технологии. У преподавателей дисциплин, связанных с искусством (музыка, изобразительное искусство) доля тех, кто не нуждается в методической поддержке, составляет 10%. Методическая поддержка со стороны образовательной организации в равной степени оказывается педагогам всех профилей. К помощи сетевого взаимодействия чаще прибегают педагоги музыки и изобразительного искусства, а также преподаватели естественнонаучных дисциплин. Отсутствие какой-либо методической поддержки чаще всего отмечают педагоги математического и гуманитарного профилей (28% в каждой группе). Реже других отмечают отсутствие поддержки у педагогов музыки и изобразительного искусства (21%).

Факт, что 27% педагогов не получают никакой методической поддержки по внедрению и применению цифровых образовательных технологий указывает только на одну грань проблемы организа-

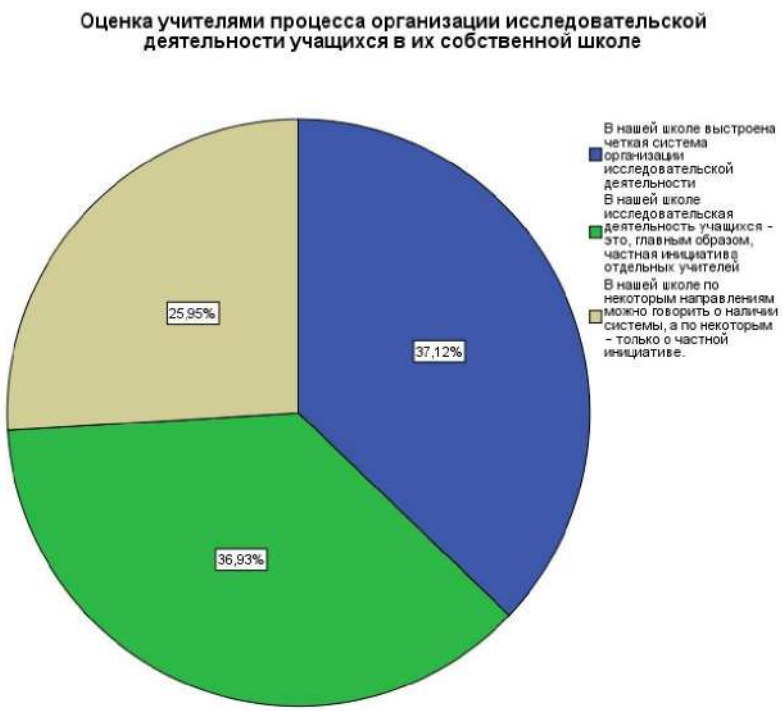

Рисунок 4 – **Результаты опроса педагогов по организации исследовательской деятельности**

ции в образовательной организации четко выстроенной системы технической поддержки и методического сопровождения процесса преподавательской деятельности. В рамках проекта "Исследование научно-методического сопровождения цифровых форматов дополнительного образования" педагогам предлагалось охарактеризовать процесс организации исследовательской деятельности учащихся в образовательном пространстве (рис. 4, см. выше).

Тридцать семь процентов педагогов считают, что в их школе выстроена четкая система организации исследовательской деятельности учащихся, и почти столько же уверенны в том, что в их школе исследовательская деятельность учеников – это частная инициатива отдельных педагогов. Четверть педагогов предпочла выбрать компромиссный вариант, согласно которому в их школе по некоторым направлениям можно говорить о наличии системы, а по некоторым – только о частной инициативе.

При ответе на данный вопрос, существенных гендерных различий не выявлено. Профиль преподаваемых дисциплин также не оказывает существенного влияния на характеристику процесса организации данной деятельности.

Существенное влияние оказывает педагогический стаж. Самые молодые педагоги, со стажем менее 5 лет, чаще своих старших коллег убеждены в том, что в их школе выстроена четкая система организации исследовательской деятельности учащихся (рис. 5). Если самых молодых педагогов так считает 43%, то среди опытных педагогов со стажем от 10 до 20 лет доля таковых лишь 33%. Проверка значимости процентных различий между этими двумя группами показала, что различия с высокой степенью вероятности являются значимыми (P = =0,98). Опытные действительно более критично в сравнении с их самыми молодыми коллегами оценивают процесс организации исследовательской деятельности учащихся. Если среди педагогов со стажем менее 5 лет только 31% видит процесс организации исследовательской деятельности учащихся как преимущественно частную инициативу отдельных педагогов, то среди их коллег со стажем от 10 до 20 лет доля таковых возрастает до 42%. Здесь различия также являются значимыми (P = 0,98). С вероятностью 0,95 можно говорить о существовании значимых различий между педагогами со стажем менее 5 лет и самыми возрастными педагогами со стажем более 20 лет, которые в качественных оценках оказываются гораздо ближе к своим опытным коллегам, чем к молодым педагогам.

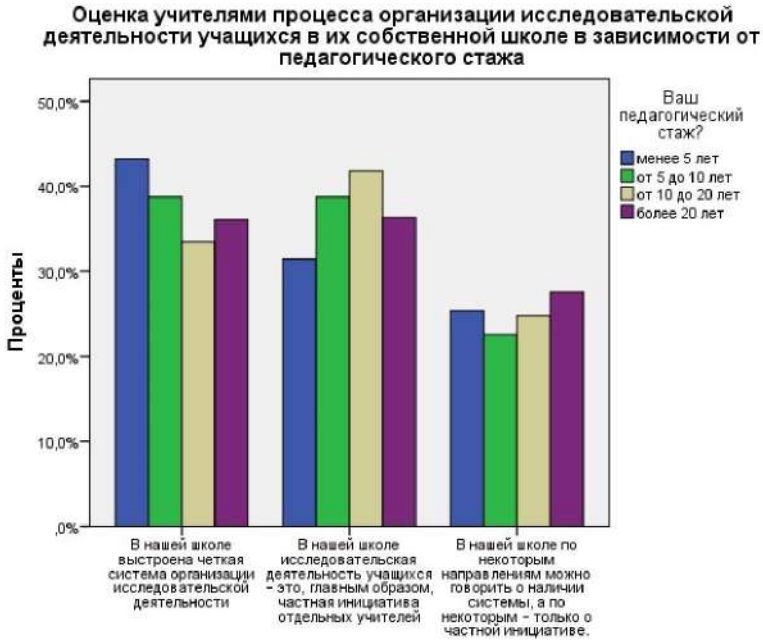

Рисунок 5 – **Результаты опроса педагогов по организации научно-исследовательской деятельности учащихся в зависимости от педагогического стажа**

Региональная-муниципальная специфика проявляется и в этом случае (рис. 6).

Проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона позволяет говорить о наличии статистической взаимосвязи между ответами на этот вопрос и местом проживания респондентов ($\chi^2 = 67{,}384$; $p = 0{,}000$). В зависимости от доли тех, кто убежден, что в его образовательном пространстве выстроена четкая система организации исследовательской деятельности учащихся, можно выделить три группы. В первую – входят педагоги из Перми (29,4%), Екатеринбурга (30,6%) и Иваново (22,2%). Во второй – оказываются педагоги из Ижевска (35,4%) и Тюмени (40,9%). Третья группа представлена педагогами из Челябинска (50%) и Ярославля (45,1%). Значимые различия процентов с высокой степенью вероятности существуют в парах Перми и Челябинска (P = 0,99), Перми и Ярославля (P = 0,99), Екатеринбурга и Челябинска (P = 0,99), Екатеринбурга и Ярославля (P = 0,99). Со столь же высокой вероятностью значимые различия

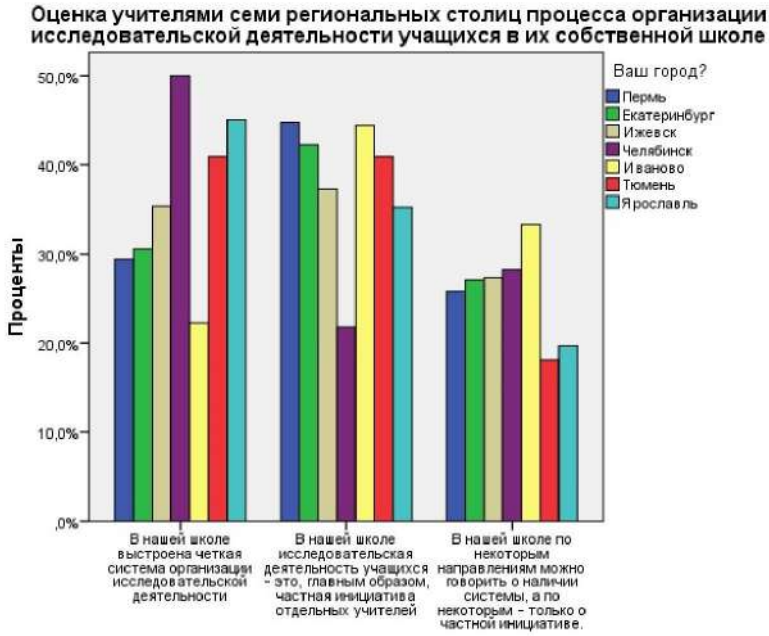

Рисунок 6 – **Результаты опроса педагогов по регионально-муниципальной специфике**

Характеристика организации исследовательской деятельности учащихся в образовательной среде	**Оказывается ли Вам методическая поддержка по внедрению и применению цифровых образовательных технологий?**			
	Оказывается Методическим объединением образовательной среды	Оказывается со стороны сетевого взаимодействия образовательной среды	Не оказывается	Не нуждаюсь в помощи
Выстроена четкая система организации исследовательской деятельности	46,1	37,9	20,9	32,8
Исследовательская деятельность учащихся – это, главным образом, частная инициатива отдельных педагогов	28,0	37,4	52,9	39,3
По некоторым направлениям (например, по гуманитарным или естественнонаучным дисциплинам) можно говорить о наличии системы, а по некоторым – только о частной инициативе	25,9	24,7	26,2	27,9

Таблица 1 – **Зависимость между ответом на вопрос об оказании методической поддержки по внедрению и применению цифровых образовательных технологий и характеристикой организации исследовательской деятельности учащихся в собственной школе (100% по столбцу)**

существуют между Ижевском и Челябинском. Если в качестве основания классификации взять долю тех, кто считает, что в его школе исследовательская деятельность учащихся – это, главным образом, частная инициатива отдельных педагогов, то мы получим те же самые три группы с несколько измененным составом. В первой группе будут Пермь, Екатеринбург, Иваново и Тюмень, где доля таких педагогов варьируется в интервале 40,9 – 44,8 %. Во второй группе оказываются Ярославль и Ижевск (35,2 – 37,3 %). И особняком будет стоять Челябинск, где доля таковых педагогов составляет 21,8%.

Значение критерия χ^2 Пирсона позволяет говорить о наличии статистической взаимосвязи между ответами на вопрос "Оказывается ли Вам методическая поддержка по внедрению и применению цифровых образовательных технологий?" и характеристикой организации исследовательской деятельности учащихся в собственной школе ($\chi^2 = 96,887$; $p = 0,000$). Из таблицы 1 видно, что те педагоги, которые не получают методическую поддержку по внедрению и применению цифровых образовательных технологий и при организации исследовательской деятельности учащихся вынуждены полагаться преимущественно на собственную инициативу. И наоборот, те учителя, которые отметили, что получают поддержку со стороны методического объединения школы при внедрении цифровых образовательных технологий, гораздо чаще отмечали, что и при организации исследовательской деятельности учащихся они могут полагаться на четко выстроенную в их школе систему. Следовательно, можно говорить, что помощь при внедрении и применении цифровых образовательных технологий и выстраивание четкой системы организации исследовательской деятельности учащихся являются, по сути, разными гранями одного и того же процесса методического сопровождения и технической поддержки в условиях цифровизации образовательной деятельности.

К сожалению, для некоторых педагогов отсутствие четкой системы организации исследовательской деятельности учащихся в обра-

зовательном пространстве не помешало оценить реальный процесс организации данной деятельности на "хорошо" и "отлично" (рис. 7). Более половины педагогов поставили высокие баллы. Напомним, что на наличие в образовательной системе четко выстроенной системы указало лишь 37% педагогов.

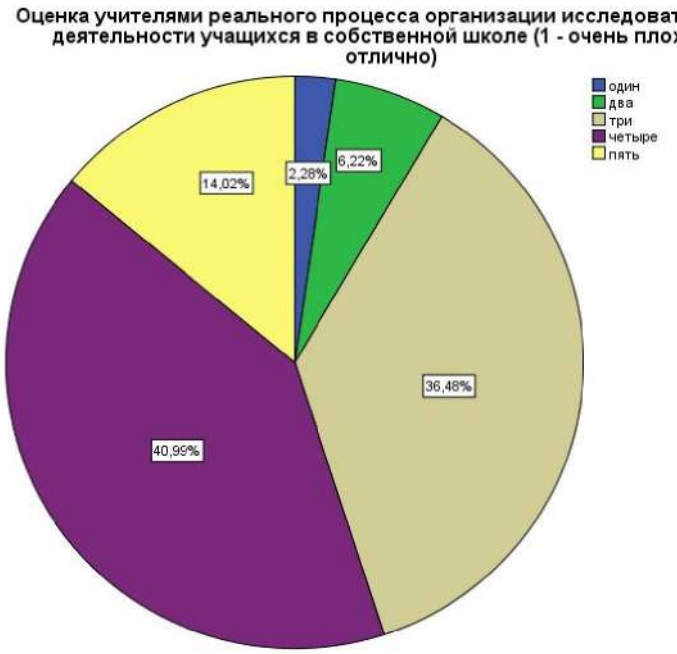

Рисунок 7 – **Результаты опроса педагогов по организации исследовательской деятельности в образовательном пространстве**

Гендерные различия не оказывают существенного влияния на оценку педагогов.

Молодые педагоги, со стажем менее 5 лет, склонны выше оценивать реальный процесс организации, а педагоги со стажем более 20 лет, наоборот, склонны несколько занижать оценки [11]. Если на "удовлетворительно" оценили данный процесс 28,4% самых молодых педагогов, то у педагогов со стажем "20+" таковых оказалось на десять процентов больше. И наоборот, если на "отлично" оценили данный процесс 17% самых молодых педагогов, то среди педагогов со стажем более 20 лет таковых оказалось лишь 11,8%. Процентные различия между ответами этих двух групп педагогов являются значимыми (P = =0,97).

Профиль преподаваемых дисциплин слабо влияет на оценку педагогов. Хотя, стоит отметить, что преподаватели музыки и изобразительного искусства чаще остальных своих коллег оценивают реальный процесс организации исследовательской деятельности учащихся на "отлично". Отчасти это можно объяснить тем, что среди педагогов музыки и изобразительного искусства наибольший процент тех, кому после окончания вуза вообще не приходилось заниматься исследовательской деятельностью.

Место проживания респондентов оказывает влияние на их оценку процесса организации исследовательской деятельности учащихся (табл. 2). На это указывает и критерий χ^2 Пирсона (χ^2 = =49,484, p = 0,002).

Педагоги из Перми и Иваново оказываются самыми строгими судьями и реже других оценивают организацию данного процесса в школе на "отлично", а из Ярославля и Челябинска, наоборот, делают это чаще других. Тот факт, что педагоги Перми оказываются самыми скупыми в своих оценках, не должен удивлять, т.к. существует сильная взаимосвязь между характеристикой организации процесса исследовательской деятельности учащихся в образовательном пространстве и оценкой реального процесса, выраженной по пятибалльной шкале. На наличие такой взаимосвязи указывает значение критерия χ^2 Пирсона (χ^2 = 473,935; p = 0,000). Из тех, кто оценил реальный процесс организации исследовательской деятельности учащихся в своей школе на "отлично", 82,8% отметили наличие в школе четкой системы организации данной деятельности (табл. 3). В свою очередь, среди тех, кто поставил "очень плохо", 66,7% отметили, что в их школе исследовательская деятельность учащихся – это, главным обра-

Таблица 2 – **Оценка педагогами региональных столиц реального процесса организации исследовательской деятельности учащихся в школе (100% по столбцу)**

Критерий оценивания / *город, участвующий в опросе*	Пермь	Екатеринбург	Ижевск	Челябинск	Иваново	Тюмень	Ярославль
1 – очень плохо	2,3	3,1	1,9	2,6	2,2	1,3	0,1
2 - плохо	8,1	6,0	6,1	5,9	2,2	4,0	9,0
3 - удовлетворительно	43,9	38,0	34,0	27,4	42,2	42,3	37,7
4 - хорошо	38,0	39,6	45,3	45,9	46,7	38,9	31,1
5 – отлично	7,7	13,3	12,7	18,2	6,7	13,4	22,1

зом, инициатива отдельных педагогов. Очевидно, что в сознании большинства педагогов наличие в школе четко выстроенной системы организации исследовательской деятельности учащихся является важнейшим индикатором отличной оценки реального процесса организации данной деятельности. В Перми и Иваново доля педагогов, отметивших факт наличия выстроенной системы, была наименьшей. Поэтому и отличные оценки со стороны педагогов данных городов встречаются реже. И, наоборот, в Челябинске и Ярославле, где наиболее высок процент педагогов, поставивших "отлично", наибольшее число тех, кто отметил факт наличия в школе четко выстроенной системы организации исследовательской деятельности учащихся [12].

Таблица 3 – **Зависимость между характеристикой организации исследовательской деятельности учащихся в школе и оценкой реального процесса организации данной деятельности (100% по столбцу)**

Характеристика организации исследовательской деятельности учащихся в образовательном пространстве	Оценка реального процесса организации исследовательской деятельности учащихся в своей школе				
	Очень плохо (1)	Плохо (2)	Удовлетворительно (3)	Хорошо (4)	*Отлично*(5)
Выстроена четкая система организации исследовательской деятельности	8,3	6,1	13,5	48,8	82,8
Исследовательская деятельность учащихся – это, главным образом, частная инициатива отдельных педагогов	66,7	70,4	55,7	23,0	9,0
По некоторым направлениям (например, по гуманитарным или естественнонаучным дисциплинам) можно говорить о наличии системы, а по некоторым – только о частной инициативе	25,0	23,5	30,8	28,2	8,2

Характеристика организации исследовательской деятельности учащихся в образовательном пространстве Оценка реального процесса организации исследовательской деятельности учащихся в своей школе

Заключение

Подводя итог, по результатам исследования можно сформулировать следующие *выводы*.

1. В настоящее время от четверти до трети педагогов видят необходимость как методической поддержки по внедрению и применению цифровых образовательных технологий, так и методической помощи при организации исследовательской деятельности учащихся.

2. Процесс внедрения цифровых технологий в образовательный процесс должен носить системный характер, отражающий не только обучение техническим навыкам, но и формировать ценностное отношение к цифровизации как неотъемлемой составляющей современной общественной практики, содержание которой обусловлено быть не целью, а средством преобразования реальности. Система должна быть ориентирована в равной степени как на организацию деятельности ученика в цифровом формате, так и формирование профессиональных компетенций учителя и включать три стадии внедрения: стадию принятия и освоения, применение, и наконец, высшую стадию, стратегическую распространения идей, содержания технологий и средств обучения.

3 Педагог как субъект образовательного процесса должен опережать в профессиональных компетенциях объективно складывающуюся образовательную реальность в цифровом формате, чтобы не только сохранить свой статус, но и управлять данным процессом в статусе субъекта. У педагога должна быть возможность пролиферации, когда он привносит что-то новое и причастен к развитию концепции, средствам и методам цифрового образования.

Примечания:

1. Джохадзе И. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора // Логос. – 2005. – №6. – С. 167.
2. Гулыга А.В. Искусство в век науки. – М., 1978. – С. 54.
3. Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности. // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 5.
4. Паниотто В.И., Максименко В.С. Количественные методы в социологических исследованиях. – Киев: Наукова думка, 1982.
5. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – С. 287.
6. Ракитов А.И. Указ. соч. – С. 26.
7. Ракитов А.И. Указ. соч. – С. 33.
8. Семенюк Э.П. Информатика: достижения, перспективы, возможности. – М., 1988. – С. 148, 151.
9. Суханов А.П. Информация и прогресс. – Новосибирск, 1988. – С. 87.
10. Шишигин А.В. Исследовательская деятельность учащихся глазами учителей в контексте цифровизации // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. –

2022. – №1. – С. 211. EDN: NEBNXW. DOI: 10.24412/2308-7196-2022-1-210-221
11. Шишигин А.В. Указ. соч. – С. 218.
12. Шишигин А.В. Указ. соч. - С. 220.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF EMPLOYEES IN THE SOCIAL SPHERE: ASSESSMENT OF THE IMPLEMENTATION OF THE MODEL *

Lazarev Maxim Aleksandrovich, *PhD of Pedagogical sciences, Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Chief Specialist, Free Economic Society of Russia, Department of Scientific Conferences and All-Russian Projects, Moscow*

Zhgenti Inga Vahtangovna, *PhD of Pedagogical sciences, Deputy Director of the Charitable Foundation for the Promotion of the Development of Socio-Cultural Initiatives and Guardianship "Way of Life", Moscow*

Stukalova Olga Vadimovna, *DSc of Pedagogical sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, Kazan, Republic of Tatarstan; Deputy Director of the Charitable Foundation for the Promotion of Social and Cultural Initiatives and Guardianship "Way of Life" for educational programs, Moscow*

The purpose of the study *is to reveal the features of the social effect of the project, which was based on the implementation of a model of psychological and pedagogical support for employees of social institutions in Moscow. The article discusses the conditions for the implementation of resources for a positive impact on the personal and professional characteristics of teachers in social institutions.* ***The scientific novelty*** *of the study lies in the identification of modern approaches to working with children with mental and other disabilities and their families.* ***As a result,*** *it was revealed that the professional activity of employees of social institutions involves not only the development of knowledge and skills in the field of developmental care, physical rehabilitation, overcoming attachment disorders, but also a high level of mastering the skills of using a variety of didactic forms and technologies; involvement in the development of knowledge through the use of various learning formats, including distance learning.*

Keywords: *social sphere; professional growth; social effect; psychological and pedagogical support; self-education; pedagogy.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.43

*ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОТРУДНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ***

УДК 378
ВАК РФ 5.8.2

© Лазарев М.А., 2022
© Жгенти И.В., 2022
© Стукалова О.В., 2022

Цель исследования *– раскрыть особенности социального эффекта проекта, который основывался на реализации модели психолого-педагогического сопровождения сотрудников учреждений социальной сферы г. Москвы. В статье рассматриваются условия реализации ресурсов положительного воздействия на личностно-профессиональные характеристики педагогов социальных учреждений.* ***Научная новизна*** *исследования заключается в выявлении современных подходов в работе с детьми с ментальными и иными нарушениями и членами их семей.* ***В результате*** *определено, что профессиональная деятельность сотрудников социальных учреждений предполагает не только освоение знаний и навыков в области развивающего ухода, физической реабилитации, преодолении нарушений привязанности, но и высокий уровень освоения навыков использования разнообразных дидактических форм и технологий; включенности в освоение знаний на основе использования различных форматов обучения – в том числе дистанционного.*

Ключевые слова: *социальная сфера; профессиональный рост; социальный эффект; психолого-педагогическое сопровождение; самообразование; педагогика.*

Введение. Постановка проблемы

Серьезной социальной проблемой нашего общества является организация занятости, различные развивающие занятия – в том

* The article was supported by the Moscow Mayor Grant Competition 2021; Project "On the steps of opportunities", application No. 2021-0490.
** Статья выполнена при поддержке Гранта Конкурс Грантов Мэра Москвы 2021; Проект "По ступеням возможностей", заявка № 2021-0490.

ЛАЗАРЕВ Максим Александрович, *кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, главный специалист, Вольное экономическое общество России, департамент научных конференций и Всероссийских проектов, Москва*
ORCID: 0000-0002-4040-0987

ЖГЕНТИ Инга Вахтанговна, *кандидат педагогических наук, заместитель директора Благотворительного фонда содействия развитию социально-культурных инициатив и попечительства "Образ жизни", Москва*

СТУКАЛОВА Ольга Вадимовна, *доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт педагогики, психологии и социальных проблем, Казань, Республика Татарстан; заместитель директора Благотворительного фонда содействия развитию социально-культурных инициатив и попечительства "Образ жизни" по образовательным программам, Москва*

числе по социально-бытовым и творческим навыкам, создание среды для максимально дружелюбной и продуктивной коммуникации для детей с инвалидностью, особенно с ментальными и иными нарушениями [1]. Сложность представляет и сопровождение социализации таких детей.

Исследователи отмечают, что организация комплексного психолого-педагогического сопровождения – проблематика, которая касается людей с ментальными и иными нарушениями на протяжении всей жизни. В то же время та система работы, которая доминирует в настоящее время для сопровождения детей с ментальными и иными нарушениями и членов их семей, в основном сильно сокращает активное участие родителей как профессиональных сопровождающих такого ребенка.

Опыт показывает, что главным образом, родители осваивают функции спорадически (не системно) включающегося в жизнь ребенка воспитателя. При этом гораздо важнее стать активно влияющим на процесс реабилитации и социализации ребенка членом семьи, полноценным сопровождающим – т.е. педагогом, комплексно владеющим разными функциями.

В большинстве исследований подчеркивается, насколько значимо создать условия для преодоления социальной исключенности людей, имеющих ментальные и иные нарушения развития [2; 3]. Учеными определены факторы ее негативного влияния на реабилитацию и социализацию [4].

Как возможно снизить уровень влияния социальной исключенности?

В первую очередь, это возможно при взаимодействии двух компонентов поддержки:

– неформального (данный компонент включает семью, а также ближайшее социальное окружение человека с ментальными и иными нарушениями);

– и формального (в этот компонент входят различные социальные институты, общество, в целом, а также местное сообщество).

Другая проблема, тесно взаимосвязанная с поддержкой детей с ментальными нарушениями – это психолого-педагогическая помощь членам их семей: создание возможности для "передышки", консультации, профориентация, профессиональная коммуникация, иначе говоря "педагогический родительский клуб". Комплекс поддержки должен организовываться в комфортном удобно расположенном месте; занятия должны быть системными, продуманными, что требует компетентного кадрового состава и, в свою очередь, психолого-педагогического сопровождения профессионального развития сотрудников учреждений социальной сферы [5].

Авторы статьи анализируют потенциал реализации модели, направленной на решение проблемы поддержки сотрудников социальной сферы г. Москвы, профилактики их эмоционального выгорания, развития мотивации на самообразование и профессиональный рост.

Материалы и методы исследования

К исследованию привлечены материалы, отражающие возможности и достижения социально ориентированного проекта "По ступеням возможностей". Данный проект разработан и реализуется Благотворительным фондом содействия развитию социально-культурных инициатив и попечительства "Образ жизни" в 2021-2022 г. при поддержке Грантов Мэра Москвы.

Проект основан на следующих принципах:

1) опора на понимание категории "качества жизни" как основной при разработке и реализации всех мероприятий;

2) нацеленность на расширение возможностей и ситуаций внедрения системы комплексной поддержки;

3) актуализация так называемых "зон ответственности" для различных сфер "помогающей" деятельности [6].

Проект является ресурсным для повышения квалификации специалистов в сфере коррекционной педагогики и клинической психологии, заинтересованных во взаимодействии с детьми с ментальными и иными нарушениями. Структура проекта включает: 1) направление "Сопровождение детей с ментальными нарушениями" (введены модули "Подготовка к школе"; "ЭкоТропа-квест"; "ЛФК и АФК. Инклюзивные танцы"; "Клининг", "Сенсорная интеграция"; художественные события проекта – семейные праздники ("День рождения со смыслом") и мероприятия творческого инклюзивного фестиваля "Вместе по ступенькам возможностей"); 2) направление "Помощь на дому". Специалисты центра "Дом под солнцем" оказывают по запросу услуги по поддержке детей с ментальными нарушениями на дому; 3) образовательно-просветительскую программу для родителей и членов семей детей с ментальными нарушениями "Родительский клуб"; 4) Комплексную модель психолого-педагогического сопровождения профессионального развития сотрудников учреждений социальной сферы [7], в рамках которой сотрудники осваивают программу повышения квалификации педагогов "Абилитация детей с ментальными нарушениями в ресурсном центре"; проходят тренинги по профилактике эмоционального выгорания и снижению проявлений синдрома профессионального выгорания [8], участвуют в Круглых столах, в которых представляются современные подходы к работе с детьми с ментальными и иными нарушениями и др.

Ход исследования. Сделан анализ обучающей программы, проведены интервью с сотрудниками, волонтерами и родителями детей с ментальными нарушениями, которые приняли участие в проекте (54 интервью), изучена информационная среда, отражающая ход проекта и его мероприятия. Проведена диагностика уровня эмоционального выгорания 24 сотрудников – участников проекта – начальный этап (январь 2022 г.) и этап после прохождения обучения (май– июнь 2022 г.) по методике Н.Е. Водопьяновой, которая предназначена для диагностики синдрома эмоционального выгорания в профессиях типа "человек-человек". Проведены опросы (май-июнь 2022 г.) сотрудников (24 сотрудника) на основании опросника, разработанного авторами статьи (табл.).

Таблица – **Опросник "Анализ результатов влияния участия в реализации модели психолого-педагогического сопровождения профессионального развития сотрудников учреждений социальной сферы в рамках проекта "По ступеням возможностей (при поддержке Грантов Мэра Москвы)"**

№ п/п	Вопрос	Варианты ответов	Ваш выбор	Ваш комментарий
1	Какие темы обучения и направления, значимые для Вашей профессиональной деятельности, помогло Вам освоить участие в реализации модели психолого-педагогического сопровождения профессионального развития сотрудников учреждений социальной сферы в рамках проекта «По ступеням возможностей»?	- современные подходы к сопровождению ребенка с ментальными нарушениями и семьи; - технологии развивающего ухода; - особенности оказания социальных услуг в социальных учреждениях г. Москвы и их потенциал; - роль искусства в социализации детей с ментальными нарушениями; - просветительская работа с населением; - практики инклюзивного образования; - организация художественных событий для детей с ментальными нарушениями и членов их семей; - профилактика социального сиротства.		
2	Что вызвало у Вас затруднения в обучении?	- дистанционный формат; - сложность содержания занятий; - недостаточность индивидуальной поддержки от преподавателей; - разобщенность в группе обучающихся		
3	В каком формате Вам наиболее интересны и эффективны мероприятия проекта?	- занятия по программе повышения квалификации; - участие в художественных событиях и Круглых столах; - получение индивидуальных консультаций; - общение с коллегами; - мастер-классы по художественным практикам		

В статье обобщенно представлена часть материалов исследования – а именно результаты, полученные в ходе анализа опроса сотрудников социальных учреждений – участников реализации модели. Оценка динамики снижения уровня эмоционального выгорания сотрудников под влиянием участия в реализации модели требует отдельного. более детального комментария и интерпретации, т.к. это связано с корреляцией с дополнительными факторами и условиями деятельности и жизни сотрудников.

Результаты исследования

Обобщенный анализ опроса сотрудников и комментариев, которые они оставили к каждому опросу, показал, что прежде всего они выделяют следующие темы и направления, которые помогло им освоить участие в реализации компонентов модели:

1. Качественное системное сопровождение ребенка с ментальными нарушениями и семьи, в которой он воспитывается (92% опрошенных). По мнению большинства сотрудников, участие в обучающих мероприятиях, художественных событиях, Круглых столах и мастер-классах проекта (вовлечение в реализацию модели) помогло им осознать, что системность поддержки, сопровождение ребенка с помощью современных технологий являются одним из наиболее эффективных механизмов профилактики социального сиротства и сохранения семьи.

2. Событийные и обучающие мероприятия проекта. Сотрудники подчеркнули, что, во-первых, они готовы оказывать содержательную, структурно организованную, а также, что особенно важно, индивидуально ориентированную помощь в адаптации детей с ментальными и иными нарушениями к внешней среде и социуму. Кроме того, сотрудники отмечают, что стремятся создавать наиболее благоприятные условия для дневной занятости и коммуникации таких детей. Среди функций, на которые они обращают внимание, есть также углубленное понимание возможностей развития детей с такими нарушениями, специфики формирования важных для их продуктивной успешной социализации навыков самообслуживания, а также других социально-бытовых навыков. В целом, все это, в совокупности, помогает предотвратить попадание "нетипичного" ребенка в закрытое лечебное (или социальное интернатное) учреждение.

3. Освоение многообразия вариативных социальных услуг. Как считают реципиенты – очень важно, что создается среда для взаимодействия родителей, специалистов, волонтеров. Именно она позволяет формировать родительско-профессиональное (педагогическое) сообщество, которое становится ядром активного развития этого направления социальной сферы в конкретном округе Москвы. Проводимые художественные события объединяют жителей микрорайона и формируют доброжелательную среду, просвещают людей в области инклюзии и ее значимости. Участие специалистов в программах повышения квалификации совершенствует их профессиональные компетенции [9]. Таким образом, растет кадровый ресурс Москвы в социальной сфере.

Анализ ответов на второй вопрос опросника позволил скорректировать и уточнить реализацию модели, т.к. многие сотрудники выделили сложность работы с дистанционными форматами. Профессиональная деятельность сотрудников социальных учреждений для детей с различными нарушениями развития предполагает не только освоение знаний и навыков в области развивающего ухода, физической реабилитации, преодолении нарушений привязанности, но и высокий уровень освоения навыков использования разнообразных дидактических форм и технологий. Это предполагает активное использование различных форматов обучения – в том числе дистанционного [10; 11].

В результате планомерной системной реализации модели сотрудниками фонда при подключении партнеров были выделены и внедрены коммуникативные стратегии дистанционного обучения, позволившие оптимизировать образовательное взаимодействие:

Стратегия 1: "посильность дистантного формата" направлена на адаптацию онлайн-занятий к уровню цифровой грамотности слушателей курсов. Предполагает использование бесплатных и широко доступных и простых цифровых средств: электронная почта, социальные сети, мессенджер Whatsapp, кроссплатформенный мессенджер Telegram и др.

Стратегия 2: "создание профессионального сообщества единомышленников" через взаиморасширение профессиональных контактов педагогов как лиц, решающих общие профессиональные задачи (временного рабочего коллектива), включает обмен опытом и адаптацию лучших педагогических приемов и практик через использование цифровых коммуникаций.

Стратегия 3: "концентрация на личности". Данная стратегия направлена на 1) продуманную структурированную организацию психолого-педагогической поддержки; 2) консультирование через индивидуальные контакты со слушателями в форме личных телефонных разговоров, ведения индивидуальных чатов.

Стратегия 4: "комплексность режимов обучения". Данная стратегия направлена на обеспечение оптимизации режима обучения в условиях повышенной образовательной нагрузки. С этой целью используется потенциал асинхронного режима работы в дистанционной образовательной среде. Оценка применения стратегии показывает, что она особенно

позволяет выбирать удобное для педагогического взаимодействия время обучения.

Стратегия 5: "мотивация к самообразованию". Данная стратегия направлена на формирование личных смыслов непрерывного самообразования и постижения профессионального мастерства. Для этого используются возможности структурно и методически организованной самостоятельной работы. Кроме того, в рамках данной стратегии реализуется адаптивная система заданий, задач и тестов для самообразования.

Анализ ответов на третий вопрос: "В каком формате Вам наиболее интересны и эффективны мероприятия проекта?" обобщенно представлен на рисунке.

Рисунок – **Диаграмма, отражающая распределение предпочтений форматов, выбранных сотрудниками социальных учреждений**

Для сотрудников наиболее значимым оказалось прохождение курса повышение квалификации, а также был выбран формат участия в различных художественных практиках (инклюзивный фестиваль, мастер-классы) и в общении по обмену педагогическим опытом в рамках Круглого стола.

Важно, что все же ни один формат не стал закрытым, неинтересным для участников – большинство подчеркнуло, что их воодушевляет разнообразие форматов участия, возможности проявить себя, многоплановость тем и технологий социальной работы с детьми с ментальными нарушениями.

Заключение

В целом, оценка эффективности внедрения модели позволяет заключить, в этом процессе удалось создать условия для реализации ситуаций, которые активизируют возможности:

– максимально положительного воздействия на личностно-профессиональные характеристики педагогов социальных учреждений,

– поддержки в преодолении деформации, возникающей в результате сложных профессиональных вызовов,

– снижения рисков эмоционального выгорания.

Уровень освоения новых знаний и навыков был продемонстрирован в ходе тестирования участников, их выступлений на Круглых столах.

Также внедрение модели оказало влияние на:

1) рост эмоциональной вовлеченности педагогов социальных учреждений в процесс обучения;

2) рост интереса к обучению и самообразованию в процессе повышения квалификации;

3) на развитие опыта дистанционного обучения в условиях дефицита времени и новизны поставленных задач;

4) получение хорошо структурированной психолого-педагогической поддержки;

5) получение навыков обучения в различных форматах цифровой среды, это помогает снизить страх сотрудников перед сложностями цифровой реальности.

Перспективность предложенной программы "Абилитация детей с ментальными нарушениями в ресурсном центре" обусловила разработку и внедрение новых программ обучения сотрудников учреждений социальной сферы, направленных на освоение эффективных подходов к развитию детей, имеющих ментальные и иные нарушения.

Литература:

1. Лазарев М. А., Подвойский В. П., Стукалова О. В. 2016. Педагогическое обеспечение преодоления социальной индифферентности студентов гуманитарных вузов: социально-культурный подход: монография / Под общ. ред. В.П. Подвойского. – М.: МАО; Даугавпилс: ДУ. – 152 с. – ISBN 978-5-9907401-3-6; DOI: 10.5281/zenodo.6520185, EDN: WASBCV

2. Гейер Т.А. Необходимые предпосылки для правильного разрешения вопроса о трудоустройстве психически больных // Труды института им. П.Б. Ганнушкина. – М., 1939. – Вып. IV. – С. 147-150.

3. Гурович И.Я. Реформирование психиатрической помощи в России: организационно-методический аспект // Социальная и клиническая психиатрия. – 2005. – № 4. – С. 12-17.

4. Дементьева Н.Ф., Холостова Е.И. Социальная реабилитация. – М.: Дашков и К, 2003. – 340 с.

5. Лазарев М.А. Теоретико-методологическая интеграция процессов в современной педагогике // Гуманитарное пространство. Международный альманах. – 2021. – Т. 10. – № 3. – С. 301-326. – EDN: JFUYHV

6. Береговая Е.Б. Будни российской филантропии: общественный фонд Владимира Смирнова // Гуманитарное пространство. Международный альманах. – 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 5-16. – EDN: SEBNNP
7. Создание и апробация модели психолого-педагогического сопровождения инклюзивной практики: Методическое пособие / под общ. ред. С.В. Алехиной, М.М. Семаго. – М.: МГППУ, 2012. – 156 с.
8. Макурина А.П., Проничева М.М. Оценка уровня социального, профессионального стресса у специалистов социальной сферы // Психическое здоровье. – 2020. – № 6. – С. 38-44.
9. Лазарев М.А., Стукалова О.В. Развивающая среда в учреждениях социальной сферы // В кн.: Развитие профессионального мастерства сотрудников региональных учреждений социальной сферы: учебное пособие / кол. авт.; под общ. ред. Е.Б. Береговой, О.В. Стукаловой. – М.: Образ жизни, 2019. – 220 с. – С. 32-48 ISBN 978-5-6042494-6-8, DOI: 10.5281/zenodo.6500448, EDN: ALBTXN
10. Адушкина К. В., Лозгачёва О. В. Психолого-педагогическое сопровождение субъектов образования [Электронный ресурс]: учебное пособие; Урал. гос. пед. ун-т. Электрон. дан. Екатеринбург: [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. Жгенти И. В. Дистанционное обучение в сфере дополнительного профессионального образования: проблемы и перспективы // Гуманитарное пространство. Международный альманах. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 45-55. – DOI: 10.24412/2226-0773-2022-11-1-45-55, EDN: JELCOU

ASSISTIVE TECHNOLOGIES AS A MEANS OF FORMING THE READINESS OF STUDENTS OF THE DIRECTION OF PEDAGOGICAL EDUCATION FOR CORRECTIONAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF INCLUSIVE EDUCATION *

Lyubimova Ekaterina Sergeevna, *Senior Lecturer, Master of Special (Defectological) Education, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd*

The purpose of the study *is to identify the level of readiness of students of the direction "Pedagogical education" to use assistive technologies in correctional and pedagogical activities in the context of inclusive education. The article deals with the problems related to the organization of inclusive practices, analyzes the implementation of new standards, presents an analysis of the statistical report of the Federal Register of Disabled Persons, focuses on the quality of preparation of future general education teachers for inclusion in inclusive practice.* ***The scientific novelty*** *lies in the development and implementation of a pedagogical workshop to prepare future teachers for the use of assistive technologies in inclusive education on the basis of the Technopark, an analysis of empirical data and* ***results*** *indicating the scientific and practical significance of the study are presented.*

Keywords: *readiness; vocational training; inclusive education; inclusion; assistive technologies; correctional and pedagogical activities; schoolchildren with disabilities; disabilities; technopark.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.44

УДК 378.14
ВАК РФ 5.8.1

*АССИСТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ К КОРРЕКЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ***

© Любимова Е.С., 2022

ЛЮБИМОВА Екатерина Сергеевна, *старший преподаватель, магистр специального (дефектологического) образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград*

Цель исследования *– выявить уровень готовности студентов направления "Педагогическое образование" к использованию ассистивных технологий в коррекционно-педагогической деятельности в условиях инклюзивного образования. В статье рассматриваются проблемы, касающиеся организации инклюзивных практик, проводится анализ внедрения новых стандартов, представлен анализ статистического отчета федерального реестра инвалидов, акцентируется внимание на качестве подготовки будущих учителей общего образования к включению в инклюзивную практику.* ***Научная новизна*** *заключается в разработке и внедрении педагогической мастерской по подготовке будущих учителей к применению ассистивных технологий в инклюзивном образовании на базе Технопарка, представлен анализ эмпирических данных и* ***результаты****, свидетельствующие о научной и практической значимости исследования.*

Ключевые слова: *готовность; профессиональная подготовка; инклюзивное образование; инклюзия; ассистивные технологии; коррекционно-педагогическая деятельность; школьники с ОВЗ; ограниченные возможности здоровья; технопарк.*

* The study was carried out with the financial support of VGSPU within the framework of the scientific project "Model of methodological training of future teachers for inclusive education of schoolchildren on the basis of a Technopark".
** Исследование выполнено при финансовой поддержке ВГСПУ в рамках научного проекта "Модель методической подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников на базе Технопарка".

Введение

В современных реалиях жизни образование относится к наиболее развивающимся областям науки, культуры, идеологии, социологии и практики. Приоритетным направлением являются целевые показатели национального проекта "Образование" которые необходимо достигнуть до конца 2024 года. Федеральные проекты "Современная школа", "Цифровая образовательная среда", "Успех каждого ребенка" также затрагивают детей с различными образовательными потребностями.

С 1 сентября 2022 года вступает в силу обновленный ФГОС основного общего образования для обучающихся первых и пятых классов, в котором учитываются индивидуальные образовательные потребности обучающихся с ОВЗ с различными нозологическими заболеваниями, говорится о необходимости создавать условия для получения достойного и равного образования, значительно расширилась программа коррекционной работы, в которой обязательно требуется для детей с нарушениями прописывание и выявление индивидуальных образовательных потребностей обучающихся; решение ключевых задач национального проекта "Образование", в которых отмечено, что до 2024 года в 40% всех российских школ будет внедрена цифровая образовательная среда и современное инновационное оборудование. Новые стандарты повлекли за собой изменения в организации учебного процесса, создание доступной образовательной среды, разработку адаптированных образовательных программ и внедрение ассистивных средств обучения детей с ОВЗ в коррекционно-педагогическую деятельность в условиях инклюзивного образования [7].

В статистическом отчете федерального реестра инвалидов прослеживается тенденция увеличения учащихся, нуждающихся в создании специальных условий для получения доступного и равного образования для всех. Данные реестра нам свидетельствуют о повышении общего количества инвалидов и детей с инвалидностью. Проведенный нами количественный анализ данных реестра за последние 5 лет позволил выделить детей, имеющих инвалидность в школьном возрасте. На 01 августа 2017 года количество детей от 8 до 17 лет составило 421885 человек, в 2018 году 445338 детей школьного возраста, в 2019 г. – 462689 чел., 2020 г. – 488423 ребенка, 2021 – 511523 чел., 2022 г. – 534277 детей. Мы видим ежегодное увеличение детей с инвалидностью, поставленных на учет на территории РФ примерно на 6-7 процентов, тенденции к уменьшению нет ни в одном регионе.

Данные реестра по ЮФО показывают, что на территории Волгоградской области на июль 2022 года 8936 детей-инвалидов, из них 6553 школьного возраста, надо отметить, что ребята с различными нозологическими заболеваниями и особенностями в развитии при отсутствии инвалидности не входят федеральный реестр. Это дети, имеющие речевые нарушения, сенсорные и задержку психического развития, на городских комиссиях отмечается большое количество детей, которые обучаются в системе образования и нуждаются в помощи специалистов и профессиональном подходе учителей предметников [9].

По результатам итогового отчета департамента по образованию в Волгоградской области организовано обучение более 7000 детей с ОВЗ и инвалидностью совместно со сверстниками в более чем в 300 инклюзивных общеобразовательных организаций, в отдельных классах – более 1900 обучающихся / 214 коррекционных; в специальных общеобразовательных организациях – более 3500 учащихся / 24 государственных общеобразовательных организаций; с использованием практики дистанционного обучения учится более 300 учащихся.

Система образования в современной России характеризуется стремительной динамикой спроса на квалифицированные кадры в области инклюзивного образования. Актуализированы новые требования, предъявляемые к процессу профессиональной подготовки будущих учителей предметников. Социальный заказ на подготовку будущих педагогов инклюзивного образования определяет задачу обучения эффективного специалиста, способного к разработке и реализации инклюзивного образования школьников. На современном этапе реформирования высшего образования принципиально новое значение приобретает поиск инновационных моделей подготовки будущих учителей предметников к реализации инклюзивного образования школьников. Исследования в области инклюзивного образования С.В. Алехиной, А.Н. Гамаюновой, Т.Г. Зубаревой, Н.Н. Малофеева, Н.М. Назаровой, Е.В. Самсоновой, С.И. Сабельниковой, А.В. Хаустова, И.Н. Хафизуллиной, А.Ю. Шеманова, Козырева О.А. показали, что для полноценной организации профессиональной подготовки кроме специфического содержания необходимо сформировать готовность у будущих педагогов к применению специальных инноваци-

онных форм и технологий обучения, ориентированных на обеспечение качества образовательного процесса в условиях инклюзии [3, 5]. Внедрение технологий инклюзивного образования позволяет всем обучающимся, независимо от особых образовательных потребностей, реализовать свой творческий, интеллектуальный, личностный потенциал.

Как показывает наблюдение за студентами, обучающимися по направлению "Педагогическое образование" ВГСПУ организованное на протяжении последних трех лет, будущие учителя-предметники не готовы к созданию комфортной для обучения, воспитания и развития детей с ОВЗ и инвалидностью, инклюзивной образовательной среды, не владеют общеметодическими аспектами обучения лиц с ОВЗ, не имеют представления о технологии разработки АООП, не знакомы с современными инновационными и ассистивными технологиями, применяемыми в работе с детьми с ОВЗ.

Научное сообщество и общественность стали проявлять особый интерес к данному вопросу, встал остро вопрос о готовности будущих учителей предметников к инклюзивному образованию.

Вопрос готовности студентов к работе в инклюзивной образовательной среде рассматривается на уровне теоретического осмысления и методических разработки данной научной проблемы уже достаточно многими учеными, Л.А. Нефёдовой, Е.А. Обуховой, Я.Б. Бобрецовой, Т.С. Дьячковской, О.Г. Грибуковой, Е.А. Спиридоновой, В.В. Ерохиным, О.В. Липуновой, Л.В. Большаниной.

Основная часть

На региональном уровне в Волгоградской области с 2020 года реализуются проекты по данной проблематике на базе педагогического вуза. Интересные теоретико-методологические подходы и стратегические ориентиры к формированию профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзии школьников представлены в трудах ученых ФГБОУ ВО "ВГСПУ": И.А. Рудневой, О.А. Козыревой, Е.М. Сафроновой, Е.В. Шипиловой [6], научных поисках Т.К. Смыковской и Е.С. Любимовой [4].

И.А. Руднева отмечает, что системный подход является частью системы более высокого порядка и выступает серьезным методологическим основанием для разработки проблемы профессиональной подготовки педагогов к инклюзивному образованию школьников в педагогическом вузе [8].

Новые образовательные стандарты высшего образования, по которым сейчас осуществляется модульное образование, не могут в полном объеме обеспечить профессиональную подготовку будущих учителей к работе с детьми с ОВЗ. С 2020 года в педагогическом вузе вводится в учебный план новая дисциплина "Обучение лиц с ОВЗ", что способствует расширению наших возможностей в подготовке студентов к инклюзивному образованию.

В 2021-2022 гг. коллективом факультета социальной и коррекционной педагогики было выполнено исследование при финансовой поддержке ВГСПУ в рамках научного проекта "Модель методической подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников на базе технопарка". Экспериментальной базой исследования выступил ФГБОУ ВО "ВГСПУ" г. Волгограда. В рамках данного исследования было разработано несколько направлений работы, педагогические пробы, реализуемые на базе инновационного Технопарка ВГСПУ по подготовке студентов к обучению лиц с ОВЗ. Одна из педагогических мастерских была ориентирована на подготовку будущих учителей к применению ассистивных технологий в инклюзивном образовании. Ассистивные технологии инклюзивного образования в последнее время вызывают большой интерес, как у ученых, так и у практиков, и особенно у родителей [1, 2]. Педагогическое сообщество не успевает осваивать инновационные вспомогательные технологии, программы которые способствую повышению эффективности образовательной среды в условиях инклюзии.

Цель исследования – выявить уровень готовности студентов направления "Педагогическое образование" к использованию ассистивных технологий в коррекционно-педагогической деятельности в условиях инклюзивного образования.

В экспериментальную группу вошли студенты 3-х курсов в количестве 243 человека, по направлению подготовки 44.03.01 "Педагогическое образование", уровень образования бакалавриат. В данной группе был применен метод анкетирования с использование гуглформ и проведен количественный и качественный анализ полученных результатов.

Анализ полученных результатов при диагностическом исследовании позволил выделить 3% респондентов, достигших высокого уровня знаний об ассистивных технологиях, 87% – не смогли ответить на вопрос, что такое ассистивные технологии и для чего они нужны, 83% – не знают, что такое инклюзивная образовательная среда, 92% – не смогли назвать боль-

ше 2х задач инклюзивного образования, при демонстрации ассистивных технологий применяемых в обучение только 2% студентов смогли определить их назначение и для какой нозологической группы подходит то или иное устройство, ни один респондент не дал правильное определение понятию коррекционно-педагогическая деятельность.

Полученные данные были нами проанализированы и студенты, отнесенные к среднему и низкому уровню готовности применения ассистивных технологий в своей практике, были выделены в представительную выборку в составе 238 человек, с которыми в дальнейшем, в рамках проекта были проведены занятия по обучающей программе на базе Технопарка ВГСПУ. Занятия направлены на формирование и совершенствование умений и навыков использования ассистивных технологий, а также их отработку в различных педагогических ситуациях по четырем нозологическим группам, которые чаще всего встречаются в инклюзивных классах (нарушение речи, нарушение опорно-двигательного аппарата (НОДА), сенсорные нарушения (слух и зрение), ментальные нарушения). По каждой нозологической группе было проведено по 4 занятия, первый блок был теоретический, второй практический построенный на основе принципов динамического обучения, всего 16 занятий, что составило 32 академических часа. Перед студентами ставились задачи от простых к сложным, изучались ассистивные технологии, представленные на базе Технопарка ВГСПУ от более легких к более сложным, проводили мастерские, отрабатывали навыки применения данного оборудования и программ, решались педагогические задачи с применением технологий виртуальной реальности.

Студенты 3-го курса, обучающиеся по направлению "Педагогическое образование" после формирующего эксперимента нашего исследования, смогли овладеть навыками использования ассистивных технологий инклюзивного образования, применяемых в коррекционно-педагогической деятельности, в процессе индивидуально-групповых занятий отработать полученные знания благодаря оснащению Технопарка ВГСПУ данным инновационным оборудованием. Будущие учителя смогли овладеть сурдоинформационными и тифлоинформационными средствами обучения, освоили портативный компьютер органайзер для детей с нарушением зрения, особый интерес вызвал современный принтер для печати рельефно-точечным шрифтом Брайля и оборудование для детей с НОДА, апробировали голосообразующие средства обучения.

Результаты исследования

Полученные результаты исследования свидетельствуют о значимости проведенной работы. Вторичное анкетирование респондентов позволило выявить положительную динамику, 56% студентов ответили, что готовы к применению ассистивных технологий при обучении детей с ОВЗ, 72% – не боятся появления в их классе ребенка с ОВЗ и 45% – готовы к коррекционно-педагогической деятельности. Правильно определили назначение вспомогательного оборудования 67% студентов и 62% – смогли верно отнести к нозологической группе. Практически все студенты дали правильное определение таким понятиям, как "ассистивные технологии", "инклюзивная образовательная среда", "коррекционно-педагогическая деятельность", всего 2% – не смогли ответить, но это те студенты, которые пропускали педагогические пробы.

Проведенный теоретико-методологический анализ научных подходов по проблеме исследования и организованная экспериментальная работа по включению будущих педагогов, обучающихся в педагогичном вузе, в специально организованную деятельность с применением педагогических проб и использованием инновационного оборудования Технопарка ВГСПУ способствовала повышению уровня готовности к применению ассистивных технологий в коррекционно-педагогической деятельности инклюзивной практики и формированию профессиональных компетенций педагога основной общеобразовательной школы для достижения задач Нацпроекта "Образования". Полученных компетенций недостаточно для осуществления коррекционно-педагогической деятельности на высокопрофессиональном уровне в рамках инклюзивных практик, что свидетельствует о необходимости продолжить данную работу и провести дополнительные мероприятия в экспериментальной группе.

Литература:

1. Бузни В.А. Использование ассистивных технологий в обучении детей с особыми образовательными потребностями // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – №58-1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-assistivnyh-tehnologiy-v-obuchenii-detey-s-osobymi-obrazovatelnymi-potrebnostyami (дата обращения: 04.08.2022).

2. Козырева О.А. Ассистивные технологии в инклюзивном образовании : учебное пособие для

вузов / О.А. Козырева. – 2-е изд. – М. : ЮРАЙТ, 2022. – 118 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14959-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/497037 (дата обращения: 12.05.2022).
3. Козырева О.А. Проблемы инклюзивного образования: учебное пособие для вузов / О. А. Козырева. – 2-е изд. – М. : ЮРАЙТ, 2021. – 179 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14411-6. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/477547 (дата обращения: 17.06.2022).
4. Любимова Е.С., Смыковская Т.К. Готовность будущего учителя математики к коррекционно-педагогической деятельности при обучении в педагогическом вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 4. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31873 (дата обращения: 07.09.2022).
5. Оценка инклюзивного процесса как инструмент проектирования инклюзии в образовательной организации / С.В. Алехина, Ю.В. Мельник, Е.В. Самсонова, А.Ю. Шеманов // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26. – № 5. – С. 116-126. – DOI 10.17759/pse.2021260509. – EDN LYWXWS.
6. Подготовка будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников : монография / И.А. Руднева [и др.].. – Саратов : Вузовское образование, 2022. – 140 с. – ISBN 978-5-4487-0801-5. – Текст : электронный // IPR SMART : [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/115774.html (дата обращения: 04.08.2022).
7. Приказ №287 от 31.05.2021 г. Об утверждении ФГОС основного общего образования. Электронный ресурс https://fgosreestr.ru/uploads/files/238eb2e61e443460b65a83a2242abd57.pdf
8. Руднева И.А. Системный подход как методологическая основа изучения проблемы профессиональной подготовки педагогов инклюзивного образования / И.А. Руднева // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых : сб. материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тула, 07 апреля 2022 года / науч. ред. С.Г. Лещенко. – Чебоксары: Среда, 2022. – С. 148-150. – EDN WMLDSU.
9. Федеральная государственная информационная система. Федеральный реестр инвалидов. Электронный ресурс https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei

DIAGNOSIS OF READINESS OF STUDENTS AS FUTURE TEACHERS OF ENGLISH FOR SELF-EDUCATION

Mironova Iuliia Andreevna, *Lecturer, Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow*

The purpose of the study *is to assess the readiness of student-future teachers of a foreign language to implement the process of self-education using diagnostics performed through a survey. The article presents an analysis of the diagnostics of the readiness of students - future teachers of English for self-education, based on empirical data from surveys conducted among students. Their skills in the field of self-education, as well as the need and possibilities for implementing this process are considered.* ***The scientific novelty*** *lies in the fact that the results obtained will contribute to the content of the developed theoretical model of the linguodidactic strategy of self-education of students, carried out through the author's electronic course, the need for which is substantiated in the article.* ***As a result,*** *data were obtained that make it possible to start developing an author's electronic course, which serves as a means for implementing a linguodidactic strategy for self-education of future teachers of English, and to take into account the areas of interest of a selected group of students for subsequent filling with the material of the author's electronic course.*

Keywords: *teaching methodology; English; linguodidactic strategy; self-education; strategy; professional training; questionnaire.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.45

УДК 372.881.111.1
ВАК РФ 5.8.7

© Миронова Ю.А., 2022

ДИАГНОСТИКА ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ-БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА К САМООБРАЗОВАНИЮ

Цель исследования *– оценить готовность студентов-будущих учителей иностранного языка к реализации процесса самообразования с помощью диагностики, выполненной посредством опроса. В статье представлен анализ диагностики готовности студентов – будущих учителей английского языка к самообразованию, основанный на эмпирических данных, проведенных среди студентов опросов. Рассматриваются их умения в области самообразования, а также необходимость и возможности реализации данного процесса.* ***Научная новизна*** *заключается в том, что полученные результаты будут способствовать содержательному наполнению разрабатываемой теоретической модели лингводидактической стратегии самообразования студентов, осуществляемую посредством авторского электронного курса, необходимость которой обосновывается в статье.* ***В результате*** *были получены данные, позволяющие приступить к разработке авторского электронного курса, который служит средством для реализации лингводидактической стратегии самообразования будущих учителей английского языка, и учесть сферы интересов отобранной*

группы студентов для последующего наполнения материалом авторского электронного курса.

Ключевые слова: *английский язык; самообразование; анкетирование; будущий учитель.*

Введение

Общемировая тенденция к постоянному развитию интеллектуального и общекультурного и профессионального уровней человека особенно касается учителей английского языка. Их внеаудиторная самостоятельная работа, самосовершенствование традиционно является приоритетным аспектом как и в процессе обучения в вузе, так и в последующей профессиональной деятельности. Стоит отметить, что несовершенство программ вузовской подготовки будущих учителей английского языка побуждает молодых специалистов задумываться о важности самостоятельного развития, личностного и профессионального. Среди существующих проблем на момент выпуска молодых специалистов отмечают нехватку методических знаний при организации образовательного процесса, недостаточность базового курса лингводидактики и практики иностранного языка. В сфере владения английским языком наблюдается острая проблема в невозможности владения необходимым запасом специальной лексики. При работе с техническими текстами и терминологическими словарями молодой учитель английского языка так же испытывает трудности. Существует непонимание особенностей преподавания английского языка обучающимся технических, медицинских и других направлений с учетом профилизации школьного образования, особенно в сфере "Английский для специальных целей", например "Английский для IT-специалистов".

Будущий учитель английского языка сталкивается с необходимостью самостоятельно выстроить стратегию восполнения недополученных в языковом вузе знаний, как в области лингводидактики, так и в области специальной языковой подготовки, где специальный английский приоритетнее базового. Таким образом, возникает необходимость формировать у студентов-будущих учителей английского языка способность непрерывно учиться, самостоятельно использовать возможности неформального и информального образования. Особенно это важно для тех студентов, кто после выпуска из вуза планирует работать со сферой "Английский для специальных целей", как в рамках школьного образования, так и иных учреждений.

После изучения тенденций в сфере зарубежного и отечественного опыта в самообразовании, как студентов, так и студентов английского языка, идея разработать модель долгосрочной лингводидактической стратегии самообразования студентов-будущих учителей английского языка показалась нам наиболее эффективной и всеобъемлющей богатый спектр проблематики самообразования.

Однако, прежде чем разработать модель лингводидактической стратегии и осуществить ее в форме авторского электронного курса, наша работа состояла из нескольких этапов: изучение существующих стратегий и иных технологий, направленных на самообразование будущих учителей английского языка и проведение среди отобранной в пределе количества и места диагностики посредством анкетирования обучающихся старших курсов педагогических языковых институтов. В этой статье мы представим результаты второго этапа.

МИРОНОВА Юлия Андреевна, *преподаватель, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва*

На установочном этапе диагностики были отобраны несколько групп студентов третьего и четвертого курсов направление подготовки "Педагогическое образование (английский язык), обучающихся в Институте иностранных языков МГПУ. Обоснованность выбора третьего курса заключалась в том, что, эти же студенты предполагаются к участию в дальнейших этапах эксперимента и апробации авторского курса. Большинство обучающихся знают, кем они хотели бы или будут работать после окончания вуза и осознают выбор своей профессии. Таким образом, всего было опрошено 60 человек, из них 31% – студенты 4, выпускного курса, 69% – студенты 3 курса.

Опрос был организован поэтапно:

1) установочный – выбор целевой аудитории опроса с обоснованием, контакт со студентами;

2) подготовительный – составление содержания анкеты и ее онлайн-формата;

3) практический – организация онлайн-опроса;

4) итоговый – обобщение и анализ результатов.

Основная часть

На установочном этапе было отобрано несколько групп студентов третьего и четвертого курсов по направлению подготовки "педагогическое образование (английский язык), обучающихся в Институте иностранных языков МГПУ. Большинство студентов знают, кем они хотели бы или будут работать после окончания учебы, и осознают свой выбор профессии. Всего было опрошено 60 человек, из них 31% студентов четвертого курса, 69% студентов третьего курса.

На подготовительном этапе была составлена диагностическая анкета для организации опроса на ее основе среди выбранной целевой аудитории.

Практический этап заключался в распространении текста анкеты (в нашем случае – электронная ссылка на Google-формы URL: https://docs.google.com/forms/d/1Aj1wfRLzBaAwkejw1YpNBA5AltCjjrXwCrop-UsWERc/edit) и проведение анкетирования.

При подведении итогов по окончанию соответствующего этапа были сделаны следующие выводы:

1. Мнения студентов о будущем трудоустройстве разделились практически поровну, что показано на рисунке 1. Результаты опроса (вопрос №2 Анкеты) показывают, что большинство намерено заниматься репетиторством, почти четверть студентов настроены развивать профессиональную карьеру в учреждениях среднего профессионального образования, столько же связывает свою будущую профессиональную деятельность со школой.

Рисунок 1 – **"Где вы планируете работать после окончания вуза?"**

2. При анализе блока вопросов (№3-6 Анкеты), связанных с самообразованием, 61% респондентов не собираются им заниматься, 39% выразили уверенность в этом, что они будут самообразовываться и развиваться личностно и профессионально после окончания высшего учебного заведения. При оценке навыков самостоятельной работы по пятибалльной шкале большинство (31,3%) оценили их как "удовлетворительно", 26% ? "неудовлетворительно", 19% ? "хорошо", 16% ? отлично и 6% ? "крайне неудовлетворительно". На вопрос "Считаете ли вы, что вузовская подготовка будущих учителей должна проходить через формирование навыков самоподготовки/самообразования?" 90% студентов ответили "определенно да" (рис. 2).

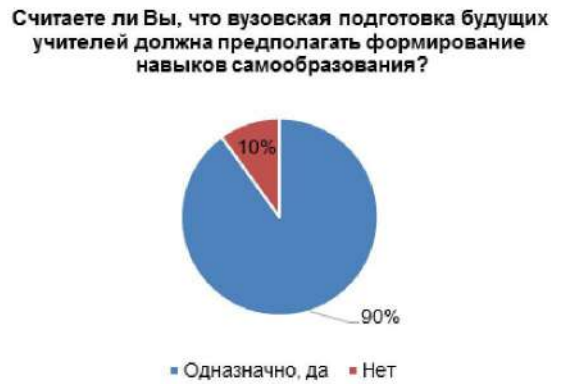

Рисунок 2 – **"Считаете ли вы, что вузовская подготовка будущих учителей должна предполагать формирование навыков самообразования?"**

3. Следующий блок вопросов (№ 7-9 Анкеты) касался профессионального развития. Результаты анкетирования показывают, что 58% респондентов видят пробелы в профессиональной подготовке, 42% – беспокоит ее методический компонент, и лишь менее 1% респондентов всем довольны. При этом 57% – считают языковую подготовку недостаточной, а 43% – удовлетворены ее уровнем. Оценка языковой подготовки по пятибалльной шкале показала, что 47% – оценили свою подготовку на "хорошо", 23% – на "отлично", 20% – на "удовлетворительно" (вопрос №10 Анкеты) (рис. 3).

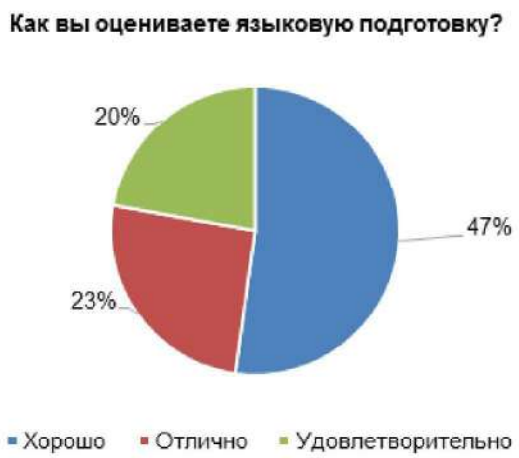

Рисунок 3 – **"Как вы оцениваете языковую подготовку?"**

4. Несколько вопросов Анкеты (№ 11-14) были посвящены "Английскому языку для специальных целей". Результаты опроса показывают, что 85% учащихся имеют представление о том, что такое английский язык для специальных целей. Однако, на вопрос "Готовы ли вы преподавать английский для специальных целей на данном этапе?" ? 75% студентов ответили отрицательно. При этом на вопрос "Считаете ли Вы необходимым овладеть навыками использования английского языка в определенных областях в процессе обучения" большинство студентов (77%) ответили положительно. Выразив готовность освоить названные навыки, студенты должны были выбрать (или назвать свой вариант) из предложенных им направлений "Английского для специальных целей". Можно было выбрать несколько вариантов одновременно (рис. 4). Анализ результатов ответов на этот раздел анкеты показывает, что студенты выбирают те направления "Английского языка для специальных целей", которые используются в сферах, наиболее востребованных на рынке труда: технической и IT-сферах, что вполне согласуется с тенденциями цифровизации. Это позволяет нам точнее осуществить отбор языкового материала и наметить стратегии его реализации в рамках авторского электронного курса.

Рисунок 4 – **"В какой сфере английского языка для спец. целей вам хотелось бы восполнить недостаток знаний?"**

Особо следует отметить (вопрос № 15 Анкеты), что большинство студентов, которые станут будущими учителями английского языка, считают полезным включить английский язык для специальных целей в учебную программу бакалавров (80%).

Анализ результатов опроса позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Наиболее востребованным направлением в области будущей профессиональной деятельности среди респондентов оказалось репетиторство, вторым по популярности

ответом стал вариант "учитель английского языка в средних специальных учебных заведениях".

2. Большинство студентов считают, что они не обладают в достаточной степени навыками самообразования. Значительная часть опрошенных заявили, что не считают себя готовыми к его осуществлению.

3. Несмотря на определенное представление об "Английском для специальных целей", большинство студентов не обладают достаточными методическими и языковыми навыками в данной сфере.

4. Респонденты осведомлены о современных реалиях цифрового мира, которые диктуют востребованность технических профессий, что обусловило выбор английского языка для технических целей и английского языка для информационных технологий как привлекательных направлений своего будущего профессионального развития.

5. Будущие преподаватели английского языка считают целесообразным ввести курс "Английский для специальных целей" в программу бакалавриата. Большинство согласились с тем, что предложенный нами курс и полученные знания пригодятся им в будущей профессиональной деятельности.

Заключение

С учетом результатов нашего опроса, есть основания приступить к разработке лингводидактической стратегии самообразования посредством электронного авторского курса, который будет иметь целью создание образовательного контента и структурированной последовательности учебной деятельности, направленной на организацию процесса самообразования (с учетом установленного нами определения стратегии) студентов будущих учителей английского языка.

Задачи для достижения цели стратегии:

1. Разработать стратегию в пространстве электронного авторского курса (далее – ЭАК), представляющего собой удобный и простой в использовании электронный продукт для будущих преподавателей английского языка, наполненный максимально эффективным, актуальным и достоверным материалом, обеспечивающий обратную связь.

2. Структуру ЭАК представить как ряд модульных блоков, содержание которых будет направлено на формирование определенного навыка и компетенции в сфере самообразования студентов будущих учителей английского языка с учетом анализируемых отечественных и иностранных лингводидактических стратегий.

Электронный авторский курс выступает средством реализации лингводидактической стратегии самообразования студентов будущих преподавателей ИЯ. Поэтому при создании собственного авторского курса, мы постараемся ориентироваться на последние тенденции в области непрерывного образования будущих учителей английского языка [Gilakjani, Sabouri; You Lv; Zhong; Андреева; Губарева; Жуков]: доступность; бесплатное использование; обратная связь; визуализация, база с текущими ресурсами для самостоятельного изучения; автономность; часть саморефлексии.

Литература:

1. Jiaming Zh., Jisheng H., Zhijuan L., On Self-learning Ability of College Students and Its Cultivation // Atlantis Press. 2015. URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/meici-15/25211 (дата обращения 18.08.22).

2. Abbas Gilakjani, Narjes Sabouri, Teachers' Beliefs in English Language Teaching and Learning: A Review of the Literature // Canadian Center of Science and Education, 2017. URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1133207.pdf (дата обращения 18.08.22).

3. You Lv, The Professional Development of the Foreign Language Teachers and the Professional Foreign Language Teaching Practice // ACADEMY PUBLISHER, 2014. URL: http://www.academypublication.com/issues/past/tpls/vol04/07/17.pdf (дата обращения 18.08.22).

4. Андреева Г.А. Инновационные процессы в содержании педагогического образования в Англии / Г.А. Андреева // Педагогика. – 2003. – № 6. – С. 97-102.

5. Губарева А.Е. Современные формы организации самостоятельной работы и контроля знаний студентов вузов / А. Е. Губарева // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 10. – С. 59-62.

6. Жуков А.Е. Организация самостоятельной работы студентов в высшей школе :дидакт. средства технологии программы : монография / А.Е Жуков, А.В. Симоненко. – М.: Юнити-Дана, 2004. – С. 219.

THE ROLE OF DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN IMPROVING EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES OF STUDENTS

Murzabekova Marem Ismailovna, *Senior Lecturer, Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia*

The purpose of the study *is to clarify the role of digital educational technologies in improving the effectiveness of students' educational and research activities. The article discusses the prospects for introducing digital tutors into the educational process of students – self-learning programs. It is also proposed to take into account the content of contextual advertising that marketing algorithms offer to the user in response to an incoming request on a particular educational topic.* ***The scientific novelty*** *of the research lies in the creation of a special educational strategy that takes into account the assistance of passive and active self-learning computer algorithms in organizing the educational and research activities of students.* ***As a result,*** *it was revealed that digital educational technologies play a significant role in improving the efficiency of students' educational and research activities.*

Keywords: *educational and research activities of students; information educational technologies; self-learning didactic tools; higher education.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.46

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

УДК 377.4
ВАК РФ 5.8.7

© Мурзабекова М.И., 2022

Цель исследования *– уточнить роль цифровых образовательных технологий в повышении эффективности учебно-исследовательской деятельности студентов. В статье рассматриваются перспективы внедрения в образовательный процесс студентов цифровых тьюторов – самообучающихся программ. Также предлагается учесть содержание контекстной рекламы, которую маркетинговые алгоритмы предлагают пользователю в ответ на поступающий запрос по той или иной образовательной тематике.* ***Научная новизна*** *заключается в создании особой образовательной стратегии, учитывающей помощь пассивных и активных самообучающихся компьютерных алгоритмов при организации учебно-исследовательской деятельности студентов.* ***В результате*** *выявлено, что цифровые образовательные технологии играют значительную роль в повышении эффективности учебно-исследовательской деятельности студентов.*

Ключевые слова: *учебно-исследовательская деятельность студентов; информационные образовательные технологии; самообучающиеся дидактические инструменты; высшее образование.*

Введение

Успешность обучения современных студентов сегодня зависит от многих факторов и условий. При этом профессиональное мастерство преподавателей всегда определяло успешность применения разнообразных образовательных технологий, методов и средств. Вместе с тем сегодня особую популярность набирает концепция индивидуального обучения, которую в рамках потокового и массового обучения не так просто реализовать отдельному педагогу. Стоит добавить, что возможность оказания адресной помощи студентам в рамках массового, потокового обучения связана не только с репетиторской деятельностью. Речь идёт о внедрении в учебный процесс особых помощников преподавателя, которые смогут без перерывов и выходных оказывать всестороннюю образовательную поддержку студентам.

В первую очередь речь идёт о цифровых образовательных технологиях, которые благодаря инновационным прогрессам стали готовы к самообучению, а также прогнозированию академической успешности студентов. Вместе с тем, чтобы обучение при поддержке цифровых помощников не привело к обесцениванию усваиваемого знания, важно сформировать у студентов учебную мотивацию. Одним из перспективных видов учебной деятельности в этом свете является учебно-исследовательская деятельность, которая в условиях искусственного дефицита новых знаний будет прививать сту-

МУРЗАБЕКОВА Марем Исмаиловна, *старший преподаватель, Ингушский государственный университет, Магас, Республика Ингушетия*

дентам культуру поисковой научной работы. При этом цифровые образовательные помощники будут играть только вспомогательную роль, лишь предлагая для выбора наиболее перспективные образовательные маршруты для обучающихся.

Вместе с тем, чтобы доказать указанную роль цифровых образовательных технологий, необходимо применить ряд научных методов исследования. Обратимся к возможностям теоретического анализа по проблеме исследования.

Учебно-исследовательскую деятельность обучающихся по программам высшего образования можно объективно считать одной из передовых форм освоения нового учебного материала. Её перспективность состоит в подготовке студентов к ведению подлинной научно-исследовательской деятельности. Вместе с тем для перехода с пассивной стратегии освоения нового учебного материала на его активное производство очень важно освоить пограничные формы деятельности. Добавим, что учебно-исследовательская деятельность является характерным примером пограничной формы учебной активности. Вместе с тем для каждого нового поколения студентов система высшего образования должна предусматривать свои особенные ресурсы, усиливающие содержание даже эксклюзивных видов учебной деятельности. Автор исследования предполагает, что для современных студентов значимым дидактическим ресурсом являются цифровые образовательные технологии. Цель исследования структурировала следующие задачи: 1) изучить теоретическую основу по теме исследования; 2) разработать и апробировать специальные цифровые образовательных технологии, необходимые для повышения эффективности учебно-исследовательской деятельности студентов; 3) провести рефлексивный анализ результатов исследования.

Анализ теоретических оснований исследования. К примеру, И.Б. Аминов приходит к однозначному утверждению о том, что современные цифровые образовательные технологии позволяют основательнее раскрыть исследовательские способности студентов [1]. В рамках реализации учебно-исследовательской деятельности цифровые технологии также повышают возможность самовыражения и самореализации студентов высших учебных заведений. Таким образом, роль исследуемых технологий для учебно-исследовательской деятельности заключается в инициировании масштабной научной деятельности, которая может быть реализована при особых виртуальных исследовательских лабораториях [1].

Д. Джусубалиева, У. Адилжанова несколько иначе видят роль цифровых образовательных технологий для развития учебно-исследовательской деятельности студентов высших учебных заведений [4]. В частности, они указывают, что исследуемые вспомогательные образовательные ресурсы позволяют развить одно из центральных качеств учебно-исследовательской деятельности – поисковые способности. При этом авторы приводят в пример различные Интернет-браузеры и особые библиографические поисковые программы. Добавим, что автор настоящего исследования заинтересован в изучении более глубокого значения информационных образовательных технологий для развития исследуемого вида учебной деятельности, поэтому обор научной литературы будет продолжен.

К примеру, в коллективной статье К.Р. Круподёровой, Л.Ю. Кучиновой и С.Д. Попенко утверждается, что цифровые образовательные технологии позволяют существенно обогатить учебно-исследовательскую деятельность обучающихся. Под обогащением понимается привлечение в процесс обучения состоявшихся учёных, которые могли бы руководить работой студентов [6]. При этом роль цифровых технологий состоит в налаживании сетевых связей между авторитетными в той или иной научной отрасли исследователями и студентами.

Также стоит указать, что цифровые образовательные технологии ценны и тем, что за счёт специальных самообучающихся алгоритмов могут предложить уникальные, адресные образовательные маршруты для каждого студента, обучающегося по программам высшего образования [3; 7; 9]. Таким образом, мы выявили ещё одну роль цифровых технологий – повышение качества учебно-исследовательской деятельности студентов за счёт учёта их академических интересов, усвоенных знаний, а также учебных потребностей.

Выявив значение цифровых образовательных технологий в повышении эффективности учебно-исследовательской деятельности, важно перейти к уточнению методологии научной работы.

Методологическая основа научной работы. В основании нашей методологии лежит утверждение В.И. Андреева, подчёркивающего что, программирование учебно-исследовательской деятельности под интересы и академические потребности студентов позволит сфор-

мировать у них качественные профессиональные знания [2]. Вместе с тем мы дополняем с учётом текущего научно-технического прогресса, что наиболее перспективным инструментом программирования учебно-исследовательской деятельности студентов являются цифровые образовательные технологии. Для подтверждения нашей научной идеи мы привлекли следующие два классических метода: анализ научной литературы по проблеме исследования и эксперимент. В процессе проведения эксперимента применялись два авторских метода обучения: метод творческих ассоциаций, основанный на переосмыслении тематической рекламы, возникающей при обращении к цифровым библиотечным ресурсам; закрепление содержания конспекта путём создания небольших рисунков при поддержке специальных самообучающихся программ. Основными дидактическими ресурсами стали самообучающиеся образовательные платформы: Knewton, Dreambox Smart и Sparrow, способные подбирать наиболее корректный образовательный материал для студентов высших учебных заведений.

Для проверки наших предположений были сформированы две классические эмпирические группы: контрольная и экспериментальная (далее КГ и ЭГ). Обе группы были сформированы из числа студентов Ингушского государственного университета, в КГ вошли 23, а в ЭГ 25 обучающихся по программам высшего образования. Членам КГ не предлагалось использовать заявленные в методологии цифровые образовательные ресурсы, а также их не обучали использовать специальные методы закрепления и усвоения нового учебного материала. Представители ЭГ, напротив, активно осваивали новые цифровые образовательные технологии. Срок проведения эксперимента: с января по октябрь 2022 года. По итогам научной работы была проанализирована академическая успешность обеих экспериментальных групп и соотнесена со стартовыми значениями.

Результаты научного исследования

По итогам проведения экспериментальной работы была подтверждена ведущая гипотеза исследования о том, что цифровые образовательные технологии играют значительную роль в повышении качества учебно-исследовательской деятельности студентов. Так, по завершении эксперимента число студентов, которые стали полными отличниками, в ЭГ увеличилось на 20%, по сравнению со стартовым этапом. В КГ также произошли позитивные изменения, в ней было отмечено повышение доли студентов, достигших пика своей академической успешности, но с более скромной динамикой – всего 4%.

Таким образом, подтвердились следующие значимые факторы цифровых образовательных технологий: расширение масштаба научной деятельности за счёт использования особых виртуальных исследовательских лабораторий; повышение возможностей самовыражения путём участия в различных сетевых учебно-исследовательских группах; увеличение объёма доступного для усвоения нового предметного знания благодаря использованию особых поисковых программ, а также получение удалённого доступа к сетевым библиотекам разных стран мира; привлечение в процесс развития учебно-исследовательской деятельности значимых учёных благодаря сетевым образовательным технологиям; включение в образовательный процесс особых самообучающихся алгоритмов, выстраивающих на основании персональных данных студентов особые образовательные маршруты, повышает тем самым и качество исследовательской культуры.

Вместе с тем необходимо подробнее остановиться на подлинных причинах успешности учебно-исследовательской деятельности студентов. Так, в процессе эксперимента члены ЭГ активно использовали такие цифровые самообучающиеся алгоритмы, как Knewton, Dreambox Smart и Sparrow. Особенность их работы заключалась в том, что при регистрации в рамках указанных систем студенты указывали свои академические предпочтения, а также текущий уровень знаний. В процессе обучения указанные интерактивные системы оценивали динамику академических успехов или затруднений у студентов и предлагали в интерактивно-развлекательном режиме различные образовательные квесты. Таким образом, самостоятельная работа студентов корректировалась не только преподавателями, но и цифровыми помощниками – самообучающимися алгоритмами.

Также студентов ЭГ обучили методам работы с косвенными самообучающимися алгоритмами, которые предлагали им различные товары или услуги в процессе исследования новых предметных знаний. При этом предлагалось не просто наблюдать за косвенными подсказками маркетинговых программ, но и

творчески их переосмыслять в виде пометок на полях, зарисовках образов, которые предлагали машинные алгоритмы в ответ на поисковые запросы студентов в сети интернет.

Также студентам предлагалось исследовать глубину своих усвоенных знаний путём обращения к нейросетевым технологиям. Так, по любой из усвоенных новых тем по тому или иному предмету студентам предлагалось составить ключевые слова, наиболее точно передающие совокупность полученных знаний. Сформулированный список далее необходимо было загрузить на порталах ruDALL-E, Midjourney или Starryai и запустить программу по генерации картины, на основе введённых данных (ключевых словах). Полученные изображения подвергались вторичной рефлексии студентов. В процессе работы с рисунками уточнялось, какие грани усвоенного предмета студенты могли не заметить.

Предложенный комплекс методов работы показал свою эффективность, а также перспективность дальнейшей апробации предложенного дидактического инструмента. Особо стоит отметить, что творческие самообучающиеся алгоритмы позволяют усилить ресурс таких цифровых алгоритмов, как Knewton, Dreambox Smart и Sparrow. Усиление происходит в силу действия одного из известных законов развития психики человека – единства развития аффективной и интеллектуальной области сознания. Иными словами, рациональные рекомендации обучения студентов дополнялись иррационально-эмоциональными дополнениями.

По итогу завершения активной фазы апробации образовательной технологии нами было сделано обоснованное предположение, что творческая работа с самообучающимися алгоритмами может быть востребована в системе дополнительного образования.

Заключение

Следует отметить, что во введении нами была актуализирована тема исследования. Было выдвинуто предположение о том, что учебно-исследовательская деятельность является тренировочной основой для студентов, подготавливающих их к подлинной самостоятельной научной работе. Вместе с тем для её координации необходимы грамотные наставники, и ,поскольку преподаватель не может в полной мере учесть академические потребности всех студентов, важно обратиться к помощи современных цифровых образовательных помощников [5; 8]. Для подтверждения гипотезы исследования был проведён анализ научной литературы, а также эксперимент. На основании выдвинутых в рамках теоретического анализа тезисах о значимости цифровых образовательных технологий для повышения качества учебно-исследовательской деятельности были предложены особые дидактические формы, методы и средства обучения студентов. Эксперимент показал эффективность предложенных автором решений по совершенствованию учебно-исследовательской деятельности студентов, что доказало первоначальную гипотезу исследования. На основании полученных результатов исследования был сделан вывод о необходимости завершения научной работы, поскольку её цель была достигнута.

Также отметим, что автор видит перспективным внедрение, предложенной им дидактической технологии на всех уровнях профессионального образования.

Литература:

1. Аминов И.Б. Эффективность использования информационных ресурсов и технологии в научно-исследовательской работе студентов / И.Б. Аминов, Д.Ф. Ходжаева // Бюллетень науки и практики. – 2017. – №. 2 (15). – С. 310?313.
2. Андреев В.И. Эвристическое программирование учебно-исследовательской деятельности (в обучении естественным предметам) : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / В.И. Андреев. ? Казань, 1983. ? 453 с.
3. Гордиенко Т.П. Особенности самостоятельной работы студентов в условиях цифровой трансформации педагогического образования / Т.П. Гордиенко, Г.Э. Меметова // KANT. – 2022. – № 2 (43). – С. 237?241.
4. Джусубалиева Д. Использование цифровых технологий для формирования поисково-исследовательской компетенций будущих учителей иностранного языка / Д. Джусубалиева, У. Адилжанова // Известия. Серия: Педагогические науки. – 2021. – Т. 63 – № 4.
5. Ильясов Д.Ф. Перспективные стратегии совершенствования психолого-педагогических знаний учителей, основанные на применении материалов художественных фильмов / Д.Ф. Ильясов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2021. – № 3(48). – С. 5?13.
6. Круподёрова К.Р. Сопровождение проектной и исследовательской деятельности обучающихся в условиях цифровой образовательной среды / К. Р. Круподёрова, Л.Ю. Кучинова, С. Д. Попенко // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №. 74-1. – С. 139?142.
7. Мурзабекова М.И. Применение цифровых образовательных технологий для повышения интереса студентов к научному исследованию / М.И. Мурзабекова // Наука, технологии, инновации в мире глобальных трансформаций. – 2021. – С. 39?42.
8. Николов Н.О. Участие преподавателей учреждений дополнительного профессионального образо-

вания в деятельности научно-исследовательских коллективов как фактор развития профессионального мастерства / Н.О. Николов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 3(52). – С. 63-71.

9. Тазов П.Ю. Вопросы цифрового обучения и методы повышения эффективности обучения цифрового поколения в условиях цифровой среды / П.Ю. Тазов // Современные наукоемкие технологии. – 2020. – №. 6-2. – С. 385-391.

MEDIA EDUCATIONAL LEGAL ENVIRONMENT AS A MEANS OF FORMING THE LAWFUL BEHAVIOR OF STUDENTS

Mykhnyuk Maria Ivanovna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Yunusova Alime Narimanovna, *Senior Lecturer*

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Republic of Crimea

The purpose of the study *is to establish the influence of the media-educational legal environment of an educational organization, as the most important pedagogical condition, on the process of forming the lawful behavior of students of non-legal specialties in the digital environment of the university through the analysis of the essence of the main provisions of the study from the position of socio-humanistic orientation.* ***The scientific novelty*** *consists in substantiating the essence and content of the media-educational legal environment of an educational organization, as well as its direct impact on the process of improving the forms, methods, and means of the educational process, creating optimal conditions for the development of the system of legal knowledge and skills of students in the digital environment of the university.* ***As a result,*** *such a pedagogical condition as the modern media-educational legal environment of the university, which contributes to the development of lawful behavior of students, is determined and justified.*

Keywords: *pedagogical conditions; lawful behavior; legal culture; media educational legal environment; digital environment.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.47

МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СРЕДА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

УДК 378
ВАК РФ 5.8.1

© Мыхнюк М.И., 2022
© Юнусова А.Н., 2022

Цель исследования *– установить влияние медиаобразовательной правовой среды образовательной организации как важнейшего педагогического условия на процесс формирования правомерного поведения обучающихся в цифровой среде вуза посредствам анализа сущности основных положений исследования с позиции социально-гуманистической направленности.* ***Научная новизна*** *заключается в обосновании сущности и содержания медиаобразовательной правовой среды образовательной организации, а также ее непосредственного влияния на процесс совершенствования форм, методов, средств образовательного процесса, создания оптимальных условий для развития системы правовых знаний и умений обучающихся в цифровой среде вуза.* ***В результате*** *определено и обосновано такое педагогическое условие, как современная медиаобразовательная правовая среда вуза, способствующая развитию правомерного поведения обучающихся.*

Ключевые слова: *педагогические условия; правомерное поведение, правовая культура; медиаобразовательная правовая среда, обучающиеся, цифровая среда.*

МЫХНЮК Мария Ивановна, *доктор педагогических наук, профессор*

ЮНУСОВА Алиме Наримановна, *старший преподаватель*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Введение

В формировании правомерного поведения обучающихся профессиональных образовательных организаций большое значение имеют педагогические условия.

В педагогических исследованиях представлены различные точки зрения относительно содержания понятия "педагогические условия": совокупность объективных и субъективных факторов, необходимых для обеспечения эффективного функционирования всех компонентов образовательной системы [10]; совокупность необходимых и достаточных мероприятий, способствующих наиболее эффективной среде успешной реализации поставленных целей [7]; обстоя-

тельство, которое способствует эффективному формированию или развитию педагогического процесса, явления, объекта [8].

Медиаобразовательная среда является элементом цифрового пространства вуза и рассматривается как интерактивная среда, которая, будучи динамичной, служит обратной связью для обеспечения образовательного процесса.

В соответствии с целью исследования определены следующие *задачи*: 1) интеграция образовательного процесса в медиаобразовательную среду; 2) включение обучающихся в интерактивную учебную деятельность, направленную на актуализацию правовых функций; 3) эффективное взаимодействие в информационном образовательном пространстве участников образовательного процесса; 4) определение требований к созданию медиаобразовательной среды.

Гипотеза исследования основана на положении о том, что современная медиаобразовательная правовая среда вуза, как педагогическое условие поддержки социально-правовых ценностей, будет результативно влиять на уровень сформированности правомерного поведения обучающихся.

В статье применяются следующие *методы исследования*: теоретический анализ научной и педагогических источников, анализ, сравнение, обобщение, синтез.

Теоретической базой исследования послужили публикации ведущих ученых-педагогов, правоведов, социологов. Научные исследования в области правомерного поведения и правовой культуры представлены работами С.Л. Атанасян, А.Г. Безпаловой, В.И. Богословского, В.А. Извозчикова, О.А. Ильченко, М.М. Криштал, А.В. Коротун, Л.З. Кувалдиковой, Г. А. Мавлютовой, О.Н. Миргородской, М.Н. Марченко, М.Н. Потемкина, А.П. Радкевич, Е.А. Рассоловой, В.В. Серикова, В. Л Шатуновского, М.С. Якушкина.

Практическая значимость полученных результатов заключается в разработке и внедрении в профессиональную подготовку обучающихся неюридических специальностей современной медиаобразовательной правовой среды, способствующей формированию правомерного поведения будущих выпускников.

Основная часть

Эффективность формирования правомерного поведения обучающихся профессиональных образовательных организаций в цифровой среде осуществляется благодаря обеспечению данного процесса эффективными педагогическими условиями [6].

Учитывая специфику развития правомерного поведения обучающихся в цифровой среде, нами предложено рассмотреть через педагогическое условие современную медиаобразовательную правовую среду вуза.

В педагогической теории процессы цифровизации изучали С.А. Атанасян, М.М. Криштал, Г. А. Мавлютова, О.Н. Миргородская, А.Г. Безпалова и другие. По мнению М.М. Криштала, цифровая среда представляет субъектам образовательного процесса удобные сервисы, которые помогают организовать учетный процесс и коммуникацию, фиксировать и анализировать цифровой след, правильно выстраивать индивидуальные траектории обучения, оперативно реагировать на возможные проблемы; аппаратно-программный методологический комплекс для внедрения информационно-компьютерных технологий в учебный процесс [3].

Внедрение в образовательный процесс вуза цифровых коммуникаций зависит от инфраструктуры и стратегии самих вузов, создание современного научного пространства.

Цифровизация вуза предполагает и процесс обучения согласно образовательных программам с использованием дистанционных образовательных технологий, на основе создания цифровых платформ.

С целью создания современной образовательной среды нами были проанализированы научные исследования в этой области и изучены следующие категории: "образовательное пространство", "образовательная среда", "информационная среда", "информационно-образовательная среда", "медиаобразовательная среда".

Образовательное пространство рассматривается как целостный многофункциональный комплекс возможностей окружающей среды, имеющий педагогически целесообразную организацию, с целью обучения, развития, воспитания личности [9]; совокупность информационных, технологических и условий, создающих возможность для организации процесса обучения, самообразования, саморазвития [12].

При интеграции профессиональной и образовательной среды с целью решения правовых задач и ситуаций отмечается ряд особенностей: высокий уровень активности обучающихся; целенаправленное взаимодействие субъектов формирования правовой культуры в процессе обучения; реализация индивидуального подхода в освоении системой правовых цен-

ностей; непрерывное углубление и совершенствование правовых знаний с учетом требований к правовой подготовке бакалавров в высшей школе [2].

Практикой доказано, что информационная среда, способствующая формированию знаний, умений и навыков эффективного пользования информации, предполагает: наличие различного рода научной, специальной, правовой, психолого-педагогической информации с целью ее использования для осуществления профессионально-педагогической деятельности преподавателей вуза; обеспечение образовательной организации современными техническими информационными системам, обеспечивающие высокий уровень усвоения правовых знаний; творческое развитие обучающихся в процессе решения правовых задач на основе использования технических средств обучения; обеспечение объективной обратной связи; осуществление контроля за уровнем сформированности правовых знаний и умений [1].

С позиции И.К. Марченко, информационно-образовательная среда – это системно организованная совокупность образовательного учреждения, банков данных, локальных и глобальных информационных сетей, а также совокупность средств передачи данных, информационных ресурсов, протоколов взаимодействия, аппаратно-программного и организационно-методического обеспечения, реализующих образовательную деятельность [5].

С этой целью ориентация образовательной информационной среды направлена на осуществление: доступа обучающихся и педагогов к высококачественным локальным и сетевым образовательным информационным ресурсам; возможность проведения тестирования и оценки качества образования с использованием специализированного программного обеспечения; методической поддержки и возможности непрерывного повышения образовательного уровня; перехода к системе открытого образования на основе интерактивных дистанционных технологий обучения [1].

Согласно В.А. Извозчикова и М.Н. Потемкина, информационное образовательное пространство вуза можно представить в виде совокупности информационных ресурсов, различных технических средств информатизации образования, глобальных, региональных и локальных компьютерных сетей [4].

На основе анализа научных исследований в области правомерного поведения личности можно выделить общие и психолого-педагогические требования к созданию медиаобразовательной среды в вузе (табл.).

Таблица – **Требования к созданию медиаобразовательной среды в вузе**

Общие требования	Психолого-педагогические требования
Соответствие ресурсов медиаинформационной образовательной среды содержанию профессиональной подготовки обучающихся	Соответствие медиаресурса целям и задачам профессиональной подготовки обучающихся
Обеспечение комплексов медиаресурсов учебных дисциплин, направленных на формирование правовых знаний и отношений	Обеспечение формирования системы правовых знаний и умений обучающихся медиаресурсов, в зависимости от их личностных качеств, уровня готовности к восприятию учебной информации
Размещение медиаресурсов в телекоммуникационных сетях	Создание модульных пакетов учебной информации в виде кейсов, эссе, портфолио
Предоставление коммуникационных возможностей для всех участников образовательного процесса	Обеспечение условий для результативного взаимодействия участников образовательного процесса с целью совершенствования и углубления теоретических основ, в процессе самообразовательной деятельности
Обеспечение системности и логических связей в предоставлении учебной информации	Обеспечение предъявления учебной информации во взаимосвязи последовательных способов действий на основе самостоятельной поисковой и аналитической деятельности обучающихся

В процессе формирования правомерного поведения обучающихся профессиональных образовательных организаций мы использовали различные виды информационных ресурсов, включаемых в состав информационной образовательной среды: электронное издание; электронная справочная система; компьютерные модели и конструкторы; электронные тренажеры; компьютерная система измерения знаний, умений и навыков; телекоммуникационные средства.

То есть, информационная среда высшего образования путем объединения разрозненных информационных средств и ресурсов в единую среду может способствовать реализации целостности и фундаментальности образовательного процесса, ориентации на интересы развития личности и новые формы организации познавательной деятельности обучающихся, построенных на принципах дифференциации, деятельностного подхода к обучению, индивидуально ориентированной технологии обучения.

Следовательно, медиаобразовательная правовая среда, направленная на формирова-

ние правомерного поведения и высокой правовой культуры личности обучающегося, должна найти отражение в содержании и организации процесса обучения в вузе: возможности структурирования содержания правового обучения, отражающего требования профессиональных стандартов и реальной правовой ситуации в сфере профессиональной деятельности; опоры на возможности предоставления свобод в формировании индивидуальной траектории обучения, позволяющей расширить правовую компетентность обучающегося.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы.*

1. В современных условиях медиаинформационное обеспечение образовательного процесса является ключевым. Оптимальным способом предоставления информационных услуг являются сайты образовательных организаций, что предоставляет возможность быстрого доступа к необходимой информации.

2. При дистанционном обучении субъектами интерактивного взаимодействия выступают педагоги и обучающиеся, а средствами осуществления такого взаимодействия являются: сайты, электронная почта, телекоммуникации, диалоги в режиме реального времени в виде круглых столов, дискуссий и др.

3. Взаимосвязь профессиональной и медиаобразовательной правовой среды является важным условием формирования правомерного поведения обучающихся в цифровой среде, а динамическое обновление средств коммуникации, их массовое распространение и непосредственное совершенствование способствует тому, что информационная среда стала на сегодняшний день основным средством взаимодействия в образовательном процессе.

Литература:

1. Атанасян С.Л. Информационная образовательная среда педагогического вуза // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. – 2007. – №2-3.
2. Коротун А.В. Педагогические условия реализации модели формирования правовой компетенции у будущих социальных педагогов // Педагогическое образование в России. – 2012. – №4.
3. Криштал М.М. Генерация инноваций и оптимизация системы управления университетом // Экономика образования. – 2012. – №4.
4. Кувандыкова Л.З. Развитие правовой компетентности будущего бакалавра педагогики как актуальная проблема педагогического исследования. / Журнал Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4
5. Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: учеб. пособ. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.
6. Мыхнюк М.И., Юнусова А.Н. Педагогические условия формирования правовой культуры бакалавров неюридических специальностей // KANT. – 2021. – №3(40) – С. 248-252.
7. Подповетная Ю.В. Методы развития научно-методической культуры преподавателя высшей школы // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2012. – №2.
8. Радкевич А.П. Правовая культура педагогических работников учреждений профессионального образования: содержание и структура // Colloquium-journal. – 2020. – №3 (55).
9. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. – М.: Логос, 1999. – 272 с.
10. Сластёнин В.А. Педагогика: инновационная деятельность / В.А. Сластенин, Л.С. Подымова, 1997. – 224 с.
11. Шатуновский В.Л., Шатуновская Е.А. Ещё раз о дистанционном обучении (организация и предоставление дистанционного обучения) // Вестник науки и образования. – 2020. – №9-1 (87).
12. Якушкина М.С. Образовательная среда и образовательное пространство как понятие современной педагогической науки. М.С. Якушкина // Человек и образование. – 2013. – №2(35).

LINGUODIDACTIC SYSTEM OF TEACHING CHINESE PHILOLOGY STUDENTS TO SPEAK USING COMPUTER TECHNOLOGY (FIRST CERTIFICATION LEVEL)

Nijiati Abudusalamu, *Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

The purpose of the study *is to offer such a teaching of Russian speaking to Chinese Russian students, which would be based on the use of computer technology. The research methods were the method of complex theoretical analysis and the method of continuous sampling of sources. The materials used are scientific works of scientists involved in the use of computer technology in education and computer technology (presentation and excerpts from films).* ***The scientific novelty*** *lies in the fact that it offers a step-by-step model of teaching Chinese philology students to speak using computer technology. The obligatory structural components of this model are technical, linguistic, speech and communicative materials.* ***The result*** *of the study is the possibility of mastering by Chinese philology students of "live" speech material reflecting the realities of the country of the language being studied.*

Keywords: *speaking training; computer technologies; Russian as a foreign language; learning optimization; first certification level; philology students; educational films.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.48

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ ГОВОРЕНИЮ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ПЕРВЫЙ СЕРТИФИКАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ)

УДК 378
ВАК РФ 5.8.2

© Ницзяти А., 2022

Цель исследования *заключается в том, чтобы предложить такое обучение русскому говорению китайских студентов-русистов, которое было бы основано на использовании компьютерных технологий. Методами исследования послужили метод комплексного теоретического анализа и метод сплошной выборки источников. В качестве материалов использованы научные работы ученых, занимавшихся вопросами использования компьютерных технологий в обучении и компьютерные технологии (презентация и отрывки из фильмов).* ***Научная новизна*** *состоит в том, что в нем предложена поэтапная модель обучения говорению китайских студентов-филологов с использованием компьютерных технологий. Обязательными структурными компонентами этой модели являются технический, языковой, речевой и коммуникативный материалы.* ***Результат*** *исследования представлен в возможности овладения китайскими студентами филологами "живого" речевого материала, отражающего реалии страны изучаемого языка.*

Ключевые слова: *обучение говорению; компьютерные технологии; русский язык как иностранный; оптимизация обучения; первый сертификационный уровень; студенты-филологи; учебные фильмы.*

Введение

С укреплением российско-китайских отношений важность изучения русского языка становится более очевидной, с каждым годом все больше возрастает интерес к нему.

Успешное овладение русским языком предусматривает приобретение китайскими студентами навыков чтения, говорения, письма и аудирования. По мнению ученых, при обучении иностранному языку "ведущей целью является овладение студентами навыками и умениями речевого общения" [8]. Ключевая роль при этом отводится "такому речевому аспекту, как говорение" [7].

К проблеме обучению говорению обращались многие ученые, фундаментальные работы в этой области принадлежат И.А. Зимней, Л.С. Крючковой, М.П. Чесноковой, Ван Гохуну, Ван Миньюй, Сюй Вэнюй и др.

По мнению ученых, китайские студенты "испытывают серьезные затруднения при общении на русском языке и не имеют навыков владения устной речью" [4]. Поэтому ученые находятся в поиске оптимальных путей решения данной проблемы, и "одним из наиболее эффективных решений является привлечение компьютерных технологий в образовательный процесс" [10].

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) проанализировать роль компьютерных технологий в системе обучения говорению; 2) выявить обязательные компоненты обучения говорению китайских студентов-филологов; 3) разработать систему упражнений для выработки навыков русского говорения у китайских студентов-филологов.

В статье применяются следующие *методы исследования*: метод комплексного теоретического анализа и метод сплошной выборки источников

Практическая значимость исследования заключается в возможности внедрения предложенной системы в программу обучения русскому говорению китайских студентов-нефилологов.

НИЦЗЯТИ Абудусаламу,
аспирант, Российский университет дружбы народов, Москва

Основная часть

В первую очередь стоит сказать о том, что в методике преподавания РКИ понимается под компьютерными технологиями. Компьютерные технологии обучения – "это совокупность методов, приемов, способов, средств обеспечения педагогических условий для целенаправленного процесса обучения, самообучения и самоконтроля на основе компьютерной техники" [2].

По мнению О.В. Новиковой, обязательными компонентами обучения говорению студентов-филологов являются "технический, языковой, речевой и коммуникативный материал" [13]. Технический материал направлен на "формирование у студентов правильного произношения" [14].

Языковой материал направлен на "развитие коммуникативных навыков" [15].

Речевой материал предполагает "соотношение речевых моделей и ситуаций, проигрывание ситуаций, автоматизацию навыков" [14]. "Работа с речевым материалом, как правило, основана на диалогах" [19].

Коммуникативный материал развивает творческие способности студентов и используется не только для повышения коммуникативных навыков, но и помогает подготовить иностранцев к жизни в России. Материал представлен заданиями и упражнениями, где обучающиеся должны сами составлять диалоги на русском языке.

Стоит отметить, что, по мнению ученых, занимавшихся вопросами содержания обучения русскому языку китайцев, в систему обучения китайских студентов русскому говорению должны быть включены следующие компоненты разговорной речи: "фонетический, грамматический и лексический языковой материал, речевой материал, интенции, реализуемые с помощью разговорных конструкций, упражнения для формирования навыков восприятия и употребления разговорных конструкций, текстовый материал (аутентичные видеотексты)" [11].

Несмотря на то, что традиционным средством обучения в Китае является учебник, на наш взгляд, для того чтобы научиться правильно говорить на русском языке, китайские студенты должны постоянно слышать и воспроизводить русскую речь. В этом случае наиболее эффективным компьютерным средством в обучении являются видео средства, а именно фильмы на русском языке. По мнению многих исследователей, фильмы на изучаемом языке помогут "создать коммуникативные ситуации, приближенные к условиям реального общения, познакомят студентов с принятыми нормами речевого взаимодействия и особенностями коммуникативного поведения носителей изучаемого языка" [1]. Кроме того, фильмы являются современным средством обучения, которое сделает занятия более информативным, эффективным, познавательным и интересным.

Рассмотрим пример реализации обучения китайцев говорению, которое основано на использовании таких компьютерных технологий, как видео и презентация. Для удобства мы предлагаем структурировать компоненты обучения, оно включает подготовительный, основной и завершающий этапы.

Более подробное содержание представлено в таблице.

Таблица – **Содержание обучения говорению китайских студентов**

Название этапа	Содержание этапа
Подготовительный	Обсуждение общих вопросов по теме, иллюстрация
Основной	Демонстрация аудио или видеофрагмента, иллюстрация (стоп-кадр), ознакомление с новой лексикой, презентация русских разговорных конструкций, упражнения на закрепление нового материла
Завершающий	Демонстрация полученных навыков использования русских разговорных конструкций в ситуациях бытового общения, контроль

В качестве примера рассмотрим тему "Семейные отношения" (рис. 1, 2).

Подготовительный этап. Преподаватель демонстрирует студентам следующие слайды, по которым студенты должны предположить тему занятия:

Рисунок 1 – **"Семья"**

Рисунок 2 – **"Семейные праздники"**

После этого студенты участвуют в дискуссии, которая позволит им "включиться" в тему,

продумать необходимые для данной темы лексические единицы и речевые конструкции, вспомнить вместе с преподавателем всё, что известно о русских семейных традициях, сопоставить их с традициями в Китае. Методический акцент на подготовительном этапе – активизация имеющихся у студентов навыков говорения, развитие логического мышления, коррекция ошибок учащихся. В качестве примерных вопросов к теме могут быть следующие: Как вы думаете, что такое счастливая семья? Какие конфликты могут возникать в семье и почему? Какие семейные ценности нужно прививать детям?

Основной этап. Этот этап начинается с демонстрации обучающимся аудио или видеофрагмента. Так как студенты-филологи в будущем станут преподавателями русского языка, стоит использовать на занятиях такой материал, который бы отражал особенности традиционной русской культуры и истории. Программа РКИ в Китае предусматривает изучение русской художественной литературы, поэтому мы рекомендуем при обучении говорению использовать именно художественные тексты, написанные на русском литературном языке и содержащие языковой материал, подходящий для первого сертификационного уровня.

Показ видеофрагмента. Учебными видеофрагментами являются отрывки из экранизаций художественных произведений Д.И. Фонвизина "Недоросль" (2001 г), Л.В. Толстого "Война и мира" (1965 г.) (рис. 3, 4).

Рисунок 3 – **"Недоросль"**

Рисунок 4 – **"Война и мир"**

После первого просмотра стоит обсудить со студентами основные вопросы по теме "Семейные отношения". Примерами вопросов по данным фрагментам могут быть следующие: Какой вы видите семью Ростовых? Расскажите о том, как родители относятся к детям в представленных произведениях? Какие качества воспитала Простакова в своем сыне? Можно ли назвать ее хорошей матерью?

Методический акцент на данном этапе – представление лексических единиц, необходимых для понимания происходящего в видеоролике.

Во время второго просмотра необходимо дать студентам задание: выпишите разговорные слова и выражения. Например: "Ну и ну!", "Да вам не угодишь!", "Как знать!", "Ну Вы, батюшка, даёте", "развеять сомнения", "принимать гостей", "приплыли", "непристойно" и т.д.

Во время третьего просмотра студенты должны обратить внимание на речевые конструкции, используемые для выражения просьбы или приказа, записать и далее произнести эти выражения с необходимой интонацией. Примеры: "Довольно, встаньте!", "Так, матушка, подите прочь!", "Подай ручку, Коленька!".

После произнесения записанных выражений, обсуждений правильной постановки смысловых акцентов, студентам предлагаются задания на закрепление навыков употребления изученных речевых конструкций. Студенты могут работать в парах или небольших группах, для того чтобы активизировать процесс коммуникативного взаимодействия. Пример заданий:

Попробуйте возразить собеседнику, используя побудительные формы – Мне не нравится этот фильм, включи комедию.

Какие интонации присутствуют в данных репликах (сомнение, восхищение, недовольство). Что помогло вам определить интонации:

– Мне кажется, я опоздаю сегодня на занятие;

– Куда Вы лезете? Ждите своей очереди, меня в машине ждет ребенок!

– Ну и огромный же у нее дом!

В моменты производства студентами русской речи преподаватель должен тщательно следить не только за интонацией, но и за особенностями произношения и построения предложений.

Завершающий этап. В заключительной части студенты должны продемонстрировать полученные на занятиях речевые навыки, также обучающимся предлагаются упражнения на развитие коммуникативной компетенции "в заведомо ограниченных, упрощенных условиях или условных ситуациях общения" [4].

На данном этапе контроля полученных навыков лучше организовать работу в парах.

Задание: Опираясь на фотографии и используя изученные в разделе разговорные конструкции, составьте и запишите на диктофон следующие диалоги:

1. Диалог членов семьи во время семейного праздника;

2. Беседа двух друзей о русских семейных праздниках;

3. Беседа двух друзей о российских и китайских семейных традициях.

Записанные на диктофон диалоги проверяются преподавателем, который корректирует ошибки.

Заключение

В продемонстрированной модели обучения китайских студентов-филологов говорению преобладающим является "живой" речевой материал, типичный для российской действительности и представленный в виде речевых образцов, с помощью которых "студенты смогут запечатлеть в своем сознании типичные для русского языка структурно-семантические схемы" [20].

Таким образом, в вопросах организации эффективного обучения говорению китайских студентов-филологов ведущая роль отводится компьютерным технологиям, которые также являются наиболее удобными и привычными современными средствами изучения языка, которые в условиях отсутствия языковой среды позволят студентам улучшить коммуникативные навыки и получить актуальные и устойчивые знания о России и русском языке.

Литература:

1. Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в обучении РКИ: состояние и перспективы // Русский язык за рубежом. – 2011. – №6 (229). – С. 45-55.

2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.

3. Андрюшина Н.П. Требования по русскому языку как иностранному: первый уровень. Общее владение: второй вариант / Н.П. Андрюшина, Г.А. Битехтина, А.С. Иванова и др. М-во образования и науки РФ. – М. : Златоуст, 2006. – 32 с.

4. Ван Гохун О некоторых особенностях системы обучения китайских студентов русскому языку как иностранному // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 12. – С. 24-28.

5. Ван Миньюй Обучение говорению на русском языке как иностранном в вузах КНР // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2022. – Т. 11. – №2. – С. 83-90.

6. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1978. – 159 с.

7. Красильникова В.А. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании: учебное пособие. – Оренбург: ОГУ, 2012. – 291 с.

8. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Флинта; Наука. 2017. – 474 с.

9. Лю Вэньхуа Лингводидактические основы практического курса русского языка и их реализация в учебном комплексе "Восток" для китайских студентов-филологов. – М., 2005. – 205 с.

10. Лю Цянь Психолого-педагогические основы обучения китайских студентов устной русской речи в курсе русского языка как иностранного / Цянь Лю // Актуальные проблемы развития речи и межкультурной коммуникации: материалы участников VIII Кирилло-Мефодиевских чтений в Международном гуманитарно-лингвистическом институте. – М.: МФЮА, 2015. – С. 48-62.

11. Лю Цянь. Реализация принципа коммуникативности в обучении русской речи китайских студентов-филологов / Цянь Лю // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2014. – №4. (11). – С. 29-31.

12. Новикова А.К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 1. – С. 68-75.

13. Новикова О.В. Система упражнений по обучению говорению // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – Вып. 8. – С. 21-29.

14. Охорзина Ю.О., Салосина И.В., Глинкин В.С. Особенности преподавания русского языка в условиях вузов КНР: теоретические и методические аспекты // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 441. – С. 206-212.

15. Петрова С.М., Слепцова А.И. Особенности обучения русскому языку как иностранному в китайской аудитории // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2020. – № 2(18). – С. 19-24.

16 Савицкая Н.С., Даниленко Р.М. Использование аутентичных видеоматериалов при формировании навыков говорения на занятиях по иностранному языку. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 152-153.

17. Сюй Вэнюй О системе обучения русскому говорению в Китае. Шанхай. Наука и школа. – 2020. – № 2. – С. 68-74.

18. Чеснокова М.П. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. – М.: МАДИ, 2015. – 123 с.

PROBLEMS AND COUNTERMEASURES IN CROSS-CULTURAL TEACHING OF CHINESE AS A FOREIGN LANGUAGE

Petrova Marina Georgievna, *PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

Gao Jing, *Postgraduate student*

Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

The purpose of the study *is to identify the problems of intercultural teaching of Chinese as a foreign language in a Chinese school and to identify countermeasures to improve the effectiveness of foreign language education.* ***The scientific novelty*** *of the study lies in the fact that in a scientific first it substantiates the methodological and didactic expediency of introducing a five-aspect model of cultural literacy into the educational process of a foreign language, objectively giving the best result, positively affecting the quality of intercultural education and acting as an effective way of foreign language teacher's professional improvement.* ***As a result,*** *in order to create effective intercultural learning, an efficient methodological system is proposed, consisting in the dual integration of language teaching and cultural teaching, the expansion of cultural learning resources, a rational attitude to one's own culture and the culture of other peoples, the development of appropriate and practical intercultural educational activities, self-training of teachers or participation in special events.*

Keywords: *teaching Chinese in secondary school; intercultural learning; countermeasures; cultural literacy; intercultural communication; communicative context; intercultural education.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.49

ПРОБЛЕМЫ И КОНТРМЕРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

УДК 372.881.1
ВАК РФ 5.8.2

© Петрова М.Г., 2022
© Гао Цзин, 2022

Цель исследования *– выявить проблемы межкультурного обучения китайскому языку как иностранному в китайской школе и определить контрмеры для повышения эффективности иноязычного образования.* ***Научная новизна*** *исследования заключается в том, что в нем впервые обоснована методико-дидактическая целесообразность внедрения в учебный иноязычный процесс пяти аспектной модели культурной грамотности, объективно дающей наилучший результат, позитивно влияющей на качество межкультурного образования и выступающей эффективным способом профессионального совершенствования учителя иностранного языка.* ***В результате*** *для создания эффективного межкультурного обучения предложена действенная методическая система, состоящая в двойной интеграции преподавания языка и преподавания культуры, расширении ресурсов культурного обучения, рациональном отношении к собственной культуре и культуре других народов, разработке соответствующих и практических кросс-культурных учебных мероприятий, самообучении учителей или участия в специальных мероприятиях.*

Ключевые слова: *обучение китайскому языку в средней школе; межкультурное обучение; контрмеры; культурная грамотность; межкультурная коммуникация; коммуникативный контекст; межкультурное образование.*

Введение

Развитие глобализации послужило неизбежной тенденцией возникновения международных обменов и сотрудничества, конфронтации и интеграции различных культур, в результате чего перед каждым государством возникла задача укрепления межкультурных связей и построения сообщества с общим будущим для человечества. Данную задачу необходимо решать со школьной скамьи на уроках иностранного языка. Именно тогда учитель создаст платформу для равноправного диалога между различными культурами, научится эффективно распространять культуру изучаемого языка; устранять предубеждения и непонимания, вызванные культурными различиями.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) изучить обучение китайскому языку как иностранному в средней школе с позиций межкультурного подхода, 2) на основе изучения государственных образовательных стандартов, психолого-педагогической и методической литературы проанализировать трудности внедрения культурного компонента при обучении китайскому языку как иностранному в средней школе Китая, 3) разработать модель интеграции китайского языка и культуры, способствующую повышению эффективности иноязычного образования. Для осмысления и решения поставленных задач, в статье применяются следующие *методы исследования*:

ПЕТРОВА Марина Георгиевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

ГАО Цзин, *аспирант*

Институт иностранных языков, Российский университет Дружбы народов, Москва

– теоретические: изучение и анализ теоретических исследований по рассматриваемой проблеме в области педагогики, методики преподавания иностранных языков, психолингвистики; анализ учебных программ государственного образовательного стандарта для средних школ Китая; синтез; моделирование;

– эмпирические: изучение и обобщение опыта преподавания китайского языка в Китае и России; беседы и опросы обучающихся и учителей по разработанной модели межкультурного обучения.

Теоретической базой исследования послужили публикации Т.Л. Гурулевой, Л.И. Корнеевой, Эдварда Холла, Гао Юнчэнь, Ма Жунюй, Ху Вэньчжун, Ху Чао, Хуан Чжичэн, Чжао Чжунцзянь, Чен Цзюньсен, Фань Вэйвэй, Чжун Хуа.

Практическая значимость заключается в применимости пятикомпонентной модели учителями и преподавателями для создания межкультурного обучения иностранному языку на любой ступени образования; методические рекомендации могут быть использованы при разработке учебных программ и материалов по иностранному языку в образовательных учреждениях.

Основная часть

Межкультурная коммуникация является объектом исследования ученых лингвистов уже ни первое десятилетие. Впервые о межкультурной коммуникации заговорил в своей книге The Silent Language американский антрополог Эдвард Т. Холл. В ходе разработки классификации культур, он пришел к выводу, что культуры могут иметь разный коммуникативный контекст, низкий или высокий.

Представители стран низкого коммуникативного контекста немногословны, они говорят прямо и открыто. Их слова не допускают двойного или скрытого толкования. К низкоконтекстуальным странам относятся Германия, Австралия, США, Канада, Великобритания, Нидерланды, Швейцария, Финляндия, скандинавские страны, Израиль.

Речь представителей стран высокого коммуникативного контекста более многословна, слова предполагают различное толкование, на значение высказывания могут влиять мимика и жесты, сам говорящий умеет интерпретировать сказанное применительно ко времени и ситуации.

К странам высокого коммуникативного контекста относятся страны Востока (Япония, Корея, Китай, Вьетнам, Таиланд), а также Греция, Испания, Италия, Бразилия, Индия, Латинская Америка. К этому же типу стран Э. Холл относит Францию и Россию, однако они стоят ближе к низкоконтекстуальным культурам, чем культуры стран Востока и Латинской Америки [1].

Остановимся на стране высокого коммуникативного контекста – Китае.

Усилия китайских ученых сводятся к изучению способностей к межкультурной коммуникации как ключевого звена [2; 3; 4]. В связи с этим главными целями измерения культурной осведомленности при изучении предмета в "Общих стандартах китайской учебной программы по иностранному языку для старших классов (издание 2017 г.)" являются: приобретение культурных знаний, понимание культурных коннотаций, сравнение культурных сходств и различий, усвоение культурной сущности, формирование правильных ценностей, укрепление культурной уверенности в себе, формирование самооценки, самосовершенствование, с определенной способностью межкультурного общения и распространения китайской культуры [3, 62]. С точки зрения китайских исследователей, межкультурное обучение в преподавании китайского языка – это образовательная деятельность по формированию и развитию в учащемся ценностей, идентичности, личного мировоззрения, межкультурной осведомленности и способностей, осуществляемых школами посредством определения целей обучения, составления учебных программ, выбора содержания обучения и материалов, обновления концепций обучения, разработки методов обучения и учебной деятельности, а также органичное сочетание школьного образования и социальной практики.

"Объектом обучения при межкультурном подходе выступают не только владение языком (коммуникативная деятельность) в широкой взаимосвязи с культурой изучаемого языка, но и переосмысление и интерпретация родной культуры и языка с позиции обновленной картины мира" [5, 125].

Л.И. Корнеева, Жунюй Ма утверждают, что трудность межкультурной коммуникации проявляется в культурном аспекте. Поэтому исследование особенностей обучения китайскому языку как иностранному с точки зрения межкультурной коммуникации поможет учащимся в изучении китайского языка, а также будет способствовать повышению уровня их межкультурной коммуникативной компетенции [6, 170].

Концепция межкультурного образования была впервые официально предложена в 1992 году на конференции Организации Объединен-

ных Наций по вопросам образования, науки и культуры United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) на тему "Вклад образования в культурное развитие". Цель межкультурного образования ЮНЕСКО ясна: "содействовать уважению, взаимопониманию и обогащению культурного разнообразия", "содействовать уважению культурного разнообразия и углублять понимание культур различных групп, которые могут быть идентифицированы", "содействовать международному взаимопониманию и сделать возможным борьбу против всякого рода изоляции", "цель должна состоять в том, чтобы развиваться от понимания культуры своего народа к пониманию культуры народов соседних стран и, наконец, мировой культуры" [7, 504].

В традиционном преподавании китайского языка в старших классах средней школы трудно реализовать межкультурное обучение ввиду использования упрощенных методов и приемов обучения и отсутствия интеграции с другими предметами. Проблема в межкультурном обучении старшеклассников китайскому языку возникает в результате того, что в Китае упор делается на учителей, а не на учеников, на оценку и игнорирование обсуждения, а также на результаты и пренебрежение учебным процессом.

Целесообразно проанализировать современную ситуацию межкультурного обучения китайскому языку в старших классах в Китае. Главная проблема заключается в том, что большая часть учителей игнорирует культурную компоненту, обходят или пропускают культурные знания, встречающиеся при обучении китайскому языку. Преподавание сосредоточено либо на обработке чисто языковых знаний, либо учителя большую часть урока знакомят учащихся с культурой Китая. Почему сложилась такая ситуация? Все очень банально: межкультурному обучению на уроках китайского языка как иностранного не уделялось должного внимания изначально. Школьные учителя неправильно толковали понятие "межкультурное обучение", не понимали, как интегрировать культурные знания в учебный процесс, в результате чего межкультурное обучение приобрело феномен "тройственности":

1) упор на знание языка и слабое освещение культуры;

2) акцент на чужую культуру и пренебрежение самокультурой;

3) упор на передачу знаний и игнорирование развития способности к критическому мышлению.

Попробуем разобраться, в чем же состоит данный феномен.

Во-первых, при упоре на знание языка и освещение культурных знаний, учителя часто сосредотачиваются на развитии языковых способностей и навыков учащихся. Основной метод обучения в основном состоит в том, чтобы учителя говорили, а учащиеся слушали. Иностранная культура ограничивается простой обработкой текста и культурных материалов, основное внимание в обучении по-прежнему сосредоточено на словарном запасе, произношении, грамматике и т. д., игнорируя проникновение межкультурных знаний и культивирование межкультурной осведомленности, что приводит к несбалансированному развитию языковых навыков учащихся и навыков межкультурного общения. Культурная осведомленность в обучении слаба или отсутствует вообще, а культурные знания, особенно знания об иностранной культуре слишком поверхностны.

Во-вторых, при акценте на чужую культуру, учитель игнорирует собственную культуру. К примеру, издание Пекинского педагогического университета "Стандартный экспериментальный учебник для старших классов средней школы. Английский язык" имеет раздел "Уголок культуры" в каждом разделе, большинство из которых знакомит с культурой, историей, религией и обычаями англоговорящих стран. Условно говоря, в подборке материалов в разделе "Уголок культуры" отсутствуют элементы китайской культуры и учителям не хватает необходимой связи, некоего диалога культур, проникновения элементов китайской культуры. В преподавании "Уголка культуры" учителя часто ограничиваются обработкой содержания учебника, игнорируя исследование и добычу культурной сущности исходного языка. Культурная модель обучения учителя приводит к тому, что учащиеся считают, что межкультурное обучение – это изучение других культур. Однако при изучении культур упускается то, что язык есть продукт культуры и носитель культуры. Культура включает в себя явную культуру и рецессивную культуру. К открытой культуре относятся утварь, здания, поведение, одежда, еда, язык и т. д., к рецессивной культуре относятся религиозные концепции, ценности, нормы поведения, социальные отношения и т. д. Сфера применения рецессивной культуры шире, чем у эксплицитной культуры, она связана с человеческими привычками, ценностями, мышлением и действиями, поэтому особенно важна в межлич-

ностном общении. Если учитель не будет осторожен и не поймет должным образом эти скрытые культуры, то учащиеся совершат культурные ошибки, создающие барьеры и проблемы в общении. Культурные различия проявляются на разных уровнях, включая религиозные убеждения, ценности, образ мыслей, образ жизни, языки, философию, историю, технологии, привычки в еде, использование времени, отношения и многое другое [8].

Третий компонент феномена "тройственности" – упор на передачу знаний и игнорирование развития способности к критическому мышлению. При обучении с использованием культурных материалов учителя обычно сосредотачиваются на объяснении языковых и грамматических знаний. Что касается культурных элементов в тексте, учителям не хватает инструментов и гуманитарных знаний, чтобы помочь учащимся интегрировать язык, чтобы исследовать, размышлять и размышлять о культурных элементах в тексте. Учителя должны развивать у учащихся способность к критическому мышлению, повышать осведомленность учащихся и способность к межкультурному общению, впитывать сущность различных культур, распространять китайскую традиционную культуру в процессе изучения языка.

Для улучшения текущей ситуации в межкультурном обучении китайского языка как иностранного в старшей школе необходимо предпринять необходимые меры. Межкультурное обучение должно проходить через все звенья обучения в классе, способствуя развитию нравственности и воспитанию подрастающего поколения.

Мы предлагаем внедрить в иноязычный образовательный процесс следующую модель, состоящую из пяти культурных аспектов:

1. Интеграция преподавания языка и культуры. Учителя должны следовать принципу интеграции преподавания языка и культуры, а преподавание культуры зависит от преподавания языка. Таким образом, основное звено межкультурного обучения китайскому языку как иностранному в средней школе должно начинаться с обучения языку. Культурные факторы могут быть встроены в процесс обучения произношению, словарному запасу, грамматике, аудированию, чтению и письму. В процессе обучения и изучения базовых языковых явлений, учащиеся могут чувствовать и понимать взаимосвязь между поверхностным значением языка и глубокой культурной коннотацией, интегрировать языковые и культурные правила, исследовать культурную коннотацию, стоящую за языком, понимать суть языка и стимулировать мотивацию к изучению иностранного языка. Изучая язык вместе с культурой, ученики постепенно развивают межкультурное мышление и осведомленность.

2. Расширение учебных ресурсов по культуре страны изучаемого языка. Культурная компонента учебных пособий относительно ограничена, большинство из них знакомит с западной культурой, а элементов китайской культуры относительно мало. Учителя могут прививать учащимся элементы китайской культуры, повышать их культурную уверенность в себе и развивать у учащихся способность мыслить и решать задачи. Кроме того, из-за ограниченного текстового пространства содержание культурной составляющей в учебнике относительно невелико, и учителя могут исследовать и дополнять по содержанию учебника.

3. Установление концепции равенства между своей культурой и культурой других стран. Воспитывая у учащихся уверенность в своей культуре, учителя должны также направлять учащихся на рациональное отношение к культуре других, формировать открытое и толерантное отношение к культуре других стран, и развивать здоровый эстетический вкус учащихся. Способность к культурному восприятию закладывает основу для лучшей адаптации учащихся к разнообразному миру в будущем.

4. Внедрение в учебный процесс актуальных и практико-ориентированных межкультурных учебных мероприятий. Деятельность учителя должна быть направлена на развитие у учащихся привычки к учебе и таким стратегиям, как самостоятельное обучение, совместное обучение и исследовательское обучение. В процессе межкультурного обучения учителя должны разрабатывать актуальные и практические межкультурные учебные мероприятия на основе конкретных примеров урока или учебных текстов, таких как понимание языкового обучения, культурное понимание, межкультурная практика, передача инноваций, интеграция языка, культуры, методов, стратегий и других разнообразных способов самостоятельного обучения, совместной исследовательской деятельности, использование базовых знаний китайского языка и основных навыков для интерпретации текстов, сравнения и анализа сходств и различий между китайской и русской культурами и развития у учащихся навыков межкультурного общения.

5. Повышение межкультурной грамотности учителей путем самостоятельного изуче-

ния или участия в специальных тренингах. На уровне субъективного сознания большинство учителей китайского языка в средней школе осознают необходимость и важность межкультурного обучения. Тем не менее, ограниченный множеством факторов при изучении иностранного языка акцент на межкультурном обучении далеко не достаточен, хотя у педагогов имеется достаточно ресурсов. Поэтому для межкультурного обучения учителя должны распознавать субъективное сознание и переходить на уровень практической деятельности, улучшать свою межкультурную грамотность посредством самостоятельного изучения или на курсах повышения квалификации (специальных тренингах).

Заключение

Межкультурное образование является тенденцией в философии образования. Цель образования состоит не только в том, чтобы побудить учащихся из разных культур обращать внимание на обучение с целью наследования своей собственной культуры, но и в том, чтобы понимать другие культуры, чтобы укреплять единство и развитие разных культур. Толерантность позволяет людям более непредвзято относиться к культурным различиям. В то же время межкультурное образование выходит за рамки прежних концепций образования иммигрантов, образования меньшинств, мультикультурного образования, двуязычного образования и т. д., и постепенно формирует новую образовательную концепцию, что становится тенденцией развития образования [9].

Межкультурное преподавание китайского языка как иностранного в старших классах выходит за рамки традиционного преподавания языка. Учителя должны сочетать преподавание языка с преподаванием культуры и стремиться к изучению эффективных стратегий межкультурного обучения. Необходимо пересмотреть межкультурное обучение, а для этого учителям, методистам и руководителям нужно:

– обновить цели обучения;

– изменить режимы обучения;

– интегрировать учебные ресурсы и содержание учебного процесса;

– обратить внимание на мультикультурализм;

– работать с текстовыми материалами с разных точек зрения;

– воспитывать учащихся через чтение текстов, изучение языка, культурное понимание, практику применения, серии учебных мероприятий;

– использовать диалектическое критическое мышление для анализа и объяснения сходств и различий между китайской и русской культурами;

– изучать историческую атрибуцию культурных сходств и различий;

– развивать межкультурную осведомленность учащихся;

– расширять межкультурное понимание учащихся;

– улучшать знания учащихся по китайскому языку;

– развивать межкультурные коммуникативные способности.

Качественного образования, учитывающего культурное разнообразие, можно достичь, если при разработке учебных программ и материалов учитывать четыре столпа образования, сформулированных Международной комиссией по образованию для XXI века:

– "Учиться, чтобы знать", когда общее образование вводит учащегося в соприкосновение с другими языками и областями знания, создавая условия для общения.

– "Учиться, чтобы действовать", когда учащиеся приобретают не только профессиональные навыки, но и умения справляться с разными ситуациями, работать в команде и найти свое место в обществе.

– "Учиться, чтобы жить вместе", когда учащиеся приобретают знания, умения и ценности, которые способствуют развитию чувства солидарности и сотрудничества между различными людьми и группами в обществе.

– "Учиться, чтобы быть" (для саморазвития), для развития личности, для приобретения способности принимать собственные решения и демонстрировать личную ответственность. Эти ценности воспитывают личность и самоуважение у учащихся [10].

Контрмеры в виде интеграции преподавания языка и культуры, расширения учебных ресурсов по культуре страны изучаемого языка, установления концепции равенства между своей культурой и культурой других стран, внедрения в учебный процесс актуальных и практико-ориентированных межкультурных учебных мероприятий, а также повышения межкультурной грамотности учителей путем самостоятельного изучения или участия в специальных тренингах повысят эффективность и значимость межкультурного обучения учащихся в школе и выведет преподавание иностранного языка на высокий уровень.

Литература:

1. Люди роста. Эдвард Холл: основы межкультурной коммуникации. URL: https://ludirosta.ru/post/edvard-kholl-osnovy-mezhkulturnoy-kommunikatsii _1794 (дата обращения 23.07.2022).
2. Гао Юнчэнь. Исследование текущей ситуации и мер противодействия межкультурной коммуникативной компетентности студентов // Преподавание и исследования иностранных языков. – 2006. – №11. – С. 26-28.
3. Ху Вэньчжун. Об эмпирическом исследовании межкультурной коммуникации // Преподавание и исследования иностранных языков (выходит раз в два месяца на иностранных языках). – 2005. – №5. – С. 323-327.
4. Ху Чао. Отчет об исследовании межкультурной осведомленности и межкультурной коммуникативной компетентности студентов колледжей // Китайские иностранные языки. – 2005. – №3. – С. 60-64.
5. Гурулева Татьяна Леонидовна. Подходы к обучению китайскому языку в аспекте формирования межкультурной образовательной парадигмы // Язык и культура. – 2021. – №54. – С. 113-130.
6. Корнеева Л. И. Межкультурная коммуникация в обучении китайскому языку как иностранному / Л. И. Корнеева, Жунюй Ма // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23, № 1 (159). – С. 164-170.
7. Чжао Чжунцзянь. Историческая траектория развития глобального образования: рекомендации Международной конференции по образованию на 60 лет. – Пекин: Education Science Press, 1999. – С. 498-507.
8. Чен Цзюньсен, Фань Вэйвэй, Чжун Хуа. Межкультурная коммуникация и обучение иностранным языкам // Huazhong University of Science and Technology Press. – 2006. – С. 21-31.
9. Хуан Чжичэн. Кросс-культурное образование: тенденция развития образования будущего // Новости образования Китая. – 2009. – С. 1-3.
10. От политики мультикультурализма к межкультурному образованию? ЮНЕСКО призывает к диалогу и пониманию. Учительская газета | UG.RU Учительская газета, №49 от 9 декабря 2014. https://ug.ru/ot-politiki-multikulturalizma-k-mezhkulturnomu-obrazovaniyu-yunesko-prizyvaet-k-dialogu-i-ponimaniyu/ (дата обращения 23.07.2022).

CONNECTED IMPROVEMENT OF COORDINATING ABILITIES AND STRENGTH ENDURANCE OF SHOOTERS AND THEIR TECHNICAL MASTERY

Pogodin Vitaly Aleksandrovich, *Lecturer, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda*

The purpose of the study *is to substantiate the use of means of conjugated increase in technical readiness and improvement of coordination abilities and strength endurance in shooting.* ***Scientific novelty*** *lies in the fact that for the first time technical readiness in the process of firepower training of cadets is considered associated with the improvement of such motor qualities as coordination abilities and strength endurance. The relationship between the use of means aimed at the conjugate improvement of coordination abilities and technical readiness has been revealed.* ***As a result,*** *the relevance is theoretically substantiated and the effectiveness of the conjugate improvement of the coordination abilities and technical preparedness of cadets in the process of firing training of cadets is experimentally verified.*

Keywords: *shooting training; motor qualities; strength endurance; coordination abilities.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.50

УДК 799.315.2
ВАК РФ 5.8.7

СОПРЯЖЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И СИЛОВОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ СТРЕЛКОВ И ИХ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ

© Погодин В.А., 2022

ПОГОДИН Виталий Александрович, *преподаватель кафедры Боевой и тактико-специальной подготовки, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда*

Цель исследования *– обосновать применение средств сопряженного повышения технической подготовленности и совершенствования координационных способностей и силовой выносливости в стрельбе.* ***Научная новизна*** *заключается в том, что впервые техническая подготовленность в процессе огневой подготовки курсантов рассматривается сопряжёно с совершенствованием таких двигательных качеств, как координационные способности и силовая выносливость. Выявлена взаимосвязь между применением средств, направленных на сопряжённое совершенствование координационных способностей и технической подготовленности.* ***В результате*** *теоретически обоснована актуальность и экспериментально проверена эффективность сопряжённого совершенствования координационных способностей и технической подготовленности курсантов в процессе огневой подготовки курсантов.*

Ключевые слова: *огневая подготовка; двигательные качества; силовая выносливость; координационные способности.*

Введение

Деятельность стрелка в большинстве случаев представляет собой статическое удержание тела в пространстве по отношению к мишени и удержанием оружия за счет собственных мышечных усилий в зоне прицеливания. Оружие совершает колебания, которые возникают как в результате внешних факторов (ветер, взрыв капсюля патрона и пороха и др.), так и внутренних факторов (дыхание, кровообращение, мышечное напряжение и др.). Чтобы минимизировать колебательные движения оружия, стрелок должен иметь развитые координационные способности для управления двигательными действиями и их регуляции, а также развитую силовую выносливость для длительного и многократного удержания оружия в изготовке на мишень с наименьшим утомлением.

В этой связи *актуальность данного исследования* заключается в поиске равновесия в развитии двигательных качеств и технической подготовленности стрелков, средствами, направленными на сопряженное их совершенствование.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) теоретически обосновать актуальность сопряжённого совершенствования координационных и силовых способностей и технической подготовленности курсантов; 2) выявить особенности служебной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и боевой подготовки курсантов федеральной службы исполнения наказания (далее – ФСИН) России; 3) разработать комплекс упражнений сопряженного совершенствования координационных и силовых способностей и технической подготовленности стрелков; 4) экспериментально проверить и обосновать эффективность применения средств в процессе огневой подготовки курсантов ФСИН.

В ходе исследования были применены следующие *методы исследования*: анализ и обобщение данных научно-методической литературы; изучение нормативных правовых документов; методы оценки уровня координационных способностей (хронометрия, динамометрия, гониометрия); метод тестирования физической подготовленности (вис на перекладине); педагогический эксперимент; метод математической статистики (непараметрический критерий Манна-Уитни).

Теоретической базой исследования послужили публикации по: теории и методике физической культуры и спорта (Ю.Ф. Курамшин, Л.П. Матвеев, Ж.К. Холодов); теории и методике пулевой стрельбы (М.А. Иткис, И.Б. Золотарёв, И.Я. Корх, Б. Пуллем); сопряжённому развитию двигательных способностей (Е.В. Андреева, Ф.И. Собянин, Н.В. Марьина).

Практическая значимость состоит в разработке и внедрении в процесс огневой подготовки сотрудников и курсантов ФСИН России упражнений, направленных на сопряжённое совершенствование координационных и силовых способностей и технической подготовленности, способствующих росту показателей в стрельбе. Результаты исследования могут быть использованы в образовательных организациях ФСИН России.

Основная часть

Техническая подготовленность стрелка зависит от освоенности техники движения: стабильности спортивного результата в стандартных условиях, устойчивости результата в неблагоприятных условиях его выполнения, автоматизированности выполнения стрелкового действия. При этом в стрельбе предметом соревновательной борьбы является именно техника производства выстрела, а двигательные качества выступают основой, на которой она базируется [6].

Чтобы осуществить контроль показателя технической подготовленности стрелка преимущественно используют визуальный метод и инструментальный. Визуальный метод осуществляется в процессе наблюдения экспертами за действиями стрелка во время производства выстрела. Инструментальный метод позволяет достоверно измерить пространственные характеристики техники.

Практическое содержание дисциплины "огневая подготовка" курсантов ВИПЭ ФСИН России состоит из выполнения подготовительных упражнений и упражнений учебных стрельб из 9-мм пистолета Макарова действующего Курса стрельб [1]. Выполнение данных упражнений хоть и является само по себе хорошей тренировкой техники, однако её не достаточно для роста результатов стрельбы у курсантов.

Изучая научно-методическую литературу, мы встретили ряд исследований сопряженного развития двигательных качеств и совершенствования технической подготовленности спортсменов [2; 8; 13; 9].

Процесс сопряженного совершенствования должен быть направлен на:

– повышение анаэробных возможностей организма, когда производство выстрела происходит при задержке дыхания;

– развитие способности контролировать нахождение тела в пространстве по отношении к мишени и воспроизводить его;

– развитие способности управлять мышечным напряжением, когда стрелку нужно, сохраняя статическую устойчивость всего тела, изолированно выполнить нажим указательным пальцем на спусковой крючок.

Особенности служебной деятельности сотрудника УИС и боевой подготовки курсантов предполагают наличие у курсантов некоторых качеств:

1) обладать достаточной работоспособностью, чтобы успешно преодолевать значительные статические нагрузки;

2) уметь дифференцировать работу разных мышечных групп, включать в работу те мышцы, которые необходимы для удержания оружия, расслабляя остальные;

3) иметь хорошо развитые анализаторы органов чувств для тонкой двигательной и зрительно-двигательной реакцией;

4) обладать психологической стабильностью в обстоятельствах эмоционального возбуждения [4].

Исходя из этих требований, мы можем констатировать, что общая и специальная физическая подготовленность курсанта являются определяющими в его служебной подготовке, где на первый план выходят силовая выносливость и координационные способности.

Развитие обоих видов двигательных качеств в стрелковой подготовке сопровождается монотонностью и однообразием, поэтому необходимо добавлять в занятие эмоциональность и разнообразие. Это достигается посредством применения интересных упражнений с элементом новизны.

Прибегнув к использованию метода тестирования, мы определили первоначальный уровень развития двигательных качеств.

На основе полученных данных разработали комплекс упражнений, который должен быть доступен и понятен. В начале учебного года с целью развития силовой выносливости, следует давать упражнения без отягощения, т.е. с фактическим весом оружия (масса пистолета Макарова (далее – ПМ) с магазином без патрона 730 г., пистолета с 8-ю патронами 810 г.). По мере усвоения материала, следует включать в комплексы упражнения с варьированием веса оружия посредством использования грузов. Время, отводимое на тренировку силовой выносливости, вначале должно составлять не более 30 минут и постепенно продолжительность может быть увеличена до полутора часов. В зависимости от поставленных в план стрельб задач число повторений каждого упражнения может меняться.

Совершенствование координационных способностей достигается посредством включения в тренировку упражнений, изменяющих временные характеристики всего стрелкового упражнения, а так же отдельных фаз выстрела; упражнений, направленных на точное воспроизведение положения тела стрелка в пространстве; упражнений, способствующих дифференцированию мышечного напряжения разных частей опорно-двигательного аппарата стрелка.

Ввиду специфики использования боевого оружия, которое удерживается за счет мышечных усилий, основным фактором, влияющим на результаты стрельбы, становится избыточнее мышечное напряжение, которое часто сопровождается тремором мышц. Статические нагрузки и длительное воздействие на анализаторы чувств приводят к скорому изматыванию организма. Умение расслаблять мышцы во время пауз отдыха и контролировать их напряжение во время стрельбы отличает новичка от опытного стрелка.

Рассматривая вопрос сопряженного развития двигательных качеств с позиции подготовки спортсменов, то значение средств общей физической подготовки неуклонно растет. Использование в тренировки различных сочетаний стрелковых средств и средств физической культуры присутствует и в тренировках сборных команд стран мира и сборной команды Российской Федерации.

Зачастую руководитель стрельбы при работе в тире исключает все остальные виды подготовки, за исключением технической (производство выстрела). Тем не менее, еще в 80-х годах М.А. Иткис обращал внимание на то, что сочетание тренировки вхолостую и применение общеразвивающих упражнений, кроме экономии оружия и патронов, позволяют вовремя выявить ошибки в технике выстрела и развивают не только двигательные качества, но и психологические качества спортсмена, что в совокупности становится определяющим фактором в росте результатов в контрольной стрельбе.

Выбор средств общей и специальной физической подготовки происходит таким образом, чтобы выполняемые движения учитывали специфику двигательных действий выполняемыми стрелками. Это позволяет тренировать группы мышц, которые непосредственно включены в работу стрелка и подвержены наибольшему утомлению. Также следует отметить, что чем двигательное действие ближе по структуре к эталону техники движения, тем лучше

происходит перенос тренируемых двигательных навыков [5, 67].

С целью тренировки координационных способностей упражнения следует выполнять в медленном темпе. Во время принятия положения, нужно производить мониторинг положения тела и амплитуду отдельных его частей. Контролировать величину прилагаемых мышечных усилий.

Помимо того, что применяемые средства совершенствуют двигательные способности и техническую подготовленность, они могут решать и дополнительные задачи, например:

– уменьшать нервно-мышечное напряжение и концентрировать внимание на предстоящей стрельбе посредством использования разминки в подготовительной части занятия;

– восстанавливать функциональное состояние стрелка после тренировки посредством использования заминки в заключительной части занятия [11, 35].

Таким образом, необходимо соотнести выявленные особенности совершенствования двигательных качеств и технической подготовленности с возрастными физическими особенностями курсантов. Правильно составленный план занятий с использованием средств, направленных на сопряженное совершенствование двигательных способностей и технической подготовленности, позволит повысить результативность стрельбы из ПМ.

На базе ВИПЭ ФСИН России нами был проведен педагогический эксперимент в период с февраля 2022 по май 2022 года в рамках учебных занятий по огневой подготовке с курсантами 1 курса. Возраст участников эксперимента составил 17-19 лет. По результатам анкетирования было выявлено, что ранее обучающиеся стрелковыми видами спорта не занимались, спортивных разрядов не имели. Курсанты были распределены на контрольную группу и экспериментальную группу.

В начале педагогического эксперимента мы провели первичное измерение уровня развития координационных способностей и силовой выносливости. После этого на основе полученных данных мы образовали две группы методом вероятностного отбора. Всего в исследовании приняло участие 10 человек.

Контрольная группа занималась в соответствии с рекомендациями Курса стрельб для сотрудников УИС по огневой подготовке [1].

Для экспериментальной группы были подобраны средства сопряженного совершенствования координационных способностей и силовой выносливости и технической подготовленности курсантов.

В начале эксперимента мы оценили уровень развития двигательных качеств. Для оценки уровня развития координационных способностей мы применили ряд методов:

1) метод динамометрии. Данный метод часто применяется для измерения силы сокращения различных мышечных групп. В качестве измерительного инструмента использовался механический (пружинный) динамометр. Курсантам было предложено выполнить под контролем зрения 3 раза нажать на динамометр с заданным усилием ведущей руки. После чего они должны были воспроизвести это усилие без контроля зрения. Между попытками курсантам предоставлялся отдых в течение 30 с. По результату попытки нами фиксировалась полученная величина усилия, величина ее ошибки [12, 42];

2) метод гониометрии. Данный инструментальный метод позволяет зафиксировать величину изменения при движении суставов конечностей. С этой целью нами применялся гониометр. Курсантам нужно было с закрытыми глазами выполнить плавный подъем руки в сторону без резких движений на угол 90°. После этого мы с помощью гониометра измеряли полученное значение угла отведения [10, 118];

3) метод хронометрии. Данный метод используется для определения времени, затрачиваемого на выполнение каких-либо действий. В качестве измерительного прибора мы использовали секундомер. Курсантам было предложено определить интервалы времени в 30 с, 60 с и 120 с, не считая в уме и не смотря на часы. Секундомером мы фиксировали отклонение от заданного промежутка времени [3, 216];

4) метод тестирования физической подготовленности. Для оценки уровня развития силовой выносливости мы выбрали вис на перекладине. Фиксировалось фактическое время виса [7, 56].

В таблице представлены результаты сравнений экспериментальной и контрольной групп после эксперимента. В задании на исследование мышечно-суставного чувства, методом динамометрии мы выявили статистически значимые различия ($U_э=2 < U_к=4$, при $p \leq 0,05$). Таким образом, по окончании педагогического эксперимента курсанты из экспериментальной группы лучше выполнили задание на определение усилия нажима на

кистевой динамометр, чем участники контрольной группы.

Таблица – **Значения критерия Манна-Уитни**

Динамометрия			
Задание 1			
Значение критерия	2		
Гониометрия			
Задание 2			
Значение критерия	1,5		
Хронометрия			
Задание 3			
	Попытка 1	Попытка 2	Попытка 3
Значение критерия	7	4	5
Тестирование физической подготовленности			
Задание 4			
Значение критерия	6		
U критическое=1, при p≤0,01 и U критическое=4, при p≤0,05			

В задании 2 на исследование чувства пространства методом гониометрии мы так же выявили статистически значимые различия ($U_э$=1,5 < $U_к$=4, при p≤0,05). Курсанты экспериментальной группы выполнили отведение руки в сторону с наименьшим угловым отклонением от заданного значения.

Задание 3 состояло из трёх попыток. При сравнении групп по первым двум попыткам нами были выявлены различия. По 1 попытке, где спортсменам требовалось определить временной промежуток в 30 секунд, мы получили $U_э$=7 >$U_к$=4, при p≤0,05, следовательно, статистически значимых результатов выявлено не было.

По 2 попытке, где спортсменам требовалось определить временной промежуток в 60 секунд, мы получили значение $U_э$=4, что совпадает с $U_к$=4, при p≤0,05, следовательно, различия являются статистически значимыми на 5%-м уровне значимости.

В 3 попытке, где спортсменам требовалось определить временной промежуток в 90 секунд, статистически значимых результатов так же выявлено не было: $U_э$=5 > $U_к$=4, при p≤0,05.

Мы предполагаем, что экспериментальная группа за счёт использования упражнений направленных на выполнение имитации выстрела, начиная от вскидывания оружия в изготовку и заканчивая опусканием оружия на опору после выстрела. В то же время, про контрольную группу можно сказать, что использование в их тренировке стандартных стрелковых упражнений с помощью целостно-конструктивного и повторного методов, позволило им так же точно определить промежутки времени в 30 и 90 секунд.

В задании 4 $U_э$=6 > $U_к$=4, при p≤0,05, следовательно, различия являются статистически не значимыми. Участники экспериментальной и контрольной группы имеют незначительные изменения в развитии двигательного качества силовая выносливость.

В результате проведенного педагогического эксперимента, математический анализ данных контрольной и экспериментальной группы, позволил подтвердить обоснованность применения средств сопряженного совершенствования координационных способностей и технической подготовленности. Прирост результатов в экспериментальной группе по показателям развития координационных способностей является статистически достоверным, в то время как результат по измерению силовой выносливости является статистически не достоверным. Это указывает на положительное влияние упражнений, направленных на сопряженное совершенствование координационных способностей и технической подготовленности курсантов.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы.*

1. Теоретически обоснована актуальность сопряжённого совершенствования координационных и силовых способностей и технической подготовленности курсантов.

2. Выявлены особенности служебной деятельности сотрудника УИС и боевой подготовки курсантов ФСИН России.

3. Разработан комплекс упражнений сопряжённого совершенствования координационных и силовых способностей и технической подготовленности.

4. Экспериментально проверена и обоснована эффективность применения средств сопряженного совершенствования координационных и силовых способностей и технической подготовленности в процессе огневой подготовки курсантов ФСИН России.

Литература:

1. Об утверждении Курса стрельб из стрелкового оружия для сотрудников уголовно-исполнительной системы: приказ министерства юстиции Российской Федерации от 26.02.2006 №24. – Тверь: ФГУ НИИИиПТ ФСИН России, 2006. – 82 с.

2. Андреева Е.В. Сопряжённое развитие гибкости и скоростно-силовых качеств на этапе базовой подготовки в художественной гимнастике / Е.В. Андреева // Ученые записки. – 2010. – № 2. – С. 19-23.
3. Волков Б.С. Методология и методы психологического исследования / Б.С. Волков, Н.В. Волкова. – М.: КноРус, 2014. – 344 с.
4. Золотарёв И.Б. Пулевая стрельба: учебно-методическое пособие / И.Б. Золотарёв. – Стрелковый Союз России, 2011. – 313 с.
5. Иткис М.А. Специальная подготовка стрелка-спортсмена / М.А. Иткис. – М.: ДОСААФ, 1982. – 128 с.
6. Корх А.Я. Совершенствование в пулевой стрельбе / А. Я. Корх. – Москва: ДОСААФ, 1985. – 70 с.
7. Ланда Б.Х. Методика комплексной оценки физического развития и физической подготовленности / Б.Х. Ланда. – М.: Советский спорт, 2006. – 208 с.
8. Марьина Н.В. Сопряженное развитие скоростных способностей и технических характеристик бега у девочек среднего школьного возраста различных типологических групп: дис. … канд. пед. наук: 13.00.04 / Н.В. Марьина. – М., 2013. – 23 с.
9. Погодин В.А. Сопряженное совершенствование координационных способностей спортсменов-стрелков и их технического мастерства / В.А. Погодин, Г.Н. Пономарёв // Теория и практика физической культуры. – 2017. – №4. – С. 75-77.
10. Полещук Н.К. Основы гониометрической практики / Н.К. Полещук. – Петрозаводск: КГПУ, 2004. – 192 с.
11. Пуллэм Б. Спортивная стрельба из винтовки / Б. Пуллэм, Ф.Т. Хейненкарт. – Москва: 1991. – 272 с.
12. Руненко С.Д. Исследование и оценка функционального состояния спортсменов: учебное пособие для студентов лечебных и педиатрических факультетов медицинских вузов / С.Д. Руненко, Е.А. Таламбум, Е.Е. Ачкасов. – М.: Профиль – 2С, 2010. – 72 с.
13. Собянин Ф.И. Сопряженное развитие физических способностей и формирование двигательных умений у юных спортсменов 13-14 лет в процессе занятий туристским многоборьем / Ф.И. Собянин, И.И. Махов, В.И. Махов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка: детский тренер: журнал в журнале. – 2008. – N 4. – С. 36-38.

FORMATION OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENTS OF CHILDREN'S ART SCHOOLS: A PERSONALITY-ORIENTED APPROACH

Pomaleiko Anastasia Leonidovna, *Head, Department of Culture and Art of the Aldan Region, Aldan, Republic of Sakha (Yakutia)*

The purpose of the study *is to identify the features of the formation of social activity of students in children's art schools through student-centered learning. The article discusses the pedagogical potential of children's art schools, which actualizes the social activity of students through the initiation of a system of material and spiritual conditions for the life of an individual, which justifies the intensive integration of educational technologies, along with other socio-cultural technologies, in addressing issues of cultural education.* ***Scientific novelty*** *is characterized by the substantiation of the effectiveness of the arts, educational and socio-cultural technologies used by children's schools, which contribute to the formation of social activity of the personality of students, through project socio-cultural activities, the need for students to realize their creative potential, the continuity of historical and cultural experience among past generations, the acquisition of an individual style of creating creative product.* ***As a result,*** *the features of the formation of social activity of students of children's art schools were revealed, through modern technologies of socio-cultural activities, naturally conditioned by external and internal factors of the modern educational strategy for the socio-cultural development of the individual and a multi-level educational complex for the implementation of the continuity of traditional pedagogical programs.*

Keywords: *children's art school; person-centered approach; social activity; pedagogical technologies; socio-cultural activities; students.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.51

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ ДЕТСКОЙ ШКОЛЫ ИСКУССТВ: ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

УДК 378
ВАК РФ 5.8.1

© Помалейко А.Л., 2022

Цель исследования *– выявить особенности формирования социальной активности учащихся детских школ искусств (далее ДШИ) посредством личностно ориентированного обучения. В статье рассматривается педагогический потенциал ДШИ, актуализирующий социальную активность учащихся через инициацию системы материальных и духовных условий жизнедеятельности личности, что обосновывает интенсивную интеграцию образовательных технологий, наравне с другими социально-культурными технологиями, в решение вопросов культурного воспитания.* ***Научная новизна*** *характеризуется обоснованием эффективности применяемых ДШИ, образовательных и социально-культурных технологий, способствующих формированию социальной активности личности учащихся, посредством проектной социокультурной деятельности, потребности учащихся в реализации творческого потенциала,*

преемственности историко-культурного опыта у прошлых поколений, обретения индивидуального стиля создания творческого продукта. ***В результате*** *выявлены особенности формирования социальной активности учащихся ДШИ, посредством современных технологий социально-культурной деятельности, закономерно обусловленных внешними и внутренними факторами современной образовательной стратегии социокультурного развития личности и многоуровневым образовательным комплексом реализации преемственности традиционных педагогических программ.*

Ключевые слова: *ДШИ; личностно ориентированный подход; социальная активность; педагогические технологии; социально-культурная деятельность; учащиеся.*

Введение

Система дополнительного образования в сфере искусства выступает импульсом формирования социальной активности подрастающего поколения, что способствует появлению новых организационно-педагогических методов и социально-культурных технологий, ориентированных на гражданско-патриотическую ответственность, общечеловеческие и историко-культурные ценности, охраняемые государством. Федеральные органы государственной власти обеспечивают экономические, социальные и иные условия для сохранения, возрождения и развития образования в сфере культуры. Так, 2022 год в Российской Федерации посвящен культурному наследию народов России.

Законодательная правовая база предусматривает особое значение организационно-педагогического воздействия при реализации образовательной, воспитательной и социально-культурной деятельности в сфере дополнительного образования. Поправки, внесенные в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", содержат ряд управленческих рецептов, касающихся регламентирования деятельности организаций дополнительного образования в области искусств, утверждение нового статуса детских школ искусств как первой ступени в системе профессионального образования. Определена эффективность данного института в реализации федеральных, региональных и муниципальных образовательных стратегий, способствующих решению задач по формированию социальной активности учащихся.

В Стратегии развития и воспитания в РФ на период до 2025 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р, важная роль отведена "развитию в детской среде традиционных культурных и духовных ценностей российского общества, созданию условий для воспитания у детей потребности конструктивного участия в различных формах самоорганизации" [7]. Стратегия государственной культурной политики в области дополнительного образования регламентирована Концепцией развития дополнительного образования детей до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 678-р [8].

Стратегической миссией государства является развитие и сохранение национальных традиций образования в сфере искусства в сопряжении с необходимостью совершенствования качества образовательного уровня и материальной базы институтов дополнительного образования. Так, в рамках федерального национального проекта "Культура" осуществлен капитальный ремонт и приобретены новые музыкальные инструменты для Алданской ДШИ имени А.Т. Никитина в Алданском районе Республики Саха (Якутия) [4]. Выстраивание современной образовательной стратегии развития культу-

ПОМАЛЕЙКО Анастасия Леонидовна, *начальник, МУ "Управления культуры и искусства Алданского района", Алдан, Республика Саха (Якутия)*

ры, основанной на личностно ориентированном подходе, является инструментом формирования социальной активности учащихся ДШИ.

В этой связи *актуальность данного исследования* заключается в выявлении особенностей формирования социальной активности учащихся ДШИ посредством личностно ориентированного обучения, где педагогический потенциал системы дополнительного образования, выступает гарантом проявления личностной социальной активности учащихся через инициацию гармоничного мировосприятия, объединяющего эстетического, познавательного и нравственного начала для реализации различных творческих интересов и раскрытия социокультурной инициативы личности. Цель исследования структурировала следующие задачи: 1) проанализировать процесс формирования социальной активности учащихся ДШИ сквозь призму личностно ориентированного обучения, 2) обосновать выбор теоретико-методологических подходов к исследованию процесса формирования социальной активности учащихся ДШИ и определить продуктивные направления развития данного качества у учащихся, учитывая педагогический потенциал ДШИ, 3) выявить доминирующие современные педагогические технологии и технологии социально-культурной деятельности в сфере дополнительного образования, способствующие активизации социальной активности учащихся.

Для осмысления процесса формирования социальной активности учащихся ДШИ, в статье применяются следующие *методы исследования*, отражающие междисциплинарный подход к рассматриваемому феномену: эмпирические методы (наблюдение, опрос, тестирование, анкетирование, беседа, интервью); теоретический анализ; индуктивный и дедуктивный методы; компаративное изучение материалов (научных трудов, нормативно-правовых актов, социальных сетей и др.), контент-анализ.

Теоретической базой исследования послужили работы, затрагивающие исследования в области теории, методики и технологии организации социокультурной деятельности, дифференцированного и системного анализа социальных функций, развития структуры научной, исторической, теоретической, методической, организационной, практической их составляющих, отражающихся в научных трудах Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, И.Н. Ерошенкова, Ю.А. Стрельцова, М.А. Ариарского, В.М. Чижикова, А.Д. Жаркова, Н.Н. Ярошенко, Н.В. Шарковской, Л.С. Жарковой и других. Б.Ф. Смирновым, С.А. Шароновой, В.Н. Советкиным, Н.И. Фунтиковой, Н.А. Черновой выявлены особенности межведомственного взаимодействия ДШИ с другими субъектами социально-культурой сферы, бизнеса, институтами гражданского общества, муниципальными и государственными органами власти, что способствует формированию социальной активности подростков.

Также научными исследователями в области социальной активности на уровне региона – Республики Саха (Якутия) являются: Г.И. Карасева, рассматривающая игру как социально-культурный и педагогический феномен, В.А. Тарасова в работе по организационно-педагогическим условиям воспитания молодежи в учреждениях культуры на национальных традициях народов Севера России, С.С. Игнатьева, рассматривающая создание организационно-педагогических условий, способствующих реализации педагогического потенциала обучающихся.

Практическая значимость заключается в практико-ориентированном характере исследования процесса формирования социальной активности учащихся ДШИ средствами современных социально-культурных технологий. Основные положения, заключения и итоги проведенного исследования могут быть применимы в ходе профессионального педагогического обучения специалистов дополнительного образования культурной сферы, а также в организациях профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников культурной сферы. Конструктивное применение полученных выводов может быть востребовано в деятельности различных социокультурных институций, детских общественных объединений, педагогов и специалистов социально-культурной отрасли по активизации социальной активности учащихся ДШИ посредствам применения современных педагогических и социокультурных технологий.

Основная часть

Как социально-культурная институция ДШИ способна эффективно отвечать социальному заказу общества и государства в области духовно-нравственного и эстетического направлений по формированию социальной активности учащихся в условиях современной социокультурной, политической и социально-экономической ситуации.

Дополнительное образование является социально-педагогической сферой, смежной

со структурными элементами социально-культурной парадигмы территории, формирующей одновременно подсистемы образования и культуры, реализующей предпрофессиональные и общеразвивающие программы обучения.

В основе деятельности ДШИ лежат традиционные педагогические принципы, формы и методы передачи учащимся культурного наследия. Организационно-педагогический процесс системы дополнительного образования в сфере искусства обнаруживает себя на стыке образования с дисциплинами культурологического направления, где доминирующим оказывается личностно ориентированный подход, обеспечивающий учащимся возможности самообразования, самоопределения и самореализации в социально-культурной среде.

Обращаясь к педагогическим технологиям в системе дополнительного образования культурной отрасли, педагогический процесс необходимо рассматривать как ведущий вид общественной практики социально-культурной деятельности по формированию социальной активности личности. Педагогические технологий в этом случае выполняют функцию несущих конструкций реализации личностно ориентированного подхода.

Характерной чертой педагогических технологий, применяемых в системе ДШИ, является обширный социально-культурный контекст, где образование рассматривается как комплексная социально-культурная технология, реализующая миссию формирования социальной активности и духовного развития личности. [1, С.422]. Однако социально-культурная парадигма применения образовательных технологий не является универсальной и лишь расширяет личностно ориентированный подход в формировании социальной активности учащихся детской школы искусств. Основополагающей составляющей в творческом образовательном процессе можно считать технологию педагогического общения и установления педагогически целесообразных взаимоотношений наставника – мастера и учащегося [9, С.458]. От стройности коммуникационной архитектуры зависит настрой и творческая свобода взаимосвязанной деятельности субъектов педагогического процесса, что безусловно оказывает организационное влияние на формирование социальной активности учащихся ДШИ. В широком смысле под педагогической технологией понимается исключительно научно обоснованное проектирование и конкретное воспроизведение педагогических действий, гарантирующих высокий результат [9, С.407].

В более узком педагогическом смысле образовательная технология является механизмом формирования у учащегося социально значимых свойств и ценностей культуры. Типологическая классификация образовательных технологий, применяемых в социально-культурной отрасли, различается: "по характеру содержания и структуре, по используемым способам, методам, средствам, по функционально-организационному признаку" [1, С. 450].

Значимость педагогических детерминант в системе социально-культурной деятельности обусловлена реализацией следующих педагогических принципов: соотношения содержания социально-культурной деятельности и условий развития современной социокультурной среды; ранжирования и внедрения характерных особенностей содержательной социально-культурной деятельности; преемственности различных направлений социально-культурной деятельности. [10, С. 160]. Объединение данных принципов выступает как парадигма модернизации педагогического процесса детской школы искусств по формированию социальной активности учащихся.

Целостная авторская модель социокультурных функций дополнительного образования в сфере искусства представлена в диссертационном исследовании Л.Н. Комаровой [2, С. 17-19], где определены функции социализации, патриотического и этнокультурного воспитания, просветительская и культурно-краеведческая функции, способствующие формированию социальной активности учащихся, обусловленные социально-культурными технологиями. Где, под методикой или технологией понимается совокупность функциональных и дифференцированных приемов, приумножающих научную глубину направленного воздействия за счет исторического опыта и современного глобального состояния культуры, образования и быта [1, С. 449]. К доминирующим среди социально-культурных технологий в развитии социальной активности учащихся детских школ искусств можно отнести: культуротворческие технологии, сопровождающие учащегося в период его профессионального ориентирования, выполняющие вектор функций, связанных с творчески формирующим направлением, освоением и использованием культурного наследия в современном мире; технологии художественной творческой деятельности, воздействующие на эмоциональную и чувственную области вос-

приятия учащихся, положительно влияющие на формирование духовности, культуры, и социальной активности; художественно развивающие технологии, обеспечивающие участие учащихся в художественной жизни малой Родины, спектр средств творческой самореализации и саморазвития социальных ролей, где особое место принадлежит организации круглогодичных, сезонных школ и лагерей творческого развития; педагогические игровые технологии, способствующие сублимации различных видов социальной деятельности учащихся, направленные на рекреацию, позволяющие существенно сократить время накопления необходимой социальной информации, овладения мастерством; образовательные технологии, выполняющие практическую функцию противостояния девиантным тенденциям и процессам асоциальной активности в подростковой и молодежной субкультуре; управленческие технологии, обладающие характерным социальным ориентированием и направленные на удовлетворение культурных потребностей, предпочтений учащихся, повышая их социальную активность; проектные технологии, вмещающие комбинацию различных методов проектирования, отражающих богатство и разнородность социокультурной сферы, широкий спектр специализированных авторских программ в области искусства, образования, индустрии развлечений; технологии коммуникации и общественных связей, охватывающие среду формального и неформального коммуницирования учащихся в деловом пространстве, повседневной социально-культурной, бытовой и досуговой сферах. [1, С. 404-504].

Важным источником обогащения социокультурных технологий, направленных на развитие социальной активности учащихся ДШИ, является творческое взаимодействие и обмен опытом между социально-культурными институциями. Реализация потенциала педагогической природы социокультурных технологий в научно-теоретическом и организационно-методическом направлениях по созданию единого культурного пространства формирует социальную активность субъектов образовательного процесса в решении проблемных социально-культурных аспектов на муниципальном и региональном уровнях.

Решение проблем формирования социальной активности учащихся обеспечивается, в том числе, путем создания многоуровневых практико-ориентированных образовательных комплексов межведомственного взаимодействия и государственно-частного партнерства в сфере искусства. Так, между ООО "Ассоциация строителей Амуро-Якутской магистрали" и Алданской ДШИ им. А.Т. Никитина заключено соглашение о социальном партнерстве, направленное на формирование социальной активности учащихся, укрепление гражданско-патриотических ценностей и развитие дополнительного предпрофессионального образования в области искусства [5].

Интеграция педагогических и социокультурных технологий, применяемых в детских школах искусств, ориентирована сегодня на компетенции обучающихся в области художественно-творческого развития, опирающегося на личностно-мотивационные характеристики: стремление к саморазвитию, умению работать в команде, проявление социальной активности.

Важнейшим опытом для дополнительного образования в области искусства и обеспечения условий формирования социальной активности учащихся выступает политика проектно ориентированной деятельности. Реализация социально ориентированных проектов осуществляется в едином культурном пространстве взаимодействия институтов образования, культуры, экономики, бизнеса и социальной политики, формирующем социальную активность учащихся ДШИ.

В связи с присвоением городу Алдану Республики Саха (Якутия) Указом Президента Российской Федерации от 10.09.2021 г. № 519 почетного звания "Город трудовой доблести" среди учащихся ДШИ Алданского района реализован социально-культурный проект "Патриотический Art-кейс "Живая история", состоявший из трех основных этапов: серия edutainment-событий, исследовательская деятельность учащихся с использованием архивов Алданского историко-краеведческом музея; подготовка художественных работ на основе полученных историко-культурных сведений, рефлексия; презентация творческого продукта и поощрение участников и руководителей проекта [3]. Другим примером практико-ориентированных технологий формирования социальной активности учащихся ДШИ Алданского района является межведомственный социально-культурный проект с ГБУ "Алданская центральная районная больница" и ГБУ "Алданский филиал Республиканского центра социально-психологической поддержки семьи и молодежи". Содержание данной социально-культурной проектной деятельности заключается в повышении эмоционального фона лиц, находящихся на стационарном ле-

чении в различных отделениях больницы. Организация тематических выставок рисунков воспитанников ДШИ района в сопровождении психологических тренингов, при участии волонтеров-учащихся способствует улучшению самочувствия, снижению эмоционального напряжения у граждан, проходящих лечение.

Социально-педагогическим опытом накоплены примеры специфических методов взаимодействия и сотворчества субъектов различных социальных групп и ролей в области культуры, искусства, образования и разумных развлечений, направленных на инициацию социальной активности детей и подростков.

Для ДШИ реализация подобных проектов обеспечивает системность практико-ориентированного обучения, обусловленного формированием социальной активности по профилям социально-культурной деятельности. Для воспитанников ДШИ участие в проектной детальности является возможностью профессионально-общественной инкультрации в социально-культурной среде, повышения уровня гражданской ответственности и социальной активности. Так, в июле 2022 года, на базе летнего оздоровительного лагеря в г. Томмот, Алданского района РС(Я), Управлением культуры и искусства Алданского района совместно с Якутским музыкальным колледжем им. М. Жиркова, был реализован пилотный проект Летней творческой школы для учащихся системы дополнительного образования в сфере искусства [6]. Интерактивная педагогическая программа была реализована спикерами – профессионалами высокого уровня в сфере исполнительского мастерства из городов Санкт-Петербург, Хабаровск, Чита. Эффект полного погружения, с применением иммерсионных технологий в мир музыки и культуры, был достигнут благодаря интеграции юных музыкантов в деятельность концертного оркестра народных инструментов. В процессе постоянной коммуникации учащихся со спикерами в условиях летнего оздоровительного лагеря круглосуточного пребывания, были достигнуты поставленные задачи проекта: совершенствование исполнительского мастерства, развитие креативности мышления, профессиональное ориентирование, повышение социальной активности участников Летней творческой школы.

Для большинства социально-культурных технологий специфично системное использование универсальных, по своему комплексному психологическому и педагогическому эффекту методик, направленных на организацию равноправной культурно-духовной связи, создание воспитывающих ситуаций и применение импровизации в формировании социальной активности учащихся [1, С. 498].

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы.*

1. Для всех субъектов системы дополнительного образования в сфере искусства реализация личностно ориентированного подхода в обучении является гарантом качества образования, развития культурной среды региона и формирования социальной активности учащихся. Осуществление культурно-образовательной политики на платформе принципа преемственности основных образовательных программ позволяет обеспечить комплекс академических знаний и практических социальных компетенций учащихся.

2. Педагогический потенциал ДШИ как средство развития социальной активности учащихся, при использовании современных технологи социально-культурной деятельности, проявляется на всех уровнях реализации личностно ориентированного подхода и обеспечивается выбором содержания, методов и форм социально-культурной деятельности, что выражается в результативности культурного саморазвития и творческой самоактуализации.

3. Формирование социальной активности учащихся ДШИ, проявляющееся в реализации творческого потенциала, разумном использовании личного свободного времени, закономерно обусловливает потребности общества, государства и региона в развитии и продвижении культурных ценностей, воспитании ответственных членов общества.

4. Интегрирование педагогических и социально-культурных технологий, направленных на формирование социальной активности учащихся ДШИ обусловлено внешними, социально-политическими и экономическими условиями национальной культурной политики и внутренними условиями, связанными с субъективными индивидуальными и эмоционально-психологическими особенностями, предпочтениями и потребностями в саморазвитии учащихся.

Литература:

1. Киселева Т. Г. Социально-культурная деятельность : учебник для студентов вузов / Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. ин-т культуры. – М. : МГИК, 2004. – 539 с.

2. Комарова Л. Н. Система социокультурных функций детской школы искусств: методика и практика реализации в городском образовательном пространстве : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Комарова Людмила Николаевна. – М., 2009. – 26 с.
3. Официальный новостной портал Республики Саха (Якутия) Sakha News https://www.1sn.ru/sorokovye-rokovye-zolotogo-aldana-glazami-yunogo-pokoleniya
4. Официальный новостной портал Республики Саха (Якутия) Sakha Life https://sakhalife.ru/v-aldane-zavershilsya-kapitalnyj-remont-v-detskoj-shkole-iskusstv/
5. Официальный новостной портал Республики Саха (Якутия) Sakha Life https://sakhalife.ru/assocziacziya-stroitelej-ayam-i-aldanskaya-shkola-iskusstv-zakrepili-sotrudnichestvo/
6. Единая информационная система "Музыка и культура" https://muzkult.ru/news/82859514, https://gazetaigraem.ru/article/33015.
7. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. N 996-р "Об утверждении Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 г." [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения 03.05.2022).
8. Распоряжение Правительства РФ от 31 марта 2022 г. N 678-р "Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 г. и плана мероприятий по ее реализации" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения 03.05.2022).
9. Сластенин В.А. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2011. – 576 с.
10. Шарковская Н.В. Базовые педагогические детерминанты содержания современной социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного института культуры. – 2021. – № 1 (99). – С. 152-160.

FUTURE JOURNALISTS PROFESSIONAL TRAINING IN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

Sizova Ekaterina Viktorovna, *PhD of Pedagogical sciences*

Kaiser Beata Andreevna, *PhD of Philology, Associate Professor*

Kuban State University, Krasnodar

In the context of the digital transformation of education, the didactic tools for vocational training in higher education are changing: the use of digital educational technologies and electronic educational resources comes to the fore. ***The purpose of the study*** *is to systematize the methods and techniques of digital didactics, the most effective in the process of professional training of students of the Faculty of Journalism.* ***The scientific novelty*** *lies in the substantiation of the theoretical and practical aspects of the impact of the process of total digitalization on the development of university journalism education, as well as the advantages and disadvantages of the digital format of education.* ***The results*** *of a questionnaire survey of future journalists aimed at assessing the importance of various forms and methods of digital organization of educational activities in higher education are presented.*

Keywords: *journalism education; professional training; digital transformation; information and communication technologies; digital educational technologies; electronic educational resources; digital didactics.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.52

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.013.46
ВАК РФ 5.8.7

© Сизова Е.В., 2022
© Кайзер Б.А., 2022

В условиях цифровой трансформации образования изменяется дидактический инструментарий профессиональной подготовки в высшей школе: на первый план выходит применение цифровых образовательных технологий и электронных образовательных ресурсов. ***Цель исследования*** *– систематизировать методы и приемы цифровой дидактики, наиболее эффективные в процессе профессиональной подготовки студентов факультета журналистики.* ***Научная новизна*** *заключается в обосновании теоретических и практических аспектов влияния процесса тотальной цифровизации на становление университетского журналистского образования, а также преимуществ и недостатков цифрового формата обучения. Представлены* ***результаты*** *анкетного опроса будущих журналистов, направленного на оценку студентами значимости различных форм и методов цифровой организации учебной деятельности в высшей школе.*

Ключевые слова: *журналистское образование; профессиональная подготовка; цифровая трансформация; информационно-коммуникационные технологии; цифровые образовательные технологии; электронные образовательные ресурсы; цифровая дидактика.*

СИЗОВА Екатерина Викторовна, *кандидат педагогических наук*

КАЙЗЕР Беата Андреевна, *кандидат филологических наук, доцент*

Кубанский государственный университет, Краснодар

Введение

Цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности является одной из отличительных особенностей информационного общества, а также неизбежным условием технического прогресса. Современная журналистика как вид коммуникативной профессиональной деятельности в первую очередь ощутила на себе следствия тотальной цифровизации, затронувшей телевидение, радио, кинематографию, разнообразные масс-медиа, что проявилось в создании новых цифровых каналов коммуникации, цифровых медиаресурсов, социальных сетей и т.д.

Характерными особенностями цифровых образовательных технологий являются их мультимедийность, интерактивность и интертекстуальность. Однако многие цифровые образовательные технологии, направленные на отбор новостной информации и создание контента, подлежат дальнейшей адаптации и совершенствованию с учетом уровней интерпретации и контекстуализации информации, степени ее достоверности, качества медиа-сайтов и других не менее важных факторов [1]. При этом современные медиасистемы становятся все более сложными, обеспечивая широкую медиатизацию социальной сферы.

В этих условиях цифровая трансформация СМИ возлагает на журналистов новые обязанности, связанные со сбором данных, их обработкой, распространением информации и созданием контента в цифровом формате. Более того, в настоящее время можно говорить о создании отдельной области журналистского знания – цифровой журналистики, освоение которой требует от журналиста овладение стратегиями создания и продвижения цифрового контента, элементами веб-программирования и веб-дизайна, владения аналитикой больших данных, умениями управлять цифровыми журналистскими проектами, навыками информационной безопасности и умением распознавать фейки в условиях глобальной медиареальности. Поэтому в научных исследованиях делаются прогнозы не только о масштабных изменениях в журналистике, но о неизбежности глобальной реформы журналистского образования в целом [2].

Обзор педагогической литературы показывает, что за последнее десятилетие значительно увеличилось количество цифровых образовательных ресурсов и информационно-коммуникационных технологий, применяемых в высшей школе. Это различные модели дистанционного и смешанного обучения, технологии Web 2.0, использование подкастов, внедрение в образовательный процесс элементов цифрового искусства и др. Все эти инструменты цифрового обучения формируют основу цифровой педагогики и цифровой дидактики.

Постановка проблемы

Глобальные аспекты влияния цифровой трансформации в университетском медиаобразовании. Широкое распространение цифровых образовательных технологий требует разработки методологических основ новой цифровой журналистики, основанной на углубленном преподавании социальных и гуманитарных дисциплин. Как отмечает С. Кирчхоф [3], в журналистском образовании необходимо рассматривать одновременно два аспекта цифровой трансформации – цифровизацию с точки зрения образовательного дискурса, направленную на формирование универсальных, или мета-компетенций обучающихся, и цифровизацию, рассматриваемую с позиций совершенствования навыков и умений в профессиональной журналистике. Современному журналисту необходимы: навыки проверки фактов, информационная и медиаграмотность, знания в области экономических наук, медиаэтика, навыки работы в социальных сетях (умение работать в Facebook, Twitter, Instagram и др.), креативность, умение сотрудничать и работать в команде, понимание принципа подотчетности и т.д. При этом в обучении студентов факультета журналистики предпочтение отдается практическим навыкам. Данные тенденции проявляются в постоянном обновлении содержания журналистского образования, а также в использовании инновационных образовательных технологий с целью приобретения мультимедийных навыков. Однако не менее важны и традиционные журналистские умения, такие как умение брать интервью, определение новостной значимости, критическое мышление при отборе контента и масса других специальных компетенций, которые невозможно заменить исключительно цифровыми навыками [4].

Л. Ринсдорф и Р. Боэрс подчеркивают важность развития у будущих журналистов способности работать с открытыми данными [5]. Исследователи определяют открытые данные как "данные, к которым любой может получить доступ, использовать или распространять их". Для журналистов работа с открытыми данными и с большими данными (что не одно и то же) является необходимым средством для со-

здания контента и получения достоверной информации, особенно в новостной журналистике. Контентные стратегии обычно строятся, начиная с фильтрации данных на начальном этапе – к визуализации информации, анализу данных и созданию контента на этой основе. В последние годы появилась особая отрасль журналистских знаний под названием "журналистика данных" [6].

Процесс цифровой трансформации образования имеет как свои преимущества, так и отдельные нежелательные эффекты. К преимуществам цифровой трансформации в университетском медиаобразовании обычно относят:

– широкий доступ ко всем видам информации и возможность ее постоянного обновления;

– возможность построения активного учебного пространства факультета, кафедры и всего вуза в целом;

– возможность создания индивидуальной образовательной траектории для каждого студента;

– разнообразное сочетание дистанционных и очных форм обучения на основе различных моделей смешанного обучения;

– внедрение инструментов, необходимых для создания электронных образовательных ресурсов (электронные учебники и учебные пособия, обучение на основе симуляторов, цифровые обучающие игры и т. д.);

– экономия времени преподавателей, применяющих цифровые форматы оценки результатов образовательной деятельности.

Негативными эффектами цифровизации медиаобразования являются следующие факторы [7]:

– снижение возможности для реальной учебной коммуникации "лицом к лицу" в условиях дистанционного формата обучения, а также снижение объема общения между студентами и педагогами;

– формирование у обучающихся зависимости от гаджетов;

склонность отдельных студентов к излишнему прагматизму и индивидуализму;

– возможность применения информационно-коммуникационных и цифровых технологий с целью имитации учебной деятельности для достижения образовательной эффективности (плагиат, компиляция научных данных, искусственные приемы повышения уникальности текстов);

– опасность размывания традиционных культурных ценностей из-за приоритета цифровых образовательных технологий;

– воздействие цифровых технологий на здоровье человека, вызванное увеличением объемов информации.

Проведенный авторами настоящего исследования обзор отечественной и зарубежной литературы по широкому кругу источников (педагогика, психология, философия, журналистика и др.) позволил выделить также и другие негативные явления, связанные с цифровизацией журналистского образования, а именно:

1) снижение интереса студентов к обучению из-за рутинизации учебной деятельности и отсутствия эмоционально-насыщенной коммуникации при взаимодействии педагога и обучающегося в процессе дистанционного обучения;

2) информационно-технологический разрыв и недостаточное знание цифровых технологий как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов;

3) неравенство возможностей, доступных отдельным категориям студентов (наличие и качество гаджетов, программного обеспечения, безлимитный доступ в Интернет и т. д.);

4) невозможность организации отдельных форм образовательной деятельности в онлайн-формате (пресс-туры, творческие мастерские, фестивали, некоторые формы интервьюирования, использование социальных медиа для профессионального обучения в условиях социальной изоляции и т. д.);

5) проблемы, связанные с программными и аппаратными сбоями, перебоями в работе Интернета, выходом из строя оборудования и т.п.;

6) низкие навыки автономного обучения у студентов;

7) большие затраты времени и усилий педагогов при подготовке к занятиям в дистанционном формате обучения по сравнению с традиционными формами преподавания;

8) недостаточная обратная связь и сложность оценки образовательных результатов при дистанционном обучении и др.

Кроме того, университетское журналистское образование должно успевать адаптировать образовательные программы к требованиям цифровой эпохи, ведь сейчас большинство людей получают новости через мобильные приложения, веб-сайты, платформы социальных сетей. Поэтому, по мнению некоторых зарубежных исследователей [8], современному выпускнику факультета журналистики необходимы не столько развитые профессиональные навыки, сколько универсальные метакомпетенции, способствующие развитию критического мышления. В этом отношении особенно эффективны проектное обучение, сервисное обучение,

курирование контента, ведение образовательных блогов, применение трехмерных виртуальных миров, внедрение технологий вебдизайна, приобретение недостающих знаний посредством цифровых образовательных платформ типа Coursera.org и др. [9; 10].

Кроме того, цифровая трансформация профессии журналиста требует не только адаптации образовательных программ, но и разработки этических норм поведения в электронной среде, в том числе посредством применения методов развития социального интеллекта будущих журналистов [11].

Методология и результаты исследования

Авторами была разработана анкета для студентов факультета журналистики (бакалавриат и магистратура), направленная на выявление отношения респондентов к цифровым образовательным технологиям, используемым в вузе, а также к способам оптимизации учебного процесса с целью преодоления отдельных негативных последствий цифровой трансформации.

Исследование проводилось с октября 2021 по февраль 2022 года на базе факультета журналистики Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). Основная цель исследования состояла в выявлении предпочтений студентов факультета журналистики в отношении наиболее эффективных и полезных (с их точки зрения) технологий цифрового обучения, применяемых в высшей школе. Предварительно, посредством контент-анализа научных источников были выделены ключевые образовательные технологии, используемые для формирования профессиональных и цифровых умений будущих журналистов (табл.).

Основная задача анкетного опроса состояла в том, чтобы определить, какие образовательные практики, связанные с цифровой трансформацией, расцениваются студентами как наиболее эффективные и полезные.

Студентам, участвовавшим в исследовании, были предложены два списка: 1. Первый список: "Негативные последствия и риски цифровой трансформации высшего образования". 2. Второй список: "Ключевые цифровые технологии, используемые в журналистском образовании". Респондентам предложили выбрать из списков те цифровые технологии, которые, по их мнению, особенно эффективными для оптимизации учебного процесса в вузе. Результаты исследования (в процентах от общего количества опрошенных) представлены на рисунке.

Таблица – **Ключевые цифровые технологии, применяющиеся в системе подготовки будущих журналистов**

Образовательные технологии	Содержание и возможности
Метод проектов в электронном формате	Электронные групповые и индивидуальные образовательные проекты. Работа в Google Docs, Microsoft Excel, Zoho Office Suite и др. Обсуждение проектов в групповых чатах и т.д.
Применение мессенджеров в учебных целях	WhatsApp, Viber, Facebook, Telegram, Instagram, VK и др.
ИКТ и цифровые инструменты	Использование сервисов Web 2.0, подкастов, видеохостингов (Google Drive, Microsoft OneDrive, DropBox, YouTube и др.), облачных технологий.
Элементы цифрового искусства	Электронные презентации (в PowerPoint, Piktochart, Canva и т.п.), элементы компьютерной графики, графические 3D-программы, виртуальная и дополненная реальность и пр.
Применение учебных медиа-ресурсов	Интернет-газеты, Интернет-журналы.
Геймификация обучения	Цифровые обучающие игры, программы для создания викторин, тестов, Google Forms, Kahoot, MyQuizz и т.п.
Интерактивная учебная коммуникация	Проведение круглых столов, дискуссий онлайн; ведение учебных блогов; виртуальные экскурсии, дистанционные интервью и пр.
Научная коммуникация в цифровом формате	Вебинары, видеоконференции, видеолекции и др.

Оказалось, что к наиболее значимым видам цифровых образовательных технологий студенты относят использование мессенджеров, применение различных цифровых инструментов, интерактивное обучение и геймификацию. На второе место были поставлены цифровое искусство и использование учебных медиа. Минимальные оценки со стороны студентов получили проектное обучение и цифровые форматы исследовательской деятельности.

Выяснилось также, что студенты одобряют интерактивные формы онлайн-работы с применением цифровых инструментов (технологии Web 2.0, элементы цифрового искусства и графические программы). Однако по результатам опроса создалось впечатление, что многие студенты недооценивают такие важные формы образовательной деятельности, как проектные методы, участие в научно-исследовательской работе онлайн, научных конференциях и вебинарах. Эти результаты могут свидетельствовать о том, что респондентам скорее всего не хватает методических знаний для того, чтобы оценить, к примеру, все преимущества проектной деятельности или цифровых методов оценивания.

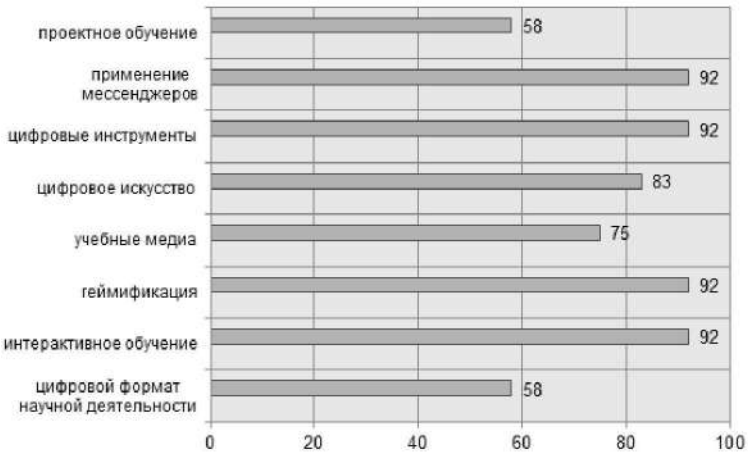

Рисунок – **Цифровые образовательные технологии, способствующие оптимизации учебного процесса (согласно оценке студентов, %)**

В целом, результаты проведенного исследования показывают, что будущие журналисты высоко оценивают дидактический потенциал цифровых инструментов, использование мобильных и облачных технологий в образовательной деятельности, а также учебные и творческие возможности цифровых медиа (Интернет-газеты и онлайн-журналы, ведение образовательных блогов, создание цифровых интервью, проведение мастер-классов с известными журналистами в онлайн режиме и т. д.).

Кроме того, респондентам было предложено перечислить (на основе списка №2, который разрешалось дополнить самостоятельно) наиболее популярные цифровые инструменты и цифровые программы, которые, по их мнению, можно было бы эффективно использовать для подготовки студентов-журналистов. Ниже мы приводим перечень цифровых образовательных ресурсов и цифровых инструментов, которые были выделены респондентами:

– технологии Web 2.0: Wiki, Glogster, Dotsub, VoiceThread;

– интерактивные программы для геймификации, тестирования, создания образовательного контента: Google Forms, MyQuizz, Kahoot, Pictionary, Quizlet, Voki, ClassFlow, Edpuzzle, Vizia, LearningApps;

– программы для работы с документами: Word, Google Docs, Microsoft Excel, Zoho Office Suite;

– инструменты для презентаций: PowerPoint, Prezi, Google, Piktochart, MindMeister, Bubbl.us., Mind42, Sway.

Заключение

Исследование показывает, что цифровая трансформация в высшей школе значительно расширила область учебной деятельности, образовательных и дидактических возможностей студентов, обучающихся профессии журналиста. По нашему мнению, оптимизация процесса цифровой трансформации журналистского образования может быть достигнута за счет реализации следующих направлений в образовательной и научно-исследовательской деятельности:

1) анализ изменений в профессии журналиста, вызванных цифровой трансформацией общества;

2) изучение международного опыта цифровых образовательных технологий, используемых в журналистском образовании;

3) разработка методологических основ цифровой педагогики и цифровой дидактики.

Решение этих задач может, на наш взгляд, привести к положительным результатам в повышении качества профессиональной подготовки в системе университетского журналистского образования.

Литература:

1. Calvo Viota A., Parratt Fernandez S. Digital transformation and journalistic quality: the case of elpais.com. // Doxa Comunicacion. 2021. №32. Pp. 305-326. https://doi.org/10.31921/doxacom.n32a15

2. Zhang F. The Reform of Journalism Education Driven by Digital Technology in the Era of Media Integration //Wireless Communications and Mobile Computing. 2022. Article ID 2144718. Pp. 1-9. DOI: 10.1155/2022/2144718

3. Kirchhoff S. Journalism Education's Response to the Challenges of Digital Transformation: A Dispositive Analysis of Journalism Training and Education Programs // Journalism Studies. 2021. Iss. 23 (1). Pp.108-130. DOI: 10.1080/1461670X.2021.2004555

4. Langton L.M., de Uriarte M.L., Grinfeder K., Vicente P.N. New Technology, New Rules for Journalism and a New World of Engagement //Proceedings WJEC. 2019. Pp. 491-503. DOI: 10.48550/arXiv.2104.08592

5. Rinsdorf L., Boers R. The need to reflect: data journalism as an aspect of disrupted practice in digital journalism and in journalism education [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iaseweb.org/documents/papers/rt2016/Rinsdorf.pdf

6. Панюкова С.А. Роль открытых данных в развитии журналистики данных // Знак: проблемное поле медиаобразования . – 2015. – №1 (15). – С. 25-33.

7. Бермус А.Г. Цифровая трансформация высшего образования с позиций междисциплинарного подхода // Kant. – 2022. – №1 (42). – С. 6-16.

8. Garcia-Galer, M., Martinez-Nicolas M., Del-Hoyo-Hurtado M. Innovation in journalism educational programmes at university. A systematic review of educational experiences at Spanish universities // Profesional de la informaci?n. 2021. Vol. 30. №3. e300307. DOI: 10.3145/epi.2021.may.07

9. Велитченко С.Н. Влияние цифровых технологий на стандарты обучения журналистов //Вестник Казахстанско-Британского технического университета: опыт МУИТ. – 2019. – №3 (50). – С. 412-417.
10. Семилет Т.А., Витвинчук В.В., Чэнь Сюэфэн. Цифровые ресурсы в журналистском образовании //Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – 2019. – №1. – С. 82-84.
11. Сизова Е.В., Бермус А.Г. Развитие социального интеллекта студентов-журналистов на основе лингводидактических технологий как направление прикладной коммуникативистики образования // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2021. – №12. – С. 1-14.

PEDAGOGICAL DESIGN OF FORMATION OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF FUTURE SPECIALISTS IN SOCIAL AND CULTURAL SPHERE IN CONDITIONS OF DIGITAL EDUCATION

Solntsev Mikhail Nikolaevich, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities, Orel State Institute of Culture, Orel*

Purpose of the study *to reveal the significance of the formation of professionally important qualities in future specialists of socio-cultural sphere, focusing the attention of teachers of universities of culture on the pedagogical design of this process, carried out in the conditions of digital education. The article considers the totality of the conditions of digital education, which ensures the formation of professionally important qualities in students. The impact of the acmeological approach and scientific provisions of the science of educology applied by the university teacher on the activity of students in the professional environment and the formation of a set of professionally important qualities in them.* ***The scientific novelty*** *lies in the fact that scientifically substantiated conditions for the formation of professional and important qualities of future professionals in the digital environment of the university of culture.* ***As a result*** *the following was revealed: the significance of pedagogical design in formation of professionally important qualities in future specialists of social and cultural sphere, the role of methodology in application of acmeological approach in education of students of culture university, the essence of creative development of personality in conditions of digital education.*

Keywords: *pedagogical design; professional and important qualities; digital education; socio-cultural sphere; future specialists, educology.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.53

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Солнцев М.Н., 2022

Цель исследования *– раскрыть значимость сформированности профессионально важных качеств у будущих специалистов социально-культурной сферы, акцентируя внимание преподавателей вузов культуры на педагогическом проектировании данного процесса. В статье рассматривается совокупность условий цифрового образования, влияние акмеологического подхода и научных положений науки эдукологии, применяемых преподавателем вуза, на активность студентов в профессиональной среде и сформированность у них набора профессионально важных качеств.* ***Научная новизна*** *заключается в том, что научно обоснованы условия формирования профессионально-важных качеств будущих специалистов в цифровой среде вуза культуры.* ***В результате*** *выявлены значимость педагогического проектирования в формировании профессионально-важных качеств у будущих специалистов социально-культурной сферы, роль методологии в применении акмеологического подхода в воспитании студентов вуза культуры, сущность творческого развития личности в условиях цифрового образования.*

Ключевые слова: *педагогическое проектирование; профессионально-важные качества; цифровое образование; социально-культурная сфера; будущие специалисты, эдукология.*

СОЛНЦЕВ Михаил Николаевич, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры Социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт культуры, Орел*

Введение

Актуальность данного исследования заключается в исследовании значимости педагогического проектирования в процессе формирования профессионально-важных качеств у будущих специалистов социально-культурной сферы, обучающихся в вузе культуры.

В соответствии с целью исследования, структурированы задачи:

1) раскрыть значимость педагогического проектирования в формировании профессионально-важных качеств будущих специалистов социально-культурной сферы;

2) охарактеризовать условия формирования профессионально-важных качеств будущих специалистов в цифровой среде вуза культуры;

3) сделать вывод о роли методологии, в используемых преподавателем современных педагогических подходах и влиянии педагогического проектирования в процессе формирования профессионально-важных качеств будущих специалистов социально-культурной сферы, в условиях цифрового образования.

В этой связи, в результате анализа научно-педагогической литературы была выявлена сущность понятий: "педагогическое проектирование", "акмеологический подход", "эдукология", "профессионально-важные качества".

Теоретической базой исследования послужили научные публикации: психолога-педагога, известно отечественного ученого А.Н. Леонтьева; педагогов-ученых в области методологии и технологии профессионального образования: А.Д. Гонеева, А.О. Кошелевой; педагога-ученого в области социального воспитания и практики социально-культурной деятельности М.В. Мартыновой; ученого-специалиста в области применения современных информационно-коммуникационных технологий в образовании А.А. Фасоли; педагога-методиста по вопросам патриотического воспитания молодежи А. С. Фоминой.

Практическая значимость исследования заключается в применении педагогического проектирования, на основе акмеологического подхода в подготовке будущих специалистов социально-культурной сферы, в цифровой среде вуза культуры, в условиях которой осуществляется формирование профессионально-важных качеств личности.

Основная часть

Одним из важнейших условий экономического роста страны и повышения уровня жизни, динамичного развития разных отраслей экономики, образовательных организаций, социокультурной сферы является инновационная деятельность в условиях цифрового общества. Она направлена на введение новых идей, методов, технологий, методик, обеспечивающих качество продукции, интеллектуального продукта, качество жизни, конкурентоспособность предприятий и образовательных организаций. Учитывая то, что инновации в высшем образовании, как известно, являются одним из решающих факторов успеха любого вуза или кафедры, образовательной деятельности, в целом, констатируем, что педагогические инновации характерны и для процесса формирования профессионально-важных качеств (ПВК) у будущих специалистов. Об этом свидетельствуют не только многочисленные научные публикации и монографии, но и практика, опыт преподавателей вузов [2]. Внедрению инноваций в образовательный процесс вуза культуры предшествует большая работа всего педагогического коллектива. Это и изучение прежнего опыта коллег, и информационный анализ по теме, педагогическая оценка предложенной преподавателем инновации в обучении, воспитании студентов, поисковые исследования, инновационные материаловедческие или культурологические разработки, планирование этапов внедрения того или иного метода работы с талантливой студенческой молодежью, педагогическое проектирование, без которого трудно представить продвижение инновации [2].

Актуальность педагогического проектирования связана с проблемами композиционного построения образовательного процесса в вузе, в плане обновления подходов к формированию ПВК у будущих специалистов социально-культурной сферы, в условиях цифрового образования. Это становится понятным, если обратиться к Национальному проекту "Образование" (2019-2024 гг.), направленному на достижение национальной цели Российской Федерации – обеспечение самореализации и развития талантов у молодежи, развитие профессиональной ориентации. Акцентируем внимание на том, что реализация Национального проекта "Образование" происходит в условиях цифрового общества. Следовательно, обучение и воспитание студентов, технологии, методы и формы, средства должны соответствовать требованиям времени, поставленным перед педагогами задачам, на современном этапе развития высшего образования в стране.

"Новая цифровая эпоха создает новые формы работы с моделями, обеспечивает тренажерную подготовку при овладении будущими специалистами профессиональными компетенциями. Каждая из этих форм привносит в обучение свою профессионально ориентированную атмосферу" [2, с.102]. В связи с этим усиливается роль педагогического проектирования формирования ПВК у будущих специалистов социально-культурной сферы, методо-

логической основой которого являются аксиологический, деятельностный, акмеологический подходы [1,2,4,6]. Остановимся более подробно на акмеологическом подходе, понимая, что применение методологии способно помочь преподавателям расширить представление о формировании ПВК студентов вузов культуры, еще более убедить практиков высшего образования в необходимости поиска педагогических инноваций в условиях цифрового образования. Следовательно, в используемых преподавателем подходах (акмеологическом и других), к формированию ПВК личности, в условиях цифрового образования, необходимы изменения, связанные с внедрением педагогических инноваций [2]. Это обосновано тем, что набор ПВК, специалистов социально-культурной сферы дополняется новыми качествами, такими как социальная ответственность, патриотизм, грамотность в выражении своих мыслей, изобретательность и мобильность, настойчивость в достижении целей и реализации своей творческой идеи, креативность, высокоразвитое воображение специалиста. Отметим, что высокоразвитое воображение специалиста всегда опирается на совокупность логического, наглядного, теоретического и пространственного мышления, а это свидетельствует о системном мышлении личности [2]. О мышлении и других психических процессах, связанных с пониманием сущности выбранной профессии, формированием ПВК личности, много научных трудов написано российскими учеными (А.Н. Леонтьев и др.) [3].

Отечественные философы отдали дань искусству и проблемам развития социально-культурной сферы в своих монографиях, концепциях (теория диалога М.М. Бахтина, идеи о связи науки, познания и обучения Э.Ф. Звездкиной, В.П. Кохановского и др.). Музыканты-педагоги Д.Б. Кабалевский (концепция воспитания музыкальной культуры), Д.К. Кирнарская (концепция структурирования музыкального образования), А.В. Малинковская (педагогика музыкального образования) не только указывали на ценность научно-художественных знаний для специалиста социально-культурной сферы, но и утверждали в своих статьях статус этих знаний в мире науки [4].

Ученые в области методологии и технологии профессионального образования А.Д. Гонеев, А.О. Кошелева раскрывают на страницах монографии идеи деятельностно-ценностного подхода в формировании ПВК личности, который тесно переплетается с акмеологическим подходом в подготовке будущих специалистов в вузе [2]. Технологии разрешения проблем педагогического проектирования формирования ПВК, у студентов вузов культуры, предлагают коллегам, в своих научных публикациях, опытные преподаватели-ученые М.В. Мартынова, Г.В. Якушкина и др. [4, 6].

Однако мало публикаций, в которых было бы отмечено, что все элементы спектра процесса формирования ПВК в образовательном процессе вуза в настоящее время сопряжены с использованием цифровых технологий [5]. Условия цифрового образования предполагают необходимость разработки педагогических инноваций в преподавании дисциплин в вузе культуры. Но не менее важно понимать, что нужны инновационные методики в формировании ПВК у будущих специалистов, которые будут внедряться методически и технологически, а, главное, педагогически, правильно, на основе педагогического проектирования. Значит, фундамент знаний и умений профильного характера будущего специалиста, получившего высшее образование, должен быть дополнен творческим, креативным мышлением, а у выпускника вуза культуры должны быть сформированы ПВК.

Формирование ПВК у студентов вуза культуры является системным процессом, требующим педагогического проектирования. Он может быть организован преподавателями разными путями: с помощью различных творческих проектов, специально разработанных авторских программ, воспитательных схем и др. Вместе с тем, поясним, что существует некая общность или несколько необходимых условий, в реализации подобного процесса в практике цифрового образования. Первое, что следует учесть, это то, что студентов необходимо включать в усложняющуюся и разнообразную по содержанию и типам решаемых задач воспитательную деятельность (с сокурсниками, студентами других вузов, школьниками и молодежью, волонтерами, ветеранами войны и труда и др.). При выполнении этого условия будет сформирован и деятельный патриотизм, необходимый специалистам социально-культурной сферы [4, 6]. Второе условие педагогического проектирования формирования ПВК заключается в том, чтобы со стороны педагогов был учет индивидуального развития личности студента, его интересов и мотивов, а при необходимости, осуществление педагогической коррекции (беседа, убеждение, приведение примеров из жизни, психологическая поддержка и др.). Третье условие заключается в следующем: необходимо учитывать, что каждая изучаемая сту-

дентом дисциплина ориентирует его на профессионально-творческое развитие, а значит, в результате ее изучения должны быть сформированы ПВК. Преподавателям необходимо организовывать со студентами "сквозную" творческую работу (имеется в виду, при изучении всех дисциплин). "Погружать" обучающихся в профессионально-творческую среду, привлекая к участию в различных воспитательных мероприятиях, концертах, флешмобах, викторинах, предлагать им работать в профессионально-творческих группах, креативных мастерских (вокальных, инструментальных, художественных, литературных и др.). При этом нужно понимать значимость многовекторной цифровой среды, используемой в целях формирования ПВК у студентов вуза культуры.

Опираясь на анализ научной литературы, отметим, что в условиях традиционного образовательного процесса реализуются условия, которые можно назвать исчерпывающими, а задачи, которые решаются в рамках изучения программ по специальностям, – имеющими, как правило, единственное решение [2,3]. А вот для инновационного образовательного процесса характерны те задачи, которые имеют много векторов решения. Тем более что студенты современных вузов культуры, в условиях цифрового образования способны на поиск вариативности в принятии решения, поиск способа конструирования, создания нового творческого "продукта" (фильм, картина, коллаж, устный журнал, тематический вечер, фотовыставка, вокальное приветствие и др.). Следовательно, осуществляя педагогическое проектирование ПВК будущих специалистов, преподавателю вуза культуры следует учитывать, что необходимо сознательное управление творческими процессами, в том числе, и со стороны личности студента. Важнейшими процессами для анализа педагогом являются мотивация и самосовершенствование обучающегося, в процессе формирования ПВК [3]. Некоторые ученые и практики считают, что практическая реализация педагогического проектирования формирования ПВК является проблематичной, а многоаспектность данного процесса требует введения в вузе факультативов, теоретико-методологических семинаров, спецкурсов по каждой конкретной программе, отражающей специфику области будущей профессиональной деятельности ("Психология творчества", "Компьютерное моделирование" и др.) (А. А. Сухорукова и др.) [2].

По всей видимости, программы всевозможных факультативов и кружков, утвержденные на кафедре вуза, по изучаемым студентами дисциплинам, должны формировать ПВК у будущих специалистов, с помощью "сквозной цепи", с учетом воспитательных задач и профессионально-творческих целей, поставленных в рамках изучаемых дисциплин. Осуществляется это в условиях цифрового образования, а, значит, требует от преподавателя знаний в области современных информационно-коммуникационных технологий в образовании [5]. Вместе с тем, "педагогам важно учитывать, что студент желает получить образовательный продукт быстро, в качественном представлении с актуальным содержанием, востребованным в его ближайшей профессиональной деятельности.... у современного поколения студентов большая часть информации без ее визуализации и интуитивности преподнесения блокируется информационным иммунитетом" [2, с. 93]. Это еще больше усиливает роль педагогического проектирования в формировании ПВК у будущих специалистов, с учетом цифрового образования.

Одной из сложных задач для коллективов вузов культуры является эффективное использование мультимедийного контекста мультисенсорной интерактивной среды [5].

Это обосновано популяризацией традиций российской культуры (народный вокал, фольклорный танец и др.), нравственных и семейных ценностей в информационном пространстве вуза культуры. Цифровая образовательная среда должна помогать в решении вопросов повышения социальной мобильности студентов, а также в концентрации их внимания на принципах и условиях здорового образа жизни, способствовать преодолению личностью вредных привычек. Большие возможности использования цифровой среды вуза и для организации профилактической работы против наркомании, алкоголизма, курения, других асоциальных явлений. Отметим, что одним из важных качеств для специалистов социально-культурной сферы является рефлексивная компетентность. Это умение эффективно рефлексировать, обеспечивая результативность в процессе участия в каком-либо мероприятии, реализовывать творческий подход при выполнении задания, проекта, создания творческого продукта и др. Акмеологический подход, применяемый преподавателем в обучении и воспитании личности, позволяет утверждать, что наблюдается прямая связь рефлексивной компетентности студента социально-культурной сферы с достижением результатов [2,6]. Таким образом, выявляется еще одно необхо-

димое условие в формировании ПВК у будущих специалистов социально-культурной сферы: организация рефлексивной среды в вузе.

При понимании задач такой рефлексивной среды преподаватель сможет успешно проводить со студентами "круглый стол", мастер-классы, обмен опытом патриотической и волонтерской работы, коллективное взаимодействие студентов и преподавателей при принятии решения по проведению серии воспитательных мероприятий и др.

Поскольку педагогическое моделирование основано на информационном взаимодействии преподавателя и студентов, при использовании цифровых технологий обеспечивается мобильность и эффективность, вариативность, коллегиальность в разработке сценариев, воспитательных проектов, планирование разноплановых мероприятий (патриотического, духовно-нравственного, этического характера) и др. [1, 5,6].

Следует отметить, что в материалах сборников Всероссийских научно-практических конференций, изданных за последние три года, во многих статьях раскрыты современные методы и формы патриотического и духовного воспитания молодежи и студентов [1]. Они вполне могут быть востребованы преподавателями при организации воспитательной работы со студентами вуза культуры, имеющей своей целью всестороннее развитие личности будущего специалиста.

Вместе с тем, "выйти" на продуктивный уровень в решении поставленных воспитательных задач возможно, лишь при проведении преподавателем глубокого анализа уже используемых, в педагогической деятельности методов, форм, средств и технологий. Необходимо помнить об особенностях их применения в настоящее время, и инновациях в педагогике, которые стали необходимы, в связи с переходом на цифровое образование. Например, использование преподавателями мультимедиа (база слайдовых материалов, фильмов, исторических обзоров, страничек о культуре и искусстве, традициях народов страны и др.) в формировании ПВК студентов социально-культурной сферы. Информационный контент, специально созданный для формирования ПВК, обеспечит улучшение восприятия, будущими специалистами, профессиональных аспектов, поможет осмыслить проблемы, характерные для социально-культурной сферы деятельности (менеджмент, библиотечное дело, хоровое пение и др.). Важным аспектом в процессе формирования ПВК у студентов вузов культуры является мотивационно-эмоциональный фактор. Необходимо обеспечить эффективность не только освоения учебного материала дисциплин, но и повысить уровень мотивации студентов к проявлению своих личностных, творческих качеств, в том числе, используя цифровые образовательные технологии, которые позволяют изучить и проанализировать опыт формирования ПВК в вузах страны, представленный в фотоальбомах, выставках, творческих отчетах, сборниках научных трудов и др.

В условиях цифрового образования, для студентов вуза культуры становится еще более доступной информация из профессиональной сферы (коллекции народного пения, фонотеки, электронные исторические обзоры, виртуальные литературные гостиные и др.), которая позволяет студентам нацелиться на определение собственных задач в плане самообразования. Проблемами самообразования занимается наука эдукология.

Самообразование будущих специалистов социокультурной сферы понимается как деятельность преподавателей вуза, направленная на совершенствование и формирование ПВК личности. Сам процесс самообразования, наряду с педагогическим проектированием, имеющим своей целью формирование ПВК, как правило, сопровождается формированием профессиональной мотивации. Если студент вуза культуры прикладывает большие усилия к самосовершенствованию в период обучения, то это обеспечивает ему высокую значимость и ценность результата в практической деятельности. Будущему специалисту нужно дать самооценку своих способностей в реальных профессиональных условиях (практика, стажировка, "проба пера", пробные концерты и мероприятия, презентации вокального творчества и народного танца, патриотические флешмобы), с помощью преподавателя понять, какие ПВК требуют формирования.

Таким образом, социальный заказ к подготовке специалистов социально-культурной сферы заключается в: организации образовательной цифровой среды, в которой формируется творческая саморазвивающаяся личность будущего специалиста, способная как приобрести необходимые знания, умения, навыки и компетенции по выбранной специальности, так и профессионально-важные качества.

Заключение

По результатам исследования сформулированы следующие *выводы*:

1. Понимая ПВК студента вуза культуры как индивидуальные свойства субъекта социально-культурной деятельности, которые необходимы для реализации этой деятельности на требуемом государством и обществом заданном уровне, в преподавательской деятельности следует уделить особое внимание акмеологическому подходу, направленному на самосовершенствование личности, с целью повышения ее мотивации к формированию ПВК и творческому развитию.

2. Педагогическое проектирование выступает в условиях цифрового образования как ведущая функция преподавателя вуза, не менее значимая, чем организационная или коммуникативная. Требует от преподавателя глубокого знания традиционных методов, форм, средств обучения и воспитания, но вместе с тем, ориентирует на разработку и внедрение, в практику вуза, инновационных подходов и технологий, технологических и педагогических средств.

3. Совокупность условий цифрового образования должна обеспечивать подготовку высококвалифицированных специалистов социально-культурной сферы. Преподаватели вузов, опираясь на современные педагогические подходы, педагогическое проектирование, развивают мотивацию студентов к формированию профессионально-важных качеств, с учетом того, что культурные, духовные, личные, общественные потребности порождают их активность в образовательной среде.

Литература:

1. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / главный редактор Л.П. Кураков. – Чебоксары : ЧГИКИ, 2020. – 376 с. – ISBN 978-5-9903572-0-4.
2. Кошелева А.О. Деятельностно-ценностный подход в цифровом образовании / А.О. Кошелева, А.Д. Гонеев, А.А. Сухорукова; под общ. ред. А.О. Кошелевой. – Курск: Учитель, 2019. – 168 с.
3. Леонтьев А. Н. О предмете психологии личности. – М., 1983. – С. 384 – 385.
4. Мартынова М.В., Солнцев М.Н. Методы социального воспитания в теории и практике социально-культурной деятельности: история и современность // Современный ученый. – 2019. – № 6. – С. 121-130.
5. Фасоля А.А., Калищук С.А. Конвергенция современных информационно-коммуникационных технологий в образовании // Мир образования – образование в мире. – 2017. – № 3. – С. 196-200.
6. Фомина А.С. Культурно-досуговая деятельность как форма взаимодействия учреждений культуры и общественных организаций в патриотическом воспитании подростков // Искусство и образование. – 2020. – № 1. – С. 124-131.

IMPLEMENTATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS THROUGH DISTANCE LEARNING *

Solovieva Svetlana Igorevna, *PhD of Pedagogical sciences, Senior Lecturer*

Shayakhmetova Linara Airatovna, *PhD of Philosophical sciences, Senior Lecturer*

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm

The article is devoted to the consideration of the advantages and disadvantages of distance learning, including in the field of vocational education. The authors analyzed the pedagogical conditions and pedagogical technologies of student-centered learning in a distance format, updated the main ways to overcome problems in modern education associated with the lack of full-time education in the interaction between students and the teacher. The article discusses and substantiates the effectiveness of the implementation of vocational education within the framework of distance learning through the online format in the educational space: advantages and disadvantages. It is concluded that distance learning is a process in all spheres of society, and especially in the field of education. ***As a result*** *of a sociological survey among respondents, it was revealed that the development of distance learning technology is one of the ways to develop the education system as a whole, since it is a constructive solution to the urgent task of expanding the variety of forms of the educational process.*

Keywords: *distance learning; advantages and disadvantages of distance learning; vocational education; competence-based approach; project activities*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.54

* The article was prepared as part of the implementation of state assignment No. 07-00080-21-02 dated 18.08.2021. (registry entry number No. 730000F.99.1) with the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "Research of the formation and scientific and methodological support of digital formats of additional education, organization of project and research activities of students."

УДК 37.01:130.2
ВАК РФ 5.8.7

© Соловьева С.И., 2022
© Шаяхметова Л.А., 2022

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПОСРЕДСТВОМ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ **

Статья посвящена рассмотрению преимуществ и недостатков дистанционной формы обучения, в том числе в сфере профессионального образования. Авторами проанализированы педагогические условия и педагогические технологии личностно-ориентированного обучения при дистанционном формате, актуализированы основные пути преодоления проблем в современном образовании, связанных с отсутствием в очной форме обучения при взаимодействии между учащимися и преподавателем. В статье рассматривается и обосновывается эффективность реализации профессионального образования в рамках дистанционной формы обучения посредством онлайн формата в образовательном пространстве: преимущества и недостатки. Сделан вывод о том, что дистанционная форма обучения - это процесс во всех сферах жизни общества, и особенно в сфере образования. В результате социологического опроса среди респондентов выявлено, что развитие технологии дистанционного обучения является одним из путей развития системы образования в целом, поскольку является конструктивным решением актуальной задачи по расширению многообразия форм образовательного процесса.

Ключевые слова: *дистанционное обучение; преимущества и недостатки дистанционного обучения; профессиональное образование; компетентностный подход; проектная деятельность; педагог.*

Введение

Обсуждение возможностей дистанционной формы обучения – одна из наиболее актуальных тем современной педагогической науки. Дистанционное обучение рассматривалось в качестве одной из инновационных форм образовательного процесса и до пандемии, но в 2019 году возникла необходимость срочного внедрения технологий дистанционного обучения [10], в связи с чем участники образовательного процесса столкнулись с рядом проблем организационного, технологического, психологического характера [3]. Несомненно, что использование дистанционных технологий дает массу преимуществ современной системе образования, но полный переход на удаленное обучение требует от педагогов особых навыков для того, чтобы обеспечить вовлеченность учащихся в учебный процесс, заинтересовать их, сформировать мотивацию для глубокой самостоятельной работы. Очень важно помочь учащимся преодолеть новые трудности, связанные с изменением формата обучения, с необходимостью развития на новом уровне навыков самоорганизации, в условиях отсутствия личного взаимодействия с преподавателем [12].

Современное состояние модернизации образовательного процесса в системе образования России определяет важность изучения вектора перспективы в образовательном пространстве посредством дистанционного формата обучения в рамках научного и практического интереса, направленного на формирование нового поколения студентов-выпускников, готового успешно отвечать вызовам социума. Целью статьи стало теоретическое обоснование и определение базовых аспектов развития дистанционной формы обучения, проведение социологического опроса среди респондентов ФГБОУ ВО "Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет". Цель исследования структурировала следующие

СОЛОВЬЕВА Светлана Игоревна, *кандидат педагогических наук, ст. преподаватель*

ШАЯХМЕТОВА Линара Айратовна, *кандидат философских наук, ст. преподаватель*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 07-00080-21-02 от 18.08.2021г. (номер реестровой записи №730000Ф.99.1) с Министерством просвещения Российской Федерации по теме "Исследование становления и научно-методическое сопровождение цифровых форматов дополнительного образования, организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся".

задачи: 1) определить на теоретико-методологическом основании исследования проблемы эффективности применения дистанционной формы обучения посредством базовых аспектов развития; 2) уточнить и выявить основные блоки проблем(ы); 3) представить ретроспективу в образовательном контенте – цифровая образовательная технология; 4) теоретически обосновать пути совершенствования дистанционного образования для получения непрерывного образования; 5) выявить и экспериментально проверить реализацию образовательного процесса посредством дистанционной формы обучения у респондентов ФГБОУ ВО "Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет".

Для осмысления раскрытия проблемы исследования, в статье применяются следующие *методы научного исследования*: наблюдение, измерение.

Теоретической базой исследования послужили работы по теории дистанционной формы обучения (А.А. Давлетова, О.А. Алексеев, Л.В. Кузьмина, Н.В. Наумова, М.Г. Окоютова, Н.А. Баишева, Д.В. Новоселов, Д.В. Новоселова, Е.В. Петрова, Д.А. Смогоржевский, В.Л. Шатуновский, Е.А. Шатуновская, Э.И. Шафеева, J. Habermas); проблемам развития образования (Н.Л. Габриель, И.А. Зимняя, Е.В. Леонова); нормативный документ (Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 14.03.2020 № 397 "Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации").

Практическая значимость в представленной статье заключается в положительном результате оценивания дистанционной формы обучения респондентами в образовательном пространстве ФГБОУ ВО "Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет" и открытии перспектив дальнейшей работы со студентами в учебном процессе.

Основная часть

Дистанционное образование имеет философско-социальные корни, их мы в первую очередь наблюдаем в теории коммуникаций. Одним из составляющих для теории коммуникации является концепция коммуникативной рациональности и коммуникативного действия Ю. Хабермаса. В данной концепции акцентируется внимание на взаимоотношение между субъектами коммуникации и информационной средой. Центральное место концепции занимает аспект коммуникативного действия, теория речевого действия. Речевое действие по определению философа – это акт, посредством которого говорящий хочет договориться с другим относительно чего-либо [14]. Концепция коммуникации системы исходит в первую очередь из взаимопонимания: "Взаимопонимание транслируется как необходимость и неизбежность коммуникативной рациональности; коммуникативную рациональность с точки зрения формальной прагматики можно трактовать как совокупность структур, позволяющих прийти к взаимопониманию" [14]. В этом контексте на первое место выходит отношение действующего лица студента и преподавателя к миру цифровой образовательной среды и дистанционному образованию, как процессуальной части данного аспекта.

Коммуникативное понимание дистанционного образования приводит к необходимости использования гуманистических цифровых практик. Гуманистические цифровые практики нацелены на техническую и содержательную открытость, доступность дистанционного образования. Здесь нужно отметить, что открытости и доступности способствуют существующие цифровые образовательные платформы, различные конструкторы образовательных результатов.

Дистанционное образование с точки зрения гуманистического подхода имеет ряд преимуществ, одно из них, как не парадоксально – это отдаленность преподавателя и ученика, студента. В последние десятилетия жизнь школьников и студентов тесно связанна с техногенной средой. Общения и трансляция информации на расстоянии с помощью соцсетей – привычный процесс, таким образом дистанционный образовательный процесс становится более психологически комфортной практикой для обучающихся. Отдаленность преподавателя так же может мотивировать некоторых студентов с проблемами коммуникации вступать в активное образовательное взаимодействие.

Дистанционное образование требует формирование экологической среды информационного пространства. При этом мы должны исходить из того, что дистанционное образование в системе цифрового пространства может представлять из себя конгломерат коммуникативных специфик жизнедеятельности. Кроме того, мы понимаем процесс дистанци-

онного образования как процесс социокультурный и экономический. Так как в рамках расширенной системы открытого образования к процессу могут присоединиться люди разных культур, а образовательный продукт, например, онлайн занятие или онлайн лекция возможно монетизировать.

Экология дистанционного образования зиждется на разнообразных условиях существования информации, личности и общества. С этого ракурса дистанционное образование необходимо выстраивать в контексте социогуманитарной практики с возможностью делать акцент на личностные и общественные взаимосвязи человека с окружающей информационной средой, а также на его межгрупповые и межличностные информационные взаимодействия [9].

Таким образом коммуникативный и экологический подход к дистанционному образованию позволяет осуществлять работу в рамках интернациональной концепции. Интернациональная концепция исследует коммуникацию как сложную систему поэтапного взаимодействия, обособленная аттракторами, рядом обстоятельств

В настоящее время не выработано общепризнанного определения дистанционного обучения. Большинство авторов сходятся во мнении, что дистанционное обучение – это учебный процесс, который предполагает организацию взаимодействия преподавателя и обучающихся посредством электронных каналов передачи данных (через Интернет) [13]. Л.В. Кузьмина подчеркивает, что дистанционное обучение включает все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения), но реализуется специфичными средствами интернет-технологий. Общение преподавателей с обучающимися также возможно при помощи телекоммуникационных технологий [5].

Таким образом, дистанционное обучение, как и любой учебный процесс, нацелено на развитие активной познавательной деятельности учащихся, но без непосредственного контакта с преподавателем. Специфика данной формы учебного процесса заключается в том, для организации обучения требуется подготовка учебных, методических и контрольных материалов в специальной электронной форме. Такие материалы должны помочь учащимся:

– понять теоретические основы изучаемой дисциплины;

– усвоить основные методы решения задач;

– провести самоконтроль;

– обеспечить возможность самооценки [8].

Эксперты отмечают, что дистанционное обучение имеет ряд особых преимуществ при получении высшего образования, для обучающихся, имеющих высокий уровень самоорганизации (свободный график, экономичность, широкие возможности обучения для студентов из разных регионов). Можно говорить о преимуществах данной формы обучения в целом, в том числе и для учащихся начального и общего образования [11].

Однако в условиях резкого перехода на дистанционное обучение, связанного с ухудшением эпидемиологической обстановки, на практике были выявлены основные недостатки данной формы обучения (табл.).

Таблица – **Преимущества и недостатки дистанционной формы обучения**

преимущества дистанционного обучения		**недостатки дистанционного обучения**
Организационные	- экономичность (экономия денег на дорогу, обед); - возможность выбрать удобное время для изучения учебного материала и прохождения контрольных мероприятий; - увеличение свободного времени, в связи с отсутствием необходимости тратить время на проезд до учебного заведения; - широкие возможности для обучения в индивидуальном формате; - повышение гибкости учебного процесса.	- зависимость от качества интернет - соединения; - высокая стоимость информационно-коммуникационной инфраструктуры.
Методические	- возможность расширить спектр интерактивных форм обучения; - широкие возможности для развития навыков работы на компьютере.	- повышение трудозатрат преподавателей на разработку новых методических и учебных материалов; - отсутствие адекватной системы контроля и оценки знаний; - отсутствие единых способов получения и передачи заданий; - формализация обучения.
Психологические	- повышение комфортности обучения (в домашних условиях); - увеличение времени для общения с родственниками.	-необходимость самоорганизации; -отсутствие непосредственного контакта с преподавателем, отсутствие живой обратной связи в учебном процессе - отсутствие среды для развития коммуникативных навыков.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, преимущества, с точки зрения обучающихся, заключаются во внеучебных компонентах (оценка дается

на май 2020 года) [1]. Например, большинство опрошенных выделяют в качестве преимущества повышение экономичности обучения, сокращение времени и затрат на дорогу. Часть опрошенных отмечают повышение навыков самоорганизации и развитие персонифицированных форм обучения. В то же время большинство респондентов отмечают, что снижается качество учебного процесса, возрастает потребность в живой коммуникации, обсуждении учебного материала, в дискуссиях с преподавателем. Таким образом, практика показывает, что для обучающихся дистанционное обучение представляет некоторую трудность, но в то же время включает в себя ряд плюсов.

В условиях широкого распространения новой коронавирусной инфекции необходимо искать пути совершенствования дистанционной формы обучения. Необходимы новые инструменты, которые помогут компенсировать негативные факторы. С нашей точки зрения, технические, методические и психологические препятствия, выявленные к настоящему времени, не являются принципиальными и могут быть преодолены. Для многих преподавателей данная форма обучения оказалась совершенно новой, но сейчас мы уже можем говорить о том, что был выработан положительный опыт, накоплены позитивные примеры в области мотивации студентов, возможности заинтересовать их и активно вовлечь в учебный процесс, несмотря на отсутствие непосредственного контакта.

Отдельного рассмотрения требует применение технологий дистанционного обучения в педагогическом пространстве. По мнению ряда авторов, использование электронного обучения является эффективным методом и для учащихся учреждений среднего профессионального образования. "Дистанционное обучение может научить студентов навыкам и компетенциям развития профессиональных навыков, таких как умение самостоятельно учиться, умение планировать и организовывать, навыкам тайм-менеджмента, умению решать проблемы, брать на себя ответственность, быть творческим и инициативным", – отмечается в работе Н.В. Наумовой [7].

Здесь следует отдельно рассмотреть профессиональные дисциплины, требующие совершенствования практических навыков обучающихся, что возможно только в ходе очного обучения. С нашей точки зрения, для эффективной организации учебного процесса в рамках образовательного пространства, для передачи специфических умений и навыков, которые приобретаются исключительно в процессе общения с преподавателем, необходимо выстроить учебный процесс таким образом, чтобы максимальный объем теоретического материала был изучен в рамках дистанционного обучения.

Как уже было отмечено, несмотря на чрезвычайные ситуации в мире, в частности эпидемические, особое место в современной системе образования занимает ориентация на результат познавательной деятельности, с учетом поиска эффективных форм обучения. Вместе с тем не следует забывать, что понимание результата образования зависит от той парадигмы, в рамках которой он рассматривается, а именно, в современных условиях, компетентностно-деятельностного подхода. Понятие "компетенция" выступило "в качестве общего определения-интегрального социально-личностно-поведенческого феномена как результата образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих…" [4].

Компетентность специалиста предполагает не только наличие профессиональных знаний, умений и навыков, но и способность и готовность реализовывать знания, опыт, личностные качества в профессиональной и социальной сфере. По мнению ряда специалистов, "попытка внедрения компетентностного подхода на основе репродуктивных методов обучения обречена на провал, поскольку компетенции могут быть сформированы только как результат вовлеченности студента в образовательный процесс" [6].

Компетентностный подход при овладении научным мировоззрением предполагает единый алгоритм к формированию общекультурных и профессиональных компетенций, междисциплинарное и наддисциплинарное построение дисциплин, а также использование инновационных образовательных технологий. Поставленные задачи успешно реализуются в разных форматах образовательной деятельности.

Важную роль в решении задачи формирования общекультурных и профессиональных компетенций в педагогическом пространстве играют дисциплины социально-гуманитарного цикла. Синтез гуманитарных наук позволяет сформировать научное понимание картины мира, а именно обусловленности исторических событий, деятельности исторических личностей, научных концепций и как итог, общественной парадигмы, в целом.

Реализация образовательного процесса посредством дистанционной формы обучения в эпоху информационных технологий является ключевой. Вместе с тем хотелось бы отметить, что, несмотря на актуальность данной формы обучения, негативные стороны её проявления вполне очевидны, что требует дальнейшего более детального теоретико-методологического осмысления [2].

Достижение данных целей и задач не исключает использование в сфере образования, помимо традиционных форм обучения и других, в частности, дистанционного, но с позиции рационального подхода и пользы его в образовательном пространстве.

Для понимания общей картины отношения к дистанционному образованию нами был разработан опрос для студентов ФГБОУ ВО "Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет", цель которого: выявить общую картину отношения к дистанционному образованию в среде будущих педагогов. Задачи опроса предполагают: 1) выявить основные тенденцию взгляда на массовое дистанционное образование; 2) обозначить проблемы, с которыми столкнулись обучающиеся в практике применения дистанционного образования; 3) выявить значимые положительные стороны дистанционного процесса; 4) сформулировать основные пожелания на пути совершенствования дистанционного образования.

Примеры вопросов:

1) Выберите утверждение, с которым Вы согласны.

А. Дистанционное образование – необходимость времени, от него никуда не деться.

Б. Дистанционное образование может занимать только определенную часть процесса получения знания, его значимость не стоит преувеличивать.

В. Дистанционное образование – временное явление, в ближайшее время будет не актуально.

2) Выберите утверждение, с которым Вы согласны.

А. Дистанционный формат дает возможность получить качественное образование.

Б. Дистанционное образование может быть качественным, но в условиях современных реалии скорее уступает качеству традиционного образования.

В. Дистанционное образование абсолютно уступает по качеству традиционному формату образовательного процесса.

3) Выберите утверждение, с которым Вы согласны.

А. От дистанционного образования нужно отказываться.

Б. Дистанционное образование требует большой методологической доработки и только тогда может продолжить свое существование.

В. Дистанционное образование можно совершенствовать, но в современном виде оно вполне оправдывает свое существование.

4) Выберите тип проблем, с которыми вы столкнулись в собственном опыте дистанционного образования

А. Технические проблемы: низкая скорость Интернета, недостаточное качество цифровых площадок.

Б. Экономические проблемы: отсутствие возможности оплаты и подключения цифрового контента.

В. Организационные проблемы: сложности с нахождением времени, места и условия для организации занятия.

Г. Когнитивные проблемы: сложности с пониманием материала, выполнением заданий.

Д. Экзистенциальные: повышенная тревожность из-за отсутствия живого контакта преподавателем и сокурсниками, одноклассниками.

5) Какой тип проблем Вы считаете, нужно устранять в первую очередь в глобальном масштабе.

А. Технические проблемы: низкая скорость Интернета, недостаточное качество цифровых площадок.

Б. Экономические проблемы: отсутствие возможности оплаты и подключения цифрового контента.

В. Организационные проблемы: сложности с нахождением времени, места и условия для организации занятия.

Г. Когнитивные проблемы: сложности с пониманием материала, выполнением заданий.

Д. Экзистенциальные: повышенная тревожность из-за отсутствия живого контакта преподавателем и сокурсниками, одноклассниками.

6) Выберите значимые для Вас положительные стороны дистанционного образования.

А. Возможность получать образовательный контент любом доступном месте и времени.

Б. Возможность быть на связи с преподавателем 24/7.

В. Возможность удобно организовывать и планировать свое рабочее время.

Г. Отсутствие психологического напряжения, связанного с повышенной тревожностью нахождения в общественных местах.

Д. Возможность не выпадать из образовательного процесса даже во время болезни.

В исследование приняли участие 92 человека – студенты факультетов физического вос-

питания, естественнонаучного факультета, исторического факультета, факультета педагогики и психологии детства, факультета правового и социально-педагогического образования, факультета иностранных языков со второго по пятые курсы.

При ответе на первый вопрос (рис. 1) 33,7% опрошенных считают, что дистанционное образование может занимать только определенную часть процесса получения знания, его значимость не стоит преувеличивать, большинство – 63% выбрали позицию – дистанционное образование– необходимость времени, от него никуда не деться. Позицию о том, что дистанционное образование – временное явление, в ближайшее время будет не актуально не выбрал никто. Такие показатели говорят нам, что большинство студентов признают и понимают важность и необходимость дистанционного формата обучения.

Рисунок 1 – **Интерпретация результатов опроса респондентов на первый вопрос анкетирования**

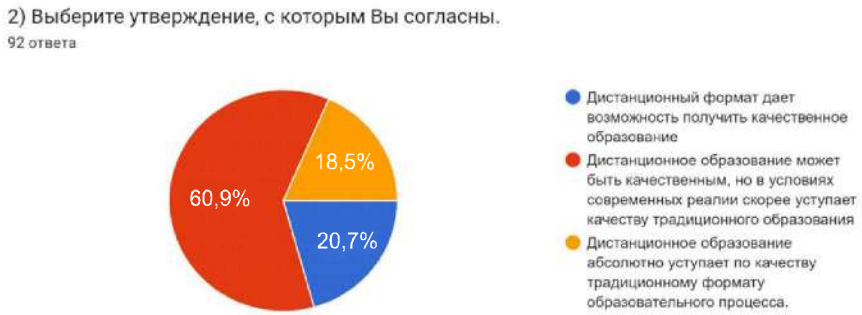

Рисунок 2 – **Интерпретация результатов опроса респондентов на второй вопрос анкетирования**

Рисунок 2 демонстрирует следующие данные: большинство опрашиваемых 60,9% проголосовали за тезис, о том, что дистанционное образование может быть качественным, но в условиях современных реалии скорее уступает качеству традиционного образования. Почти поровну разделились мнения о том, что дистанционное образование дает возможность получить качественное образование и что оно абсолютно уступает по качеству традиционному формату образовательного процесса.

Рисунок 3 – **Интерпретация результатов опроса респондентов на третий вопрос анкетирования**

47,8% опрошенных считают, что дистанционное образование требует большой методологической доработки; 38% – говорят о возможности совершенствования дистанционного формата и его актуальности современному миру. 14,1% – считают, что от дистанционного формата необходимо отказаться.

Четвертый вопрос анкетирования отражен в виде диаграммы на рисунке 4.

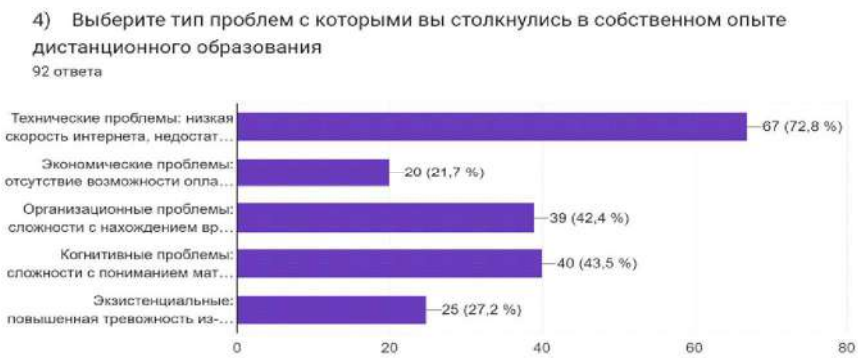

Рисунок 4 – **Результаты опроса на четвертый вопрос анкетирования респондентов**

Большая часть опрошенных – 67% говорят, о том, что столкнулись в своей практике дистанционного образования с техническими проблемами, 20% отмечают проблемы с экономической составляющей, 39% отмечают организационные проблемы, 40% с когнитивными, 25% – с экзистенциальными соответственно.

На рисунке 5, представленной в виде диаграммы, отражены результаты опроса на пятый вопрос.

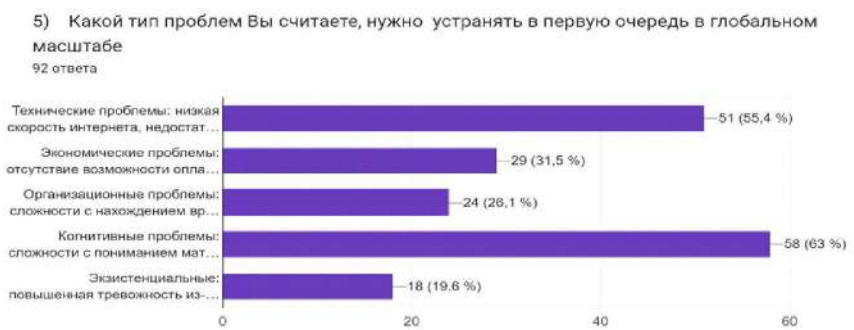

Рисунок 5 – **Результаты опроса на пятый вопрос анкетирования респондентов**

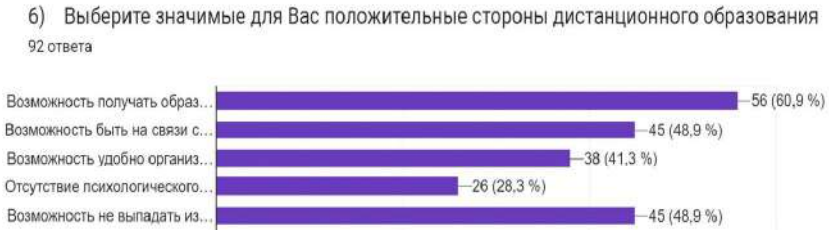

Рисунок 6 – **Результаты опроса на шестой вопрос анкетирования респондентов**

В первую очередь, по мнению большинства, должны быть решены технические проблемы и когнитивные проблемы, связанные со сложностями понимания материала, выполнения заданий в дистанционном формате.

Шестой вопрос показал такую картину (рис. 6): 56% опрошенных, считают большим преимуществом дистанционного образования возможность получать образовательный контент любом доступном месте и времени. 45% – проголосовали за тезис – возможность быть на связи с преподавателем 24/7; 38% – считают положительной стороной возможность удобно организовывать и планировать свое рабочее время. 26% – проголосовали за преимущество отсутствия психологического напряжения, связанного с повышенной тревожностью нахождения в общественных местах. 45% – считают преимуществом – возможность не выпадать из образовательного процесса даже во время болезни.

Заключение

Таким образом можно сформулировать следующее *выводы.*

1. Основные тенденцию взгляда на дистанционное образование в России прослеживается в понимание необходимости и необратимости дистанционного процесса, конечно есть и противники дистанционного формата, но на волне тенденций они остаются в меньшинстве.

2. Основной блок проблем, с которыми столкнулись обучающиеся в практике применения дистанционного образования – это проблемы технического и когнитивного порядка.

3. Значимые положительные стороны дистанционного процесса проявляются во многих сторонах и в возможности получать образовательный контент в любом доступном месте, и в возможности удобно организовать и планировать свое время, а также в отсутствии психологического напряжения и шансом не выпадать из образовательного процесса даже во время болезни.

4. Основные пожелания на пути совершенствования дистанционного образования связаны, по мнению большинства, с решением технических проблем и когнитивных.

5. Развитие технологий дистанционного обучения является одним из путей развития системы образования в целом, поскольку является конструктивным решением актуальной задачи по расширению многообразия форм образовательного процесса. В условиях сложной эпидемиологической обстановки, когда реализация образовательного процесса становится возможной только в формате дистанционного обучения, работа с обучающимися должна строиться по принципу максимального вовлечения каждого учащегося в учебную деятельность. Стоит отметить, что в настоящее время потенциал дистанционной формы обучения только начинает раскрываться. В будущем, на наш взгляд, ее значение будет повышаться. По мнению ряда авторов, технология электронного обучения может быть использована для повышения качества традиционного образования, а не для изменения методов обучения.

Литература:

1. Аналитический обзор. Выпускники школ и студенты высказали мнение о дистанционном образовании [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vypuskniki-shkol-i-studenty-vyskazali-mnenie-o-distanczionnom-obrazovanii
2. Габриель Н.Л., Формирование компетенций дисциплины "История" в рамках деятельностной парадигмы // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2016. – №2. – С. 66-73.
3. Давлетова А.А., Алексеев О.А. Дистанционное обучение // Достижения науки и образования. – 2021. – №1. – С. 35-38.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования //Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34.
5. Кузьмина Л.В. Преимущества и недостатки дистанционного обучения // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – №1. – С. 8-10.
6. Леонова Е.В. Формирование общекультурных компетенций у студентов технического вуза //Высшее образование в России. – 2010. – № 2. – С. 126.
7. Наумова Н.В., Окоютова М.Г., Баишева Н.А. Возможности и проблемы дистанционного обучения в системе среднего профессионального образования // Научные междисциплинарные исследования. – 2020.
8. Новоселов Д.В., Новоселова Д.В. Дистанционное обучение в условиях пандемии // Теория и практика научных исследований. – 2020. – №3. – С. 35-39.
9. Петрова Е.В. Информационное общество: проблемы экологии человека / Е.В. Петрова // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сб. науч. ст. – Вологда: ВолГУ, 2017. – 400 с.
10. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 14.03.2020 № 397 "Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации" [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73645128/
11 Смогоржевский Д.А. Основные проблемы дистанционного обучения // STUDNET. – 2020. – Том 3. – №12. – 347-358.
12. Шатуновский В.Л., Шатуновская Е.А. Ещё раз о дистанционном обучении (организация и обеспечение дистанционного обучения) // Вестник науки и образования. – 2020. – №9-1. – С. 53-56.
13. Шафеева Э.И. Сущность и значение инновационных образовательных технологий в профессиональном образовании // Инновационная наука. – 2022. – №1. – С. 23-25.
14. Habermas, J. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsaetze. FaM. / J. Habermas. – Handlungen Sprechakte, sprachlichvermittelte Interaktionen und Lebenswelt, 1988. – 335 p.

OF STUDYING CHINESE NATIONAL TRADITIONAL MUSIC BY VOCALIST STUDENTS

Turavets Natalia Romanovna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor, member of the Union of Composers of Russia*

Xu Wenhui, *Postgraduate student*

Moscow Pedagogical State University, Moscow

The purpose of the study *is to determine the prospects for studying Chinese traditional musical culture in the context of training student vocalists. In this context, much attention is paid to modern problems of studying musical folklore in educational institutions in China.* ***The scientific novelty*** *is due to the insufficient development of theoretical approaches and practical recommendations of the main directions of the study of traditional musical art in the educational process of the university.* ***As a result,*** *the directions for the development of the course "Studying the Traditional Musical Art of China" are outlined, which helps to overcome the difficulties associated with the practical development of performing skills in a certain style; designing an educational process aimed at a positive solution to the formation of musical and aesthetic qualities of the personality of students.*

Keywords: *China's education system; vocalist training; musical folklore.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.55

УДК 378
ВАК РФ 5.8.2

© Туравец Н.Р., 2022
© Сюй В., 2022

СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СТУДЕНТАМИ-ВОКАЛИСТАМИ КИТАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКИ

Цель исследования *– определить перспективы изучения китайской традиционной музыкальной культуры в контексте подготовки студентов-вокалистов. В данном контексте большое внимание уделено современным проблемам изучения музыкального фольклора в учебных заведениях Китая.* ***Научная новизна*** *обусловлена недостаточной разработанностью теоретических подходов и практических рекомендаций основных направлений изучения традиционного музыкального искусства в учебно-воспитательном процессе вуза.* ***В результате*** *обозначены направления разработки курса "Изучение традиционного музыкального искусства Китая", способствующего преодолению трудностей, связанных с практическим освоение исполнительских навыков в определенном стиле; проектированию образовательного процесса, направленного на позитивное решение формирования музыкально-эстетических качеств личности обучающихся.*

Ключевые слова: *система образования Китая; подготовка вокалистов; музыкальный фольклор.*

Введение

Совершенствование музыкального образования в Китае ориентировано на профессиональную подготовку студентов-вокалистов, обладающих способностью к творческому развитию. В процессе подготовки обучающихся большое значение приобретает изучение национальных певческих традиций Китая. На современном этапе в вузах уделяется недостаточное внимание этническому музыкальному образованию. Национальные особенности наиболее ярко проявляются в народном музыкальном художественном творчестве, через систему мышления, мелос, жанровую специфику, манеру исполнения. Все эти характерные особенности, концентрируют черты этноса, ценности духовной культуры, которые должны изучаться студентами в вузе.

Значимыми представляются идеи философов Китая об особенностях содержания традиционного искусства, о культурных и художественных ценностях, заложенных, как в произведениях древних времен, Средневековья и, наконец, в творчестве современных композиторов, ориентированных на сохранение национальных традиций. Подготовка китайских студентов-вокалистов должна проходить на основе освоения видов традиционной музыки, таких как песни, танцевальная музыка, музыка песенных сказов, музыка местных опер и инструментальная музыка, которые являются основой нравственного воспитания обучающихся, развития творческого потенциала будущих педагогов и исполнителей. Традиционное музыкальное искусство позволяет создавать благоприятные условия для самосознания и саморазвития студентов.

Вопросы вокального обучения студентов рассматриваются в исследованиях китайских ученых. Так, например, особенности подготовки педагогических кадров в Китае обоснованы в ряде работ [8; 11] и др. Вместе с тем, недостаточное внимание уделено изучению традиционного музыкального искусства Китая в процессе обучения студентов-вокалистов. Этническое музыкальное образование еще не стало важнейшим в подготовке будущих вокалистов-педагогов и исполнителей.

Основная часть

Китай имеет многовековую национальную культуру, в которой музыка (юэ) является одной из высших форм художественной и ду-

ТУРАВЕЦ Наталья Романовна, *доктор педагогических наук, профессор, член Союза композиторов России*

СЮЙ Вэньхуэй, *аспирантка*

Московского педагогического государственного университета, Москва

ховной деятельности человека и синтезирует все самое прекрасное, гармоничное, изящное. Китайский философ Конфуций считал, что музыка является важнейшим фактором в воспитании личности. Были сформулированы нравственные основы образования. Это: человеколюбие (жэнь), ответственность (и), уважение к старшим (сяо), преданность (чжун). Указанные качества направлены на совершенствование человека, которые должны быть выработаны в процессе образования человека через приобретение знаний и навыков, на основе достижения гармонии между его разумом и чувством. Подчеркивалось, что самосовершенствование достигается посредством обучения и воспитания, формирования духовной культуры [5]. На современном этапе развития музыкального образования идеи Конфуция жизнедеятельны, имеют нравственную основу и направлены на образование и воспитание личности.

В философских трактатах выделяются основные идеи китайской культуры, заключающихся в наличия феномена традиционных ценностей: гармонии – "хэ"; передачи духовных традиций – "даодун"; образования и воспитания человека – "цзяо, сюэ". Особое значение для процесса обучения студентов-вокалистов Китая национальной традиционной музыки имеет концепция и общекультурный символ "дэ", который характеризуется активностью, самосовершенствованием души. Моральная составляющая "де" заключается в поисках добра (шань), в достижении гармонии. Китайские ученые на современном этапе трактуют понятие "де" как всеобщий характер развития человека. Так, суждение о "де" представлено в работе "История китайской мысли" под редакцией известного ученого Хоу Вайлу, утверждающего, что "де" – это "нравственная программа", "ядро моральной жизни" [7].

Подготовка студентов-вокалистов в вузах Китая связана с ориентацией на формирование внутренней гармонии, которую связывают с философско-антропологической идеей – даотун, предполагающей передачу духовного наследия к последующим поколениям на основе преемственности существующих образовательных практик, так как "понимание собственных национальных традиций есть дело исключительной важности" [5].

В музыкальном вокальном образовании Китая большое внимание уделяется: вокально-исполнительской деятельности будущего учителя музыки, что предполагает ознакомление с теоретическими и методическими основами искусства пения, изучение традиционных жанров народной музыки, формирование нравственных качеств личности [3]. Искусство пения в Китае рассматривается "как разносторонность, всеохватность знаний, умений и навыков, так и "полифункциональность" личности в какой-либо сфере" [29, с. 23]. Являясь интегративным видом искусства, вокальное обучение предполагает решение множества задач: овладение музыкальной культурой, основанной на знаниях традиций китайского искусства; воспитание качеств личности, ориентированных на уважение к традиционной культуре и др. Обучение пению должно учитывать индивидуальные способности обучающихся, формировать компетентность будущего педагога-исполнителя, который в своей практической деятельности может воспроизвести музыкальный образ, владеет своими вокальными данными, готов выразить эмоциональное содержание произведения. Происходит осознание необходимости историко-культурологического подхода в обучении, что обосновывает преемственность исторического прошлого и современных потребностей в подготовке кадров.

Ряд авторов [2; 3; 4] и др. считают, что процесс подготовки вокалистов должен учитывать традиции и опыт народного пения, имеющего свои особенности, связанные с пением на слабой динамике, наличия широкого диапазона голоса и певческого дыхания, артистических способностей и качеств сценического воплощения художественного образа. Педагоги-практики считают, что важнейшим в подготовке студентов-вокалистов является стремление к сохранению традиций. Исследователи указывают на необходимость учета европейского опыта [10], считая, что народное музыкальное искусство способно передавать традиционный опыт, формировать качества национальной идентичности на основе изучения репертуара народно-песенного творчества, музыкально-фольклорных обрядовых праздников и т.д. [6].

Вокальная методика обучения студентов в Китае учитывает опыт России, который проявляется в необходимости освоения теоретических положений в обучении пению, синтезе рационального и эмоционального компонентов в вокальной деятельности, учета индивидуальных способностей, особого внимания к стилевым особенностям вокального исполнительства. Европейский опыт способствует тому, что студенты-вокалисты успешно осваивают мировую музыкальную культуру, традиции итальянской

янкой и русской вокальных школ, играющих большое значение в становлении вокальной культуры обучающихся.

Мировые вокальные школы особое внимание уделяют работе над музыкальным образом, влияющим на личностные и профессиональные качества студентов. В Китае вокальное обучение понимают, как синтетический вид искусства, объединяющего пение, танцевальные движения и музыкальное сопровождение, что предполагает освоение навыков сценического воплощения музыкального образа. Следовательно, в подготовке студентов-вокалистов существует необходимость учета социокультурной среды, влияющей на исполнительскую деятельность. Так, широко используются сценарии фольклорных обрядовых праздников, народных песен, пекинской оперы.

Большое значение для методики вокального обучения в вузе на основе опоры на традиции китайского искусства, имеет концептуальная теория К. Леонгарда, учитывающей необходимость развития артистической натуры. Это: эмоциональная возбудимость, демонстративные черты характера, интровертность, которые присутствуют в музыкальном театре, объединяющем сольное пение, речитативы, пластическое интонирование, акробатику и т.д. [1]. В процессе вокального обучения учитывается также необходимость осмысления национального мелоса, разнообразие интонаций, характерных для традиционного искусства, единство художественного образа. Освоение китайской песни предполагает изучение характерного метроритма, вариантивности мелодий, частую смену регистров, переход на фальцет. Единство поэтического текста и музыки, связь музыки с текстом и танцем, создают неповторимое жанровое и стилевое многообразие народной песни.

Следовательно, обращение к музыкальному фольклору присуще многочисленным музыкально-педагогическим концепциям в системе музыкального образования с опорой на ряд принципов:

– подготовка студентов-вокалистов осуществляется с опорой на культурные национальные ценности;

– вокальное исполнительское мастерство включает освоение современных педагогических методов и технологий;

– необходимость приобщения к музыкальному фольклору и национальной песне;

– понимание необходимости изучения европейской певческой культуры;

– многоаспектность музыкального обучения, выражающемся в единстве пения, актерского мастерства, связи музыки и поэзии, сценического мастерства.

В учебно-воспитательном процессе должны учитываться национальные особенности музыкальной культуры, осмысленные с позиции современных педагогических задач. Содержание обучения этнической традиционной музыке едино: традиционная музыкальная культура и музыкальное образование в колледжах и вузах должно пропагандировать китайскую традиционную музыку, помогать студентам-вокалистам всесторонне изучать процесс развития китайской традиционной культуры. На данном этапе развития музыкального образования в Китае необходима разработка планов, ориентированных на подготовку одаренной личности. Сегодня все еще недостаточное внимание уделяется изучению традиционного музыкального искусства: не все преподаватели владеют методами изучения традиционного музыкального искусства. Необходимы программы и методические рекомендации для приобретения этнокультурной грамотности, совершенствования профессиональных навыков по передаче полученных знаний.

Самобытная национальная культура является основным источником традиционной музыки, имеет теснейшую связь с общественной жизнью и в полной мере обладает социальной функцией наследования этнической культуры. При повышении социально-экономического уровня страны значительно повышается качество жизни людей всех этносов, но недостатком является то, что традиционная музыка, изначально тесно связанная с общественной жизнью этноса, недостаточно изучается в учебных заведениях, не активизирует познавательную деятельность студентов.

Многочисленные китайские музыкально-педагогические концепции и системы рассматривают музыкальный фольклор как мощное средство воспитания студентов, влияния на развитие духовности и нравственности личности. Сформулированы основы изучения традиционной музыки в практике подготовки студентов в вузе:

– вокально-педагогическая подготовка представляет процесс приобщения обучаемых к культурным национальным ценностям;

– значима художественно-эстетическая направленность развития личности студентов-вокалистов;

– вокальное и педагогическое мастерство будущего учителя музыки синтезирует музы-

кально-исполнительские умения, владение современными методами и технологиями обучения;

– музыкальный фольклор является важнейшей составляющей вокального и музыкально-педагогического образования в Китае;

– интегрирующая направленность музыкального обучения студентов-вокалистов заключается в единстве вокального искусства, актерского и сценического мастерства, хореографической составляющей.

Указанные положения находят отражение в программе подготовки студентов-вокалистов на основе традиционного музыкального искусства. Целесообразно интеграционные процессы, характерные для музыкального фольклора, использовать при изучении курса "Изучение традиционного музыкального искусства Китая", целью которого является развитие художественно-нравственный качеств студентов-вокалистов. Достижение указанной цели осуществляется на основе решения следующих задач:

– сформировать у обучаемых базовых представлений о культурно-исторической основе традиционного музыкального искусства;

– освоить студентами-вокалистами основных этапов периодизации развития музыкального фольклора в Китае;

– осознать интегративные принципы музыкального фольклора Китая;

– выявить жанрово-стилевые особенности традиционного музыкального искусства Китая;

– освоить основные принципы анализа фольклорного материала;

-сформировать устойчивый познавательный интерес у студентов-вокалистов к восприятию китайской музыкальной культуры.

Указанный курс включает ряд разделов: историко-теоретический (история китайской народной музыки; особенности китайской народной музыки) и практический (восприятие китайской народной музыки; освоение жанрового-стилевых особенностей пения в традициях китайской народной музыки). Историко-теоретический раздел содержит: материал по истории китайской народной музыки; музыкальную литературу, посвящённую различным историческим эпохам; характеристику ладовых особенностей китайской народной музыки (пентатоника, особенности голосоведения, тембр, звукоизвлечение, дыхание, особенности создания художественных музыкальных образов, средств музыкальной выразительности и т.д.). Практический раздел ориентирован на формирование навыков анализа и осмысления особенностей народного музыкального искусства Китая, изучение системы средств музыкальной выразительности, характерной для фольклора, форм китайской народной музыки. В разработке курса необходимо уделить особое внимание изучению ладовой структуры китайской народной музыки (пентатоника – гун, шан, тюэ, чжи, юн); функции ладового устоя выполняет тиао (лад, тональность).

Заключение

Таким образом, особое внимание в изучении традиционной музыки следует уделять методам обучения, направленным на раскрытие художественного замысла музыкального материала; анализу музыкального фольклора; осмыслению музыкального языка жанров народной музыки. Студенты-вокалисты осваивают пение под собственный аккомпанемент, особенности воспроизведения вокально-исполнительских традиций китайской народной музыки, репертуара и др.

По окончанию освоения курса "Изучение традиционного музыкального искусства Китая", обучающиеся узнают об художественных особенностях китайской народной музыки, об исторических эпохах и направлениях развития музыкального фольклора, формируют навыки анализа музыкальной формы произведения, стиля исполнения. Изучение народного искусства открывает возможности самореализации и саморазвития студентов-вокальности в процессе обучения.

Литература:

1. Karl Leonhard – Das wissenschaftliche Werk in Zeitschriften und Sammelwerken, Band 1-3 der Schriftenreihe der Wernicke-Kleist-Leonhard-Gesellschaft. Berlin 1992, Hrsg. Helmut Beckmann, Klaus-Jurgen Neumarker, Mario Horst Lanczik, Thomas Ban und Bertalan Petho.

2. Ван Лей. Формирование вокально-сценического мастерства будущего учителя музыки: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Киев, 2010. – 20 с.

3. Ван Цзяньшу. Вокальное исполнительство как специфическая творческой деятельности // Вестник ЛНУ им. Т. Шевченко: педагогические науки – № 20 (231). – Луганск: ЛНУ, 2011. Част. 1 – С. 215-219.

4. Ван Яньпин. Формирование вокальной культуры школьников подросткового возраста / Ван Яньпин // Теория и мелодика художественного образования. – Вып. 16 – К., 2014. – С.142 -146.

5. Лю Шусянь. О новых горизонтах современной неоконфуцианской философии // Китайская философия и современная цивилизация: сб. ст. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 95 с.

6. У Ифан. Этнокультурный компонент в профессиональной подготовке учителей музыки в Китае / У Ифан // Теория и методика художественного образования. – Киев: НПУ, 2009. – Вып.7 (12) – С. 122-128.

7. Хоу Вайлу. Чжунго сысян шиган. История китайской мысли. Т. 1. – Пекин, 1980. – 26 с.
8. Цзян Шанжун. Педагогический потенциал взаимодействия систем вокального воспитания студентов в музыкально-педагогических вузах России и Китая. – М., 2019. – 195 с.
9. Цинь Цинь. Лю Шикунь, Чжоу Гуанжэнь и У Цзуцзян: три лика современного музыкального искусства Китая: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2013. – 24 с.
10. Чен Дин. Формирование вокальных навыков будущего учителя музыки на традициях Китая и России: автореф. ... дис. канд. пед. наук. – М., 2013. – 20 с.
11. Чжао Цзинь Духовно-нравственное воспитание студентов в системах музыкального образования Китая и России. – М., 2017. – 199 с.

DEVELOPMENT OF SPEECH COMPETENCE OF CHINESE PHILOLOGICAL STUDENTS BASED ON RUSSIAN WORD EQUIVALENTS

Zhuo Lei, Postgraduate student, *Peoples' Friendship University of Russia; Lecturer, Institute of Foreign Languages, Kashi University, Kashi, China*

Baryshnikova Elena Nikolaevna, *PhD of Philological sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

The article deals with the problem of developing the speech competence of Chinese philology students. Due to several factors, the ability to generate speech in Chinese language students is much lower than the ability to understand speech, which makes this study relevant. ***The purpose of our study*** *is to present ways of developing the speech competence of Chinese philology students based on Russian word equivalents.* ***As a result*** *of the study, it is stated that, as a ready-made multicomponent whole and a unit of linguistic expression, Russian word equivalents play an important role in promoting the development of the speech competence of Chinese philology students. Learning strategies can be optimized by teaching the Russian language systematically using corpus learning. This article can open new research perspectives for the development of the speech competence of Chinese philology students, as well as provide some methodological approaches to the practice of teaching speech to this category of students.*

Keywords: *speech competence; word equivalents; fragments of speech; text corpus; Chinese students; philology students; language training; methodology of teaching Russian as a foreign language.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.56

УДК 372.881.161.1
ВАК РФ 5.8.2

РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ НА ОСНОВЕ РУССКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ СЛОВА

© Чжо Лэй, 2022
© Барышникова Е.Н., 2022

В статье рассматривается проблема развития речевой компетенции китайских студентов-филологов. Из-за ряда факторов способность к генерации речи у китайских студентов-филологов намного ниже, чем способность к пониманию речи, которая делает актуальным данное исследование. ***Цель исследования*** *– представить способы развития речевой компетенции китайских студентов-филологов на основе русских эквивалентов слова.* ***В результате*** *исследования утверждается, что как готовое многокомпонентное целое и единица языкового выражения, русские эквиваленты слова играют важную роль в содействии развитию речевой компетенции китайских студентов-филологов. Стратегии обучения могут быть оптимизированы с помощью преподавания русского языка системно с применением корпусного обучения. Данная статья может открыть новые перспективы исследований для развития речевой компетенции китайских студентов-филологов, а также предоставить некоторые методологические подходы о практике преподавания речи названной категории обучающихся.*

Ключевые слова: *речевая компетенция; эквиваленты слова; фрагменты речи; текстовый корпус; китайские студенты; студенты-филологи; обучение языку; методика преподавания русского языка как иностранного.*

ЧЖО Лэй, *аспирант, Российский университет Дружбы народов; старший преподаватель, Институт иностранных языков, Кашиский университет, Каши; Китай*

БАРЫШНИКОВА Елена Николаевна, *кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва*

Введение

В связи с реализацией и строительством инициативы "Один пояс, один путь", сотрудничество между Китаем и странами вдоль маршрута (особенно с Россией и другими странами Центральной Азии) становится все более тесным в области экономики, торговли и культурного обмена. Новая ситуация межъязыкового и межкультурного

взаимопонимания и общения предъявляет повышенные требования к комплексным языковым способностям китайских студентов-филологов. "Язык – это инструмент для общения. Конечная цель обучения иностранному языку – развивать у учащихся способности к устному и письменному общению" [1,7]. Язык включает в себя два аспекта: языковые знания и речевая компетенция. Языковые знания в основном распространяются на области фонетики, грамматики, лексики, синтаксиса и т. д. "Речевая компетенция означает владение способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умение пользоваться такими способами в процессе восприятия и порождения речи" [2,251]. В "Учебной программе по русскому языку в высшей школе" (2003 г.) зафиксировано, что необходимо "уделять внимание развитию речевой коммуникативной компетенции учащихся. Развитие коммуникативной компетенции требует тесной интеграции обучения языку в контекст его использования, чтобы учебная деятельность максимально соответствовала коммуникативным потребностям. Преподавание должно быть направлено не только на обучение на основе предложений, но и на развитие коммуникативной компетенции в контексте" [1,7]. В "Национальном стандарте качества преподавания иностранных языков и литературы" (2018 г.) сказано, что "преподавание должно интегрировать изучение языка и усвоение знаний, ориентироваться на <…> развитие способности к использованию языка, межкультурных способностей, способности к размышлениям и способности к самостоятельному обучению" [3,95].

Из вышесказанного следует, что выбор темы исследования обусловлен актуальностью проблемы развития речевой компетенции китайских студентов-филологов.

С практической точки зрения овладения языком, эквиваленты слова имеют большое практическое значение в речи, что предоставляет больше возможностей для её обогащения и развития. Исходя из этого формулируется цель нашего исследования – изучение развития речевой компетенции китайских студентов-филологов на основе русских эквивалентов слова.

В соответствии с целью определены следующие *задачи*: 1) определение общих проблем, с которыми сталкиваются китайские студенты-филологи в процессе изучения русского языка; 2) обоснование преимуществ овладения русскими эквивалентами слова для развития речевой компетенции китайских студентов-филологов; 3) предложение содержания дидактического материала, способствующего улучшению речевой компетенции китайских студентов-филологов.

Для реализации вышеназванных задач применяются методы анализа научной и методической литературы, методы анализа данных, методы корпусного анализа и методы анализа и синтеза при изложении результатов исследования.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что эквиваленты слова обеспечивают эффективный и быстрый канал языкового ввода для развития контекстной речи и формирования навыков связной речи у китайских студентов-филологов. Использование эквивалентов слова как нового взгляда на развитие речевой компетенции китайских студентов-филологов обогатит подходы к развитию навыков говорения и позволит расширить их применение.

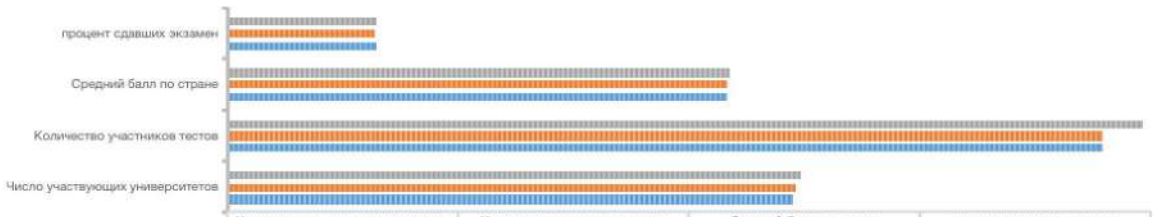
Практическая ценность работы заключается в том, что обоснование целесообразности использования эквивалентов слова для развития речевой компетенции китайских студентов-филологов в некоммуникативном языковом контексте обеспечит определенную практическую основу для преподавания языка. В то же время обучение эквивалентам слова, с точки зрения единого целого и корпуса, будет способствовать накоплению языковых знаний, приобретению аутентичного речевого материала, повышению уровня познавательного интереса обучающихся.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время специальность "Русский язык" открыта в 170 университетах Китая, единый государственный тест по этой специальности имеет более чем тридцатилетнюю историю. Результаты единого государственного теста могут быть использованы для объективной проверки реализации русской программы и фактического владения учащимися различными языковыми навыками. Как показывают результаты тестов по русскому языку (4-й уровень) (ТРЯ4) за последние три года, количество участников и процент сдавших экзамен имеют тенденцию к росту (см. рис. 1).

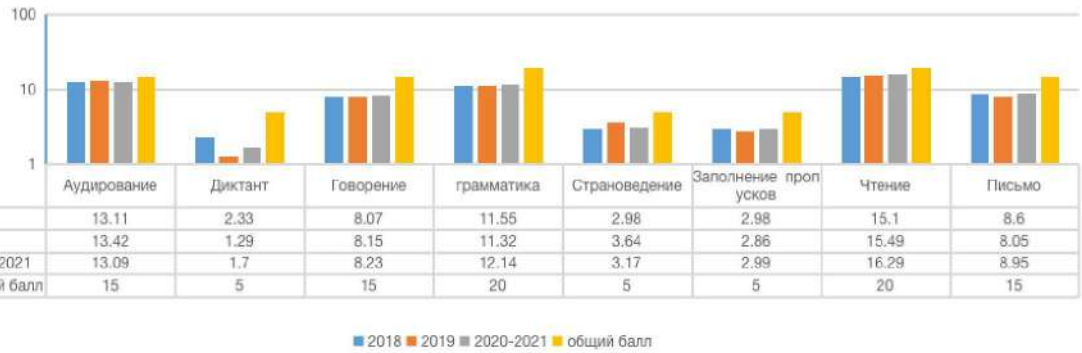
Однако, проанализировав результаты каждого подпункта теста (аудирование, диктант, говорение, заполнение пропусков, чтение, грамматика, страноведение и письмо), становится очевидным, что способность китайских студентов-филологов к генерации речи (говорение и письмо) значительно ниже, чем способность к пониманию речи (аудирование и чтение) при передаче информации и обмене

мыслями и чувствами на русском языке (см. рис. 2). Однако генерация речи, как активный речевой выход, является необходимой частью речевого общения.

	Число участвующих университетов	Количество участников тестов	Средний балл по стране	процент сдавших экзамен
2020-2021	170	14402	67.16	70%
2019	161	8427	64.07	67%
2018	152	8463	64.17	68%

Рисунок 1 – **Участие в тестах по русскому языку 4-й уровень за последние три года**

	Аудирование	Диктант	Говорение	грамматика	Страноведение	Заполнение пропусков	Чтение	Письмо
2018	13.11	2.33	8.07	11.55	2.98	2.98	15.1	8.6
2019	13.42	1.29	8.15	11.32	3.64	2.86	15.49	8.05
2020-2021	13.09	1.7	8.23	12.14	3.17	2.99	16.29	8.95
общий балл	15	5	15	20	5	5	20	15

Рисунок 2 – **Результаты тестов по русскому языку 4-й уровень за последние три года**

По сравнению с носителями языка, в процессе овладения русским языком у китайских студентов-филологов часто возникают типичные языковые ошибки, такие как буквальный перевод и неправильное сопоставление, монотонные шаблоны предложений, жесткость языка, неправильный переход и конвергенция, слабая способность к языковому выводу. В реальном речевом общении эквиваленты слова в рамках неизменяемой системы слова, как с точки зрения количества их составляющих компонентов, так и с точки зрения объема информации, которую они передают, являются большей деформационной единицей в речевом поведении. Мы полагаем, что эквиваленты слова, как важные языковые материалы для развития речи и речевого общения, могут предоставить больше возможностей для обогащения и развития речи китайских студентов-филологов.

Так называемые эквиваленты слова представляют собой типичные устойчивые сочетания, состоящие из двух и более словесных единиц. Еще в 1940-х годах В. В. Виноградов в статье "Об основных типах фразеологических единиц в русском языке" описал такие сочетания в сфере фразеологически связанных и лексических единиц. Значительное количество таких сочетаний рассматривается в "Грамматике-80" (составные предлоги, составные союзы, составные модальные частицы, беспримитивные междометия и т. д.) в соответствии с их значением и функцией. Р. П. Рогожникова проанализировала наиболее распространенные устойчивые сочетания с наречиями, служебными словами и модальными значениями и назвала их "эквивалентами слова" или "сочетаниями, эквивалентными слову" [4,112]. Эквиваленты слова, о которых идет речь в этой статье, в большинстве своем основаны на языковых единицах, содержащихся в "Толковым словаре сочетаний, эквивалентных слову" Р.П. Рогжниковой (2003), которые выполняют функции служебных и модальных слов, наречий, частиц, местоимений и междометий, зачастую использующиеся в значении сказуемого и вводных слов.

Эквиваленты слова имеют отличительные характеристики в семантике, структуре и фонетике. Порядок расположения, фонематические единицы и грамматические формы составных компонентов внутри эквивалентов слова относительно фиксированы и, как правило, неразделимы и непроницаемы. Например, *так или иначе, как бы ни, в рамках* и т. д. Даже если происходит формальное изменение компонентов некоторых эквивалентов слова, их устойчивость все равно сохраняется. Например, *как таковой (таковая, таковое, таковые)*, *так называемый (называемая, называемые)*, *ужас какой (какая, какое, какие)* т. д. С точки зрения ударения, эквиваленты слова часто имеют только одно основное ударение, а некоторые

из них имеют два ударения (например, *вероятнее всего, во всяком случае*) или не имеют ударения (например, *не без, не до*). Стоит отметить, что, хотя эквиваленты слова представляют собой словосочетания и связаны друг с другом собственной лексикой и морфологическими признаками, эквиваленты слова нельзя смешивать с сочетаниями слов и фразеологизмами. Сочетание слов должно быть сочетанием знаменательного слова со знаменательном словом на основе подчинительной связи. Фразеологизм обладает образностью. Например, ни пуха н пера, чёрная кошка пробежала, без блина не масленица и т. д. Эквиваленты слова, однако, значительно отличаются от них. Значительные слова в эквивалентах слова не обязательно теряют свое полное лексическое значение [4,111], например, лексические значения *сожаление, счастье, стыд,* например, сохраняются в словосочетании *к сожалению, к счастью, к стыду, к примеру.*

В современной лингвистике эквиваленты слова, которые структурно несвободны и лишены словообразовательных средств, хотя и рассматриваются часто как второстепенный аспект языкового выражения, могут употребляться в разных регистровых стилях, тесно связаны с выражением эмоций говорящего, составлением сложных предложений, трансляцией и соединением предложений. Особенно в разговорной речи эквиваленты слова появляются очень часто, и используются как своего рода соединение дискурса, релятивы, обмен репликами и т. д., чтобы выразить логическую взаимосвязь между дискурсами. Эквиваленты слова предоставляют программы и алгоритмы для замены языка в русском языке, способствуя развитию реализации принципы методики преподавания "от "репродуцирования" к "продуцированию"" [5,19]. Овладение учебными словами помогает специалистам по китайскому языку полностью понять модели мышления и речи носителей языка и как можно быстрее пройти межъязыковой период, тем самым уменьшая языковую ригидность во время языкового вывода. Неправильное словосочетание, логические ошибки и другие проблемы негативно влияют на беглость, точность и достоверность их речи. Усвоение эквивалентов слова помогает китайским студентам-филологам приблизиться к пониманию образа мышления и речи носителей языка и как можно быстрее пройти период необходимости языка-посредника.

Таким образом, такие проблемы, как фоссилизация, неправильное словосочетание и логические ошибки, которые появляются в языковом выводе, могут быть смягчены, а беглость, точность и аутентичность их собственного языкового выражения могут быть эффективно улучшены. Поэтому вполне обоснованно утверждать, что интенсивное обучение эквивалентам слова является одним из действенных способов повышения речевой компетенции китайских студентов-филологов.

Эквиваленты слова часто образуются в речевых потоках как слияние двух или более единиц и воспроизводятся как единое целое. С этой точки зрения, эквиваленты слова относятся к категории "кусков". Так называемые куски (от англ. chunks) – это "последовательность, непрерывная или прерывистая, слов или других смысловых элементов, которая является или кажется готовой: то есть хранится и извлекается целиком из памяти в момент использования, а не подвергается генерации или анализу грамматикой языка" [6,9]. Поэтому первое, что необходимо учитывать при обучении эквивалентам слова для китайских студентов-филологов, – это подход к фрагменту (от англ. chunk approach), который заключается в том, чтобы взять эквиваленты слова в качестве основной единицы и "педагогического центра тяжести" и представить их научно, систематически и эффективно на занятиях в виде "фрагментов". Подход к фрагменту, представленный Майклом Льюисом в 1993 году, предполагает, что в фокусе внимания обучения находятся многословные словосочетания, такие как словосочетания, устойчивые выражения, рамки предложений и цитаты. Основанный же на эквивалентах слова, такой подход направлен на улучшение понимания учащимися фрагментов и развитие их способности к поблочной загрузке языка. Учащиеся сознательно культивируют умение накапливать, идентифицировать и использовать слова при подборе учебных материалов, презентаций, взаимодействия в учебной деятельности и выполнения заданий.

В подходе к фрагменту, основанном на эквивалентах слова, большая доля внимания уделяется стандартам выбора, методам представления и практическим навыкам эквивалентам слова. Отбор содержания обучения эквивалентам слова должен осуществляться поэтапно и целенаправленно в соответствии с языковым уровнем обучающихся.

На начальном этапе при обучении эквивалентам слова плодотворно используется такая стратегия языковой обработки, как память-имитация. После того, как учащиеся получат

общее представление об основных грамматических закономерностях (о составных компонентах и синтаксических функциях эквивалентов слова), студенты должны запомнить как можно больше высокочастотных эквивалентов слова, которые используются для осуществления базовой бытовой коммуникации. Например, введение темы (*как говорится, всем известно*), сравнение темы (*с одной стороны, с другой стороны*), поворот темы (*кроме того, вместе с тем*), общий итог темы (*так вот, таким образом, то есть*) и подтверждение (*ещё бы, ну и что же*), отрицание (*вряд ли, едва ли*), побуждение (*если бы, лишь бы только*), указание (*и вот, вот именно*), ограничение (*только и всего, лишь только*) и др. Основное внимание на начальном этапе уделяется развитию способности обучающихся обнаруживать, понимать, отображать и использовать эквиваленты слова в определенных контекстах. На продвинутом этапе акцент перемещается на обучение регулярности употребления эквивалентов слова в различных контекстах дискурса и развитие у студентов более глубокого понимания и гибкого использования прагматических функций эквивалентов слова. Обучающихся ориентируют на понимание значимых связей между эквивалентами слова и построение целостной системы знаний об эквивалентах слова. На этом этапе обучающихся можно направлять на вывод больших эквивалентов слова в соответствии с их внутренними правилами, чтобы добиться положительного эффекта в развитии речевых навыков. Например, по данной и той же модели конструкции (*изо дня в день / из год в год / со дня на день*), синонимические отношения (*дело в том / причина в том / проблема в том*), антонимические отношения (*в силах / не в силах*) и т. д. Кроме того, студенты должны использовать уже освоенный ими словарный запас и эквиваленты слова для максимально возможного общения в форме связных текстов, чтобы добиться гибкого использования эквивалентов слов. При обсуждении конкретной темы можно очертить рамки эквивалентов слова, выражающие связность и переходность дискурса, такие как всем, известно...на мой взгляд, во-первых...., во-вторых..., во– третьих..., одним словом... и т. д., чтобы уменьшить нагрузку на обработку языковой информации студентами, обеспечить эффективное взаимодействие обучающихся в различных коммуникативных ситуациях и способствовать развитию языкового самовыражения. Также можно автоматизировать их речевые навыки, позволяя им практиковаться и осваивать слова в процессе подведения итогов, пересказа, комментирования.

В процессе обучения эквивалентам слова языковой материал может быть отобран не только из таких словарей, как "Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову" Р.П. Рогожниковой и "Толковый словарь служебных частей речи русского языка" Т. Ф. Ефремовой, но и из Русского национального корпуса (НКРЯ). Упражнения и задания, связанные с обучением эквивалентам слова, могут быть разработаны с помощью большого количества аутентичных языковых материалов, используемых носителями языка в НКРЯ. Согласно критериям классификации эквивалентов слова Р.П. Рогожниковой, по формальному составу компонентов среди эквивалентов слову можно разделить на четыре категории: 1) Сочетания полнозначного слова с предлогом или частицей (например, для интереса, за счёт, казалось бы, тут же и т.д.); 2) сочетания двух или более неполнозначных слов (например, вряд ли, как будто, а не то, да хоть как и т.д.); 3) сочетания несколько односложных полнозначных и неполнозначных слов (например, ещё раз, с тех пор и т.д.); 4) сочетания двух полнозначных слов (например, больше всего, главным образом, когда угодно, правду сказать, таким образом и т.д.) [7,6]. По функции в речи эквиваленты слова могут выступать не только в качестве определенной части речи в предложении, такие как: предлоги (например, во имя, вместе с, в области, в рамках и т.д.), союзы (например, а ещё, а также, а именно, так как и т.д.), наречия(например, к себе, в долгу, до того, не раз, в самом деле и т.д.) и т.д., но и в качестве таких членов предложения, как предикаты (например, в силах, в моде, без ума, к лицу и т. д.), обстоятельства (например, в то же время, до сих пор, где попало, ещё раз и т. д.) вводные слова (например, к примеру, кроме того, по сути, собственно говоря и т.д.) и т.д. В то же время к списку эквивалентов слова относятся некоторые конструкции, выступающие в качестве союзных слов или соотносительных слов в сложносочиненных предложениях (например, что ни, в зависимости от того и т. д.) и речевых оборотов, представляющих собой средства соединения предложений в речевой коммуникации (например, речь идёт о?в чём дело и т. д.). В НКРЯ имеется множество эквивалентов слов в виде наречий, предлогов, вводных оборотов, союзов, частиц и предикатных оборотов. Поэтому на основе ресурсной платформы НКРЯ может быть разработано большое количество упражнений и заданий для работы в указанном русле.

Различные темы, которые китайские студенты-филологи должны освоить после получения степени бакалавра, четко определены в "Учебной программе по русскому языку в высшей школе" (2003 г.). Среди них базовый этап, который включает 21 тему (учеба, кухня, покупка, Интернет, туризм, спорт, образование и т. д.). Продвинутый этап – 28 тем (экономическая жизнь в России и Китае, искусство и культура, русская литература, научно-технический прогресс, высшее образование и китайская культура и т. д.) [1,19]. Независимо от того, представлены ли эти темы в одном из типов занятий, таких как говорение, чтение, письмо или любой другой, все они предполагают в той или иной степени работу с эквивалентами слова. В процессе обучения может быть принята такая стратегия обучения, как "открытие – отображение – производство – резюме – развитие" с помощью НКРЯ для усиления понимания обучающихся, ввода и закрепления эквивалентов слова как языковой единицы. В качестве примера возьмём сочетание в смысле, которое представляет собой полнозначное слово с предлогом. Справедливости ради отметим, что в русском языке много эквивалентов слова, которые образуются таким же образом. В основном корпусе НКРЯ зарегистрировано 10131 функционирование лексемы "смысл" с предлогом "в", из которых 1 777 относятся к сфере политической и общественной жизни, 1 620 – к сфере личной жизни, 1 580 – к области науки и техники. Сочетание в смысле очень часто встречается в русском языке, но все еще существует определенный разрыв между китайскими студентами-филологами и носителями языка в модели использования в смысле. Перед занятием студентов можно попросить самостоятельно войти в НКРЯ в группах, выбрать примеры предложений, содержащих рассматриваемое сочетание, найти и обобщить их грамматическое значение и употребление. Если это базовый этап, то для преодоления трудностей студентов, эта работа должна провестись преподавателем. На занятии, когда речь идет о сочетании в смысле, сначала обучающиеся демонстрируют свои знания в группе, которые затем корректируются и дополняются преподавателем. В то же время студентам предлагается классифицировать употребление в смысле. Например, с помощью НКРЯ можно найти четыре употребления рассматриваемого сочетания, которое функционирует в предложении:

1) в качестве предлога. Например, "в смысле зрелищности больше повезло болельщикам Рима, где игра была на порядок веселее" (Ф. Бахтин. Двое на двое. Миланцы показали римлянам, кто в Италии главный // "Известия", 2002.12.08);

2) в качестве союза. Например, "году эдак в 1992 стою в магазине на Полянке, держусь я за карман, и тут ко мне подходит незнакомый мне граждан. В смысле женщина" (Т. Н. Толстая. Войлочный век);

3) в качестве частицы. В этом случае в смысле часто появляется в вопросительных репликах для выражения эмоций удивления, недоумения, возмущения адресата. В вопросительных репликах сочетанию в смысле придаётся выразительная интонация и предикативность в силу наличия контекста. В этом случае сочетание в смысле часто функционирует как риторический вопрос. Когда адресат спрашивает: "В смысле?", он хочет выразить "извините, я не совсем понял / поняла вас", надеясь, что адресант перефразирует сказанное, что побуждает к продолжению дискурса. Например, "– Это как с кошкой. – В смысле? – Когда сидишь в кресле, всегда хочется, чтобы она прыгнула тебе на колени" (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью);

4) в качестве наречия, употребляющегося в функции вводного слова и обычно считающегося словом-паразитом [8,91]. Например, "в смысле, что тебя, читателя, колбасит от его текстов" (Запись LiveJournal); "Вот, в смысле, так вот всё и происходит… во мне…" (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно).

Стоит отметить, что в большинстве словарей упоминается только использование в смысле в качестве предлога. Следовательно, с помощью корпуса в НКРЯ также можно разработать различные упражнения, связанные с синонимией и антонимией эквивалентов слова в смысле, такие как тест на заполнение пропусков, построение предложений, перевод, ситуативные диалоги и т. д., чтобы способствовать дальнейшему пониманию и гибкому использованию различных употреблений рассматриваемого сочетания. В результате выполнения упражнений обучающиеся приходят к выводу, что возможными синонимами для в смысле являются в отношении, относительно чего-либо, в каком-либо отношении, по отношению к чему-либо, в качестве чего-либо, то есть. Среди них замена на "то есть" обычно происходит, когда в смысле выступает в качестве союза. Другие синонимические замены обычно возникают, когда в смысле является предлогом. Преподаватели могут использовать НКРЯ для разработки упражнений для самосто-

ятельной деятельности студентов на основе в смысле, чтобы закрепить усвоение данного выражения. В НКРЯ можно найти множество различных вариантов: в том числе в каком смысле, нет смысла, не имеет смысла, есть смысл, имеет смысл и т. д., которые часто используются и могут быть охвачены при разработке заданий.

Что касается разрозненных эквивалентов слова в некоторых учебниках, то они могут быть централизованными, систематическими и тематическими, чтобы обучающиеся могли использовать как можно больше корпусов в НКРЯ для наблюдения, сравнения, анализа и обобщения и, наконец, эффективно овладеть грамматическими закономерностями и прагматическими характеристиками. Подобных примеров немало (сам по себе и сам собой, тем более и тем не менее, чуть не и чуть ли не, во всяком случае и на всякий случай, в самом деле и на самом деле и т. д.). Все из представленных обычно вызывают большие трудности в распознавании и употреблении китайскими студентами-филологами.

Омофония часто встречается в эквивалентах слова, построенных с помощью союзов и частиц или их аналогов (например, а то, да ведь, если бы и др.), наречий и предлогов или их аналогов (например, в результате, в качестве?на базе?на почве и др.), наречий и частиц или их аналогов (например, только что, как скоро, так или иначе и др.), наречий и союзов или их аналогов (например, как скоро, раньше чем и др.) и т. д. Эти синонимические, антонимические и омофонические отношения в эквивалентах слова, а также отношения между эквивалентами слова и свободными сочетаниями представляют трудность для китайских студентов-филологов, поэтому оказываются источником и основой для разработки соответствующих упражнений и заданий в процессе обучения и тестирования. Поэтому данный корпус в НКРЯ может быть рационально использован для разработки различных упражнений, таких как построение словосочетаний, исправление ошибок, создание предложений, заполнение пропусков, замена и перевод, чтобы углубить понимание, ввод и вывод эквивалентов слова, стимулируя тем самым генерацию речи обучающихся.

В дополнение к этому важно отметить, что эквиваленты слова, как продукт многолетней социальной практики русского народа, пронизаны уникальным русским менталитетом и дискурсом. Китайские студенты часто подвержены влиянию географических и человеческих факторов и отрицательному переносу родного языка при изучении эквивалентов слова, что может в определенной степени препятствовать их положительному выводу речи. Необходимо заметить, что в основе усвоения русского языка китайскими студентами лежат в большей степени знания и научное мышление их родного языка. Поэтому при обучении русскому языку китайских студентов с целью улучшения их речевой компетенции необходимо в первую очередь учитывать этноориентированную методику обучения иностранным языкам. Это включает два аспекта: внутренний, связанный с традициями, обычаями, дискурсивными особенностями, и внешний, связанный с традициями обучения и образования в стране [9,104]. Поэтому, помимо НКРЯ, важно использовать русские телесериалы, ток-шоу, скетч-драмы, журналы, газеты и другую информацию "из первых рук", а также внедрять такие мероприятия, как салоны русского языка и кружковую деятельность.

Необходимо пересмотреть глоссарий существующих учебников. Целенаправленно выявлять, обобщать и уточнять эквиваленты слова на основе приобретенного пассивного словарного запаса и с помощью "Словаря сочетаний, эквивалентных слову", а также создавать собственный корпус эквивалентов слова в соответствии с личным языковым опытом. Для глоссария недостаточно собрать только несколько слов или добавить некоторые принадлежности и значения слова. Глоссарий должен включать больше информации о лексике, включая некоторую информацию о синтаксисе, употреблениях и словосочетаниях [10,7]. Обучающимся рекомендуется запоминать и накапливать некоторые часто используемые эквиваленты слова, рекомендуется больше читать, слушать и практиковаться. Преподаватель должен объяснять студентам функции и стратегии использования различных эквивалентов слова в реальном контексте, чтобы способствовать развитию их активной речевой деятельности.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим *выводам*:

1. Развитие речевой компетенции является основным требованием для улучшения взаимопонимания, общения и самовыражения между носителями различных языков, представителями культур и цивилизаций. В настоящее время все еще существует большой разрыв между языковыми знаниями и речевыми компетенциями китайских студентов-филологов в процессе овладения русским языком.

2. Развитие речевой компетенции представляет собой динамичный процесс, требующий использования комплексных материалов, восприятия текстов с национально-культурными компонентами, создания близких к естественным учебно-речевых ситуаций. Эквиваленты слова – это языковые единицы, сочетающие в себе семантику, прагматику, риторику, контекст и интонацию, которые могут быть использованы для речевого выражения в любое время и играют важную роль в практическом процессе перехода обучающихся от приобретения чисто языковых знаний к фактической генерации речи.

3. При развитии речевой компетенции студентов можно рассматривать экватваленты слова как фрагмент речи, а не анализ языка. Проводить обучение в китайской аудитории, основываясь на эквиваленты слова, начиная с "лексического подхода", чтобы развивать у обучающихся сознательное отношение к языковым фрагментам, создавать структуру языковых фрагментов, что способствует эффективному осуществлению вербального общения. НКРЯ обнаруживает свою эффективность при обучении эквивалентам слова посредством наличия в нем большого количества ярких корпусов для создания упражнений. На их материале студенты осваивают грамматические правила и закономерности употребления эквивалентов слова в относительно реальной среде изучаемого языка.

4. Эквиваленты слова содержат модели мышления и речи носителей изучаемого языка, что необходимо для развития ситуативной и контекстуальной связной речи китайских студентов-филологов. Однако в настоящее время наблюдается явный недостаток внимания к эквивалентам слова в разработке учебных материалов и упражнений, при составлении глоссариев. Таким образом, намечается вектор дальнейших научных изысканий в практике использования русских эквивалентов слова для развития речевой компетенции китайских студентов-филологов.

Литература:

1. Учебная программа по русскому языку в высшей школе / под ред. руководящего комитета по профессиональному преподаванию иностранных языков в высшей школе. – Пекин: Изд-во по изучению и преподаванию иностранных языков, 2003. – 323 с.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
3. Национальные стандарты качества преподавания по специальностям бакалавриата в общих высших учебных заведениях / под ред. Комитета по руководству преподаванием в высших учебных заведениях. – Пекин: Издательство высшего образования, 2018.
4. Рогожникова Р. П. Об эквивалентах слова в русском языке // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 110-116.
5. Мао Шучжи. Эквиваленты слова в русском языке // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 1987. – №7. – С.15-19
6. Wray A. Formulaic language and the lexicon. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 348 p.
7. Рогожникова Р.П. Толковый словарь словосочетаний, эквивалентных слову:ок. 1500 устойчивых сочетаний русского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 416 с.
8. Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации: Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника. – М.: СГУ, 2009. – 501 с.
9. Барышникова Е. Н. Изучение русского языка в Доминиканской республике // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: В 15 т., Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 г. / Гранадский университет; фонд "Русский мир". – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 103-107.
10. Гуй Шичунь. Новое мышление в преподавании иностранных языков в нашей стране // Иностранный язык. – 2004. – № 06. – С. 2-9.

USING A BUSINESS GAME TO DEVELOP A CULTURE OF SOCIAL INTERACTION BETWEEN POLICE OFFICERS AND THE PUBLIC

Shamaev Artur Muradinovich, *senior Lecturer, North-Caucasian Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic*

The purpose of the study *is to describe the possibilities of a business game for the development of a culture of social interaction with the population among police officers.* ***The scientific novelty*** *consists in the characterization of the pedagogical resources of the business game in the aspect of the development of the culture of professional communications of police officers with various categories of citizens.* ***The result*** *of the study is the presentation of a scenario plan of a business game, which can be used in professional development of police officers and in intra-organizational training in order to improve business communication techniques, conduct crime investigations based on targeted, psychologically sound, proven communications in the game.*

Keywords: *police officers; active methods of training; business game; development of a culture of social interaction with the population; interrogation of citizens; methods of investigation of burglaries.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.57

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

© Шамаев А.М., 2022

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ С НАСЕЛЕНИЕМ

Цель исследования *– описание возможностей деловой игры для развития культуры социального взаимодействия с населением у сотрудников полиции.* ***Научная новизна*** *состоит в характеристике педагогических ресурсов деловой игры в аспекте развития культуры профессиональных коммуникаций сотрудников полиции с различными категориями граждан.* ***Результатом*** *исследования является представление сценарного плана деловой игры, который может найти применение в повышении квалификации сотрудников полиции и во внутриорганизационном обучении с целью совершенствования приемов делового общения, проведения расследования преступлений на основе адресных, психологически обоснованных, апробированных в игре, коммуникаций.*

Ключевые слова: *сотрудники полиции; активные методы обучения; деловая игра; развитие культуры социального взаимодействия с населением; допрос граждан; методика расследования квартирных краж.*

Введение

Развитая культура социального взаимодействия с населением выступает важным условием позитивного имиджа сотрудника правоохранительных органов. Современный полицейский должен стремиться к выстраиванию успешных коммуникаций с людьми, оказывать им разного рода поддержку, корректно и эффективно решать вопросы, связанные с защитой прав, безопасности и имущества граждан. От таких способностей зависит готовность населения сотрудничать с правоохранительными органами и соблюдать нормы права.

Однако, к сожалению, представители силовых структур не всегда владеют культурой социального взаимодействия с людьми. Ученые пишут, что у части населения сформировался негативный образ сотрудника полиции, как "оборотня в погонах", ориентированного на использование государственной власти в личных целях [1]. Такое отношение и недоверие к представителям государственных структур стало активно формироваться, начиная с 90 гг. прошлого века. И сегодня его достаточно сложно изменить.

Причем зачастую негативные оценки, которые даются сотрудникам полиции, основываются не на собственном опыте взаимодействия граждан с ними, а на "образах, транслируемых в средствах массовой информации: на интернет-ресурсах, телевидении" [2, с. 190].

В этой связи учеными и практиками осуществляется поиск эффективных решений, направленных на повышение уровня доверия граждан к правоохранительным структурам. Мероприятия по повышению доверия должны обеспечиваться не только деятельностью информационных служб, но и педагогическими влияниями, направленными на развитие культуры социального взаимодействия с населением у самих сотрудников полиции.

В соответствии с целью *задачами* исследования являются: 1) анализ научных исследований, посвященных вопросам отношений сотрудников полиции с населением; 2) изучение различных средств развития культуры социального взаимодействия с населением у сотрудников полиции; 3) описание возможностей деловой игры для развития указанного явления.

ШАМАЕВ Артур Мурадинович, *старший преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, Нальчик, Кабардино-Балкарская республика*

Анализ теоретических оснований исследования. Современные ученые, понимая важность конструирования общественного мнения через средства массовой информации, предлагают задействовать данный ресурс, в том числе и для формирования позитивного образа сотрудника полиции. Для повышения готовности населения к социальному взаимодействию с представителями правоохранительных органов рекомендуется также использовать продукты кинематографа, литературные произведения. Указывается, что в них дается "взгляд изнутри" на деятельность правоохранителей и прививается позитивное отношение к ним [3; 4].

Однако этого недостаточно, так как сформированный позитивный портрет сотрудника полиции должен подкрепляться реальными примерами его профессиональной деятельности, отражающими культуру социального взаимодействия с населением. Поэтому указывается на необходимость изменения стиля мышления и коммуникации самих сотрудников полиции. С.Е. Кораблев пишет о "переформатировании психологических установок, смещения доминанты профессиональной деятельности с готовности ОВД к непосредственному пресечению преступлений к активному предупредительному воздействию на факторы социальной ситуации" [5, с. 97].

Для такого "переформативирования" необходимо содействовать формированию у сотрудников полиции профессионального мышления, ценностных ориентаций, коммуникативных способностей, которые в целом образуют культуру социального взаимодействия с населением.

В качестве одного из таких средств может выступить применение активных методов обучения слушателей в системе повышения квалификации МВД России. Активные методы обучения зачастую используются для популяризации психолого-педагогических знаний у взрослого населения [6]. Такие знания, как известно, лежат в основе высокой культуры коммуникации. Активные методы позволяют обучающимся лучше усвоить информацию, систематизировать имеющиеся сведения, применить на практике свои знания.

Среди одного из популярных активных методов обучения стоит назвать деловую игру. Деловая игра рассматривается как инструмент, способствующий развитию личностных качеств, коммуникативных умений, профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел. Так, М.М. Османов раскрывает деловую игру как средство развития лидерских качеств данных сотрудников в процессе повышения квалификации. Утверждается, что деловая игра представляет "активный вид деятельности обучающихся, основанный на моделировании … и предполагающий анализ ситуации, принятие решений, апробацию поведенческих сценариев" [7, с. 96]. Это указывает на то, что внутри деловой игры задействуются и другие методы обучения: дискуссия, кейсы, моделирование.

Л.Ю. Нежкина, Н.С. Новолодская предлагают игру, цель которой заключается в формировании способности работать в коллективе, решать совместные задачи, конфликты, совершенствовать интеллектуальный и общекультурный уровень сотрудников полиции [8]. Учеными описывается алгоритм проведения игры, условия проектирования интересных сценариев. По словам А.Г. Репьева, деловая игра способствует воспитанию морально-этических качеств, умений принимать нестандартные решения, находить компромиссы, предупреждать конфликты, организовывать себя [9]. На наш взгляд, в игре безопасно, непринужденно и при этом эффектно отрабатываются различные профессиональные умения, проявляются разные эмоции ее участников, задействуются ресурсные состояния личности, расширяются не только обобщённые, но и контекстные знания.

В этой связи специалисты раскрывают требования, предъявляемые к участникам деловой игры, предлагают рекомендации ведущему, подчеркивая множество преимуществ и веер возможностей рассматриваемого метода обучения. При достаточной разработанности этого метода, мы не обнаружили исследований, связанных с использованием деловой игры для развития культуры социального взаимодействия с населением у сотрудников полиции. В этой связи возникает необходимость устранения данного упущения.

Методологическая основа научной работы. Методологическим основанием исследования выступает положение А.А. Бодалева, великого отечественного ученого, специалиста в области общения. Он утверждает, что человек в процессе общения должен отвечать принципам гуманизма, обладать психологической культурой. Указываются три составляющие такой культуры, а именно умения: "разбираться в других людях и верно оценивать их психологию, адекватно эмоционально откликаться на их поведение и состояние и выбирать по отношению к каждому из них такой способ обращения, который, не расходясь с требованиями мора-

ли и будучи направлен на утверждение идеалов, … отвечал бы индивидуальным особенностям тех, с кем приходится общаться" [10, с. 94]. Соответственно у сотрудников полиции в деловой игре важно развивать данные способности, умения, основанные на психологической культуре личности.

Результаты научного исследования

Принимая во внимание выводы наших предшественников, связанные с применением деловой игры и указаний по ее организации, представим авторскую разработку – деловую игру "Расследование кражи. Допрос населения". Зачастую успешность расследования преступлений определяется не только аналитическими качествами мышления сотрудников полиции, но и их умением собирать информацию из разных источников, получать достоверные сведения от потерпевших, свидетелей, подозреваемых. Большинство граждан владеет значительным количеством информации, необходимой для расследования, но не готовы предоставлять ее сотрудникам полиции в силу недоверия, страха, негативного отношения и пр. Поэтому тонкие психологические навыки убеждения, формирования расположения к себе, доверия и симпатии, которые сотрудники полиции могут развить в процессе подобных игр, позволят им более эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность.

Итак, раскроем характеристику авторского решения данной проблемы, а именно деловой игры "Расследование кражи. Допрос населения". Данная игра включает 3 этапа: подготовительный, основной и рефлексивный. На первом этапе преподаватель знакомит сотрудников полиции с целью и задачами, содержанием деловой игры. На втором этапе осуществляется непосредственное моделирование профессиональной ситуации, в которой сотрудники полиции взаимодействуют с "населением". На третьем этапе происходит обсуждение и оценка результативности коммуникации участников деловой игры, выполняющих роль следователя.

Группа слушателей делится на три подгруппы: одна представляет собой сотрудников правоохранительных органов, расследующих преступление, вторая – гражданское население, включающее свидетелей и потерпевших, третья – зрителей, осуществляющих экспертизу. Причем распределение по данным подгруппам осуществляется путем жеребьевки, чтобы сотрудники полиции не уклонились от участия в игре, рандомным образом получили свою роль.

Подгруппе, представляющей собой "гражданское население", выдаются карточки с указанными ролями, которые они должны проиграть в процессе деловой игры. В описании их ролей фигурирует пол, возраст граждан, их профессиональная принадлежность, особенности характера: тревожность, агрессивность, вспыльчивость, замкнутость и пр. Также отмечается уровень владения информацией о преступлении.

Подгруппе, выступающей зрителями-экспертами, дается экспертный лист (бланк наблюдения), в котором отражены основные характеристики культуры социального взаимодействия с населением у сотрудников полиции и уровни их проявления. Данной подгруппе необходимо внимательно наблюдать за моделируемыми профессиональными ситуациями и отмечать в бланке проявления, составляющие культуру социального взаимодействия сотрудников полиции с населением: убедительность, адекватная эмоциональность, личностная привлекательность, психологическая грамотность, внимательность к индивидуальным особенностям граждан и пр.

Подгруппе, представляющей сотрудников полиции, расследующих преступление, проводящих опрос потерпевшего и свидетелей, дается инструкция о характере преступления, личностях пострадавшего и свидетелей. Они знакомятся с критериями оценки своей культуры социального взаимодействия и условиями игры.

Общим для всех является описание профессиональной ситуации, которую надо разрешить сотрудникам полиции: "Сегодня, предположительно в районе полудня, было совершено ограбление пенсионерки, которая проживает на 5 этаже одноподъездного девятиэтажного дома. Женщина обратилась в подразделение полиции с просьбой найти украденные у нее 18 000 р. Со слов пострадавшей, накануне она обратилась в одну из ремонтных служб. На следующий день к ней пришла бригада, после ухода которой исчезла указанная сумма". Сотрудникам полиции необходимо провести допрос потерпевшей и потенциальных свидетелей: родственников, соседей и пр.

Далее происходит непосредственное моделирование данной служебной ситуации, проведение допроса сотрудниками полиции разных граждан, сбор информации, составление портрета подозреваемых. Сотрудникам полиции необходимо не только провести осмотр места преступления, выяснить дополнительные его обстоятельства, но и профессионально побеседовать с населением, выявить у них существенные детали происшествия, которые были упущены ранее.

Вполне очевидно, что сотрудники полиции достаточно хорошо владеют методикой расследования квартирных краж, в которую включены этапы работы со свидетелями и примерные вопросы, которые необходимо им задать. Однако в данной игре отрабатываются именно их коммуникативные умения и психологические знания, позволяющие активно взаимодействовать гражданами с учетом их возрастных, социальных, личностных характеристик на принципах сотрудничества.

К примеру, в результате применения действенных коммуникативных формул, одному сотруднику полиции удалось убедить одного из соседей потерпевшей предоставить ему доступ к информации от видеодомофона. Он смог вовлечь гражданина в расследование преступления: просмотр архивов видеозаписей, уточнение "подозрительных" лиц, определение точного времени проникновения подозреваемых в подъезд и т.п. Другой сотрудник, наоборот, создал конфликтную ситуацию, выстроив допрос ребенка без согласия родителей в моделируемой ситуации. Таким образом, в процессе игры происходило уточнение необходимых качеств и способностей, которые способствуют выстраиванию доверительных отношений с населением.

По завершению игры осуществляется обсуждение удачных и неудачных коммуникативных решений, интересных находок полицейских. Высказываются представители от каждой группы, обобщаются наиболее эффективные приемы взаимодействия с гражданами. Вполне очевидно, что в данной игре нет возможности каждому сотруднику полиции побывать во всех ролях, но это не означает, что он не делает выводов и не осваивает новые профессиональные коммуникации с различными категориями граждан.

Обсуждение выстраивается по следующим вопросам: "Каким образом удалось сотруднику полиции "разговорить" свидетеля?", "Почему у него получилось воздействовать на гражданскую позицию опрашиваемого?", "Как убедить сотрудничать со следствием гражданское население?" и пр. Задачей преподавателя, ведущего игру, является обобщение полученных выводов и формулирование рекомендаций сотрудникам полиции по совершенствованию своих коммуникативных навыков.

Заключение

Характер расследования преступлений зависит от множества факторов, одним из которых выступает культура социального взаимодействия с населением у сотрудников полиции. Такая культура развивается в разных условиях и средах, в том числе в процессе повышения квалификации представителей правоохранительных органов. Применение активных методов обучения, в частности деловой игры позволяет сотрудникам полиции в деятельностных формах усовершенствовать свои коммуникативные умения, интериоризировать профессиональные ценности, повысить общую культуру. Предлагаемый в статье сценарный план деловой игры может применяться для освоения не только методики расследования квартирных краж, но и совершенствования тонких умений социального взаимодействия с населением у сотрудников полиции.

Литература:

1. Тюнь А.П. Проблема культуры взаимодействия сотрудников полиции и гражданского населения / А.П. Тюнь // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 12. – С. 93-96.
2. Васильева И.В. Образ полицейского в общественном сознании / И.В. Васильева, О.С. Возженикова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 3 (41). – С. 183-191.
3. Гришай В.Н. Отношение населения к политике: значение и основные факторы формирования / В.Н. Гришай, А.В. Тищенко, А.В. Костюк // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – №1 (254). – С. 84-90.
4. Кораблев С.Е. Стратегии деятельности полиции в контексте построения отношений доверия с населением / С.Е. Кораблев // Научный портал МВД России. – 2013. – № 2 (22). – С. 97-107.
5. Тищенко А.В. Восприятие сотрудников полиции в современном социуме / А. В. Тищенко // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 12. – С. 219-222.
6. Ильясов Д.Ф. Активные методы популяризации научных психолого-педагогических знаний среди учителей общеобразовательных организаций / Д.Ф. Ильясов, Е. А. Селиванова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 2(51). – С. 5-18.
7. Османов М.М. Деловая игра как средство развития лидерских качеств сотрудников ОВД в процессе повышения квалификации / М.М. Османов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – №1(50). – С. 93-102.
8. Нежкина Л.Ю. Деловая игра как средство формирования профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел / Л.Ю. Нежкина, Н.С. Новолодская // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2021. – № 2. – С. 190-202.
9. Репьев А.Г. Деловая игра как активная форма проведения занятий (опыт обучения деятельности участковых уполномоченных полиции) / А.Г. Репьев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – № 1 (80). – С. 84-89.
10. Бодалев А.А. Личность и общение / А.А. Бодалев. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 328 с.

INNOVATIVE ACTIVITY OF TEACHERS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION *

Shayakhmetova Venera Ruzalievna, *PhD of Philosophy, Associate Professor, Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm*

The purpose of the study *is a methodological substantiation of certain areas of teacher training for the design of personal educational activities in the context of digitalization of the modern school. The article is devoted to the problem of the formation and development of the teacher's motivation for innovative development in the conditions of a modern digital school.* ***As a result,*** *the author of the article suggests possible ways to form a positive motivation for the innovative activity of teachers, which will be aimed at their desire and willingness to work in a constantly changing environment. In addition, the author has developed a series of trainings aimed at developing the six competencies of a teacher according to the John Hattie system. The training work of teachers is aimed at mastering by all teachers the special competencies that are in demand in the digital educational space, to increase their motivation for self-education, to update the content and improve teaching methods.*

Keywords: *general education; digitalization; innovative activity; federal state educational standards; soft skills; competence.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.58

УДК 37:01:130.2
ВАК РФ 5.8.1

© Шаяхметова В.Р., 2022

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ **

Цель исследования *– методическое обоснование отдельных направлений подготовки учителей к проектированию личной образовательной деятельности в условиях цифровизации современной школы. Статья посвящена проблеме формирования и развития мотивации педагога к инновационному развитию в условиях современной цифровой школы.* ***В результате*** *автор статьи предлагает возможные пути формирования положительной мотивации инновационной активности педагогов, которая будет направлена на их желание и готовность работать в постоянно меняющихся условиях. Кроме того, автором разработана серия тренингов, нацеленных на формирование шести компетенций учителя по системе Джона Хэтти. Тренинговая работа учителей направлена на освоение всеми педагогами специальных компетенций, востребованных в дигитальном образовательном пространстве, к повышению их мотивации к самообразованию, к обновлению содержания и совершенствованию методов обучения.*

Ключевые слова: *общее образование; цифровизация; инновационная активность; федеральные государственные образовательные стандарты; мягкие навыки; компетентность.*

ШАЯХМЕТОВА Венера Рюзальевна, *кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь*

Введение

Цифровизация в контексте системы образования может рассматриваться как решение проблемы доступности качественного образования, позволяющая интегрироваться в глобальную систему образования, сохраняя сложившиеся традиции и, при этом, конкурируя с лучшими образцами зарубежного образования. Достижение данной задачи возможно при условии, что процесс внедрения цифровизации в образовательную среду осуществляется системно, в противном случае произойдет смещение приоритетов и способов реализации данного процесса, что погрузит сферу образования в нестабильное и неустойчивое состояние. Кроме того, несистемный подход к процессу внедрения цифровизации в образовательную деятельность порождает неоднозначное отношение педагогов к инновационным процессам. Известно, что только 3% российских педагогов работают в постоянном режиме развития, 16% критикуют

* The article was prepared as part of the implementation of state assignment No. 07-00080-21-02 dated August 18, 2021 (registry entry number No. 730000F.99.1) with the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "Research of the formation and scientific and methodological support of digital formats of additional education, organization of project and research activities of students".

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания №07-00080-21-02 от 18.08.2021 г. (номер реестровой записи №730000Ф.99.1) с Министерством просвещения Российской Федерации по теме "Исследование становления и научно-методическое сопровождение цифровых форматов дополнительного образования, организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся".

любые модернизационные изменения, а остальные утверждают, что поддерживают определенные инновации, но не готовы их внести в личную педагогическую практику [1, с.173].

Целью данного исследования является методическое обоснование отдельных направлений подготовки учителей к проектированию личной образовательной деятельности в условиях цифровизации современной школы. Цель структурировала следующие *задачи*: 1) выделение социально востребованных профессиональных компетенций современного "цифрового" учителя; 2) анализ практики профессиональной деятельности учителей в новой информационной образовательной среде; 3) выявление причин снижения мотивации педагога к инновационному развитию в рамках преподаваемой предметной области.

Для осмысления степени готовности дидактико-инновационного потенциала учителей к работе в современной информационной среде, в статье применяются следующие *методы исследования*: системный анализ, позволяющий определить методологические основы совершенствования дидактико-инновационного потенциала учителей; теоретический анализ педагогической литературы с позиций тематики данного исследования; анкетирование группы педагогов и т.д.

Теоретической базой исследования послужили публикации, определяющие концептуальные и педагогические позиции функционирования информационной образовательной среды в современной школе и позицию учителя в данной среде. Готовность учителя к инновационной эффективной работе стала предметом исследования таких авторов, как Д.Б. Богоявленская, Е.А. Ямбург, М.А. Головчин и др.

Практическая значимость исследования заключается в реализации предложенной методической системы тренингов для учителей с последующей активизацией предметно-инновационной деятельности учителей в информационной образовательной среде.

Стратегический ориентир на изменение требований к формам и методам обучения заложен в Федеральных государственных образовательных стандартах общего образования (далее ФГОС), где после пересмотра его в 2021 году появилось понятие "современной школы", в которой обучающиеся получают социально востребованные компетенции (личностные, метапредметные и предметные). Данный подход требует принципиального изменения позиции всех участников образовательного процесса, в первую очередь, учителя как "Учителя будущего" или "Учителя цифровой трансформации". Современная школа дает запрос на специалистов с динамическими компетенциями, способными гибко встраивается в изменяющиеся условия. Цифровизация требует педагогов, активно работающих в сетевом взаимодействии, с виртуальной средой, в рамках дистанционного обучения и т.д., способных подготовить выпускника с компетенциями XXI века: оперирование большими объемами информации, вербальная и невербальная коммуникативность, и, в обязательном порядке, потребность в неформальном самообразовании на протяжении всей жизни. В результате знание методологии и методики современного образовательного процесса в условиях цифровой образовательной среды, знание основ педагогического проектирования и моделирования является приоритетными задачами для современного педагога. И здесь еще одним вызовом для современной школы является разрыв поколений. Большинство педагогов в России составляют длительно и стабильно работающие учителя. Их педагогическое образование не содержало современные инновационные требования цифровизации. По результатам опроса 150 педагогов школ г. Перми можно констатировать, что большинство респондентов имеют устоявшееся традиционные представления о профессиональных функциях. Для 76% респондентов, в первую очередь, учитель – это специалист с определенным набором знаний и морально-нравственными установками. 24% опрошенных отметили наряду с интеллектуальным багажом должно быть наличие творческого потенциала, который, по мнению опрошенных, является компетенцией инновационной активности в образовательном процессе. Как вывод можно отметить, что учитель стажист, с огромным опытом традиционной методики передачи знаний и молодой педагог, по-разному готовы к работе в условиях цифрового образовательного пространства, к диалогу на "цифровом" языке с подростками. Проблема консервативности большинства российских учителей неоднократно подчеркивалась министром просвещения С.С. Кравцовым: "… важно, чтобы учителя… не были чем-то застывшим, чтобы они расширяли кругозор, участвовали во всех аспектах жизни школы, много читали, были внимательны к каждому ребенку и показывали детям, как много можно достичь, живя согласно духовным ценностям, следуя моральным принципам" [2].

Основными мероприятиями, направленными на преодоление разрыва поколений в учи-

тельской среде и выравнивание числа желающий работать в цифровой образовательной среде, является переподготовка на федеральном/региональном/муниципальном уровнях. В регионах внедряется система стимулирования работников, организовываются профессиональные конкурсы. В результате учитель может выйти на либо на интеллектуальную и инновационную активность в рамках осознанной профессионально-компетентностной траектории развития, либо на выполнение формальный уровень исполнения функциональных обязанностей без обязательств участия в инновациях. Это вопрос управления качеством процесса, в котором перед каждым образовательным учреждением стоит сверхзадача – поиск новых форм мотивации проактивного поведения учителя.

Результаты исследования

Российский учитель, безусловно, заинтересован в образовательных результатах своих обучающихся, в перспективах карьерного роста, в собственном личностном и профессиональном развитии, в "интеллектуальной активности", обозначаемой как, "продолжение мыслительной деятельности человека за пределами заданной и решённой им задачи" в виде "показателя мобильности творческого потенциала личности". [3, с.14] Но государственная образовательная политика, которая находится в постоянном тренде обновления, не дает устоятся процессу формирования институциональных условий положительной мотивации инновационной активности педагогов.

В то же время, следует отметить, что разновозрастные и обладающие различными уровнями методической и житейской мудрости, учителя, могут сотрудничать в определении целевых установок профессиональной деятельности. Общими для всех педагогов сферами сотрудничества можно считать:

1) разработку и реализацию профессиональной траектории развития педагога;

2) участие в проектах (конкурсное движение, профессиональные олимпиады и т.д.);

3) работу с обучающимися групп роста (высокомотивированные обучающиеся) и групп риска (испытывающие трудности в обучении) для обеспечения качества обучения и воспитания;

4) научно-методическую/проектную/инновационную работу (диссеминация опыта через выступления на научно-методических семинарах, мастер-классы, воркшопы и публикации статей в рецензируемых журналах и т.д.).

Для активизации инновационного поведения очень важным является вовлечение учителя в новые роли: тьютор, модератор, архитектор урока, фасилитатор, дизайнер образовательной среды. Данные роли опосредованно требуют умений в области специальных цифровых компетенции, обязательно ведет к обновлению содержания и совершенствование методов обучения. Вынужденность дистанционного обучения в период пандемии способствовала не только ускоренному освоению цифровых конференц-платформ и технологий, но и сформировала общность педагогов по созданию цифровой образовательной среды, а также актуализировала образ учителя в глазах подростков. Молодые педагоги обучали учителей-стажистов организации учебного процесса в разных цифровых средах, т.е. молодой специалист способствовал развитию цифровых навыков своего учителя-наставника. Но, если в условиях пандемии дистант-обучение было "кризисным обучением в чистом виде", по меткому определению авторов исследования "Учим в любых условиях", то в настоящее время, в постпандемийном мире "…есть время сделать дистанционное обучение более целенаправленным и осмысленным, … отбросить все, что не сработало в виртуальной среде, взять на вооружение методы, оказавшиеся эффективными в сложившихся условиях" [4].

Образовательное учреждение должно выстраивать систему инновационной подготовки учителей-стажистов и молодых специалистов, опираясь на стратегию 3-х Т: Традиции, Творчество, Технологии. Фокусом кадровой политики должно стать развитие педагога с постоянным приращением методической и технологической компетентностей, с ориентацией на него как на субьекта. Наиболее эффективно данное развитие может осуществиться в процессе участия в профессиональных конкурсах, проектной деятельности, инновационных педагогических исследований. В условиях цифровизации образования наиболее эффективными для компетентностного развития специалистов являются дистанционные технологии обучения (виртуальные конкурсные площадки, медианары, воркшопы, вебинары, коворкинги и т.д.).

Ориентация на учителя как на субъекта образовательной траектории начинается с необходимости определения его статуса или места в образовательном процессе. Интериоризация педагогом ценностей инновационной деятельности позволяет выделить три уровня субъектности (табл. 1).

Таблица 1 – **Общая характеристика уровней субъектности педагога**

Уровень субъектности	Общая компетентностно-профессиональная характеристика	Преобладающие формы поведения
«Функциональный»	специалист, освоивший способы деятельности и профессионально самоопределившийся (знание нормативно-правовых, профессиональных основ деятельности)	Эталонное поведение . Воспроизведение модели педагога
«Деятельностный»	профессионально самоутвердившийся специалист с выработанным индивидуальным способом деятельности (знание основ педагогического конструирования)	Создание собственной модели педагога с постоянной рефлексией
«Взаимодействующий»	специалист, обладающий высоким уровнем методологической компетентности для проектирования образовательной деятельности в логике системно-деятельностного подхода (реализация педагогического проектирования и моделирования)	Проектирование. Созидающее творчество. Диссеминация опыта.

Как показывает исследование, более 60% опрошенных педагогов готовы к более значительным, сущностным (например, к активизации в использовании современных педагогических технологий) изменениям, при существовании организационных и мотивационных условий инновационной и интеллектуальной деятельности всех педагогов.

Анализ педагогической литературы показывает, что система стимулирования "внутренней мотивации профессионального развития учителя" [5, с.43] является наиболее эффективным способом активизации его интеллектуально-инновационной деятельности. Учитель, заинтересованный в наращивании личных профессиональных компетенций, может самостоятельно и/или при методическом сопровождении определять и формулировать свои профессиональные дефициты, отбирать формы самообразования и, впоследствии, использовать приобретенные знания и компетенции в образовательном процессе. Анкетирование показывает, что более 67% опрошенных педагогов нуждаются в системах модульного обучения, при котором контент обучения модулируется/проектируется с ориентацией на достижение персональных профессиональных целей. Не востребованы курсы повышения квалификации "обо всем – и ни о чем", т.е. такие в которых ставятся максимально широкая тематика, например, "Освоение ФГОСов третьего поколения в начальной школе" или "Организация обучения и воспитания детей в цифровых средах".

Учитель, осваивая в системно-деятельностном формате отдельные модули как целостные завершенные учебные программы, не только расширяет свои профессионально-дидактические возможности, но и дополняет комплекс личных мягких и твердых навыков так называемыми self skills.

Для соединения инновационной активности педагогов с образовательной политикой всей школьной системы можно использовать модель прикладных поощрений педагогов, соединяющая инновационную активность конкретного учителя с приоритетами образовательной политики школы и отрасли "Образование" в целом. Она должна учитывать возрастные, личностно-профессиональные, психологические и прочие особенности педагога. В сфере личностно-профессионального статуса педагога (независимо от возраста, стажа, внутренней мотивации) можно выделить феномен "интеллектуальная активность". [6]

В связи с тем, что большинство педагогов ссылаются на нехватку времени и непонимание каким должен быть результат работы, можно предложить создание личной интеллект-карты (mindmap, roadmap) в любом формате (график, схема, "дерево целей", рисунок, план-схема и т.п.), либо воспользоваться любыми ресурсами Интернета (например, шаблоны майнд-карт mindmeister.com).

Несмотря на общие требования к майнд-картам педагога в качестве обязательных элементов нужно вводить следующие:

– визуализация цели (например, вместо заявления типа "хочу профессионально расти" рекомендуем ставить конкретную, валидную цель "В 2022 году участвую в конкурсе iУчитель с результатом более 80 баллов из 110 возможных/ "Учитель года" с выходом в число финалистов муниципального/регионального этапов" – возможны различные вариации),

– алгоритм выполнения (например, "Для успешного участия в конкурсе погружаюсь в консультационные ресурсы портала Просвещение/ иной ресурс; выделяю свои сильные и слабые позиции как профессионала и т.д."),

– обзор-summary (например, "Выделенная ранее в качестве слабой позиция "отсутствие в реальном арсенале педтехнологий технологии проблемного обучения" закрыта! Сильная позиция – разработан и апробирован авторский курс проблемных кейсов по предмету").

Через постановку и реализацию целей в майнд-картах учитель приближается к форми-

рованию обязательных универсалий современного специалиста – креативность, проактивное мышление, критическое мышление. Очевидно, что учитель, умеющий визуализировать свои цели и выстраивать траекторию их достижения, донесет эту технологию до своих обучающихся [7, с.117].

На основе комплексного исследования педагогического коллектива любого ОУ можно составлять диагностические карты педагога, анализируя которые административная команда фиксирует следующие позиции развития личностно-профессиональной компетентности:

– концептуальный блок (является индивидуальным для каждого учителя в зависимости от преподаваемой предметной области) включает компоненты: академическое знание "своей" дисциплины, знание концепций смежных дисциплин, основ педагогики и методики преподавания;

– инвариантная часть – это психолого-педагогическая компетентность учителя, которая включает компетенции изложения учебной дисциплины по принципам проблемного обучения; выбора и реализации любой формы учебного процесса, соответствующей содержанию изучаемого вопроса; организации целесообразной оценочной системы знаний;

– освоение техники оптимального педагогического общения (вербальное и невербальное общение), в т.ч. в информационной среде;

– качества личности, содержащие три интегративных блока "человеческих характеристик": врожденные способности, социальный интеллект и авторитет учителя.

Педагоги при всей имеющейся на выходе из педагогического вуза теоретической подготовленности озадачиваются вопросами: "Как стать лидером в классе?", "Как заслужить авторитет коллег?". Для решения подобных проблем и целенаправленного выстраивания горизонтальной карьеры учителя (включая базисы формирования методических и методологических компетенций молодого педагога) можно проводить тренинги "Профи" и "Профи Star".

Контент данных тренингов нацелен на формирование шести компетенций учителя, выделенных Джоном Хэтти [9]:

1) ориентация на результат (способность изменить методы преподавания, если ученики не достигают цели, умение объяснить ученикам цели обучения и критерии успеха);

2) анализ своих действий (умение оценивать свои действия и анализировать, как они влияют на результаты учеников);

3) сотрудничество с коллегами (умение объединяться с коллегами для повышения учебных результатов учеников);

4) развитие (умение побуждать учеников к дополнительным усилиям);

5) индивидуальный подход (способность подбирать задания с учетом уровня учеников и внимание к их особенностям);

6) атмосфера в классе (умение выстроить с учениками доверительные отношения) (табл. 2).

Таблица 2 – **Программа тренингов "Профи" и "Профи Star"**

Тренинг «Профи»	**Тренинг «Профи Star»**
Для педагогов со стажем работы до 2 лет	Для педагогов со стажем более 3 лет
Цель: адаптация к условиям и требованиям работы в лицее, подготовка к аттестации на соответствие занимаемой должности	Цель: профессиональный рост в рамках «горизонтальной карьеры», подготовка к аттестации на первую квалификационную категорию
Первый модуль «Гласные/негласные правила»: - корпоративная культура, внутренний распорядок ОУ. Итог: собеседование	Первый модуль «Экстремальная педагогика»: - дисциплина, требования к обучающимся, требования к учителю. Итог: решение кейсов
Второй модуль «Азарт/рвение»: - выбор технологий, достаточных для успешного самостоятельного компетентного осуществления образовательной деятельности Итог: серия уроков с последующим самоанализом	Второй модуль «Мысли, как дети!»: - разработка и проведение серии мероприятий в рамках эдьютейнмента (обучение с развлечением); - проектирование программы внеурочного курса Итог: защита программы внеурочного курса
Третий модуль «Тайм-менеджмент»: - рациональное распределение рабочего времени (урок, внеклассное мероприятие, работа с журналом, работа с родителями и т.д.); - рациональное распределение личного времени (отдых, самообразование). Итог: самоанализ дневной и недельной нагрузки	Третий модуль «Преакселератор»: - проектная культура; - авторский продукт/идея в образовании. Итог: презентация и защита проекта
Четвертый модуль «Проектирование» - коррекция рабочей программы по предмету, воспитательной программы для работы с детским коллективом. Итог: подготовка рабочей документации, соответствующей предъявляемым требованиям; самоанализ педагогической деятельности; выход на аттестационную комиссию по соответствие занимаемой должности.	Четвертый модуль «Видимое обучение» и когнитивное обучение. - технологии дистанта (создание цифрового контента по своему предмету); - технологии обучения (когнитивные, фреймовые и т.д.). Итог: заполненное портфолио учителя, заявление на присвоение первой квалификационной категории.

Заключение

Таким образом, инновационная активность современных педагогов может быть достигнута при активном использовании педагогом

других, обязательных компонентов профессиональной компетентности: методической, предметной, коммуникативной, информационно-коммуникационной и др. Если в образовательном учреждении практикуется изменение форм и содержания стандартного порядка действий в тех или иных повторяющихся ситуациях, уход от унифицированной среды, то это мотивирует педагогов на самостоятельное проектирование образовательного процесса, на исполнение иных ролей, помимо учительской (тьютор, модератор образовательного события, фасилитатор, игропедагог, дизайнер педагогической среды и т.д.). Несмотря на то, что социальный запрос к современной школе меняется в условиях постоянно меняющейся социальной реальности, но сохраняется запрос на предметно-профессиональную компетентность педагога, способного оперировать цифровыми технологиями для достижения современных образовательных результатов учащихся. В этих условиях главным профессиональным качеством цифрового педагога становится готовность к инновационной активности во взаимодействии со всеми участниками образовательного процесса в школе.

Примечания:

1. Образование для сложного общества: Образовательные экосистемы для общественной трансформации. Доклад Global Education Futures. URL: https://futuref.org/educationfutures_ru (дата обращения: 12.01. 2021).
2. Кравцов С. Нашей школе есть чем гордиться // Профиль: еженедельный журнал. URL: https://profile.ru/obrazovanie/sergej-kravcov-nashej-shkole-est-chem-gorditsya-374014/ (дата обращения: 15.07.2021).
3. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. – М.: Академия, 2002. – 320 с.
4. Фишер Д., Фрей Н., Хэтти Дж. Учим в любых условиях. Онлайн образование на каждый день. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 250 с.
5 Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь. – СПб.; М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 508 с.
6. Буторина Н.В., Сапко О.В., Шаяхметова В.Р. Развитие мотивации интеллектуальной и инновационной активности педагогов в условиях современной школы // Пермский педагогический журнал. – 2020. – №11. – С. 36-40.
7. Робинсон К., Ароника Л. Школа будущего. Как вырастить талантливого ребенка. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 167 с.
8. Головчин М.А. Какой учитель нужен "школе будущего"? Применимость подхода Дж. Хэтти для российского образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – №12. – Т.12. – С. 229-242.

SOCIAL COMPONENT IN THE SYSTEM OF CONTINUOUS GENDER AND SEX EDUCATION OF ADOLESCENTS

Shumilova Elena Arkadyevna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor, Kuban State University, Krasnodar*

Osipova Victoria Evgenievna, *speech pathologist, defectologist, Kindergarten No. 55 of the Primorsky district, St. Petersburg*

IThe purpose of the study *is to theoretically substantiate the differences between the often identified concepts of "sexual" and "gender" education (enlightenment) in order to develop effective pedagogical technologies of gender education in the conditions of modern realities. Among the main tasks solved in the course of the study, we formulated the following: to identify the main cause of modern problems in the field of "chaste pedagogy" and to determine the conditions for the creation of technology for the effective implementation of gender education of adolescents. The scientifically substantiated relevance of the problem under study made it possible to identify the research field of ideas and concepts, thereby providing an opportunity to create a basis for measures to develop a pedagogical mechanism of educational influences.* ***The scientific novelty*** *lies in the theoretical substantiation of the described fundamentals of the mechanism for overcoming obstacles to harmonious pedagogical influence in the educational process of "chaste pedagogy".* ***As a result,*** *a systematizing component of the differences and identities of the concepts of "sexual" and "gender" education (enlightenment) has been identified, which can become the basis for the development of effective pedagogical mechanisms for the formation of socially approved behavior in the interactions of the sexes.*

Keywords: *sexual and gender education; social component; chaste behavior.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.59

СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ГЕНДЕРНОГО И ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ

УДК 796.01(075.8)
ВАК РФ 5.8.1

© Шумилова Е.А., 2022
© Осипова В.Е., 2022

Цель исследования *заключается в теоретическом обосновании различий часто отождествляемых понятий "половое" и "гендерное" воспитание (просвещение) для выработки эффективных педагогических технологий гендерного просвещения в условиях современных реалий. Среди основных задач, решае-*

мых в ходе исследования, нами сформулированы следующие: выявить основную причину современных проблем в области "целомудренной педагогики" и определить условия создания технологии эффективной реализации гендерного просвещения подростков. Научно обоснованная актуальность исследуемой проблемы позволили идентифицировать исследовательское поле представлений и понятий, предоставив тем самым возможность для создания основы под мероприятия по выработки педагогического механизма воспитательных воздействий. ***Научная новизна*** *заключается в теоретическом обосновании описанных основ механизма преодоления препятствий на пути гармоничного педагогического воздействия в образовательном процессе "целомудренной педагогики".* ***В результате*** *выявлен систематизирующий компонент различий и тождеств понятий "половое" и "гендерное" воспитание (просвещение), который способен стать основой для выработки действенных педагогических механизмов формирования социально одобряемого поведения во взаимодействиях полов.*

Ключевые слова: *половое и гендерное воспитание; социальная составляющая; целомудренное поведение.*

Введение

Вопросы полового воспитания не утрачивают своей актуальности до настоящего времени, систематически изменяя ракурс рассмотрения того или иного аспекта поведения полов во взаимодействиях между собой. Несмотря на присутствующую естественность (природность) взаимоотношений людей разных полов, стоит обратить внимание на наличие социальной составляющей, которая, собственно, и формирует проблемное поле, изучению которого посвящены исследовательские труды как отечественных, так и зарубежных авторов [1, 2, 5, 7, 9, 10, 11]. В качестве систематизирующего элемента всех проблемных составляющих можно назвать педагогическую деятельность, направленную на формирование устойчивых норм сознания и поведения людей разных полов. Сложность названного процесса обусловлена многообразием видов взаимодействий полов.

Теоретическое осмысление проблемы исследования. Указав на широкий диапазон разнообразия взаимодействий полов, первоначально, хотелось бы отметить наиболее важные направления, значимость которых обусловлена большим охватом решаемых проблем, среди них нами выделены следующие:

1) общее естественное бытие (сосуществование) мужчин и женщин;

2) взаимодействия между поламив призме разнообразия социальных групп, предусматривающих разность поведенческих реакций (коллеги, друзья и т.д.);

3) родственные взаимодействия;

4) парные взаимодействия, проявленные в супружестве / сожительстве.

В каждой группе из вышеперечисленных взаимодействий обязательно присутствуют как природное начало, так и его социальное проявление, которые в совокупности образуют смысловое наполнение таких понятий, как "половое" и "гендерное" воспитание, не тождественных друг другу. В качестве одной из проблем построения эффективной системы полового воспитания, мы видим в отсутствии конкретизации понимания двух этих понятий, что препятствует разработке действенных механизмов формирования нормативно поддерживаемым в обществе правилам взаимодействий.

Степень разработанности проблемы. Вопросами полового и гендерного воспитания различных категорий и возрастов посвящены

ШУМИЛОВА Елена Аркадьевна, *доктор педагогических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар*

ОСИПОВА Виктория Евгеньевна, *учитель-логопед, дефектолог, Детский сад №55 Приморского района, Санкт-Петербург*

исследования достаточно большого количества специалистов и ученых – представителей различных областей знаний. Различия в понимании и трактовании понятий, используемых в проблемном пространстве настоящего исследования, объясняются чаще всего научной сферой изучения (философия, психология, педагогика, социология, медицина и т.д.), и социальными условиями текущего этапа развития общества.

Среди наиболее значимых, с точки зрения проблематики настоящего исследования научных трудов, следует назвать: Д.В. Колесов, Л.И. Ледовских, Н.В. Сельверова, И.А. Столярчук, Л.И. Столярчук, К.М. Цыганенко, K. SHall, J. McDermottSales, K. A. Komro, J.Santelli, J. Hendriks.

Для достижения поставленной цели, перед исследованием были поставлены ряд задач, поэтапное решение которых позволит с высокой вероятностью констатировать успешность осуществленной научной работы: 1) выявить основную причину современных проблем в области "целомудренной педагогики"; 2) определить условия создания технологии эффективной реализации гендерного просвещения подростков.

Методы исследования. Достижению поставленной цели способствовал адекватный инструментарий методов исследования, среди которых: теоретический и сравнительный анализ результатов исследований в ретроспективе их проведения, обобщение и систематизация данных, полученных в ходе исследовательской деятельности в рамках основного целеполагания и установленной проблематики.

Результаты исследования и их обсуждение

Изначально, следует обратить внимание на то, что, несмотря на наличие несомненных тождеств, присутствующих в исследуемых понятиях, необходимо указать и на различия между ними, которое в большей степени проявлено в их смысловом назначении. Так, при использовании понятия "половое просвещение и воспитание" подразумевается рассмотрение вопросов, лежащих в пределах анатомических и физиологических знаний, формируемых на базе выявленных биологических особенностей развития пола [3, с. 118].

В контексте такого понимания становится очевидным, что при построении полового воспитания акцент в педагогической деятельности будет смещен в сторону медицинских средств поддержания здоровой и гармоничной сексуальной жизни воспитанников.

В случае обращения к вопросам, решение которых возлагается на педагогический процесс гендерного воспитания, основной проблематикой поиска и научного обоснования путей эффективного педагогического воздействия станетсоциальная роль мужчин и женщин, а значит, в качестве ведущего направления исследовательской деятельности выступят поведенческие реакции взаимодействующих субъектов и их последствияв жизнедеятельности общества (экономические, нравственные, правовые и т.д.) [4].

В таком случае, указанные контекстные пространства подчеркивают наличие разграничений в вопросах воздействующих механизмов и, тем самым, определяют пределы применения исследуемых понятий. В рамках настоящего исследования, на наш взгляд, было бы правомерным обращение к понятию "гендерное просвещение (воспитание)", так как именно оно позволяет осуществить адекватный отбор методов и средств педагогических воздействий, ориентированных на успешное формирование осознанного поведения гендерных групп в предлагаемых обществом социальных условиях.

Целесообразность и актуальность настоящего исследования обусловлена рядом причин, в свою очередь вызванных сложившимися на текущий момент времени противоречиями. Среди них одной из наиболее важной является отсутствие сепарации в сексуальных переживаниях детей и механизма ее успешного преодоления, без "активно-наступательных" педагогических влияний [10]. Сложившаяся к настоящему времени система рыночных взаимодействий обусловила возникновение и развитиетак называемой "психологии меркантильности", в рамках которой благополучие и успешность в глазах окружающих занимает приоритетную позицию в становлении личности современного человека [6].

Таким образом, можно наблюдать инверсионный тип половой социализации, характеризуемый целенаправленным преодолением социального неравенства полов и размыванием полоролевой поляризации их функций, проявленной в "унисексуальности" и "бисексуальности" поведения.

Разрушительность отсутствия дифференциаций в психосоциальном и, соответственно, в педагогическом воздействии негативно отражается на формируемом у ребенка сознании и поведении. Результатом подобного "равнодушия" к естественной природе ребенка становится "деградация" семейных ценностей со смещениемграниц целомудрия во взаимоотношениях полов.

В контексте высказанного предположения, сформированного в ходе теоретического анализарезультатов научных изысканий, следует обратить внимание на формулу, предложенную известным австрийским психологом З. Фрейдом: "Анатомия – это судьба" [8], которая в контексте нашего исследования позволяет сделать вывод о необходимости учета не только биологически обусловленным различиям полов, но и воспитательных воздействий.

В этой связи нам кажется правильным обращение к истокам народной педагогики, которая успешно справлялась с задачами формирования гендерного поведения, отвечающего исторически сложившимися в конкретном обществе требованиям и сформулированных норм. Причиной современных проблем в области "целомудренной педагогики" в таком случае является унифицированность применяемых воспитательных подходов, не дифференцирующих мальчиков и девочек, избегая стереотипов (априорных ориентаций).

Значимость выработки эффективного педагогического механизма гендерного просвещения, не исключающего полового воспитания, обусловлено смещением представленияв исследуемом процессе от имманентной асексуальности ребенка до признания существования детской сексуальности. Изменения в понимании изучаемого явления должны быть отражены в непрерывном педагогическом процессе, ориентированном на становление половой идентификации детей, начинаяс раннего возраста в семьеи продолжая его в рамках системы образования подростков.

При построении данного процесса должно быть учтено множество требований, в формулировки которых следует задействовать специалистов из разных областей знаний, сублимировав их усилия в педагогические воздействия, способные перевестиэнергию и нежелательные стремления ребенка (подростка) в общественно приемлемые и значимые для социума формы поведения.

Как уже указывалось нами ранее на сегодняшнем этапе развития системы полового воспитание остаётся большое поле неразрешенных вопросов, которые требуют тщательного междисциплинарного изучения для применения наиболее действенного инструментария, приемлемого в сложившихся условиях современных реалий. В частности, особого внимание к себе требует вопрос о поиске инновационных способов обеспечения коммуникативных взаимодействий между полами, которые в большей степени затрагивали все сферы деятельности современного подростка.

Кроме того, следует учитывать сформированные в условиях окружающей действительности социальные и нравственные нормы общества на данном этапе его становления. Все вышесказанное следует согласовать со специфическими особенностями физиологического развития подросткового возраста, основами гигиены. Таким образом, огромный пласт нерешенных до настоящего времени проблем лежит в пространстве социально-психолого-педагогического обеспечения педагогического процесса.

Отсутствие системности в подходе к разрешению исследуемой проблемы привело к привлечению в подобную педагогическую деятельность специалистов, обладающих недостаточной компетентностью в вопросах формирования сексуальной культуры у подростков. И последнее, на что стоит обратить внимание при попытке разъяснения низкой эффективности предпринимаемых мер это отсутствие возможных к введению в процесс обучения учебников и учебных пособий, в которых были бы:

1) полностью соблюдены требования, предъявляемые к преподаванию подобных курсов;

2) учтены потребности подростка, соответствие которым позволяло бы достичь высокого уровня мотивации к освоению знаний в области взаимоотношений полов.

Вышеназванные причины в своей совокупности образуют проблемное поле в вопросах формирования целомудренных установок, которые осложняются, согласно мнению Т.А. Долбик-Воробей, трансформационными процессами в образе культурного идеала личности, в рамках чего сформировались нынешние условия, ориентирующие подростков к дисгармоничному созреванию [41, с.79].

Всё вышеназванное усугубляется низким уровнем организации полового воспитания, реализуемого в целом и в образовательном учреждении в частности. Говоря о низком организационном уровне, чаще всего специалисты делают акцент на недостаточности профилактических мер по предотвращению венерических заболеваний, плохой информированности и отсутствие согласованности реализуемых мероприятий с индивидуально-личностными особенностями подростков, отсутствии знаний методов контрацепции, гигиены половых органов, т.е. всего того, что в большей степени относится к медицинским вопросам организации сексуального взаимодействия.

Заключение

Анализ исследовательских работ, а именно результатов, представленных в них, позволил осознать не только неутраченную актуальность затрагиваемых нами вопросов гендерно-полового просвещения (воспитания), но и обозначить ведущее направление их разрешения, не противоречащее авторским позициям отечественных и зарубежных ученых в пространстве существующих проблемных аспектов.

Согласно результатам сравнительного анализа сложившихся к настоящему времени представлений о возможностях решения проблем в процессе формирования целомудренных установок и нравственно-моральных норм, приветствуемых обществом, основной акцент в исследуемом процессе следует перенести на формировании качеств, черт и свойств, установок личности, с учетом психологии взаимодействий между биологически обусловленных различий полов.

Кроме указанного, необходимо обратить внимание на рассмотрении вопросов, лежащих в контексте построения непрерывного полоролевого образования, базирующегося на формировании первичной полоролевой идентичности, начиная с раннего детства до периода подросткового становления личности. Таким образом, в качестве основного результата теоретического исследования стало обоснования систематизирующего компонента проявленного в выявленных различиях и тождеств понятий "половое" и "гендерное" воспитание (просвещение), который способен стать основой для выработки действенных педагогических механизмов формирования социально одобряемого поведения во взаимодействиях полов.

Литература:

1. Бланц О. Б., Есина С. В. Представления о сексуальном воспитании у врачей-гинекологов, родителей и подростков. // Молодой ученый. – 2018. – № 1.1. – С. 4-7.
2. Колесов Д.В., Сельверова Н.В. Физиолого-педагогические аспекты полового созревания. – М.: ФиС, 2010. – 198 с.
3. Ледовских Н.К. Педагогические условия полоролевого развития в старшем дошкольном возрасте. – М.: Владос, 2008. – 237 с.
4. Никифорова В. А. К вопросу о половом воспитании // Молодой ученый. – 2016. – № 19 (123). – С. 374-376. [Электронный ресурс] – URL: https://moluch.ru/archive/123/33995/ (дата обращения: 26.09.2022).
5. Резер Т. М. Медико-социальные подходы к организации полового воспитания и сексуального образования // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 102-108.
6. Сексуальное просвещение молодежи: как, когда и зачем? // "Всероссийский центр изучения общественного мнения" (ВЦИОМ). [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/ index.php?id=236&uid=9427 (дата обращения: 24.09.2022).
7. Столярчук Л.И., Столярчук, И.А. Парадигмальная взаимосвязь понятий "половое", "полоролевое", "гендерное" воспитание // Фундаментальные исследования. 2013. – № 1. – С. 357-360.
8. Цыганенко К. М. Результаты опроса "Половое воспитание в России" // Молодой ученый. – 2019. – № 35 (273). – С. 165-167. [Электронный ресурс] URL: https://moluch.ru/archive/273/62167/ (дата обращения: 28.09.2022).
9. Guttmacher Institute. Sex and HIV education. (2016) State Policies in Brief. 2016. URL: https://www.guttmacher.org/statecenter/spibs/spib_SE.pdf (датаобращения: 27.09.2022).
10. Hall, K. S., McDermott Sales, J., Komro, K. A., & Santelli, J. (2016). The State of Sex Education in the United States. The Journal of adolescent health: official publication of the Society for Adolescent Medicine, 58(6), 595-597. URL: https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2016.03.032 (датаобращения: 27.09.2022).
11. Hendriks J. Relationships and sex education is now mandatory in English schools – Australia should do the same (September 8, 2020). URL: https://theconversation.com/relationships-and-sex-education-is-now-mandatory-in-englishschools-australia-should-do-the-same-144348 (датаобращения: 27.09.2022).

CONTROL OF PHYSICAL QUALITIES OF STUDENTS USING A COMPUTER PROGRAM

Yaroshenko Evgenia Valerievna, *PhD of Pedagogical sciences, Senior Lecturer*

Alekseeva Elena Nikolaevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – Branch, Volgograd State Medical University, Pyatigorsk

The purpose of this study *was to develop software capable of analyzing the quality of physical fitness of university students.* ***As a result of research activity,*** *it is necessary to consider the scientific substantiation of the relevance of the problematic aspect that prevents the optimization of the pedagogical process implemented within the framework of physical culture disciplines at the university, which made it possible to find the most optimal solution to date in the form of a computer program "Balance monitoring of physical qualities of students", providing an optimal set of tools for an objective assessment of the current level of physical fitness of students and the subsequent introduction of corrective changes in the degree of implemented pedagogical influences.*

Keywords: *information and communication technologies; monitoring activities; control; physical qualities; level of physical fitness; individually differentiated approach.*

DOI 10.24923/2222-243X.2022-45.60

УДК 796.01(075.8)
ВАК РФ 5.8.7

© Ярошенко Е.В., 2022
© Алексеева Е.Н., 2022

КОНТРОЛЬ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

Цель исследования *заключается в разработке программного обеспечения, способного осуществлять анализ качества физической подготовленности студентов вуза. В качестве* ***результата исследовательской деятельности*** *следует считать научное обоснование актуальности проблемного аспекта, препятствующего оптимизации педагогического процесса, реализуемого в рамках дисциплин по физической культуре в вузе, позволившей найти наиболее оптимальное на сегодняшний день решение в виде компьютерной программы "Балансовый мониторинг физических качеств студентов", предоставляющей оптимальный набор инструментов для объективной оценки текущего уровня физической подготовленности студентов и последующего внесения коррекционных изменений в степень реализуемых педагогических воздействий.*

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии; мониторинговые мероприятия; контроль; физические качества; уровень физической подготовленности; индивидуально-дифференцированный подход.*

Введение

Современные реалии развития общества, отраженные и демонстрируемые в различных сферах жизнетворчества человека, свидетельствует о невозможности отстранения физической культуры и спорта от информационно-коммуникационного пространства. В свою очередь, динамика изменений прикладных технологий определяют требования, предъявляемые к качеству предоставления услуг в сфере физической культуры и спорта. Сложившиеся ситуация обуславливает необходимость обращения специалистов различных областей знаний к наиболее проблемным аспектам гармоничного приложения периодически обновляемых инновационных технологий к сфере физкультурно-оздоровительной и спортивной практике [1-4; 8-11].

Теоретическое обоснование проблемы исследования. Анализ реально используемого арсенала информационно-коммуникационных технологий в образовательной практике в целом и в сфере физической культуры и спорта в частности свидетельствует об отсутствии их массового применения, несмотря на имеющиеся у них действенных инструментов и потенциала, способных существенно улучшить качество предоставляемых услуг [7, 324]. Подтверждение высказанной нами позиции можно обнаружить в работах многих отечественных исследователей. Так, в научных работах одного из ведущих специалистов в исследуемой области В.К. Бальсевича, указывается на необходимость акцентированного внимание к компьютеризации теоретического и практического обучения студентов в практике реализации требований ФГОС ВО. Автор определяет приоритетную позицию тестирующих и компьютерных программ при организации мониторинговой деятельности, решающей актуальную задачу выявления точных параметров физического состояния студентов [1, 27].

Детализируя занимаемую В.К. Бальсевичем позицию, в исследовательской деятельности И.Г. Захаровой представлены результаты эмпирической работы, подтверждающей значение применения информационно-компьютерных технологий в совершенствовании образовательного процесса в вузе. Отраженные в работах И.Г. Захаро-

ЯРОШЕНКО Евгения Валерьевна, *кандидат педагогических наук, ст. преподаватель*

АЛЕКСЕЕВА Елена Николаевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал, Волгоградский государственный медицинский университет, Пятигорск

вой данные свидетельствуют о наличии положительного эффекта в приобретении студентами на занятиях физической культурой профессиональных, информационно-коммуникационных и социальных компетенций [4, 8].

Резюмируя информационный массив, представленный в ряде исследовательских работ в рамках изучаемых нами аспектов, можно утверждать о возможности решения совокупности достаточно острых проблемных аспектов в практике организации учебных занятий по физической культуре в вузе посредством грамотного применения достижений в области информационно-коммуникационных технологий. Среди наиболее значимых задач, следует обратить внимание на увеличение значений адаптивного порога возможностей организма студенческой молодежи, развитие личностных качеств, положительно отражающихся на качестве жизни в целом и профессиональной деятельности в частности.

В контексте представленного научно обоснованного видения непосредственного применения знаний, накопленных и приобретаемых в области информационно-коммуникационных технологий, следует обратиться к понятию "соразмерность". Названная дефиниция выступает в качестве одной из важных слагаемых гармоничного физического развития человека, выраженной через оптимальное соотношение текущих уровней физических качеств, демонстрируемых им. Следует признать дискуссионность данного вопроса, требующего более детального познания в рамках исследовательской деятельности с целью подведения соответствующей научной базы. Первоначальная позиция, декларирующая необходимость соразмерного развития физических качеств студентов, основывается на наличии доказательной базы, свидетельствующей о расширении адаптационных возможностей, благоприятно отражающихся на их социальной и трудовой деятельности.

Также, следует особо подчеркнуть рост рисков утраты жизненно важных функций студентами в случае нарушения баланса в уровне развития физических качеств. Объяснение сказанному мы находим в снижении реализации имеющегося у студентов потенциала либо в развитии патологических состояний, препятствующих его накоплению. Достижение наиболее оптимальных (соразмерных) значений в параметрах физических качеств студентов возможно только с учетом ряда внешних и внутренних факторов, что возможно только при использовании индивидуально-дифференцированного. В свою очередь, оптимальное применение предоставляемого названным методологическим подходом инструментария должно осуществляться с контролем уровня физической подготовленности студентов, реализуемого на постоянной основе.

Контроль в систематическом режиме позволяет выявлять действенность осуществляемых в образовательном процессе педагогических воздействий путем вычисления оптимального соотношения и результирующего эффекта, представленного в виде динамики развития физических качеств студента. Требования, предъявляемые к подобной организации мониторинга, заключаются в доступности информационного массива, свидетельствующего об происходящих изменениях, и простоте использования. Таким образом, возникает необходимость в разработке программного обеспечения, сопровождающего учебный процесс по реализации задач физической культуры в вузе, позволяющего оперативно осуществлять оценку всей совокупности параметров развития физических качеств студентов.

Цель исследования заключается в разработке программного обеспечения способного осуществлять анализ качества физической подготовленности студентов вуза. *Задачами* исследования, призванными в ходе их разрешения достичь поставленной цели, стали: 1) научное обоснование целесообразности применения информационно-коммуникативных технологий в образовательном процессе; 2) разработка компьютерной программы "Балансовый мониторинг физических качеств студентов" для оптимизации развития физических качеств студентов разного уровня физической подготовленности с использованием современных достижений в области информационно-коммуникационных технологий.

Достижению поставленной цели способствовал соответствующий инструментарий, представленный совокупностью *методов*: теоретический научно-информационных источников, педагогический контроль, методы математической статистики и компьютерного моделирования.

Степень разработанности проблемы исследования был выявлен в ходе теоретического обоснования необходимости разрешения выявленного противоречия и поиска путей его разрешения. В ходе организации исследовательской работы были использованы основные тезисы научных трудов ряда авторов, среди которых – В.К. Бальсевич, Е.Г. Белякова, Н.С. Бакурадзе, А.В. Кокшаров, Е.В. Токарь,

О.Л. Трешева, А.В. Кокшаров, I.J. Reinen, Y.T. Sung и др.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках цели настоящего исследования и практики организации образовательного процесса по дисциплинам физической культуры, были намечены мониторинговые мероприятия, реализуемые на систематической основе в каждом учебном семестре в виде предварительного и этапного контроля. Основной задачей подобных мероприятий являлось выявление степени соразмерности развития физических качеств студентов, установление балансовых дисгармоний с учетом их индивидуальных особенностей и своевременная педагогическая работа по их устранению. Подобное комплексное мероприятие, реализуемое в практике организации образовательного процесса, предусматривает множественность действий, характеризуемых большими временными затратами [5, 158].

Непосредственная оптимизация трудоемкого педагогического процесса, объективно отражающего динамику изменений в показателях индивидуального развития физических качеств студентов, производилась на базе компьютерной программы, получившей название "Балансовый мониторинг физических качеств студентов" (3 Мб), в основу которой легла среда Visual Studio (Windows Forms, Microsoft Interop Excel, C#). Выявленные в ходе применения вышеназванной программы, отстающие в развитии физические качества каждого студента, выделялись автоматически цветовым маркером (см. рис. 1).

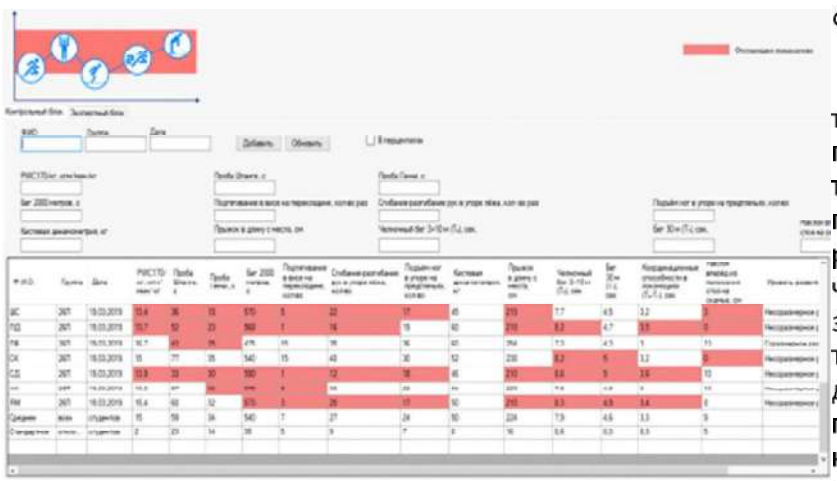

Рисунок 1 – **Пример протокола результатов тестирования**

Разработанный мониторинговый инструментарий с применением новейших достижений в области информационно-коммуникационных технологий позволяет снизить временные параметры обработки информационного массива результатов тестирования студентов, наглядно демонстрируя значения и "высвечивая" отстающие показатели в развитии физических качеств. В ходе разработки, в качестве базовых (опорных) значений использовались модельные характеристики, отражающие границы соразмерности в развитии исследуемых показателей [5; 6]. Данные границы представлены алгоритмом операционного вычисления самого низкого и высокого уровня физической подготовленности студентов.

Опираясь на выявленные данные в измеряемых показателях, впоследствии можно формировать подгруппы студентов, занятия с которыми проводятся групповым методом с учетом значений показателей развития физических качеств. Представленный на рисунке 1 протокол результатов тестирования формировался сразу по его окончанию, что предоставляло возможность для проведения коррекционных мероприятий, ориентированных на устранение дисбаланса в уровни физической подготовленности студентов, и повышении качества реализации педагогических воздействий на учебных занятиях.

Посредством предоставляемого предложенной нами компьютерной программы инструментария становится возможным, не обладая особенными навыками оценить ряд значимых с точки зрения качества предоставления образовательных услуг параметров (уровень физической подготовленности, соразмерность развития физических качеств), представив их в виде индивидуальных профилей студентов (см. рис. 2).

Заключение

Научное обоснование актуальности проблемного аспекта, препятствующего оптимизации педагогического процесса, реализуемого в рамках дисциплин по физической культуре в вузе, позволило найти наиболее оптимальное на сегодняшний день решение. Внедрение и практическое использование простого программного продукта "Балансовый мониторинг физических качеств студентов" позволяет объективно оценивать текущий уровень физической подготовленности студентов и устанавливать вида дисбаланса в развитии

физических качеств. Получаемые в этом случае сведения, свидетельствующие об индивидуальном уровне физической подготовленности студента, выступают в качестве основания для последующего внесения коррекционных изменений в степень реализуемых педагогических воздействий.

Рисунок 2 – **Пример индивидуального профиля студента**

Также, необходимо отметить сопровождаемое преимущество предложенной программы, которое представлено в качестве инструмента оптимизации профессиональной деятельности преподавателя. Резюмируя итоги исследовательской деятельности, осуществленной для достижения поставленной цели, можно констатировать значимость компьютерной программы "Балансовый мониторинг физических качеств студентов" в образовательной практике реализующей требования ФГОС ВО в оптимизации развития физических качеств студентов разного уровня физической подготовленности с использованием современных достижений в области информационно-коммуникационных технологий.

Литература:

1. Бальсевич В.К. Перспективы развития общей теории и технологии спортивной подготовки и физического воспитания // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 3. – С. 21-40.
2. Белякова Е.Г., Захарова И.Г. Социокультурное информационное пространство образования в контексте проблемы формирования личности // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2010. – № 5. – С. 11-18.
3. Витун Е.В., Бакурадзе Н.С., Нкрматова Т.В. Использование информационно-компьютерных технологий на занятиях по физической культуре в высшем учебном заведении // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 168-179.
4. Захарова И.Г. Формирование информационной образовательной среды высшего учебного заведения: автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.01 / И.Г. Захарова. – Тюмень, 2003. – 48 с.
5. Кокшаров А.В. Исследование соразмерности развития физических качеств студентов вуза // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – СПб., 2019. – № 3 (169). – С. 156-159.
6. Кокшаров А.В. Обоснование модельного уровня развития физических качеств студентов технического вуза с использованием перцентильных шкал / / Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – СПб., 2019. – № 1(167). – С. 162-166.
7. Манжелей И.В., Чернякова С.Н. Информационно-образовательные ресурсы в физическом воспитании студентов // Физическая культура и спорт в жизни студенческой молодёжи: материалы 3-й Международной научно-практической конференции. – Омск, 2017. ? С. 320-326.
8. Савельева О.В., Иванова Л.А. Анализ информационных технологий в области физической культуры и спорта // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – № 8. 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-koncept.ru/2015/15273.htm (дата обращения: 25.08.2022).
9. Самсоненко И.В., Токарь Е.В. Компьютерная программа "Оценка физического состояния студентов. Рекомендации по организации оздоровительной тренировки": характеристика, особенности работы с программой, результаты внедрения // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 3 (73). – С. 178-182.
10. Трещева О.Л., Кокшаров А.В. Формирование интереса студентов к процессу физической подготовки с использованием мобильного приложения // Теория и практика физической культуры. – 2019. – № 4. – С. 35.
11. Lai C.L. An interactive peer-assessment criteria development approach to improving students' art design performance using handheld devices // Computers and Education. – 2015. – Vol. 85 (1). – P. 149-159.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

"KANT" (ISSN 2222-243X, Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83359 от 7 июня 2022 года) – *научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа. Периодичность выхода – четыре раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь). Издание рекомендовано ВАК и предназначено для ученых, докторантов и аспирантов.* Импакт-фактор РИНЦ 2019 – 0,730. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся (в том числе в электронном виде) статьи по различным областям экономической и социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК России по следующим отраслям наук: 5.2. Экономика; 5.7. Философия; 5.8. Педагогика.

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии ***со следующими требованиями.***

• ***Текстовый редактор*** – Microsoft Word.

• ***Формат –*** А4.

• ***Поля –*** 2 см со всех сторон.

• ***Шрифт –*** Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

• ***Размер шрифта –*** 14.

• ***Межстрочный интервал –*** 1,5.

• ***Абзацный отступ –*** 1,25.

• ***Ориентация –*** книжная, без простановки страниц, без переносов, желательно без постраничных сносок.

• ***Редактор формул –*** пакет Microsoft Office (MathType).

• ***Графики, таблицы и рисунки –*** черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

• ***УДК*** (см., например: http://teacode.com/online/udc/ или http://udk-codes.net/).

• ***Соответствие научному направлению.***

• ***Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.*** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по тематике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 700–1000 печатных знаков.

• ***Ключевые слова и фразы на русском и английском языках*** (не менее 7–10).

• ***Фамилия, имя, отчество автора(ов)*** (жирным шрифтом), ***полное название представляемой организации (вуза), e-mail*** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

• ***Название статьи –*** по центру, без отступа, прописными буквами.

• ***Текст статьи*** – выравнивание по ширине.

• ***Список использованной литературы,*** оформленный согласно ГОСТу 7.0.5.2008, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

• Рекомендуемый объем материалов 0,98-1,95 печ. л. (12-24 стр.) с учетом библиографических ссылок.

1.2. *Оформление сносок:*

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка пристатейной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008.

Издания под заголовком индивидуального автора:

Хабарова Л.П. Неденежные расчеты: учет и налогообложение / Л.П. Хабарова. – М. : Финансы и статистика, 1998. – 100 с.

Статьи из журналов и сборников:

Рябова Р.Н. Налоговые аспекты учетной политики // Бухгалтерский вестник. – 2002. – № 3. – С. 147-158.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Фалейтор А. Сегментирование рынка // Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marketing.spb.ru/read/article/a18.htm.

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Воспитательный процесс в высшей школе России : Межвузовская научно-практическая конференция; 26-27 сентября 2001 г. / под ред. А.Б. Борисова. – Новосибирск : НГАВТ, 2001. – 157 с.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности : дис. … канд. экон. наук. – М., 2002. – 215 с.

Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

Учебные издания:

Бахвалов Н.С. Численные методы : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов. – 2-е изд. – М. : Физматлит ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с. ; ил.

1.10. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.11. Статьи и сопровождающие материалы принимаются по электронной почте (адрес редакции: info@stavrolit.ru). Именем файла является фамилия автора кириллицей (например: Иванов.docx, Иванов.doc).

1.12. Статьи принимаются на e-mail Редакции (с квитанцией об оплате после утверждения статьи к публикации): **info@stavrolit.ru; igla_fatal@mail.ru.**

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ РАЗДЕЛОВ "ПЕДАГОГИКА", "ФИЛОСОФИЯ" И "ЭКОНОМИКА"

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегию журнала.

2.2. Статьи принимаются на основе рецензирования в целях обеспечения высокого научно-теоретического уровня изданий, отбора наиболее ценных и актуальных (перспективных) научных работ. Рецензирование всех статей осуществляется в соответствии с требованиями этики научных публикаций с учетом времени, необходимого авторам на доработку статей по замечаниям рецензентов, а также на повторную экспертизу рукописей, может составлять один месяц и более. Рецензии на статьи должны быть предоставлены в виде сканированной копии документа хорошего качества (.pdf). Один рецензент не может рекомендовать к публикации в течение года более двух статей, а также не может быть ее автором (соавтором).

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (*далее* – редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутренне рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.
- *Адекватность и современность методов исследования* и статистической обработки материалов.
- *Достаточность материала исследования.*
- *Корректность обсуждения полученных результатов.*
- *Соответствие выводов цели и задачам исследования.*

- *Качество проработки литературных источников (список литературы).*
- *Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.*
- *Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала* и их соответствие излагаемой теме.
- *Качество оформления статьи:* стиль, терминология, формулировки.
- *В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы* о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходимости ее доработки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

2.12. Публикации финансируются издательством, вузами, научными и другими организациями, в том числе за счет средств грантов.

3. ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЯВКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЬИ

Заявка на публикацию должна содержать:

3.1. Сведения об авторе(ах) в отдельном файле:
Фамилия, имя, отчество_____
Ученая степень (при наличии)_____
Ученое звание (при наличии)_____
Место работы_____
Занимаемая должность_____
Почтовый адрес с ИНДЕКСОМ (для пересылки авторского экземпляра журнала)_____
_____
Адрес электронной почты (e-mail) (для переписки с автором по вопросам публикации)_____
Контактный телефон (обязательно!! для выяснения срочных вопросов)_____
Название статьи_____

3.2. Копии диплома кандидата (доктора) наук и аттестата доцента (профессора) при их наличии (необходимо отсканировать или сфотографировать документы и прислать в составе заявки в электронном виде).

3.3. Текст научной статьи, оформленной согласно указанным ниже требованиям. Обращаем внимание авторов, что редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи, оформленные с нарушением требований.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 *Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)*

4. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Marketing research in the management of strategic and tactical phases of the formation of consumer purchase decisions

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD of Economics, Senior Professor, Depatrment of Economics and Managment, Moscow State University, Moscow

The purpose of the study is to trace <...>. The publication considers <...>. ***The scientific novelty*** is<...>. ***As a result,*** it is established that <...>.

Keywords: marketing research; desk research; field study; initial information; secondary information; algorithm market research; consumer behavior.

Иванов Иван Иванович, кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра Экономики и менеджмента, Московский государственный университет, Москва
ivanov.ii@mail.ru

Цель исследования – проследить <...>. В публикации рассмотрены <...>. ***Научная новизна*** заключается в <...>. ***В результате*** установлено, что <...>.

Ключевые слова: маркетинговое исследование; кабинетное исследование; полевое исследование; первичная информация; вторичная информация; алгоритм маркетинговых исследований; потребительское поведение.

Экономика

УДК 339.13

5.2.3

Иванов И.И.

Маркетинговые исследования в управлении стратегическими и тактическими этапами формирования потребительского решения о покупке

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

1.

2.